

Московский государственный
институт международных отношений
(Университет) МИД России

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

События и документы

Под редакцией

доктора политических наук А. Д. Богатурова

2-е издание, исправленное и дополненное

*Допущено Учебно-методическим объединением
вузов Российской Федерации по образованию
в области международных отношений*

*в качестве учебного пособия для студентов высших учебных
заведений, обучающихся по направлениям подготовки
«Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение»*

Москва

2014

УДК 327
ББК 66.4
М43

Издание подготовлено при поддержке
члена Попечительского совета МГИМО
Ф. К. Шодиева

Редакторы
к.и.н. *И. В. Болгова*, к.и.н. *А. Л. Чечевишников*

Авторский коллектив
А. Д. Богатуров (введение, гл. 2, 3, 6, 7, заключение),
А. С. Дундич (гл. 4, 6), В. Г. Коргун (гл. 3, 4), О. А. Тимофеев (гл. 1, 2, 3, 5),
Е. Ф. Троицкий (гл. 6, 7), М. А. Хрусталеv (гл. 6)

Общее введение подготовлено И. Д. Звягельской

Составители документального раздела
И. В. Болгова, А. С. Дундич, Е. Ф. Троицкий, О. А. Тимофеев

Международные отношения в Центральной Азии: События и докумен-
М43 **ты:** Учеб. пособие для студентов вузов / А. Д. Богатуров, А. С. Дундич,
В. Г. Коргун и др.; отв. ред. А. Д. Богатуров. — 2-е изд., испр. и доп. — М.:
Издательство «Аспект Пресс», 2014. — 560 с.: цв. вкл.

ISBN 978–5–7567–0753–3

Книга — первая в российской науке версия комплексной истории формирования подсистемы международных отношений в Центральной Азии после распада Советского Союза. В работе дана краткая предыстория современных международных отношений в регионе и представлена их эволюция в последние два десятилетия. Основное внимание уделено периоду 1991–2008 гг., когда развитие международных отношений в Центральной Азии приобрело новые логику, стимулы и траектории.

Издание адресовано российским и зарубежным специалистам по Центральной Азии, преподавателям, научным сотрудникам, аспирантам, магистрантам и студентам университетов по направлениям «международные отношения», «зарубежное регионоведение», «история» и «политология».

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978–5–7567–0753–3

© Коллектив авторов, 2014
© МГИМО (У) МИД России, 2014
© ЗАО Издательство «Аспект Пресс»,
2014

Все учебники издательства «Аспект Пресс» на сайте
www.aspectpress.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (И. Д. Звягельская)	11
------------------------------------	----

Часть I СОБЫТИЯ

Введение. Центральная Азия в международной политике	25
--	----

Международно-политическая среда Центральной Азии (26). Политико-психологический фон региона (29). Фактор политического реформирования в региональных отношениях (31). Особенности внешнеполитического поведения стран региона (34). Концепция «отложенного нейтралитета» (37). Становление этнополитических соотношений в регионе (39). «Сдвоенная» система политического управления в республиках советской Средней Азии и Казахстане (42)

Глава 1. Историко-политическая платформа и предыстория международных отношений в Центральной Азии	48
--	----

Исторические особенности геополитического положения региона (49). Становление территориальных идентичностей (50). Центральная Азия в эпоху персидских и эллинистических завоеваний (55). Территории региона в составе Кушанского царства и Парфии (57). Становление Центральноазиатского торгового коридора (59). Тюркский каганат (60). Арабские и китайские завоевания (61). Особенности распространения ислама (63). Создание эмирата Саманидов (65). Возникновение уйгурского государства Кочо (66). Государство Караханидов и возвышение Хорезма (68). Разорение Центральной Азии монголами (71). Земли региона в составе государства Тимура (74)

Глава 2. Международно-политическое развитие Центральной Азии в XVIII–XIX веках	77
---	----

Государство кочевых узбеков и формирование Казахской орды (78). Обо-собление киргизов в региональных отношениях (81). Образование узбекских ханств в Бухаре и Хиве (82). Политическое и экономическое развитие Бухары и Хивы (80). Возвышение династий ходжей в Кашгарии (87). Покорение Джунгарии Китаем и раскол исторического Туркестана (89). Переход Младшего казахского жуза под протекторат России (92). Особенности развития Центральной Азии (93). Этническое расселение в регионе (95). Политика России и Великобритании в регионе (95). Возвышение Коканда и отношения Кокандского ханства с Китаем (97). Соперничество и войны Коканда с Бухарой (100). Отношения России с Кокандом (100). Окончательное присоединение казахских кочевий к России (101). Вмешательство Коканда и России в политические конфликты в Синьцзяне (1864–1871) (103). Установление протекторатов России над Бухарским эмиратом (1868–1873) и Хивинским ханством (1873) (105). Присоединение ферганских земель Коканда и Южной Киргизии к России (1876) (110). Политика Великобритании в регионе и установление британского протектората над Афганистаном (1879–1880) (112). Разграничение владений России и Китая в Туркестане и ликвидация уйгурских и дунганских ханств в Синьцзяне (117). Войны в туркменских оазисах и присоединение Закаспия к России (1881–1884) (119). Русско-

афганский конфликт 1885 года и новые «афганские разграничения» (123). Возникновение «линии Дюранда» (1893) (125)

Глава 3. Международные отношения в регионе в первой половине XX века 127

Экспансия Британии в Тибете и русско-британское соглашение 1907 года о Персии, Афганистане и Тибете (127). Фактор исламского обновленчества (джадидизма) (129). Ситуация в годы Первой мировой войны и восстание коренного населения русских владений в Центральной Азии (1916) (130). Падение самодержавия в России и становление политики советской власти в регионе (132). Ситуация в Западном Туркестане и Закаспии (133). Антисоветское сопротивление в Центральной Азии (136). Влияние Ирана на ситуацию в регионе (138). Третья афгано-британская война и политическое урегулирование отношений Советской России с Афганистаном и Ираном (139). Сотрудничество советских и китайских властей против белогвардейских частей на территории Синьцзяна (143). Присоединение Бухары и Хивы к Советской России (146). Подход большевиков к этно-административному размежеванию в Центральной Азии (152). Образование союзных советских республик (154). Ликвидация международно-политической базы британского влияния в Закаспии (160). Гражданский конфликт в Афганистане в отношении между странами региона в конце 1920-х — начале 1930-х годов (162). Сотрудничество советских и китайских властей против «Хотанского эмирата» (165). Ситуация в советской части Центральной Азии в годы Второй мировой войны (170). Отношение к войне в странах, сопредельных с Советским Союзом (173). Вопрос о Восточно-Туркестанской Республике в советско-китайских отношениях (176)

Глава 4. Исторические территории Центральной Азии в составе сопредельных государств во второй половине XX века 183

Среднеазиатские республики и Казахстан в составе Советского Союза в 1945–1953 годах (183). Становление экономической специализации региона (187). Специфика результатов экономической политики в Центральной Азии в период десталинизации (189). Освоение целинных земель и изменение этнодемографических соотношений в Казахстане (192). Интеграция Синьцзяна в политическое пространство КНР (194). Социально-экономическое развитие СУАР в годы «большого скачка» (198). Изменение кадровой политики центральных органов власти СССР в союзных республиках (201). Регионально-клановый фактор в развитии республик Центральной Азии (204). Ситуация в регионе в 1950–1970-х годах (212). Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР в годы «культурной революции» (214). Ситуация на южных рубежах Центральной Азии в связи с вмешательством СССР в Афганистане (1979–1989) (217). Особенности обстановки в советской Средней Азии и Казахстане в годы «перестройки» (220). Феномен «обратной дискриминации» (222). Общественно-политическое брожение в регионе накануне распада СССР (225). Провозглашение независимости республик Центральной Азии и создание СНГ (230). Становление структур внешнеполитической деятельности новых государств (232). Проблематика водопользования в регионе (235)

Глава 5. Формирование нового международно-политического пространства Центральной Азии (1991–1996) 239

Особенности становления международных отношений независимого Казахстана (240). Казахская версия евразийской идеи (245). Узбекистан в условиях противостояния с исламским экстремизмом (246). Возможности военно-политического сотрудничества в рамках Ташкентского договора (252). Обострение ситуации в Северном Афганистане и его последствия (254). «Узбекская» и «таджикская» национальные идеи в отношениях Узбекистана, Таджикистана и Афганистана (256). Начало гражданской войны в Таджикистане (257). Становление нейтрализма Туркмении (263). Обострение проблемы наркотрафика (265). Разногласия между малыми и средними странами по территориальным проблемам (266). Становление внешнеполитической ориентации Киргизии (267). Пограничные проблемы в отношениях бывших республик СССР с Китаем (269). Начало «шанхайского процесса» (271). Установление отношений государств Центральной Азии с Турцией, Ираном и Пакистаном (273). Пределы взаимодействия на основе исламской солидарности (276). Возникновение механизма горизонтальных связей молодых государств (279). Отношения стран Центральной Азии с Россией (281). Проблема «русских вне России» (283). Присутствие США в регионе (286). Положение в Синьцзяне (289). Начальный этап развития межгосударственных отношений малых и средних стран региона с КНР (291)

Глава 6. Стабилизация региональной подсистемы (1997–2000) 295

Ситуация в Южном Туркестане после прихода к власти талибов в Афганистане (295). Прекращение гражданской войны в Таджикистане (июнь 1997) (296). Межгосударственные противоречия в Ферганском оазисе (301). Ситуация в годы войны между талибами и Северным альянсом (302). Сотрудничество центральноазиатских стран на многосторонней основе без участия России (304). «Балансирование» во внешней политике Узбекистана (307). Вооруженные конфликты в Южной Фергане («события в Баткене») и трансформации политики Узбекистана (309). Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (сентябрь 1999) (315). «Анклавная модернизация» в странах региона (316). Параметры проблемы наркотрафика (318). Эволюция подходов стран Центральной Азии к отношениям с Россией (319). Создание ЕврАзЭС (321)

Глава 7. Международные отношения в регионе в 2000-х годах 327

Образование Шанхайской организации сотрудничества (июнь 2001) (328). Заключение российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (329). Война США против талибов и ее влияние на региональную ситуацию (330). Образование ОДКБ и сотрудничество малых и средних стран с Россией (334). Военно-политические связи государств региона с США (336). Война США против Ирака и ее влияние (338). Региональные последствия «тюльпанной революции» в Киргизии (341). События 7 апреля 2010 года и смена власти в Бишкеке (334). Обострение конфликта в Южной Фергане («события в Андижане») (351). Политика освоения западных районов КНР и ситуация в СУАР (354). Российско-китайское сотрудничество (356). Многостороннее взаимодействие по линии ШОС (359). Отношения с Россией в международных приоритетах малых и средних стран (361). Подходы к оценке экономического

развития новых независимых государств Центральной Азии (368). «Гидрополитическое оружие» (371). «Транспортная геополитика» в Центральной Азии (375). Потенциал экспорта энергоносителей и электроэнергии из малых и средних стран (379). «Трубопроводная дипломатия» (381). Международно-политические параметры наркоторговли (386). Кризис проекта «демократизации Афганистана» и новое обострение ситуации в Южном Туркестане (389)

Заключение	392
-------------------------	-----

Часть II ДОКУМЕНТЫ

Раздел 1. ИСТОРИЯ	395
1. Мирный договор между Россией и Персией («Гюлистанский мирный договор»). Голистан, 24 октября (5 ноября) 1813 г.	395
2. Мирный договор между Россией и Персией («Туркманчайский мирный договор»). Туркманчай, 10 (22) февраля 1828 г.	397
3. Трактат между Россией и Китаем об определении взаимных отношений. Тянь-Цзинь, 1 (13) июня 1858 г.	399
4. Российско-китайский договор о границах и взаимной торговле («Айгунский договор»). Айхунь, 16 (28) мая 1858 г.	400
5. Дополнительный договор между Россией и Дайцинской империей («Пекинский договор»). Пекин, 2 (14) ноября 1860 г.	401
6. Именной Императорский Указ об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства, данный Сенату 11 (23) июля 1867 года	402
7. Мирный договор между Россией и Хивой («Гандемянский мирный договор»). Гандемян, 12 (24) августа 1873 г.	403
8. Договор о дружбе между Россией и Бухарой. Шаар (Шахрисабз), 28 сентября (10 октября) 1873 г.	405
9. Договор об Илийском крае между Россией и Китаем («Ливадийский договор»). Ливадия, 20 сентября (2 октября) 1879 г.	408
10. Договор между Россией и Китаем об Илийском крае («Санкт-Петербургский договор»). Санкт-Петербург, 12 (24) февраля 1881 г.	413
11. Соглашение между Россией и Великобританией о разграничении афганских владений («Второе афганское разграничение»). Лондон, 29 августа (10 сентября) 1885 г.	415
12. Соглашение между эмиром Афганистана Абдуррахман-ханом и сэром Генри Мортимером Дюрандом, вице-королем Британской Индии. Кабул, 12 ноября 1893 г. («Линия Дюранда»)	417
13. Нота российского посла в Лондоне Стаалю к статс-секретарю по иностранным делам Великобритании графу Кимберлею. К соглашению между Россией и Великобританией о разграничении сфер влияния в области Памиров («Третье афганское разграничение»). Лондон, 27 февраля (11 марта) 1895 г.	418
14. Конвенция между Россией и Великобританией по делам Персии, Афганистана и Тибета. Санкт-Петербург, 18 (31) августа 1907 г.	419
15. Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой. Пекин, 31 мая 1924 г.	423
16. Договор о гарантии и нейтралитете между Союзом Советских Социалистических Республик и Ираном (Персией). Москва, 1 октября 1927 г.	424

17. Договор о дружбе и союзе между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой («Договор о союзе с Гоминьданом»). Москва, 14 августа 1945 г.	425
18. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой. Москва, 14 февраля 1950 г.	426
Раздел 2. СОВРЕМЕННОСТЬ	427
19. К народам Республик Средней Азии и Казахстана. Обращение руководителей Узбекской Советской Социалистической Республики, Казахской Советской Социалистической Республики, Киргизской Советской Социалистической Республики, Таджикской Советской Социалистической Республики, Туркменской Советской Социалистической Республики. Алма-Ата, 23 июня 1990 г.	427
20. Договор между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Казахской Советской Социалистической Республикой. Москва, 1 февраля 1991 г.	428
21. Соглашение между Республикой Казахстан, Республикой Кыргызстан, Республикой Узбекистан, Республикой Таджикистан и Туркменистаном «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников». Алма-Ата, 18 февраля 1992 г.	429
22. Договор о коллективной безопасности (в 1992–1999 годах — «Ташкентский договор»). Ташкент, 15 мая 1992 г.	430
23. Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Республикой Казахстан и Туркменистаном. Ашхабад, 19 мая 1992 г.	433
24. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Казахстан. Москва, 25 мая 1992 г.	434
25. Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк, 5 октября 1992 г.	443
26. Протокол о поправках к Измирскому договору. Решение Исламабадского чрезвычайного заседания Совета министров Организации экономического сотрудничества (ОЭС) о присоединении государств Центральной Азии, Азербайджана и Афганистана. Исламабад, 28 ноября 1992 г.	444
27. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Комиссией Европейских Сообществ об учреждении, привилегиях и иммунитетах Представительства Комиссии Европейских Сообществ в Республике Казахстан. Брюссель, 2 февраля 1993 г.	446
28. Меморандум по переговорному процессу в Таджикистане. Тегеран, 4 марта 1994 г.	446
29. Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о военном сотрудничестве. Москва, 28 марта 1994 г.	447
30. Договор аренды комплекса «Байконур» между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан. Москва, 10 декабря 1994 г.	449
31. Договор о создании Единого экономического пространства между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан. Чолпон-Ата, 30 апреля 1994 г.	450
32. Договор между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о правовом статусе граждан Республики Казахстан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, и граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Республики Казахстан. Москва, 20 января 1995 г.	453

33. Стратегический курс России с государствами—участниками Содружества Независимых Государств. Утвержден Указом № 940 Президента Российской Федерации. Москва, 14 сентября 1995 г.	455
34. Обращение участников 14-го раунда Межтаджикского диалога в рамках Дартмутской конференции к Президенту Республики Таджикистан Эмомали Рахмонову, лидеру Объединенной таджикской оппозиции Саиду Абдулло Нури, руководству международных организаций и стран-наблюдателей, руководителям официальных делегаций на междатджикских переговорах. Ашхабад, 30 ноября 1995 г.	458
35. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН А/50/80 «Постоянный нейтралитет Туркменистана». Нью-Йорк, 12 декабря 1995 г.	458
36. Сепаратизм в Синьцзяне	459
а) Проект создания Фронта национального освобождения Восточного Туркестана. [Алматы] 1995 г.	459
б) Политическая программа Фронта национального освобождения Восточного Туркестана. [Алматы] 1995 г.	460
в) Программа Организации освобождения Уйгурстана. Принята IV съездом ООУ. [Алматы] 1995 г.	461
37. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы. Шанхай, 26 апреля 1996 г.	462
38. Измирский договор о внесении изменений в текст Измирского договора 1977 года о создании Организации экономического сотрудничества (ОЭС). Измир, 14 сентября 1996 г.	465
39. Договор о вечной дружбе между Республикой Узбекистан, Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой. Бишкек, 10 января 1997 г.	467
40. Алматинская декларация об экологической безопасности в Центральной Азии. Алматы, 28 февраля 1997 г.	468
41. Меморандум 21-го раунда Межтаджикского диалога «О процессе национального примирения и формирования гражданского общества в Таджикистане». Москва, 9–11 февраля 1998 г.	469
42. Соглашение между Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Узбекистан об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья. Бишкек, 17 марта 1998 г.	470
43. Федеральный закон Российской Федерации «О борьбе с терроризмом». Москва, 9 июля 1998 г.	472
44. Предложения Министерства обороны Кыргызской Республики в отношении реализации программы «Финансирование военных проектов за рубежом». Письмо военному атташе США в Киргизии подполковнику Чарльзу Сквайерзу. Бишкек, 5 марта 1999 г.	473
45. Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан. Москва, 16 апреля 1999 г.	474
46. Пресс-релиз посольства Республики Узбекистан в Кыргызской Республике. Бишкек, 25 августа 1999 г.	476
47. Совместное заявление министров иностранных дел Республики Узбекистан, Кыргызской Республики, Республики Казахстан и Республики Таджикистан относительно ситуации в Кыргызстане. Ош, 28 августа 1999 г.	477

48. Письмо министра обороны Кыргызской Республики Э. Топоева заместителю председателя Центрального военного совета, министру обороны Китайской Народной Республики генерал-полковнику Чи Хаотяню. Бишкек, сентябрь 1999 г.	478
49. Заявление МИД Кыргызской Республики. Бишкек, 6 сентября 1999 г.	478
50. Донесение министру обороны Кыргызской Республики генерал-майору Э. Топоеву «О встрече с Послом Королевства Бельгии в странах ЦА и Азербайджане». Брюссель, 14 сентября 1999 г.	479
51. Заявление МИД Республики Таджикистан. Душанбе, 16 сентября 2000 г.	480
52. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Астана, 10 октября 2000 г.	481
53. Ялтинская хартия ГУУАМ. Ялта, 7 июня 2001 г.	482
54. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества. Шанхай, 15 июня 2001 г.	483
55. Алматинский акт Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СМВДА). Алматы, 4 июня 2002 г.	485
56. Устав Организации Договора о коллективной безопасности. Кишинев, 7 октября 2002 г.	487
57. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой. Пекин, 23 декабря 2002 г.	489
58. Выступление Президента России В. В. Путина на российской авиационной базе. Кант (Киргизия), 23 октября 2003 г.	491
59. Договор о союзнических отношениях между Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой. Астана, 25 декабря 2003 г.	492
60. Доклад председателю постоянного комитета ОБСЕ послу Янешу Ленарчичу. «Цели и задачи ОБСЕ в связи с событиями в Кыргызстане». Бишкек, 7 апреля 2005 г.	493
61. Пресс-релиз исламской организации «Хизб ут-Тахрир» о событиях в Андижане. 21 мая 2005 г.	496
62. События в Андижане в восприятии сторонников узбекского правительства. По материалам публикации Айдына Гударзи «Андижан. Май 2005–2006. Комментарий без грифа “Секретно”»	497
63. Совместная декларация Китая и Казахстана об установлении и развитии стратегического партнерства. Астана, 4 июля 2005 г.	500
64. Доклад Ричарда А. Баучера, помощника госсекретаря США по вопросам Южной и Центральной Азии Подкомитету по Ближнему Востоку и Центральной Азии в составе Комитета Палаты представителей по международным отношениям. «Политика США в Центральной Азии: баланс приоритетов (Часть II)». Вашингтон, 26 апреля 2006 г.	501
65. Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Семипалатинск, 8 сентября 2006 г.	504
66. Казахстанско-американское совместное заявление. Вашингтон, 29 сентября 2006 г.	506
67. Совместное заявление Президента Кыргызской Республики К. С. Бакиева и Президента Республики Узбекистан И. А. Каримова. Ташкент, 3 октября 2006 г.	507
68. Совместная декларация Президента Республики Казахстан, Президента Российской Федерации и Президента Туркменистана о строительстве Прикаспийского газопровода. Туркменбаши, 12 мая 2007 г.	508
69. Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств—членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. Душанбе, 23 августа 2008 г.	508

70. Соглашение Организации Договора о коллективной безопасности «О Коллективных силах оперативного реагирования». Москва, 14 июня 2009 г.	510
71. Договор России, Белоруссии и Казахстана о Таможенном кодексе таможенного союза. Минск, 27 ноября 2009 г.	511
72. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по реализации плана действий по укреплению двустороннего сотрудничества между Республикой Узбекистан и Соединенными Штатами Америки на 2010 год». Ташкент, 11 января 2010 г.	511
73. Обращение премьер-министра Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева к премьер-министру Республики Таджикистан А. Г. Акилову. 4 февраля 2010 г.	512
74. Декрет Временного Правительства Кыргызской Республики ВП № 30 «О лишении К. Бакиева статуса неприкосновенности». Бишкек, 26 апреля 2010 г.	514
75. Декларация десятого заседания Совета глав государств—членов Шанхайской организации сотрудничества. Ташкент, 11 июня 2010 г.	515
76. Декрет Временного правительства Кыргызской Республики «О разрешении применения боевого оружия на поражение». Бишкек, 12 июня 2010 г.	516
77. Совместное заявление Президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в связи с ситуацией в Киргизской Республике. Вашингтон, 24 июня 2010 г.	517
78. Совместное заявление Президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки по Афганистану. Вашингтон, 24 июня 2010 г.	518
Хронология	519
Указатель имен	533
Династии государств Центральной Азии	556
Сведения об авторах	559

ВВЕДЕНИЕ

Представляемая читателю книга «Международные отношения в Центральной Азии», впервые изданная в 2011 году, является важнейшим фундаментальным исследованием принципиальных проблем региона, не утратившим своей актуальности. Обозначенные в нем тенденции и векторы развития Центральноазиатского региона сохранились и, очевидно, сохраняют свою направленность в будущем. Переиздание этого коллективного труда к 70-летию МГИМО (У) МИД России потребовало лишь незначительных дополнений конъюнктурного характера, обусловленных стремительными изменениями политического ландшафта на глобальном и региональном уровнях.

За годы независимости Центральная Азия стала регионом, обладающим особой геополитической значимостью, где сталкиваются, остаются параллельными или порой совмещаются интересы различных региональных и глобальных игроков и где одновременно существуют возможности как для сотрудничества, так и для углубления соперничества. Она не может не подвергаться воздействию стремительно развивающихся глобальных трендов, которые, очевидно, изменяют ставший привычным политический ландшафт. Все более различающиеся трактовки национального суверенитета, территориальной целостности, роли военного вмешательства, представленные главными акторами на мировой арене, были вызовом и для России, и для государств региона. Намерение РФ играть важную роль в строительстве нового миропорядка подвели, как представляется, черту под системой взаимоотношений глобальных игроков, порожденной результатами Второй мировой войны. Мир вступил в период, отличающийся неопределенностью, связанной, в том числе, и со спецификой принятия решений в государствах все более узкой группой лиц, со все большей оглядкой на внутривнутриполитический расклад сил, вне зависимости от доминирующей политической модели.

Взросший активизм российской политики, руководство которой даже в условиях экономического кризиса пыталось выровнять сложившуюся за последние годы асимметрию в отношениях между РФ и Западом и побудить своих партнеров-оппонентов больше учитывать российские интересы; присоединение Крыма и Севастополя и кризис на Украине; наметившиеся новые элементы противостояния во взаимоотношениях глобальных держав; продолжающиеся изменения в арабском мире — все это в комплексе влияет на ситуацию в Центральной Азии и имеет отношение к безопасности расположенных в регионе государств.

Слабость и аморфность существующих в регионе институтов, отсутствие ясных и понятных правил игры делают центральноазиатские страны открытыми для различных внешнеполитических влияний. При этом сами они заинтересованы в сохранении разновекторности, в развитии отношений с различными международными игроками. Помимо главных сил, влияющих на ситуацию в регионе (Россия, США, Китай, ЕС), большую роль всегда играли региональные державы — Турция, Иран, а также Индия, Афганистан, Пакистан, некоторые арабские страны. В последние годы обозначился и прорыв в регион новых акторов. Так, обращает на себя внимание активность Катара, политика которого приобрела четко выраженное международное измерение.

За годы независимости существенно изменились сами государства Центральной Азии. Они прошли постсоветскую стадию развития и вступают в новый этап. Это диктуется быстрой сменой поколений и появлением молодежи, не знавшей СССР, не учившейся в советских школах и далекой от пропагандировавшейся тогда системы ценностей. Отдаленность провинции от городской жизни, отсутствие доступа к различным источникам информации, возрождение и укрепление традиционных институтов привели к тому, что сельская среда стала более архаизированной. Русский язык теряет там свои позиции в отличие от крупных городских центров, где он все же остается для многих языком общения, где имеются высшие учебные заведения и школы с преподаванием русского языка, средства массовой информации. Увеличивается разрыв между классом людей, получающих хорошее образование на родине и за границей и приобщающихся к мировой культуре, и основной массой населения. Оно сталкивается с недостатками национальной системы образования и социальной политики, с произволом чиновников. Разрыв между быстро модернизирующейся частью населения и остальным обществом, в том числе имущественный, увеличивается. Анклавная модернизация (по-разному проявляющаяся в разных государствах региона) ведет, как правило, к углублению фрагментированности обществ, к появлению социальных и этнических линий напряженности. С культурной точки зрения государства стали за годы независимости более этнонациональными, заимствуя при этом элементы культурного кода народов Западной Азии, Ближнего и Среднего Востока. Это проявляется в архитектуре, в одежде, украшении жилища и т.п.

Региональные отношения. В Центральной Азии традиционно существует весьма сложный клубок противоречий, завязанный в своей основе на проведенное еще в 1920—1930-е годы национально-территориальное размежевание общего для различных этнических групп пространства. Латентные территориальные, водно-энергетические, этнополитические конфликты начали выходить на первый план в результате получения независимости — в составе СССР общее пространство фактически сохранялось, так как над всем доминировал союзный Центр, границы были

административными, федерализация — условной, экономическая взаимозависимость — очень сильной. Обретение суверенитета и формирование системы национальных интересов у стран Центральной Азии неизбежно отдаляли их друг от друга, обостряли старые и порождали новые опасения и фобии, превратив дремавшие проблемы в источник трений и столкновений.

Кроме того, мощные негосударственные акторы со своими эгоистическими устремлениями, такие как криминальные группировки, наркокартели, радикальные исламистские организации, заинтересованные в обеспечении своего влияния, легко раскачивают хрупкий региональный баланс. Киргизско-узбекский конфликт на юге Киргизии, вышедший по своей значимости за рамки республики, сложные таджикско-узбекские отношения, стычки на киргизско-таджикской границе, переросшие в серьезные военные столкновения в районе Баткент — Исфара в январе 2014 года, имели большой дестабилизирующий потенциал.

При этом вопрос о создании региональной системы безопасности остается открытым, несмотря на наличие отдельных ее элементов, к которым можно отнести ШОС и ОДКБ. Разнонаправленность интересов основных региональных игроков, их сложные отношения друг с другом, одновременная ориентация на различные глобальные силы — как западные, так и восточные, их восприятие в мире в качестве открытых для влияния государств, вынужденное балансирование между различными центрами силы в конечном итоге создают серьезные препятствия на пути консолидации усилий в рамках единой системы безопасности.

Существующие внутренние противоречия в регионе, особенно вокруг не решаемых два десятилетия проблем, способны при определенных условиях привести к обострению региональной напряженности. Особенно острой остается, например, водно-энергетическая проблема. Узбекистан, Казахстан и Туркменистан зависят от поставок воды из Киргизии и Таджикистана, где находятся верховья Сырдарьи и Амударьи. Крупные гидроэлектростанции, которые возводились не только для производства электроэнергии, но прежде всего для ирригационных целей, к концу 1990-х годов были переведены на энергетический режим работы. Но сама система была ориентирована на ирригационные нагрузки, т.е. пик водопользования приходился на вегетационный (весенне-летний) период. Благополучие 15 млн человек и водообеспечение более 1,5 млн га земель зависят от водных ресурсов этой системы. Энергетический режим требует увеличения водопользования в зимний период. В результате неготовности принять в зимний период большой объем воды пастбища и орошаемые земли в низовье рек бывали затоплены. Особые опасения у Узбекистана, Туркмении и Казахстана до сих пор вызывает ситуация, при которой Киргизия и Таджикистан могли бы (даже чисто теоретически) контролировать поступающую к ним воду или создавать ее запасы. С большой настороженностью относится Узбеки-

стан к намерениям правительства Таджикистана достроить Рогунскую ГЭС, сооружение которой было начало еще при Советском Союзе, но затем заморожено.

Остроту водных проблем могло бы снизить внедрение современных методов орошения, позволяющих положить конец расточительному использованию и потере воды, но этот процесс идет крайне медленно.

Внутриполитические проблемы. Утверждение, что внутренние вызовы представляют главную роль угрозу безопасности государств Центральной Азии и соответственно стабильности в регионе, давно стало truизмом. В отсутствие прозрачных и всем понятных правил преемственности власти уход лидеров, в течение многих лет управлявших центральноазиатскими государствами, может привести к политическому вакууму, которым и воспользуются силы, стремящиеся к дестабилизации, прежде всего —наиболее организованные исламские радикалы, готовые предложить иную модель развития. Хотя внутренние вызовы играют лидирующую роль, тем не менее подобный сценарий (даже при возможных вариантах) представляется слишком прямолинейным и не стоит на первом месте по степени вероятности. Он совершенно не учитывает возможности достижения консенсуса элит, особенно в ведущих государствах региона — Казахстане и Узбекистане, который был бы способен обеспечить плавный властный переход. Туркменистан занимает особое место в Центральной Азии. Он дал пример мягкого перехода власти к новому лидеру на базе достигнутых между властными силами договоренностей. Ожидать серьезных внутриполитических перемен в этой стране не стоит. Новый руководитель пришел, судя по всему, надолго, общество остается в целом патриархальным и довольствуется скромными государственными субсидиями.

В более сложном положении находятся Киргизия и Таджикистан, где в условиях слаборазвитой политической культуры и эгоизма элит, а также на фоне тяжелой социально-экономической ситуации возможны внутренние взрывы, по крайней мере локальные, связанные или не связанные с проблемой преемственности власти. Отсутствие перспектив, бедность и архаичность делают положение в этих странах взрывоопасным: существует мощный «горючий потенциал», особенно на юге. Правительства не полностью контролируют территорию, причем в Киргизии это приводило даже к неподчинению центру руководителей отдельных регионов.

Главные причины недовольства, очень сходные в различных странах и регионах постсоветского пространства, лежат в социальной сфере. Именно здесь кроются возможные истоки нестабильности, связанные с политической моделью (симбиоз власти и собственности), коррупцией, разрывом в доходах, продвижением на ведущие позиции групп солидарности, ведущие в итоге к кризису социального контракта. Недовольство возрастает в условиях глобального экономического кризи-

са, а также под влиянием демонстрационного эффекта «арабского пробуждения» и событий на Украине. Вносятся коррективы в привычное отношение к власти, к понятиям законности и порядка, к демократии и стабильности, к роли и вмешательству внешних сил в процессы внутренних изменений. Все большее внимание общества концентрируется на ценностных установках, на особом пути развития, присущем народам Центральной Азии, на историческом нарративе, который нередко принципиально отличается и от нарратива соседей и от хрестоматийной версии истории Российской империи и Советского Союза.

Во многих постсоветских государствах процесс создания национальных государств с гомогенной культурой остался незавершенным. В Центральной Азии над гражданской идентичностью преобладает региональная, местническая, клановая. Национализм, направленный на создание государств, в которых национальные и политические границы совпадают и где общая культура объединяет различные этнические группы, подменяется разрушительным этнонационализмом, апологеты которого готовы поставить под вопрос и достижения предыдущего периода развития, коль скоро он проходил в русском контексте, и вековое сосуществование с другими народами. В данном случае речь идет не только о желании самоутверждения, но и о деятельности криминальных и полукриминальных групп, связанной с мародерством и ограблением, а также о весьма специфической форме протеста, диктуемой комплексами политической маргинальности или депривации. Характерная для примитивного этнонационализма ущербность, компенсирующаяся лозунгами, направленными против иных общностей, способна не только привести к нарушению существующего хрупкого межэтнического баланса в отдельных государствах, но и вызвать поток бифуркаций с труднопредсказуемыми социальными последствиями. Под влиянием противостояния на Украине с его мощной националистической составляющей, имеющей тенденцию к переливу через границы, местные националисты могут получить дополнительную идейную подпитку.

Социальный протест в Центральной Азии, который, как уже отмечалось, набирает обороты параллельно с этнонационалистическими выступлениями, сдерживается влиянием двух основных факторов.

Во-первых, особенностями традиционной местной политической культуры, в которой заложено признание иерархичности общества, статусности, воспринимающейся с почтением демонстрации богатства и особой роли религии. *Во-вторых*, оттоком значительного процента работоспособного населения за рубеж, главным образом в Россию.

Поиск заработка в других государствах, превратившийся в стойкую тенденцию, имеет как положительные, так и отрицательные аспекты с точки зрения сохранения стабильности в регионе. Масштабы оппозиционности снижаются в условиях высокого оттока работоспособного населения в Россию, но радикализма не становится меньше. Высокая

численность трудовых мигрантов уменьшает давление на местный рынок труда, способствует снижению протестных настроений, создает за счет денежных переводов более комфортные возможности для остающихся на родине семей, поддерживает слабую экономику. Так, число мигрантов из Центральной Азии в России составляет около 4,6 млн, а их денежные переводы в Таджикистан и Киргизию достигают объемов, сопоставимых с половиной ВВП этих государств. Одновременно проявляются и негативные черты большой миграции. В сельской местности остается все меньше мужчин, которые порой задерживаются на заработках на годы. Это разрушает традиционные семейные связи. Женщины начинают выполнять ранее не свойственные им функции, чтобы поддержать семью и хозяйство, все больше возникает проблем для сыновей, остающихся без отцов и получающих соответственное воспитание в лучшем случае от престарелых родственников. Кроме того, пребывание в России формирует новые взгляды у побывавших там рабочих. Это может быть как стремление к большей раскованности, свободе нравов, так и скатывание к более консервативным нормам в результате отторжения российской модели. В итоге реадаптация рабочих-мигрантов к местной реальности может быть достаточно болезненной не только для индивида, но и для всего общества, все более интегрирующегося в зарубежный рынок рабочей силы.

Исламский фактор. В настоящее время местные исламистские организации, хотя и укрепляют свое влияние на общество, все же вряд ли способны стать могильщиками светских режимов в ЦА. Даже в арабском мире, где их влияние было несомненно и более глубоким, и политически более успешным, триумфальное шествие исламистов к власти явно затормозилось (Египет, Тунис). Тем не менее на этом факторе стоит остановиться подробнее. Ислам в государствах Центральной Азии выполнял для светских властей несколько функций. Выступая как важнейший элемент идентичности, он становился также средством легитимации власти и мог играть важную роль во внешней политике. Одновременно центральноазиатский ислам может совмещаться с социальным протестом, поскольку исламистские организации канализируют протест в условиях, когда иного политического выхода для него в существующей политической системе нет. Многопартийность не отражает на деле разнообразия интересов и требований общества — партии в целом скорее являются партиями лидеров, не имеющими общенациональной повестки дня.

За прошедшие годы сменилось поколение духовных лидеров, мечеть омолодилась, на смену традиционным имамам приходят выпускники мусульманских заведений Арабского Востока и Пакистана. Они чаще апеллируют к недовольным своим положением слоям, и там, где больше молодых имамов, наблюдается более высокий уровень протестных настроений.

В условиях растущего социально-экономического неравенства, авторитаризма властей, коррупции и отсутствия легальных возможностей выражения протестных настроений деятельность радикальных исламистских группировок привлекает недовольную своим положением молодежь. Нельзя сбрасывать со счетов и ту поддержку, которую они регулярно получали из-за рубежа, а также радикализирующее воздействие обстановки на Ближнем и Среднем Востоке.

Традиционный ислам не в силах противостоять идейному напору радикальных исламистов и часто не имеет интеллектуальной базы. Попытки исправить это положение предпринимаются путем создания национальных образовательных учреждений, например, Ташкентского исламского университета в Узбекистане. Однако одновременно в ряде государств региона (особенно в Киргизии) большое распространение получают частные медресе, где процесс образования вышел из-под государственного контроля.

На общественном уровне «реисламизация» общества, не предусматривающая глубокого погружения в религию, выражается во все более очевидной популярности религиозной обрядности — большого числа исламских свадеб, празднования исламских праздников, ношения хиджабов и т.п. Немаловажную роль играет исламский бизнес, который в новых экономических условиях нашел свою нишу. Производство исламской одежды, предметов культа, внедрение исламской моды находят много потребителей, в том числе и в среде молодежи, не отличающейся религиозностью, но готовой следовать традиционным образцам, тем более если это поощряется в обществе.

До терактов 11 сентября 2001 г. исламисты в Центральной Азии были в целом разобщены по своим «национальным квартирам», но после этих событий они попытались выступать «единым фронтом» (идеологическим, частично моральным, организационным, информационным). Главное, что разделяет исламских экстремистов в Центральной Азии, — это непримиримая борьба за финансовые ресурсы. Хорошо известно, что, например, Исламское движение Узбекистана и другие суннитские экстремистские группировки конкурируют между собой за денежные средства Саудовской Аравии, Катар, Кувейта и т.п. Вместе с тем объяснять рост экстремизма исключительно жадностью его адептов и их стремлением к финансовому благополучию представляется не совсем обоснованным.

Все большую роль в мобилизации играют идеология, желание противопоставить себя чуждому миру и его ценностям, обвинить чужаков во всех своих проблемах, готовность компенсировать плохо скрываемое чувство собственной неполноценности рецептами мирового переустройства. Нельзя забывать и о том, что все более скептическое восприятие гражданами государственных законов, которые далеко не всегда их защищают, приводит к их попыткам руководствоваться более справедливыми и распространяющимися на всех нормами религиозного права.

Трудность борьбы с современным радикализмом как в Центральной Азии, так и за ее пределами объясняется тем, что надо бороться за умы молодежи, замороженной предлагаемыми исламистскими идеологами простыми решениями, а не только сражаться с профессиональными боевиками и противостоять финансовым потокам, поступающим к экстремистам.

Многие международные террористические организации стали использовать страны СНГ как своеобразное убежище, территорию, где за деньги можно заказать, приобрести и вывезти (доставить) в любую точку мира и практически в неограниченном количестве все необходимые для осуществления террористической деятельности средства.

Еще одним источником радикальных идей становятся порой возвращающиеся на родину из России рабочие-мигранты. В России, где их жизнь нередко тяжела, эти мигранты чувствуют себя уязвимыми и сохраняют общинный образ жизни. Соблюдение исламских норм является для них важным элементом защитного поведения, попыткой оградиться от враждебного или, по крайней мере, недружественного внешнего мира. Активность в таджикских, узбекских и киргизских общинах радикальной исламской организации Хизб ут-Тахрир приводит к приобщению людей к запрещенной в государствах Центральной Азии идеологии.

Внешняя среда. Центральная Азия, все более интегрированная в современную систему международных отношений, испытывает воздействие бифуркаций, испытывающих эту систему на прочность. Под влиянием взаимозависимости и при помощи информационных потоков импульсы турбулентности достигают самой отдаленной периферии. Среди конфликтных ситуаций, имеющих мощное международное влияние, особое место занимают «арабские трансформации», ситуация в Афганистане и кризис на Украине.

Трансформации в арабском мире не могут не оказывать демонстрационный эффект на различные общества и государства. В свое время такого рода эффект оказывали «цветные революции», но в отличие от выступлений в Египте и Тунисе они все же были результатом не только естественного роста протестных настроений, но и применения внешними силами определенных технологий по раскачиванию ситуации. Свою «цветную революцию» в 2005 г. пережила Киргизия. Свержение президента Курманбека Бакиева в 2011 г. носило похожий характер, но имело более выраженный внутренний фактор — манипулирование толпами со стороны различных контрэлитных и криминальных группировок. Наряду со сходством существующих в обществах проблем «арабское пробуждение» все же не является и не может являться моделью для ЦА с учетом разницы культур, уровня пассионарности, сравнительно недавно пройденного с распадом СССР периода смуты и тяжелых испытаний. Арабам для нового этапа возрождения понадобилось 60 лет. Кроме того, события в арабских странах далеки от завершения — в некоторых зат-

ронутых ими государствах они прошли путь от кризиса светской модели к исламскому правлению, затем к откату революций.

Если выступления по арабской модели представляются в Центральной Азии маловероятными, то нестабильность в арабских государствах оказывает влияние на идущие в регионе процессы. Под влиянием прямого военного противостояния в Ливии и Сирии деятельность радикальных исламистских организаций в Центральной Азии и их сторонников приобретает новое измерение. Несколько десятков жителей Киргизии, переброшенных туда из Турции, Афганистана и Пакистана, воевали в Сирии на стороне исламской оппозиции. Через эти же страны в Сирию попали жители Туркменистана. В Казахстане в 2014 году было известно о сотне боевиков. Очевидно, сводить причины их активности исключительно к бедности и отсутствию социальных лифтов на родине нет оснований — речь должна идти и о конфессиональной солидарности, иными словами, ценностной составляющей мотивации. Едут не бедняки, а представители вполне благополучных семей, способные оплатить свою переправку в районы вооруженных конфликтов. Повоевав, они возвращаются домой, привозя с собой радикальные идеи и склонность к насилию, особенно опасному в переходных обществах, не имеющих к нему иммунитета.

Ситуация в Афганистане после вывода войск США при сохранении части баз и военнослужащих и увеличения числа сотрудников частных военных компаний не может не стать одним из серьезных факторов, влияющих на Центральную Азию. Негативное воздействие может формироваться в условиях усиления неопределенности даже при сохранении режима относительной управляемости. Процесс выборов нового президента породил сопротивление со стороны талибов, опасавшихся сокращения доли в нелегальных доходах и снижения политического влияния. Новый президент может столкнуться с достаточно широким сопротивлением, если не найдет баланса во взаимоотношениях с оппонентами. Своего рода симбиоз между губернаторами, полевыми командирами и теневыми фигурами влияния в Афганистане также имеет место. По имеющимся сведениям, назначенные лидером Талибана «теневые губернаторы» в провинции Афганистана нашли общий язык с официальными губернаторами и даже имеют с ними совместные интересы в производстве и контрабанде наркотиков.

Можно прогнозировать рост производства наркотиков в условиях сокращения внешней помощи, поступавшей по каналам западных и местных НПО и прикармливавшейся местными полевыми командирами. Часть они использовали для поддержания опиравшихся на них соплеменников. В отсутствие прежнего объема средств необходимость «кормить своих» может привести к увеличению производства героина и опиатов как важнейшего источника дохода. В Афганистане сосредоточено две трети мирового производства героина, и эта доля может вырасти.

Для приграничных с Афганистаном государств Центральной Азии, через которые проходят наркотики, направляющиеся в Россию и Европу, это означает серьезный вызов. Деньги от продажи наркотиков все больше включаются в экономику наиболее бедных стран, что деформирует нормальное экономическое развитие. Идет теневое перераспределение денег, что дает возможность даже самым неблагополучным слоям населения, вовлеченным в обслуживание этой отрасли, выживать в отсутствие реальной экономики. Соответственно и мотивация к ее развитию остается на низком уровне. Кроме того, наркоденьги подпитывают и без того развитую коррупцию.

Еще один вызов из Афганистана связан с возможной активизацией боевиков из Хизб ут-Тахрир и из Исламского движения Узбекистана, в 1990-е годы вытесненных из Центральной Азии. Существует опасность расширения «серой зоны», где существуют лагеря террористов и ведется их подготовка, на границах действуют этнические группировки различной направленности. Даже в отсутствие «апокалиптических» афганских сценариев сохраняющаяся нестабильность в этой стране, межэтнические и межрегиональные противоречия, крайне слабая государственность могут стать источниками новых вызовов безопасности для Центральной Азии, особенно с учетом недостаточно укрепленных границ, через которые легко просачиваются радикальные идеи и их носители. Большее давление на границы требует ответных коллективных усилий и ведет к усилению роли ОДКБ.

Кроме того, вывод значительной части войск США из Афганистана может привести к усилению американского военного присутствия в Центральной Азии, а следовательно, и к углублению противоречий между РФ и Китаем, с одной стороны, и США — с другой. Сотрудничество России и США по Афганистану, прежде всего в организации северного маршрута поставок, может смениться соперничеством. Отношения, лишённые скреплявших их «афганских связей», могут обостриться не только и не столько в силу изменения соотношения сил в регионе, но прежде всего из-за глобальных противоречий. Такой сценарий был бы крайне нежелательным для всего региона, поскольку в Центральной Азии объективно существует достаточно широкое поле для российско-американского сотрудничества. Кроме того, в условиях разновекторности отношения с США имеют особую значимость для многих государств региона, и обострение отношений между основными внешними партнерами затруднит для них проведение отвечающего их интересам курса.

Кризис на Украине опасен прежде всего тем, что он привел к разбалансированности системы международных отношений. Внутренние факторы, которые привели к переформатированию политической карты Украины (этнонационализм, сепаратизм), в Центральноазиатском регионе также присутствуют. Развитие подобных движений, а также отношение к ним со стороны внешних сил отслеживаются в государствах

Центральной Азии очень внимательно. Что касается действий внешних акторов, то, судя по всему, несмотря на активную политику США и ЕС в регионе, на шкале западных приоритетов Центральная Азия не занимает столь важного места, как находящаяся в Европе Украина.

Ситуация вокруг Украины стала своего рода маркером, обозначившим различные подходы к перспективам интеграции в Центральной Азии под эгидой РФ. Ее противники используют сложившееся положение, чтобы, критикуя Россию, выступить против интеграционных объединений, в которых она играет ведущую роль (Таможенный союз, Евразийский экономический союз). Интерпретация российской политики в отношении Украины может быть разной, равно как и степень понимания движущих ею мотивов, однако попытка использовать кризис для отказа от интеграции в условиях нарастающих внутренних и внешних угроз может оказаться контрпродуктивной как для интересов стран региона, так и для России. Такую линию не поддерживает руководство Казахстана, Киргизии, Таджикистана. Узбекистан проводит свою политику в регионе, традиционно предпочитая двусторонние отношения и делая исключение для ШОС, а Туркменистан вообще не участвует в региональных организациях.

Для России Центральная Азия играет большую роль, что объясняется возрастающим уровнем взаимозависимости: наиболее протяженная сухопутная граница с Казахстаном, рынок товаров (российское продовольствие, транспортное оборудование, машины), трудовая миграция, поток энергоресурсов, через территорию РФ направляющихся в государства ЕС. Интересы России в регионе продиктованы задачей обеспечения безопасности, противодействия военным, экономическим, политическим и экологическим вызовам и рискам. Россия играет лидирующую роль в многосторонних организациях, которые либо были непосредственно созданы для обеспечения безопасности (ОДКБ), либо в определенной мере решают эти задачи (ШОС), и развивает отношения с центральноазиатскими государствами на двусторонней основе. Военное присутствие обеспечивают базы в Таджикистане и в Киргизии. Россия воспринимается в Центральной Азии как лидер, но число мощных и влиятельных внешних игроков возрастает, а их воздействие на экономическую и политическую ситуацию становится все более осязаемым. Экономические проблемы решает Таможенный союз, в котором важную роль играет Казахстан и куда вступает Кыргызстан, создан Евразийский экономический союз.

Россия заинтересована в стабильном развитии граничащего с ней региона — ее стремление к созданию интеграционных структур объясняется как этим обстоятельством, так и следованием международным трендам. Создание Таможенного союза в составе России, Казахстана и Беларуси отвечало потребностям в совместном противостоянии экономическим вызовам и в налаживании взаимовыгодного сотрудниче-

ства. Этот процесс шел нелегко. В Казахстане столкнулись с тем, что российская бюрократия оказалась более сильной, чем казахстанская, и способной, как считали в Астане, продвигать выгодные ей решения. Выявились экономические противоречия, связанные с разными возможностями государства в экономике. В России больше крупных предприятий и доля государства в экономике выше. Соответственно мелким и средним предприятиям Казахстана тяжело конкурировать — импорт из России растет, а экспорт стагнирует. Сказываются тарифные ограничения, сложности с таможенной службой, разное понимание валютной политики. Тем не менее существует представление о Таможенном союзе как о современной и необходимой модели, которая будет отлаживаться по мере развития организации.

Для евразийского интеграционного проекта освоение собственного рынка за счет повышения конкурентоспособности производителей трех стран представляется минимальной задачей. Главное — укрепить позиции на внешних рынках. Специалисты отмечали рост доли взаимной торговли такими товарами, как машины, оборудование и транспортные средства, продукция химической промышленности, при одновременном снижении удельного веса топливно-энергетической составляющей. Для вступления в ТС Киргизии была разработана «дорожная карта», которая предусматривала развитие инфраструктуры, жесткий контроль за качеством продукции, внесение корректив в нормативно-правовые акты. В процессе обсуждения этого вопроса Россия предполагала выделить 1,5 млрд руб. для адаптации экономики республики. Как известно, экономику страны поддерживает реэкспорт китайских товаров, которые контрабандой перевозятся через границу, а затем легко проникают на рынки других государств, ограничивая возможности для местных производителей. После вступления в ТС и укрепления общей для стран объединения границы возможности контрабанды будут резко сужены. Ввоз китайских товаров будет затруднен в связи с повышением тарифов, которые облегчают торговлю внутри Союза, но приводят к повышению цен на потребительские товары, импортируемые из стран, не входящих в Таможенный союз. Рынок сбыта киргизских товаров внутри Таможенного союза может быть расширен, хотя более жесткие регламенты потребуют от производителей определенного напряжения, и контроль за качеством будет выше.

Евразийский экономический союз. Новой интеграционной моделью является Евразийский экономический союз (ЕАЭС), соглашение о создании которого на базе единого экономического пространства подписано в Астане 29 мая 2014 г. Было бы неоправданно объяснять заинтересованность России в его появлении исключительно разочарованием в политике Запада, заставляющим искать новые возможности в Евразии. На самом деле евразийский проект имеет собственную ценность как с политической, так и с экономической точки зрения. Его политическая

составляющая связана с интересом РФ, Казахстана и Белоруссии в политически устойчивом регионе. Интеграция может помочь урегулированию имеющихся споров и разногласий, к которому готовы не все местные элиты. Вместе с тем далеко идущие предложения о введении общего гражданства, об общей охране границ, внешней политике, межпарламентском сотрудничестве, экспортном контроле и т.п. не получили поддержки. Не предусматривается создание наднациональных структур, что всегда вызывало возражения стран—участниц интеграционных объединений, не желавших поступаться даже небольшой частью суверенитета.

С учетом ограничителей, возникших при создании ЕАЭС, некоторые аналитики указывали, что при отсутствии развитых наднациональных институтов новое объединение получается односторонним, фактически не выходящим за рамки уже функционирующего Таможенного союза. Такая оценка не вполне справедлива. ЕАЭС ориентирован на отечественного производителя, которого надо еще создать или реанимировать, а это важно и для экономики, и для социальной сферы. Кроме того, в силу географического положения ЕАЭС позволит обеспечить транспортные потоки, связывающие Запад с Востоком, движение товаров и услуг, рынок, объединяющий около 170 млн человек. Поиски новых рынков и новых инвестиций определяют необходимость создания работающих интеграционных механизмов на азиатском направлении.

Среди внешних сил, играющих все большую роль в Центральной Азии, особое место занимает Китай. Китай заинтересован в получении энергетических ресурсов из региона и в рынке сбыта. Инвестиционные возможности у КНР очень велики, а подрядчиками для проектов строительства трубопроводов и транспортных коммуникаций выступают его собственные компании. Помимо уже имеющихся проектов не исключено строительство железной дороги из Китая через Киргизию в Узбекистан. Китай недаром называют «международной мастерской». Производимая в стране широчайшая номенклатура товаров и их огромное количество позволяют Китаю полностью заполнить ими по демпинговым ценам центральноазиатские рынки и даже обеспечить их продвижение в другие регионы. 92% в китайском экспорте в регион составляет готовая продукция. При этом импортируемое сырье превышает 90% китайского импорта из Центральной Азии. Китай все больше конкурирует за рынки с российскими предпринимателями.

Китай увидел в ЕАЭС возможность реализовать зону свободной торговли, которая создала бы экономические преимущества Китаю. Пекин выступал с предложениями о создании «экономической полосы» на всем протяжении Великого шелкового пути. «Полоса» предусматривает соглашения о транспортном сообщении и создании коридора от Тихого океана до Балтики. В экономическую зону попадут более трех миллиардов человек, и ограничения для продвижения товаров и потока инвес-

тиций планируются минимальные. При этом наиболее выгодные позиции будут иметь страны, располагающие мощными экономическими ресурсами, и здесь Китай вряд ли имеет серьезных конкурентов. Он заинтересован не в развитии производства в Центральной Азии, а в заполнении рынков своими товарами, в лучшем случае произведенными совместно. Может быть предложен перевод из Китая вредных и трудоемких производств в наименее экономически благополучные государства Центральной Азии .

Односторонние действия Пекина по усилению своих позиций в Центральной Азии могут осложнить его углубляющееся партнерство с РФ, тем более что получая энергоресурсы из региона, Китай может использовать это для ценовой торговли с РФ.

В данном введении нашли отражение не все факторы, влияющие на развитие ситуации в регионе, которая является динамичной и подверженной изменениям. Главными в оценке имеющихся векторов влияния остаются базовые направления развития международных отношений в Центральной Азии. Именно о них и была написана эта книга.

*Ирина Звягельская,
доктор исторических наук
Москва, 30 июня 2014 г.*

ЧАСТЬ I

СОБЫТИЯ

Введение

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

Рост внимания наиболее мощных держав к Центральной Азии в первом десятилетии XXI в. — знак возвращения региона в фокус большой международной политики. Второй раз за сто лет и впервые после русско-британских разграничений конца XIX в. в этой части мира стала заметна повышенная концентрация разнонаправленных устремлений внешних игроков — прежде всего Соединенных Штатов Америки и Евросоюза. Соприкасаясь с традиционными интересами России и Китая, эти устремления формируют конкурентную региональную среду, в которой элементы сотрудничества и взаимной поддержки сопологаются с соперничеством, недопониманием и взаимными опасениями.

Термин «Центральная Азия» применяется ко всему рассматриваемому историческому периоду, хотя в политическое употребление он был введен лишь в январе 1993 г. по решению саммита пяти государств региона в Ташкенте. Прежде в литературе эта территория именовалась «Средней Азией и Казахстаном».

Современная Центральная Азия — преемница, но не эквивалент советской Средней Азии. Современное политико-географическое словопотребление позволяет относить к этому региону не только прежние среднеазиатские союзные республики (Киргизию, Таджикистан, Туркмению и Узбекистан), но и Казахстан. Более того, понятие «Централь-

ная Азия» подразумевает отнесение к этому региону частей Северного Афганистана и Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР. В политологических работах, особенно посвященных анализу энергетических аспектов положения вокруг Каспия, в дискурс о Центральной Азии включены пограничные с Казахстаном территории России — от Астраханской области на западе до Алтайского края на востоке.

Международно-политическая среда Центральной Азии

В мировой системе место подсистемы отношений между странами региона определяется его нынешней и потенциальной — не до конца выясненной — ролью в производстве и транспортировке энергоносителей. Энергоресурсы — благословение Центральной Азии и ее бремя. Ни Россия, ни западные страны после распада СССР не смогли установить контроль над природными ресурсами центральноазиатских государств, хотя имеют возможность влиять на энергетическую политику последних в том, что касается добычи, экспорта и транспортировки энергоносителей. Реальное владение природными богатствами, доходы в виде экспортных поступлений, способность играть на конкуренции между российскими и западными компаниями за доступ к энергоресурсам обеспечивают энергоэкспортирующим малым и средним странам серьезный внешнеполитический ресурс.

Государства, которые такого ресурса лишены, все равно имеют для региона важное значение в силу своих пространственно-географических характеристик, позволяющих им влиять на безопасность сопредельных территорий, через которые проходят или будут проходить трубопроводы. В самом деле, в XIX в. значение региона виделось западным и русским авторам через призму геостратегии и изучалось в контексте гипотетических угроз со стороны России позициям Великобритании в Индии. В начале XXI в. подходы к анализу региональных реалий сместились к геоэкономике. Пространственное измерение Центральной Азии стало восприниматься как зона прохождения энергонесущих артерий, поток углеводородов по которым может быть направлен и в западном (в сторону Евросоюза и Атлантики), и в южном (к побережью Индийского океана), и в восточном (к Китаю, Японии и Тихому океану) направлениях.

К Атлантике или Пасифике пойдут нефть и газ центральноазиатских стран? В первой половине наступившего века этот вопрос обещает оказаться в региональной политике главным. Он становится осью конкуренции между потенциальными потребителями этих ресурсов, стра-

нами, через которые пройдут соответствующие трубопроводы, и государствами, стремящимся влиять на положение дел в энергетическом секторе мирового хозяйства в целом.

Наряду с трубопроводной дипломатией геополитическим фактором может оказаться железнодорожная сеть этой части мира. За годы после распада СССР старая советская сеть железнодорожных путей перестала быть замкнутой на Европейскую и Сибирскую части России. Усилиями Казахстана был достроен участок путей, соединивший Казахстан с СУАР Китая (Урумчи). Теперь грузопотоки, если это окажется рентабельным, могут доставляться из Центральной Азии на восток не только через Россию по старому транссибирскому пути, но и через Китай. Туркменистан в 1990-х годах тоже построил участок железнодорожной ветки, соединивший туркменские железные дороги с иранскими (Мешхед). Открыл-ся прямой путь транспортировки на юг.

После длительной изоляции от южных и восточных соседей регион «разомкнулся», впервые в истории получив техническую возможность прямого сообщения не только в северном и западном направлениях, но и в южном и восточном. Этот сдвиг не преобразовался пока в переориентацию международных связей центральноазиатских стран. Но открытие дорог на восток и юг подкрепило психологические предпосылки для проведения местными странами при благоприятных обстоятельствах более разнотипной политики сотрудничества «по всем азимутам».

Однако разомкнутость Центральной Азии в сочетании с ее перекрестным географическим положением является не только преимуществом, но и источником проблем. Центральная Азия — центр нелегального производства местных наркотиков (прежде всего в Фергане) и в еще большей степени — крупнейший транзитный путь, по которому после распада СССР и свержения просоветского правительства в Афганистане стали доставляться наркотики афганского производства. Этот поток, частично оседая в России, следует далее в страны Евросоюза.

Наркотогровя — источник огромных нелегальных доходов всех, кто к ней причастен. Они распределяются неравномерно. Рядовые контрабандисты-курьеры часто остаются нищими на протяжении всей жизни, так как их заработки поглощаются многочисленными родственниками, уровень жизни которых остается крайне низким. Однако люмпенский слой участников оборота наркотиков является наиболее многочисленным и политически значимым, особенно в условиях медленного расширения прав граждан по мере «управляемой демократизации сверху».

«Пролетарии наркобизнеса» объективно не могут не сочувствовать наркодельцам, видя в их, своей или своих родственников нелегальной деятельности единственный источник существования. Одновременно

этот слой является наиболее взрывоопасным. С одной стороны, он воспринимает попытки государства искоренить наркобизнес как посягательство на основы своего жизнеобеспечения. Лидерам наркобизнеса легко направить возмущение населения наркотранзитных и наркопроизводящих районов против правительств и спровоцировать подобие нарко- или «цветных» «революций».

С другой стороны, более образованная часть бедных слоев справедливо видит инструмент борьбы с наркоторговлей в экономических и социальных реформах, которые позволили бы отвлечь население «наркоопасных» регионов от преступного бизнеса. Отсутствие таких реформ тоже порождает недовольство населения.

Обе тенденции, налагаясь на личные, политико-партийные, клановые, региональные и иные легальные, но часто «невидимые» для анализа борения, создают сложную структуру общественно-политических взаимодействий. Трудности внутреннего развития проявляются на уровне внешнеполитического процесса и внешней политики. Колебания в отношениях между Узбекистаном и Таджикистаном в 1990-х годах, взаимно настороженные отношения Таджикистана и Афганистана, хроническое противостояние властей и криминала в Ферганском оазисе, «пульсирующую» нестабильность в Киргизии трудно проанализировать в отрыве от конфликтогенной роли наркотиков.

Контроль над наркотранзитом — источник борьбы между правительствами центральноазиатских стран и криминальными группировками, а также между самими этими группировками. Местные экстремистские движения, выступающие под исламистскими лозунгами, имеют доступ к финансовым ресурсам от наркоторговли и выступают в роли полулегальных агентов контрабандистов в органах власти. «Наркофактор», попытки местных криминальных структур поставить у власти в центральноазиатских странах «своих» людей составляют важнейший элемент местного политического, социально-экономического и идеологического ландшафта.

Наконец, важнейшая черта региональной среды — неразрывность политических проблем Центральной Азии с вопросами безопасности сопредельных стран — Афганистана, Пакистана и Ирана. Идея нераздельности безопасности применительно к Европе и Атлантике — плод аналитики 1950-х годов. В той части мира нераздельность подразумевала единство безопасности США, Британии и Франции в противостоянии с Советским Союзом.

В Центральной Азии нераздельность выглядит иначе. Она не воплощена в международно-политические документы или заявления руково-

дителей. И своими корнями она уходит не в культуры и ценности, а в географические реалии. В Центральной Азии и на Среднем Востоке в силу особенностей рельефа (труднопроходимые горы, пустыни), распределения водных ресурсов и, соответственно, этнического расселения *контуры политических границ не совпадают с очертаниями политико-географических интересов безопасности разных стран.*

В Ферганском оазисе, зоне таджико-афганской границы или в поясе проживания пуштунских племен на рубежах Афганистана и Пакистана разделить интересы безопасности сопредельных стран невозможно. Они сливаются в единый комплекс, и их решение исключает выработку и реализацию юридически четких договоренностей, поскольку таковые практически не в состоянии учесть сложность реальных отношений между этническими группами и государствами в местах соприкосновения их интересов. Вот почему отношения между странами региона тяготеют к более динамичным формам стабильности в отличие от относительно статичных, юридически строже закрепленных и управляемых международных отношений в Европе.

Политико-психологический фон региона

По-видимому, такой вариант «нераздельности безопасности» имеет опору в традиционном сознании жителей этой части мира, для более южных народов которой (узбеков, таджиков, киргизов, туркменов) характерно оазисное сознание. В его основе — идентификация по принципу самопричисления не только (иногда и не столько) к «своей» этнической группе, сколько к территории проживания. Люди исторически селились у воды. В окружении пустынь и гор ее было мало, и возможности менять место жительства были ограничены. Жители оазисов невольно вырабатывали в себе терпимость к чуждой этничности. Владелец оазиса мог не принадлежать к «твоей» этнической группе, но если он не лишал тебя доступа к воде, а значит, к жизни, то его можно было терпеть, даже если по крови, языку и культуре он был «чужим». Примирительную роль в таких случаях мог играть и ислам, надэтническая солидаристская доктрина которого акцентировала ценностную общность, а не этническую разобщенность.

Население Центральной Азии до включения в состав Советского Союза с проделанным в его рамках этно-территориальным размежеванием не знало «национального государства» в европейском смысле. Преобладающей формой организации было территориально-политическое образование на принципе надэтничности — по сути дела принципе имперском. С позиций европейской науки XX в. Бухарский и Кабульский (афганский) эмираты, Хивинское и Кокандское ханства были в типоло-

гическом отношении — относительно небольшими и пестрыми по этническому составу *оазисными империями*, «объединяющими идеями» которых были общее водно-земельное достояние и идеология религиозной солидарности (особенно в Бухаре и Коканде). В таком идейно-политическом контексте комплексы этнической розни оказывались подавленными. Они лишались возможности развиваться в доктрины этнического или расового превосходства, как это происходило на волне трагических кульминаций «национального самоопределения» в Европе, а под ее влиянием — и в Японии конца XIX в. и первой половины XX в.

С международно-политической точки зрения такой фон вряд ли упростил ситуацию. Водораздел между понятиями «мы — они» и «свой — чужой» в центральноазиатском контексте был более размытым, условным и проницаемым, чем в культурах, из недр которых вырастали концепции М. Вебера. Условность понятий транслировалась в условность реалий. Четкость представления о «своем» и «чужом» материализовывалась в Европе в твердость предубеждения в необходимости уважать чужие границы — хотя бы на уровне правовой и этической нормы.

Взаимная терпимость этносов в Центральной Азии, условность смысловой переборки между «своим» и «чужим» оборачивались невосприимчивостью местных стран к таким условно незыблемым и европейским по происхождению принципам международного общения, как уважение *чужих* государственных границ, невмешательство во внутренние дела *других* государств. Чужими или нечужими для Таджикистана являются афганские дела, если в Афганистане живет больше таджиков, чем в Таджикистане? Какое из двух государств «среднестатистический таджик» должен считать «своим», задайся он целью следовать модели мышления «по Веберу»? Дать теоретические ответы на эти вопросы проще, чем найти практические решения для упрочения мира и безопасности местных стран.

Сходные проблемы самоидентификации возникают для узбеков и таджиков Северного Таджикистана (Худжанд), узбекских городов Самарканда и Бухары, узбеков, таджиков и киргизов Ферганской долины. Политические границы сложились вопреки логике традиционного мышления местных жителей. В сочетании с особенностями природного рельефа (горы, перевалы, тропы) размытые представления являются предпосылкой и стимулом для непредсказуемой миграции людей, переброса товаров (включая контрабандные) и диффузии конфликтов.

Вооруженные формирования, выступающие против правительства Узбекистана, до сих пор перемещаются по горным перевалам и тропам с узбекской территории на таджикскую и киргизскую и обратно, не вступая в конфликты с местным населением. Этими же тропами пользуют-

ся и для провода караванов наркотиков. Следуют они самостоятельно или под охраной бандформирований? Наркобизнес, контрабанда оружия и антиправительственные движения имеют общие интересы, и параметры их сотрудничества быстро меняются.

Конфликт весной 2005 г. в узбекской части Ферганы (Андижан) был частью антиправительственного брожения, которое происходило в это самое время в Киргизии и тоже уходило корнями в ее южные, ферганские районы. Аналогичным образом, «просачивание» конфликтности из Афганистана (из его таджикских и узбекских частей) в Таджикистан и Узбекистан — устойчивая черта региональной ситуации. «Тюльпанной» или «маковой» в этом смысле была «майданная революция» 2005 г. в Бишкеке? Некоторые аналитики полагают, что на ее эмблеме было уместно поместить оба цветка.

Фактор политического реформирования в региональных отношениях

Важнейший вопрос политики в Центральной Азии — реформа политических систем ее стран. Наличие прочных структур традиционного саморегулирования местных обществ в лице региональных, племенных, родовых, клановых и иных традиционно-общинных связей налагает отпечаток на условия, в которых формируется внутренняя и внешняя политика стран. Семь десятилетий полунасилованной модернизации центральноазиатских обществ в составе СССР и еще два десятилетия реформ в качестве независимых государств трансформировали социальную природу стран региона. Создание советского строя, а после 1991 г. моделей авторитарно-плюралистического устройства (по Р. Скалапино)¹ изменило политический облик этих стран и заложило основы развития большинства из них по пути нелиберальной демократии (по Ф. Закарии).

Однако традиционные структуры саморегулирования не были уничтожены и не разложились. Приняв на себя удар большевистской мо-

¹ *Robert Scalapino* — ведущий американский востоковед-политолог 1970–1980-х годов, директор Института Восточной Азии Калифорнийского университета в Беркли, автор множества работ по Китаю и Японии. По его определению, «авторитарный плюрализм» — «...эта система характеризуется жесткой политикой, ограничением свобод и преобладанием личности, а не закона в процессе принятия решения. В то же время — существованием гражданского общества, отделенного от государства, и наличием — в зависимости от конкретных условий — значительного автономного пространства в сферах религии, образования и семейных отношений. Более того, в экономике присутствует значительный рыночный элемент, хотя и при сильной финансовой, направляющей и планирующей роли государства, реализуемой посредством политики неомеркантилизма». — Письмо Р. Скалапино к А. Д. Богатурову от 10 февраля 1992 г.

дернизации в 1920—1940-х годах, они смогли выжить благодаря десятилетию «оттепели» 1953—1963 гг., а затем — адаптироваться к условиям «позднего СССР» в 1970—1980-х годах. Традиционные структуры нашли себе место в политической системе советского общества, научившись сотрудничать с партийно-бюрократическим аппаратом советской власти, помогая ему (мобилизовывать массы на трудовые кампании) и иногда находя возможности образовывать личные унии.

При этом формальная система государственного управления в Казахстане и республиках Средней Азии выглядела советской, а реальное управление ими шло по двум ветвям: формальной партийно-советской и неформальной — регионально-клановой. Центральный аппарат КПСС адекватно оценивал ситуацию и стремился не столько изменить ее через искоренение традиции, сколько научиться использовать традиционные факторы для регулирования положения на местах. Система квотирования представительств каждой этнической и региональной группы в структурах официальной власти и ротация представителей разных клановых групп были инструментами влияния Москвы на политику республик. Во второй половине XX в. в этой части СССР раньше, чем в других частях Советского Союза (например, в Закавказье), и в более зрелом виде сложилась «сдвоенная» общественно-политическая система.

Внутри местных обществ уживались два отчасти автономных друг от друга уклада. Первый представлял собой анклав советского (современного). Второй — анклав родо-племенного, этногруппового, регионального (традиционного). Обычаи, нормативные прецеденты, своды поведенческих запретов и правил, религиозные регламенты составляли второй анклав. Привычка получать современное высшее образование, заниматься экономической, общественной и политической деятельностью, навыки проведения выборов — первый.

В бытовом поведении человек, как челнок, постоянно перемещался из первого анклава во второй и обратно. Светское сочеталось с религиозным — исламским, доисламским и не исламским (христианским, иудейским, языческим). Современный рыночный бизнес — с обычаем помогать в трудоустройстве неквалифицированных родственников и земляков. Привычки к жизни по канонам западного потребления — со вкусом к традиционному образу жизни с жестким разделением социальных функций мужчин и женщин, архаичными представлениями о профессиях, «достойных» и «недостойных» мужчины.

На уровне политического поведения это выливалось после 1991 г. в привычку участвовать в выборах с обыкновением голосовать в соответствии с советами «старших» в традиционном понимании — начальни-

ки, вожди кланов и групп, старейшины, муллы, старшие родственники мужского пола или в их отсутствие — просто мужчины.

Механизм поддержания социального порядка был сложным, но надежным. Во всяком случае, повсюду, кроме Таджикистана в начале 1990-х годов, анклавно-конгломератная структура общества предохраняла страны от войн, распада и хаоса. Да и гражданская война в Таджикистане была вызвана чрезмерностью политических преобразований под натиском незавершенной «исламской демократической революции», разрушивших старый механизм регулирования отношений между конкурирующими региональными группами в бывшей Таджикской ССР.

Провал эксперимента с «исламской демократией» напугал соседние с Таджикистаном бывшие советские республики настолько сильно, что их руководители были вынуждены предпринять меры для борьбы с исламской и светской оппозицией, в том числе применяя против нее силу. Реформы в Центральной Азии после этого, в той мере, в которой они вообще проводились, были направлены в консервативное русло. Гражданская война скомпрометировала идею одномоментной демократизации по западным образцам. Последующее десятилетие было употреблено для стабилизации и дозированной модернизации политических систем. На смену советской машине пришли системы правления, для которых характерно соединение официальных институтов партийно-президентской системы с неформальным традиционным регулированием¹. Новые государства перестали выглядеть по-советски. Они стали больше походить на обычные парламентские или президентские республики.

Отвергнув советское устройство, страны региона сохранили анклавно-конгломератный принцип модернизации. В них по-прежнему сосуществуют анклавы современного и традиционного. Традиционное в руках власти «подтверждает» современное, придает ему силу и авторитет. Вот почему некоторые руководители центральноазиатских стран не упускают случая присвоить себе атрибутику не только конституционно легитимных лидеров, но и традиционных вождей и даже псевдомонархов (Туркменбаши в Туркмении).

Наложение западных форм демократического правления на местный традиционализм дало жизнь центральноазиатским версиям нелиберальной демократии. Она представляет собой модель политического

¹ В работе известного востоковеда и политолога А. Д. Воскресенского они определяются как авторитарные либо консервативные патерналистские режимы. См.: *Воскресенский А. Д.* Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 62.

плюрализма, мера авторитаризма или либеральности которого определяется присущей соответствующим странам культурной традицией во всем, что касается представлений о соотношении свободы и долга, прав индивида и коллектива, личного и общественного интереса. В политических системах Центральной Азии соотношение «нормы» и «патологии» не больше и не меньше, чем в общественно-государственном устройстве Индии, Южной Кореи или Японии на относительно ранних стадиях развития присущих каждой из названных трех стран демократических моделей. Все эти страны в политико-социальном отношении относятся к анклавно-конгломератному типу, как все государства западывающей политической модернизации, включая Россию и Китай.

По-видимому, либерализация политических систем Центральной Азии окажется возможна не раньше, чем произойдут изменения в культуре стран этой группы. Имеются в виду прежде всего сдвиги в базовых представлениях этносов о достаточности или избыточности, привлекательности «свободы» или «несвободы», индивидуальной конкуренции или общинно-корпоративной солидарности, ответственности каждого за себя (и равенстве) или покровительстве (и подчиненности).

Это не означает, что Центральная Азия может позволить себе приостановку реформ. Приблизившаяся полоса естественной смены поколений лидеров местных стран вынуждает думать о необходимости продолжить их модернизацию. Однако форсированная демократизация может быть им так же опасна, как попытки остаться в парадигме поверхностного реформирования, стабилизирующий ресурс которого в значительной мере уже исчерпан.

Особенности внешнеполитического поведения стран региона

Новизна современной международной среды в Центральной Азии состоит в освобождении малых и средних стран региона от пассивной роли объектов воздействия со стороны крупных держав. За два десятилетия после распада СССР малые и средние страны Центральной Азии прошли большой путь к формированию рациональной внешней политики. Большинство из них смогло сформулировать более или менее убедительные внешнеполитические концепции, даже если не всем им был придан официальный статус — будь то различающиеся между собой версии постоянного нейтралитета Туркменистана и Киргизии, варианты доктрин регионального лидерства Казахстана и Узбекистана или концепция национальной безопасности Таджикистана.

Выделяются три типа внешнеполитического поведения малых и средних стран в отношении превосходящих их держав. Первый тип —

«агентский» («я — **твой** младший брат и поручный, моя земля — твой бастион, форт и крепость»; этот тип заменил собой прежнее вассальное, подданническое поведение). Второй — «защитный» («ты — **мой** недруг, и я готовлюсь к борьбе с тобой, нападаешь ты или можешь хотеть напасть»). Третий — «условно партнерский» («**мы** — ничем друг другу не обязаны и пробуем сотрудничать не только друг с другом, но и со всеми странами, несмотря на разности потенциалов»).

При первом — страны стремятся плотнее «прильнуть» к какому-то мощному государству, выторговывая себе от него за это привилегии. При втором — они могут обострять отношения с заведомо более сильной страной, желая привлечь к себе внимание мирового сообщества, нарочито концентрируясь на угрозах, реально или предположительно исходящих от крупной державы. При третьем типе поведения малые и средние страны стараются осторожно дистанцироваться от всех мощных государств, пытаясь сохранить со всеми ними хорошие отношения и отвоевать себе хотя бы небольшое автономное пространство.

К первому тяготеют страны, именуемые сателлитами. Ко второму — несостоявшиеся или неуверенные в себе государства (от Северной Кореи и Венесуэлы до Грузии). К третьему — нейтральные и неприсоединяющиеся государства, которые демонстрируют многообразные формы внешней политики от «ядерного неприсоединения» Индии до гораздо более сдержанного и гибкого «антиядерного нейтрализма» Малайзии, Индонезии и Вьетнама.

Центральноазиатские государства, как представляется, тяготеют к третьему типу. Он сочетается с их возможностями и спецификой международных условий, в которых они развиваются. Главное из этих условий (благоприятных, но и затратных для малых стран) — рыхлая международная среда, в которой в течение 20 лет Россия, Китай и США не имели возможности и желания жестко привязать местные страны к своей военно-политической стратегии.

Руководствуясь осторожностью или представлениями о достойном поведении, государства Центральной Азии избегают перегибов. Дистанцируясь от России и образов «частей бывшего СССР», страны региона избежали соблазна провозгласить себя «частью Запада». Увлечение сначала Турцией, а потом Китаем не спровоцировало их ни на «следование Китаю», ни на путь превращения в элементы «пан-туранского пространства».

Ограничив влияние России, страны региона не допустили деградации отношений с ней, сохранив возможность при необходимости прибегать к ее ресурсам (финансовым, технологическим, людским, политико-дипломатическим и иногда военным). Взамен они позволяют Рос-

сии пользоваться своим потенциалом — пространственно-геополитическим и отчасти энергосырьевым. Местный национализм, окрасившийся колоритом ислама и местных доисламских культур, в целом не отлился ни в религиозный экстремизм, ни в светскую ксенофобию и шовинизм. Позитивную роль в этом смысле сыграли мощное советское просветительское и культурно-атеистическое наследие, присущая СССР традиция надэтнической социально-групповой солидарности в сочетании с оазисной культурой терпимости к говорящим на ином языке.

Местные страны освоили и продолжают осваивать тактику поведения государств нейтралистского и условно нейтралистского типа. Этот тип поведения сближает центральноазиатские страны с государствами АСЕАН, некоторые из которых (Филиппины, Таиланд) применяют сочетание союзнических обязательств перед Соединенными Штатами с ориентацией на приоритеты регионального сотрудничества, некоторые формы которого могут носить скрытую антиамериканскую направленность.

Отчасти сходным образом страны Центральной Азии добиваются уменьшения зависимости от России как покупателя и транспортировщика их энергоносителей. Но это не мешает им желать оставаться под «зонтиком» ОДКБ, которая остается скорее политическим, чем военным институтом.

В целом ситуация ориентирует малые и средние государства на политику, характеристиками которой являются прагматизм, гибкость, дипломатическое лавирование, уход от обременительных внешних обязательств, стремление привлечь помощь более богатых стран. Ради нее они торгуются по поводу встречных уступок — с Россией, США, Индией, Китаем или богатыми исламскими государствами.

Это не значит, что центральноазиатские соседи России проявляют коварство. Этот термин уместней адресовать тем странам, вожди которых, хитроумием переиграв Б. Н. Ельцина в 1991 г., разрушили советскую страну. *Центральноазиатские государства в то время хотели увеличения пространства свободы рук в отношениях с Москвой, а не полного отделения от России.*

Сегодня нет смысла ни усмехаться, не сожалеть по этому поводу. Важнее другое. Прагматизм в политике стран Центральной Азии соседствует с исторической памятью, в которой негативные ассоциации уравниваются весомым комплексом представлений о позитивном наследии отношений с Россией. Взлет культурного и образовательного уровня, создание систем охраны здоровья, создание основ, на которых возможно формирование современной политической системы, — плоды пребывания центральноазиатских стран в составе СССР.

Советская система действовала в Центральной Азии так же деспотично, как и на всем остальном пространстве Советского Союза. В этом смысле она — общий источник бед всех народов СССР. Но, при всех пороках, она хорошо подготовила Центральную Азию для избирательного и дозированного восприятия новаций 1990-х годов, когда бывшие союзные республики стали независимыми государствами.

Такая система позволила местной власти сдерживать рост низовых протестов, направить исламизацию в умеренные русла и справиться с натиском транснациональных криминально-контрабандистских структур, которые в союзе с местными и зарубежными экстремистами представляли собой угрозу существованию центральноазиатских государств. Сценарии раздела Таджикистана, распада Киргизии и формирования криминального «Ферганского халифата» не реализовались, а попытка «исламской революции» не дала в Центральной Азии тех удручающих результатов, которые она принесла в Афганистане.

Концепция «отложенного нейтралитета»

Географически и отчасти политически центр Центральной Азии из России кажется расположенным между Астаной и Ташкентом. Но с позиций энергосырьевой дипломатии в ее зарубежных версиях центральное место в региональных делах занимают Каспий, вернее его восточное побережье, и газовые месторождения Туркмении. Именно их имеют в виду американские и евросоюзовские авторы, начиная рассуждения о роли Центральной Азии в мировой политике и экономике.

Однако и в таком восприятии региона превалирует «объектное» отношение к малым и средним странам. Американские и евросоюзовские политики и ученые оценивают ситуацию в этой части мира через призму того, что выгодного или опасного она может сулить. Немалая часть российских и китайских государственных деятелей и экспертов фактически остается на такой же позиции, с соответствующими поправками на Россию и Китай. В качестве субъектов международной политики малые и средние государства до сих пор мало кого интересовали.

Исследователи в лучшем случае стремились оценить, насколько они могут помешать или поспособствовать реализации целей больших держав. При этом каждая крупная страна старалась составить представление о том, при помощи каких рычагов можно расширить влияние на региональную ситуацию. Американским аналитикам всемогущим инструментом казалась демократизация, в том числе революционная — сначала «исламско-демократическая», а потом «майданно-площадная». Российские и китайские ученые выступали за консервативные версии

реформ экономических систем центральноазиатских стран и их политического устройства. Оптимальным вариантом стабилизации ситуации при благоприятном для России и Китая ее протекании казался умеренно-реформистский курс при балансировании между избирательной политической либерализацией или использованием рыночных механизмов под контролем государства.

Малые и средние страны вынуждены лавировать. Однако вектор маневрирования не исчерпывал смысл их внешних политик. Местные государства тяготеют к нейтрализму. В 1990-х годах о нем официально попытались заявить Туркменистан и Киргизия. Правда, о классическом нейтралитете Швейцарии и Швеции в местном контексте говорить не приходится. В регионе сохраняются источники угроз — со стороны Афганистана, экстремистов в Фергане и потенциальной нестабильности в исламских регионах Китая. Опыт Узбекистана, Таджикистана и самой Киргизии свидетельствует в пользу иллюзорности классического нейтрализма в этой части мира.

По сути нейтралистскими являются внешнеполитические концепции всех центральноазиатских стран. Таковы доктрины «многовекторной политики» и политики «открытых дверей» в Таджикистане, концепции «дипломатии шелкового пути» и региональной безъядерной зоны в Киргизии, нейтралитета Туркменистана, «евразийства» Казахстана, трактуемого как «ориентация» одновременно на Россию, Евросоюз, США и Китай. Узбекистан придерживается логики «свободы рук и союзов», которая тоже представляет собой вариант «потенциального нейтрализма».

Вот почему в осмыслении перспектив нейтрализма центральноазиатские страны могут рассчитывать скорее на вариант «умеренно вооруженного нейтралитета» по образцу государств АСЕАН. Такой вариант при определенных обстоятельствах мог бы устроить все страны региона, включая Казахстан и Туркмению. Но в силу военно-политических реалий такой вариант непригоден для немедленной реализации. Страны региона включены в многосторонние отношения с Россией через ОДКБ, а также с Россией и Китаем через ШОС. Правда, гибкость обязательств по этим договорам и неразработанность практики их применения позволяют входящим в них странам оставаться самостоятельными в сфере внешнеполитического поведения. Оба договора являются больше механизмами координации и профилактики угроз, чем боевыми организациями, способными к быстрой мобилизации ресурсов входящих в них стран.

В этом нет патологии. Блок НАТО, особенно после начала войны в Ираке (2003 г.), тоже эволюционирует к размягчению обязательств стран-

участниц. Из жесткого военного союза он превращается в «блок политико-идеологической солидарности» и «общий пул» военных, экономических и пространственных ресурсов входящих в него государств. Малые и средние страны НАТО, судя по фактам, могут участвовать, а могут и не участвовать в войнах, которые затевают более мощные государства альянса. При всей разности условий такая модель функционирования НАТО аналогична той, которая «явочным порядком» складывается в ОДКБ и ШОС. Румыния или Исландия в чрезвычайных ситуациях могут либо непосредственно воевать за интересы «братских стран» НАТО, либо занять позицию, очень близкую к *минимально вооруженному нейтралитету*.

В то же время наличие этих структур дает малым и средним странам желанные для них гарантии внутренней и международной безопасности. Причем они сохраняют возможность по своему усмотрению дозировать практическое участие в сотрудничестве с Россией и Китаем, не отказываясь от балансирования и ориентации на нейтралитет в принципе.

Соединение во внешних политиках центральноазиатских стран линии на партнерство с Россией и Китаем, с одной стороны, и стремлением независимо от них развивать сотрудничество с США и ЕС, не участвуя в военном сотрудничестве вне пределов минимальной необходимости безопасности, характеризует тип внешнеполитического поведения, который можно назвать *потенциальным* или *отложенным* нейтралитетом. Этот принцип *фактически* стал после 1991 г. системообразующим элементом международных отношений в Центральной Азии.

Становление этнополитических соотношений в регионе

Как и почти вся центральная и восточная часть Евразийского материка, Центральная Азия формировалась в историко-политическом отношении под влиянием взаимодействия оседлых и кочевых этносов. Оседлые культуры складывались в более благоприятных условиях южных частей региона Центральной Азии — оазисах, обеспеченных плодородными почвами и водой. Кочевые народы волнами приходили в регион с северо-востока, покоряли оседлые этносы, закрепляясь среди них и образуя с ними государственно-политические общности, развивавшиеся в многоэтничные территориальные государства имперского типа. Вместе с тем нашествия разоряли очаги оседлой культуры и уничтожали их население. Основанное на архетипе собирательства непродоводительное, кочевое хозяйство паразитировало на земледельческих очагах, компенсировало свои слабости за счет богатств, захватываемых при разорении оазисов.

Оседлые культуры быстро давали жизнь государствам. Мало пригодный для организованной эксплуатации в традиционных формах кочевой уклад *исходно* выступал альтернативой государственности. Однако кочевники нашли вариант адаптации к государству через симбиоз с ним. Внутри Бухарского эмирата, например, потомки кочевников составили «специализированный клан» — слой (по сути дела, племя) профессиональных воинов.

Профессиональными воинами были и татары Крымского ханства, в котором они составляли меньшинство по отношению к своим подданным-нетатарам (армянам, грекам, караимам, крымчакам). После распада СССР и частичной «ретрибализации» социальных отношений в некоторых частях региона кланы профессиональных контрабандистов и наркодельцов тоже стали вести себя как «специализированные племена». Племенные архетипы поведения, замороженные при советском строе, стали восстанавливаться.

Часть завоевателей становилась системообразующим элементом новых правящих элит, другая часть — смешивалась, не всегда сливаясь с населением завоеванных территорий, формируя вместе с ним социальный «низ». При этом в ряде случаев могла веками сохраняться «этническая специализация» разных групп населения: завоеванные группы тяготели к продолжению привычной хозяйственной деятельности (земледелие, ремесленничество, строительство крепостей и каналов, торговля), пришлые — предпочитали оставаться и становиться воинами, управленцами низовых уровней, а позднее — тоже торговцами. Взаимная диффузия этнических специализаций, конечно, происходила. Но этнически окрашенные архетипы экономического поведения (по М. Веберу и А. С. Ахиезеру) хорошо различимы в странах Центральной Азии и сегодня, характеризуя деятельность «исторически коренных» и «исторически пришлых» (русские, украинцы, армяне, евреи-ашкенази, греки) групп населения.

В начале XX в. появление в регионе переселенцев из Российской империи отчасти происходило в соответствии с отмеченными тенденциями, отчасти вопреки им. Ставшее укрепляться при П. А. Столыпине казачество Семиречья с точки зрения историко-демографических трендов представляло собой явление, сопряженное с очередным завоеванием региона северянами. Различие состояло в том, что все прежние волны северных завоеваний были вторжениями кочевых культур в земледельческие. Завоевание Центральной Азии Россией, наоборот, было экспансией земледельческой культуры в кочевую (применительно к Казахстану) и одной земледельческой культуры — в другую (применительно к Ташкентскому и Ферганскому оазисам).

Архетипы этнически окрашенной экономической специализации в Российской империи и СССР дали жизнь этнополитической специализации. Часть завоевателей-северян тяготела к специализации на административном управлении, другая — влилась в городские и сельские низы, образовав внутри них подгруппы земледельцев и, по мере индустриализации, рабочих, инженеров, врачей, учителей, лиц свободных профессий.

Русский элемент стал играть преобладающую роль в управленческих структурах присоединенных территорий. После революций 1917 г. в России и последующего вхождения Бухары и Хивы в состав СССР состав политико-административной элиты региона стал в этническом отношении более разнообразным. Русский и украинский элемент был дополнен как другими некоренными этносами (еврейским, армянским), так и местными группами населения, получившими гораздо более широкий, чем прежде, доступ к власти без дискриминации по религиозно-му и политико-этническому признакам.

«Советская элита» в Центральной Азии была многоэтничной. В этом смысле механизм ее формирования соответствовал привычной для региона взаимной этнической терпимости и традиции *оазисно-имперской* идеологии. В роли первых лиц в республиках советской Средней Азии и Казахстане, как правило, выступали прямые назначенцы Москвы — из местных уроженцев или приезжих из других частей СССР.

Включение Центральной Азии в Советский Союз вызвало изменения в регионе. Крупнейшими нововведениями стали перевод Казахстана в режим оседлости и проведение в южной части региона водно-земельной реформы. В результате превращения казахов и киргизов в оседлых жителей часть казахских и киргизских родов бежала на территорию Китая в Синьцзян.

Важнейшим политическим последствием водно-земельной реформы было полное уничтожение сельской части русской диаспоры в Центральной Азии. Успевшее было укорениться в Семиречье казачество перед лицом советских нововведений встало на сторону Белого движения. В ходе гражданской войны казаки и их семьи были уничтожены, репрессированы или вслед за казахами и киргизами бежали в Синьцзян. Русская диаспора в регионе с той поры существовала, за исключением Северного Казахстана в годы целины, почти исключительно в городах.

В годы Второй мировой войны в Среднюю Азию и Казахстан было эвакуировано от 3 до 5 млн человек из Европейской части СССР. В основном это были образованные люди, при помощи которых удалось решить крупные социальные проблемы и задачи культурного строительства. Была ликвидирована безграмотность и созданы основы системы

здравоохранения. К тем же годам относится создание в Центральной Азии современного театрального и музыкального искусства, литературы, системы университетского образования. Часть пришлого населения позднее покинула регион, другая — осталась и способствовала росту его этнического многообразия.

В том же направлении действовали тенденции, связанные с высылкой в годы войны из Поволжья, Крыма и с Северного Кавказа репрессированных народов (немцев, крымских татар, балкарцев, карачаевцев, греков, чеченцев, ингушей и других). В последующие годы в регион направлялись волны политических иммигрантов из Греции. По завершении восстановительных работ после Ташкентского землетрясения 1966 г. часть рабочих разноэтничных строительных бригад тоже пожелала остаться в регионе.

«Сдвоенная» система политического управления в республиках советской Средней Азии и Казахстане

Конфигурация этнических специализаций начала меняться с 1950-х годов. «Исторически коренные» этносы постепенно стали стремиться сосредоточить в своих руках политическое и административное управление. Москва поддерживала практику назначения на позиции первых лиц местных уроженцев из числа коренных этносов, оставляя за собой право их утверждения. При этом из столицы в обязательном порядке направлялись в союзные республики в качестве вторых лиц при местных руководителях (вторых секретарей ЦК и обкомов партии) представители неместных этнических групп и неместных уроженцев. В обязанности последних входило кураторство республиканских органов КГБ, снабжение центральных органов объективной информацией с мест, наблюдение за этнополитическими процессами и иногда — их регулирование при помощи беспристрастного посредничества.

Вторые секретари, однако, могли выполнять свои функции лишь с ограниченным успехом. Будучи чужаками, они с трудом ориентировались в неформальных механизмах регулирования общественных отношений в Центральной Азии, не были в них включены, а часто — наоборот, оказывались изолированными от них и соответствующей информации.

В отсутствие официальных демократических механизмов карьерного роста и распределения благ начали заново складываться (или оживать) механизмы неформального регулирования общественных отношений на основе этнических, родственных, клановых и иных связей.

В итоге первые лица союзных республик, при желании, могли создавать своего рода параллельные структуры власти: в дополнение к офи-

циальной партийно-советской иерархии соподчиненности постепенно складывались системы неформального управления при помощи механизмов мобилизации лояльности тех или иных групп населения (родов, землячеств, старейшин) в интересах первых лиц из числа местных уроженцев.

Религиозные деятели, как правило, влияли на эти структуры косвенно, оставаясь вне органов государственной власти. Однако они имели возможность влиять на деятелей культуры, которые, оставаясь *светскими* по поведению и открыто выражаемым взглядам, могли представлять мнения *религиозных кругов* во власти.

Фактически с начала 1960-х годов в Центральной Азии существовала «сдвоенная» структура управления. Первая — официальная и регулируемая в кадровом и политическом отношении в соответствии с надэтнической идеологией и этикой КПСС, вторая — неформальная, традиционно-групповая, этнически окрашенная, закрытая для влияния Москвы. Первая — была инструментом модернизации, нивелирования этнических различий и централизации. Вторая — средством консервации традиционных обществ, сохранения этнических своеобразий, накопления политико-идеологического потенциала самостоятельности республик. Наиболее зрелые образцы «сдвоенного» управления сложились в Казахстане при Д. А. Кунаеве, Узбекистане при Ш. Р. Рашидове и Туркмении при С. А. Ниязове. Возможно, кочевое хозяйство, рудименты которого сохранялись, и служило основой консервации родо-племенных связей и социальной архаики.

Экономические отношения внутри Советского Союза в целом отвечали интересам центральноазиатских элит, хотя последствия хозяйственных преобразований той поры были противоречивыми. Например, неразумная ирригационная политика и форсированное выращивание хлопка привели к расточительной модели расходования водных ресурсов главных рек. Строительство Каракумского канала им. В. И. Ленина создало технические условия для перераспределения ресурсов р. Аму-Дарьи в пользу Туркмении, которая употребила их для орошения пустынных земель южных районов. Все республики региона, освоив водорасточительную модель экономики, столкнулись с ее тяжелыми экологическими последствиями. В результате водозабора для орошения почти до нуля упал сток Аму-Дарьи в Аральское море. Началось его пересыхание, которое вызвало экологическую катастрофу.

Вместе с тем в рамках единого народнохозяйственного комплекса СССР будущие страны Центральной Азии имели ряд существенных преимуществ. РСФСР направляла в 1980-х годах в союзный бюджет 21% своего ВВП, Казахстан — 16%, Киргизия — 12%. Три остальные респуб-

лики региона от выплат в союзный бюджет были освобождены, полностью тратя республиканские доходы на внутренние нужды.

Более того, союзное правительство ежегодно выделяло им крупные дотации, формируемые за счет взносов в общесоюзный бюджет других республик Советского Союза. Кроме того, из Российской Федерации в республики Центральной Азии переводились средства на личные счета граждан, объем которых превосходил государственные дотации из союзного бюджета. В такой ситуации республиканские власти хотели не отделения от экономического организма Советского Союза, а независимости от Москвы в вопросах своих «внутренних дел».

«Подтягивание» Центральной Азии к уровню развития СССР в целом определяло повышение уровня жизни населения. Вследствие этого в регионе сначала резко снизилась детская смертность, а затем последовал бум рождаемости. Реформа системы среднего и высшего образования, его доступность и относительно высокое качество привели к появлению большого числа образованных специалистов, которые не находили себе применения в своих республиках. Прирост числа рабочих мест для лиц с высшим образованием происходил медленнее, чем росло число этих лиц. Конкуренция за престижную и хорошо оплачиваемую работу окрасилась этническими красками. Специалисты «исторически коренных этнических групп» требовали и неформально получали привилегии при поступлении на работу по сравнению со специалистами групп «исторически пришлых». Ничего подобного современной миграции неквалифицированной рабочей силы из Центральной Азии в Россию до распада СССР не наблюдалось.

В регионе возникла скрытая безработица и связанное с ней недовольство, которое легко было направить против Москвы. Русские упрекали союзное правительство в нежелании защитить их права в союзных республиках, а представители «исторически коренных этносов» говорили об ответственности Москвы за «колониальную структуру» экономики республик.

При этом, в отличие от республиканской партийной и хозяйственной элиты, местная художественная интеллигенция имела ограниченный доступ к экономическим благам, которые давало республикам пребывание в составе СССР. Как это было в конце 1970-х годах в Иране, образованные слои стран Центральной Азии в конце 1980-х и начале 1990-х годов помогли сформулировать первые оппозиционные программы, написанные в духе этнического традиционализма. В них нашлось место для политических идей зарубежных исламистов, которые транслировались в культурную среду центральноазиатских республик по мере

расширения контактов с внешним миром. В регионе стали нарастать признаки межэтнических трений и сепаратистские настроения.

По мере укрепления «сдвоенной» структуры общественно-политической организации в Центральной Азии «исторически пришлые» этносы теряли влияние и некогда более благоприятные позиции в административно-политическом управлении, оказываясь оттесненными в лучшем случае в хозяйственную сферу. В последние два десятилетия существования СССР коренные этнические группы пользовались широкой системой неформальных привилегий в вопросах получения образования и занятия руководящих должностей. Представители других этнических групп становились неконкурентоспособными в условиях Центральной Азии.

Осознание этой ситуации стимулировало раздражение русских и иных групп населения, которое становилось известным в Москве. При недолгом правлении Ю. В. Андропова (1982—1983) центральная власть попыталась ужесточить стандарты представительства разных групп населения в руководящих органах союзных республик при помощи более строгого соблюдения квот на занятие соответствующих должностей. Стремясь ограничить роль неформальных механизмов регулирования ситуации на местах, союзные власти попытались также в середине 1980-х годов вернуться к практике назначения первыми лицами союзных республик представителей некоренных национальностей. Но «перестройка» и демократизация СССР лишили оснований линию на ужесточение контроля центральной власти над союзными республиками.

* * *

Подготовка этой книги заняла около пяти лет и потребовала немалых усилий авторов, консультантов, рецензентов и редакторов. Работа написана исследователями из разных городов Российской Федерации, а весь проект — плод той сети межрегиональных связей международных кооператоров России и стран СНГ, которая с 1997 г. сформировалась вокруг Научно-образовательного форума по международным отношениям и журнала «Международные процессы» при поддержке Фонда Макаруров, отделение которого в Москве возглавил И. А. Зевелев.

Приступая к работе, авторы понимали предстоящие трудности. Огромный фактический материал, потенциально необходимый для исторического раздела, при численной ограниченности творческого коллектива. Неравномерность изученности проблемного поля в отечественной и зарубежной литературе. Разнородность материала в силу неоднородности самих субъектов действия региональной сцены. В такой ситуации было важно не переоценить свои ресурсы. Коллектив ограничил себя

узкой и прикладной задачей — *дать цельную картину развития международно-политической среды Центральной Азии с акцентом на современность, то есть период становления новой подсистемы международных отношений в регионе после распада СССР.*

За последние два десятилетия в России и за ее пределами появились книги и статьи по проблематике Центральной Азии. На английском языке вышли работы панорамного характера, из которых по крайней мере одна¹ была отчасти полезна при написании этой книги своим разделом по Древности и раннему Средневековью. Вместе с тем удовлетворительной версии анализа региональной ситуации в XX в. и первом десятилетии нового столетия ни на русском языке, ни на английском пока нет.

Между тем в России ширится интерес к Центральной Азии, а в ведущих университетах начинают преподавать проблематику соответствующих стран для подготовки нового поколения специалистов. Отсутствие обобщающего исследования по международным отношениям в регионе затрудняет эту работу. Внести вклад в решение этой практической проблемы в первую очередь стремились авторы.

В подготовке работы большую роль сыграли коллеги из Московского государственного института международных отношений МИД России, Института востоковедения и Института проблем международной безопасности Российской Академии наук, а также Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова. С нами взаимодействовали, помогая советом и участием, коллеги из Томского государственного университета и Амурского государственного университета (Благовещенск). Особо следует сказать о полезности творческих контактов с учеными алтайской школы востоковедных исследователей в лице коллег из Алтайского государственного университета и Барнаульского государственного педагогического университета — покойного В. А. Моисеева, В. А. Бармина, А. А. Бойко, О. А. Омелеченко, А. Ю. Быкова, О. В. Боронина.

На разных этапах завершению проекта помогали советы и замечания московских коллег — А. Д. Воскресенского, А. В. Виноградова, И. Д. Звягельской, П. В. Кожина, С. Г. Лузянина, В. В. Наумкина, С. А. Панарина, а также известных казахстанских специалистов — М. Е. Шайхутдинова, И. В. Ерофеевой, К. Л. Сыроежкина, С. Б. Кожировой, Л. Р. Скаковского.

Авторы воспринимают свою книгу как одну из первых попыток цельного осмысления современных отношений стран и народов Центральной Азии *под международно-политическим углом зрения.* Это — не работа по истории или этнологии, хотя вопросы национальной психологии, исто-

¹ *Soucek S. A History of Inner Asia.* Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

рии, культурных влияний затрагиваются в тексте. Как всякое первое издание такого рода, наша книга, конечно, не свободна от недостатков. Ответственность за них авторы и редакторы принимают на себя. Хочется верить, что этот труд станет ступенью к познанию новых центральноазиатских реалий и материалом для грядущих более масштабных обобщений.

Алексей Богатуров

Москва, 27 августа 2010 г.

Литература

- Алаев Л. Б.* История Востока. Первобытная эпоха. Древность. Средние века. Новое время. М.: Росмэн, 2007.
- Ахиезер А. С.* Россия: Критика исторического опыта. Социокультурная динамика России. Новосибирск, 1998. Т. 1–2.
- Богатуров А. Д.* Анклавная природа мировой политики и перспективы формирования мирового общества // Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009.
- Богатуров А. Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны. 1945–1995. М.: Скуита, 1997. Гл. 2. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.obraforum.ru>.
- Богатуров А. Д.* Центральнo-Восточная Азия в современной международной политике // Восток. 2005. № 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.obraforum.ru>.
- Богатуров А. Д., Виноградов А. В.* Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток—Запад. К 70-летию академика Нодари Александровича Симонии. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
- Воскресенский А. Д.* Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: Аспект Пресс, 2007.
- Симония Н. А.* Страны Востока: Пути развития. М.: Наука, 1975.
- Олкотт М. Б.* Второй шанс Центральной Азии. М.: Московский центр Карнеги, 2005.
- Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современного / Отв. ред. Л. И. Рейснер, Н. А. Симония. М.: Главная редакция восточной литературы, 1984.
- Bell D., Brown D., Jayasuriya K.* Toward Illiberal Democracy in Pacific Asia. L.: MacMillan, 1995.
- Bogaturov A.* International Relations in Central-Eastern Asia: Geopolitical Challenges and Prospects for Political Cooperation / CNAPS Working Paper, June 2004. Center for Northeast Asia Political Studies, The Brookings Institution. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.brookings.edu/fp/cnaps/papers/bogaturov2004.htm>.
- Soucek S.* A History of Inner Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Zakaria F.* The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad. N.Y.; L.: W. W. Norton and Company, 2003.

Глава 1

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА И ПРЕДЫСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Название «Центральная Азия» стало общеупотребительным после появления в 1844 г. одноименного сочинения выдающегося немецкого ученого Александра фон Гумбольдта, который понимал под Центральной Азией материковые территории между 40° и 50° северной широты. Русский исследователь XIX в. Н. В. Ханыков и немецкий географ Фердинанд Пауль Вильгельм фон Рихтгофен попробовали сделать определение менее формальным. Они предложили применять принцип бессточности гидросистемы. Согласно их логике, данный регион на севере ограничен Алтайским хребтом, на юге — окраинными горами Тибетского нагорья, на западе — Памиром, а на востоке — Большим Хинганом. Знаменитый русский путешественник и исследователь Н. М. Пржевальский в книге «От Кяхты на истоки Желтой реки» предположил, что границы Центральной Азии проходят по Западному Тянь-Шаню, Памиру, Гималаям, Сино-Тибетским горам, горам Циньлин, Иньшань и Большому Хингану.

Авторы настоящей работы стремились придерживаться приведенных определений. Но для целей анализа нужно было выходить за их рамки.

Дело в том, что фактически контуры международно-политической подсистемы Центральной Азии совпадали и сегодня совпадают с ее географическими очертаниями не полностью.

Поэтому географический «фокус анализа» недостаточен для выявления политических смыслов исследуемых событий.

Суть современной ситуации в Ферганской долине, например, нельзя убедительно объяснить, отказавшись от рассмотрения исторических аспектов расселения и территориально-политической организации племен Северного Афганистана и Западного Китая. Сходные проблемы применительно к другим частям Центральной Азии предполагали включение в анализ вопросов, относящихся к Северному Ирану, нижневолжским и урало-сибирским землям России.

В современной западной литературе для обозначения региона используются термины «*Central Asia*» («Центральная Азия») и «*Inner Asia*» («Внутренняя Азия»). Оба словосочетания употребляются приблизительно в одном и том же смысле.

Исторические особенности геополитического положения региона

Центрально-Азиатский регион выделяется естественно-географическим, геополитическим и культурно-историческим своеобразием. Его окраинные зоны соприкасаются с конфликтными регионами — Средним и Ближним Востоком, Южной и Восточной Азией. На севере Центральная Азия образует пояс «предграничья» России — ее северокавказских, нижневолжских, уральских и сибирских земель. С востока регион примыкает к Китаю, западные районы которого относятся к той же геополитической платформе, что и Центральная Азия. То же справедливо и для Северного Афганистана.

Неточным, но значимым с точки зрения библиографической традиции является название «Туркестан». Оно обозначает районы проживания как тюркских, так и нетюркских (прежде всего, таджиков) народов от южных границ Северного Афганистана до границ России в Оренбургской области и Алтайском крае, от восточного побережья Каспийского моря до восточных границ Синьцзяна в составе КНР. Устаревшими, но удобными для понимания реалий являются термины (1) «Западный Туркестан», (2) «Восточный Туркестан» и (3) «Южный Туркестан». Они приблизительно соответствуют территориям (1) бывших советских республик Средней Азии и Казахстана, (2) Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР и (3) Северного Афганистана.

По логике современного человека, срединное положение Центральной Азии должно было бы способствовать ее вовлеченности в мировые процессы. На деле это оказалось не вполне так. Внешний контактный пояс Центральной Азии состоит из естественных преград. На западе ее «подпирают» пустыня Каракум и Каспийское море, на севере — степи, солончаки и казахские пустыни (Кызылкум, Муюнкум, Таукум, Сарыесик-Атырау), на востоке — пустыни Северо-Западного Китая (Такла-Макан, Гурбантюнгют, Джунгарская и Гашуньская Гоби), на юге — Памирское нагорье, горы Афганистана и пустыни Бактрианской низменности.

Географически центральное положение региона не смогло трансформироваться в его главенствующее положение — политически, экономически или как-либо иначе. «Сердцевина» Центральной Азии, ее богатые, климатически благоприятные, экономически и культурно развитые части были окружены неблагоприятной для жизни и трудно проходимой периферией.

Государствообразующим ядром региона были оазисы — в бассейнах рек Амударьи, Сырдарьи, Или и Чу, а также земли вокруг пресноводно-

го озера Иссык-Куль. В этих землях благодаря жаркому климату и обилию воды население имело возможность развивать пастбищное животноводство и высокопродуктивное поливное земледелие. Центральная часть региона развивалась как «остров плодородия и богатства» в окружении бесплодия и бедности.

Сердцевину региона можно было завоевать. Но в отсутствие современных транспортных средств Центральную Азию было невозможно по-настоящему интегрировать в мировые хозяйственные и политические связи. Вот почему этот регион долгое время оставался одной из самых изолированных частей Евразии.

Это не мешало ему выполнять роль если не связующего звена, то моста между западом и востоком материка. Караванные пути соединяли Центральную Азию со странами Европы, Ираном, Афганистаном, Индией, Монголией и Китаем. Оазисы центральной части региона служили транзитной базой, перевалочным пунктом, местом отдыха после переходов по пустыням, горам, солончакам и степям на пути с запада Евразии на восток. Этим путем шли торговые караваны, а с ними — циркулировали встречные заимствования технических, хозяйственных, военных и культурных достижений.

Но тем же путем следовали завоеватели. В военном смысле «остров Центральной Азии» был подготовительным плацдармом для завоеваний, волны которых накатывались сначала с Востока в направлении Европы, а позднее — со стороны Европы на восток. Через Центральную Азию на Запад шли мощные потоки миграций — дравидов, индоевропейцев, индоиранцев, тюрков и монголов.

Смешение народов стимулировало взаимодействие культур (иранской, эллинистической, индийской, китайской, тюркской, европейской). В среде народов региона пришла письменность. Здесь укоренились ответвления ислама, буддизма, зороастризма, манихейства, христианства и иудаизма.

Становление территориальных идентичностей

Применительно к историческим реалиям XIV в. и позднее регион принято делить на Западный и Восточный Туркестан.

Термин «Туркестан» впервые встречается в средневековых (IX–X вв.) арабских и персидских трудах по географии. Им обозначали территории, расположенные севернее Сырдарьи. Для междуречья Амударьи и Сырдарьи арабы применяли термин «Мавераннахр». Он означал буквально «то, что за рекой». Имелись в виду земли к северу от р. Амударьи (Оксус). С названием этой реки связан встречающийся в старых текстах топоним «Трансоксания», равнозначный понятию «Мавераннахр».

По содержанию с понятием «Мавераннахр» частично совпадает более узкий по значению топоним «Согдиана». Этим словом обозначалась юго-восточная часть междуречья Амударьи и Сырдарьи с центром в Самарканде (долина Зеравшана). Население ее исходно было персоязычным. К югу от Согдианы находилась историческая Бактрия.

Восточным Туркестаном в широком смысле называют исторические области Джунгарии и Кашгарии. Понятие «Джунгария» подразумевает земли внутри рубежей, которыми служили на севере Сибирский Алтай и хребет Сауре, на востоке — Монгольский Алтай, на юге — хребты Боро-Хоро, Эрэн-Хабырга, Богдо-Ула и Баркультаг, а на западе — горы Тарбагатай, Уркашар, Джаир, Майли, Барлык и Джунгарский Алатау.

Историческая Кашгария включала в себя Таримскую впадину, ограниченную на севере тяньшаньскими хребтами Какшаалтау, Халыктау, Коктекетау, Саармин, Кызылтаг и Куруктаг, на востоке — горной страной Бэйшань, на юге — куньлуньскими хребтами Карангутаг, Музтаг, Юзатаг и Алтынтаг, а на западе — памирскими хребтами Кингтау и Тохтакорум. По землям Таримской впадины протекают пять рек — Яркенд, Аксу, Хотан, Тарим и Кашгар. Важно иметь в виду, что в ряде работ под Восточным Туркестаном в узком смысле нередко понимается только Кашгария.

Для понимания ситуации в ряде случаев важно пояснить значение географических названий *Алтишаар* и *Уйгуристан*. Первое — означает в переводе с тюркского языка «шесть городов» и подразумевает области в восточной части Таримской впадины вокруг городов Кашгар, Яркенд, Хотан, Аксу, Куча и Турфан, некоторые из которых были названы по рекам, на которых они стоят. Понятие «Уйгуристан» воплощает историческую память о существовавшем на землях Турфанского оазиса в IX в. государстве Кочо, созданном тюркским народом уйгурами и названным так по названию его столицы. Развалины этого города были открыты археологами недалеко от современного города Турфан в Китае.

Исторический интерес представляет собой и сам этот город, поскольку его жители не были ни тюрками, ни иранцами. Они говорили на особом языке индо-иранской группы — *тохарском* — и только позднее подверглись тюркизации. В религиозном отношении жители Турфанского оазиса были *манихеями* и *буддистами*, отказываясь принять ислам до XIX в.

Манихейство — возникшее в древней Персии синкретическое религиозное учение, вобравшее в себя элементы зороастризма, иудаизма, христианства и буддизма. Его основоположник Мани (Манес) родился в Вавилоне в 216 г. и был убит в 273 г. последователями зороастризма. Учение манихеев было одним из самых влиятельных в Иране, откуда оно распространилось по Средиземноморскому миру и всему Востоку, включая его

дальневосточную периферию. В ряде случаев манихейство считалось христианской сектой, а сами манихеи выдавали себя за христиан.

Западным Туркестаном (Туркестаном, позднее — Советским Туркестаном, Средней Азией) называли исторические области от Закаспийских степей на западе, где располагались крайние западные островки центральноазиатской оазисной государственности (оазисы Ахал-Теке и Мерв), до Памира и Ферганского хребта на востоке.

Данная территория неоднородна в естественно-географическом отношении, поскольку она состоит из горных и равнинных регионов. Еще сильней выражена ее неоднородность в историко-культурном смысле. Три главные части Западного Туркестана относятся к платформам трех разных цивилизаций. Таджикистан развивается на «культурном плато» Бактрии и Тохаристана, Узбекистан — Мавераннахра и Согдианы, Туркмения — Маргианы и Парфии. Для этой части региона характерно соперничество политически преобладавшей тюркской и исторически более древней иранской цивилизаций. Культура кочевников «набегала» на культуру оседлости, сталкиваясь и сплавляясь с ней в ряде случаев. *Ираноязычные* и *тохароязычные* жители Центральной Азии составляли ее более древнее, оседлое население, а тюрки и монголы — более позднее, кочевое.

Бактрия — область между Амударьей и хребтом Гиндукуш. Располагалась к югу от исторической Согдианы (см. выше). Население было исходно персоязычным. Центром области был г. Балх (ныне на территории Афганистана в 20 км к северу от г. Мазари-Шариф).

Исторический *Тохаристан* по территории в основном совпадает с Бактрией. Название стало применяться к бактрийским землям с IV в. для обозначения территорий, на которых расселился особый народ — *тохары*. Тохарский язык был распространен на пределы собственно Тохаристана, проникнув вместе с торговыми караванами далеко на восток — до оазисов Восточного Туркестана.

Маргианой в древности называли прежде всего земли оазиса с центром в г. Мерве (г. Мары в современной Туркмении).

Парфия — держава, возникшая на территориях в юго-востоку от Каспийского моря и в пору могущества включавшая в себя почти все земли современного Ирана от южного берега Каспия до северного и северо-западного побережий Персидского залива, а также территории юго-восточной части междуречья Тигра и Евфрата и Западного Афганистана.

Традиционное внимание к региону сильных «внешних» держав, как правило, мешало возвышению в Центральной Азии «собственного» государства, способного объединить весь регион. *Центральноазиатские* земли чаще всего оказывались *окраинными* провинциями «чужих» империй — державы Ахеменидов, империи Александра Македонского, сасанидского

Ирана, Арабского халифата или империи Чингисхана. Империя Тимура — единственный случай, когда центром огромного государства оказалась собственно центральноазиатская территория — Мавераннахр.

«Дефицит центристскости» способствовал возникновению в регионе культурно-психологического феномена «оазисной идентичности». Люди «опознавали» друг друга в качестве «своих» по принципу принадлежности к «своей» территории, оазису, природному праву пользоваться общим источником воды, который обеспечивал выживание.

Государственность в Центральной Азии была относительно слабо связана с этнической принадлежностью населения. В ее формировании преобладал надэтнический, имперский принцип. Подданным была более или менее безразлична этническая принадлежность государя. Государь не всегда мог сам точно сказать, какой крови и какой культуры в нем больше — монгольской, тюркской, иранской. Пример Тимура в этом смысле характерен.

Тимур происходил из монгольского племени, которое подверглось сильной тюркизации. Считается, что разговорным языком при дворе Тимура был тюркский, хотя официальными и литературными в его государстве были персидский и арабский.

Правитель воспринимался не как глава только его собственного племени, а как владетель всей окружающей земли и водных источников, военно-политический предводитель населяющих эту землю племен. Владыке присягали или изменяли в зависимости от его дел. Да и он собирал с подданных налоги скорее по сословному, а не этническому принципу. Другое дело, что сословность могла совпадать с этничностью. Все известные государственные образования Центральной Азии были многоэтническими, и правящие династии, независимо от их происхождения, не обязательно стремились навязать свою этничность в качестве общегосударственной. Радикальный национализм в Центральной Азии — продукт ее позднейшей вестернизации. Благодаря «оазисной идентичности» жители Центральной Азии относительно безболезненно переживали встраивание их земель в более крупные, «фланговые» по отношению к Центральной Азии подсистемы международных отношений.

Этносы Центральной Азии расселялись на пространствах региона неравномерно. Жители концентрировались на небольших «островках», обеспеченных источниками пресной воды и плодородной землей. Между такими «островками» оставались огромные пространства — незаселенные и малопригодные для хозяйственной деятельности.

Оазисная структура расселения оказалась благоприятной предпосылкой для формирования регионально-территориальных субидентич-

ностей, которые не подавляли этнические различия, но существенно сглаживали их. Приблизительно таков был механизм появления исторических и современных общностей «бухарцев», «самаркандцев», «хивинцев», «кокандцев», «андижанцев», «мервцев», «худжандцев», «кашгарцев», «яркендцев», «турфанцев».

Идентичность членов этих групп отличалась от той, которая характерна для землячеств в их западном понимании. В Европе принадлежность к землячеству определялась более или менее формальными признаками происхождения или длительного проживания человека. Западное землячество — относительно открытое и символическое объединение, слабо связанное с ограничениями поведения земляков в отношении друг друга.

В Центральной Азии региональные субидентичности опирались на жесткие представления о наличии у членов субгруппы не только общности интересов, но и солидарной взаимной ответственности. Она предполагала верность иерархии внутренних групповых отношений, круговой поруке, принципу информационной закрытости «для чужих». Такой кодекс поведения подразумевал высокую вероятность оказания взаимной помощи в трудных ситуациях.

Территория региона была изрезана высокими горными хребтами, заселенные участки отделялись друг от друга пустынями и полупустынями. Большинство оазисов-государств были расположены на берегах рек, имевших ледниковое питание, вблизи горных хребтов и нагорий.

Города Худжанд, Коканд и Андижан возникли на берегах Сырдарьи и ее притоках между питавшими ее воды снегами Кураминского и Алайского хребтов. Самарканд был основан на берегу р. Зеравшан рядом с одноименным хребтом, Кашгар и Яркенд — на одноименных реках в предгорьях Сарыкольского хребта, Турфан — между хребтами Чёльтаг и Богдо-Ула, Кумул (Хами) — на р. Курук-Гол рядом с хребтом Карлыктаг.

Крупные реки и их притоки выполняли роль не естественных рубежей этнического расселения (как на Западе), а надэтнических культурно-хозяйственных «стяжек», объединявших этнически разнородное пространство Центральной Азии. Земледельческое население региона было основой развития. Но в жизнь оазисов вторгались кочевые народы. Оседлые жители не могли себя обезопасить от набегов кочевников, которые тормозили развитие земледелия.

Правда, в некоторых случаях включение оазисов Центральной Азии в более развитые «чужие империи» шло на пользу первым. Размещение в центральноазиатских городах постоянных гарнизонов войск мощных держав обеспечивало защиту земледельцев и горожан от ко-

чевников. Крепости становились для подчиненных территорий источниками культурных, технических, административных и хозяйственных инноваций.

Основными источниками внешней экспансии в Центральную Азию в древности были Средний Восток и Китай. До XVIII в. Центральная Азия становилась объектом вторжения крупных пограничных государств. Как правило, завоеватели (за исключением монголов и Тамерлана) не разрушали оазисный уклад, довольствуясь изъявлениями покорности и выплатой дани. Завоевателям Центральная Азия обязана появлением первых систем административного управления, внедрение которых ускорило движения ее народов к собственной государственности.

Центральная Азия в эпоху персидских и эллинистических завоеваний

В VI в. до н.э. к планомерному завоеванию региона и созданию собственного административно-территориального устройства приступили правители Персидской империи (державы Ахеменидов). Покорив в 553—550 гг. до н.э. Мидию, царь Кир II присоединил к своему государству значительную часть Центральной Азии (Парфию, Маргиану, Бактрию, Согдиану и Хорезм, а также земли, населенные саками). Власть Ахеменидов не распространялась на земли массагетов, живших к востоку от Каспийского моря, а также Ферганскую долину. Слабее всего власть персидских царей была на территориях, населенных кочевыми племенами. Ослабление державы Ахеменидов в IV в. до н.э. и позволило образоваться независимому государству в Хорезме.

Хорезм — историческая область в низовье Амударьи. Основные центры — Ургенч и Хива.

В конце столетия на центральноазиатские сатрапии были распространены административные реформы царя Дария I. Во главе провинций он поставил управляющих, ответственных перед центральным правительством (сатрапов). В их функции входило гражданское административное управление, исполнение судебных полномочий и функций контроля за поступлением податей и несением повинностей. Сатрапы имели право чеканить серебряную и медную монету.

Для упрочения власти Дарий ввел на местах принцип разделения военной и гражданской администрации. Персидская империя была разделена на пять округов во главе с военачальниками, в подчинении которых находились руководители сатрапий.

Среди них наиболее крупной была Бактрия. Ее владельцы временами приобретали такое влияние, что начинали посягать на контроль над

домом Ахеменидов, пытаясь с помощью интриг возводить на персидский престол выгодных им кандидатов.

В 331 г. до н.э. царь Дарий III потерпел поражение от армии Александра Македонского в битве при Гавгамелах. Спасаясь, он бежал в земли своего бактрийского сатрапа Бесса, но был там убит. Воспользовавшись ситуацией, Бесс провозгласил независимость Бактрии.

Однако к концу IV в. до н.э. армии Александра Македонского покорили ее, как и соседнюю персидскую сатрапию Согдиану. Столица последней Мараканд (совр. Самарканд) была превращена в гарнизонный пункт македонцев, а окрестные селения разрушены и сожжены. Власть державы Александра распространилась и на Хорезм, ранее успевший добиться независимости от персов. Покорность македонцам изъявили кочевые племена массагетов и дахов.

В отличие от персов Александр не столько подавлял завоеванные народы, сколько стремился найти форму симбиоза с ними в рамках единой державы, политическое преобладание в которой принадлежало бы пришлым македонцам и местной эллинизированной знати. Он учитывал туземные традиции, избегал разрушать социальную структуру завоеванных стран и принимал на службу местных вождей.

Хотя формально в империю Александра входила почти вся современная Центральная Азия, влияние эллинизма в наибольшей степени проявило себя в Бактрии и Согдиане. В IV в. до н.э. греко-македонцы основали ряд крупных городов. Источникам известно по крайней мере три из них — Александрия-на-Оксе (Амударье), Александрия Эсхата на Яксарте (совр. Худжанд) и Александрия в Маргиане. Выполняя роль политико-военных форпостов македонцев, города становились культурными и экономическими анклавами эллинизма. Эллинистическое влияние обогатило жизнь Центральной Азии.

После смерти Александра в 323 г. до н.э. в восточной части его империи возникло государство Селевкидов. Его основатель Селевк (один из сподвижников Александра) смог в 312 г. до н.э. установить контроль над большей частью восточных владений Александра. В состав государства Селевка вошли центральноазиатские сатрапии Маргиана, Бактрия и Парфия. Их правителем Селевк в 293 г. до н.э. назначил своего сына Антиоха.

В середине III в. до н.э. на территории юга Центральной Азии и пригиндукушских районов Индии и Афганистана возникло Греко-Бактрийское царство. Социальной и военной опорой его правителей были греческие колонисты, селившиеся в основном в городах.

Это государство оказалось хрупким. Противостояние потомков пришлой и местной знати обусловило трения, в результате которых царство

распалось на несколько владений. Их возглавили вожди местных кочевых племен. Пришлые элементы, составлявшие основу городского и оседлого сельского населения, потерпели поражение. Победили кочевники, с тех пор уже не уступавшие власти земледельцам и потомственным горожанам.

Греко-Бактрийское царство оказалось последним эллинистическим государством Центральной Азии. К 128 г. до н. э. *Бактрия переродилась в кочевое государство.*

В I–III вв. на ее территории появились кушанские племена, пришедшие со стороны оазисов Восточного Туркестана (Синьцзяна). Началось формирование Кушанского царства.

Территории региона в составе Кушанского царства и Парфии

В период расцвета Кушанское царство включало в себя основную часть земель прежней Бактрии, Северной Индии и оазисов Восточного Туркестана. Из-за последних во II в. до н.э. возникло противостояние Кушанского царства с Китаем. Правители китайской династии Хань со II в. до н.э. стремились завладеть восточнотуркестанскими землями. В начале I в. до н.э. ханьские императоры установили контроль над территорией современной провинции Ганьсу, через которую пролегал путь из долины р. Хуанхэ в Центральную Азию (Гансуйский коридор).

Китайское правительство приступило к работам по продлению Великой китайской стены на восток, чтобы с ее помощью защитить восточные участки Великого шелкового пути, значение которого было уже осознано. Для обеспечения безопасности этих начинаний императоры добивались закрепления своего присутствия в Кашгарии. В результате успешного похода на Согдиану в 102 г. до н.э. Ханьская империя установила контроль над кашгарскими землями вплоть до современного г. Урумчи.

«Шелковый путь» (*Seidenstrassen*) — название введено в научный оборот немецким ученым Фердинандом фон Рихтгофеном в классическом труде «Китай» (1877).

В 70–80-х годах I в. н.э. новая волна китайского проникновения в западные земли была связана с походами полководца Бань Чао. В 84 г. он смог захватить номинально входившие в Кушанскую империю Турфанский и Кашгарский оазисы, а в 91 г. — Кучарский. Однако после смерти Бань Чао в 102 г. правители Кушанского царства оказали помощь правителям восставших против Китая оазисов, и те перестали признавать власть ханьцев. Экспансия Ханьской империи была приостановлена.

Однако с запада Кушанскому царству могло угрожать мощное и обширное Парфянское царство. Оно было основано в 250 г. до н.э. предводителем одного из иранских кочевых племен Аршаком. Стараниями парфянских правителей Митридата I и Митридата II к I в. до н.э. территория этого государства расширилась от междуречья Тигра и Евфрата на западе до р. Инд на востоке. Крайней северной областью Парфии являлась Гаркания, располагавшаяся к востоку от Каспийского моря.

Парфянское царство было мощным государством, способным соперничать с Римской империей. В центральноазиатской части Парфии имелись крупные города, один из которых — Михрдаткерт — был построен в районе современного города Ашхабада в Туркмении.

Ко II в. н.э. соперничество Парфии с Римом истощило ее. Мятеж правителя Персиды, одной из областей Парфянского царства, Арташира Папакана из рода Сасана привел в 224 г. к свержению в Парфии власти династии Аршакидов. Арташир захватил царский трон и в 226 г. короновался в качестве шахиншаха Ирана (Эрана). Началась эпоха державы *Сасанидов*. Господствующей религией в их государстве был зороастризм.

Сасаниды попробовали расширить свои владения на восток и вступили в борьбу за обладание землями Бактрии, которые входили в Кушанское царство. Борьба между двумя державами приобрела систематический характер и шла с переменным успехом, поскольку обе они к IV в. уже миновали расцвет своего могущества. В 60-х годах IV в. власть державы Сасанидов с большим трудом распространилась на земли Бактрии. Но кушаны не сдались. Потеряв Бактрию, они отступили на север и в 80-х годах IV в. сумели отнять у Сасанидов почти все их владения к востоку от Каспия.

Неудачно для парфян складывались и дела в Бактрии. В V в. на обладание ею стали претендовать горцы Памира, постепенно отнимавшие у Сасанидов их бактрийские владения. Военная мощь памирцев позволяла им вмешиваться в дела соседних государств.

В 457 г. Вахшунвар, вождь памирского племени *эфталитов* («белых гуннов»), правивший Бадахшаном, предпринял поход на Согдиану, чтобы оказать поддержку Перозу, одному из претендентов на иранский престол. Опираясь на помощь памирцев, Пероз стал шахом в 459 г. Тем не менее в 468 г. между ним и эфталитами началась война, в которой он потерпел поражение. Не смирившись с ним, шах продолжил борьбу с бывшими союзниками, которые стали регулярно вмешиваться в персидские дела. С перерывами эта борьба продолжалась до 484 г., когда в одном из сражений шах Пероз II был убит. Победив Иран, памирцы обложили его данью, которую получали до 545 г. Государство Сасанидов окончательно разрушилось в 651 г. под ударами арабов. К этому времени

памирские владетели подчинили себе Южный Афганистан, Северную Индию и оазисы Восточного Туркестана — Турфан, Карашар, Кашгар и Хотан.

Становление Центральноазиатского торгового коридора

В конце I тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э. экономическое и политическое пространство Евразии сомкнулось. Обширные территории от Тихого до Атлантического океана (Ханьская империя в Китае, государства Мавераннахра, Бактрия, Парфянское царство, Римская империя) слились в единый пояс государств, непосредственно соприкасавшихся друг с другом. Включение Центральной Азии в орбиту международных отношений позволило наладить через регион транзитное сообщение между основными центрами востока и запада Евразии.

Еще со времен персидского завоевания стали функционировать торговые пути из Бактрии в Вавилон и Лидию (Малая Азия) — так называемая «царская дорога» протяженностью более 2400 км. Через каждые 25—30 км она была снабжена дорожными станциями и почтовой службой. После покорения Центральной Азии войсками Александра Македонского возник водно-караванный путь из Бактрии вниз по Амударье в направлении Каспийского моря и далее вверх по Куре и вниз по Риони к Черному морю.

Наиболее устойчивым торговым маршрутом со второй половины II в. до н.э. стал Великий шелковый путь — первый трансконтинентальный маршрут из Китая в страны Европы. Он вел через Фергану, междуречье Амударьи и Сырдарьи и земли Бактрии. В западных владениях Китая (в районе Дуньхуана) Великий шелковый путь разветвлялся. Его северный маршрут вел к Турфану, Куче, Кашгару, р. Сырдарье, Каспию и Причерноморью, южный — к озеру Лобнор, Хотану, Яркенду, р. Амударье и Ирану. Этот путь был проложен во второй половине II в. до н.э. Именно тогда китайский дипломат и путешественник Чжан Цзянь открыл «Западный край» — путь на запад через Центральную Азию.

Значительная роль в освоении Великого шелкового пути принадлежит эллинистическим правителям Согдианы, которые после ее завоевания Александром Македонским стали осваивать земли к востоку от своих границ. В последующие века их торговые фактории появились вдоль всей восточной части этого пути от Средней Азии до города Чанъань в Китае. В конце VI в. согдийский купец Маниах, обогнув Каспий и переплыв Черное море, прибыл в Константинополь, положив начало новому маршруту вывоза шелка — «Кавказскому шелковому пути». *Согдийцы* вели морскую торговлю на путях из Аравии в Ин-

дию и Китай. Согдийские купцы обозначили свое присутствие по всей Центральной Азии.

Тюркский каганат

В VI в. завершился длительный период персидского преобладания в регионе. К непрерывной традиции персо-иранского господства в Центральной Азии можно отнести и исторически кратковременный этап греко-македонского завоевания, так как Александр получил данный регион в качестве военной добычи, доставшейся ему «в наследство» от державы Ахеменидов. С середины первого тысячелетия доминирование начало переходить к тюркским племенам с Алтая. В ходе междоусобиц, племенных войн, борьбы за власть и пастбища часть тюркских племен (*тюргеши, карлуки, кыпчаки, узбеки, огузы, сельджуки*) переселилась с Алтая в Центральную Азию. В ее степной части в середине VI в. возник *Тюркский каганат* с центром на Алтае. В союзе с иранскими владетелями тюрки разгромили памирское государство эфталитов. Земли каганата простирались от Монголии на востоке до территорий современной Киргизии и Казахстана на западе. На севере его владения доходили до верховий Енисея и Иртыша, а на юге проходили немного севернее границ Таримской впадины. Соседями каганата были Китай и держава Сасанидов.

В 603 г. Тюркский каганат распался на два — Западный (Согдиана, Хорезм и степи современного Казахстана) и Восточный (Синьцзян и монгольские степи). В обеих частях правили разные ветви представителей одной и той же династии *Ашина*. Восточная ветвь считалась старшей.

Период 551–603 гг. до распада единого каганата в литературе иногда называется периодом «первого каганата». Периодом «второго каганата» называют 682–745 гг., когда в Монголии на территории Восточнотюркского каганата, в 630 г. разгромленного Китаем, на время восстановилась власть каганов династии Ашинов. В 745 г. это государство погибло в результате внутренних усобиц и борьбы с подвластными племенами. «Второй каганат» в литературе именуется также государством «кок тюрков» — то есть «голубых тюрков», или «небесных тюрков». Это название некоторые исследователи связывают с тем обстоятельством, что тюрки той поры были *тенгрианцами*, то есть поклонялись небу-творцу. Тенгрианство сильно повлияло на мировосприятие кочевых народов Центральной Азии.

Притязания восточных тюрков на территорию Кашгарии обосновывались тем, что они считали Турфанский оазис своей легендарной родиной. К началу VII в. вся территория Центральной Азии оказалась разделенной между державой Сасанидов (районы к югу и западу от Амударьи) и Тюркским каганатом.

В X в. произошла тюркизация населения ираноязычных оазисов Восточного Туркестана (оседлое население было преимущественно ираноязычным и тохароязычным во всех частях Центральной Азии). С тех пор сохраняется разделение региона на два ареала: тюркоязычный и ираноязычный. Тюркскому каганату в период его подъема платили дань китайские государства — Северное Чжоу и Северное Ци.

Арабские и китайские завоевания

В VII в. Центральная Азия стала объектом арабских завоеваний. В 632 и 636 гг. войска арабов под руководством Саада Абу Ваккаса разгромили сасанидскую армию в битвах при Нехавенде и Кадусии. Последний сасанидский царь Йездегерд III бежал в Мерв, где был убит. В 705 г. арабы приступили к завоеванию Мавераннахра. В 706 г. наместник Хорасана (историческая область в восточной части современного Ирана, на западе Афганистана и юге Туркменистана) Кутейба ибн-Муслим захватил г. Балх и двинулся на Бухару. Против арабов выступили объединенные силы *тюргешей* и согдийцев, которым удалось нанести пришельцам серьезное поражение. Но в 709 г. Кутейба вновь отправился в завоевательный поход, достиг Бухары и смог захватить ее.

Разгром государства Сасанидов и арабские завоевания породили поток беженцев из Согдианы в направлении Китая. Спасаясь от нашествия, в земли современного Синьцзяна и далее на восток в китайские владения устремились воины потерпевших поражение армий, их семьи, а с ними — ремесленники и торговцы. Это было время царствования в Китае династии Тан, при власти которой на китайской территории были наиболее широко распространены ювелирные изделия центральноазиатских ремесленников. *Китай достигли волны культурного влияния Центральной Азии, а с ними манихейство и христианство в его несторианской версии.*

Соппротивление арабам возглавил *Тюргешский каганат*, который находился в отношениях более или менее формальной вассальной зависимости от Китая. Во время правления кагана Сулука (715–738) это государство переживало подъем. В 723 г. тюргеши совместно с *карлуками* Ферганы и жителями Чача (Ташкента) нанесли крупное поражение арабам и снова изгнали их из Бухары. Лишь в 732 г. арабы повторно разбили тюргешей, окончательно завоевали Бухару и закрепились в Мавераннахре.

Слабым звеном региональных государств в этот период оказался Тюркский каганат. Ни его восточная часть, управлявшаяся старшей ветвью каганов, ни западная, где правила младшая, не могли выдерживать крупные военные кампании. Между тем помимо арабов на западе каганату на востоке угрожал Китай, в котором правила династия Тан. К се-

редине VIII в. китайские войска стали захватывать кочевья восточной части Тюркского каганата. Было завоевано *Семиречье*, а затем — главные города западной части владений тюрков: в 740 г. — Тараз, в 748 г. — столица западнотюркских каганов Суяб, а в 749 г. — Чач (совр. Ташкент). Восточнотюркский каганат стал распадаться.

Семиречье — историческая область к востоку от озера Балхаша, упирающаяся в хребты Дунгарского Алатау и Тянь-Шаня. Главные реки — Или, Чу, Каратал, Аксу, Нарын, Лыпы, Саркан. В разных источниках перечень рек разнится.

На его обломках сформировалось государство уйгуров. *Уйгурский каганат* просуществовал около ста лет — с 744 г. по 840 г. Его владельцы поддерживали приятельные отношения с Китаем и даже заключали династические браки с китайскими императорами. Столицей каганата был город Карабалгасан, а государственной религией — манихейство. Уйгурский каган Тенгри (759—779) познакомился с ней во время визита в Китай, куда ее занесли согдийские купцы по Великому шелковому пути. При этом уйгуры продолжили пользоваться старым руническим письмом, которое они унаследовали от Тюркского каганата. Сирийский алфавит, тоже принесенный в регион согдийскими торговцами, прижился в степях и оазисах Восточного Туркестана позже.

Семь канонических священных текстов манихеев написаны на языке семитской группы, родственном сирийскому, который в свою очередь представлял собой один из вариантов арамейского. Известны тексты на персидском, парфянском, согдийском, тохарском, коптском и других языках.

Китайские императоры, подчинив своему влиянию уйгуров, захватив города Западнотюркского каганата и навязав вассальную зависимость правителям Ферганы, прочно закрепились на подступах к Центральной Азии. Они явно намеревались продолжить проникновение в ее глубинные районы. Местные владельцы чувствовали себя в тисках между Арабским халифатом и Китаем. При этом тюркские государи ссорились и воевали между собой.

В 750 г. возник конфликт между владельцами Ферганы и Чача. Тюркешский каган поддержал в нем Чач. Тогда ферганцы обратились за помощью к Китаю. Китайские войска разгромили отряды правителя Чача и тюркешей. Сам владелец Чача был схвачен и казнен китайцами. Сын казненного правителя решил прибегнуть к помощи арабов, которые откликнулись на просьбу.

В 751 г. у города Атлаха (близ Тараза) развернулась битва между войсками арабского военачальника Зияд ибн Салиха и китайского полководца Гао Сяньчжи. В решительный момент битвы в тыл китайцам уда-

рили восставшие племена *карлуков*. Китайские войска были разгромлены, оставив Семиречье и Восточный Туркестан. С того времени китайские императоры не рисковали предпринимать военные экспедиции в земли западнее того, что сегодня называется Синьцзяном.

Власть арабов продержалась в Центральной Азии до IX в. Начавшиеся межарабские усобицы и децентрализация халифата подорвали его силы. Этим воспользовались центральноазиатские правители, наиболее могущественные из которых создали в Мавераннахре независимое от арабов государство — персоязычную *державу Саманидов*.

Особенности распространения ислама

С приходом арабов в регионе началась исламизация. Стремясь закрепиться в оазисах Центральной Азии, арабы целыми семьями поселялись в захваченных городах и селениях. В регион направлялись арабские наместники, которых сопровождали писцы со своими канцеляриями. Вместе с ними в страну шло мусульманское духовенство.

Распространение ислама заняло несколько веков. Первое время арабы ограничивались получением дани от местных правителей и захватом военной добычи. Но в годы правления халифа Кутейба ибн-Муслима (705–715) началось активное внедрение мусульманства. На завоеванных территориях арабы, как правило, сохраняли власть местным владельцам, если те принимали ислам. В начале X в. мусульманство принял родоначальник династии Караханидов Сатук (см. ниже), а его сын Бограхан в 960 г. объявил ислам государственной религией в своих владениях.

В городах стали возникать арабские поселения. Желая стимулировать распространение ислама, арабы освобождали от прямых налогов тех, кто соглашался стать мусульманином. С созданием халифата Аббасидов возобновилась торговля по Великому шелковому пути. Центральноазиатские города Самарканд и Бухара стали крупными центрами караванной торговли, соединившей Поволжье (Хазарию и Волжскую Болгарию) с восточными азиатскими рынками.

Ислам в Центральной Азии относительно легко распространялся среди торгового населения городов и отчасти среди дехкан. Но основная масса оседлого сельского населения в VIII–IX вв. по-прежнему держалась зороастрийского культа.

В среде тюркоязычных кочевников ислам тоже долгое время не получал распространения. Они придерживались языческих верований, обожествляя силу природы. Отсутствие постоянных поселений, сезонные переезды, ограниченность связей с культурными центрами препятствовали строительству культовых сооружений и соблюдению религиозных

обрядов. В результате в степной части региона произошло переплетение ислама с традициями язычества. Уровень исламизации при этом снижался в направлении с юга на север.

После отступления арабов из Центральной Азии под давлением Саманидов в IX в. ислам остался доминирующей религией и в самой саманидской державе, и в государствах сельджуков и монголов. Среди уйгуров ислам закрепился позже. В созданном ими в 840 г. в восточном При Тяньшанье государстве Кочо (см. ниже) государственной религией был буддизм. В Мерве и Герате в IV—VII вв. существовали сначала христианские епископии, одна из которых (в Мерве) была даже реорганизована в митрополию. Ислам стал вытеснять из региона другие религии только с XVI в.

Христианство в его несторианской версии пришло в регион из Сирии через Персию. Сирийский язык остался языком христианских богослужений, а с ним в обиход местных христиан пришла сирийская письменность. Христианские общины существовали, помимо Мерва и Герата, в районе Самарканда, Семиречье, Кашгаре, Турфане, Кульдже и Монголии. Христианство исчезало в регионе постепенно — приблизительно в XIV в. под давлением ислама и буддизма. Сирийский алфавит повлиял на письменность уйгуров, маньчжуров и монголов.

Наибольшее распространение в Центральной Азии получил суннитский¹ ислам *ханафитского* толка, который был близок миропониманию кочевников. Идейным центром тюркских мусульман стал город Ясы (с XVI в. — Туркестан), в котором жил основатель ордена «*ясавия*» Ходжа Ахмед Яссави (Хазрет Султан). Яссави и его последователи проповедовали идеи ислама на тюркских языках. Они учитывали ментальность кочевого населения, большую самостоятельность женщин.

Основу для распространения *ханафизма* (по имени Абу Ханифы — одного из основателей учения) заложили *мурджииты*. Учение мурджиитов трансформировалось в восточной части халифата в борьбу за равноправие мусульман неарабского происхождения с арабами и расширение прав правителей из местных династий. После гибели главы мурджиитского движения ал-Хариса ибн Сурайджа (734—746) богослов Абу Ханифа (699—767) стал духовным главой движения на востоке халифата. В конце VIII — начале IX в. ханафизм распространился в городах Северного Ирана и Мавераннахра.

Положения ханафитской школы сыграли роль в формировании центральноазиатской версии ислама. В IX—X вв. в городах Насаф, Самар-

¹ Суннизм и шиизм являются двумя основными направлениями ислама. В отличие от шиитов, сунниты наряду с Кораном признают и Сунну (священные тексты, составленные в VII—IX вв.).

канд и Бухара сложились местные ханафитские школы. Период расцвета центральноазиатского ханафизма пришелся на XI — начало XIII в. В Мавераннахре ханафитские законоведы разработали и систематизировали положения своего учения на местном материале, что обеспечило им популярность среди верующих.

Создание эмирата Саманидов

К концу IX в. местные правители и арабские наместники стали практически независимыми от Багдада. В последней четверти IX в. на центральноазиатских землях Арабского халифата возвысился персоязычный дом Саманидов. Его правители *тохарского* происхождения были выходцами из города Балха, столицы исторического Тохаристана. Основатель династии Саман принял ислам и поступил на службу к правителю Хорасана. Возвышение дома произошло при его внуках, которые за успешную службу были назначены халифом ал-Мамуном правителями сразу четырех провинций халифата — Самарканда, Ферганы, Чача и Герата. Постепенно власть над всеми четырьмя провинциями сконцентрировалась в руках одного из Саманидов, который принял титул *эмира*, имевший значение «предводитель», «вождь». Власть эмира вскоре распространилась на Хорасан и некоторые другие сопредельные земли. Правители Хорезма признавали себя вассалами Саманидов. Столицей их государства стала Бухара. Важно иметь в виду, что один из титулов багдадских халифов звучал как «*амир ал-муминен*» и означал «предводитель правоверных». Титул эмира был ему созвучен, хотя по смыслу был скромнее. Это сделало его популярным в Центральной Азии.

Будучи фактически независимыми от арабских халифов в Багдаде, Саманиды формально не порывали с ними и признавали себя их вассалами, направляли ежегодную дань и получали от них инвеституру при вступлении на трон, хотя последнее выглядело скорее как просто церемониальное действие.

Парадоксальным образом, персоязычные Саманиды положили начало тюркизации политической жизни своей державы. Все началось с того, что они сделали упор на формировании военных отрядов из числа тюркских *гулямов* — воинов-невольников, которые, как в ту пору было принято считать, отличались особой преданностью своим повелителям. Их рекрутировали из рабов — кочевников, приобретаемых на невольничьих рынках, крупнейший из которых находился в Самарканде. Тюркские невольники составляли часть дани, которую Саманиды направляли багдадским халифам. И Саманиды, и халифы использовали гулямов сходным образом: ими комплектовали гвардейские части и из их же числа

часто назначали губернаторов провинций. Иногда из гулямов-губернаторов выходили основатели новых династий.

Такая традиция была характерна для многих восточных стран. Отчасти она объясняет особенности их политической культуры с характерными для нее безжалостными отношениями между монархами и даже высокопоставленными подданными. В глазах монарха губернатор-гулям оставался рабом, бесправным существом, жизнь которого, как считалось, безраздельно принадлежит государю. Монарх считал себя вправе в любой миг эту жизнь отнять, а подданный жил с пониманием того, что его жизнь ему не принадлежит. Если вчерашний губернатор-гулям сам становился монархом, то он относился к подданным так же, как относился к нему его государь, когда в положении подданного находился губернатор-гулям.

Династия Саманидов правила около двух веков (819–1005). Установление относительного спокойствия в центральноазиатских землях оказало благоприятное влияние на экономическую и культурную жизнь региона. Бухара, столица Саманидов, была центром образования и культуры всего Среднего Востока. Вместо согдийского языка в государстве распространился, наряду с арабским, персидский литературный язык. Население державы, основная масса которого исповедовала прежде зороастризм, стало вслед за правителями обращаться в ислам. При дворе Саманидов работали поэты Рудаки (ум. в 941 г.) и Фирдоуси (ум. в 1020 г.). Правление Саманидов считается золотым веком персоязычной литературы. Основными соперниками эмирата Саманидов со временем стали турки-кочевники, объединившиеся в *государство Караханидов*.

Возникновение уйгурского государства Кочо

Упомянувшийся выше Уйгурский каганат в 840 г. был разгромлен нашествием «енисейских киргизов» (см. гл. 2), проживавших в то время в верховьях Енисея на территории современной Республики Тыва в составе России. Спасаясь от захватчиков, уйгуры двинулись на запад. Часть их осела в районе современной китайской провинции Ганьсу и смешалась с местным населением. Другая — смогла закрепиться в землях современного восточного Синьцзяна и образовала там новое государство Кочо, просуществовавшее с 850 по 1250 г. на территории Турфанского оазиса. Эти земли имели весьма длительные традиции освоения. В периоды, относимые европейской исторической традицией к поздней Древности и раннему Средневековью, в Турфане существовала цивилизация, носители которой говорили на тохарском языке, относимом к индо-европейской группе. Религией турфанских жителей было манихейство и буддизм.

После захвата власти уйгурами преобладающим языком жителей оазиса стал тюркский. Но это не поколебало преобладания манихейства и буддизма. В турфанских землях продолжали также существовать имевшиеся там общины несторианского христианства. Уйгуры приняли местные религии наряду со своими старыми языческими верованиями. Только к концу периода, соответствующего европейскому пониманию Средневековья, местное население стало переходить в ислам.

Кочо было полуоседлым—полукочевым государством. Местное «до-уйгурское» население предпочитало жить в городах и заниматься земледелием. Пришное, уйгурское — отчасти перенимало оседлый образ жизни от местных уроженцев, отчасти привносило в нее свои традиции. Например, каган вместе со своим двором в течение года перемещался из «зимней» столицы в «летнюю» в зависимости от времени года, а оседлые жители страны научились переживать жару в специально сооружавшихся в их жилищах подвальных помещениях, где сохранялась прохлада. В стране были десятки буддистских монастырей и манихейских храмов, служители которых приезжали из персидских земель. Государство Кочо оставалось крайним восточным форпостом ираноязычной культуры. Тохарский язык стал постепенно вытесняться тюркским. Но уйгуры восприняли от коренных жителей местный алфавит, созданный на базе сирийского. Руническое письмо, которым раньше пользовались уйгуры, вышло из употребления.

Судя по сохранившимся текстам, в культурном отношении буддизм в стране преобладал, хотя от той эпохи осталось довольно много манихейских и христианских письменных источников. Государство Кочо оказалось «перевалочным» пунктом на пути из Индии в Китай, своего рода каналом культурного общения нескольких цивилизаций. На тюркский язык начали переводиться санскритские тексты, необходимые для буддистских богослужений. При этом они переводились не напрямую, а по китайским переводам с санскрита. На тюркском языке стали создаваться и манихейские религиозные тексты. Роль своего рода «культуртрегеров» в местной жизни выполняли согдийские купцы, продолжавшие курсировать вдоль Великого шелкового пути.

Обратившиеся в буддизм правители Кочо перестали именовать себя принятыми среди степных народов тюркскими титулами каганов и ханов. Они стали называться *идыкут* (*idikut*). Государство Кочо ухитрилось поддерживать мирные отношения с большинством своих соседей. Это позволило ему уцелеть даже перед лицом нашествия Чингисхана, вассалами которого уйгуры признали себя заблаговременно.

В 1210 г. в ставку Чингисхана отправилось посольство государства Кочо, а потом и сам его правитель к хану с изъявлением покорности.

Этот маневр имел, помимо политических, важные культурные последствия. Монгольские правители оценили лояльность уйгуров и, учитывая их грамотность, стали приглашать уйгуров на службу в качестве писцов, постепенно составивших основу управленческой бюрократии завоевателей. Так в обиход государства Чингисхана вошло «уйгурское» письмо, позднее ставшее основой старомонгольской письменности.

Государство Караханидов и возвышение Хорезма

В конце X в. ослабевший эмират Саманидов стал разрушаться под давлением *семиреченских*¹ *тюрок*, вожди которых стали переходить в ислам, принуждая к тому же своих подданных. С XI в. тюрки стали оседать в долинах Чирчика, Нижнего Зеравшана, Кашкадарьи. Около 1005 г. под власть тюрок после окончательного разгрома отрядов Саманидов перешел Самарканд. Так было основано новое государство, править которым стали представители династии Караханидов. Письменных памятников это государство не оставило.

Караханиды — термин, введенный европейскими историками. В арабских источниках эта династия называется «*ал-хаканийа*» — «каганы».

С приходом завоевателей-тюрок таджики, этнические потомки согдийцев, из сельских районов вытеснялись в горы, а в долинах — частично ассимилировались с завоевателями. В городах таджикское население продолжало преобладать. Территория новой державы включила в себя Семиречье, Кашгарию, Фергану и территории Мавераннахра. Ее центр и ставка правителей были в кашгарских землях. Главными городами были Баласагун в Семиречье, Кашгар, Узген в Фергане и Самарканд. Разговорным языком в государстве постепенно становился тюркский, но официальные документы писались на арабском и персидском языках. Ираноязычная культура в целом по-прежнему определяла лицо региона. Политически Центральная Азия становилась более тюркской, но культурно и экономически она оставалась персидской и арабизированной.

Процессы этнического смешения и миграций не затронули долин Верхнего Зеравшана, Кафирнигана, Пянджа, Вахша и ряда других областей современного Таджикистана, где язык и культура таджиков продолжали развиваться вне тюркского влияния.

В XI в. из туркменских степей началось наступление кочевников во главе с туркменским племенем *огузов*. Из его среды выдвинулся вождь по имени Сельджук, по имени которого со временем все кочевники этой

¹ Семиречье перешло под контроль тюрок к VIII в.

группы получили название сельджуков. Считается, что *тюрки-огузы* исходно пришли в земли Хорезма и далее на Средний Восток из западных и центральных районов степей современного Казахстана.

Сельджуки заняли нижнее течение Сырдарьи еще в конце X в. Вскоре с разрешения саманидских правителей они стали кочевать между Бухарой и Самаркандом. Пока последние Саманиды воевали с Караханидами, сельджуки во главе с султаном Тогрулбеком с 1040 по 1050 г. захватили земли Хорезма и почти весь Иран. Столицей своего государства они сделали г. Мерв. Владения сельджуков распространились на Ирак, Сирию и Закавказье.

Источники свидетельствуют о том, что три сына Сельджука носили иудейские имена — Израил, Михаил и Муса (Моисей). Часть исследователей допускает, что это свидетельствует об обращении сельджукских султанов к *иудаизму*. Но более многочисленны мнения о том, что имена сыновей Сельджука — знак того высокого престижа, которым в XI в. продолжали обладать исторические воспоминания о Хазарии (Хазарском каганате) в глазах тюрок-огузов, в среде которых рос Сельжук. С момента проникновения сельджуков на Средний Восток в исторических сочинениях появляется этноним «*туркмены*», которым, как предполагается, стали называть ту часть тюрок-огузов, которые отказались от язычества и перешли в ислам.

Хазарский каганат — тюркское кочевое государство, официальной религией в котором был иудаизм.

Государство сельджуков стало главной политической силой Среднего Востока. В 1055 г. сельджукские войска вошли в Багдад. Правда, халифы династии Аббасидов сохранили власть над Багдадом. Но они уже считались не светскими государями, а только духовными владыками исламского мира. Фактически халифы сохраняли власть лишь благодаря покровительству сельджукских султанов и по их благоволению.

Дочь халифа была отдана в жены вождю сельджуков, а сельджукский султан Тугрул-бек получил от халифа почетный титул «эмира Востока и Запада». Очевидно, что к этому времени сельджуки, во всяком случае, их правящий слой, были исламизированы. В 1071 г. сельджуки разгромили войска византийского императора Романа Диогена, что открыло им путь в Малую Азию.

Держава Караханидов оказалась в зависимости от сельджуков не меньше других исламских государств. Ее спасало только то, что сердцевина владений Караханидов располагалась сравнительно далеко от Мерва. Но в 1072 г. сельджуки решили распространить свой контроль

на земли Мавераннахра. До большой войны дело не дошло, и дом Караханидов после первых же стычек признал свою вассальную зависимость от сельджуков.

В начале XI в. к югу от владений Караханидов, начиная с левобережья Амударьи, земли, населенные отчасти персоязычными, отчасти тюркскими племенами, а также значительная часть Ирана перешли к ставшему довольно сильным государству *Газневидов* в Афганистане. Их наиболее могущественный правитель Махмуд Газневи (998–1030) был воинственным мусульманином, что отличало его от других правителей Центральной Азии.

Тюркская династия Газневидов происходила от воина-гулама по имени Себюктегин, служившего сначала при дворе одного из эмиров дома Саманидов, а потом в качестве его губернатора в областях саманидского государства на территории современного Афганистана и иранской провинции Хорасан. Должность губернатора провинции перешла от Себюктегина в его сыну Махмуду (998–1030) как раз в тот момент, когда под натиском Караханидов власть дома Саманидов пала. Махмуд не признал над собой власти победителей и объявил себя независимым. Ядром нового государства стали афганские земли. При этом ему удалось сохранить с домом Караханидов более или менее добрые отношения.

Отношения с сельджуками были намного хуже, поскольку последние видели в Газневидов конкурентов и были намерены бескомпромиссно с ними бороться. В 1040 г. войска Газневидов потерпели от сельджуков поражение близ местечка Данданкан во владениях туркменских племен в 70 км от Мерва. С тех пор Газневиды не предпринимали попыток наступления на север и запад, сосредоточив внимание на экспансии в направлении Индии.

Между тем ситуация в регионе менялась. В 30-х годах XII в. в семиреченские земли Караханидов, которые были теперь вассалами сельджуков, с востока вторглись кочевники монгольской группы — *караки-таи* (кидании, «циданы»). Они легко нанесли поражения Караханидам в их восточных землях и стали наступать на Мавераннахр. Сельджукский султан Санджар, защищая своих вассалов, пытался остановить каракитаев, но в 1141 г. он потерпел от них поражение под Самаркандом. Каракитаи захватили Мавераннахр. Они оставили в нем прежних правителей, но подчинили их себе и обложили данью. На части завоеванных земель Центральной Азии каракитаи в 1142–1211 гг. создали свое небольшое государство Западное Ляо между реками Талас и Чу.

Его жители предположительно говорили на монгольском языке, но были подвержены китайскому культурному влиянию. Во всяком случае, дошедшие от них монеты и письменные памятники написаны китайскими

иероглифами. В религиозном отношении каракитаи исповедовали буддизм. Это государство просуществовало до нашествия Чингисхана.

Поражение, которое султан Санджар потерпел от каракитаев, привело к общему ослаблению власти сельджуков. Это пошло на благо Хорезму, правители которого в XII в. приобрели большое влияние. Государство Караханидов теперь само оказалось в вассальной зависимости от каракитаев. Оно было не в состоянии держать в подчинении Хорезм. Убедившись в этом, шахи Хорезма перестали платить ему дань. Попытки Караханидов заставить их исполнять прежние обязательства были безуспешными. В 1207 г. хорезмский шах захватил Бухару и присоединил бухарские земли к своим владениям. Тогда против Хорезма были направлены войска каракитаев. Но в 1210 г. шах Ала ад-Дин Мухаммед (1200—1220) смог отразить их нападение.

В хорезмских городах, особенно в его столице Ургенче, развивалось ремесленное производство. Выгодное географическое положение, близость к караванным путям способствовали развитию внешней торговли, а близость к степным скотоводческим районам открывала возможность торгового обмена со степными скотоводами — туркменами и кыпчаками (половцами).

Расцвет Хорезма пришелся на начало XIII в. Шах решил предпринять завоевательный поход на юг — в зону владений быстро терявших могущество сельджуков. В планы Хорезма входило завоевание Багдада. Хорезмские войска смогли завоевать значительную часть Ирана, ряд афганских владений и двигались в направлении Багдада. Но поход на столицу халифов оказался неудачным. Застигнутые снегопадами в горах Курдистана хорезмские войска понесли большие потери от непогоды и не смогли взять город.

Кроме того, около 1218 г. шах получил известие об угрозе нападения на его владения со стороны Семиречья, в котором закрепился вождь племени *найманов* Кучлуг, изгнавший оттуда каракитаев и Караханидов. Некоторые из вождей последних неосмотрительно обратились за помощью против Кучлуга к Чингисхану. Тот согласился, приступив к систематическому подчинению земель к западу от владений тех монгольских племен, которые уже признали над собой его власть. Мелкие государства Синьцзяна один за другим становились вассалами Чингисхана. Монголы стали захватывать Семиречье. Только Фергана и Мавераннахр оставались во власти Хорезма.

Разорение Центральной Азии монголами

В начале XIII в. Семиречье было полностью покорено монголами. Мавераннахр стал пограничной территорией между ними и Хорезмом.

Поддерживая дипломатические и торговые отношения с хорезмшахом, Чингисхан через послов и купцов не стеснялся собирать сведения о военной мощи хорезмских правителей.

Завоевание земель на Западе Чингисхан поручил четырем сыновьям. Джучи он отправил покорять енисейских киргизов, над которыми были одержаны две победы в 1210 и 1218 гг. Угедей и Чагатай возглавили поход на Хорезм, а Тулуй пошел на Мерв.

Осенью 1219 г. монгольские войска осадили пограничную хорезмскую крепость Отрар у впадения р. Арысу в Сырдарью. Поручив ее осаду сыновьям, Чингисхан в феврале 1220 г. сам подступил к Бухаре, которая сдалась. Город был сожжен, а жители — почти полностью истреблены. В марте пал Самарканд. Горожан вывели за город и перебили, за исключением ремесленников, которых превратили в рабов. К этому времени пал и Отрар.

Ургенч, осажденный монголами, выдерживал осаду много месяцев. Но монголы открыли плотины на Амударье и затопили город. Жители, за исключением ремесленников, обращенных в рабство, были тоже истреблены. В том же году монголы подошли к Мерву. Попытка организовать оборону не удалась, и местный правитель сдал город. Монголы разрушили все здания и укрепления, а затем полностью razорили оазис.

До тех пор Центральная Азия не знала подобных жестокостей. Персидские и греко-македонские завоеватели стремились подчинить завоеванные страны. В отличие от них монголы разрушали покоренные государства до основания, истребляли население и начинали использовать захваченные земли как кочевые угодья. В культуре той эпохи не существовало понятие «этнические чистки». Фактически при монгольских завоеваниях происходили именно они. Сходный подход к покоренным землям был характерен и для завоеваний Тимура.

Чингисхан не признавал принятых кочевыми народами принципов «семейного правления», когда старший член семьи становится правителем с согласия младших и считается просто «первым среди равных». Джучи, старший сын Чингисхана, умер прежде, чем сам старый хан. Согласно воле отца империю должен был наследовать третий сын хана — Угедей. Второй его сын, Чагатай, согласился с таким решением. Другие дети Чингисхана не возражали. В итоге ханом стал Угедей.

Империя Чингисхана делилась в административном отношении на *крылья* и *улусы*. Несколько улусов составляли крыло. Самыми главными улусами были те, которыми непосредственно управляли сыновья Чингисхана. По монгольской традиции старшему сыну отдавался самый

дальний улус, а младшему — ближний. Поэтому западные территории империи Чингисхана вошли в улус его старшего сына — Джучи, вернее, его наследников. Ставка улуса Джучи располагалась на Иртыше, а земли включали в себя Кипчакскую степь, верховья Сырдарьи, Хорезм, часть Кавказа, Крым и русские княжества.

Владения второго сына Чингисхана — Чагатая — простирались от уйгурских земель в Восточном Туркестане до Самарканда и Бухары и от южного Алтая до истоков Амударьи. Ему, таким образом, достались туркестанские оазисы и Семиречье.

Улус Угедея, третьего сына Чингисхана и его наследника, располагался ближе всего к Монголии, в горах Тарбагатай, на Верхнем Иртыше.

При внуках Чингисхана конфигурация владений его потомков продолжала меняться. Владения Джучи были разделены между его старшими сыновьями: Бату и Орду-Иченом. Первый получил западные земли — Поволжье, Причерноморье, Северо-Восточный Кавказ, степи современного Казахстана и нижнего течения Сырдарьи, а также территории в Западной Сибири. Он сделал своей ставкой г. Сарай-Берке на Волге. Его земли стали называться Золотой Ордой.

Второй — получил во владение Киргизскую степь и обосновался в г. Саганаке. Его удел в русских источниках называется Синей Ордой, а в исламских — Белой Ордой. Орда-Ичен из своих владений выделил своему младшему брату Шейбану отдельный улус, включив в него земли от верховьев Урала до низовьев Сырдарьи. Впоследствии Синяя Орда перекочевала к северу и дала начало Сибирскому ханству.

Ветвь потомков Бату считалась старшей. Потомки Орды-Ичена и Шейбана считались вассалами потомков Бату. Поэтому название «Золотая Орда» формально относимо к землям всех трех сыновей Джучи. В этом смысле можно полагать, что после победы в 1223 г. Чингисидов над русскими и половцами на р. Калка вся территория Центральной Азии вошла в состав Золотой Орды.

Но на самом деле в XIII–XIV вв. ханы младших ветвей свели свою зависимость от старшей ветви к минимуму. Поэтому термин «Золотая Орда» с начала XIV в. фактически имел смысл только применительно к владениям потомков Бату. В XV в. на их территории сложились новые государственные образования: Большая Орда, Ногайская Орда, Узбекское, Касимовское, Крымское, Казанское, Сибирское и другие ханства.

Ордынские ханы проводили насильственную исламизацию покоренных земель. Особым напором отличался золотоордынский хан Узбек (правил в 1313–1342). После вступления на престол он начал принуждать своих подданных принимать ислам под угрозой смерти, истребляя

даже часть уцелевшей старой монгольской знати, придерживавшуюся традиционных монгольских верований.

Почва для принятия ислама ордынцами была подготовлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, мусульманство было господствующей религией волжских болгар, завоеванных Золотой Ордой, и влияло на нее изнутри. Во-вторых, мусульманами были почти все ордынские чиновники из числа уйгуров и хорезмийцев.

Последствия нашествия монголов были серьезными. Некоторые из захваченных городов — Самарканд, Бухара и Ургенч — смогли оправиться и восстановиться в качестве экономических и культурных центров. Мерв и множество других — пришли в упадок навсегда. Еще страшней была ситуация в Семиречье, где исчезли не только городские поселения, но и оседлая жизнь вообще. Существует точка зрения, согласно которой монголы специально уничтожали оседлую жизнь в степных землях, чтобы увеличить площади для кочевков.

Земли региона в составе государства Тимура

В XIV в. Центральная Азия стала ареной завоеваний Тимура (Тамерлана). Если полагаться на свидетельства его официальных историографов, Тимур происходил от одного из потомков Чагатая, сына Чингисхана. Эта версия подвергается обоснованным сомнениям. Во всяком случае, происхождение изначально не обеспечило Тимуру ни богатства, ни высокого общественного положения.

Тамерлан — прозвище, происходящее от персидского словосочетания «Тимур-е-ланг», что означает «хромой Тимур». Завоеватель получил это прозвище из-за хромоты, вызванной тяжелым ранением ноги.

В эти годы в регионе происходила борьба между потомками монгольских ханов и местными тюркскими владетелями. Власть первых слабела, но они пытались ее удержать. Тимур родился в 1336 г. в Кеше (совр. Шахрисабз в Узбекистане). Он происходил из монгольского племени *барулас*, которое, однако, было в значительной степени тюркизовано. Возможно, поэтому Тимуру было нетрудно лавировать между тюрками и монголами, не становясь на сторону ни тех, ни других.

Собрав вокруг себя отряд вооруженных всадников, Тимур стал принимать участие в стычках между враждующими группировками в своем родном городе Кеше, расположенном к югу от Самарканда. Этим он обратил на себя внимание Хаджи, правителя города и вождя племени *барулас*. Хаджи пригласил Тимура вместе с его отрядом к себе на службу. В 1360 г. вторгшиеся в Мавераннахр монголы попытались сместить Хад-

жи и вынудили его бежать. Тимур не последовал за правителем, а заключил договор с монголами, за что получил от них власть над Кешем.

Не веря, однако, в прочность власти монголов, он вскоре вступил в союз с противником монголов, правителем Самарканда тюрком Хусейном, что стоило ему на время потери власти в Кеше (в эти годы он и получил тяжелое ранение в ногу). Но в 1364 г. монголы были изгнаны из региона. Тимур с помощью Хусейна вернул себе Кеш, однако оказался вассалом самаркандского владетеля. В 1370 г. возник конфликт между Тимуром и Хусейном, в результате которого последний был пленен и убит. Тимур стал фактическим владетелем всего Мавераннахра.

Отсюда он распространил власть на нижнее течение Сырдарьи, в степях которого кочевала Синяя Орда. Пользуясь распрями внутри ордынской знати, Тимур вмешался в междоусобицу на стороне Тохтамыша, одного из претендентов на ордынский престол. В итоге в 1380 г. тот стал ханом, объединив земли и Белой Орды и Золотой. За оказанную помощь, однако, Тохтамыш был вынужден признать себя вассалом Тимура.

В 1388 г. Тохтамыш попытался отложиться от Тимура, но в 1395 г. потерпел от него сокрушительное поражение. К концу XIV в. войска Тимура разрушили золотоордынскую столицу Сарай-Берке. Владения ордынских ханов, включая русские земли, были номинально включены в государство Тимура, который стал сам назначать ордынских ханов.

После завоевания Хорезма в 1379 г. власть Тимура распространялась на всю Центральную Азию, а к концу XIV в. он контролировал огромную территорию от Сирии на западе до Китайской (Минской) империи на востоке, от южной Сибири на севере до северного Индостана на юге. Столицей Тимура остался Самарканд. Потомки Чагатая, потерявшие власть в Мавераннахре, сохранили ее только к востоку от владений Тимура — в Могулистане и Синьцзяне.

При этом Тимур не провозгласил себя ханом, не желая впутываться в споры о законности своих претензий на ханский престол при обилии прямых потомков Чингисхана. Ханам при нем продолжали считаться настоящие потомки Чингисхана — сначала Суюргатмыш (1370–1388), а потом его сын Махмуд (1388–1402). Тимур принял титул «великого эмира» и стал править «от имени» Чингисидов. При этом он взял в жены дочь одного из отдаленных потомков Чингисхана по линии Угедая, так что в его детях оказалась кровь Чингисидов. Поэтому второй титул, которым пользовался Тимур, звучал «*гурган*» (или «*кюреген*»), что означало в переводе с монгольского «зять», то есть «зять хана».

Титул эмира одновременно намекал на связь государства Тимура с «великой эпохой» эмирата Саманидов. Одновременно в рамках арабоязычной культурной *ойкумены* он подчеркивал связь, своего рода сим-

волическое преемство власти Тимура по отношению к власти багдадских халифов как «предводителей правоверных». Титул хана, при всей его важности, подобной психологической и культурной притягательностью не обладал — во всяком случае для самого Тимура.

В рамках государства Тимура не возникло условий для развития производительной экономики. Хозяйство держалось на завоевательных походах, обеспечивавших военную добычу, приток подношений и дани из окраинных провинций и захватываемых земель. Процветание «ядра» империи — Мавераннахра — и архитектурный блеск его столицы Самарканда обеспечивались ограблением периферии.

Под властью Тимура пришел в полный упадок некогда процветавший регион междуречья Тигра и Евфрата, а его главный город Багдад дважды без особой необходимости разрушали и грабили тимуровские войска. В литературе отмечена крайняя жестокость Тимура в отношении завоеванных территорий. С момента захвата Тимуром власти в Мавераннахре в 1370 г. до его смерти в 1405 г. прошло всего 35 лет.

После борьбы между наследниками Тимуру наследовал его сын Шахрух (1409—1447), который перенес столицу из Самарканда в Герат. Наследники Тимура не чувствовали себя связанными необходимостью править от имени Чингисидов. Поэтому, начиная с Шахруха, они именовали себя султанами, вернувшись к традиции семейного правления, вследствие которой вскоре государство стало дробиться так же, как начиная с третьего поколения Чингисидов стала разрушаться на мелкие и мельчайшие улусы империя Чингисхана. В государстве Тимуридов были распространены примерно в равной степени персидский, арабский и тюркский языки. Первые два по-прежнему были распространены больше в сфере культуры и высокой политики. Тюркский оставался больше разговорным, но в этот период стали появляться первые заметные художественные тексты на тюркском языке.

С государством Тимуридов связано возрастание влияния в регионе суфийского ордена «*накибандийа*». Он был основан ходжой Баха ад-Дин Накшбандом (1318—1389), родившимся неподалеку от Бухары, где он провел почти всю свою жизнь и был похоронен. Накшбанд — не имя, а прозвище, данное по профессии (букв. означает «чеканщик») — родился на территории современного Таджикистана. Его творческое наследие известно только в пересказах последователей.

Литература

Ахмедов Б. Сахибкиран Тимур. Ташкент, 1996.

Боровкова Л. А. Кушанское царство (по древним китайским источникам). М., 2005.

2. Международно-политическое развитие Центральной Азии в XVIII–XIX веках

- Бичурин Н. Я. (Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950–1953. Т. 1–3.
- Вайнберг Б. И., Ставский Б. Я.* История и культура Средней Азии в древности. М., 1994.
- Взаимоотношения народов Средней Азии и сопредельных стран Востока в XVIII — начале XX в. Ташкент, 1963.
- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1985.
- Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы евразийских степей: Древность и средневековье. СПб., 2000.
- Кожин П. М.* Традиции в системе этноса // Этнографическое обозрение. 1997. № 6.
- Кожин П. М.* Арабский путешественник Абу-Дулаф об этнокультурных контактах в Центральной Азии в середине X века // VI конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. / Отв. ред. Ю. К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2005.
- Кожин П. М.* Значение материальной культуры для диагностики процессов доисторического этногенеза // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. М., 1987.
- Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997
- Atkin M.* Religious, national, and other identities in Central Asia // Muslims in Central Asia: expressions of identity and change. Durham; London, 1992.
- Rudeson J.* Oasis Identities // Uigur Nationalism Along China's Silk Road. N.Y., 1997.
- Soucek S.* A History of Inner Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Линь Гань.* Туцзюэ ши (История тюрков). Хух-Хото, 1988.

Глава 2

МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XVIII–XIX ВЕКАХ

Государство Тимура оказалось последней сверхдержавой, в которую входили земли Центральной Азии. В последующем характер территориально-политической организации этой части мира изменился. Будущее региона стали определять не грандиозные империи, а менее крупные образования, заметную роль в создании которых стал играть *местный* этнический элемент.

Все более многочисленные и отдаленные потомки Чингисхана, претендовавшие на титул *ханов*, вливались в состав местной знати, образуя ее высший слой и с ней частично смешиваясь. Но вожди местных племен (*беки, биш*), а также *эмиры* и *султаны* местного происхождения набирали силы и начинали претендовать на верховную власть. Правда, *Чингисиды*, то есть представители прямых и боковых ветвей потомства Чингисхана, по-прежнему пользовались престижем, который помогал

им занимать престолы государственных образований. В ряде случаев местные вожди были мощнее Чингисидов и могли претендовать на ханские троны сами, но они, подобно Тимуру, предпочитали формально занимать вторые посты в государственной иерархии, «пропуская» на первые позиции кандидатов с более «высокородной» кровью. При этом реальная власть оставалась у выходцев из местных племен.

Подобные ситуации возникали в отношениях между Чингисидами и местными племенными вождями в Бухаре и Хиве, а также между Чингисидами и *ходжами* в Кашгарии.

«*Ходжа*» (каз. «*кожа*») — в узком смысле обозначает отдаленных прямых потомков Мухаммада и четырех праведных халифов. В более широком смысле этим словом называли потомков руководителей первых исламских общин в регионе, которые происходили от арабов-проповедников, принесших ислам в Центральную Азию. В самом широком смысле так именовали всех совершивших паломничество (*хадж*) в Мекку. В XVI–XIX вв. титул *ходжей* носили теократические правители Кашгарии.

Хотя основная часть Центральной Азии оставалась зоной кочевий, прекращение внешних нашествий позволило возникнуть более устойчивой привязке этнических групп к определенной территории. Маршруты кочевий могли пересекаться или налагаться друг на друга. Но в целом отдельные группы населения региона приобретали то, что впоследствии стало называться их национальной территорией. Стабилизация территории была одной из предпосылок формирования современных этносов.

Государство кочевых узбеков и формирование Казахской орды

После смерти Тимура в государстве его наследников начались междоусобицы, которыми воспользовались кочевники. Наиболее сильными из них были узбеки. *В этническом отношении смысл этого слова был иным, чем сегодня.* Узбеками называли этнически разнородную общность кочевых племен тюрко-монгольского происхождения, объединенных принадлежностью к единой орде, вожди которой прямо или косвенно возводили свое происхождение к хану Узбеку — представителю одной из ветвей потомков Чингисхана.

Самое раннее упоминание термина «узбеки» относится к первой половине XIV в. В сочинении Хамдуллаха Казвини, который описал вторжение хана Узбека в Иран в 1335 г., «узбеками» названы все воины золотоордынского войска. В той же рукописи государство хана Узбека (Золотая Орда) именовано «узбекским государством» (*мемлекет-и-узбеки*).

В трудах историографов Тимура «областью узбеков» называют владения Урус-хана, а «узбекским» ханом — самого Урус-хана. Тимуриды нередко враждовали с «узбеками», но иногда они заключали с ними союз и даже вступали в родственные отношения. Постепенно «узбеками» стали называть всех подданных Белой Орды, в том числе тюркоязычных.

Разгром Тимуром войск золотоордынского хана Тохтамыша, как уже было сказано, способствовал распаду Золотой Орды на Синюю и Белую Орду. В составе Белой Орды стали обособляться Казанское и Астраханское ханства, Хорезм, а также Ногайский и Узбекский улусы.

Узбекский улус занимал степные пространства между Уралом и низовьями Сырдарьи. Как государственное образование он утвердился к середине XV в. С этого времени «узбеками» стали называть не золотоордынцев вообще, а подданных ханов-Чингисидов, происходивших от Шейбана, младшего сына Джучи. Но слово «узбек» все еще не несло современного этнического содержания.

В 1429 г. узбекская (в таком значении) знать при содействии ногайских владетелей провозгласила ханом Абулхайра (1412–1468), одного из Чингисидов. Несмотря на свое монгольское происхождение, новый правитель, как и большинство его подданных, говорил на тюркском языке. Объединив Узбекскую орду, он распространил власть на торговые города правого берега Сырдарьи. В 1451 г. хан вмешался во внутренние распри Тимуридов, правивших Самаркандом, и даже решился оказать поддержку одному из них — Абу Саиду. С этой целью был совершен поход под стены Самарканда. Город взят не был, но трон Абу Саид все-таки получил.

Один из сыновей Абу Саида женился на женщине из рода Чингисидов, и в 1483 г. от этого брака родился Захир ад-Дин Бабур, в котором таким образом соединилась кровь Тимуридов и Чингисидов. Первоначально он намеревался захватить трон Тимуридов в Самарканде, но затем его экспансия обратилась на юг. Бабур отправился в поход на Афганистан и в Индию. В 1526 г. он захватил Дели и стал основателем индийской династии *Великих Моголов*. Самарканд в итоге достался узбекским ханам-Чингисидам из числа потомков Шейбана. Местом рождения Бабура был город Андижан в Ферганской долине.

В 1456 г. Абулхайр потерпел тяжелое поражение от калмыков во главе с ханом Амасанджи (ум. в 1470 г.). Хотя калмыки не смогли захватить владения Абулхайра, его власть стала ослабевать. Это привело к уходу из орды нескольких племен, которые отказались подчиняться старому хану и предпочли стать вассалами других Чингисидов — братьев Гирея и Джанибека. Ордынцы-«перебежчики», ушедшие от Абулхайра, и стали име-

новаться «казаками» — то есть вольными людьми, не признававшими над собой прежней власти.

Вот почему именно при хане Абулхаире среднеазиатские летописцы начинают называть часть тюркского кочевого населения региона «узбек-казаками», то есть «вольными узбеками». Очевидно, этот термин тоже имел не этнический, а статусный смысл. Этнически «узбек-казаки» продолжали оставаться *кипчаками, найманами, аргынами, мангытами, дурманами, карлуками, уйсунями, адаями*.

При этом они уже формально считали себя мусульманами. Но приверженность рядовых ордынцев исламу была иного рода, чем религиозность, например, хана Абулхаира. «Узбек-казаки» в массе не читали Коран, не признавали авторитета шариата, мулл и других служителей мечетей в суде над собой. Нормы шариата, согласно которым полагается наказывать человека ударами палкой, противоречили нравам кочевников. Не противопоставляя себя исламу, они в то же время предпочитали, уклоняясь от шариата, следовать традиции неписаных степных законов. Особое отношение к исламской ортодоксии подчеркивало обособленность «узбек-казаков» или просто «казаков», как их в дальнейшем стали называть. Они вели кочевой образ жизни, не оседали в городах и стремились выйти из подчинения хану. Эти «казаки» стали ядром, вокруг которого формировался будущий *казахский* этнос.

В середине XV в. группа настроенных таким образом кочевников, возглавляемая Гиреем и Джанибеком, окончательно отделилась от Узбекской орды и откочевала в районы современного Восточного Казахстана в долину реки Чу. К началу XVI в. на этой территории образовалась отдельная орда. Она распространилась на северо-запад и заняла значительную часть Семиречья. Внутри орды самоназвание «казаки» стало преобладать. Возникшая таким образом Казахская (строго говоря, «Казакская») орда вобрала в себя представителей многих племен прежнего государства Абулхаира. На ее основе в XVI в. возникло самостоятельное Казахское ханство. В его социальной структуре резко различались аристократическое сословие (потомки Чингисидов — «ак сук», «белая кость») и простолюдины (рядовые кочевники — «кара сук», «черная кость»).

Выделение привилегированной группы сословий (аксук), противопоставляемой остальному народу (карасук), было характерно для всех тюркоязычных этносов Центральной Азии. Строго говоря, к аксукам относили *торе* и *сеидов*, считавшихся потомками пророка Мухаммада; потомственных *ходжей* (потомков Мухаммада и первых четырех праведных халифов), *ишанов*, возглавлявших суфийские общины; *махсумов* (махдумов) — потомственных служителей культа и *мирзо* — потомственных писцов.

Первоначальные границы кочевой казахской государственности были размыты, власть и земли переходили от одной ветви Чингисидов к другой. Лишь в середине XVI в. сформировалась этническая территория казахов в виде оформившихся в 1534 г. трех основных объединений — Старшего, Среднего и Младшего *жузов* (по-казахски: «улы», «орта» и «киши»). Старший жуз занимал степи Семиречья, Средний — земли современного Центрального Казахстана, а Младший — территории Западного Казахстана, приближенные к России. Казахи Младшего жуза находились в составе России с 1731 г., Среднего и части Старшего жуза — с 1740 г. Население южных и восточных районов современного Казахстана находилось под властью хивинских и кокандских ханов и китайских императоров.

Обособление киргизов в региональных отношениях

Заметным элементом отношений кочевых и оседлых народов Центральной Азии с XVI в. стали киргизы. Дискуссионная историографическая традиция связывает этот народ со средневековым объединением сибирских племен — «енисейскими киргизами». Первые сведения о них встречаются в китайских источниках в VI в. В них говорится, что границами киргизских земель были на юго-востоке Саянские горы, а на западе — Алтай. Государство тех киргизов располагало значительным войском. Киргизы снаряжали торговые посольства в Китай. От основной трассы Великого шелкового пути был проложен дополнительный маршрут, который начинался в Турфанском оазисе и вел на север, в Туву, пересекал Саянские горы, а затем шел вдоль Енисея.

В середине VIII в. «енисейские киргизы», потерпев поражение от Уйгурского каганата, были вынуждены признать себя его вассалами. Однако в первой половине IX в. правитель киргизов, собрав сотысячную армию и наладив связи с арабами, Тибетом и государством *карлуков* на Тянь-Шане, решился выступить против уйгуров. В 818 г. он нанес им поражение и провозгласил каганом себя. К середине IX в. образовалась держава «енисейских киргизов». На западе ее границы проходили по Иртышу, на севере и востоке — по Ангаре, Селенге и горам Большого Хингана, на юге — по пустыне Гоби. Существование этого государства было недолгим. В X в. в его составе оставались лишь Алтай и Джунгария.

В начале XIII в. «енисейские киргизы» добровольно покорились Чингисхану, однако в 1218 г. отказались выделить в распоряжение монголов войско для похода против восставших *туметов* и *байлуков* — народов, живших на берегах Байкала. Против взбунтовавшихся киргизов было отправлено войско под началом Джучи, который покорил их и вернулся обратно. После этого летописная традиция о «енисейских кирги-

зах» отсутствует до XVI в. Слово «киргизы» в текстах встречается, но оно уже явно относится к жителям Семиречья. Прямая связь между «киргизами Семиречья» и «енисейскими киргизами» в источниках не прослеживается и достоверно реконструировать ее пока не удается.

Принято считать, что к XVI в. «семиреченские киргизы» пришли в Восточный Туркестан и район Тянь-Шаня с Алтая, возможно, в составе *ойратских* (монгольских) племен. Группа алтайских киргизов и стала ядром, вокруг которого начал формироваться современный киргизский этнос. На новых землях выходцы с Алтая смешались с местными племенами — *ойратами*, казахами, уйгурами, китайцами. В этой киргизской среде стала складываться традиционная для кочевых тюркских народов родо-племенная организация. В XVI–XVII вв. киргизы на Тянь-Шане образовали обособленную народность, имеющую сложный этнический состав. В XVII–XVIII вв. киргизские кочевья находились в зависимости от Джунгарии. В первой половине XIX в. они были подданными Кокандского ханства. В дальнейшем территории их кочевий были включены в состав России и Китая.

Ойраты — западномонгольское племя. В литературе ойратами называют джунгаров — жителей Джунгарии. В некоторых зарубежных публикациях ойратов и джунгаров смешивают с калмыками. В настоящей работе термин «калмыки» применяется к племенам, кочевавшим к западу от Волги — в районах, где сложился современный калмыцкий этнос. Все три названных этнонима обозначают кочевников-буддистов, говоривших на диалектах старомонгольского языка — в отличие от окружающих племен, говоривших по-тюркски и склонных к переходу в ислам. Ойраты-джунгары и калмыки исповедовали буддизм.

В старой литературе применительно к киргизам встречается слово «кара-киргизы» («черные киргизы») и «дика-каменные киргизы» (то есть «живущие среди скал»). В современном значении относительно коренных жителей современной Киргизии этноним «киргизы» официально стал применяться с 1925 г. в ходе территориального размежевания между среднеазиатскими республиками бывшего Советского Союза.

Образование узбекских ханств в Бухаре и Хиве

Между тем в конце XV в. потомки хана Абулхаира решили возобновить наступление на оазисы Центральной Азии. Государство Тимуридов было не в состоянии оказать серьезного сопротивления. В течение зимы 1499–1500 гг. войска хана Мухаммеда Шейбани, внука Абулхаира, овладели Самаркандом, Бухарой, Ташкентом, Ферганой и рядом других укрепленных пунктов. Власть Тимуридов в Центральной Азии была свер-

гнута. На месте их государства возникло новое, во главе которого снова оказались потомки Чингисхана в лице представителей династии *Шейбанидов*. Так в 1500 г. возникло узбекское Бухарское ханство. В 1511 г. второе узбекское ханство образовалось в Хиве.

Оба государства считали себя узбекскими, поскольку обе правящие династии происходили из Узбекской орды. Но население новых государств было смешанным: в Бухаре проживала значительная группа таджикского населения, а в Хиве было много туркмен. На базе смешения этих групп, к которым присоединялись менее многочисленные народности (*сарты, кипчаки*), вокруг Бухары и Хивы начал формироваться современный *узбекский* этнос.

Стал заметно различаться хозяйственно-экономический уклад казахов и узбеков, вышедших из единого государства Абулхаира. Узбеки, оседавшие в земледельческих оазисах Центральной Азии, под влиянием местного ираноязычного населения (таджиков и сартов) переходили к земледелию. Казахи продолжили вольную жизнь кочевников-скотоводов.

Столицей Бухарского ханства был сначала Самарканд, а с конца XVI в. — Бухара. Наибольшего могущества оно достигло при хане Абдулле II в 1557–1598 гг. Были завоеваны Балх и Фергана (1573), Ташкент (1576), Хорасан, Герат и Мешхед (1582–1583). Вассалами бухарского хана стали мелкие бекства Бадахшана (Памира). В 1538, 1593 и 1595 гг. Бухарское ханство временно подчиняло себе Хиву.

Были установлены торговые и дипломатические отношения с Россией. С 1583 по 1600 г. в Москве побывали пять бухарских посольств. На рынке в Бухаре разместился построенный ханом Абдуллой II гостинный двор для приезжих купцов. Жалованной грамотой Ивана IV в 1574 г. был разрешен беспошлинный торг русских купцов с бухарскими. В бухарских городах развивалось ремесло и торговля, шло строительство, уделялось внимание возведению красивых зданий. После смерти хана Абдуллы II и убийства его сына в 1556 г. династия Шейбанидов пресеклась. При новой династии *Аштарханидов* (родственники последних астраханских ханов из числа потомков Джучи) началась борьба Бухары с Ираном, а затем — войны с казахскими кочевниками и Хивой.

Правление Шейбанидов обозначило культурно-религиозный водораздел в регионе. Впервые возникло отчуждение собственно Центральной Азии от культурной ойкумены Ирана. Почти одновременно с захватом Самарканда узбеками к власти в Иране в 1501 г. пришел шах Исмаил Сефевид, родоначальник династии *Сефевидов*. Обе династии в языковом отношении были тюркскими и опирались на поддержку тюрк-

ских племен. Но Сефевиды были приверженцами *шиизма*, а Шейбаниды — ортодоксальной *суннитской* версии ислама.

Религиозный раскол осложнял культурную жизнь региона и препятствовал не только приобщению Центральной Азии к культурным достижениям ираноязычного мира, но и обмену с арабскими странами и Турцией, отделенными от Центральной Азии иранской территорией. Религиозные противоречия перерастали в политические.

Ирано-узбекское противостояние продолжалось около 300 лет и сопровождалось войнами. В 1740 г. бухарские и хивинские земли были даже завоеваны персидским шахом Надиром. Но персидское владычество длилось всего около семи лет.

В 1747 г. власть в Бухаре фактически перешла в руки одного из местных эмиров Мухаммеда Рахима, который занимал должность *аталика* (управляющего двором) при малолетнем хане Абулфаизе. В 1556 г. он убил хана и поставил на его место другого кандидата из числа ханских родственников. Мухаммед Рахим не стал провозглашать ханом себя, номинально сохраняя трон и титул *хана* за семьей убитого монарха. В стране сложилась система, напоминавшая ту, которая существовала при Тимуре: формально на троне оставались ханы-Чингисиды, а по сути власть принадлежала эмирам из местного узбекского племени *мангытов*. Мухаммед Рахим и его потомки продолжали числиться в Бухаре аталиками и носить титул *эмиров*. Официально представители династии *Мангытов* стали верховными правителями Бухары только в 1885 г.

С этим связаны отраженные в литературе разночтения. Бухарское государство называется то ханством, то эмиратом. Официально оно оставалось ханством до 1885 г., но фактически с 1847 г. его можно было считать и эмиратом в том смысле, что реальная власть в стране принадлежала с того времени не *ханам*, а *эмирам-аталикам*.

В описываемое время высший в исламском мире духовный титул *халифа* был закреплен за султанами Османской Порты, которые могли даровать титул эмира тому или иному мусульманскому владельцу в знак признания его заслуг в исламском мире. В этом смысле титул эмира имел оттенок сакральности. Это помогало его светским носителям претендовать на символическую приобщенность к духовной власти.

Второе по значению узбекское государство — Хивинское ханство (Хорезм) — было основано в 1511 г. ханами Ильбарсом и Балбарсом из династии *Арабшахидов* — потомков Чингисхана. Арабшахиды враждовали с Шейбанидами в Бухаре и часто выступали против них в союзе с иранскими правителями, хотя последние были шиитами, а хивинцы, как

и бухарцы, суннитами. Хивинские правители придерживались степных традиций «семейного правления». Хан считался «старшим в семье» и выбранным советом беков. В течение почти всего XVI в. столицей страны был Ургенч. Хива стала постоянной резиденцией хана лишь во время правления хана Араб Мухаммеда I (правил в 1603–1622). В XVI в. ханство включало кроме Хорезма оазисы на севере Хорасана и туркменские племена в песках Кара-Кум. До начала XVII в. государство было рыхлой конфедерацией фактически независимых *бекств* под номинальной властью хана.

В конце XVIII в. старая хивинская династия пресеклась. Этому предшествовала начавшаяся в 1728 г. борьба между узбекскими племенами *мангытов* и *конгратов*, каждое из которых стремилось утвердить на ханском престоле своего ставленника. В ходе внутренних войн от Хорезма отпала его северная часть — Арал и дельта Амударьи. Аральские узбеки, в основном кочевники, призывали к власти собственных правителей тоже из рода потомков Чингисхана, но не дали им реальной власти над собой. В политической борьбе хивинцев участвовали туркменские племена.

Хотя в войнах против Бухары хивинские ханы прибегали к помощи иранцев, это не мешало им нападать на иранские земли в союзе с туркменскими племенами. В этом случае хивинцы считали возможным оправдывать свои набеги ссылками на религию: поскольку иранцы были шиитами, а хивинцы и туркмены — суннитами, то иранцев объявляли еретиками, а набеги на Иран — богоугодным делом наказания «отклонившихся от праведного пути». Захваченных в Иране пленников продавали на невольничьих рынках Хивы и Бухары.

Правители Ирана считали набеги туркмен и хивинцев серьезной угрозой и вели постоянные военные приготовления для ее отражения. В 1740 г. туркмены и Хива были на время покорены иранским шахом Надиром. Но в 1747 г. он умер, и его завоевания были потеряны.

Тем временем смута в Хорезме не окончилась. В ходе войн между мангытами и конгратами 1767 г. Хива была захвачена туркменским племенем *йомудов*. Только в 1770 г. один из племенных вождей Мухаммед-Амин из племени конгратов разгромил йомудов. В награду хан Темир-Гази (опиравшийся на мангытов) назначил его *инаком* — главой правительства. Но через год тот убил хана и его сторонников из племени мангытов.

Фактически с этого времени Хивой правил сам Мухаммед Амин и его потомки, хотя на ханский престол официально возводились один за другим еще 11 ханов из разных ветвей потомков Чингисхана. Только в 1804 г. последний представитель Чингисидов, хан Абдулгази III, был свергнут Ильтузаром — беком из племени *конгратов*. На троне в Хиве официально утвердилась династия *Конгратов*.

В том же году родственник нового хана Мухаммед Рахим во главе хивинских войск победил узбеков-аральцев и объединил страну. В 1806 г. он занял ханский престол (царствовал до 1825 г.). При его правлении в 1811 г. Хиве были подчинены *каракалтаки*, жившие в северо-западной части дельты Амударьи. Ему удалось привести к покорности и некоторые из туркменских и казахских племен.

При ханах Ильгузаре и Мухаммед Рахиме удалось сломить оппозицию племенной знати с помощью земледельческого сословия, основу которого составляли *сарты* — ираноязычный народ, тюркизованный узбеками. Было также ограничено вмешательство туркмен, которых ханы приглашали в Хорезм на военную службу. Возникло сравнительно централизованное государство. В начале XIX в. была расширена ирригационная система. Хивинские узбеки стали чаще заниматься земледелием, в стране возникали новые города.

В XVII в. Хорезм стал заметным центром развития тюркской культуры. Ханы Абдулгази Бахадур (1643–1663) и Ануша (1663–1685) оставили после себя исторические сочинения с ценными описаниями политических событий и хивинского общества того времени. Эти сочинения были написаны на тюркском языке — в отличие от большинства современных им хроник, составленных на персидском.

Несмотря на успехи в развитии, ханство испытывало недостаток в людских и финансовых ресурсах. Набеги Хивы на Бухарское ханство и иранские владения в Хорасане, а также в земли казахов и туркменских племен стали ежегодными. В 1855 г. войска хана потерпели поражение от напавших на Хиву туркменов под Серахсом, в Хорасане. Это вызвало восстание туркмен внутри Хорезма, которое длилось с перерывами до 1867 г. Ханство слабело, теряя контроль над южными землями. Отношения с Россией у Хивы были напряженными. Источником трений были нападения хивинцев на пограничные русские области, торговые караваны и захват российских подданных для продажи на невольничьих рынках.

Политическое и экономическое развитие Бухары и Хивы

В начале XIX в. Бухара неоднократно воевала со своими соседями — Хивой и отложившемся от Бухары в 1710 г. Кокандским ханством. Хотя во всех трех государствах у власти находились узбекские династии, отношения между ними были неприязненными.

Через земли Бухарского эмирата пролегали торговые пути из России в Иран, Афганистан и Индию. Бухарские купцы были активны на российских рынках, и экономические связи с Бухарой играли важную роль в торговле Рос-

сии с азиатскими государствами. Торговля Бухары с Китаем, Персией и Индией была нестабильна из-за частых войн и недостатка товаров собственно бухарского производства для их сбыта на юге и востоке. Бухара являлась культурным и религиозным центром. В городе работали религиозные учебные заведения, развивалось богословие, астрология, мусульманское право, составлялись исторические хроники.

Соперничество Бухары с Хивой ослабляло оба государства. Хивинскому ханству приходилось наряду с борьбой против Бухары на востоке отражать набеги туркменских племен с запада. Население Хивы перешло к земледелию позже жителей Бухары, государственность которой строилась на культурном и экономическом фундаментах древних цивилизаций Мавераннахра. Хива отставала. Хивинские оросительные системы появились только в середине XVII в. Ханство даже не имело своих денег, до конца XVIII в. пользуясь бухарскими монетами.

Узбеки были представлены в Хиве правящей элитой и военным сословием. Земледелием и вообще производительной деятельностью занимались сарты, которые платили основную часть податей. Бюрократия, писцы и средний управленческий слой состояли из захваченных во время набегов ираноязычных невольников. При этом власть хана зависела от военной поддержки узбекских племен. Желая ограничить их роль, ханы принимали на службу туркмен. В итоге туркмены стали селиться в Хиве. Их политическая и военная роль стала возрастать.

Отсутствие производящей экономики и отставание власть пыталась компенсировать регулярными и изнурительными набегами на соседей, целью которых было получение военной добычи и пленников. Сама Хива тоже жила в постоянном ожидании нападений.

Возвышение династий ходжей в Кашгарии

Как отмечалось, при правлении Тимуридов земли Мавераннахра оказались базой суфийского ислама — дервишского ордена «накшбандийа». Влияние дервишей сохранялось и после возникновения узбекских государств. Бухара и Самарканд были центрами суфизма, его видные представители пользовались известностью за пределами узбекских владений — в частности, среди восточных тюрок на территории современного Западного Синьцзяна — исторического *Могулистана* и Кашгарии.

Могулистан — восточные земли «улуса Чагатая», территории к востоку от Сырдарьи, Семиречье и Северо-Восточный Туркестан.

В 1530 г. правивший в этих землях хан Саид (1514–1532) из чингисидской династии *Чагатаидов* пригласил к своему двору из Бухары ход-

жу Хасани (известного также под именем Махмуда Азима). Тот отклонил приглашение, но в том же году направил к хану двух своих сыновей. Их проповедническая миссия имела политические последствия.

Во владениях Чагатаидов к началу XVI в. ислам занимал прочные позиции, хотя среди населения было еще много последователей манихейства и буддизма. Большой властью могульские и кашгарские ханы не обладали. Во-первых, в этой части Центральной Азии оставались сильными традиции семейного правления. Во-вторых, здесь соперничали друг с другом несколько сильных владетелей местного происхождения, не относящихся ни к одной из ветвей Чингисидов.

На фоне отсутствия у ханской власти достаточного авторитета, а у самих ханов — военной мощи утвердить этот авторитет влиянием стали пользоваться религиозные деятели. Дело дошло до того, что хан Саид под влиянием суфиев сам решил было стать дервишем и лишь в последний момент отказался от этого намерения. Прибытие из Бухары сыновей известного и почитаемого Махмуда Азима оказалось началом наплыва дервишей из Туркестана, которым продолжали покровительствовать местные светские правители. Сыновья Махмуда Азима основали в Кашгарии две дервишские династии, члены которых носили титул *ходжей*. Первая династия именовалась *Актаглик*, вторая — *Каратаглик*. Представители первой обосновались в Кашгаре, а второй — в Яркенде.

В традиционном переводе актаглик — «белая гора» («белогорцы»), каратаглик — «черная гора» («черногорцы»). Но существует и другая интерпретация — «белотюбетейные» и «чернотюбетейные».

Опираясь на религиозный авторитет, ходжи в Кашгарии стали соперничать за власть с местными ханами. Вскоре они встали вровень с ними и перестали подчиняться светской власти. В 1678 г. кашгарский хан Измаил попытался силой восстановить полноту власти в своих владениях, которыми независимо от него пытался управлять ходжа Хазрет Апак из династии Каратаглик. Ходжа был вынужден бежать в Тибет под защиту далай-ламы.

В Тибете существовала архаичная теократическая монархия. Глава государства носил титул далай-ламы. Он считался главой буддистов всего мира и одновременно правителем Тибета, совмещая религиозные и светские функции.

Хотя первый был мусульманином, а второй — буддистом, два религиозных вождя нашли общий язык. Далай-лама обратился к джунгарскому хану Галдану (тоже буддисту) с просьбой помочь ходже вернуться к власти в Кашгарии. Тот выполнил просьбу, но взамен объявил вернувшегося к власти Хазрета Апака вассалом Джунгарии.

Основную часть кашгарского населения составляли уйгуры, которые под влиянием ходжей стали чаще переходить в ислам. Ходжи управляли страной согласно традиции семейного правления. Разойдясь по нескольким городам, потомки сыновей Махмуда Азима управляли каждый своим уделом. Вскоре между разными ветвями ходжей начались распри. В 1753 г. наиболее влиятельный из них ходжа Юсуф из династии Каратаглик провозгласил независимость Кашгарии от джунгарских ханов. Но через два года джунгарский хан Амурсан при поддержке китайских войск, с которыми он заключил временный союз, подавил это выступление. Он сверг Юсуфа и поставил вместо него в качестве своих вассалов представителей династии Актаглик — ходжу Бурханаддина и его брата Джана.

Но в 1757 г. оба этих джунгарских ставленника, учитывая слабость позиций хана Амурсана, который снова оказался в состоянии войны с Китаем, тоже объявили себя независимыми. Однако и их независимость продолжалась недолго. В 1759 г. китайские войска, покорив Джунгарию, нанесли поражение и кашгарским владетелям. Крепости Кашгар и Яркенд были взяты. Оба ходжи бежали от китайских войск в Бадахшан, где были убиты по приказу местного мусульманского владетеля, опасавшегося войны с Китаем. Уцелевшие члены династий ходжей укрылись в Коканде.

Покорение Джунгарии Китаем и раскол исторического Туркестана

К XVII в. восточная часть владений потомков Чингисхана, условно говоря, ее собственно монгольская часть, оказалась разделенной на три крупных образования: Чахарское ханство (Южную Монголию), Халху (Северную Монголию) и образованное в 1635 г. Джунгарское ханство (Западную Монголию). Эти территории были населены разными группами монголов. На международные отношения в Центральной Азии влияние оказывала прежде всего Джунгария, политический класс и военное сословие которой составляли кочевые монгольские (ойратские) племена, а земледельческий — оседлое население, уйгуры.

От других монгольских государств Джунгария отличалась централизацией власти, что объяснялось этнической однородностью ойратов и жесткой объединительной политикой правителей Эрдэнэ Батур-хунтайджи (1634–1654) и Галдана-хунтайджи (1671–1697). Военно-политическая активность Джунгарии, претендовавшей на роль лидера среди монгольских государств, порождала противоречия. В 1680–1690-х годах развернулась борьба между *джунгарской* и *халхинской* ветвями монгольской знати за преобладание в монгольских землях. Сопrotивляясь Джунга-

рии, другие монгольские государственно-политические объединения обращались за помощью к Китаю и России. В итоге все монгольские владения слабели.

В 1689 г. Китай и Россия установили дипломатические отношения и подписали Нерчинский договор, благодаря которому напряженность между ними ослабла. Это позволило Китаю сосредоточиться на борьбе с *джунгарскими монголами*, вступившими на территорию Халхи. В 1690 г. китайские войска одержали победу над джунгарами. Весной 1691 г. на съезде в районе оз. Долоннор *халхинские* владетели признали над собой власть китайского императора. Северная Монголия оказалась китайским протекторатом.

Джунгарские монголы не признали решений съезда халхинских владетелей и продолжили набеги на Халху, все еще надеясь подчинить ее. При этом джунгары распространяли слухи о готовности России выступить на их стороне в споре из-за Халхи. Пекинский двор беспокоили эти слухи. Такая ситуация сохранялась до гибели джунгарского хана Галдана в 1697 г.

На рубеже XVII–XVIII вв. Джунгарское ханство оставалось самостоятельным сильным государством. Ханы Цэван-Рабдан и Галдан-Цэрэн не только владели Западной Монголией, но подчинили сопредельные районы Восточного Туркестана — степи современного Казахстана, кочевья киргизов, а также некоторые области Алтая и Южной Сибири. В 1716 г. джунгары захватили даже Лхасу, столицу Тибета, на обладание которым претендовал Китай. В результате начатой в 1718 г. войны китайские войска смогли вытеснить джунгаров из центральных областей Тибета в 1720 г., хотя китайско-джунгарское противостояние продолжалось до 1725 г.

Военная активность джунгарского государства поддерживалась существовавшей в нем устойчивой властью. Ханы оказывали государственную поддержку земледелию и ремеслам — прежде всего изготовлению оружия. Обработкой земли занимались уйгуры, а оружейным ремеслом — военнопленные-невольники.

Одержав победу в Тибете, китайское правительство начало систематическую борьбу с джунгарами, по-прежнему нападавшими на Халху, которая уже считалась в Пекине китайским владением. В 1729 г. Китай начал серию продолжавшихся до 1735 г. «карательных» походов против Джунгарии. Располагая преимуществом в ресурсах, китайские правители смогли постепенно истощить военный потенциал ханства.

В Пекине настолько серьезно относились к «джунгарской угрозе», что в 1731 г. в Петербург было направлено китайское посольство с предложением разделить Джунгарию между Китаем и Россией. Китайские

представители также зондировали вопрос о возможности направить против Джунгарии войска Калмыцкой орды. Калмыки были выходцами из джунгарских земель. В середине XVII в. они перекочевали в низовья Волги и северо-восточные районы Прикаспия, оказавшиеся частично в пределах Российской империи. Китайские представители пригласили калмыков «откочевать обратно» в Джунгарию в качестве союзников Пекина против джунгарских правителей.

Эти идеи не встретили поддержки в Петербурге. Но часть калмыцких племен вопреки мнению русского двора отправилась в земли бывшей Джунгарии. В пределах Российской империи удалось удержать лишь тех калмыков, которые проживали к западу от Волги. Племена, селившиеся к востоку от нее, в 1771 г. ушли в направлении Китая, где лишь немногие из них смогли осесть на территориях, с которых китайцы изгнали джунгаров.

В 1748 г. умер хан Джунгарии Галдан-Цэрэн. Споры из-за престола вылились в войну между его наследниками. Из-за нее к середине 1750-х годов ханство потеряло все завоеванные территории и замкнулось в пределах западномонгольских кочевий.

В 1755 г. китайские войска без труда захватили Джунгарию. Последний очаг антикитайского сопротивления был подавлен в 1757 г. Территория ханства была разделена на четыре части, которые стали подчиняться непосредственно пекинскому правительству. Никакой реакции на действия Китая в Джунгарии со стороны России не следовало. Внимание Петербурга было сосредоточено на делах в Европе, где в 1756–1762 гг. шла Семилетняя война.

Покорение Джунгарии проходило с необычайной жестокостью. Китайские власти приказали истребить всех джунгаров мужского пола. Спасаясь от расправы, в 1758 г. джунгарское население в массовом порядке бежало в российские владения. Эти беженцы в дальнейшем сыграли роль в этногенезе других центральноазиатских кочевых народов.

В 1884 г. земли Джунгарии и Кашгарии были объединены Китаем в провинцию Синьцзян («новая граница») с прямым подчинением ее Пекину. После изгнания монгольского населения жителями этой части Китая оказались главным образом исламские народы.

Покорение Джунгарии и Кашгарии Китаем стало началом раскола исторического Туркестана как региона компактного проживания разнотнических народов тюркской языковой группы. Восточный Туркестан, северную часть которого составляла Джунгария, а южную — Кашгария, был поглощен Китаем. Западный Туркестан — земли Семиречья, Ферганы, Мавераннахра — остался на некоторое время свободным. Позднее его части были включены в состав Российской империи или оказались под ее протекторатом.

Южный (Афганский) Туркестан, по левому берегу Амударьи составлявший территорию между владениями Бухары и Афганского эмирата, на протяжении второй половины XIX в. вошел в состав Афганистана.

Переход Младшего казахского жуза под протекторат России

Существование Джунгарии и опасность, которую она представляла для соседей, были выгодны России. Враждуя с Китаем на юге и востоке, джунгары позволяли себе в течение ста лет вести войны с казахскими племенами на севере. Казахское ханство, сохранявшее только символическое единство, не могло оказать серьезного сопротивления джунгарам.

Кровопролитные походы на казахов джунгарские ханы совершили в 1635 и 1643 гг. В первую очередь от них пострадал Старший жуз, кочевавший в бассейне Сырдарьи. Но наиболее жестокая кампания джунгаров в казахских степях имела место в 1723 г. Джунгары полностью уничтожили и рассеяли войска казахского хана Пулата (правил в 1718–1730). Последовавшее страшное разорение именуется в казахской истории «великим бедствием» (каз. *«актабан шубурынды»*). Страхи перед джунгарами были столь велики, что все уцелевшие казахи бежали из родных мест.

Старший казахский жуз был покорен джунгарами. Средний — откочевал во владения Бухары, а Младший — спасся в пределах Хивинского ханства. Приход казахских кочевников в бухарские и хивинские земли не радовал местных правителей, так как он выглядел как самое настоящее нашествие.

Спасаясь от Джунгарии, казахи были вынуждены искать союзника, способного победить джунгаров или защитить от них. Среди знати возникли разговоры о целесообразности перехода под покровительство России. Разные группы казахов относились к этой идее по-разному. В Младшем жузе она встретила одобрение его главы — хана Абулхаира (1693–1748).

Будучи успешным полководцем, он дважды (в 1728 и 1730 гг.) одерживал победы над джунгарами. Но понимание непомерности цены этих побед побуждало его искать радикальное решение проблемы обеспечения безопасности казахов, которым мог оказаться российский протекторат.

Авторитет хана Абулхаира как полководца позволил ему претендовать на общекзахский ханский престол. Но Абулхаир происходил из младшей ветви племенной аристократии, а по обычаю общекзахским ханом мог быть только член старшей ее ветви. В итоге ханом был избран другой кандидат.

Это только добавило решимости Абулхаиру, и в 1730 г. он, не дожидаясь одобрения Среднего и Старшего жузов, во главе посольства отправился в Уфу с обращением к российской императрице Анне Иоанновне принять его подданных — казахов Младшего жуза — под покровительство России. 10 октября 1731 г. соответствующим указом эта просьба была удовлетворена. Было положено начало вхождению в Россию казахских земель. Средний и Старший жузы продолжали оставаться самостоятельными.

Россия, питавшая недоверие к кочевникам, стремилась ограничить их активность у своих границ и найти способ подчинить их своему влиянию по возможности мирным путем. Со времен Петра I российские власти стремились приобрести опорные пункты вдоль главных караванных маршрутов из Поволжья и Приуралья по р. Эмба и далее — в Восточное Приаралье, к дельте Сырдарьи и Бухарскому оазису. Присоединение Младшего жуза соответствовало этой политической линии.

Дальнейшее «освоение степи» было решено продолжить на южно-уральском направлении. Этнический состав населения этого региона был пестрым. Между российскими владениями и казахскими кочевьями проживали выходцы из Семиречья, Коканда, Бухары, Хивы — иранцы, арабы, турки, каракалпаки, армяне, казахи, узбеки и бадахшанцы. Многие из них становились российскими толмачами и проводниками.

Особенности развития Центральной Азии

В XIX в. население региона состояло из оседлых народов (таджики, уйгуры, сарты, узбеки) и кочевых (киргизы, туркмены, казахи, кипчаки). Оседлые — возделывали хлопок, пшеницу, занимались шелководством и виноградарством. Кочевые — разводили крупный и мелкий скот. В городах было развито производство шелка, хлопчатобумажных тканей, кожи, обуви, изготовление холодного оружия.

Вместе с тем производственная база экономики была недостаточной. В товарных количествах ни продовольствия, ни готовых изделий не производилось. Вся продукция была предназначена для потребления на местах. Денежное обращение было неразвитым и ограничивалось неравномерно разбросанными городами.

Регион зависел от *транзитной* торговли — потока товаров, которые производились и потреблялись не в самой Центральной Азии, а в странах Европы, России и Китае. Такой тип торгового обмена не стимулировал местные ремесла, а препятствовал их развитию, позволяя местным жителям получать привозные товары вместо того, чтобы пытаться изготавливать их.

Отсюда — повышенный интерес местной знати к торговым пошлинам, налоغوобложению торговцев и получению от них подношений в натуральной форме. Такое отношение к торговле стимулировало паразитизм элиты и дестимулировало предпринимательство. Воинственной и малообразованной местной знати было удобно жить на «транзитную ренту».

Причем ее размеры теоретически не были ограничены ничем, кроме здравого смысла того или иного правителя. Государи или племенные вожди транзитных территорий могли по своему усмотрению менять ставки пошлин и налогов. Это обуславливало неустойчивость товаропотоков, тормозило торговлю и провоцировало иностранные державы на вмешательство в дела Центральной Азии с целью ее подчинения хотя бы правилам мировой торговли. Местные правители не понимали масштабов этой опасности.

Экономике региона был присущ хронический дефицит — товаров, средств денежного обращения, ресурсов производящего населения (не воинов и управляющих, а работников хозяйственной сферы). Он восполнялся непрерывными военными набегами государств друг на друга и на сопредельные государства. Хива, Бухара, Коканд все время воевали между собой и совершали крупные и мелкие набеги на соседние земли — китайские, иранские, российские. Афганские эмиры, иранские шахи и туркменские племенные вожди вели себя точно так же.

Разбой такого рода играл роль политического регулятора местного хозяйства, позволяя ему сносно функционировать в условиях низкой рентабельности и дефицита. Документальные свидетельства указывают на превращение отдельных государственных или территориально-политических образований в цитадели «разбойничьей экономики». Такая экономика по-своему тоже стимулировала торговый обмен — натуральный и денежный, так как отчасти военная добыча реализовывалась через рынок. Разбой не считался предосудительным и мог ассоциироваться с доблестью и удалью.

Целые племена специализировались на грабежах караванов и получении выкупа за их пропуск через «свою территорию». Сохранялась традиция сезонных (как правило весной) набегов на соседей. Во всех крупных городах региона — Бухаре, Самарканде, Коканде, Ташкенте, Мерве, Кульдже — имелись невольничьи рынки.

Фактически узаконенное рабство в Центральной Азии вызывало осуждение в развитых странах. Западноевропейские государства и Россия использовали общественное возмущение торговлей невольниками для идеологического обоснования своей «цивилизаторской миссии» в Центральной Азии.

Этническое расселение в регионе

Оседлое население Центральной Азии имело «свои» более или менее крупные государства: Кокандское и Хивинское ханства, Бухарский эмират, а также ряд полусамостоятельных городов-государств (бекств) — Шахрисабз, Китаб, Карши. Население этих государств было смешанным. Его основу составляли прежде всего «самые древние» представители индо-иранской группы — таджики, проживавшие в земледельческих областях и городах Ферганы и Мавераннахра. Самой многочисленной группой были узбеки, которые в конце XIX в. составляли уже не только воинское сословие и политический слой местных обществ, но и их земледельческую и ремесленную части. По мере проникновения России в регион в Семиречье стали появляться анклавы русских переселенцев (семиреченские казаки).

Кочевые народы Центральной Азии составляли прежде всего казахи, киргизы, проживавшие в степных зонах от Урала до Тянь-Шаня, а также туркмены, обосновавшиеся в поясе земель от восточного побережья Каспия до западных областей Хорезма.

Туркменские племена Закаспия формально не имели собственной государственности. Различные их группы считались подданными хивинского хана, бухарского и афганского эмиров или иранского шаха. Но, по сути, в середине XIX в. населенные туркменами закаспийские оазисы (Мерв, Геок-Тепе) были самостоятельными. Они управлялись старейшинами и племенными вождями (именовавшими себя ханами), фактически не подчиняясь ни одному из официальных сюзеренов и тяготея к превращению в «пиратские государства» пояса международных караванных путей.

Народы региона входили в состав еще трех государств. В Афганском эмирате проживали таджики и узбеки; в Китае на территории Синьцзяна — уйгуры, казахи и киргизы; в России — казахи.

Политика России и Великобритании в регионе

В первой половине XIX в. стала расширяться торговля России с государствами Центральной Азии. Центром торговли оказался Ташкент. Ее развитию мешало отсутствие дорог и нападения кочевников. Российские власти стремились установить контроль над торговыми путями, строя линии военных укреплений и фортов.

В 1860-х годах в России развивалась текстильная промышленность, работавшая на американском хлопке. Но во время гражданской войны в США в 1861–1864 гг. импорт сырья сократился. Закрылась половина ткацких фабрик, возросла цена на хлопковые изделия. Текстильной про-

мышленности нужен был новый источник хлопка. Его производство можно было наладить в Центральной Азии.

Кроме того, русские товары были неконкурентоспособны на западноевропейских рынках с промышленной продукцией Запада. Центральная Азия могла стать для России рынком сбыта готовых изделий — например, если бы там началось строительство железных дорог. На регион приходилось до 60% экспорта металла из России.

Наконец, завоевание позиций в регионе казалось несложной операцией в виду превосходства российского оружия над вооружением центральноазиатских стран, не имевших современной артиллерии. Приобретение в Центральной Азии политических и военных позиций рассматривалось в Петербурге и как инструмент мировой дипломатической игры — средство давления на Великобританию в чувствительном для нее вопросе о Британской Индии.

Страхи в Лондоне по поводу потенциальной «русской угрозы» для Индии были преувеличены. Но они имели политико-психологические основания. Самой страшной угрозой на протяжении XIX в. в Великобритании считали повторение «континентальной блокады», которую Наполеон I попытался применить для подрыва экономической основы британского могущества. Страхуясь на случай разрыва торговых связей с материковой Европой, британское правительство затратило огромные средства для построения британского хозяйства как производственно-перерабатывающего комплекса, способного обходиться без связей с европейскими соседями за счет торговли с колониями вне Европы.

Индия, официально изъятая у Ост-Индской компании и переданная под управление британской короны в 1858 г., в этой экономической системе играла ключевую роль. Для британцев было естественно считать индийские владения основой экономической безопасности Великобритании. Поэтому даже теоретическая вероятность появления русских войск у северных границ Индии казалась Лондону тем, чем Петербургу могло показаться появление британской военной эскадры в устье Невы.

При этом британское правительство понимало хрупкость завоеваний в Южной Азии. Местное население численно превышало британских пришельцев, и Британия удерживала власть над Индией за счет неорганизованности индийской элиты, слабости индийского национального сознания и отсутствия серьезной конкуренции за обладание Индией со стороны других великих держав.

Британцы, вероятно, могли бы развивать экспансию в глубь материковой Азии, но им сначала надо было «переварить» захваты в азиатских прибрежных районах. Афганистан и государства Центральной Азии

интересовали Лондон как преграда для возможного проникновения российского влияния в британские владения. Не имея ресурсов вытеснить Россию из Центральной Азии, Британия стремилась хотя бы помешать ей двигаться в южном направлении. Северные границы Афганистана, Ирана и западные границы Китая казались рубежами, в пределах которых следовало удерживать российское присутствие.

Возвышение Коканда и отношения Кокандского ханства с Китаем

Распри с Хивой отвлекали бухарских государей от положения в Фергане, западная часть которой входила в состав Бухарского ханства. На территории Ферганского оазиса стали складываться островки неподчинения ханской власти, которые формировались вокруг местных религиозных лидеров. Выше говорилось о том, как ярко тенденция к появлению теократических государств проявила себя в Кашгарии. В Фергане эта тенденция была слабее, но именно ходжи и дервиши первыми начали расшатывать в этой части региона власть бухарских владетелей.

Правда, наряду с религиозными вождями ослабления контроля Бухары добивалась местная племенная знать — *бии*. Интригуя против хана, они одновременно противостояли попыткам ходжей превратиться в светских государей. Все эти внутренние борения сформировали в Фергане обстановку, в которой власть центрального правительства в Бухаре перестала восприниматься как реальная. К 1710 г. наиболее влиятельный местный бий по имени Шахрук из племени *мингов* объединил вокруг себя других племенных вождей и, преодолев оппозицию ходжей, провозгласил себя независимым правителем Ферганы с титулом бия. Своей резиденцией он избрал крепость Коканд, основав новую правящую династию *Минг*.

Опасаясь репрессий со стороны Бухары, кокандские бии стали искать поддержки других сильных региональных держав. Вследствие этого при правлении бия Ирданы, сына Шахрука (1740–1769), Коканд номинально признал над собой сюзеренитет Китая, хотя реальной власти китайские императоры в Фергане не имели. Тем не менее «церемониальный сюзеренитет» Китая над Кокандом сохранялся до 1800 г., когда кокандский бий Алим официально провозгласил себя ханом.

В китайских источниках преувеличивается значение вассальности отношений Коканда с Китаем. В русских источниках подчеркивается, что в Китае относились к Коканду как независимому государству, а в обращении к его главе употребляли титул «хан».

Кокандские правители лавировали между сильными соседями, стремясь укрепить независимость и расширить территорию. Это было не про-

сто, поскольку к югу и востоку от кокандских владений начинались земли, которыми владел Китай, а китайские императоры были не прочь распространить власть на Фергану.

Постепенно мощь Коканда росла, и его правители стали проводить более энергичную политику. В первой четверти XIX в. она стала приносить успехи. Кокандские ханы завоевали города Ташкент, Худжанд, Каратегин, Дарваз и Куляб. На некоторое время они смогли захватить даже Самарканд. Власть Коканда распространилась на долину Сырдарьи, его форпосты были заложены в районе киргизских кочевий и на Памире. На завоеванных землях по берегам Сырдарьи, а также в междуречье рек Сырдарья, Чу и Или кокандцы построили около двадцати крепостей. Среди них были Ак-Мечеть (Кзыл-Орда), Аулие-Ата (Джамбул) и Бишкек.

Эти форпосты помогли Коканду покорить и удерживать в подчинении казахские и киргизские племена. В 1820—1830-х годах границы Коканда на юге доходили до г. Джизак, а на западе до г. Туркестан. На севере власть кокандского хана распространялась до озера Балхаш и р. Или. Коканд мог оказаться центром объединения различных народов Центральной Азии — узбеков, киргизов, казахов, таджиков и уйгуров. Хан Омар (1809—1822) даже принял титул эмира и стал чеканить собственную монету. Помимо узбеков и таджиков в ханстве проживали киргизы и *кыпчаки*. Особой воинственностью отличались таджики-горцы и кочевники-кыпчаки, составлявшие основу кокандской армии.

Вполне успешно экспансия ханства распространялась и на восток. Кокандцы несколько раз совершали набеги на населенную уйгурами Кашгарию. Правда, попыток присоединить ее кокандские правители не предпринимали.

Ослабление Китая в результате первой опиумной войны с европейскими державами (1840—1842) и тайпинского восстания (1853—1864) на долгое время лишили Пекин возможности проводить активную политику на северо-западных границах. Российская империя в середине XIX в. из-за неудачи в Крымской войне тоже вела себя осмотрительно. Поэтому некоторое время Кокандское ханство не имело соперников. Это позволило ему рассчитывать на превращение Кашгарии в свою сферу влияния. Такому развитию событий способствовали бежавшие из Синьцзяна в Коканд и обосновавшиеся там кашгарские ходжи, которые мечтали о восстановлении своей власти в Кашгарии и отделении ее от Китая.

Ходжи поддерживали связь с мусульманским духовенством на китайской территории, вели антикитайскую агитацию и нередко возглавляли вооруженные отряды, вторгавшиеся в Синьцзян из Коканда и принимавшие участие в уйгурских восстаниях против Китая.

Кокандские правители помогали кашгарским ходжам. С помощью кокандцев еще в 1763 г. ходжа Сарымсак безуспешно пытался восстановить власть своей династии в Кашгарии. В 1826 г. один из его потомков, Джахангир, при поддержке кокандских отрядов предпринял более масштабную и лучше подготовленную экспедицию в кашгарские земли. Военным руководителем кампании был назначен один из военачальников кокандского хана. Поход, в котором приняли участие несколько тысяч кокандских узбеков, киргизов, казахов и таджиков, был организован под лозунгом священной войны против китайцев.

Энтузиазм участников похода усиливался слухами о наличии в обороняемой китайскими войсками крепости Гульбах (главной цитадели Кашгара) больших запасов серебра. Эти слухи дошли до кокандского хана Мухаммеда Али, который решил лично присоединиться к экспедиции и в разгар событий подошел к Кашгару во главе 10-тысячного войска. Война тянулась два года, но закончилась неудачно для кокандцев. В 1828 г. китайские войска в основном подавили выступления кашгарцев и их союзников. Ходжа Джахангир был схвачен и казнен в Пекине.

Желая избавиться от кокандской агентуры, правительство Китая попыталось удалить из кашгарской части Синьцзяна кокандских купцов. Китайские власти обещали ежегодно выплачивать им 1000 слитков серебра, лишь бы те ликвидировали свои караванные дворы в Кашгарии.

Одновременно китайские власти по дипломатической линии убеждали хана Мухаммеда Али выдать укрывшихся в кокандских владениях сына и племянников казненного ходжи Джахангира. Однако хан отказался это сделать, ссылаясь на мусульманские законы, запрещающие выдавать потомков ходжей. Китайское правительство не чувствовало себя готовым к войне против Коканда и не пошло на обострение отношений с ним.

Осмелев, в 1830 г. кокандцы предприняли новый поход в Кашгарию. На этот раз им удалось захватить города Кашгар, Янгигисар, Яркенд и Хотан. В 1831 г. китайское правительство было вынуждено заключить с кокандцами выгодный для них мирный договор. Кокандские купцы получили право беспошлинной торговли в Синьцзяне. При этом право сбора пошлин с кокандских купцов, торговавших на синьцзянской территории, предоставлялось не местным китайским властям, а хану Коканда! За это правительство хана обязалось следить за ходжами, живущими в Коканде, и не разрешать им нападать на Кашгарию. Кокандское правительство стало соблюдать договор и ограничивать кашгарских выходцев.

Но так бывало не всегда. В 1847 г. в кашгарской части Синьцзяна возникли антикитайские волнения, совпавшие с обострением обстанов-

ки в самом Коканде. Надзор за ходжами ослаб, и те немедленно занялись тайной подготовкой похода в Синьцзян. В итоге восставшим уйгурам Синьцзяна под руководством кашгарских ходжей удалось на время захватить власть почти во всей провинции. Восстание было подавлено правительством Китая.

Соперничество и войны Коканда с Бухарой

В середине XIX в. внутренние смуты и интриги иностранных государств стали ослаблять Коканд. В 1822 г. умер хан Омар и на престол взошел его 12-летний сын Мухаммед Али (или Мадали, правил в 1822—1842). Молодой государь начал правление с казни лиц, которыми был недоволен при жизни отца, чем настроил против себя часть местной знати. Затем хан решил жениться на одной из жен своего отца, что противоречило обычаям. Возник конфликт Мухаммеда Али с духовенством, представители которого стали открыто порицать монарха.

Хотя в сфере внешней политики удача сопутствовала хану и он одержал ряд побед в Синьцзяне над китайскими войсками и в землях горных таджиков за Алайским хребтом, его позиции внутри страны слабели. Противники хана направили письмо эмиру Бухары, призывая того наказать хана за его «неправедные деяния». В 1840 г. эмир отправил в Коканд посла с фетвой, в которой Мухаммед Али был назван *кафиром* — осквернителем религии, богоотступником за брак с женой отца.

В ответ Мухаммед Али начал войну против Бухары, которая оказалась для него неудачной. В 1841—1842 гг. бухарский эмир Насрулла захватил принадлежавшие Коканду города Ташкент и Худжанд, а затем добился присоединения к Бухаре всего Кокандского ханства. Хан Мухаммед Али был схвачен и казнен в собственной столице. Вместе с ним были убиты его мать Надира и сын Али.

Но переход под власть Бухары не соответствовал настроениям кокандцев. Возмущившись, они призвали на трон Шерали (двоюродного брата умершего хана Омара). Новый хан в 1842—1845 гг. избавился от зависимости от Бухары и отвоевал у нее обратно Худжанд и Ташкент. Однако военный потенциал Коканда был подорван.

Отношения России с Кокандом

Ослаблением Коканда воспользовалась Россия. После разгрома Джунгарии Старший и Средний жузы вместе с киргизскими родами попали под власть Коканда. Всю первую половину XIX в. между ним и Российской империей шла борьба за контроль над казахскими и кир-

гизскими¹ кочевьями, хотя она не носила характера систематических военных действий.

Войска Коканда были сосредоточены в Ташкенте и укрепленных пунктах: Туркестане, Чимкенте, Аулие-Ате, Пишпеке, Токмаке и Мерве. Вооруженные силы Российской империи наступали от Оренбурга к Аральскому морю и Сырдарье и от Семипалатинска к озеру Балхаш и р. Или.

Со стратегической точки зрения России было важно захватить низовья Сырдарьи. Здесь в 1847 г. было построено Раимское укрепление, впоследствии переименованное в Аральское. В 1853 г. войска оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского овладели крупной кокандской крепостью на Сырдарье Ак-Мечеть (переименованная в форт Перовский).

Российские войска продвигались и со стороны Сибири. В 1847 г. близ г. Улутау (в Семиречье), было основано укрепление Копал. В начале 1850-х годов российские войска в Семиречье перешли через р. Или и заняли почти весь Заилийский край. У селения Алма-Аты в 1854 г. возникло укрепление Верное. От Семипалатинска до Верного, почти параллельно Сырдарьинской линии, протянулась еще одна цепь укрепленных постов на подступах к Средней Азии — Сибирская линия.

Сырдарьинская и Сибирская линии не были соединены. Их разделяло около тысячи километров территории, по которой кочевали казахи. Пользуясь отсутствием охраняемой границы, кокандские отряды вторгались в казахские кочевья, собирали с них дань, отбирали скот, подстрекали к выступлениям против России. Российские войска тоже принимали набеги на кокандские укрепления.

Отношения России с Кокандским ханством были сложными. С одной стороны, для них была характерна враждебность, переходящая в боевые стычки. С другой — российские и кокандские войска иногда действовали параллельно. Так было во время подавления мятежей в казахских кочевьях во второй половине XIX в. и в ходе боевых действий в Синьцзяне в годы восстаний уйгуров и дунган против китайских императоров.

Окончательное присоединение казахских кочевий к России

Вслед за переходом Младшего казахского жуза под российский протекторат влияние России стало распространяться на другие группы казахов. В 1740 г. хан Среднего жуза Аблай принял русское подданство и

¹ Как отмечалось, термином «киргизы» в старой исторической литературе называются два народа, которые в настоящее время считаются разными, — казахи и киргизы. В настоящем разделе речь идет о степном населении современных Казахстана и Киргизии.

стал покровительствовать торговле с Россией. В 1771 г. он провозгласил себя общеказахским ханом, добившись объединения под своей властью кочевий не только Среднего, но и части Старшего жуза, а также некоторых киргизских родов.

Ситуация осложнилась после смерти Аблая в 1781 г. Его сын Касым, пытаясь укрепить свой авторитет в глазах соплеменников, выступил против российского протектората. Антироссийские настроения были характерны и для его сыновей Саржана и Кенесары. Новое поколение понимало, что угрозы уничтожения казахов Джунгарией уже нет, и призывало отстаивать независимость как от России, так и от Коканда. И российские, и кокандские власти относились к этим взглядам без сочувствия.

В 1837 г. хан Касым и его старший сын Саржан были убиты в одной из стычек с кокандцами, и во главе антироссийской партии встал Кенесары. Не спрашивая согласия российских властей, он принял титул хана, что подчеркивало его претензию на статус независимого государя. Россия отказалась признавать его права на трон. Члены ханской семьи, которые были в пределах досягаемости российских властей, были взяты под стражу.

Первоначально Россия стремилась к мирному решению конфликта. По ходатайству оренбургского губернатора В. А. Перовского в 1840 г. Кенесары было даровано «высочайшее прощение», а весной 1845 г. к нему было направлено российское посольство, вернувшее хану его супругу Кунымжан и других родственников, удерживавшихся в России.

Однако Кенесары остался непримиримым и продолжил совершать набеги на русские поселения. Их удалось пресечь силой лишь в 1845 г., когда было завершено строительство укреплений на реках Ирғиз и Тургай. Путь на север для отрядов Кенесары оказался отрезанным.

Тогда в августе 1845 г. он обратил оружие против своего другого врага — Коканда. Теперь Кенесары не мог играть на противоречиях России и Коканда, и перевес сил был не на его стороне. Понимая это, вожди и старейшины семиреченских киргизов отказались поддержать Кенесары.

В ответ он обрушился было и на них, но понимая невозможность войны против всех, попытался укрыться в Китае. Однако Китай не хотел принимать на своей территории мятежного хана, опасаясь, что его появление может спровоцировать мятежи мусульман в Кашгарии, где и без того было неспокойно. В итоге весной 1847 г. Кенесары был захвачен в плен киргизами, которые предпочли его казнить, отказавшись освободить за предложенный им огромный выкуп. Основная часть казахских родов оказалась под протекторатом России. В последующие два десятилетия в российское подданство перешли и племена Северной Киргизии. Этот процесс завершился в 1867 г.

Вмешательство Коканда и России в политические конфликты в Синьцзяне (1864–1871)

Несмотря на ухудшение внутренней ситуации, а возможно, как раз вследствие ослабления контроля кокандских ханов над кашгарскими ходжами, вмешательство с территории Коканда в дела Синьцзяна продолжалось и во второй половине XIX в. Особенностью ситуации на этом этапе было то, что в синьцзянские дела стала вмешиваться и Россия, которая прежде дистанцировалась от распрей в Кашгарии.

В 1862–1864 гг. в Китае вспыхнули восстания уйгуров и *дунган*.

Дунгане — китаеязычные мусульмане.

Они начались с выступления дунган в провинции Шэньси, оттуда перекинулись в Ганьсу и далее, в 1864 г., в Джунгарию и Кашгарию. Местная китайская администрация была уничтожена. Силы пекинского правительства были истощены борьбой против тайпинского восстания, которая завершилась только в 1864 г. Найти средства для еще одной войны было трудно. Планомерная борьба с восставшими уйгурами и дунганями началась в 1866 г., но только в 1874 г. удалось подавить выступления в Шэньси и Ганьсу. Поход на Восточный Туркестан состоялся еще позже.

В 1865 г. в зоне восстания было создано пять независимых государств — четыре уйгурских и одно дунганское. Это были Дунганское ханство с центром в Урумчи, Таранчинское — с центром в Кульдже, Кашгарское — в Кашгаре, а также Кучарское и Хотанское ханства. Дунганское и Таранчинское ханства относились к территории исторической Джунгарии, остальные три ханства — Кашгарии.

В 1867 г. населенные уйгурами ханства объединились под властью ходжи Бузрука — сына казненного китайцами ходжи Джахангира. Образовалось единое государство Йэттишаар («семиградье»). Вскоре, однако, фактическим главой этого образования стал один из командиров отрядов Бузрука, выходец из кокандского города Андижана Якуб-бек (1820–1877), бывший сановник кокандского хана. Под его руководством было подчинено и Дунганское ханство. Новое государство попыталось добиться для себя статуса вассала Китая. Власть Якуб-бека распространилась на весь Синьцзян, не встречая сопротивления со стороны китайских властей. Якуб-бек выступал под исламистскими лозунгами, содействовал распространению ислама и носил титул эмира, дарованный ему турецким султаном.

Исходно опираясь на поддержку Коканда, Якуб-бек вскоре перестал ему подчиняться. Негативно относясь и к России, и к Китаю, он предпочитал ориентироваться на Великобританию и Турцию. Это не устраивало российскую сторону. Тем более что Якуб-бек стеснял русскую

торговлю и его отряды нападали и на собственно русских представителей, и на ставших российскими подданными казахских и киргизских кочевников.

В Петербурге Якуб-бека считали одновременно турецким и британским «агентом» и относились к нему недоверчиво. Это сближало российскую и китайскую позиции в отношении Якуб-бека. Россия опасалась распространения панисламских настроений на земли Западного Туркестана, где это могло вредить российскому влиянию среди казахов и киргизов.

Местные и центральные власти Китая не могли быстро организовать экспедицию против Якуб-бека. Поэтому в 1864—1865 гг. они запрашивали Россию о возможности оказать им военную помощь против него. Российские власти, опасаясь спровоцировать протесты Британии, сначала уклонились от принятия китайских предложений. Но затем Россия стала предпринимать энергичные действия. Весной 1871 г. русские войска были введены на территорию Таранчинского ханства и стали продвигаться в направлении его центра — города Кульджи.

Формальным поводом к началу военных действий стала попытка в конце 1870 г. российских подданных — казахов из рода *кызай* — без разрешения российских властей всем кочевьем уйти в кашгарские земли. Когда план открылся, волостной управитель *кызаев*, опасаясь наказания, бежал в Кульджу. На запрос о его выдаче России представители Якуб-бека ответили отказом, что повлекло за собой начало вооруженных столкновений.

В июне 1871 г. Кульджа была занята под предлогом оказания давления на Якуб-бека. Имелось в виду, что пребывание российского отряда в Таранчинском ханстве (Илийском крае) было временной мерой, которая будет отменена, как только китайское правительство сможет самостоятельно поддерживать порядок в своих владениях.

Вопрос о подлинных мотивах России при принятии решения о вводе войск в долину р. Или и занятии Кульджи подробно освещен в литературе.

Илийский край, ограниченный со всех сторон горными хребтами, с немногими удобными перевалами через них, представлял собой выгодную стратегическую позицию. Удержав за собой плодородную долину р. Или, можно было заменить незащищенную границу России с Китаем в Семиречье, проходящую по степям, естественным речным рубежом, который было легко оборонять незначительными силами. Великобритания противодействовала продвижению России в Синьцзяне, опасаясь, что русские войска смогут проникнуть через кашгарские земли в Британскую Индию.

Несмотря на взаимное недоверие между Россией и правительством Якуб-бека, в 1872 г. российская сторона смогла добиться от государства Йэттишаар выгодного ей торгового договора. В 1877 г. с Якуб-беком было подписано соглашение о линии прохождения границ между его владениями и российскими землями по горным перевалам Сук, Улугчат и Мальтабар.

Установление протекторатов России над Бухарским эмиратом (1868–1873) и Хивинским ханством (1873)

Хлопковые ткани и хлопок составляли основу экспорта из Центральной Азии в Россию. Нижегородская ярмарка стала главным центром российско-бухарской хлопковой торговли, а бухарские купцы стремились взять в свои руки весь хлопковый экспорт из региона. Экономический фактор оказывал влияние на политику.

С одной стороны, он содействовал формированию в России группы предпринимателей и политиков, которые требовали проникновения в Центральную Азию и обеспечения русским купцам равных прав и возможностей с местными торговцами. В этом смысле российские требования встречали жесткий отпор властей Бухары, Хивы и Коканда.

С другой — торговля с Россией была выгодна и азиатскому купечеству. В центральноазиатских городах возникли группы жителей, заинтересованные в сотрудничестве с Россией и стремящиеся повлиять на местную власть в духе, примирительном по отношению к северному соседу. Поскольку торговля хлопком через Бухару шла трудно, русские власти решили сделать ее центром Ташкент. Отношение жителей этого города к российской торговле было более благожелательным, чем в Бухаре.

Правда, в городе имелась группа горожан (прежде всего, религиозных деятелей), которые ориентировались на Бухару. Но все жители были едины в неприязни к хану Коканда, которому принадлежал суверенитет над городом. Хан знал об отношении к нему ташкентцев и угрожал выселить их из города в другие подвластные ему земли. Угрозы только подогревали антиханские настроения.

Ситуация казалась благоприятной. Российские власти хотели бы сделать Ташкент самостоятельным бекством под русским протекторатом. В крайнем случае, Россию устраивал и статус-кво. Но переход Ташкента под власть Бухары российскую сторону не устраивал, так как это означало бы распространение на ташкентскую торговлю антирусских ограничений, которые были характерны для торговли бухарской.

В начале весны 1865 г. появились сведения о намерении бухарского эмира захватить Ташкент. Не дожидаясь выступления бухарцев, в апре-

ле 1865 г. российские войска сами двинулись на Ташкент. Им навстречу подошли кокандские войска под командованием одаренного кокандского военачальника Алимкула. Однако вскоре он был убит в одной из стычек. В июне 1865 г. Ташкент был взят русскими войсками.

После потери Ташкента в Коканде возникла смута. В середине лета 1865 г. город захватили бухарские войска. Хан Малла (Молля) был свергнут, а на трон с помощью бухарцев был возведен ранее изгнанный из Коканда его брат Худояр, скрывавшийся до этого в Бухаре. Возникла угроза войны России с коалицией Бухары и Коканда. Но эти опасения не оправдались.

В 1865 г. Россия и Бухара предприняли попытки урегулировать противоречия дипломатическим путем — тем более что официально русские власти добивались от бухарских только ликвидации неравенства в русско-бухарской торговле. Россия требовала для русских купцов в Бухаре таких же условий, которыми пользовались бухарские купцы в России. Но ни бухарская миссия в Россию, ни русская в Бухару не были пропущены.

В начале 1866 г. между российскими и бухарскими отрядами происходили стычки в степях от Сырдарьи до Джизака. Русские войска захватили бухарские крепости Джизак и Ура-Тюбе. В мае 1866 г. в урочище Ирджар войска бухарского эмира потерпели крупное поражение. Уверенные в своем превосходстве, русские войска захватили ферганский город Худжанд, хотя он принадлежал не Бухаре, а Коканду, а Коканд после поражения под Ташкентом активно в войне не участвовал.

В августе 1866 г. эмиру были направлены условия мира. Предлагалось признать все новые русские завоевания и выплатить России контрибуцию. Пункт о выплатах вызвал возражения. Переговоры затянулись. Военные стычки между тем продолжались, хотя торговля между Россией и Бухарой не была свернута.

В Петербурге усиливалось влияние сторонников жесткой линии в Центральной Азии. 11 июля 1867 г. было учреждено Туркестанское генерал-губернаторство, в которое были включены южная часть современного Казахстана, Киргизия, Туркменистан и Каракалпакия. Административным центром присоединенных земель стал Ташкент. Генерал-губернатором Туркестана был назначен генерал К. П. Кауфман — человек опытный, властный и решительный. Он получил право вести переговоры со среднеазиатскими правителями, объявлять им войну и заключать с ними мир.

В мае 1868 г. русская армия выступила в направлении р. Зеравшан. Туда же двинулись войска эмира. Бухарское духовенство издало фетву об объявлении *газавата* (священной войны) России. Военные действия оказались неблагоприятными для бухарцев. Русские войска заняли

Самарканд и могли развивать наступление на Бухару. Бухарское руководство было вынуждено признать поражение.

23 июня 1868 г. в Самарканде был подписан торговый договор между Россией и Бухарой, который фактически представлял собой мирный договор с торгово-экономическими статьями, сформулированными так, как этого добивалась российская сторона. Считалось, что договор является прелиминарным.

Бухарское правительство признало все завоевания России в Центральной Азии, согласилось с установлением привилегированного режима для русской торговли и свободой транзита российских подданных через бухарскую территорию. Бухара согласилась выплатить России контрибуцию, а в Самарканде было разрешено временно сохранить присутствие введенных туда русских войск.

Договор не содержал указаний на вассальный характер отношений Бухары с Россией. Все знаки суверенитета Бухары были сохранены. «Покровительственный» характер бухарско-российских отношений определялся тем, что правительство Бухары неформально обязалось «советоваться» по всем вопросам своей внешней политики с русскими властями — туркестанским генерал-губернатором К. А. Кауфманом прежде всего. При этом, однако, русские власти не получили права иметь в Бухаре постоянного уполномоченного, что ограничивало осведомленность России о ситуации внутри эмирата.

Нежелание обострять отношения с Британией, рассматривавшей наступательные действия в Центральной Азии через призму угрозы британским позициям на Среднем Востоке и в Индии, сдерживало Россию. В Лондоне не желали полного разгрома Бухары, а Россия не хотела осложнять отношения.

Страхи британского правительства имели под собой основания. Индийские княжества, опасавшиеся Британии, дважды посылали в середине XIX в. эмиссаров к русским властям в Оренбург и Туркестан с целью выяснить возможность сотрудничества против Британии. Одна из таких миссий прибыла в ставку русских войск во время боевых действий с Бухарой летом 1866 г. Это была делегация из небольшого полунезависимого индийского княжества Индур с полуострова Декан. Российские власти не придали значения ни одному из контактов с индийцами.

Со стратегической точки зрения в присоединении самой Бухары не было особой нужды: обладание Самаркандом позволяло России контролировать верховья Зеравшана — главной реки Бухарского оазиса. При необходимости путем отведения реки российские власти могли оставить Бухару без воды.

Подписание договора 1868 г. не позволило нормализовать ситуацию в полной мере. Некоторые беки, подвластные эмиру, отказались признать условия мира с Россией и перестали подчиняться Бухаре. В мятеже принял участие один из сыновей эмира. Российские войска стали помогать эмиру против бунтовщиков.

При этом Министерство иностранных дел России, и прежде всего канцлер А. М. Горчаков, требовало эвакуации русских сил из Самарканда во избежание осложнений с Британией. Император Александр II отказался ратифицировать договор 1868 г., ссылаясь на то, что он не обеспечивает полного урегулирования ситуации.

Военные действия в Бухаре продолжались до конца 1868 г. Губернатор К. П. Кауфман, рискуя карьерой, саботировал указания Петербурга о выводе войск из Самарканда и верховьев Зеравшана. В конце концов Кауфману были даны дополнительные полномочия начать переговоры с эмиром о новом договоре, ценой за подписание которого и должен был оказаться вывод русских войск из Самарканда.

Режим протектората над Бухарой складывался постепенно — посредством заключения в последующие годы ряда дополнительных договоров и соглашений. Главным из них был подписанный в г. Шахрисабзе в 1873 г. российско-бухарский *Договор о дружбе*. В нем Бухара не называлась вассалом России, но в тексте было ясно сказано о том, что бухарское правительство не может предпринимать внешнеполитических шагов без их согласования с Петербургом.

По условиям договора Бухаре передавались некоторые земли Хивинского ханства, которое к тому времени попало в зависимость от России. Важной чертой договора было упоминание в нем Среднеазиатской железной дороги, с проведением которой по бухарским землям согласился эмир. Наконец, Бухара впервые приняла обязательство пресекать торговлю невольниками. Постоянное политическое агентство России в Бухаре было открыто только в 1886 г.

Сравнительно осторожное отношение российской власти к Бухаре было связано не только с нежеланием спровоцировать протесты Британии. По своему неформальному статусу Бухарский эмират возвышался среди других центральноазиатских государств. Это было государство более высокой культуры, с прочными и древними духовно-культурными корнями и относительно многочисленным слоем образованного населения. Убедительней в глазах местного населения и иностранцев выглядела легитимность бухарских правителей. По сравнению с ними кокандские ханы, например, казались просто удачливыми мятежниками, к тому же неспособными навести порядок в собственных владениях.

Сравнение с Бухарой не шло на пользу и хивинским ханам. Хотя в фундаменте государственности Хивы лежало наследие древнего Хорезма, культура и политика этого государства были окрашены грубыми традициями кочевников, с которыми соседствовала Хива. В Бухаре было принято ориентироваться на умозрительные, но высокие стандарты Арабского халифата, эмирата Саманидов и Османской империи. В Хиве такие сложные ассоциации не были в ходу. Нравы были грубее. Сила откровенно преобладала над традицией и законом при всей его условности в центральноазиатских обществах.

Бухарские, хивинские и кокандские владельцы примерно с одинаковой легкостью прибегали к оружию. Но все-таки бухарцы предпочитали вести *войны*, соответствующим образом оформляя их, а хивинцы и кокандцы просто жили *разбоем*, низводя войну до уровня сезонного промысла. Русские власти улавливали эти различия и строили политику с их учетом. Отчасти поэтому отношения России с Хивой развивались иначе, чем с Бухарой: в первой русские власти действовали более бесцеремонно.

Военный разгром Бухары не впечатлил Хиву. Хивинские представители оспаривали у России ее недавно приобретенные права в сопредельных степях и побуждали киргизов и казахов к неповиновению русским властям. Губернатор К. П. Кауфман считал войну с Хивой неизбежной. Понимая сложности похода на нее через пустыни, он настаивал на тщательной подготовке такой кампании.

В 1869 г. российские войска произвели высадку на восточном берегу Каспийского моря и основали там форт Красноводск, который стал плацдармом для продвижения и на север, в направлении хивинских владений, и на юг, к туркменским оазисам.

В марте 1870 г. началось антирусское восстание «киргизов-адаевцев» (точнее — казахов), организация которого была приписана хивинской агитации. Начались угоны коней и верблюдов, разгромы почтовых станций и похищения людей. Попытки русских властей побудить хана Хивы вступить в переговоры не дали результатов. Хивинское руководство игнорировало российские представления. Не имела успеха и попытка посредничества, предпринятая эмиром Бухары: бухарского посла в Хиве приняли не очень любезно и от посреднических услуг отказались.

Опасность ситуации стала очевидной для приближенных хана только в 1872 г., когда Хива попыталась направить посольство в Россию с целью ослабления напряженности на пограничных территориях. Но русские военные власти не пропустили миссию в Россию.

В начале 1873 г. русские войска начали наступление на Хиву с трех направлений — от Красноводска, со стороны Оренбурга и из Туркеста-

на. 29 мая 1873 г. Хива была взята. Хан бежал под защиту туркмен-йомудов. 12 августа 1873 г. был подписан русско-хивинский Гандемянский мирный договор (по названию кишлака, в котором он был подписан), согласно которому Хива уступила России все свои владения по правому берегу Амударьи, а хивинский хан признал себя вассалом России. Русские купцы и прочие российские подданные получили в ханских владениях те же привилегии, которыми после 1868 г. они стали пользоваться в Бухаре. В Хиве было запрещено рабство. Российские суда получали право свободного плавания по Амударье, а права хивинских и бухарских судов в этом смысле оказались ограниченными: они должны были получать разрешения русских властей.

На левом берегу Амударьи русские купцы получали право устраивать пристани, фактории, склады товаров. При этом ханские власти были обязаны отвести земли для российских торговых заведений. Хива обязывалась уплатить в течение 20 лет крупную контрибуцию. Часть территорий, уступленных Хивой, была передана Россией бухарскому эмиру в награду за его лояльность к России во время русско-хивинской кампании.

После 1873 г. российское правительство контролировало внешнюю политику Бухары и Хивы, не вмешиваясь в их внутренние дела. Правители Бухары поддерживали неофициальные, но тесные связи с Афганистаном. Бухара и Хива сохранили собственные валюты и содержали небольшие армии. Россия аккредитовала в Бухаре и Хиве своих дипломатических агентов, а бухарский эмир — представительство в Петербурге.

Присоединение ферганских земель Коканда и Южной Киргизии к России (1876)

Потеря Ташкента в 1865 г. и Худжанда в 1866 г. вместе с последующими военными поражениями от русских войск ослабили международные позиции Кокандского ханства. В стране началась усобица между кипчакской и сартской группировками знати. Мелкие бийства воевали между собой, а ханская власть не могла их себе подчинить. Движение караванов через Фергану становилось опасным, а иногда невозможным из-за стычек местных владетелей. Это раздражало русские власти соседних областей, которые были озабочены торговлей с кашгарскими землями Китая, пути в которые лежали через Фергану.

В 1868 г. боевые действия между русскими и кокандскими войсками завершились подписанием торгового (и одновременно мирного) договора, условия которого соответствовали интересам русской торговли. Коканд был открыт для сбыта российских товаров. Хан Худояр признал все российские завоевания и вассальную зависимость от России. Фактически Кокандское ханство стало российским протекторатом.

Хозяйственное и политическое положение в стране оставалось сложным. Местные торговцы, духовенство и правители отдельных бийств были недовольны ханом и его уступчивостью России. В такой обстановке Худояр рискнул повысить налоги, ссылаясь на вынужденный характер этой меры и ее обусловленность территориальными потерями и уступками в пользу России. Против Худояра открыто выступали некоторые местные бии.

В частности, ханом были недовольны кипчакские и киргизские правители вассальных по отношению к Коканду земель Южной Киргизии. Правда, их борьба против Худояра сначала не была связана с возмущением против России. Наоборот, кипчакские и киргизские роды хотели избавиться от экономических невзгод Коканда, получив разрешение откочевать из кокандских пределов в русские владения, где обстановка была вольготней и спокойней. Антиправительственное брожение кочевников стало приобретать характер восстания против хана Коканда.

С 1871 г. начались обращения кочевников к русским властям с просьбами принять их в российское подданство и разрешить перекочевать на территорию, занятую русскими. Но российское правительство, связанное договором 1868 г. с Кокандским ханством, не хотело поддерживать антиханские группировки. В итоге антиханские настроения кипчаков и киргизов стали приобретать и антироссийскую окраску.

В 1875 г. коалиция антихански настроенных сил при поддержке духовенства организовала заговор против хана и осуществила переворот, спасаясь от которого Худояр бежал под защиту русских сил сначала в Худжанд, а позднее в Ташкент, откуда он был вскоре переведен в Оренбург. Российская сторона получила возможность действовать, как если бы она защищала интересы законного владельца Коканда.

В августе 1875 г. К. П. Кауфман во главе отряда выступил на Коканд из Худжанда. Нанеся поражение силам кокандской коалиции против Худояра, российские войска вынудили их 22 сентября 1875 г. подписать мирный договор, согласно которому Коканд передал России свои владения по правому берегу рек Сырьдарья и Нарым. Заключение мира на таких условиях вызвало возмущение, и в октябре 1875 г. в ханстве началось восстание. В течение нескольких месяцев оно было подавлено российскими войсками, 19 февраля 1876 г. вступившими в столицу. Российские власти не стали восстанавливать на престоле хана Худояра. Кокандское ханство было упразднено и вместо него образована Ферганская область в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Вместе с другими кокандскими землями в состав российских владений вошли зависимые от Коканда территории Южной Киргизии. Северная часть Центральной Азии была фактически под российским контролем.

Российская экспансия, в том числе силовая, осуществлялась при заигрывании и взаимодействии с местной знатью. Военные власти активно и иногда умело использовали распри между региональными и этническими группировками. Российские представители стремились не столько к прямому захвату территорий, сколько к приобретению влияния на местных владельцев, их добровольно-вынужденному подчинению своей политике при сохранении местных традиций и механизмов регулирования отношений внутри центральноазиатских земель. При общем негативном отношении к российскому правлению подчинение России в регионе нередко считалось меньшим злом, чем подчинение Китаю, власти которого стремились утвердить господство в восточной части Центральной Азии через прямое использование силы против местных правителей, казни, физическое истребление племенной знати и массовые репрессии.

В 1882 г. разросшееся Туркестанское генерал-губернаторство было разукрупнено, из его состава выделили Степное генерал-губернаторство, в которое были включены северные районы современных казахских степей.

Политика Великобритании в регионе и установление британского протектората над Афганистаном (1879–1880)

Создавая значение Индии для экономической безопасности Великобритании, британское правительство уделяло внимание охране северных, сухопутных рубежей индийских владений. В этом смысле особое значение имел Афганистан, который выглядел как естественный рубеж защиты Британской Индии от воздействий с севера.

Афганистан являлся этнически неоднородным образованием, политическая инициатива в создании которого и, следовательно, власть принадлежали *пуштунам*, а в хозяйственной жизни и торговле ключевую роль играли таджики. В стране проживали и другие этнические группы, самыми крупными из которых были *хазарейцы* и узбеки. Таджики и узбеки компактно проживали в северных районах страны, пуштуны — на юге и юго-востоке, в том числе на границе с той частью Британской Индии, которая вобрала в себя часть исторических афганских (пуштунских) областей и впоследствии стала Пакистаном.

С геополитической точки зрения Афганистан играл в региональных отношениях стабилизирующую роль как минимум в одном отношении: его земли разделяли сферы притязаний России и Британии. Обе державы стремились распространить влияние на Афганистан. Но обе понимали рискованность «встречной эскалации» экспансии, не желая вступать в прямую

конфронтацию. Российско-британские трения помогали Афганистану оставаться самостоятельным, хотя фактически он был вынужден считаться с постоянным давлением со стороны Великобритании.

Самостоятельное государственное существование Афганистана началось в 1747 г., когда Ахмед, выборный вождь пуштунского племени *дуррани*, провозгласил себя владельцем оазисов Кабула и Кандагара. Он положил основание династии — *Дуррани*. Позднее к этим владениям были присоединены Джелалабад и Пешавар на востоке, Герат на западе и другие земли. Столицей страны стал Кабул. Дурранийская держава распространилась от Ирана и туркменских оазисов на западе до Лахора, Кашмира и Дели на востоке. На севере у Памира ее границы упирались во владения Бухары. В 1773 г. Ахмед умер, и между его наследниками начались распри, в результате которых государство стало распадаться. Первым делом от нее отделились Герат и Кандагар, номинально перешедшие под власть иранских шахов. Усобица дала повод вмешательству России и Британии.

В 1826 г. в Кабуле пришел к власти эмир Дост Мухаммед, который поставил перед собой задачу объединения афганских земель. Ост-Индская компания, управлявшая Британской Индией, была недовольна объединительной политикой молодого эмира, которая могла быть препятствием для планировавшихся британских захватов.

В 1834 г. на британские деньги был организован поход на Кабул претендента на афганский трон Шуджи, одного из потомков Ахмеда, жившего в изгнании в Индии. Шуджа действовал в союзе с правителем Пенджаба, который рассчитывал на территориальные приобретения в ходе начатой кампании. Войска Дост Мухаммеда под Кабулом разбили отряды Шуджи и пенджабцев. Но пенджабцы смогли захватить афганский город Пешавар. Дост Мухаммед потребовал отдать ему Пешавар, но на сторону пенджабцев стали британцы.

Тогда в 1835 г. афганский эмир обратился за помощью к России. Для изучения ситуации в Афганистан был направлен российский представитель («миссия И. В. Виткевича»). На пути в Кабул он сделал остановку в Кандагаре, где смог убедить кандагарского правителя вместе с Ираном и Афганистаном напасть на Герат, правитель которого ориентировался на Британию. Был подготовлен проект соответствующего афгано-иранского договора, гарантом которого должна была выступить Россия.

Хотя российское правительство дезавуировало И. В. Виткевича, опасаясь осложнений с Британией, в 1836–1837 гг. Иран попытался самостоятельно утвердиться в Герате. Это вызвало начало его войны с Британией. Потерпев поражение, Иран был вынужден заключить с ней не-

выгодный торговый договор. Нанеся поражение Ирану, британские силы стали готовиться к войне против Афганистана.

В октябре 1838 г. началась первая афгано-британская война, целью которой было свержение Дост Мухаммеда и повторение попытки возвести на трон Шуджу. Британские войска заняли афганские города, включая Кабул. Эмир бежал в северные районы страны под защиту узбекских и таджикских племен на левом берегу Амударьи, где сформировал боеспособные отряды, с помощью которых в ноябре 1840 г. напал на британцев, выступивших из Кабула походом на север. В условиях горной местности ему удалось полностью (!) уничтожить одну из британских группировок.

В 1841 г. на всей территории Афганистана началась партизанская война, в ходе которой британцы несли большие потери. Шуджа не пользовался поддержкой местной знати и духовенства, так как его считали «ставленником неверных», и вскоре он был убит. Попытки передать власть его сыновьям не удались. В начале 1843 г. британцы сами пригласили Дост Мухаммеда занять трон в Кабуле и вывели войска из страны.

В марте 1855 г. в Пешаваре был подписан афгано-британский Договор о мире и дружбе. Эмир Афганистана согласился координировать свои военные кампании с Великобританией и выступать на ее стороне во всех возможных войнах. Стороны обязались также уважать владения друг друга, что означало фактическое признание афганской стороной утраты Пешавара. За это британская сторона обещала эмиру помощь в покорении узбекских и таджикских племен на левом берегу Амударьи, которые к тому времени были вассалами Бухары. Кроме того, Ост-Индская компания стала выплачивать эмиру регулярную денежную субсидию. Эти выплаты распространились и на наследников Дост Мухаммеда. Официально выплаты осуществлялись как компенсации за обязательства эмиров не совершать набеги на подконтрольные британцам индийские владения.

Вслед за подписанием договора с британцами в 1855 г. Дост Мухаммед захватил Кандагар, а в 1856 г. предпринял свой первый поход на Левобережье Амударьи, предварительно получив от британцев оружие и деньги на ведение кампании.

В Лондоне понимали важность нейтрализации Афганистана. С 1857 г. в Индии началось антибританское восстание сипаев (1857–1859). В индийском обществе распространились слухи о «скором приходе» России в Индию в союзе с Афганистаном и Ираном. Это подогревало и без того мощные антибританские настроения индийцев.

Советники афганского эмира в это время предлагали ему воспользоваться затруднениями Британии и требовали начать поход на захва-

ченный пенджабцами при поддержке британцев Пешавар. Но Дост Мухаммед проявил выдержку и сохранил нейтралитет, благодаря чему британское правительство перебросило войска с афганской границы на подавление восстания сипаев в центральной части Индии.

За это эмир был еще раз вознагражден: в 1858 г. при поддержке британцев он предпринял второй поход на север и окончательно подчинил себе таджикские и узбекские бекства Левобережья Амударьи. Фактически к концу 1850-х годов Южный Туркестан оказался под контролем афганских правителей. В довершение ко всему в июне 1862 г. эмиру удалось взять Герат, вскоре после чего Дост Мухаммед умер.

Новым эмиром стал Шерали, который был вынужден начать войну со своими сводными братьями, отказавшимися признавать его верховенство. Война продолжалась шесть лет и закончилась победой Шерали. Его утверждение на троне было настороженно воспринято в Великобритании. Эмир стремился быть независимым. Он пытался укреплять армию и проводить реформы. Но главное, он стремился лавировать между Британией и Россией, используя их противоречия для укрепления своей самостоятельности.

Желая изолировать эмира, в 1869 г. Британия предложила создать нейтральное пространство между российскими и британскими владениями. Российские власти согласились с идеей в принципе, предложив считать таковым территорию Афганистана в составе Кабула, Кандагара и Герата. Однако британская сторона настаивала на более пространной нейтральной полосе. Было предложено считать ею все земли, находившиеся фактически под управлением эмира Шерали. В этом случае Британия была готова действовать в качестве «гаранта миролюбия Афганистана». России предлагалось признать британский протекторат над Афганистаном.

Формулировка о землях, фактически находящихся под управлением Афганистана, была находкой британской дипломатии, поскольку она оставляла возможность для последующих переговоров об уточнении линии разграничения между Афганистаном и его северными соседями (Бухарой и туркменскими племенами), на доминирование в землях которых претендовала Россия. Установить, какие именно из полунезависимых северных пограничных бекств и племен фактически подчинялись афганским эмирам, а какие бухарским, было иногда просто невозможно.

Конкретизируя свой проект, британское правительство предложило считать афганскими вассалами таджикские и узбекские бекства на левом берегу Амударьи, а также памирское ханство Бадахшан вместе с Ваханским коридором. Аргументы Лондона показались в Петербурге сомнительными. Но российское правительство едва завершило кампанию

против Бухары и готовилось к войне с Хивой. Осложнять отношения с Лондоном не хотелось.

В ходе русско-британских переговоров с октября 1872 по январь 1873 г. был согласован вопрос о северной границе Афганистана так, как это было сформулировано в британских предложениях. Соглашение было оформлено в виде обмена нотами. Состоялось, таким образом, первое «афганское разграничение». Россия обязалась удерживать бухарского эмира от попыток распространить контроль на юг, а Великобритания — предупреждать стремление афганских владетелей расширяться на север.

Договоренности с Россией позволили Британии усилить давление на Афганистан. Британцы стали вмешиваться в семейные распри эмира Шерали, убеждая его старшего сына Якуб-хана (лишенного эмиром права наследовать трон) свергнуть отца. Происки британских агентов убедили Шерали в необходимости дистанцироваться от Великобритании. Но возможности для маневра у него были ограниченными.

В ноябре 1878 г. началась вторая афгано-британская война. Через год после ее начала эмир Шерали умер. Ставший эмиром Якуб подписал 26 мая 1879 г. с британцами Гандамакский мирный договор (по названию места подписания — г. Гандамак на северо-востоке Афганистана). По содержанию он был похож на договор России с Бухарой, однако в нем четко говорилось о запрете для Афганистана вступать в отношения с иностранными государствами. Подписание договора вызвало возмущение. В сентябре 1879 г. в Кабуле вспыхнуло восстание, к ходе которого были убиты все (!) британские подданные, которые оказались в столице.

Последовала жестокая карательная экспедиция британских войск. Кабульское восстание разгромлено, а его участники казнены. Ситуация однако не улучшилась, а антибританские выступления распространились по всей стране. В такой обстановке эмир Якуб, не пользовавшийся поддержкой племенных вождей и духовенства, отрекся от престола.

Британское правительство обратилось к России с просьбой разрешить выезд в Кабул Абдаррахмана, внука эмира Дост Мухаммеда и племянника эмира Шерали, который жил в российских владениях в Туркестане. В начале 1880 г. он прибыл в Афганистан и в июне взошел на престол.

Однако новый эмир согласился принять власть при условии, что Гандамакский договор будет пересмотрен. В итоге в 1880 г. был заключен новый афгано-британский договор. В соответствии с ним Британия сохранила контроль над внешней политикой Афганистана, который при этом терял часть своих территорий (горные перевалы) в пользу Британской Индии. Кроме того, британские войска были размещены в Кандагаре, который был провозглашен независимым владением. Хотя новый

эмир пошел на существенные уступки по условиям договора, он вынудил британцев в 1880 г. полностью вывести войска из страны, а также из Кандагара, который после колебаний британское правительство в конце концов тоже передало Абдаррахману. Эмир сохранил самостоятельность в вопросах внутренней политики, но в целом Афганистан оказался под протекторатом Британии. Афганистан был официально признан Британией независимым государством только после третьей афгано-британской войны в 1919 г.

Разграничение владений России и Китая в Туркестане¹ и ликвидация уйгурских и дунганских ханств в Синьцзяне

Первый этап договорного разграничения территориальных владений России и Китая в Центральной Азии приходится на начало 1860-х годов. 2 ноября 1860 г. был подписан русско-китайский Пекинский договор, в котором определялись условия делимитации русско-китайской границы в Приамурье, Приморье и к западу от Монголии. После его подписания начались демаркационные работы к югу от перевала Шабин-дабага. В сентябре 1864 г. в Чугучаке (Тарбагатай) был подписан протокол, определявший направление линии границы российских и китайских территорий до хребта Цунлин. Но условия Чугучакского протокола не были реализованы в течение более полутора десятилетий — отчасти из-за начавшихся в 1864 г. уйгурских и дунганских восстаний в Синьцзяне, в результате которых местная китайская администрация просто перестала существовать и российским представителям было не с кем осуществлять демаркацию границы. Пограничные столбы были установлены только в 1869–1870 гг. и лишь к северу от озера Зайсан.

Между тем после продолжительных колебаний и длительной подготовки китайское правительство приступило к подавлению дунган и уйгуров в западной части Китая. Оно уже могло себе это позволить, поскольку тайпинское восстание было прекращено, а вторая опиумная война завершилась. В январе 1876 г. китайские войска под командованием Цзо Цзунтана начали военную операцию по восстановлению власти Китая в Восточном Туркестане.

В мае 1877 г. при подозрительных обстоятельствах умер Якуб-бек, правитель государства Йэтишаар. Между его сыновьями началась вой-

¹ Правовую базу российско-китайского территориального размежевания на «киргизском участке» российско-китайской границы составили Пекинский договор (1860), Чугучакский протокол (1864), Петербургский договор (1881), Кашгарский протокол (1882) и Новомаргеланский протокол (1884).

на за престол. Силы исламских отрядов были раздроблены, что было выгодно китайскому правительству. Государство Йэтишаар было разгромлено. Его новый правитель Бек-кули, сын Якуб-бека, укрылся в пределах России. Китайское правительство поставило перед Россией вопрос о выводе русских войск из Илийского края, куда они были временно введены в 1871 г.

В сентябре 1879 г. в Ливадии был подписан русско-китайский договор, согласно которому Россия согласилась вывести свои войска, но не со всей территории Илийского края, а лишь с небольшой ее части. Но и это было дипломатическим успехом Китая, достигнутым в неблагоприятной для России международной обстановке в Европе. После русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и выгодного России Сан-Стефанского мира с Османской Портой западноевропейские страны создали дипломатическую коалицию против России, вынудив ее согласиться на Берлинский конгресс в марте 1878 г. В ходе конгресса российская сторона под угрозой войны с другими великими державами согласилась на значительное ухудшение условий своей победы над Турцией. Китайская дипломатия находилась в контакте с британской и была осведомлена об опасениях России в отношении возможности антирусских коалиций. Вот почему она уверенно отстаивала права Китая на Кульджу. В целом Ливайдский договор был благоприятен для России, но в силу он так и не вступил.

Дело было в том, что договор вызвал возмущение в Пекине, обострив борьбу между сторонниками «морской» и «сухопутной» группировок китайских министров. Сторонники активизации сухопутной политики настаивали на необходимости победоносной войны с Россией, надеясь продемонстрировать мощь Китая и тем самым устрасшить «морские державы» — Британию и Францию. Представители «морской группировки» предлагали передать вопрос об Илийском крае в международный арбитраж.

Как бы то ни было, договор не был ратифицирован Китаем, хотя он был ратифицирован Россией. Весной 1880 г. возникли признаки намерения Китая попытаться выдавить русские войска из Кульджи силой. В такой обстановке русско-китайские переговоры были возобновлены, и 12 февраля 1881 г. в Петербурге был подписан новый договор. По его условиям Россия согласилась передать Китаю более обширные территории из числа тех, которые были ею заняты в 1871 г.

Петербургский договор определил линию российско-китайской границы на большей части ее прохождения в землях Центральной Азии до конца XX в.

Условия разграничения владений Китая и России по памирскому участку этой границы (до Ваханского коридора) были урегулированы в

апреле 1894 г. путем обмена нотами между китайским посланником в Петербурге и российским министром иностранных дел Н. К. Гирсом. Обе державы зафиксировали территориальный статус-кво и издали своим подданным предписание «...не переходить за пределы позиций, занимаемых ими ныне». Вывод русских войск из Илийского края сопровождался бегством 70 тыс. уйгуров, дунган и казахов в российские владения из страха перед репрессиями китайских властей.

Войны в туркменских оазисах и присоединение Закаспия к России (1881–1884)

Главными этапами продвижения России в направлении Закаспия были две российско-иранские войны, которые завершились подписанием Гюлистанского мира 1813 г. и Туркманчайского договора в 1828 г. По первому договору Россия добилась признания Ираном ее территориальных приобретений в Дагестане, Грузии и Северном Азербайджане, по второму — завоеваний в Восточной Армении.

Иран находился в неустойчивом внутреннем состоянии, сотрясаясь от регулярных династических войн, к которым в 1848–1852 гг. добавились восстания *бабитов*.

Восстания бабитов — религиозные и антишахские восстания 1848–1852 гг. в Иране. Были организованы сторонниками религиозного деятеля Сеида Али Мухаммада (1819–1850), который объявили себя «бабом» — то есть «вратами», через которые *мессия* изъясняет свою волю правоверным. Бабиты ожидали скорого пришествия мессии и выступали против необходимости монархии.

В 1841–1856 гг. западные державы подписали с Ираном серию неравноправных договоров, по существу вводивших в стране режим капитуляций. В таких условиях страна не могла проводить самостоятельную внешнюю политику. Пользуясь трудностями Ирана, Великобритания и Россия стремились подчинить его своему влиянию. Иранские правители, не имея сил противостоять обеим державам, пробовали использовать Россию против Британии и наоборот. Северная часть Ирана попала под российское влияние, а южная — под британское.

Одной из причин внимания Великобритании к иранской политике было стремление воспрепятствовать переходу под иранский контроль пограничного между Ираном и Афганистаном Гератского ханства. Британские стратеги понимали, что самым удобным и коротким маршрутом из России в Северную Индию был «южный путь» — из Закаспия через Герат, Кандагар и далее в Белуджистан и Кашмир.

Правда, существовали еще два других маршрута. Северный — пролегал из России через земли Хивы и Бухары, огибая горы Памира с за-

падный стороны. Восточный — вел в Индию через восточную часть Ферганской долины и далее в Кашгар, обходя Памир с восточной стороны, и земли Кашмира. Но оба эти маршрута были сопряжены с движением через труднопроходимые пустыни и горные массивы. Дорога через Герат и Кандагар была удобней и пролегла по хорошо обжитым регионам.

Поэтому британские военные старались захватить контроль над южным маршрутом. Отсюда — трения Британии с Афганистаном из-за Кандагара, а с Ираном — из-за Герата. Учитывая, что между владениями туркменских племен, над которыми с севера и запада нависала Россия, землями гератских владетелей и афганских эмиров границы были символическими, британские стратеги представляли себе вероятность внезапного перемещения (откочевки) туркмен из северных районов их обычного обитания в земли Герата или Афганистана. Такие перемещения нередко сопровождалось стычками. В этом случае мог возникнуть конфликт, способный спровоцировать войну с участием России. Вот почему, в частности, в ходе двух войн с Ираном из-за Герата в 1837 и 1856 гг. Британия добилась от Тегерана признания ее права быть посредником между Ираном и Афганистаном в любых спорах из-за обладания Гератом.

Территории восточного побережья Каспийского моря представляли собой степи и полупустыни, вперемешку с оазисами. Формально на власть над ними претендовали все ближайшие крупные государства — Иран, Хивинское ханство, Бухара и Афганский эмират. Но власть всех государств над оазисами была символической. Оазисы завоевывались более сильными странами, признавали их верховенство и соглашались платить дань. Но как только иностранные войска уходили, оазисы начинали жить обычной жизнью и управляться местной знатью, которая могла продолжать считать себя вассальной по отношению к завоевателям, а могла и отказаться им подчиняться до нового нашествия.

Реальный контроль Ирана, Хивы, бухарских и афганских эмиров над туркменскими оазисами на востоке от Каспия определялся способностью соответствующих правителей осуществлять победоносные походы с целью демонстрации силы, если не сбора дани. Если дела в Иране, Хиве или других государствах шли неважно, туркменские племена автоматически становились независимыми. Ясно зафиксированных границ между владениями государств в Закаспии не было или, можно сказать, эти границы были условны.

Движение России в Закаспий приобрело систематичный характер после приобретения Красноводска на восточном берегу Каспийского моря в 1869 г. Обретение стратегических позиций в Семиречье, Ферган-

ской долине, а также в Бухаре и Хиве в начале 1870-х годов облегчало России расширение плацдарма на восточном побережье Каспия.

Северные земли Ирана страдали от регулярных набегов туркменских племен с целью захвата рабов, лошадей, верблюдов и источников питьевой воды. Попытки шахских властей обеспечить эффективную защиту своих неукрепленных рубежей с зоной туркменских кочевий не приносили успеха.

Сложность борьбы против туркмен была связана с особенностями их жизни. Кочевники предпочитали селиться на окраинах оазисов, откуда при опасности им было легко отступить в пустыню. Даже оставаясь в пределах оазисов, туркменские племена селились мелкими аулами размером до 300 юрт, часто переходя с места на место.

При этом Иран имел на границе с кочевниками единственную крепость Серахс, что было недостаточно, чтобы контролировать их передвижения. Кочевники со своей стороны никогда не пробовали взять Серахс, поскольку эта крепость была для них не опасна: гарнизон укрепления не решался выходить на помощь караванам, даже если кочевники их грабили недалеко от крепостных стен.

Совершая набеги, туркмены часто доходили даже до Мешхеда — центра пограничной иранской провинции Хорасан. Появление русских войск в Закаспии несло для Ирана опасность потери позиций в зоне туркменских племен. Но оно сулило и прекращение туркменских набегов. Возможно, поэтому, несмотря на российскую экспансию в Закаспии, российско-иранские отношения оставались стабильными. Россия помогала шаху в обеспечении его личной безопасности. Укомплектованная иранцами, но находившаяся под командованием русских офицеров казачья бригада шаха в конце XIX в. была его самым надежным армейским формированием.

Первым крупным шагом к завоеванию Закаспия Россией была экспедиция в 1880–1881 гг. в населенный туркменами Ахалтекинский оазис. 12 января 1881 г. после длительной осады русские войска взяли крепость Геок-Тепе — главную цитадель этой области. Гарнизон оказал упорное сопротивление, и обе стороны понесли большие потери. Жестокость схватки усугубилась насилиями победителей (костяк русского отряда составляли уральские казаки) в отношении гражданского населения.

12 января в современной Туркмении отмечается как день общего поминовения погибших в трагических событиях той поры.

Сообщения о жестокостях попали в русскую и западную печать и вызвали негативную реакцию императорского правительства в Петербурге. Молодой генерал М. Д. Скобелев, который командовал штурмом

Геок-Тепе, в знак осуждения его методов ведения войны был отозван из Центральной Азии и переведен в Минск. 5 мая 1881 г. была образована Закаспийская область с центром в Ашхабаде, которая оставалась в подчинении Кавказского округа до 1890 г.

Ахалтекинский оазис считался одним из главных оплотов туркменской независимости, и падение Геок-Тепе произвело сильное впечатление в регионе. Вожди и старейшины других племен стали серьезнее относиться к предложениям русских властей установить правила, гарантирующие безопасность торговых караванов, проходящих через туркменские земли.

16 ноября 1881 г. в Ашхабаде ахалтекинские старейшины на сходе с участием русских представителей утвердили «Клятвенное обещание», согласно которому местные племена обязались не воевать против русских властей, прислушиваться к их советам, прекратить нападения на караваны и сопредельные земли, в том числе иранские. Оговаривалось также обязательство о прекращении торговли невольниками и выделении охраны проходящим караванам на условиях оплаты услуг местного эскорта. Взамен русские власти обещали не вмешиваться в религиозную жизнь и обычаи местных жителей и предоставить туркменским торговцам те же привилегии, которыми пользовались в России бухарские купцы.

Спустя месяц, 9 декабря 1881 г., было подписано русско-иранское соглашение о границах российских владений с иранскими пограничными провинциями Хорасан и Астерабад. Иранское правительство фактически санкционировало действия России в Закаспии. Оно облегчило дальнейшие действия русских властей. Вслед за ахалтекинской знатью присягу российскому императору в 1882 г. принесли правители расположенного к востоку от Ашхабада Теджентского оазиса (г. Теджент), а затем и вожди ряда других туркменских племен.

Движение на восток продолжалось. Туркменский город Мерв (совр. Мары) был центром одноименного оазиса. Номинально он принадлежал Ирану, но на деле никому не починался. В феврале 1882 г. в город Мерв тайно проник русский военный отряд. Его командир майор А. М. Алиханов-Аварский (из числа российских подданных — мусульман) убедил местных старейшин в выгоде добровольного подчинения России. В результате сложных маневров с использованием подкупа, силовых демонстраций и хитростей в марте 1884 г. русские власти вынудили местную знать перейти в подданство Российской империи. Основная часть туркменских оазисов оказалась под российским контролем.

Для закрепления власти в новых землях российское правительство использовало политику переселения казаков и крестьян. К 1897 г. численность русских переселенцев в Закаспии достигла 175 тыс. человек.

Строились учебные заведения, больницы, церкви, мечети. Развитию края способствовала постройка в 1880–1888 гг. Закаспийской железной дороги. Средняя Азия стала втягиваться в российскую экономику.

Русско-афганский конфликт 1885 года и новые «афганские разграничения»

Поглощение Мерва вывело русские владения непосредственно к землям, на владение которыми претендовали афганские эмиры и ханы Герата (когда последним удавалось быть независимыми). За спиной тех и других стояла Великобритания. К востоку от Мерва располагался Пендинский оазис (г. Пенде), населенный туркменами, которые, как и жители Мерва до 1884 г., не признавали над собой ничьей власти. События подчинить Пенде был велик. Он усиливался в связи с действиями некоторых местных племен, которые продолжали жить военными набегами. Нападая на российские владения, они находили укрытие на юге в пендинских землях. Преследуя кочевников, русские отряды могли нарушить границы сопредельных владетелей.

Присоединение Мерва было встречено на Западе с раздражением. Но ситуация не позволяла европейским противникам России рассчитывать на создание антирусской коалиции. Британия была поглощена подавлением восстания в Судане, исламское население которого в 1884 г. провозгласило газават против британцев. Тем не менее Лондон стремился найти способ остановить экспансию России в юго-восточном направлении. Проработку вопроса о северных границах Афганистана дипломаты России и Британии начали еще в декабре 1883 г. Дальнейшие события то замедляли, то ускоряли их работу. В туркменских и афганских землях работали русская и британская миссии по разграничению.

18 марта 1885 г. у поселения Ташкепри в Пендинском оазисе произошло столкновение между вступившим туда русским военным отрядом и силами афганского эмира, оказавшимися при этом под командованием британского офицера. Задача афганской стороны, опиравшейся на поддержку Британии, состояла в занятии всей территории Пендинского оазиса с целью не допустить его подчинения России. Однако под натиском российских войск силы эмира отступили от Пенде. Весь оазис, на южной оконечности которого позднее была сооружена крепость Кушка, был занят русскими войсками. Пендинские туркмены изъявили готовность перейти в российское подданство.

Британский отряд численностью около 1000 человек, находившийся в зоне конфликта для охраны британской миссии по разграничению, в боевых действиях участия не принял. Но было очевидно, что Россия и

Британия опосредованно оказались в состоянии вооруженного противостояния. При этом ни одна из держав не стремилась к войне. Попытки британской дипломатии оказать нажим на Россию угрозой ввести британский флот в Черное море, чтобы угрожать Севастополю, как в годы Крымской войны, не удались. Под давлением России и связанной с ней «Союзом трех императоров» Германской империи турецкое правительство закрыло Черноморские проливы для иностранных военных судов.

В такой ситуации были начаты русско-британские переговоры. Состоялся *второй тур «афганского разграничения»*. При этом афганский эмир Абдулрахман к досаде британских дипломатов заявил об отсутствии у него территориальных претензий к России, хотя, строго говоря, афганская внешняя политика по договору 1880 г. с Великобританией не входила в компетенцию афганцев.

10 сентября 1885 г. в Лондоне был подписан протокол о линии прохождения северо-западного участка границы Афганистана. 22 июня 1887 г. была завершена работа русско-британской разграничительной комиссии на базе соглашения 1885 г. Оазис Пенде остался за Россией, а граница Афганистана с Ираном была проведена по р. Герирут таким образом, что все владения Герата оказались в составе Афганистана. *Вторая часть «афганского разграничения» завершилась.*

Оставался не проясненным вопрос о линии границы в горах Памира. По первому разграничению 1872–1873 гг. Бадахшан был признан Россией относящимся к владениям афганских эмиров. Но не все владельцы относящихся к Бадахшану бекств так считали. Некоторые продолжали признавать над собой власть Бухары. В 1882 г. возник конфликт, в ходе которого бадахшанский хан — вассал эмира Афганистана — напал на мелкие бекства Шугнан и Рошан, которые были вассалами бухарского эмира. Россия по этому поводу сделала представление британскому правительству от имени Бухары, указывая, что договоренности 1873 г. не относятся к названным территориям. Для урегулирования спора было решено провести демаркацию на месте. События в Мерве, а потом — в Пенде затянули ее проведение.

Земли пяти бадахшанских бекств — Икшашин, Вахан, Горон, Шугнан и Рошан — были расположены по обе стороны реки Пяндж. В ходе русско-британских переговоров 27 февраля 1895 г. в Лондоне было подписано очередное соглашение, согласно которому было решено разделить памирские бекства таким образом, чтобы владения по левую сторону реки были подвластны Афганистану, а правобережные — Бухаре. Образованный таким путем узкий клин афганской территории («афганский палец» или «афганский выступ») на крайнем северо-востоке преграждал России

доступ к хребту Гиндукуш и отделял будущие русские владения на Памире от северо-западной границы Британской Индии. Таким образом в 1895 г. *завершилась третья, памирская, часть «афганского разграничения»*. В южной части региона возник территориальный статус-кво.

Разграничение было согласовано без учета интересов бадахшанских народностей, которые оказались разделены государственными границами. Бухарский эмир не особенно дорожил бадахшанскими бекствами ввиду их бедности. Но эти территории имели военно-стратегическое значение. Вскоре Бухара согласилась с передачей Бадахшанских земель по правую сторону Пянджа в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

Возникновение «линии Дюранда» (1893)

В 1870–1880-х годах были оформлены как северные, так и южные границы Афганистана. При этом основные этносы Афганистана (пуштуны, таджики и узбеки) оказались разделенными государственными границами. В 1893–1895 гг. была проведена демаркация границы Афганистана и Британской Индии, включавшей современный Пакистан, по «линии Дюранда».

После аннексии Британией населенного сикхами Пенджаба в 1849 г. ее владения вплотную подошли к границам Афганистана.

Эта линия разделила исторически сложившуюся зону проживания пуштунских племен, часть которых была отнесена к Афганистану, а часть оказалась на территории, отошедшей под британский контроль. Так образовались афганский (западный) и британский (пакистанский, восточный) секторы исторического Пуштунистана. Владение дурранийских эмиров, афганский город Пешавар, оказалось в составе Британской Индии, перейдя позднее к Пакистану.

«Линия Дюранда» — демаркационная линия, соглашение о которой было подписано в Кабуле 12 ноября 1893 г. эмиром Афганистана Абдаррахманом и секретарем по иностранным делам вице-короля Британской Индии Генри Мортимером Дюрандом.

Важно, что афганская сторона считала демаркационную линию 1893 г. временной, установленной сроком на 100 лет. Однако в самом тексте соглашения о «линии Дюранда» о сроке его действия ничего не было сказано. Демаркация была проведена без участия непосредственно представителей пуштунских племен, вожди которых считали себя на этом основании свободными от обязательств ее соблюдать. Они ее и не соблюдали, до сегодняшнего дня свободно мигрируя со своими племенами сквозь нее из Афганистана в Пакистан и обратно по горным тропам.

* * *

Тенденция к формированию государственных образований местных этносов, наметившаяся после распада империи Тимура, в XVIII и XIX вв. получила ограниченное развитие. В регионе на самом деле возникли территориальные государства, организованные вокруг местных этносов. Все они были многоэтническими и не представляли собой аналога национальным государствам, которые складывались в Европе. Но местные государства не смогли обеспечить себе достаточного уровня жизнеспособности в условиях существовавшей тогда международной среды. Консервативные, закрытые для новаций и не заинтересованные в них ханства и бекства Центральной Азии могли оставаться устойчивыми только при условии изоляции от мировых торгово-экономических и военно-политических тенденций.

Но положение региона в географическом центре Азии не позволяло подобной изоляции сохраняться долго. Регион объективно втягивался в международные отношения, ритм развития которых вынуждал местные народы либо приобщаться к модернизации самостоятельно, либо быть включенными в нее насильственно и на чужих условиях более мощными сопредельными странами.

Литература

- Алаев Л. Б. История Востока. Первобытная эпоха. Древность. Средние века. Новое время. М.: Росмэн, 2007.
- Бичурин Н. Я. (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950—1953. Т. 1—3.
- Вайнберг Б. И., Ставский Б. Я. История и культура Средней Азии в древности. М., 1994.
- Взаимоотношения народов Средней Азии и сопредельных стран Востока в XVIII — начале XX в. Ташкент, 1963.
- Воскресенский А. Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М.: ПИМ, 1995.
- Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979.
- Дацышен В. Г. История российско-китайских отношений в конце XIX — начале XX в. Красноярск, 2000.
- Дубровская Д. В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «новой границы» в конце XIX века. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998.
- Зотов О. Восточный Туркестан (Синьцзян) — страна «латентного ислама» // Ислам и общественное развитие в начале XXI в. М., 2005.
- Масанов Н. Кочевая цивилизация казахов. Алматы, 1995.
- Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX века). М.: Наука, 1965.
- Atkin M. Religious, national, and other identities in Central Asia // Muslims in Central Asia: expressions of identity and change. Durham; L., 1992.

Benson L. The Ili Rebellion: The Moslem Challenge to Chinese Authority in Xinjiang. 1944–1949. N.Y.; L., 1991.

Soucek S. A History of Inner Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Ван Эньюн и др. Чжэнчжи дилисюэ (Политическая география). Пекин, 1999.

Линь Гань. Туцзюэ ши (История тюрков). Хух-Хото, 1988.

Циндай цюаньши (Полная история династии Цин). Шэньян, 1995. Т. 9.

Глава 3

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕГИОНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

К началу XX в. европейские державы, включая Россию, в основном завершили раздел тех азиатских государств и территорий, которые не были в состоянии защитить себя. Государственность стран Центральной Азии была слишком хрупкой, чтобы противостоять военному и экономическому натиску России и Британии. Сказалось накопленное отставание народов региона, замкнувшихся в традиционном укладе и отстранившихся от определяющих тенденций мирового экономического, военно-технического, естественно-научного и культурного развития. Основную часть XX в. народы Центральной Азии снова развивались в составе крупных иноэтничных государств — России, Китая, Ирана, Афганистана, Советского Союза и Британской империи.

Экспансия Британии в Тибете и русско-британское соглашение 1907 года о Персии, Афганистане и Тибете

Стремление обезопасить индийские владения с севера отчасти побудило Британию замыслить военное вторжение в Тибет, бывший уже вассальным владением Китая. В 1901 и 1903 гг. британские представители направляли далай-ламе, правителю Тибета, письма с предложениями согласовать линию границ Тибета с княжеством Сикким, включенным в состав Британской Индии. Эти письма были оставлены без ответов.

Русская дипломатия противодействовала британским интригам. В Тибете присутствовали российские агенты из числа буддистов — калмыков по национальности. Русские дипломаты и император Николай II обещали поддержку далай-ламе.

В Лондоне учитывали возможность столкновения с Россией по тибетскому вопросу и предпринимали соответствующие меры. В 1902 г. был подписан британско-японский союзный договор, который резко

ухудшил для России условия реализации ее целей на Дальнем Востоке. Было очевидно, что в назревавшей русско-японской войне Британия будет помогать Японии против России. В свете предстоящего конфликта было очевидно и то, что британской дипломатии выгодно побуждать Японию начать войну против России как можно скорее.

В декабре 1903 г. в Тибет отправилась военная экспедиция британских войск. Одновременно между Россией и Японией нарастала напряженность, и в феврале 1904 г. началась крайне неудачная для России русско-японская война (1904—1905). Противостоять Британии по тибетскому вопросу стало некому. Британские войска начали продвижение к Лхасе, столице Тибета, и в июле 1903 г. захватили город. Далай-лама бежал во владения Китая — в Ургу. Британия навязала тибетскому правительству договор, согласно которому оно было вынуждено признать предложенную британцами линию границы Тибета с Сиккимом, разрешить свободу торговли для британских купцов и обязаться выплатить контрибуцию. До выплаты контрибуции британские войска заняли принадлежащую Тибету долину реки Чумби.

Ситуация начала меняться по мере того, как британские руководители стали полагать, что германская угроза позициям Британии на Среднем Востоке опасней, чем русско-британские разногласия из-за Тибета. Больше всего Лондон обеспокоило окончательное оформление в 1903 г. между Турцией и Германией соглашения о предоставлении германским компаниям концессии на строительство Багдадской железной дороги. Во второй половине 1900-х годов Лондон стал уделять повышенное внимание консолидации сил ведущих государств на антигерманской основе. В 1904 г. было заключено франко-британское соглашение о разграничении колониальных владений и интересов. Вслед за тем британская дипломатия стала продумывать возможности для урегулирования противоречий с Россией.

После не очень продолжительных переговоров 18 (31) августа 1907 г. в Петербурге была подписана русско-британская Конвенция по делам Персии, Афганистана и Тибета. Это был пространный договор, состоявший из трех частей с приложениями. Стороны подтвердили намерение соблюдать территориальный статус-кво в азиатских делах. Россия повторила, что считает Афганистан находящимся вне сферы ее интересов. Британия обязалась не изменять политический статус-кво в Афганистане и не позволять афганским правителям предпринимать действия против России.

В отношении Ирана было решено разделить его территорию на три зоны: северную, южную и промежуточную. В первой признавался приоритет интересов России, во второй — Британии, а третья объявлялась нейтральной.

Тибет был признан частью Китая. Россия и Британия обязались воздерживаться от попыток нарушать статус-кво в Тибете и не посылать в Лхасу своих агентов. Отдельным протоколом было подтверждено обязательство Британии вывести войска из долины Чумби по выплате тибетским правительством первых трех взносов по контрибуции.

Таким образом, Россия постаралась «остановить» британское проникновение в Тибет сходно с тем, как Британия помешала российской экспансии в Илийском крае (см. гл. 2). Другое дело, что остановить проникновение Британии в Тибет российской дипломатии фактически не удалось. Оно только несколько замедлилось.

Фактор исламского обновленчества (джадидизма)

В первые полтора-два десятилетия XX в. важную роль для определения общественно-политических и интеллектуальных настроений в Центральной Азии стал приобретать *джадидизм* (от араб. *джадид* — новый) — умеренно-либеральное обновленческое движение образованных мусульман в Крыму, Поволжье, Азербайджане и сопредельных с Россией землях Центральной Азии. Это было просветительское течение, сторонники которого признавали полезность осторожной модернизации традиционного исламского образования за счет включения в него некоторых новых предметов.

Модернизаторский импульс исламских обновленцев (джадидов) вскоре подвел их к пониманию неизбежности частичной политической модернизации мусульманских государств за счет ограничения традиционной деспотии. Политизация взглядов обновленцев проходила под влиянием событий первых десятилетий XX в. — революций в Иране (1905–1911), России (1905), младотурецкой революции в Османской империи (1908), синхайской революции в Китае (1911–1912) и общественных брожений в северных исламских регионах Индии.

Умеренно-антимонархические и реформистские движения *младобухарцев, младохивинцев и младоафганцев*, сыгравшие в конце 1910-х годов огромную роль в политических процессах в Центральной Азии, выросли из джадидизма и по сути являлись его разновидностями. В международно-политическом плане исламские обновленцы ориентировались на идеи пантюркистов и развитие связей с Турцией. В социально-политическом смысле они выступали противниками насильственных революций. Не имея единого центра, обновленцы группировались вокруг отдельных издательств, газет и журналов, которые легально издавались в Русском Туркестане и Бухаре, а также вокруг новометодных мусульманских школ и благотворительных обществ. Особенно сильное влияние на обновленчество в Центральной Азии оказала младотурецкая революция.

Ситуация в годы Первой мировой войны и восстание коренного населения русских владений в Центральной Азии (1916)

Влияние событий Первой мировой войны в Центральной Азии ощущалось не особенно сильно. Афганистан и Иран не участвовали в войне. Хотя германская разведка пыталась вести на их территориях активную работу против держав Антанты, Россия и Британия имели достаточно рычагов, чтобы нейтрализовать враждебное влияние Германии.

Сложнее было исключить воздействие Османской империи. Исламское население региона симпатизировало скорее ей, чем Британии или России. Турецкие агенты и носители протурецких симпатий в разных частях Центральной Азии вели агитацию против стран Антанты, подстрекая население к неповиновению и выступлениям против британских и русских властей. В целом, тем не менее, международная ситуация в регионе оставалась управляемой. В этом смысле русско-британские компромиссы, оформленные в предыдущие годы, себя оправдали.

Негативное влияние войны гораздо сильнее сказалось на социально-политической обстановке внутри центральноазиатских владений России — прежде всего в казахских и киргизских кочевьях. В начале XX в. в этих землях накопилось достаточно много противоречий, чтобы можно было ожидать возмущения. Стремясь закрепиться в регионе, российские власти способствовали притоку русских переселенцев в Центральную Азию — тем более что это совпадало с линией правительства П. А. Столыпина, поощрявшего переселенческое движение. Семиреченское казачество стало важным элементом хозяйственной жизни региона и системы его политико-административной организации. Казаки и переселенцы составили социальную опору русских военных властей.

В то же время развитие земледелия в степной зоне и речных долинах было основано на отведении под пашни наиболее плодородных почв. На них оседали переселенцы из России. Это означало изъятия из пользования кочевниками водопоев и территорий, пригодных для пастбищ. Экономические условия жизни кочевых народов усложнялись. Местное коренное население чувствовало себя в неправомерном положении по отношению к пришлому русскому. Исламское духовенство, раздраженное строительством церквей и активностью православных иерархов, имело много предубеждений против русских властей.

Война обострила ситуацию, спровоцировав рост налогов, податей, введение военных реквизиций и сборов на нужды фронта. В дополнение ко всему летом 1916 г. императорское правительство, ввиду людских

потерь на германском фронте, издало указ об обязательном призыве на тыловые работы «иностранцев» из числа подданных Российской империи в ее туркестанских владениях. Мобилизации подлежали «мужчины из числа казахов и киргизов». Из Степного генерал-губернаторства мобилизации подлежало 230 тыс. человек, из Туркестанского — 250 тыс. человек.

Указ был подписан 25 июня 1916 г. и пришелся на период *рамазана*, что было воспринято мусульманами как оскорбление их религиозных чувств и намеренное святотатство. Недовольство подогревалось и распространяемыми германской разведкой слухами о том, что на фронте выходцев из Туркестана используют в качестве «живого щита».

Оглашение указа вызвало возмущение в кочевьях, так как кочевые племена не хотели отправлять мужчин на фронт, не без оснований ссылаясь на невозможность обойтись без них в кочевой жизни. 4 июля 1916 г. протесты вылились в восстание, участники которого стали нападать на чиновников русской администрации, пытаясь найти и уничтожить списки призывников. Начались разгромы русских поселений. В литературе сообщается о массовых убийствах восставшими русских жителей в Прииссыккулье. На русско-китайской границе начались нападения на российскую таможенную стражу, которые, по литературным сведениям, были организованы контрабандистами, занимавшимися сбытом опиума в Китай.

В городах (прежде всего — в Ташкенте) рабочие уходили с предприятий, в сельской местности наемные работники отказывались от полевых работ. В степной зоне начались откочевки в глубь степей и гор, а также бегство со скотом и имуществом в Китай. Беспорядки охватили Самаркандскую, Сырдарьинскую, Ферганскую, Закаспийскую, Акмолинскую, Семипалатинскую, Семиреченскую, Тургайскую, Уральскую области. Наибольший размах восстание получило в Тургайской степи, где восставшие сформировали войско во главе с Амангельды Имановым. В пик восстания общее число его участников достигало 50 тыс. человек.

17 июля 1916 г. Туркестанский военный округ был объявлен на военном положении, а против восставших стали применяться войска. Выступления продолжались до конца января 1917 г. Последним очагом сопротивления власти оказался Закаспий. По литературным данным, общее число жертв беспорядков 1916–1917 гг. составило 100 тыс. человек.

Следует отметить, что многие вожди восстания из местной знати (киргизской и казахской) заблаговременно отправили семьи в Китай. В китайские пределы устремились и потоки переселенцев, спасавшихся от регулярной армии, направленной на подавление восстания. В 1916–1917 гг. проблема беженцев из России была одной из самых острых в русско-китайских отношениях.

Падение самодержавия в России и становление политики советской власти в регионе

После Февральской революции 1917 г. российское Временное правительство немедленно амнистировало всех участников восстания и решило им вернуться на родину. Но это было не просто сделать, поскольку прежние кочевья бежавших родов были уже заняты, а русское крестьянское и казачье население было против их возвращения. Это порождало дополнительные противоречия, которыми воспользовались революционеры-большевики. Их логика состояла в заключении союза с беднейшими слоями кочевых обществ против имущих классов как пришлого, так и местного происхождения. Большевики и кочевники враждебно относились к казачеству, а казаки видели противников в кочевниках и подстрекавших их большевистских агитаторах.

Октябрьский переворот 1917 г. и свержение Временного правительства в Петербурге повлекли за собой дестабилизацию обстановки в Центральной Азии. Русские военные власти в Западном Туркестане утратили официальную легитимность. Местные большевики, в ряды которых влилось немало представителей коренных этнических групп, стали захватывать власть. Представители местной знати из числа коренного населения, с одной стороны, надеялись улучшить свое положение за счет ослабления контроля Петербурга, а с другой — опасались большевиков и их союза с малоимущими слоями коренного населения. При этом в среде местной знати не прекращали хождения панисламские и пантюркистские идеи, ориентировавшиеся на формирование в регионе независимой общности — скорее в союзе с Турцией, чем с Китаем, Россией или Великобританией.

Основная масса населения была дезориентирована. Люди не испытывали симпатий к русскому самодержавию, и поэтому свергнувшие его большевики вызывали уважение и интерес. Правда, уравнилельные лозунги революционеров, их неприятие частной собственности, неприимиримость к религии вызывали непонимание. При этом обобществление земли, воды и пастбищ сочеталось с традиционными представлениями кочевников, а та же идея применительно к владению конями и верблюдами вызывала страх.

Большевики отрицательно относились к религии вообще, с полным основанием указывая на необходимость сплочения всех малоимущих жителей Центральной Азии — мусульман, христиан, зороастрийцев и иудеев. Но гонение против ислама воспринималось местными жителями в иной плоскости. Оно казалось им проявлением настроя на уничтожение этнической самобытности местных народов, уже сжившихся с исламом и привыкших считать его элементом групповой идентичности.

Негативные стороны большевистской политики приобрели значение для ситуации не сразу. На первом этапе важнее были захват и перераспределение власти, расширение доступа к ней местных бедных слоев, фактический раздел национализируемого или просто разграбляемого имущества организаций и ведомств старого режима и представителей старой администрации края. В ходе передела власти и собственности на практике стали складываться основы политического союза большевиков, актив которых оставался по составу еще преимущественно русским и еврейским, и некоторых слоев коренного населения (прежде всего городского), основная масса которого оставалась в позиции пассивного наблюдателя.

Ситуация в Западном Туркестане и Закаспии

На территории Туркестанского генерал-губернаторства проживали на севере в основном казахи, на востоке — киргизы и узбеки, на юге и востоке — таджики, узбеки, на юго-западе — туркмены и татары. Население Бухары состояло преимущественно из таджиков и узбеков. Хиву населяли большей частью узбеки, а также таджики, туркмены. В таких условиях государство не воспринималось как имеющее выраженную этническую принадлежность. Население той или иной местности воспринимало себя прежде всего в качестве жителей данного оазиса, территории, а не той или иной этнической группы или государства. Среди коренного населения преобладала религиозная психология с примесью традиционной легкой русофобии. Новые предпринимательские слои из числа местных этнических групп в основном были политически и психологически связаны с Россией и сотрудничали с русскими властями. Но существовали и небольшие группы младобухарцев и младохивинцев, которые тяготели к Турции и Западу.

Политические потрясения 1917 г. в Петербурге поставили под вопрос способность российских властей сохранить позиции в Центральной Азии. Это в равной мере относилось как к территориям прямого подчинения (Туркестанское и Степное генерал-губернаторства и Закаспийская область), так и к системе российских протекторатов. Утрата легитимности центральной власти страны, как почти всегда, автоматически влекла за собой постановку вопроса о правах самой страны на ранее приобретенные ею международные позиции.

В ноябре 1917 г. на территории бывшего Туркестанского генерал-губернаторства была предпринята попытка установления новой *несоветской* республиканской власти. В Коканде (Ферганская долина) представители духовенства и местной знати провели мусульманский

съезд, который провозгласил Кокандскую Автономную Республику в составе России, объявив «священную войну» советской власти и сформировав вооруженные силы автономии во главе с одним из местных лидеров Иргашом.

Между тем большевики успели завоевать более или менее прочные позиции среди рабочих Ташкента. В ноябре 1917 г. они установили советскую власть в городе и стали добиваться распространения ее на весь регион. 5 декабря советская власть была провозглашена в Ашхабаде. *30 апреля 1918 г. в Ташкенте съездом советов Туркестана была провозглашена Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика.* В нее вошли территории прямого подчинения властям бывшей Российской империи в Центральной Азии. Это означало, что Туркеспублика состояла из двух частей, далеко отстоящих друг от друга. Западная часть с центром в Ашхабаде включила в себя земли Закаспия, восточная — степные территории к северу и востоку от Амударьи с центром в Ташкенте, который стал столицей новой автономии. Управлять ею было крайне сложно.

В феврале 1918 г. большевистские формирования смогли разбить отряды Иргаша в Фергане, вынудив его отступить в Китай. Оттуда он попытался вернуться в Фергану, но снова потерпел поражение. В январе 1919 г. Иргаш еще раз вторгся в ферганские земли, сформировав соединение численностью около 15 тыс. человек. Его активные действия в регионе продолжались до начала 1920 г. Он потерпел окончательное поражение от превосходящих сил Красной армии во главе с М. В. Фрунзе.

Действия антибольшевистских сил были существенно облегчены тем обстоятельством, что правительство Туркеспублики было отрезано от европейской части России восстанием оренбургских и уральских казаков под предводительством генерала А. И. Дутова. Поэтому советские туркестанские власти до осени 1919 г. не имели возможности получать подкрепления от центральной власти, в отсутствие которых ташкентское правительство не рисковало совершать дальние походы. Да и само оно не имело прочных позиций, доказательством чему стало Ташкентское восстание 1919 г. против большевиков, в результате которого почти все советские руководители края были убиты. В разных частях туркестанских земель, прежде всего в Фергане, продолжали существовать независимые антисоветские анклавы.

В ноябре 1918 г. Мадамин-бек, один из бывших командиров ушедшего в Китай Иргаша, сформировал собственный отряд и начал нападать на русские поселения в Фергане. Для самообороны от него в Джелалабаде была создана так называемая Крестьянская армия на базе отрядов семиреченских казаков, которую возглавил полковник императорской армии

К. И. Монстров. В сентябре 1919 г., когда стало ясно, что восстание А. И. Дутова будет разгромлено, а войска М. В. Фрунзе будут наступать на Фергану, Мадамин-бек и К. И. Монстров вступили в союз. Было провозглашено Временное ферганское правительство во главе с Мадамин-беком и его заместителем К. И. Монстровым. Силы ферганского правительства потерпели ряд тяжелых поражений от Красной армии в конце осени 1919 г., а к февралю 1920 г. были полностью разгромлены.

К тому времени в состав Туркеспублики были включены территории Западного Туркестана и Закаспия, хотя фактически власть ташкентского правительства на Закаспий не распространялась. Большевистские власти в Ашхабаде признавали власть ташкентского правительства, но были вынуждены действовать полностью самостоятельно. Большие расстояния между западными и восточными частями Туркеспублики, политическое брожение, отсутствие всеми признаваемой законной власти, наличие множества местных вооруженных формирований, не подчинявшихся никому, кроме полевых командиров, — все это делало ситуацию мало управляемой и придавало местным политическим процессам заметную специфику.

В руководство автономии были включены представители не только пришлой и местной профессиональной революционной интеллигенции, но также рабочие из коренных этнических групп. К власти были привлечены и крестьянские элементы — *дехкане*, основная часть которых продолжала придерживаться исламских традиций и испытывала влияние пантюркистских объединительных идей. Идея единого с Россией пролетарского братства и основанного на ней единого государства не привлекала эту часть местных обществ. Малоимущие мусульмане говорили о создании в Центральной Азии единого, но независимого от кого бы то ни было государства.

Надэтнические, наднациональные лозунги большевиков конкурировали с надэтническими, наднациональными лозунгами исламистов и пантюркистов. Вероятно, понимая это, советские руководители стали ориентироваться на противопоставление универсальной исламской идее доктрины самоопределения наций с присущим той акцентом на этнических различиях.

В туркестанских землях действовали не только большевики, но и другие российские политические партии, в том числе революционные. Эсеры и меньшевики вели собственную агитацию, сотрудничая как с коренной местной элитой, так и представителями бывшей императорской администрации и российских вооруженных сил. Союз эсеров, меньшевиков, кадетов с белогвардейцами представлял собой серьезную политическую и военную силу.

Особенно сложной была ситуация в Закаспии. 11–12 июля 1918 г. эсеры, меньшевики и кадеты при поддержке туркменской знати и частей белогвардейцев подняли восстание в Красноводске, Ашхабаде и Мерве. В Ашхабаде они захватили и уничтожили местное большевистское руководство, провозгласив создание Закаспийского временного правительства по образу того, что было создано в Фергане. Однако в июле того же года восстание было подавлено местными красноармейцами, которые, правда, не смогли удержать власть в Ашхабаде, куда в августе 1918 г. с территории Ирана вошли британские войска. После их вывода в конце лета 1919 г. в Ашхабад вступили отряды Красной армии под командованием М. В. Фрунзе. Все очаги антисоветского сопротивления в Закаспии были подавлены к февралю 1920 г.

Большевистское руководство в Москве понимало важность упрочения позиций в Туркестане и принимало меры для укрепления контроля над ситуацией. В Ташкент и Ашхабад были направлены опытные кадры революционеров, которые, используя репрессии и убеждение, смогли организовать кампании борьбы с «чуждыми элементами». Борьба за «большевизацию» руководящих органов западной и восточной частей автономии в основном завершилась к осени 1920 г., когда из руководства Коммунистической партии Туркестана (созданной в 1918 г.) и местных органов власти были удалены все сторонники пантюркистских взглядов и вообще небольшевистские элементы.

Антисоветское сопротивление в Центральной Азии

Однако социально-политического примирения не происходило. В регионе продолжалась вооруженная борьба против новой власти, в которой до известной степени соединились силы антииностранный освободительного протеста и неприятия большевизма. Борясь с советской властью, местная знать, не оставившая надежд при поддержке народных масс вернуть себе независимость от России, нередко действовала параллельно с остатками белогвардейских частей, опорой которых было казачество. Вместе с тем цели руководителей обоих этих антисоветских потоков не совпадали, что определяло рыхлость антиправительственных движений, их неспособность выступать вместе. Противоречия между пришлым населением казачьих поселений и коренными жителями не забылись. Большевики, ведя борьбу с казачеством, использовали против него малоимущие слои коренных общин.

Наиболее мощной силой антисоветского сопротивления было движение басмачества. Басмачами (от тюрк. «басмак» — нападать, налетать) назывались участники нерегулярных вооруженных формирований

«ватажного» типа, которые не имели устойчивого личного состава, а складывались, как правило, вокруг конкретного полевого командира. Некоторые отряды, возникшие еще в период восстания 1916 г. и после падения монархии в 1917 г., просто реанимировали свою инфраструктуру. Большинство рядовых членов чаще всего (но не обязательно) было связано с командиром земляческими, племенными или кровнородственными узами. Члены формирования могли более или менее свободно переходить из одного отряда в другой. В целом действие басмаческих групп было ограничено регионами происхождения их вождей и большинства рядовых боевиков, поскольку басмачи в значительной степени зависели от поддержки местного населения, снабжавшего их продовольствием и предоставлявшего кров боевикам.

Рядовыми басмачами были обычные дехкане или скотоводы, по каким-либо личным, а иногда и политическим причинам оторвавшиеся от домашнего хозяйства. Вот почему систематическая борьба с басмачеством, которую советская власть повела с начала 1920-х годов, сопровождалась непропорциональными жертвами среди гражданского населения. Кишлаки, вокруг которых базировались басмачи, сжигались и уничтожались наряду с самими отрядами боевиков.

Важно иметь в виду, что басмачами повстанцев называли большевики. Сами повстанцы именовали себя моджахедами (борцами за веру). Поэтому их действия получали идейно-религиозную санкцию исламской и вообще местной этнокультурной традиции. Советская власть представляла как одно из воплощений «нечестивости» всего иностранного, чужого, пришлого и не-исламского. Вот почему басмачи нападали не только на активистов-большевиков, но и на обычных русских жителей региона, в том числе тех, которые успели родиться на земле Центральной Азии, считали ее родной и фактически уже являлись коренными жителями.

Басмачи вели борьбу под лозунгами исламского освобождения и пользовались поддержкой местной знати, зажиточных слоев, образованных групп, духовенства и значительной части коренного населения вообще. Повстанцы получали помощь от Турции и Великобритании, которая, не сочувствуя исламу, использовала басмачество как инструмент подрыва российского влияния. В 1918–1920 гг. отряды басмачей действовали наиболее активно в Ферганской, Алайской и Арцинской долинах, Сырдарьинской и Самаркандской областях, в Восточной Бухаре, Хиве, Каракумах и районе Красноводска. Активизация их борьбы с советской властью произошла в середине 1920-х годов в связи с реформой водно-земельных отношений и сопутствующими ей продовольственными трудностями.

Борьба с басмачами завершилась их военным разгромом в основном в 1925–1926 гг. Однако их отдельные группы проникали в СССР из Афганистана до начала 1930-х годов. В туркменских Каракумах отдельные группы басмачей продолжали существовать до 1933 г.

Влияние Ирана на ситуацию в регионе

Иран, в отличие от Бухары и Хивы, формально сохранял статус независимого государства. Он поддерживал дипломатические отношения с Россией, Великобританией, Турцией, Германией, Францией, Италией и рядом других европейских стран. Однако в реальности положение дел в Иране определялось тем обстоятельством, что в соответствии с русско-британским соглашением 1907 г. страна была разделена на две сферы влияния — северную (российскую) и южную (британскую). Между ними пролегла условная нейтральная полоса. Россия и Великобритания оказывали решающее влияние на внешнюю политику Тегерана и имели прочные позиции в его экономике.

Внешнеполитическая ориентация Ирана была неопределенной. Пытаясь использовать противоречия между Великобританией и Россией, шахское правительство стремилось укрепить связи с Германией и завязать контакты с США. Именно такой линии придерживались иранские националисты. Им противостояли консервативные круги, привычно сориентированные на сотрудничество с Британией. Этнический состав Ирана был неоднороден: доминировали по численности и политическому влиянию персы, среди наиболее значительных меньшинств — азербайджанцы, курды, племена *луров*, *кашкайцев* и *бахтияр*, *белуджей*, туркменов, а также арабы и армяне.

В годы Первой мировой войны Иран сохранял нейтральный статус. Однако это не уберегло его от войны. После вступления Турции в войну на стороне Тройственного союза турецкие войска вторглись в западные районы Ирана. Одновременно с северо-запада в Иран были введены русские войска, а с юго-запада — британские. В ходе боевых действий 1915–1916 гг. русская армия разгромила турецкую группировку и вытеснила ее из Ирана. Русские войска оставались в Иране до конца войны.

Февральская революция 1917 г. в России не внесла принципиальных изменений в ее иранскую политику — Временное правительство подтвердило курс на сотрудничество с Великобританией в Иране. Но после Октябрьской революции советское правительство в соответствии с Брест-Литовским договором объявило об аннулировании прежних договоров императорского правительства с Ираном, а также русско-британского соглашения 1907 г. о разделе сфер влияния. Советская Россия объявила об отказе от режима капитуляций и заявила о передаче иранс-

кому правительству имевшейся в Иране российской собственности. Тем не менее октябрьский переворот в Петербурге иранцы восприняли настороженно, ожидая усиления притока революционных идей из России и не желая его.

Иранское правительство официально признало Советскую Россию в декабре 1917 г. Но оно отказалось принять советскую дипломатическую миссию, так как в Тегеране продолжал находиться старый российский посол. Прибывший в Тегеран глава советской дипломатической миссии И. И. Коломийцев не получил аккредитации. Позже, в августе 1919 г., он был захвачен белогвардейскими силами во время одной из своих поездок из Москвы в Тегеран и убит.

На позиции иранской стороны сказывалось влияние Великобритании, которая хотела воспользоваться предстоящим выводом русских войск из Ирана для ликвидации русского присутствия в этой стране. Когда в 1918 г. русские войска из Ирана в самом деле были выведены, в северные районы страны попытались войти турецкие войска (воевавшие на стороне Германии). Однако им стали противодействовать местные большевики, которые осуществили в Баку государственный переворот и провозгласили создание так называемой Бакинской коммуны. В этой ситуации из Ирана в Баку были направлены британские войска, которые заняли Баку и ликвидировали коммуну. Ее руководители («26 бакинских комиссаров») были вывезены в Закаспий и расстреляны. Британские войска заняли Закавказье и Закаспий.

Третья афгано-британская война и политическое урегулирование отношений Советской России с Афганистаном и Ираном

Революционно-реформистские брожения в Азии — в первую очередь революции 1900-х годов в Иране и Османской империи — способствовали нарастанию модернизаторских настроений и в Афганистане. В стране сложилось две группировки знати. Члены одной из них называли себя младоафганцами и группировались вокруг наследного принца Амануллы, добиваясь проведения реформ, которые позволили бы Афганистану окрепнуть в военном и экономическом отношении и добиться полной независимости от Великобритании. Сторонники другой группировки — староафганцы — ориентировались на брата эмира, Насруллу, и склонялись к примирению с Британией. Царствующий эмир Хабибулла испытывал давление со стороны обеих группировок и провозглашал лавировать между ними.

События завершающего этапа Первой мировой войны, указывавшие на истощение сил всех ее участников, воспринимались в Центральной

Азии как знак ослабления способности Британии и России держать в подчинении страны региона. Революционные события в России в 1917 г. и в Германии в 1918 г. способствовали утверждению мнения о правильности подобных предположений. Брожения в северной части региона, зоне влияния России, указывали на неспособность советской власти с 1917 по начало 1919 г. в полной мере контролировать ситуацию. Прочность позиций Британии тоже вызвала сомнения. В афганском обществе стали активизироваться сторонники провозглашения полной независимости Афганистана.

19 февраля 1919 г. под их давлением эмир Хабибулла направил властям Британской Индии ноту, содержащую требование признать независимость Афганистана. Через два дня эмир был застрелен в собственном шатре близ Джелалабада. Находившийся при нем глава староафганской партии Насрулла немедленно провозгласил себя новым эмиром.

Однако принц Аманулла, находившийся в Кабуле, отказался признавать дядю эмиром и обвинил его в убийстве отца. Армейские круги в Кабуле и самом Джелалабаде встали на сторону принца, который тоже провозгласил себя эмиром и был признан в этом качестве военными, вождями племен и жителями основных городов страны.

Утвердившись на троне, 3 марта 1919 г. Аманулла направил властям Британской Индии извещение о восшествии на престол, в тексте которого было сказано о стремлении афганского народа к полному освобождению и готовности независимого афганского правительства заключить с Британией такие новые соглашения, которые были бы выгодны и полезны обеим сторонам. Британское правительство понимало, что новый эмир по сути дела заявил о своем неповиновении. Но вести против него немедленную войну оно было не готово.

Эмир между тем занялся поиском союзников на севере. Отношения Советской России с Афганистаном были напряженными. После падения российской монархии в 1917 г. прежний эмир Хабибулла предлагал руководителям антибольшевистского правительства Кокандской автономии военную помощь в случае их согласия создать в Центральной Азии единое мусульманское государство, предположительно под властью афганской династии. Позднее, в начале 1919 г., к Хабибулле обратился с просьбой о военной помощи против России бухарский эмир Алим. В ответ в Бухару был направлен двухтысячный отряд афганских добровольцев и оружие. Это мало помогло Бухаре, но советское правительство не хотело повторения и подобных акций.

Смена власти в Кабуле была сочтена добрым сигналом. 27 марта 1919 г. правительство Советской России официально заявило о признании независимости Афганистана и предложило ему начать обсуждение

договора о дружбе. Советская дипломатия давала понять, что Москва при определенных условиях как минимум сохранит в случае войны Афганистана с Британией благожелательный нейтралитет. Этот сигнал был воспринят в Кабуле. Когда летом 1919 г. Бухара и Хива вновь попытались добиться военной помощи от Афганистана, направив в Кабул представителей, афганское руководство уклонилось от оказания помощи северным соседям. Наметив линию примирения с Россией, эмир Аманулла смог вернуться к проведению более активной политики на южном направлении.

13 апреля 1919 г. он созвал в Кабуле съезд пуштунских племен, пригласив на него и вождей той части пуштунов, которые проживали к востоку от «линии Дюранда», то есть в восточной части исторического Пуштунистана и в пределах официальных границ Британской Индии. Съезд поддержал провозглашение полной независимости Афганистана и высказался за единство всех пуштунов. Фактически эмир Аманулла заручился обещанием военной помощи со стороны пуштунов Северо-Восточной Индии в предполагавшейся войне с Британией. Когда 3 мая эта война в самом деле началась с нападений афганских отрядов на британские позиции, все пуштунские вожди встали на сторону эмира. По сути дела в пуштунских регионах Британской Индии началось восстание, участники которого препятствовали проходу британских войск в Афганистан через горные перевалы.

Ситуация в целом была для Британии довольно тяжелой. Силы империи были подорваны длительной войной в Европе и последующей интервенцией в пределах Российской империи. Британское правительство желало скорее свертывания своих зарубежных военных обязательств, чем их расширения. Оно ожидало мятежей в многочисленных колониях и стремилось сосредоточить силы на удержании в первую очередь самых ценных из них. Ради позиций в Индии важно было урегулировать отношения с афганским эмиром.

Эта задача становилась важнее, чем борьба с российским влиянием в северной части Ирана и Закаспии, которые к тому же были признаны Лондоном относящимися к сфере интересов России. Советское правительство понимало это и поэтому настойчиво предлагало дружбу Афганистану. Логика была традиционной: введя войска в Закаспий, Британия нарушила свои обязательства перед Россией и тем самым освободила ее от необходимости признавать Афганистан сферой влияния Британии.

В мае 1919 г. британские силы из Закаспия стали отводиться на территорию Ирана. На закаспийские земли входили части М. В. Фрунзе. Прекращение военного противостояния с Россией в Закаспии об-

легчило Британии перегруппировку сил. Военные действия против Амануллы, которые развивались сначала неудачно для британских войск, пошли удачнее. Британцы смогли нанести ряд поражений эмиру, и он был вынужден предложить перемирие, которое было подписано 8 августа 1919 г.

Подписав перемирие с британцами, эмир Аманулла направил в октябре 1919 г. войска в покидаемый британскими отрядами туркменский город Мерв, формально относившийся к российским владениям. Захватив город, афганцы свергли местную советскую администрацию и расстреляли ее руководителей. Очевидно, афганское правительство вело собственную игру между Великобританией и Россией, мешая им договориться за спиной Афганистана, как это бывало прежде.

Переговоры о российско-афганском и афгано-британском договорах стали вестись параллельно. Афганская дипломатия играла на противоречиях России и Британии. 28 февраля 1921 г. в Москве был подписан российско-афганский договор, в котором Россия безоговорочно признала независимость Афганистана, а афганское правительство обязалось не вмешиваться во внутренние дела России, что предусматривало его отказ от оказания помощи басмачеству. Договор не был ратифицирован афганской стороной.

Британское правительство добивалось срыва соглашения Кабула с Москвой, предлагая эмиру крупную безвозмездную помощь и назначение ежегодного содержания. Однако Лондон отказывался признавать Афганистан суверенным государством. Афганские посланники, прибывшие для переговоров в Британию, не были допущены к аудиенции у короля, а британский министр иностранных дел отказался читать присланное ему письмо министра иностранных дел Афганистана, сославшись на то, что подобные документы следует адресовать не в Лондон, а властям Британской Индии в Дели. Это прибавило решимости Аманулле улучшить отношения с Москвой, и 13 августа 1921 г. договор с Россией был ратифицирован.

Возобновлять войну с Афганистаном в Лондоне, тем не менее, не хотели, тем более что разногласия сохранялись только в вопросе о международном статусе Афганистана, а по всем остальным вопросам афганское правительство было готово идти на компромисс. В октябре 1921 г. в городе Ревалпинди на территории Британской Индии афгано-британский договор был, наконец, подписан. В его основном тексте не было ничего сказано о признании Афганистана независимым государством. Пункт о независимости был включен в текст приложений, согласно которым афганское правительство получило право вести независимую

внешнюю политику. В вопросах внутреннего управления Афганистан остался в основном в рамках старого афгано-британского договора. Кроме того, афганская сторона подтвердила признание законности «линии Дюранда».

Сотрудничество советских и китайских властей против белогвардейских частей на территории Синьцзяна

Отсутствие сплошных разделительных полос и жесткого контроля на границах СССР с сопредельными центральноазиатскими государствами выполняло двоякую функцию. С одной стороны, с зарубежных территорий в Советский Союз могли легко проникать граждане иностранных государств, в том числе вооруженные и имеющие враждебные намерения. С другой — сам Советский Союз имел возможность, не встречая препятствий, проводить операции, включая боевые, на сопредельных иностранных территориях.

Семейные и родовые кочевья, отдельные граждане, легальные и контрабандные караваны, а также части регулярных войск и просто бандформирования в 1917–1921 гг. постоянно мигрировали из страны в страну, перемещаясь, несмотря на пограничный надзор, между советскими и китайскими, советскими и афганскими, советскими и иранскими землями. Границы между государствами были проницаемы. Это создавало впечатление условности и временности межгосударственных рубежей, формальные очертания которых часто не совпадали с контурами зон реального контроля соответствующих правительств.

Укрепление позиций центрального правительства Китая в провинции Синьцзян в 1880-х годах не мешало углублению ее торгово-экономических связей с туркестанскими владениями Российской империи. Трансграничные связи продолжали развиваться, хотя уже под надзором китайских и русских правительственных чиновников, таможенников и пограничников.

В российские земли из Синьцзяна поставлялись хлопок, шерсть, шкуры скота и экзотических диких животных, пушнина. Существенная часть этих товаров предназначалась для реэкспорта в третьи страны. Взамен из России поступали металлоизделия, сельскохозяйственное оборудование, посуда, ткани, мыло, керосин. Уйгурское, казахское и дунганское население Синьцзяна регулярно пересекало границы с Россией в ходе сезонных кочевек, а также отправляясь на отхожие промыслы в русские владения.

Кризис династии Цин в начале XX в. и сопутствовавшая ему смута, вылившаяся в синьхайскую революцию 1911–1912 гг., привели к параличу власти

в Пекине в том смысле, что она утратила ресурсы для контроля над отдаленными провинциями. Синьцзян снова стал полусамостоятельным. Его губернаторы лишились возможности получать помощь из Пекина и были вынуждены полагаться на местные ресурсы. Появление в дальнейшем в Китае нескольких взаимно враждебных правительств только усугубило ситуацию.

Стремясь поддерживать хоть какой-то порядок в крае, китайские чиновники были вынуждены считаться с сепаратистскими настроениями коренного населения. Китайская администрация была малочисленна. У нее не было достаточно войск, укомплектованных китайскими (ханьскими) солдатами и командирами. Не имея подкреплений из центра, губернаторы должны были проявлять осмотрительность, лавируя между нелояльной местной исламской знатью и агентами иностранных держав — России и Британии. В 1912–1928 гг. Синьцзяном управлял губернатор Ян Цзэсинь.

Британская дипломатия проявляла активность в Синьцзяне, не оставляя попыток поколебать власть Китая в Тибете и следя за тем, чтобы не возрастало российское влияние в Кашгарской части Синьцзяна, через которую пролегали пути к Британской Индии. Русско-британское, а впоследствии и советско-британское соперничество оставалось важным фактором отношений вокруг Синьцзяна.

Падение монархии в России и смута, сопровождавшая установление власти большевиков в Центральной Азии, давали Британии шанс положить предел российским претензиям на влияние в Северо-Западном Китае. Однако сделать это было не просто. Несмотря на антагонизм между большевиками и командирами частей прежней императорской армии, и «белые», и «красные» подозрительно относились к британцам и разделяли общее видение Синьцзяна как зоны потенциального русского (советского), но не британского присутствия.

После октябрьского переворота 1917 г. в России численность русских в Синьцзяне стала возрастать. Сюда, в границы китайских владений, стали уходить антибольшевистски настроенные казаки с семьями, а также члены антибольшевистских формирований и участники восстаний против советской власти. Хорошо вооруженные и обученные, отряды Белой гвардии оказывали серьезное влияние на положение местных китайских властей. До революции в Синьцзяне постоянно проживало несколько тысяч русских. После поражения Белого движения в 1919–1920 гг. число вооруженных русских в Синьцзяне дошло до 25–30 тыс. человек, среди которых было несколько генералов, в том числе А. И. Дутов, А. С. Бакич и Б. В. Анненков.

Руководители Белого движения в Центральной Азии: Дутов Александр Ильич (1879–1921) — генерал-лейтенант российской императорской армии, атаман Оренбургского казачьего войска; Бакич Александр Степанович (1878–1922) — генерал-лейтенант российской императорской армии, по происхождению черногорец; Анненков Борис Владимирович (1889–1927) — генерал-майор, атаман семиреченских казаков.

Власти Туркестанской АССР, точнее ее спецслужбы, в те годы практиковали рейды на синьцзянскую территорию с целью похищения вождей Белого движения. В 1921 г. во время одной из таких попыток генерал А. И. Дутов был застрелен в своем штабе. Спустя несколько лет советские чекисты похитили и вывезли на советскую территорию генерала Б. В. Анненкова, который был расстрелян. Китайские власти не противодействовали рейдам чекистов, поскольку боялись местных белых и не имели возможности контролировать их поведение ввиду превосходства белогвардейцев.

Руководителем Белого движения на территории Синьцзяна стал генерал А. С. Бакич, который сплотил вокруг себя около 50 тыс. солдат и офицеров. Силы белых располагали крупными денежными средствами благодаря продолжавшему работать в Урумчи консульству российского императорского правительства. Дело было в том, что российские дипломатические миссии в Китае, Монголии и Японии получали в этот период переводы через счета зарубежных отделений Русско-Азиатского банка, на которые китайское правительство с согласия стран Антанты перечисляло причитавшиеся России компенсации за российское имущество, утраченное в годы «боксерского» восстания в Китае 1900–1901 гг.

Белые совершенно перестали считаться с местной властью, начав разоружать части китайских войск и захватывать крепости с китайскими гарнизонами. В такой ситуации 17 мая 1921 г. представители губернатора Синьцзяна и властей Туркеспублики подписали договор о временном вводе частей Красной армии на территорию Синьцзяна. В результате боевых действий основные силы белых в Синьцзяне были разгромлены к концу 1921 г. Правда, на обширной территории провинции продолжали действовать белые отряды, которые регулярно нападали на Туркеспублику. Преследуя их, советские части так же регулярно заходили на территорию Синьцзяна и возвращались обратно.

Хозяйство Синьцзяна сильно зависело от сбыта продукции в России. Смута 1917–1919 гг. эту торговлю парализовала, в результате чего на сопредельных китайских территориях возник кризис перепроизводства. Попытки отправлять караваны в российские владения оказывались опасным предприятием. Купцов грабили и убивали и красные, и белые. Синьцзянские власти были заинтересованы в установлении нормаль-

ных отношений с Туркеспубликой и заключали с ней торговые соглашения, невзирая на неустойчивую международную обстановку.

В 1924 г. после подписания советско-китайского общего торгового соглашения были открыты консульства СССР в Урумчи, Кульдже и других синьцзянских городах. Китайские консульства были учреждены в Ташкенте, Алма-Ате и некоторых других населенных пунктах. После этого консулы прежних российских правительств были выдворены из Синьцзяна.

Присоединение Бухары и Хивы к Советской России

Утрата легитимности старой российской властью в результате переворотов 1917 г. не могла не спровоцировать стремление бывших российских протекторатов вернуть себе независимость. Большевистское правительство не было признано большинством великих держав. Само оно отказывалось признавать в полном объеме международные обязательства прежних правительств: в 1918 г. большевики заключили с Германией сепаратный мир, нарушив обязательства императорского российского правительства такой мир не заключать. Соответственно, действенность обязательств других стран перед Россией стала подвергаться сомнениям. Власти Бухарского эмирата и Хивинского ханства поняли смысл дипломатической ситуации, в чем им помогли консультанты из Британии.

Неспособность туркестанского правительства в Ташкенте контролировать собственную территорию свидетельствовала о том, что в отличие от прежних туркестанских генерал-губернаторов оно не может предпринимать активных действий против бывших российских протекторатов. Напротив, казачьи части, являвшиеся ядром военной силы властей Русского Туркестана, теперь выступали против ташкентской власти и проявляли готовность договариваться с басмачами против большевиков. Момент для объявления независимости центральноазиатских протекторатов от России был благоприятным.

Но все же бухарский и хивинский правители не были уверены в своих силах и старались вести себя осмотрительно. События в России виделись им как гражданский конфликт между двумя русскими группировками, обе из которых, в этом не приходилось сомневаться, заинтересованы в сохранении позиций в Центральной Азии. В то же время потенциальные союзники Бухары и Хивы против русского оружия — Турция и Британия — были истощены мировой войной и не могли помочь бухарцам и хивинцам ничем, кроме опасных советов.

Временное правительство России в 1917 г. подтвердило статус-кво в отношениях с Бухарой и Хивой, показав, что оно не стремится к изменению характера отношений с ними. Большевики сначала придерживались такой же линии. Бухарский эмир, отличавшийся лояльным отношением к России, препятствовал деятельности басмачей на подвластной ему территории.

Однако внутри Бухарского эмирата существовал конфликт между эмиром и младобухарцами. В декабре 1917 г. в Ташкент прибыли делегаты младобухарцев с просьбой к правительству советского Туркестана помочь им вынудить эмира подписать манифест о демократизации государственного управления и формировании правительства во главе с младобухарцами. Бухарские представители утверждали, что народ Бухары был готов к антимонархическому восстанию. Советское руководство направило в Бухару отряд, который попытался штурмом взять столицу, но потерпел поражение.

В марте 1918 г. было заключено соглашение Советской России с Бухарой, в котором говорилось о подтверждении статус-кво в двусторонних отношениях. По сути, Советская Россия приобрела в лице Бухары собственный протекторат, хотя идея протектората не соответствовала догматике большевиков.

Младобухарцы и другие оппозиционеры эмигрировали из Бухары в Ташкент, откуда, правда, они продолжили свою деятельность против эмира. При их участии советское руководство пришло к решению о возможности «большевизации» протекторатов. Военная ситуация располагала к этому. Поход Красной армии под командованием М. В. Фрунзе имел начальной целью утверждение реального контроля советской власти над всей территорией Туркесреспублики — Западным Туркестаном и Закаспием. Но присутствие боеспособной группировки советских войск в регионе позволяло вмешиваться и во внутренние дела Бухары и Хивы посредством оказания военной помощи местным революционерам.

Опасаясь вмешательства, в 1919 г. бухарский эмир Алим и правитель Хивы Абдулла заключили договор о взаимопомощи. Обсуждался вопрос о привлечении к этому союзу афганского эмира Хабибуллы.

Завершив разгром отрядов Ферганского временного правительства в феврале 1920 г., войска М. В. Фрунзе вступили на территорию Бухарского эмирата и в марте подошли к его столице. 30 марта состоялись переговоры. Эмиру было предложено согласиться с размещением в Бухаре советских войск, введением в эмирате советской валюты и обеспечением нормального функционирования проходящей по бухарским землям железной дороги Каган — Термез, соединявшей западную и восточную части

Турккесреспублики. Фактически это означало полную утрату власти эмиром. В августе 1920 г. он бежал со своими сторонниками в восточные земли эмирата («Восточную Бухару» — приблизительно земли современного Таджикистана), откуда начал борьбу против большевиков.

В западной части бывшего Бухарского эмирата была провозглашена Бухарская Народная Советская Республика (БНСР). В отношениях с Советской Россией она имела статус, схожий со статусом Бухарского эмирата в отношениях с Российской империей. Во главе правительства (совета народных вазиров) стал лидер младобухарцев Хайзулла Ходжаев, взгляды которого эволюционировали в сторону большевизма.

В марте 1921 г. между Советской Россией и БНСР был подписан союзный договор. На территории республики остались советские войска, начавшие борьбу с басмачеством, закрепившимся в труднодоступных районах. Правительство Бухары не было коммунистическим, хотя оно зависело от советских войск. В бухарском руководстве шли споры, часть участников которых выступала против союза с большевиками и требовала удаления советских войск.

Между тем в Восточной Бухаре продолжалась война. Эмир Алим стал поддерживать формирования басмачей, во главе которых оказался один из вождей таджикских племен Ибрагим-бек. Однако советские войска нанесли ему ряд поражений, к сентябрю 1920 г. заняв территорию Восточной Бухары. Эмир был вынужден уйти во владения Афганистана, но уцелевшие отряды Ибрагим-бека продолжили борьбу, опираясь на базы в горах и постоянно перемещаясь с территории БНСР на земли Турккесреспублики и обратно.

Дальнейшее укрепление советских позиций в регионе было связано с нормализацией советско-афганских и советско-иранских отношений. В феврале 1921 г. был подписан Договор о дружбе между РСФСР и Афганистаном, в котором афганская сторона признавала просоветские режимы в Бухаре и Хорезме, а советская — суверенный статус новообразованных республик. В соответствии с подписанным 26 февраля советско-иранским Договором о дружбе Советская Россия получала право вводить войска на территорию Ирана, если этого требовали интересы безопасности ее приграничных регионов (в том числе Туркмении). Договоры позволили укрепить советский контроль в регионе, вынудив Афганистан и Иран принять меры к пресечению помощи басмачам с афганской и иранской территорий.

Окончательной победы над басмачеством, тем не менее, одержано не было. Еще осенью 1921 г. в Восточную Бухару прибыл бывший военный министр Турции и лидер младотурок Энвер-паша, который приступил к объединению всех местных повстанцев. Сформировав армию

в 20 тыс. человек, он смог в феврале 1922 г. захватить Душанбе и начал наступление на Бухару. Только в июле 1922 г. советские войска смогли вытеснить его из Душанбе, нанеся серию тяжелых ударов. В августе основные силы Энвер-паши были разбиты, а сам он убит. Активные попытки басмаческих отрядов удержать за собой Восточную Бухару продолжались до февраля 1924 г., после чего остатки повстанческих сил перешли в Афганистан, продолжая совершать оттуда набеги на бухарские земли.

Парадоксальным образом Энвер-паша приехал в Центральную Азию, предварительно побывав в Москве, где в ходе встреч с большевистским руководством обсуждал перспективы революционного национального освобождения азиатских народов вообще и проведения реформ в Бухаре в частности. Однако Энвер-паша быстро разобрался в смысле национальной доктрины большевиков и отверг ее. Прибыв в бухарские земли, он встал на сторону противников советской власти.

19 сентября 1924 г. БНСР была переименована в Бухарскую Советскую Социалистическую Республику, а в октябре того же года она была реорганизована в ходе территориального размежевания в рамках СССР.

В Хиве после падения монархии в России ситуация оставалась такой же неустойчивой, как и до того. В 1910 г. умер хан Мухаммед Рахим. К этому времени в хивинском обществе накопилось значительное раздражение по поводу архаичности и непросвещенности абсолютистского строя. Среди образованных слоев, преимущественно узбекского происхождения, возникло течение сторонников реформ, которые называли себя младохивинцами. Их требования не шли далее введения консультативного меджлиса, который мог бы с ведома хана осуществлять хотя бы в какой-то степени надзор за деятельностью главных саяновников. Идеи младохивинцев до некоторой степени вызывали сочувствие русских властей Туркестана, к поддержке которых первые постоянно взывали. Реформаторское брожение в Хиве усиливалось отчасти в связи с имевшими место в начале XX в. вспышками общественных боений в Иране, Турции и Китае.

Новым ханом стал Асфандиар, которому при политической поддержке русских властей удалось навязать умеренный план модернизации экономической жизни. В 1910–1914 гг. хозяйство Хивы стало работать лучше, оживились торговля и ремесла. Однако начало Первой мировой войны совпало с обострением обстановки в ханстве. Ухудшились отношения ханской власти с туркменскими племенами юго-запада, недовольными налогами и ухудшением условий их допуска к воде и пастбищам во время откочевки на север. Рост налогового гнета был связан с помощью, которую Хива была вынуждена оказывать России на ведение войны с Германией.

Протесты туркменских племен возглавил выходец из племени йомудов Джанаид, который, объединив вокруг себя ряд других племен, стал добиваться фактически верховной власти в государстве. В январе 1915 г. при его направляющем участии в Хиве начались восстания узбекского и каракалпакского населения, которые были поддержаны туркменами, а затем и казахами. Выступления были направлены в первую очередь против ханской династии, а потом уже — против поддерживающей ее России. Целью хивинских повстанцев, руководимых Джанаидом, была смена династии. В этом состояло отличие брожений в Хиве от восстания киргизских и казахских кочевников в российских владениях в Центральной Азии в 1916 г. Попытка восставших взять столицы потерпела неудачу. Призванный ханом на помощь русский отряд нанес поражение Джанаиду, и он бежал в Афганистан.

Хан Асфандиар не был воинственным человеком. Он опасался Джанаида, и Россию и вел себя так, как если бы вопрос о восстании должен был беспокоить главным образом российские власти, а не его самого. В феврале 1917 г. он добился от Петербурга разрешения выехать из Хивы в Крым, сославшись на необходимость пройти курс лечения. Лишь в марте 1917 г. после получения сведений о Февральской революции в России он срочно вернулся на родину.

Между тем среди младохивинцев созрел заговор с целью осуществить революцию по образцу российской и при поддержке русских властей в Туркестане, ставших на сторону российского Временного правительства. Под давлением реформаторов хан Асфандиар издал в апреле 1917 г. манифест, в котором содержалось обещание создать временный меджлис, в который были без выборов назначены представители всех этнических групп Хивы.

Ситуация не разрядилась. Хан был раздражен созданием меджлиса, видя в нем угрозу для себя. Джанаид продолжал подстрекать туркмен к неповиновению, добиваясь свержения хана, а заодно — уничтожения младохивинцев и меджлиса. При этом в стране стихийно и под влиянием событий в России стали возникать советы. Менялось и само движение младохивинцев, изнутри которого стали выделяться радикалы, ориентировавшиеся на русских большевиков.

В сентябре 1917 г. из Афганистана со свежими силами на территорию ханства вступил Джанаид. Осознав, что русские сторонники Временного правительства поддерживают младохивинцев, хан Асфандиар рискнул вступить в союз с Джанаидом в интересах борьбы против меджлиса. В декабре они совместными усилиями совершили переворот, арестовав руководителей младохивинской партии, которые были расстреляны в мае 1918 г. Меджлис был распущен. В ходе борьбы с младохивин-

цами власть в Хиве фактически перешла в руки Джанаида. В октябре 1918 г. его сын убил хана Асфандиара и на престол был возведен его безвольный брат Абдулла. Но фактически власти он не получил, а государством стал управлять Джанаид.

Во второй половине 1918 г. он вступил в сговор с командованием белых частей в Закаспии и задался целью свергнуть советскую власть в западной и восточной частях Туркеспублики. Около года силы Джанаида контролировали обширную территорию от восточного побережья Каспия до Аральского моря, а также часть южных туркменских оазисов.

Укрепившись в столице, он стал готовиться к распространению власти на сопредельные территории. Было очевидно, что в России продолжалось противостояние. Сторонники монархии, Временного правительства и большевики вели между собой вооруженную борьбу. Новые власти бывшего Русского Туркестана не получали подкреплений из европейской части России, связь с которой прервана из-за казачьих восстаний на Урале и в Оренбуржье. Захват русских поселений по правому берегу Амударьи, который входил в состав Туркеспублики, показался Джанаиду посильной задачей. Тем более что власть в этой части российских владений контролировалась меньшевиками и эсерами, которые скрыто враждовали с большевиками, составлявшими большинство в Ташкенте.

Вопреки расчетам Джанаида местные казаки выступили против него совместно с отрядами большевиков Туркеспублики и нанесли поражение хивинцам. 1 апреля 1918 г. между Хивой и Туркеспубликой было подписано перемирие. Однако в это время объединенные силы А. В. Колчака и А. И. Дутова снова перерезали пути из Европейской России в Центральную Азию. Более того, казаки правобережья Амударьи подняли восстание против правительства в Ташкенте. Это дало Джанаиду повод надеяться на успех в случае новой попытки занять Правобережье. В Хиве началась мобилизация.

Впрочем, когда силы Колчака потерпели поражение, осенью 1919 г. в регион прибыли крупные соединения советских войск, которые повели наступление на хивинцев. При этом советские командиры и представители гражданской власти подчеркивали, что ведут борьбу не с Хивинским ханством, а с узурпатором ханской власти Джанаидом. Некоторые сторонники законного хивинского правителя, Абдуллы, поддерживали действия М. В. Фрунзе. Однако после занятия столицы советскими войсками стало ясно, что монархия не сохранится. 1 февраля 1920 г. хан Абдулла отрекся от престола, и младохивинцы сформировали коалиционное правительство, постаравшись включить в него представителей разных этнических групп. Преобладание в новом кабинете

получили узбеки-младохивинцы, но в правительство были включены и три вождя туркменских племен. 1 апреля в Хиве была провозглашена Хорезмская Народная Советская Республика.

Джанаид не прекратил борьбу, хотя его отряды были разбиты почти полностью. Отступив в глубь Каракумов, он еще дважды (в октябре 1920 г. и в декабре 1923 г.) пытался вести систематическую войну против советской власти, но оба раза терпел поражения. Вместе с немногими приверженцами он скрывался в пустынных районах Туркмении до 1927 г., после чего перешел на территорию Ирана. В литературе встречаются указания на то, что в 1931 г. был зафиксирован последний случай его участия в нападении басмачей с территории Афганистана на сопредельные советские земли, но реального влияния на ситуацию в регионе он уже не оказывал.

Победа младохивинцев, опиравшихся на поддержку советских войск, привела к формированию в Хиве переходного республиканского строя, ключевую роль в котором играла коалиция национально-патриотических, просветительско-реформистских, умеренно-демократических и левореволюционных сил. Задачей новой власти было обеспечение примирения между хивинскими туркменами и узбеками, а также проведение экономической модернизации.

Переходный режим существовал недолго. К весне 1921 г. в стране произошла «большевизация». Младохивинцы-радикалы, ставшие ядром созданной местной коммунистической партии, форсировали формирование советов солдатских, декханских и рабочих депутатов. В марте 1921 г. рабочие советы захватили власть в Хиве и заявили о роспуске коалиционного правительства. Вслед за тем ХНСР подписала союзный договор с РСФСР. В октябре 1923 г. ХНСР была переименована в Хорезмскую Советскую Социалистическую Республику. Экономически и политически она стала развиваться как единое целое с Советской Россией.

Подход большевиков к этно-административному размежеванию в Центральной Азии

Политика Советской России в отношении нерусских окраин бывшей империи формировалась под влиянием нескольких факторов. Во-первых, большевики стремились сплотить разноэтничное население на базе *универсальной идеи солидарности трудящихся классов* любых стран и территорий независимо от их этнического состава. В этом смысле Советская Россия выступала за единое, сплоченное многоэтничное государство.

Во-вторых, большевики учитывали негативную реакцию населения окраин и зависимых территорий на русификацию, которой объективно сопровождалась модернизация регионов даже через просвещение, не го-

вора уже об их недобровольном вовлечении в экономическую и политическую жизнь России.

Логика примирения этнических противоречий в рамках единого государства толкала советскую власть к поиску форм реализации естественных тяготений нерусских народов к самоопределению — культурному и политическому. Отсюда следовал повышенный интерес центральной власти к формированию «особых», не имевших исторических precedентов и поэтому заведомо неопределенных «советских» и «социалистических» форм неполной государственности.

Подобная государственность была подчеркнута декоративной, насыщенной гаммой местных этнических и иных колоритов, но она не позволяла проводить независимую внешнюю и внутреннюю политику. Этот подход отражен в вычурных и непонятных простому человеку названиях республик, которые стали создаваться на территории бывшей империи.

В-третьих, большинство руководителей Советской России в 1920-х годах оставалось под влиянием идей мировой революции и предположения об уместности экспорта революции в другие страны. Уникальный в этно-географическом отношении регион Центральной Азии, политические границы в котором пролегли не по границам этнического расселения, а по природным горно-речным рубежам, представлял собой феномен, который не вписывался в теоретические представления большевиков.

С одной стороны, он, казалось бы, был предрасположен к восприятию надэтнической идеи «солидарности и братства всех трудящихся» *внутри* сферы российского, а теперь советского, влияния.

С другой — этносы, составляющие ядро российской сферы влияния, проживали и вне ее пределов. В Афганистане таджиков было больше, чем во владениях Бухары. Узбеки, туркмены, казахи, киргизы большими группами проживали в Афганистане, Иране и Китае. Их присутствие там могло оказаться предпосылкой для распространения опыта российской революции за пределы и собственно России, и тех центральноазиатских земель, где в 1917–1924 гг. под ее влиянием и с участием советских войск произошли революционные преобразования.

Сочетание этих обстоятельств определило стремление большевиков строить политику в отношении центральноазиатских регионов на основе соединения принципов жесткой централизации управления вновь создаваемыми территориальными единицами с нарочитым укрупнением, завышением формального статуса их государственности внутри СССР с целью придания ей максимальной привлекательности вида в глазах зарубежных диаспор.

Смысл начинаний большевиков состоял в создании на базе союзных республик по периферии старых границ Российской империи пояса новых квазигосударственных образований советского типа как потенциальных революционных баз, способных служить при необходимости источником поддержки родственным радикальным движениям в сопредельных странах.

Образование союзных советских республик

В Москве сознавали необходимость реформы административно-территориального деления азиатских территорий, непригодность которого для целей управления выявилась в 1917—1924 гг. Система военно-административного деления (генерал-губернаторств) себя изжила. Но и попытка ее механического преобразования в гражданские административно-территориальные единицы оказалась рискованным экспериментом. Туркесреспублика была слишком крупным и разобленным образованием для организации сколько-нибудь эффективного управления. Большевистское руководство пошло по пути создания более мелких территориальных единиц, построенных по этно-административному принципу.

26 августа 1920 г. в составе РСФСР была создана Киргизская Автономная Советская Социалистическая Республика. Фактически *это было казахское автономное образование*, в названии которого использовалось старое значение слова «киргизский». В республику были включены как часть земель Туркестанской АССР, населенных казахами, так и территории русских казачьих регионов: Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская, Уральская, Оренбургская области, а также Мангышлакский уезд, территория бывшей Букеевской орды и части территории Закаспийской области и Астраханской губернии. Центром новой автономии стал Оренбург.

В апреле 1921 г. Туркесреспублика была разделена на две части. На юго-западных землях и в Закаспии была создана Туркменская Автономная Советская Социалистическая Республика, на остальной части — Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика. Обе — в составе РСФСР. Столицей первой стал Ашхабад, второй — Ташкент.

В рамках Туркменской АССР стала консолидироваться государственность туркменских племен, которым предстояло развиться в современную нацию. 27 октября 1924 г. статус Туркменской АССР был повышен до уровня союзной республики в составе СССР. Туркестанская АССР осталась многоэтничным территориальным образованием.

30 декабря 1922 г. в Москве было провозглашено образование Союза Советских Социалистических Республик как государства, построенного на принципе самоопределения наций в его интерпретации советской властью.

Это повлекло за собой новое изменение подходов к административному делению в советской части Центральной Азии. Начался процесс конструирования государственности этих территорий с акцентом на этнический состав. Ставилась задача укрупнить государственность новых образований, приблизив их по форме к обычным государствам, однако с ограниченным суверенитетом. Такая форма устройства на первый взгляд могла походить на ту, которая существовала в российских протекторатах.

Идея создания советского государства как союза «потенциально суверенных» государств предполагала формирование в Центральной Азии *союзных республик*. В 1924 г. была образована Узбекская ССР, в составе которой была создана Таджикская АССР, включившая в себя основную часть территорий, на которых компактно проживало ираноязычное население бывшего Бухарского ханства.

Союзные республики в составе Советского Союза имели более высокий статус, чем автономные. Официально союзные республики считались субъектами образования СССР и имели право на выход из Советского Союза. Автономные республики таким правом не обладали. Впрочем, и право союзных республик на выход из СССР было формальным, так как не было закона, который бы регулировал процедуру их отделения от Советского Союза.

В советский Узбекистан вошло большинство бухарских земель. В известном смысле «старая Бухара» возродилась под новым названием. Но при этом она стала обширней и мощнее, поглотив не только собственно бухарские территории, но и земли прежнего Хивинского ханства, а также значительные части Туркестанской АССР. Власть в новой республике была отдана просоветски настроенным элементам из бывших младобухарцев, которые трансформировались в коммунистов.

На пост председателя совнаркома Узбекистана был назначен Ф. У. Ходжаев. Он оставался бессменным лидером республики до 1937 г., пользуясь доверием И. В. Сталина, благодаря чему в состав Узбекистана и были включены все главные города региона — Ташкент, Самарканд, Бухара, Фергана и Хива. Столицей Узбекистана стал Самарканд.

Отношение к фигуре Ф. У. Ходжаева в Москве стало меняться к концу 1920-х годов. Стало складываться впечатление, что бухарская элита проявляет слишком много самостоятельности. В 1929 г. столица Узбекистана была перенесена в Ташкент, и власть в республике перешла к представителю ташкентского клана А. И. Икрамову, занявшему пост первого секретаря республиканской компартии. А. И. Икрамов и Ф. У. Ходжаев были оба арестованы в ходе репрессий в 1937 г. и расстреляны. Пост первого секретаря компартии Узбекистана в 1937–1950 гг. занимал У. Ю. Юсупов.

Процесс государственностроительства не останавливался. В 1925 г. из состава созданной в 1920 г. Киргизской АССР была выведена Оренбургская область, ставшая самостоятельным субъектом РСФСР. Взамен утраченных таким образом территорий в состав Киргизской АССР были включены принадлежавшие Туркестанской АССР земли Джетысуйской и Сырдарьинской областей и Каракалпакской автономной области. Столица Киргизской АССР была перенесена в Кзыл-Орду, а в мае 1929 г. — в Алма-Ату. В 1925 г. пятый съезд советов Киргизской АССР принял решение о ее переименовании в Казахскую АССР. В нее вошел основной массив земель, населенных преимущественно казахами.

В марте 1922 г. в составе продолжавшей существовать, несмотря на утрату огромных территорий, Туркестанской АССР было решено создать Автономную Горную Киргизскую область. В 1924 г. эта область была выведена из состава Туркестанской АССР и включена непосредственно в состав РСФСР в качестве Кара-Киргизской области. В том же году она получила статус автономной области в составе России. 25 мая 1925 г. Кара-Киргизская АО была переименована в Киргизскую автономную область, а 1 февраля 1926 г. ее статус был повышен до уровня автономной республики — так возникла Киргизская АССР в составе РСФСР. За три года в 1924–1926 гг. была «от основания» смоделирована отдельная государственность киргизского народа.

Обращает на себя внимание то, как тщательно и осторожно формировалась новая государственность казахов и киргизов. Этот процесс была начат «в лоне» Российской Федерации. Поэтому новые образования были защищены от взаимных претензий наличием амортизирующего посредничества московских властей, которые брали на себя деликатные и болезненные вопросы проведения границ между новыми республиками. В итоге все упреки по поводу просчетов и промахов при проведении границ вплоть до сегодняшнего дня независимые страны региона адресуют Москве, а не друг другу. Неприятные вопросы таким образом «вытесняются» из двусторонних отношений.

Применительно к ряду народов государственность более современного типа буквально выращивалась в рамках Российской Федерации. Этносы, исторически не знавшие развитых форм государственного устройства, поэтапно подготавливались к их освоению — сначала в форме автономных областей, затем автономных республик и, наконец, в виде союзных республик — субъектов образования СССР.

В результате изменений начала 1920-х годов Туркестанская АССР в 1934 г. была упразднена, поскольку все ее территории были распределены между другими республиками. Большевики благоразумно стремились

изъять из оборота названия, напоминавшие административные и территориальные единицы Российской империи. Слова «Туркестан» и «Русский Туркестан» перестали встречаться в официальных документах.

Такой путь государствовоительства встречал одобрение новых советских элит из числа коренных этнических групп. Им импонировало обретение всех атрибутов государственности. Кроме того, создание новых республик и органов государственной власти означало возникновение важных экономических, социальных и иных привилегий для сторонников советской власти в Центральной Азии из коренных этносов. В этом была суть начавшейся в первые десятилетия советской власти политики «коренизации», то есть воспитания и выдвижения национальных кадров политического, хозяйственного и административного управления.

Республики получали дотации из союзного бюджета и бюджета РСФСР на просвещение, образование и здравоохранение. В ряде республик, коренное население которых не имело своей письменности, такая письменность была создана — на базе латинского алфавита, а позднее — кириллицы. Новые республиканские элиты стремились к повышению статуса своих образований. Власти в Москве понимали это и использовали вопрос о статусе республик как инструмент воспитания лояльности местных властей.

16 октября 1929 г. Таджикская АССР, входившая в состав Узбекской ССР, была преобразована в Таджикскую ССР. При этом ей был передан Худжандский округ, населенный таджиками и входивший сначала во владения Коканда, затем — Туркесреспублики, а с 1924 г. — в состав Узбекской ССР. Правда, руководство Таджикистана настаивало на присоединении к Таджикской АССР еще Бухары и Самарканда, ссылаясь на преимущественно таджикское население этих центров. Но эти просьбы были отклонены.

5 декабря 1936 г. в связи с принятием новой конституции СССР был изменен статус двух среднеазиатских автономных республик, остававшихся в составе Российской Федерации. Казахская и Киргизская АССР были тоже преобразованы в союзные республики.

При этом в состав Узбекистана из территории РСФСР была передана Каракалпакская АССР. Ее земли состояли из части бывших владений хивинских ханов и Туркестанского генерал-губернаторства, включенных в 1918 г. в Туркестанскую АССР. В 1925 г. эти территории были переданы в состав Казахской АССР и на них была образована Каракалпакская автономная область. В 1930 г. она стала самостоятельным субъектом федерации в составе РСФСР, а в 1932 г. — преобразована в автономную республику. Перевод в 1936 г. Каракалпакии в состав Узбекской ССР нес в

себе потенциал территориального спора между Казахстаном и Узбекистаном. Суть проблемы заключалась в том, что в 1925 г., когда Каракалпакская автономия входила в состав Казахской АССР, в ее состав были включены племенные земли казахов-*адаевцев* из Младшего жуза.

Включение среднеазиатских территорий в состав СССР способствовало укреплению их связей с центром и изолировало от процессов в рамках подсистемы международных отношений на Среднем Востоке. В советской части Центральной Азии стал формироваться территориальный производственный комплекс, ориентированный на опережающие связи с экономическим организмом европейской части России. Регион продолжил специализацию на поставках минерального и сельскохозяйственного сырья.

Придавая важное военно-стратегическое и экономическое значение региону, советское правительство вкладывало огромные деньги в реализацию транспортных проектов — Туркестано-Сибирская железная дорога (Турксиб) стала одним из крупнейших объектов промышленной модернизации 1927–1931 гг.

Оазисный тип расселения в регионе был естественным препятствием для проведения административно-политических границ между новыми республиками по европейскому типу, по логике «линии Керзона» — контурам примерного этнического расселения. Жители Ферганского, Ташкентского, Бухарского и любого другого оазиса в силу множества обстоятельств исторически селились так, что образовывали перемежающиеся полосы и анклавы, отражающие очертания рельефа. Сказать точно, где кончались земли таджиков и начинались территории узбеков в районе Бухары, Самарканда и Худжанда было сложно. Не проще было разделить по признаку историко-этнической принадлежности туркменские и узбекские земли вокруг Хивы, таджикские, узбекские и афганские земли вдоль течения Амударьи.

Еще сложнее было найти обоснование границам между кочевыми народами, территории и маршруты миграций которых пересекались и налагались друг на друга. «Исторические территории» киргизов, казахов и уйгуров в ряде районов разделить было просто невозможно.

Поэтому административные границы новых республик в советской части Центральной Азии были в значительной степени условными. Они не вполне соответствовали критериям самоопределения наций. Правда, и в Европе, прежде всего ее восточной части, межатническое размежевание было некорректным, произвольным, навязанным силой. Об этом свидетельствуют конфликты и войны европейских народов из-за Трансильвании, Баната, Буковины, Бессарабии, Тешинской Силезии, Подкарпатской Руси, Галиции, Судетской области, Южной Добруджи,

Восточной Пруссии, Виленского края, Мемельской области, Косово или Пиринской Македонии.

Более того, по сравнению с ситуацией в Восточной Европе межэтническое размежевание в Центральной Азии было более бескровным, менее конфликтогенным и, можно утверждать, политически более устойчивым, чем то, которое удалось реализовать в Европе.

На проведение разграничительных линий влияли пристрастия руководителей, идеологические догмы и политическая конъюнктура. В частности, советские руководители в условиях сталинского режима форсировали требование о расширении рабочей прослойки в среднеазиатских обществах, считая, что без нее развитие республик «по социалистическому пути» будет затруднено. Вот почему возникла идея «равномерного распределения» имевшегося в регионе рабочего класса между всеми союзными республиками.

Московская власть добилась включения в каждую из них хотя бы одного промышленно развитого района. Такие районы передавались в состав республик с преобладанием кочевого населения для ускорения их «индустриализации-пролетаризации». По этой логике города Ош, Джалалабад и Узген, населенные преимущественно узбеками, были включены в состав Киргизии. В 1932 г. находившиеся в составе Казахской АССР районы соляных промыслов у залива Кара-Богаз-Гол были переданы Туркмении.

Стремясь завоевать симпатии коренных этнических групп, советское руководство придерживалось линии на ликвидацию привилегий, которыми пользовались до 1917 г. русские переселенцы. Кроме того, оно стремилось полностью уничтожить казачество, в котором видело источник потенциальной поддержки Белой гвардии, уцелевшие части которой после окончания гражданской войны осели в Сынцзяне.

В начале 1920-х годов большевики подвергали систематическим репрессиям казачье население Семиреченской, Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской областей — численностью до 440 тыс. семей. В лучшем случае казаков высылали в труднодоступные районы Сибири. Семиреченское казачество было полностью уничтожено. Принадлежавшие казакам земли и имущество перешли в пользование коренного населения.

Вместе с тем в Москве понимали, что полное искоренение русского населения ограничит возможности центральной власти быть в курсе местных процессов. Поэтому в первые десятилетия СССР Москва направляла на должности первых лиц в союзных республиках своих прямых назначенцев из числа *не* местных уроженцев. Местные кадры «подра-

щивались» постепенно, работая на второстепенных должностях, накапливая опыт специфической организационно-партийной и административной работы советского типа.

Первыми секретарями центрального комитета республиканской организации ВКП (б) в Казахстане были русский Г. А. Коростелев (1921–1924), грузин В. И. Нанейшвили (1924–1925), еврей Ф. И. Голощекин (1925–1933), армянин Л. И. Мирзоян (1933–1938), русский Н. А. Скворцов (1938–1945). В Туркмении — литовец И. И. Межлаук (1924–1925), туркмен С. Сахат-Муратов (1925–1927), еврей Г. Н. Аронштам (1928–1930), Я. А. Попок (1930–1937) и Я. А. Чубин (1937–1939), русский М. М. Фонин (1939–1947). При этом, конечно, руководителями республиканских правительств, как правило, назначались представители коренных этносов. Однако с учетом специфики советского строя партийные руководители занимали во властной иерархии место более высокое, чем руководители исполнительной власти и советов всех уровней.

Ликвидация международно-политической базы британского влияния в Закаспии

Установив контроль над бывшей русской сферой влияния в Иране на фоне гражданской войны в России, Великобритания в 1919 г. навязала Ирану соглашение «для оказания содействия прогрессу и благополучия Персии». Этот документ предусматривал направление британских советников в иранские министерства и ведомства, реорганизацию и военное переоснащение иранской армии под британским контролем. Иранский меджлис отказался утвердить соглашение, но оно, тем не менее, по настоянию британской стороны стало осуществляться.

В иранском обществе стало нарастать раздражение и против Великобритании, и против шахского правительства. На антибританское брожение в Иране накладывались выступления этнических меньшинств в иранских провинциях. В этой обстановке 20 мая 1920 г. иранское правительство пошло на установление дипломатических отношений с РСФСР. Москва получила шанс отчасти восстановить влияние на Тегеран.

В 1920 г. пробританский кабинет под давлением различных политических сил уступил власть националистам. Новое правительство стало противодействовать реализации британско-иранского соглашения 1919 г. В качестве альтернативы британскому влиянию националисты указывали на перспективы сотрудничества с США. Соединенные Штаты, со своей стороны, были заинтересованы в ликвидации монопольного положения Великобритании в Иране после 1918 г. В этих условиях британское правительство было вынуждено начать вывод войск с иран-

ской территории, начиная с северных районов, откуда они могли постоянно угрожать вторжением в Закаспий.

Вывод британских войск изменил соотношение сил внутри Ирана. В феврале 1921 г. в стране произошел переворот, выдвинувший к власти командира казачьей бригады Реза-хана, ставшего военным министром и фактически диктатором страны.

Советская сторона была заинтересована в ликвидации условий для вмешательства Британии в Закаспии и воздействовала на иранское руководство в соответствующем направлении. В случае выдворения из Ирана британских войск Москва обещала прекратить поддержку антииранского сепаратистского восстания в Гиляне («Гилянской Республике»), которое опиралось на присутствие там советских воинских частей.

Правительство Ирана считало такой «размен» выгодным. Кроме того, оно понимало, что партнерство с Россией могло позволить избавиться от британского вмешательства в иранские дела. 26 февраля 1921 г. был подписан советско-иранский Договор о дружбе. Он подтвердил отказ Советской России от дореволюционных договоров и соглашений с Ираном и режима капитуляций, а также передачу иранской стороне российского имущества (железная дорога, банк, порт на Каспийском море, пароходы, телеграфные линии). Ирану были уступлены контролировавшиеся Россией острова в Каспийском море.

Кроме того, каждая сторона обязалась не допускать на своей территории деятельности организаций, враждебной ее партнеру. Это означало обязательство Ирана препятствовать нападениям басмачей с иранской территории на советские земли. Оговаривалось, что Иран не будет допускать присутствия на своей территории иностранных войск. Этот пункт был направлен против Великобритании, обязывая иранское правительство добиваться удаления британских войск из Ирана.

Согласно ст. 6 Договора Советская Россия получила право вводить войска в Иран в случае возникновения опасности для ее границ или территории ее союзников. Это было исключительное преимущество советской стороны, которое позволяло ей по своему усмотрению проводить на территории Ирана превентивные военные акции (рейды, ввод войск), если этого требовали интересы безопасности Туркмении или Закавказья. В целом советско-иранские отношения были урегулированы на советских условиях. В мае 1921 г. из Ирана были выведены британские войска. С июня по сентябрь 1921 г. советские войска были выведены из Гиляна.

Советская Россия использовала рост антибританских настроений в Иране для укрепления своего влияния. Советская дипломатия поддерживала антибританские тенденции в Тегеране и силы, выступавшие с антиколониальных позиций — прежде всего правительство Реза-хана.

Пытаясь добиться прекращения антибританской агитации, за ростом которой в Лондоне видели политику Москвы, в 1923 г. британское правительство направило Советской России ноту («ультиматум Керзона») с требованием прекратить недружественные акции и отозвать советских полпредов из Тегерана и Кабула, угрожая разорвать дипломатические отношения с СССР.

Британское правительство делало представления Москве по поводу антибританской деятельности ее представителей дважды, начиная с сентября 1921 г., когда впервые сотрудники советского постпредства в Берлине были обвинены в оказании помощи индийским революционерам и террористам, изготовлявшим взрывные устройства, которые затем через Афганистан переправлялись в Британскую Индию.

Приводились сведения и о том, что в Ташкенте действовал центр подготовки революционных кадров, готовивший специалистов из числа индийцев. Говорилось также, что советский постпред в Тегеране Ф. А. Ротштейн оплачивал антибританские публикации в иранской печати. «Ультиматум Керзона» был третьим в ряду британских протестов. Он был отклонен советской стороной.

Более того, в Тегеране демарш Британии имел эффект, противоположный ожидавшемуся. На волне антибританских настроений в октябре 1924 г. иранское правительство возглавил военный министр Реза-хан. Последовало расширение ирано-советских экономических отношений, и в 1924 г. между двумя странами был подписан торговый договор. С этого времени иранская территория окончательно перестала быть местом базирования антисоветских сил. Закаспийские территории СССР стало легче ограждать от нападений басмачей, которые были вынуждены перебазироваться в афганские земли.

Гражданский конфликт в Афганистане в отношениях между странами региона в конце 1920-х — начале 1930-х годов

Закрепившись на престоле, эмир Аманулла приступил к реформам, рассчитывая с их помощью осуществить модернизацию. При поддержке младоафганцев в 1923 г. он ввел в действие первую афганскую конституцию, которая формально провозгласила религиозное равноправие. Были созданы консультативный Государственный совет и Лоя Джирга — протопарламент, в котором были представлены вожди племен и наиболее видные исламские богословы. Были начаты реформы землепользования и заложены основы первых промышленных предприятий. В 1926 г. эмир Аманулла принял титул *падишаха* (короля).

Преобразования эмира не встречали единодушной поддержки в стране. Ими были недовольны мелкие ханы и землевладельцы, духовенство и отчасти военные, считая, что меры власти ограничивают их вольности и привилегии. Особое раздражение вызывали нововведения в социально-бытовой сфере. Правительство отменило калым и ограничило многоженство, выступило с предложением учредить светские суды и ввести совместное обучение мальчиков и девочек, направлять афганскую молодежь на учебу за границу (первая группа афганских студентов численностью 200 человек отправилась в Германию, Италию, РСФСР, Турцию, Индию и другие страны в 1921 г.), а также разрешить женщинам снять чадру. Предполагалось, что все муллы и проповедники должны были пройти переаттестацию.

В ноябре 1928 г. неподалеку от Кабула стихийно возникло антиправительственное выступление во главе с унтер-офицером афганской армии Хабибуллой по прозвищу Бачаи Сакао («сын водоноса»). Восставшие потребовали отмены реформ. Духовенство поддержало мятежников и помогло Бачаи Сакао провозгласить себя падишахом под именем Хабибуллы Гази. Британские агенты в Кабуле внимательно следили за событиями. Они давно хотели свержения Амануллы, считая чрезмерной его ориентацию на Россию. В то же время в Лондоне не были уверены в способности самозванного короля удержаться у власти, тем более что по происхождению он был таджиком, хотя заявлял о том, что он пуштун.

Бачаи Сакао поддерживали ханы Кабульского региона, горожане и местные религиозные авторитеты. В перевороте активно участвовали узбекские и таджикские племена Северного Афганистана, недовольные засилием пуштунов в афганской политике.

Попытки Амануллы оказать сопротивление мятежникам не увенчались успехом. Всего с тремя сотнями солдат Бачаи Сакао занял столицу. Аманулла бежал в Кандагар, отрекшись от престола 14 января 1929 г. в пользу своего брата Инаятуллы. Но тот пробыл падишахом всего три дня, после чего по соглашению с мятежниками при посредничестве британских дипломатов тоже отказался от власти и уехал в Кандагар к своему брату Аманулле. 17 января столица оказалась в руках Бачаи Сакао, который издал фирман об аннулировании большей части нововведений младоафганцев. Восстанавливались правила одеваться в традиционную исламскую одежду, включая чалму, носить бороду (для мужчин) и появляться в общественных местах (для женщин) лишь в сопровождении мужа или родственника. Закрывались иностранные школы и отзывались посланные на учебу за границу девушки.

Смена власти в Кабуле оживила деятельность басмачей, скрывавшихся на афганской территории. В конце 1928 г. в район Герата, отступая из туркменских земель, прибыл Джанаид. Сначала он стал угрожать захватом Герату, но потом согласился разоружить свои отряды и начал готовиться к походу на советскую территорию. В феврале 1929 г. возникла коалиция антисоветских сил во главе с жившим в Кабуле свергнутым бухарским эмиром Алимом и одним из вождей басмачества Ибрагим-беком. Совместно они разработали план войны на советской территории.

Советское правительство предлагало военную помощь эмиру Аманулле. После колебаний афганская сторона сочла возможным ее принять. В марте 1929 г. министр иностранных дел Амануллы Гулам Сидик-хан и посол Афганистана в Москве Г. Наби-хан Чархи были тайно приняты И. В. Сталиным, после чего в Ташкенте был сформирован отряд из коммунистов и комсомольцев для отправки в Афганистан. Советские власти были осведомлены о планах басмачей напасть на территорию СССР из Афганистана и были заинтересованы провести против них превентивную войну, которой и оказалась бы операция помощи свергнутому афганскому государю. Признавать правительство Бацаи Сакао Москва отказывалась, несмотря на предложения последнего.

Весной 1929 г. Аманулла во главе вооруженных сил численностью около 14 тыс. человек выступил из Кандагара на Кабул. Одновременно из СССР в северные районы Афганистана вступил советский военный отряд под командованием В. М. Примакова, которого из соображений конспирации называли «кавказским турком Рагиб-беем». Отряд был экипирован в афганскую военную форму и формально подчинялся афганскому генералу Гуламу Наби-хану Чархи, послу Афганистана в СССР.

Советские войска взяли главный город Северного Афганистана — Мазари-Шариф, однако натолкнулись на фанатичное сопротивление местных ополченцев, которые бесстрашно гибли под огнем советских пулеметов, но не отступали. К Мазари-Шарифу подошли силы Бацаи Сакао, попытавшиеся взять город, а затем начавшие его осаду. Получив помощь с советской территории, отряд Примакова прорвал осаду, но не стал развивать наступление на юг. Возможно, в планы Москвы не входило продвижение за пределы территории исторического Южного Туркестана, населенного узбеками и таджиками.

В мае 1929 г. в ситуации произошел перелом. В страну возвратился из эмиграции Надир, один из родственников Амануллы и в прошлом его сподвижник. В середине 1920-х годов он ушел с государственной службы, не разделяя радикальные взгляды эмира на реформаторскую деятельность, и уехал во Францию. При этом Надир сохранял конструк-

тивные отношения и с самим Амануллой, и с британцами, и с большинством племенной знати.

При посредничестве британской дипломатии он смог прийти к компромиссу с Амануллой. Свергнутый эмир заявил о прекращении борьбы с Бачаи Сакао, а затем вместе с семьей и принадлежавшими ему личными богатствами через Индию выехал в Италию. Руководство армией он передал Надиру, который возглавил борьбу с мятежниками в Кабуле.

Советское руководство не имело намерения расширять вмешательство в афганские дела, тем более утратив возможность сослаться на просьбы Амануллы. Военная часть операции на афганской территории была выполнена в основном успешно: о походе басмачей на СССР в 1929 г. думать уже не приходилось.

В мае 1929 г. советский отряд возвратился на территорию СССР, а войска Надира, разгромив силы мятежников в октябре 1929 г., вошли в Кабул. Бачаи Сакао и его сторонники были казнены, а Надир был провозглашен падишахом. В декабре того же года он запретил басмачам вести боевые операции против СССР с афганской территории, а когда руководители басмачества не подчинились этому приказу, Надир повел против них борьбу. Советское правительство признало нового падишаха и в 1931 г. заключило с ним договор о нейтралитете и ненападении — аналогичный тому, который в 1926 г. был заключен Советским Союзом с правительством Амануллы.

В конце 1931 г. афганские правительственные силы во главе с министром обороны Шах-Махмудом были направлены в северные районы Афганистана, где они совместно с частями Красной армии стали планомерно уничтожать последние отряды басмачей. Ибрагим-бек, вновь вторгшийся на территорию СССР, после ряда поражений был вынужден сдаться советским властям и в 1932 г. казнен органами ОГПУ.

Сотрудничество советских и китайских властей против «Хотанского эмирата»

В 1928 г. в результате конфликта внутри китайской верхушки в Синьцзяне старый губернатор был убит. Его место занял Цзинь Шужэнь, управлявший провинцией до 1933 г. Опираясь на узкий круг родственников и друзей, он последовательно удалял из командования вооруженными силами провинции и ее административного аппарата мусульман (дунган и уйгуров), заменяя их этническими китайцами, что вызывало недовольство местных имущих слоев и подогревало сепаратизм.

К этому времени синьцзянские власти формально подчинялись правительству Чан Кайши в Нанкине. Отношения этого правительства с

Советским Союзом были сложными. Попытки сторонников мировой революции в советском руководстве и в кругах Коминтерна добиться радикализации революционных процессов в Китае под руководством китайских коммунистов напугали Чан Кайши. Инспирированные Коминтерном выступления китайских коммунистов, в том числе вооруженные, против Чан Кайши и возглавляемой им Национальной партии (Гоминьдан) в конце 1920-х годов вызвали трения между Китаем и СССР. Подавляющее большинство советских дипломатов и иных представителей были выдворены из Китая. В 1929 г. из-за конфликта в связи с попыткой китайских властей захватить принадлежавшую Советскому Союзу Китайско-Восточную железную дорогу, проходящую по территории китайской провинции Маньчжурии, последовал разрыв дипломатических отношений Китая с СССР.

В такой ситуации Чан Кайши опасался, что усиление советского влияния на положение в Синьцзяне приведет к его «советизации» и последующему отделению от Китая. Гоминьдановское руководство направляло в Синьцзян инструкции, ориентированные на ограничение советского влияния и свертывание сотрудничества с СССР.

Однако распоряжения Чан Кайши не учитывали ситуацию на местах. Синьцзян не мог обойтись без экономических связей с советской Центральной Азией. Он был уязвим по отношению к возможным попыткам советской власти настраивать синьцзянских мусульман против китайских чиновников и китайского правительства в целом. Более того, местные китайские власти были склонны рассчитывать на оказание им поддержки Советским Союзом в случае восстаний местного населения. Несмотря на предостережения Чан Кайши, губернаторы Синьцзяна искали общий язык с советскими представителями, сохраняя экономические связи с СССР, одновременно убеждая Москву отказаться от попыток поддерживать сепаратизм коренных народов Синьцзяна.

Советское руководство понимало ситуацию. Соклазн поддержать синьцзянских мусульман и помочь им попытаться создать собственное государство был силен. Но на внешнюю политику СССР оказывали влияние более общие соображения. Главным противником Советского Союза в Азии являлась Япония, и именно к войне против нее готовилось сталинское руководство. Чан Кайши, при всех трудностях общения с ним, мог быть союзником Москвы. Выгоды от такого союзничества перевешивали возможные приобретения в случае отрыва Синьцзяна от Китая. Поэтому советское руководство воздерживалось от оказания помощи сепаратистам, используя страхи синьцзянских губернаторов для давления на них.

Конечно, на позицию Москвы оказывало влияние и то обстоятельство, что исламисты в Синьцзяне поддерживали регулярные контакты со спецслужбами Турции, Японии и Британии. По сути дела национальные движения синьцзянских народов находились под преобладающим влиянием не СССР, а его геополитических конкурентов.

В довершение ко всему сепаратисты сотрудничали с укрывшимися в пределах Китая группами басмачей. Вожди басмачества, ушедшие от Красной армии на китайскую территорию, используя родственные связи, старались привлечь в Китай своих братьев, оставшихся в Советском Союзе. В начале 1930-х годов были зафиксированы переходы из СССР в Китай целых родов кочевых народов во главе с биями и муллами. Советское руководство негативно относилось к этим явлениям.

За оказание помощи мусульманским народам Синьцзяна ратовало руководство Коминтерна, которое считало национально-освободительное движение в этой провинции отрядом мировой революции. Но государственная власть СССР выступала за диалог с китайскими провинциальными властями. Носителей радикальных революционных взглядов в руководстве Коминтерна стали обвинять в троцкизме — вменяя им в вину заигрывание с национально-революционными элементами азиатских народов. Борьба И. В. Сталина с троцкизмом означала нарастание его подозрительности в отношении революционного национализма.

В апреле 1931 г. в Синьцзяне началось восстание уйгурского населения. Среди его причин — бедность коренных жителей, усугубленная попытками ввести новые подати. Ко всему присоединился стихийный протест местных жителей против переселенческой политики губернатора. Желая увеличить численность китайского (ханьского) населения, местные власти стали предлагать наиболее плодородные участки земли выходящим в отставку солдатам китайской армии в случае их согласия осесть в Синьцзяне. Но решающим толчком к восстанию послужило решение губернатора упразднить ханство Хами — одно из мелких синьцзянских владений, управлявшееся своим вождем и по традиции сохранявшее автономию. Во главе мятежа встали представители уйгурской знати, купечества и образованных слоев, привнесших в движение идеи пантюркизма и, в меньшей степени, панисламизма. Целью восстания было провозглашено создание исламского государства. Вскоре к восстанию присоединились казахи, узбеки и киргизы. К движению примкнули и дунганы. Но между уйгурами и дунганами возникли противоречия, которые мешали единству руководителей восстания.

Международная ситуация складывалась для Китая неблагоприятно. В 1931 г. японские войска начали оккупацию принадлежавшей Китаю

Маньчжурии. Чан Кайши снова столкнулся с невозможностью оказать помощь своим людям в Синьцзяне. На подавление выступлений были направлены недостаточные силы. Восставшие, напротив, смогли хорошо организовать и найти талантливых командиров. В течение 1932 г. боевые действия шли с переменным успехом, сопровождаясь жестокостями с обеих сторон. При захвате «вражеских» населенных пунктов и крепостей мусульмане стремились поголовно вырезать ханьцев, а китайские солдаты — мусульман. Зимой 1932–1933 гг. восставшие осадили Урумчи.

Их успехи привели к обострению борьбы в китайском провинциальном руководстве. 12 апреля 1933 г. в результате военного переворота к власти в Синьцзяне пришел генерал Шэн Шицай. Приняв на себя функции губернатора, он немедленно издал декларацию о равноправии всех этнических групп Синьцзяна, запрещении дискриминации по этническому признаку при приеме на работу, оказании помощи крестьянам, разрешении свободы слова и печати. Одновременно губернатор стал принимать меры для подавления антиправительственных выступлений, беспощадно карая за убийства китайцев. Меры нового руководителя позволили ему привлечь на свою сторону часть мусульманских вождей и углубить раскол между уйгурами и дунганями.

Однако этого было не достаточно. Трезво оценив ситуацию, губернатор Шэн Шицай стал добиваться поддержки от СССР. Действуя отчасти самостоятельно, он учитывал и то, что после начала захвата Маньчжурии Японией центральное китайское руководство тоже осознало необходимость улучшения отношений с Советским Союзом. В декабре 1932 г. советско-китайские дипломатические отношения были восстановлены. Поэтому, обращаясь за помощью к Москве, синьцзянский губернатор в целом действовал в русле политики Чан Кайши.

Советский Союз не хотел оказаться вовлеченным в войну с Японией, к которой он не был готов. Но в Москве понимали необходимость поддержать Китай против Японии. В такой ситуации была найдена необычная форма удовлетворения обращения Шэн Шицай.

В декабре 1932 г. в СССР оказались части китайских войск общей численностью более 4 тыс. человек, отступивших на советскую территорию из Маньчжурии под давлением японских сил, начавших захват этой китайской провинции. Советские власти разоружили и интернировали китайских военных. Получив обращение Шэн Шицай, Москва организовала переброску этой группировки китайских военнослужащих в Синьцзян. Их появление под Урумчи изменило ситуацию и позволило прорвать осаду города восставшими. Действия Советского Союза вызвали негативную реакцию коренного синьцзянского населения.

Но восстание продолжалось. В г. Хотане 20 февраля 1933 г. восставшие сформировали временное правительство, которое занялось созданием исламского государства. 12 ноября 1933 г. восставшие провозгласили Тюрко-Исламскую Республику Восточного Туркестана со столицей в Кашгаре. Несмотря на избранную ими республиканскую форму правления, командующий вооруженными силами этой республики провозгласил себя эмиром, символически принимая на себя миссию «исламского освобождения». Восставшие попытались установить дипломатические отношения с Афганистаном, Турцией и Великобританией, предлагая последней принять «Хотанский эмират» под свой протекторат.

Осенью 1933 г. Шэн Шицай повторно запросил помощи у Советского Союза. В ноябре 1933 г. в Синьцзян была направлена из СССР «Алтайская добровольческая армия», укомплектованная бывшими белогвардейскими солдатами и офицерами, которым советская власть обещала амнистию и предоставление советского гражданства в случае успешного завершения операции. Вопрос о том, был ли этот акт предварительно согласован с центральным правительством Китая, не выяснен. В начале 1934 г. войска Шэн Шицай при поддержке «Алтайской добровольческой армии» вошли в Кашгар. Восстание было подавлено.

Показательно, что его руководители вместе со своими сторонниками перешли на советскую территорию и были интернированы. Но советское правительство отказалось выдать их Китаю. В начале 1935 г. войска «алтайских добровольцев» были выведены с территории Синьцзяна. Поддержка, оказанная губернатору Синьцзяна Советским Союзом, открыла путь к сотрудничеству с ним советских властей.

Этому благоприятствовала международная ситуация. В августе 1937 г. был подписан советско-китайский договор о ненападении, который стал правовой основой для оказания Советским Союзом помощи китайскому правительству против Японии. Через синьцзянскую территорию было налажено автодорожное сообщение и воздушный мост, по которому правительство Чан Кайши получало советскую помощь — военную и техническую. На территории провинции была создана авиационная школа, развернуто преподавание русского языка, созданы основы инфраструктуры военного и военно-промышленного сотрудничества, подчиненные целям борьбы против японской агрессии.

Советско-китайская граница в Синьцзяне стала почти символической. Потоки товаров и грузов, командированных специалистов, политических деятелей и простых граждан постоянно курсировали между центральноазиатскими территориями СССР и Китая. Сближение советских и китайских властей Синьцзяна было настолько тесным, что в 1938 г. во время визита в Москву губернатор Шэн Шицай был принят в ряды

ВПК(б). Это курьезное решение символизировало совпадение взглядов руководства СССР и представителя китайской власти в Синьцзяне на цели сотрудничества Советского Союза и Китая в борьбе против Японии.

В такой ситуации Шэн Шицаю было не сложно рассчитывать на помощь советских властей против местных повстанцев. В апреле 1937 г. советские военные снова вошли на китайскую территорию и помогли губернатору подавить очередное восстание синьцзянских дунган. В январе 1938 г. эти войска были выведены.

В конце 1930-х — начале 1940-х годов были зафиксированы массовые переходы исламского населения (казахов и уйгуров) из Синьцзяна на территорию СССР и Монголии. Среди перешедших было немало тех, кто в предшествующие годы переселился в Китай из Советского Союза. Это было связано с бедственным экономическим положением в китайских землях и продолжавшейся дискриминацией исламских этнических групп.

Ситуация в советской части Центральной Азии в годы Второй мировой войны

Начало Второй мировой войны в сентябре 1939 г. не сразу сказалось на ситуации в Центральной Азии. Отчасти потому, что Китай уже и так фактически воевал против Японии с 1937 г. Отчасти потому, что Советский Союз в войне до июня 1941 г. не участвовал совсем. При этом боевых действий в регионе не было. Война влияла на отношения между его странами в меньшей степени прямо, а в большей — опосредованно.

Ни германские, ни японские войска не достигли пределов Центральной Азии. Но советские граждане из числа жителей *центральноазиатских республик СССР* подлежали мобилизации на общих основаниях. Они участвовали в боевых действиях советских вооруженных сил на европейском и азиатском театрах. Людские потери одних только казахстанцев в эти годы составили около 425 тыс. человек.

Нет оснований упрощать политико-психологическую ситуацию в регионе и преувеличивать симпатии местного населения к советской власти. В регионе через 20 лет после его советизации выросло поколение новых людей, воспитанных в духе советского патриотизма, разделявших идеалы равенства народов, социальной справедливости, идеи просвещения и модернизации. Несомненный рост грамотности и образованности, появление системы бесплатной медицинской помощи, инвестиции в национальные культуры, наконец, успешное осуществление проектов индустриализации — все это формировало симпатии к советскому государству и чувство признательности ему.

Представители коренных этнических групп юридически, политически и морально впервые чувствовали себя по-настоящему вровень с русскими, даже если по объективным причинам русские умели и, в силу этого, могли себе позволить больше. Это психологически возвышало людей, особенно новых горожан, давало им ощущение большей свободы, чем та, которую они имели в условиях кочевой и дехканской жизни, стесненной архаичными правилами и отношениями жесткой родовой иерархии. Происходило реальное улучшение жизни казахов, узбеков, киргизов, туркмен, таджиков и других народов. Значимым было и ощущение приобщенности народов региона к строительству небывало грандиозного общего государства, которое гарантировало всем народам более благополучное будущее.

Вместе с тем в памяти жителей региона не изгладились впечатления о жестокостях, которыми сопровождалось подавление антисоветского сопротивления в 1920-х годах. Свежи были и воспоминания о сталинских злодеяниях. Люди привыкли жить в обстановке страха. В советской части Центральной Азии, в отличие от Синьцзяна, было меньше условий для проявления несогласия в той мере, в которой советский режим был прочнее и мощнее власти синьцзянских губернаторов.

Сложно судить о том, насколько глубоко верило большинство жителей советской части региона в задачи, которые советское руководство провозглашало в Великой Отечественной войне. Но случаев массового коллаборационизма с нацистами представителей центральноазиатских народов не зафиксировано. Лишь в зарубежной Европе отдельные деятели и группы эмигрантов из Центральной Азии поддерживали отношения с германскими властями и обсуждали с ними участие в борьбе против СССР.

Война сильно поменяла экономическую структуру советской части Центральной Азии. Большинство предприятий перешло на выпуск оборонной продукции. Из западных и центральных районов СССР в Казахстан и другие республики были эвакуированы промышленные объекты, учреждения науки, культуры и образования. 308 из 2,5 тыс. промышленных предприятий, эвакуированных из западных регионов СССР в июне—декабре 1941 г., были размещены в центральноазиатской части страны.

В регионе возросли объемы производства металлургической и металлообрабатывающей промышленности. Стоимость произведенной на них продукции увеличилась с 0,6 млрд руб. в 1940 г. до 2,3 млрд руб. в 1943 г. Только в 1942 г. в связи с наступлением нацистов на южном направлении в регион было перебазировано около 150 предприятий из Ростовской, Ворошиловградской областей, Краснодарского и Ставро-

польского краев. Большинство данных предприятий были эвакуированы через Каспийское море. Военное производство в советской Центральной Азии в 1942 г. по сравнению с 1939 г. увеличилось на 19%. В годы войны в регионе были построены и новые промышленные предприятия. Было завершено строительство железнодорожной линии Орск — Гурьев (от Южного Урала к казахстанскому побережью Каспия). От нее началось сооружение ветки во внутренние районы Центральной Азии. Кроме того, была построена железная дорога Акмолинск (совр. Астана) — Карталы (от Карагандинского угольного бассейна до Урала). Республики региона стали главной минерально-сырьевой базой советской промышленности. В Хайдаркане (Киргизия) начали разрабатываться месторождения руты, в Восточном Коунраде (Казахстан) — вольфрама, в Таджикистане — свинца, в Узбекистане — золота и урана.

На завершающих этапах войны в Центральную Азию были направлены потоки вынужденных переселенцев — представителей народов, обвиненных сталинским руководством в коллаборационизме с нацистами в годы немецкой оккупации и высланных из Крыма и ряда регионов Северного Кавказа.

В политическом, социальном и культурном отношении колоссальное значение имел приток в регион эвакуированной высокообразованной и культурной элиты из европейской части Советского Союза. Крупные ученые, артисты и музыканты, деятели иных областей культуры, преподавательские кадры высшей квалификации, школьные учителя, врачи и иной медицинский персонал для развернутых в регионе госпиталей — приезжие кадры включились в жизнь центральноазиатских республик. На протяжении военных лет лучшие силы советской интеллигенции питали интеллектуальной и жизненной энергией местную культурную и научную жизнь, системы республиканского просвещения, образования и здравоохранения.

Это способствовало повышению уровня преподавания в местных высших и средних учебных заведениях, журналистского мастерства, издательского дела, качества радиовещания, интенсивности культурной жизни, литературного и иного творческого труда. В Ташкенте, Алма-Ате, Фрунзе (Бишкеке), Ашхабаде и некоторых других крупных городах благодаря деятельности эвакуированных возникли местные театральные, научные, литературно-художественные и музыкальные школы.

Укрепились и получила развитие традиция изучения западных иностранных языков. Образованные слои населения казахстанских, киргизских, узбекских городов получили возможность освоить литературный русский язык, который оказался для местных жителей мощным инструментом саморазвития и карьерного роста.

В Центральной Азии были заложены основы производства и воспроизводства высокообразованной советской партийно-государственной элиты, третье и четвертое поколения которой в 1990-х годах смогли повести бывшие советские республики по пути независимого развития.

Отношение к войне в странах, сопредельных с Советским Союзом

На территории Китая в Синьцзяне коренные жители не были затронуты войной в том смысле, как граждане советских республик. Коренное население Китайского Туркестана практически не участвовало в войне ни на стороне правительства Чан Кайши, ни на стороне Японии. Оно было озабочено стремлением использовать трудности китайского правительства для решения собственных этно-национальных задач.

Основная часть синьцзянских мусульман не считала войну Китая с Японией «своей войной». Местная исламская знать и образованные слои продолжали мечтать о независимости. Задача китайской губернаторской власти состояла в том, чтобы помешать Японии воспользоваться антикитайскими настроениями мусульман. В Синьцзяне, между тем, готовили новое восстание.

Германская и японская разведки, судя по литературе, не раз прорабатывали возможности нанести Советскому Союзу и Китаю удары со стороны Центральной Азии. В частности, германские специалисты рассматривали проекты прорыва к Волге с юго-востока — через Афганистан или Иран и туркменские земли Закаспия. В этой связи Берлин накануне и в первые годы войны пытался повлиять на иранское и афганское руководство.

В *Иране* для этого возникли некоторые предпосылки. В 1925 г. премьер-министр Реза-хан низложил династию Каджаров и провозгласил шахом себя. Курс нового монарха предусматривал устранение из Ирана всякого иностранного влияния, в том числе советского и британского. Сближение с Германией в этом смысле могло быть ему полезно.

В 1926 г. правительство Реза-шаха задумало сооружение трансиранской железной дороги. Британские власти поддержали эту идею, обещав оказать помощь, но предложили провести ветку от турецкой границы к границе с Британской Индией. Этот вариант был отклонен Тегераном. Дорогу было решено построить с севера на юг, соединив порт Бендер-Шах на Каспийском море с портом Бендер-Шахпур на побережье Персидского залива. Иранская сторона отказалась от технического содействия Британии и России, передав концессию фирмам США и Германии.

Противопоставляя эти две страны своим старым партнерам, иранское руководство не хотело в принципе порывать отношения с СССР,

которые не раз позволяли Тегерану успешно решать внешнеполитические задачи. В мае 1927 г. оно пошло на подписание с Советским Союзом договора о ненападении и нейтралитете, подтвердившего обязательства сторон воздерживаться от участия во взаимно враждебных союзах и соглашениях.

Советско-иранские отношения стали напряженнее после прихода к власти в Германии нацистов в 1933 г., когда линия на сближение с Берлином стала в политике Ирана заметнее. Германия оттеснила Советский Союз с положения главного торгового партнера Ирана. Германские фирмы монополизировали поставки сельскохозяйственной продукции и промышленного оборудования. В идеологической сфере германский нацизм сочетался с иранским шовинизмом на базе пропагандируемой немцами общности «арийских интересов» Германии и Ирана.

После начала Второй мировой войны Германия пыталась привлечь Иран на свою сторону, предлагая военную помощь. Не полагаясь на привлекательность этих предложений для Ирана, германские службы не исключали возможности осуществления в Тегеране прогерманского военного переворота. В августе 1941 г. в Тегеран прибыл шеф германской разведки адмирал Ф. Канарис. Однако советские и британские службы в Иране, тесно сотрудничая друг с другом, сработали более оперативно. По согласованию с Великобританией Советский Союз в августе 1941 г. на основании ст. 6 советско-иранского договора 1921 г. ввел в Северный Иран свои войска.

Одновременно с юго-запада в страну вошли британские контингенты. Войска обеих держав вскоре оккупировали весь Иран. В Тегеране произошла полная смена власти. Реза-шах был вынужден отречься от престола и покинул страну. Новым шахом стал его сын Мухаммед Реза Пехлеви. По требованию СССР и Великобритании дипломаты и все иные представители Германии и ее союзников были высланы из Ирана.

В январе 1942 г. между СССР, Великобританией и Ираном был подписан союзный договор: две великие державы обязались «уважать территориальную целостность, суверенитет и независимость Ирана» и защищать его «от всякой агрессии со стороны Германии или любой другой державы». Со своей стороны иранское правительство разрешило сквозной транзит через свою территорию военного снаряжения и материалов, поступавших в Советский Союз из Великобритании (а позднее и из США) по морю через иранские порты на побережье Персидского залива. 9 сентября 1943 г. Иран формально объявил Германии войну.

На фоне советского военного присутствия в Северном Иране в этой части страны вновь развернулось национально-демократическое дви-

жение. В 1941 г. была создана Народная партия Ирана, вобравшая в себя иранских коммунистов. На волне революционных настроений от власти на местах была отстранена правительственная администрация. Вместо нее осенью 1945 г. с участием местных коммунистов были сформированы автономные правительства в Иранском Азербайджане и Северном Курдистане. Центральное правительство в Тегеране утратило контроль над провинциями, населенными азербайджанцами и курдами. Такой ситуация оставалась до вывода советских войск из Ирана в 1946 г.

В годы войны существенно укрепили позиции в Иране Соединенные Штаты. Американские военные контингенты были размещены на иранской территории наряду с войсками СССР и Великобритании для обеспечения безопасности военных перевозок.

Ликвидация германского присутствия в Иране оставляла Берлину лишь надежду на укрепление своих позиций в Афганистане, тем более что ситуация в этой стране была непростой. В 1933 г. в Кабуле один из сторонников свергнутого эмира Амануллы убил короля Надира. Приход к власти его сына Мухаммеда Захир-шаха не внес серьезных изменений во внешнюю политику страны. Однако к середине 1930-х годов и в Афганистане стали укрепляться позиции Германии. Наряду с проникновением германского капитала усиливалась пропаганда нацизма, во многом созвучная проводимому афганским руководством курсу на пуштунизацию страны. Как и в соседнем Иране, в Афганистане появились германские эксперты, консультанты, советники.

Несмотря на провозглашенный Кабулом в 1939 г. нейтралитет во Второй мировой войне, Германия планировала использовать афганскую территорию для прорыва в СССР и Индию. Пытаясь вовлечь Афганистан в войну на своей стороне, нацистское руководство в случае захвата Индии обещало ему возвращение некогда отторгнутых у Афганистана Британией пуштунских территорий на северо-западе Британской Индии. Кабул отклонил эти предложения.

После нападения Германии на СССР в 1941 г. советская сторона стала добиваться от афганского правительства свертывания германской агитации в Афганистане. В октябре 1941 г. в ответ на согласованный советско-британский дипломатический демарш (одновременное направление нот советского и британского правительств) афганское руководство приняло решение выдворить из страны всех представителей Германии и ее союзников по «оси», за исключением дипломатов. В ноябре того же года Лоя Джирга приняла решение о нейтралитете во Второй мировой войне.

Таким образом, в первой половине 1940-х годов южные подходы к Центральной Азии совместными усилиями СССР и Британии были надежно ограждены от влияния третьих стран.

Вопрос о Восточно-Туркестанской Республике в советско-китайских отношениях

Согласно ряду свидетельств еще в начале 1941 г. синьцзянский губернатор Шэн Шицай полусерьезно обсуждал с советскими представителями перспективу включения Синьцзяна в Советский Союз на правах союзной республики. Эта тема не была подхвачена в Москве.

Военные неудачи СССР в войне с Германией в 1941–1942 гг. девальвировали ценность союза с Москвой в глазах правительства Чан Кайши и властей Синьцзяна. СССР был вынужден сократить помощь Китаю, поскольку сам оказался в тяжелом экономическом положении. Но при этом выросла заинтересованность Москвы в сотрудничестве с Синьцзяном, поскольку оттуда импортировались цветные металлы, прежде всего вольфрам и никель, необходимые для танковой брони.

Вступление в войну против Японии Соединенных Штатов Америки давало основание китайскому правительству надеяться на то, что США смогут заменить СССР в качестве источника помощи Китаю. Отношения с американцами были привлекательней для Чан Кайши, поскольку они не были связаны с угрозой потери Синьцзяна, которая ассоциировалась с советским влиянием в Китае.

Кроме того, Чан Кайши беспокоили связи Москвы с китайскими коммунистами, которые вели борьбу против него. Он предвидел, что после окончания войны Советский Союз может снова, как в конце 1920-х годов, сделать основой своей политики в Китае поддержку компартии, которая оставалась конкурентом Гоминьдана. С 1942 г. китайское руководство переориентировалось на сотрудничество с США. В 1943 г. в Урумчи было открыто американское консульство.

За этим последовали крупные кадровые изменения в аппарате синьцзянского правительства, которые переросли в увольнения всех сторонников сближения с СССР. При этом оказалось, что чисткам подверглись прежде всего представители мусульманского населения. Аппарат остался преимущественно китайским, каким он был до прихода Шэн Шицай. Да и сам губернатор быстро менял политические пристрастия. Из коммуниста-интернационалиста он превращался в националиста-гоминьдановца, каковым было в основном руководство Китая во главе с Чан Кайши. Желая удержаться на должности, Шэн Шицай старался разрушить впечатление о себе как о «человеке Москвы». Вместо «советизации» жизни Синьцзяна, как в конце 1930-х годов, в провинции начались радикальная «десоветизация» и «китаизация».

Местная власть попыталась изменить расселение этнических групп, заставив некоторые из них откочевать в глубь китайской территории,

откуда было бы затруднено повседневное общение, например, китайских казахов с одноплеменниками по советскую сторону границы. Это способствовало усилению тенденции к переходу казахов и уйгуров на сопредельные территории СССР и Монголии, где к тому же экономическое положение малоимущих граждан благодаря помощи государства было немного менее отчаянным, чем в Синьцзяне.

В марте 1944 г. нескольких тысяч казахов под предводительством Оспан-батыра, протестуя против приказа об их переселении на юг, предприняли попытку перехода в Монголию. Китайские пограничники попытались задержать их. Завязался бой, который переместился на монгольскую территорию. Оказавшиеся там монгольские пограничники включились в конфликт, пытаясь выдворить китайских военных за границу МНР. Однако сделать это не удавалось.

Монгольская сторона запросила поддержки у СССР, ссылаясь на советско-монгольский протокол о взаимопомощи 1936 г. В ответ на обращение советская авиация в течение двух дней наносила бомбовые удары по позициям китайских войск, которые были вынуждены отойти в глубь китайской территории. Этот конфликт добавил напряженности в отношения губернаторской власти с советскими представителями.

В августе 1944 г. Шэн Шицай был освобожден от должности губернатора. В литературе высказывается мнение о том, что Чан Кайши заменил его по рекомендации американских дипломатов, которые готовили условия для вовлечения СССР в войну против Японии на стороне Китая. Предположительно, нарастание враждебности между СССР и китайскими властями Синьцзяна могло этому помешать. Однако вероятно и более простое объяснение. В октябре 1944 г. на место прежнего губернатора был назначен У Чжунсинь — родственник Чан Кайши.

Напряженность в провинции не спадала. С 1943 г. по ее территории прошла волна выступлений мусульман. Свертывание экономических связей с СССР в 1942—1943 гг. осложнило экономическое положение в Синьцзяне, спровоцировало рост цен на поступавшие прежде из Советского Союза промышленные товары и топливо.

Нехватка средств на закупку семян и сельхозинвентаря позволяла обрабатывать не более одной трети сельскохозяйственных угодий. Начались трудности с продовольствием. Вдобавок в начале 1944 г. провинциальные власти решили перевести на китайский язык делопроизводство в судах, что означало лишение исламских религиозных авторитетов права выносить судебные решения по шариату. Введение в том же году китайского языка как обязательного языка деловой переписки в провинции означало автоматическое изгнание из органов провинциального управления тех немногочисленных представителей коренной на-

циональности, которые там оставались, — они не умели писать по-китайски. Наконец, летом 1944 г. в Синьцзяне была проведена реквизиция 10 тыс. коней на военные нужды. Это вызвало стихийное возмущение коневодов — казахов и уйгуров северной части провинции.

В ноябре 1944 г. началось их восстание, получившее в литературе название «революции трех округов» — Илийского, Тарбагатайского и Алтайского. 15 ноября 1944 г. восставшие захватили Кульджу и официально провозгласили создание Восточно-Туркестанской Республики. В ее правительство кроме казахов и уйгуров вошли монголы и русские из числа уцелевших белых офицеров. В литературе распространено мнение о том, что именно бывшие белые офицеры, постоянно проживавшие в Синьцзяне и получившие к тому времени советское гражданство, на первом этапе разработали план выступления и его политическую программу.

В отличие от восстания 1933—1934 гг. в Кашгаре, участники «революции трех округов» выступили не под религиозными, а под национально-освободительными лозунгами. Отстаивая право исповедовать ислам и традиционные привилегии исламского населения, руководители восстания включили в программу положения о дружбе с правительствами всех демократических стран мира, включая СССР, а также об осуждении любого национализма. Иными словами, в идейной платформе восставших присутствовали элементы общедемократического характера.

В начале 1945 г. повстанцы освободили от гоминьдановских войск территорию трех округов и стали продвигаться к Урумчи. В западных исследованиях высказывается мнение о том, что восставшие получали военную помощь от Монголии, которая опиралась на поддержку СССР. Советские источники по этой теме остаются недоступными. Но имеющихся косвенных документальных свидетельств достаточно, чтобы говорить о том, что в боевых действиях на стороне повстанцев участвовало от 500 до 2 тыс. советских кадровых военных — офицеров и сержантов. Восставшие снабжались оружием и боеприпасами советского производства.

Удерживая территорию трех округов, руководители Восточно-Туркестанской Республики не стремились занять весь Синьцзян. Стихийные восстания стали возникать в разных частях провинции под влиянием событий на севере, но единого штаба восставших не было. В Урумчи продолжало работать провинциальное правительство во главе со сторонниками Чан Кайши. В это время шла подготовка союзного договора между СССР и правительством Гоминьдана, без которого Советский Союз не хотел вступать в войну против Японии. «Революция» во всем Синьцзяне и свержение чанкайшистского правительства провинции могли осложнить ход советско-китайских переговоров.

В августе 1945 г. советско-китайский договор был заключен. В нем содержалось признание Москвой территориальной целостности Китая. После заключения договора началось сокращение поставок советской военной помощи Восточно-Туркестанской Республике. Советские представители стали убеждать ее руководителей вступить в переговоры с правительством Синьцзяна для выработки компромисса.

Во главе Восточно-Туркестанской Республики стояли местные религиозные деятели Алихан-тюре и Хакимбек Ходжа. Понимая свою зависимость от Москвы, они вместе с тем отказывались безропотно следовать ее рекомендациям. Лидеры республики не были поборниками светского, демократического или, тем более, социалистического государства, а тяготели к умеренному панисламизму, мечтая о независимом государстве синьцзянских мусульман.

Тем не менее 12 октября 1945 г. переговоры восставших с делегатами центрального китайского правительства начались. Обсуждения протекали трудно. Только в июне 1946 г. удалось договориться о прекращении боевых действий и общей политической платформе урегулирования. Она оказалась выгодной сторонникам Чан Кайши.

Восставшие отказались от требований не только о независимости, но даже об автономии Синьцзяна. Основные уступки китайских властей состояли в обещании уравнивать местные языки с китайским, но при этом сделав изучение китайского языка обязательным в средних школах. Кроме того, правительство Чан Кайши обещало либерализацию религиозной жизни и обеспечение свободы печати и собраний. Предусматривался вывод из провинции вооруженных сил центрального правительства, присланных на подавление восстания. Было выработано положение о том, что не менее 70% должностей в провинциальных органах власти и ее аппарате будет замещаться представителями исламских групп населения. После подписания соглашения в июне 1946 г. правительство Восточно-Туркестанской Республики заявило о самороспуске, а его руководители выехали в СССР. После этого в Урумчи было сформировано общесиньцзянское коалиционное правительство, в которое были включены представители исламских групп.

Однако реализация соглашения оказалась под угрозой. В феврале 1947 г. в провинции возобновились столкновения между китайцами и коренными жителями. Местное население требовало выполнения обещания о выводе из провинции правительственных войск и выполнения положения о замещении 70% должностей в аппарате управления представителями коренных народов. В июле 1947 г. на юге Синьцзяна, в Турфане, началось еще одно восстание.

Его причины были сложными. Во-первых, в Китае шла гражданская война между коммунистами во главе с Мао Цзэдуном и правительством Чан Кайши. Советский Союз выжидал, не вставая официально на сторону китайских коммунистов, но оказывая им помощь. Контроль над Синьцзяном мог быть важным активом и для Чан Кайши, и для Мао Цзэдуна. Поскольку исход борьбы между ними был не ясен, спешить с передачей Синьцзяна под контроль той или другой партии было рискованно. Выгодней было сохранять в провинции неопределенность. Территория трех округов оставалась неподконтрольной китайским властям до осени 1949 г.

Во-вторых, коренное население испытывало разочарование в связи с содержанием соглашения между руководством Восточно-Туркестанской Республики и правительством Синьцзяна. Это раздражение было направлено одновременно против Чан Кайши, лидеров повстанческого движения и Советского Союза, уклонявшегося от поддержки восстания. Часть вождей восставших во главе с упоминавшимся Оспан-батыром, отвергнув соглашение с правительством Синьцзяна, снова попыталась уйти в Монголию. Но на этот раз ему преградили путь монгольские войска, которых снова поддержала советская авиация.

Советское руководство, став на сторону Мао Цзэдуна, стало способствовать его соглашению с руководителями формально самораспустившегося, но фактически воссоздавшегося правительства упраздненной Восточно-Туркестанской Республики, удерживающего ситуацию в трех округах. Вожди восстания проявляли упорство и настаивали на проведении предварительных переговоров с китайскими коммунистами об условиях пребывания Синьцзяна в составе Китая. Многие лидеры продолжали выступать за независимость.

В августе при содействии Москвы была достигнута договоренность о поездке в Пекин из Кульджи представительной делегации руководства трех округов. Имелось в виду, что их требования будут обсуждены в Пекине на сессии Всекитайского собрания народных представителей. Для поездки советская сторона выделила правительственный самолет. Делегация должна была лететь из Кульджи в Пекин над советской территорией. 29 августа 1949 г. на полете к Иркутску самолет потерпел аварию и разбился. Все руководство трех округов погибло.

Для переговоров в Пекине была сформирована новая делегация. В сентябре 1949 г. вооруженные силы трех округов объединились с частями Национально-освободительной армии Китая, подконтрольной Мао Цзэду, и приступили к очищению Синьцзяна от сторонников Чан Кайши. Правительство провинции перешло на сторону Мао Цзэдуна.

3. Международные отношения в регионе в первой половине XX века

В декабре 1949 г. оно было реорганизовано под руководством коммунистов. Вопрос о независимости трех северных округов больше не обсуждался.

* * *

В годы пребывания народов региона в составе более крупных иностранных государств в первой половине XX в. национально-освободительная идея продолжала оказывать серьезное влияние на региональное развитие. В пределах Советского Союза она была встроена в концепцию социалистического строительства, частью которого было самоопределение наций в форме создания протогосударств — союзных республик — с неполным, «отложенным», государственным суверенитетом.

При всей ограниченности такого самоопределения, оно позволило создать очаги формирования современных наций и основ современной государственности будущих независимых государств. Модернизация протогосударств региона в составе СССР проводилась на средства дотаций из союзного бюджета и при участии квалифицированных кадров из России и других неазиатских республик Советского Союза. Приезжие вносили весомый интеллектуальный вклад в подготовку основ будущего независимого развития стран Центральной Азии.

Местные этносы, не получив в СССР ключевых позиций в целом, были, тем не менее, реально приобщены к строительству социалистического строя и «советского сверхгосударства». Это приобщение гарантировалось через участие в конструировании субгосударственности союзных республик и делегирование представителей во всесоюзный аппарат КПСС и центральные органы государственной власти Советского Союза. *Формирование национальных идентичностей народов в составе СССР и их будущей государственности шло по реформистскому, модернизационному пути.*

Восточная часть Центральной Азии оказалась в более сложном положении. В составе Китая центральноазиатские народы не имели возможностей, даже ограниченных, заниматься государственностроительством. Этот процесс приобрел черты систематической работы «советского типа» только после создания Синьцзян-Уйгурского автономного района в составе КНР. Но и тогда в китайской части региона самоопределение наций понималось более узко, чем в Советском Союзе. Это не значит, что формирование идентичностей тюркских народов в Китае было приостановлено. Но на китайской территории оно не было встроено в государственную политику, шло в открытой оппозиции и

вооруженных противостояниях с ней. Идентичности не столько развивались, сколько консервировались, предохранялись от воздействий со стороны политической власти. *Процесс национального развития в Синьцзяне носил охранительный, «революционно-оборонительный» характер, протекая в отрыве от импульсов модернизации.*

Третий тип развития в этот период был характерен для территории Афганистана. В его пределах становление идентичностей тоже происходило вне вектора модернизации. Но в афганских условиях развитие северных этносов не ограничивалось архетипом самозащиты, как в Синьцзяне. Таджикский и узбекский элементы в Афганистане были активными участниками государствовоительства и периодически пытались его направлять — посягая на высшую власть в государстве.

Среди афганских таджиков и узбеков не было такой выраженной тяги к отделению, как в Кашгарии. Другое дело, что процесс развития северных районов Афганистана соотносился с ритмами модернизации страны в целом, а ритмы эти были низкими, что, по-видимому, не травмировало основную массу подданных афганских падишахов. Вот почему *этот тип развития национальной идеи можно назвать органически консервативным.* С модернизаций он соприкасался только по касательной.

Литература

- Алаев Л. Б. История Востока. Первобытная эпоха. Древность. Средние века. Новое время. М.: Росмэн, 2007.
- Бармин В. А. Синьцзян в советско-китайских отношениях. Барнаул: Барнаульский гос. пед. ун-т, 1999.
- Ерофеева И. В. Хан Абулхаир — полководец, правитель и политик. Алматы: Дайк-пресс, 2007.
- Замятин Д. Н. Моделирование геополитических ситуаций на примере Центральной Азии во второй половине XIX века // Полис. 1998. № 2.
- Зотов О. Восточный Туркестан (Синьцзян) — страна «латентного ислама» // Ислам и общественное развитие в начале XXI в. М., 2005.
- Масанов Н. Кочевая цивилизация казахов. Алматы, 1995.
- Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Барнаул: Аз Бука, 2003.
- Погорельский И. В. История Хивинской революции и Хорезмской народной советской республики 1917—1924 гг. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984, 1998.
- Турсунов С. Казахское ханство и казахские жузы // Энергия. 1998. № 10.
- Atkin M. Religious, national, and other identities in Central Asia // Muslims in Central Asia: expressions of identity and change. Durham; L., 1992.
- Soucek S. A History of Inner Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Линь Гань. Туцзюэ ши (История тюрков). Хух-Хото, 1988.

Глава 4

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СОСТАВЕ СОПРЕДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Победа в Великой Отечественной войне укрепила советское руководство во мнении о правильности выбора стратегии политического развития. Идея верности советской модели внедрялась в массовое сознание и находила в нем отклик. Однако достаточно эффективная в военное время сталинская командно-административная система плохо подходила для целей мирной жизни. Восстанавливать страну, полагаясь только на методы военного управления, внеэкономическое принуждение, подневольный лагерный труд, было сложно, а вывести ее на новые горизонты развития — невозможно. Энтузиазм кончался, а постоянный страх изнурял людей.

Среднеазиатские республики и Казахстан в составе Советского Союза в 1945–1953 годах

Последние годы жизни И. В. Сталина стали пиком развития системы лагерей. Многие из них, в том числе крупнейшие, были дислоцированы в Казахстане. В одном только Степном лагере в Ишимских степях в 1949 г. находилось 200 тыс. заключенных. До мая 1946 г. существовал Акмолинский лагерь «жен изменников Родины» (АЛЖИР). Крупные «объекты» располагались в Карагандинской и Джезказганской областях. Очень большой контингент заключенных здесь составили бывшие солдаты и офицеры, побывавшие в фашистском плену, а также участники антисоветских восстаний в Прибалтике, на Украине, в Белоруссии и на Кавказе. В 1948 г. были созданы «лагеря специального режима» для лиц, осужденных за «контрреволюционную» и «антисоветскую» деятельность. В конце 1940-х — начале 1950-х годов в них вспыхивали восстания. В 1952 г. восстание подняли заключенные Кенгирского лагеря недалеко от Джезказгана. В том же году восстали заключенные в Экибастузе. Оба стихийных выступления были подавлены силами МВД, МГБ и армии.

Хотя во время Второй мировой войны на территории Средней Азии и Казахстана боевых действий не было, экономическое положение региона оставалось тяжелым. Возвращение к мирной жизни требовало перестройки экономики, переориентированной на нужды войны. Серьезной проблемой реконверсии промышленных предприятий региона ста-

ла нехватка рабочих рук, после того как эвакуированное население стало возвращаться в европейские регионы СССР. Уезжали самые квалифицированные и образованные. Снизилась трудовая дисциплина, резко упала производительность труда. В 1946 г. наметился спад производства, что вынудило власти ужесточить методы управления. Это дало положительные результаты только на время.

Наиболее тяжелым было положение в сельском хозяйстве. Одна из сильнейших засух охватила весной и летом обширную территорию СССР, в том числе и Западный Казахстан. В Средней Азии и Казахстане урожайность не превышала 4–6 центнеров с гектара. Возникла угроза голода. Власти между тем ограничивали потребление и предпринимали шаги для увеличения продовольственных запасов. Совет министров СССР и ЦК ВКП(б) принимали жестокие меры для недопущения расхищения государственной собственности.

Во второй половине 1946 г. были приняты постановления «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи» и «Об обеспечении сохранности государственного хлеба». В 1947 г. был принят Указ «Об уголовной ответственности за хищение государственного имущества». За «кражу» колосков с полей после их уборки комбайнами крестьяне могли быть наказаны 5–7 годами заключения. За мелкие кражи на производстве рабочие и служащие наказывались сроком от 7 до 10 лет лагерных работ. По стране прокатилась волна репрессий. Резко выросло количество заключенных женщин и детей.

В декабре 1946 г. Совет министров СССР принял постановление «О расширении посевных площадей и повышении урожайности зерновых культур и особенно яровой пшеницы в восточных районах СССР». Согласно ему с 1946 по 1950 г. были распаханы дополнительные площади земли в Казахстане, Узбекистане и Киргизии. Однако эта распашка дала небольшой эффект.

Зато изъятие земель под пашню сократило пастбищные угодья скотоводов, что вызвало недовольство местного населения и породило трудности в животноводстве — особенно в его колхозном секторе. В Казахстане в годы войны значительно сократилось поголовье лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Большое количество скота было отправлено в помощь пострадавшим от оккупации европейским районам. Кроме этого, помощь оказывалась новым социалистическим странам Восточной Европы. Эти меры вызывали раздражение населения, выражения которого пресекались карательными органами.

К 1948 г. численность поголовья скота в колхозах, совхозах и частном владении жителей регионов Центральной Азии превысила довоен-

ный уровень. Но положительная тенденция была подорвана принятым в том же году решением государственных органов об изъятии скота у селян и передачи его в колхозы. Это решение было продиктовано стремлением власти обеспечить поставки мяса, плановые показатели которых разоренные войной коллективные хозяйства не могли обеспечить.

В 1946–1949 гг. были отобраны и отнесены к колхозным земли, которые колхозники, спасаясь от голода, самочинно занимали и осваивали в военные годы, пользуясь тем, что государственным органам было не до этого. Объем обязательных зерновых поставок ежегодно возрастал, а закупочные цены оставались ниже уровня 1940 г., что покрывало только 15% себестоимости произведенного зерна.

По сельскому населению страшно ударила денежная реформа 1947 г., предусматривавшая десятикратную деноминацию рубля. Заработная плата крестьянам выплачивалась в основном в натуральной форме, а значит, наличных денег у них было еще меньше, чем у горожан. Обмен денег разорил крестьян.

А одновременная отмена карточной системы, гарантировавшей хотя бы минимум продовольствия, вызвала голод в центральноазиатских регионах так же, как во всем Советском Союзе. Голод 1946–1947 гг. был сопоставим по тяжести с голодом 1932–1933 гг. в СССР, начавшимся в результате реквизиций зерна в ходе коллективизации.

В 1950 г. была предпринята очередная сельскохозяйственная реформа, заключавшаяся в укрупнении колхозов. В результате их число в Казахстане сократилось с 6773 в 1945 г. до 2047 в 1952 г., что привело к исчезновению ряда населенных пунктов, уменьшению личных наделов крестьян, урезанию натуроплаты. При этом улучшения положения в сельском хозяйстве не произошло. В итоге в начале 1950-х годов в городах вновь усилились продовольственные трудности.

Тяжелой была социально-экономическая ситуация в целом. Зарплата рабочих и служащих в 1950 г. выросла по сравнению с 1940 г. в 1,5 раза, а розничные цены — в три раза. Сельские жители за труд получали в четыре раза меньше, чем горожане, и не имели права уезжать из деревни.

Тяжелое положение в аграрном секторе стало отчасти выправляться после решения советского правительства о закреплении за республиками Центральной Азии специализации на выращивании хлопка. На этот вид сырья были установлены повышенные закупочные цены. Благодаря такой мере доходность хлопковых хозяйств в Узбекистане, Таджикистане и Туркмении стала превышать доходность колхозов в среднем по стране. Это вызвало стремление местных властей форсировать производство хлопчатника, что было невозможно без проведения перестрой-

ки водного хозяйства региона за счет строительства мощных ирригационных систем.

Тяжелое послевоенное положение усугублялось стихийными бедствиями. В 1946 г. произошло землетрясение, которое затронуло все среднеазиатские республики. Сильно пострадали Узбекская, Киргизская и Туркменская ССР, имелись сотни погибших и раненых. Максимальная сила землетрясения в некоторых районах доходила до 9 баллов.

В 1948 г. произошло разрушительное землетрясение в Ашхабаде (до 10 баллов). В этом городе за годы войны было сосредоточено значительное число промышленных предприятий, а плотность населения возросла за счет приезжего населения. Население города в 1947 г. составляло 117–132 тыс. человек (по другим данным — 150–180 тыс.). Во время землетрясения погибло около 150–200 тыс. горожан и жителей окрестных селений. Из поврежденного здания тюрьмы удалось выбраться части заключенных. Они завладели оружием (в том числе пулеметом), милицеской формой и стали грабить городские магазины. Информация о землетрясении была засекречена. В центральных газетах были опубликованы только краткие заметки.

Союзное правительство оказало большую помощь пострадавшим республикам. Из государственного бюджета СССР после землетрясения 1948 г. Туркмении было выделено 25 млн руб. В город прибыло до 4 тыс. вагонов с продуктами и товарами первой необходимости.

Сложная ситуация, связанная с перестройкой сельского хозяйства региона, отчасти компенсировалась успехами развития промышленности. К 1950 г. выпуск промышленной продукции в республиках Центральной Азии по сравнению с довоенным уровнем увеличился в два раза. Война вынудила Советский Союз создавать второй и третий эшелоны промышленных производств в глубине страны, вдали от ее наиболее уязвимых от вторжения с Запада районов. Поэтому годы борьбы с германским нацизмом одновременно были и временем ускоренной индустриализации центральноазиатских территорий, которые в другом случае вряд ли бы встали на путь развития тяжелой промышленности в столь короткие сроки.

Хотя «глубоко эшелонированная индустриализация» была для СССР вынужденной мерой, советское руководство после 1945 г. могло использовать созданный в Центральной Азии производственный потенциал для текущих целей развития. Приоритетом оставалось развитие средств производства. Впервые он был сформулирован в 1930-х годах, когда СССР начал подготовку к возможной войне в Европе или Азии. В годы Второй мировой войны, конечно, предпочтения не изменились. Они в принци-

пе могли стать иными после войны. Но начавшаяся уже в 1946–1948 гг. конфронтация с США способствовала закреплению старых приоритетов и на период мирного развития.

Такая экономическая стратегия обрекала на отставание производство предметов потребления. Отраслям легкой и пищевой промышленности не уделялось достаточно внимания, они страдали от недоинвестирования. Страна вкладывала деньги в производство вооружений, а не продовольствия и предметов бытового назначения.

В республиках региона (Казахстане, Узбекистане, Киргизии и Таджикистане) возводились огромные металлургические предприятия и, где возможно, строились ГЭС. Официальные сводки пестрели данными о выплавке чугуна и стали на душу населения. В то же время ощущалась острая нехватка продукции предприятий хлопчатобумажной, обувной, пищевой промышленности.

Средняя Азия и Казахстан стали важной частью военно-промышленного комплекса. Это стало еще очевидней, когда близ Семипалатинска (Казахстан) был построен ядерный полигон, а в районе озера Балхаш — полигон для испытания ракет. Венцом этой линии индустриализации стало сооружение космодрома Байконур.

На Семипалатинском полигоне в 1949 г. была испытана первая советская ядерная бомба. Между 1949 и 1962 гг. было проведено 30 наземных испытаний, 88 ядерных устройств было испытано в воздухе. В 1953 г. здесь было испытано первое термоядерное устройство, а в 1955 г. и первая в мире водородная бомба. Испытания негативно сказались на окружающей среде и пагубно отразились на здоровье населения Восточного Казахстана и Алтайского края России.

В послевоенные годы республики Средней Азии и Казахстан добились успехов. Однако темпы их развития были такими же, как в остальных частях СССР, но ниже, чем в западных странах. Основным двигателем экономики оставалось принуждение. Во многих отраслях хозяйства довоенный уровень в первую послевоенную пятилетку не был достигнут.

Становление экономической специализации региона

Реформы Н. С. Хрущева, который вскоре после смерти И. В. Сталина стал первым секретарем ЦК КПСС, а затем и председателем Совета министров СССР, непосредственно затронули Среднюю Азию и Казахстан. В отличие от своего предшественника, новый лидер был способен проявлять гибкость в сложных вопросах. Не будучи ни либералом, ни демократом, он — в меру своего субъективного понимания — ставил задачу модифицировать, облагородить советскую систему, избавить ее от

той незаконной жестокости и бесчеловечности, которая была ей присуща в условиях сталинской диктатуры. Сугубый практик, разбиравшийся в теоретических вопросах гораздо меньше своего предшественника, он проводил реформы, полагаясь в основном на интуицию и опыт, которые, впрочем, его не раз подводили.

Н. С. Хрущев мыслил категориями единого народнохозяйственного комплекса СССР и неделимой советской экономики. Он понимал, что центральноазиатские и кавказские союзные республики нуждаются в помощи более мощной и развитой Российской Федерации. Необходимость такой помощи им не подвергалась сомнению, а ее систематическое оказание в разных формах оставалось краеугольным камнем экономических отношений в Советском Союзе.

Но понимание общности экономических интересов подводило и к мысли о необходимости «встречного экономического движения» азиатских республик к России, принятия ими специализированных функций в рамках единого экономического организма СССР. В соответствии с идеей специализации и разделения труда центральноазиатские республики должны были сосредоточиться на той продукции, для производства которой они имели наилучшие условия. Специализацию региона стали определять в аграрном секторе хлопок, фрукты, рис, бахчевые культуры.

Освоение целины в республиках Средней Азии также было направлено на расширение посевов под хлопок. В 1956 г. принимается постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об орошении и освоении целинных земель в Голодной степи в Узбекской ССР и Казахской ССР для увеличения производства хлопка», которым предусматривалась реализация пятилетнего плана освоения земель под хлопок. В связи с этим, в частности, указом президиума Верховного Совета СССР Узбекской ССР были переданы три хлопкосеющих района Казахстана и город Бостандык.

В промышленности основой специализации Центральной Азии должны были стать добыча редких и цветных металлов, производство минеральных удобрений, выплавка стали, производство некоторых видов машиностроительной продукции. В последующие десятилетия к этому перечню добавилось производство газа в Туркмении.

Объективно все это указывало на преимущественно сырьевую специализацию региона в экономической системе СССР. Но такая специализация имела и преимущества. Поток инвестиций, субсидий на жилищное строительство, здравоохранение, просвещение и развитие культуры центральноазиатских республик из союзного бюджета обеспечивал рост уровня жиз-

ни в регионе. Об этом свидетельствовало резкое повышение рождаемости среди коренного населения в советской части Центральной Азии, вылившееся в 1960-х годах в демографический бум.

По-видимому, между московской и местными элитами в вопросе специализации существовал консенсус. Во всяком случае, нет данных о наличии сколько-нибудь заметного потенциала недовольства элитных слоев республик Центральной Азии по поводу экономической специализации. Более того, *за двадцать лет независимого развития стран Центральной Азии после 1991 г. ни одна из них не отказалась от специализации, которая в международном разделении труда остается в сущности такой же, какой она была в разделении труда между союзными республиками СССР.*

Специфика результатов экономической политики в Центральной Азии в период десталинизации

В начале 1950-х годов по-прежнему первоочередного реформирования требовал аграрный сектор. Оставалась актуальной проблема обеспечения хлебом. Рост производства зерна не успевал за потребностями. С окончания войны до 1950 г. население Советского Союза увеличилось на 20 млн человек, причем число горожан выросло на 40 млн из-за массового оттока населения из деревни. Разоренное политикой большевиков сельское хозяйство не могло прокормить даже сельских жителей, которые спасались от голода в городах, где работающим было гарантировано минимальное количество продовольствия.

После смерти И. В. Сталина в марте 1953 г. аппарат Совета министров СССР начал разработку продовольственной программы. Ее основные положения были изложены в докладе нового главы правительства Г. М. Маленкова на августовской сессии Верховного Совета СССР. На сентябрьском пленуме ЦК КПСС 1953 г. программа была одобрена.

Предусматривалось увеличение инвестиций в сельское хозяйство. Планировалось снижение налогов и повышение закупочных цен. Речь шла об ослаблении давления государства на крестьянские хозяйства, с которых была снята задолженность по обязательным поставкам продуктов животноводства государству, снижена сумма налога. В 1953–1958 гг. вложения в сельское хозяйство выросли в четыре раза.

В сельское хозяйство одного Узбекистана, например, за этот период было вложено около 3,2 млрд рублей. Эти средства пошли на расширение базы хлопкового производства, которое становилось «мотором» республиканской экономики и основным инструментом обеспечения притока финансирования из союзного бюджета.

Расширение инвестиционных потоков в аграрный сектор создало предпосылки для роста его материально-технической базы. С 1958 г. в связи с реорганизацией машинно-тракторных станций (МТС) их техника стала продаваться колхозам. Выросли энергетические мощности сельского хозяйства Казахстана. Возросло количество тракторов, комбайнов, грузовых автомобилей. То же самое наблюдалось в сельском хозяйстве других республик. Вместе с тем закупка этой техники колхозами осуществлялась в приказном порядке. Колхозы обязаны были ее закупать за собственные средства. В результате их финансовое положение существенно осложнилось.

Значительно увеличилась доля подсобных хозяйств в общих показателях сельского хозяйства. Угроза голода на селе была ликвидирована. В 1958 г. в личных подсобных хозяйствах было сконцентрировано 42,6% крупного рогатого скота, 23,7% поголовья свиней, 17% овец, 47,5% коз. Положительный эффект этих мер сохранялся до конца 1958 г. Затем положение перестало улучшаться.

Отчасти это было связано с непоследовательностью власти.

Опыт показывал, что без личной заинтересованности сельских жителей в производстве продукции подъем на селе невозможен. Но рост благосостояния крестьян пугал советскую власть. Опорой строя руководители КПСС считали не крестьянина-собственника, а рабочего, этой собственности лишенного. Рост производства в секторе личных хозяйств, как правило, был заметно выше, чем в коллективных (колхозах и совхозах). На себя селяне работали лучше, чем на государство. В этом руководители КПСС видели политическую опасность, вслед за В. И. Лениным¹ полагая, что мелкий собственник является потенциальным противником коммунизма и носителем угрозы «контрреволюции».

Курс на поддержку личного крестьянского хозяйства при Н. С. Хрущеве считался временной и вынужденной мерой. Как только власти решили, что опасности голода нет, последовало усиление государственного гнета, за которым неизбежно — новые продовольственные трудности.

В сфере промышленности ситуация в Центральной Азии была лучше. Продолжался рост числа промышленных предприятий. Развивались производства, эвакуированные в регион в ходе Великой Отечественной войны. Осваивались месторождения полезных ископаемых. В Узбекистане приступили к эксплуатации бухарских месторождений природного газа. В Казахстане росла добыча угля в Карагандинском бассейне и в два раза увеличилось производство электроэнергии.

¹ Классическая работа В. И. Ленина на эту тему — «Из какого классового источника приходят и придут кавеньяки?».

4. Исторические территории Центральной Азии в составе сопредельных государств...

В Киргизии стали разрабатываться залежи угля и были введены мощности по производству ртути и сурьмы. Благодаря объединению южно-киргизских рудников и предприятий по добыче и выплавке редких и цветных металлов в горно-металлургический комбинат качество выплавленной сурьмы стало мировым эталоном. Деревообделочные предприятия объединились в фирму «Киргизмебель» и с 1960 по 1965 г. удвоили производство. Началось строительство комвольно-суконного и хлопчатобумажного комбинатов, а также автосборочного завода.

В республиках было введено в эксплуатацию большое количество домов. Улучшилась ситуация с производством товаров для населения. Строились объекты социальной сферы — больницы, школы, детские сады, кинозалы, театры и клубы. Это был второй этап культурной революции в регионе после кампании по ликвидации безграмотности в первые десятилетия советской власти. Появление нового, пользующегося поддержкой власти, светского сектора культурной жизни ущемляло интересы религий и ограничивало их влияние.

Ускоренная индустриализация оказывала многоаспектное воздействие на регион. Возникновение в городах большого числа новых рабочих мест привлекало переселенцев из разных частей СССР. Многие крупные города — Алма-Ата (Алматы), Ташкент, Фрунзе (Бишкек) — стали интернациональными. Это способствовало повышению стандартов культурного общения, уровня социальных и культурных запросов горожан, оживлению и обогащению культурной жизни.

В этих центрах начал созревать потенциал мощного «культурного выброса» — в основном почвеннического. Формировался слой современно образованной творческой молодежи, поколение которой дало в 1960-х годах писателей Ч. Т. Айтматова в Киргизии, О. О. Сулейменова в Казахстане и ряд других ярких творческих личностей. Во взаимодействии с этнически многогосоставной культурной средой вызревало новое поколение партийно-политического актива, будущей элиты центральноазиатских государств.

Индустриализация имела и отрицательные стороны. Строительство новых предприятий не было обеспечено местными трудовыми ресурсами, а приток рабочих из России и Украины вел к изменению этнодемографических пропорций. Обострялась конкуренция между представителями разных этнических групп за доступ к руководящим должностям, распределению привилегий, высшему образованию.

В то же время республиканским элитам было выгодно строительство новых объектов, так как под них выделялись ассигнования из союзного бюджета. «Освоение» этих ресурсов позволяло «отщипывать» от них сначала маленькие, а потом — значительные доли на «нецелевое» использова-

ние. Последнее стало источником обогащения местных властей и инструментом воспитания их лояльности по отношению к Москве.

С учетом местных традиций своячества, клановых и родовых связей контролировать использование бюджетных средств на местах из Москвы было сложно. Это было особенно трудно в условиях отказа советской власти от жестокостей сталинского режима. «Размягчение» контроля над действиями республиканских властей привело к тому, что в первой половине 1960-х годов «освоение» поступающих из Москвы средств союзного бюджета стало самой выгодной сферой деятельности властей союзных республик.

Контроль над передвижением бюджетных потоков определял меру реальной власти республиканских руководителей. Такая ситуация побуждала их формировать вокруг себя неформальные «группы поддержки» на основе личной преданности соответствующему лидеру. Подобные структуры прорастали «вниз», вовлекая в себя обширные слои земляков, родственников, а иногда — просто представителей «своей» этнической группы. «Освоение» средств из союзного бюджета было не просто инструментом личного обогащения узкой группы вождей. До известной степени оно выступало дополнительным средством неформального и, строго говоря, нелегального перераспределения общественного богатства.

Прирост благосостояния в Центральной Азии в 1960-х годах начал опережать производство предметов потребления. Это было одной из новых диспропорций в региональной экономике, появление которой стало с некоторым отставанием характерно и для хозяйства СССР в целом.

Освоение целинных земель и изменение этнодемографических соотношений в Казахстане

Невозможность разрешить продовольственный кризис вынуждала искать нетривиальные решения. Либо страна должна была перейти к рыночным отношениям, либо предстояло найти новый способ экстенсивного увеличения продукции сельского хозяйства. Советское руководство пошло по второму пути. Было решено еще раз значительно увеличить площади посевов зерновых. Планировалось распахать целинные и залежные земли Казахстана и российского юга Сибири. Самые масштабные распахивания предполагалось провести на севере Казахстана. В ноябре 1953 г. был принят план, согласно которому в течение 1954–1957 гг. посевные площади в этой республике следовало увеличить на 2,5 млн га. На практике же плановые показатели оказались еще выше, а сроки распахивания сокращены с четырех лет до двух.

4. Исторические территории Центральной Азии в составе сопредельных государств...

Освоение целины сыграло большую роль в развитии Казахстана. Республика вошла в зерновой пояс Земли, состоящий из стран и территорий, которые играют определяющую роль для конъюнктуры мирового рынка зерна. Советский Союз смог преодолеть продовольственный кризис и некоторое время даже поставлял пшеницу на экспорт.

Однако вследствие непродуманной технологии распашки в степях началось выдувание плодородного слоя почвы. К 1960 г. в Казахстане было повреждено 9 млн га плодородных земель. За период освоения целины в Казахстане был потерян 1 млрд т плодородного слоя почвы, что составляло треть его первоначального запаса. Следствием гигантских распахов стала засуха. Из 25 лет после освоения целины 23 года оказались засушливыми.

Рентабельность проекта оказалась ниже ожидавшейся. Прибыльность целинных участков была меньше, чем фермерских хозяйств в капиталистических странах, использовавших интенсивные методы выращивания зерна. Избежать экономического провала удалось за счет низкой заработной платы огромного числа целинников — приезжих из разных регионов СССР. Часть людей после «отработки» путевки на целину уезжала из Казахстана, но немалая часть целинников укоренилась в республике. Приток неквалифицированной, но дешевой рабочей силы лишал стимула к интенсификации производства. Пшеницы вскоре стало снова не хватать. С начала 1960-х годов Советский Союз был вынужден стать импортером зерна.

В социокультурном смысле освоение целины существенно ускорило развитие Казахстана. В республике сформировалась мощная социальная и производственная инфраструктура, насыщенная специалистами высокой квалификации. Решение этой задачи обычным эволюционным путем, через подготовку местных кадров, конечно, заняло бы несколько десятилетий. По показателям социального и культурного развития Казахстан стал быстро уходить в отрыв от соседей.

Уровень владения русским языком среди казахов был самым высоким в регионе. На русском языке объяснялись между собой казахи, русские, украинцы, немцы, корейцы и представители других групп населения — в том числе тех, которые были насильственно переселены в Казахстан сталинским руководством.

Вместе с тем в результате притока переселенцев доля казахов в населении Казахстана снизилась до 30%. Сужался ареал практического применения казахского языка. Приезжие специалисты занимали ключевые позиции на заводах, шахтах, в колхозах и совхозах, поскольку специалистов адекватного уровня квалификации среди коренных уроженцев было еще мало. В перспективе это означало неизбежность конкуренции между

разными этническими группами по мере расширения слоя подготовленных специалистов из числа казахов. Конкуренция такого рода могла создавать потенциал трений между разными этническими группами.

Интеграция Синьцзяна в политическое пространство КНР

1 октября 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика. На следующий день СССР установил с ней дипломатические отношения. После образования КНР первым шагом в организации основ новой государственной власти в Синьцзяне явилось создание в декабре 1949 г. Объединенного народно-демократического правительства провинции Синьцзян во главе с уйгуром Бурханом Шахиди. В правительство вошли девять уйгуров, четыре китайца (ханьца), три казаха, два дунганина и по одному представителю других этносов. Вслед за этим начался процесс создания органов власти на местах, в основу которого был положен принцип пропорционального представительства различных этносов.

В целях привлечения на свою сторону населения провинции центральные власти КНР провозгласили равноправие всех народов Синьцзяна. Однако фактически полнота власти была сосредоточена в руках командиров подразделений Национально-освободительной армии Китая (НОАК). Если представители национальных меньшинств занимали первые посты в каких-либо органах власти провинции, то их заместителями назначались китайцы.

Исключение составляла территория «трех революционных округов» — Илийского, Тарбагатайского и Алтайского — бывшей Восточно-Туркестанской Республики. Хотя в конце 1949 г. система управления ими была реорганизована, у руководства округов остались местные кадры, при которых продолжали состоять советники из Советского Союза. «Илийская группировка» продолжала представлять собой серьезную силу.

«Илийская группировка» — китайское название трех революционных округов, на территории которых в 1944 г. была образована Восточно-Туркестанская Республика.

Понимая это, власти КНР стремились преобразовать ее военные формирования в 5-й корпус Первой полевой армии НОАК и поставить под командование китайских командиров. Советское правительство не пыталось препятствовать распространению контроля Пекина на территории «трех округов».

В декабре 1949 г. было образовано Синьцзянское бюро КПК, которое возглавил генерал Ван Чжэнь. Изначально оно состояло из китайских военных командиров, но в начале 1950 г. в руководство провинции

4. Исторические территории Центральной Азии в составе сопредельных государств...

альной организации компартии были введены представители национальных меньшинств, в том числе руководители «революционных округов». Однако в Пекине не были удовлетворены такой расстановкой сил. Желая упрочить позиции в регионе, руководство КПК в 1951 г. организовало в Синьцзяне «партийную чистку», в результате которой под различными предлогами были отстранены ключевые фигуры «илийской группировки».

Опасаясь нового возмущения масс, китайское правительство прибегло к упреждающим мерам и организовало в 1950–1952 гг. политическую кампанию против «пяти зол», за которой последовала аналогичная кампания борьбы против «трех зол».

«Три зла» для руководства КПК означали коррупцию, расточительство и бюрократизм в государственном аппарате. Термин «пять зол» применялся к буржуазии, среди основных грехов которой назывались подкуп государственных чиновников, расхищение государственного имущества, недоброкачественное исполнение государственных заказов, хищение экономической информации и использование ее в спекулятивных целях.

Кампания против «зол» была наступлением коммунистов на буржуазию и одновременно — чисткой госаппарата от противников Мао Цзэдуна. В ходе кампаний этого периода около 80% работников госаппарата были обвинены в подверженности «разлагающему влиянию буржуазии». Многие были сняты с должностей, а 4,5% обвиненных были осуждены решениями специально учрежденных «народных трибуналов», имевших право выносить смертные приговоры. В ходе борьбы против «пяти зол» было установлено, что три четверти предпринимателей уклонялись от уплаты налогов и занимались спекуляцией. Главным наказанием для них становилось взыскание обнаруженных недоимок. В итоге выявленный долг буржуазии государству стал государственным паевым взносом в частные предприятия, превратив многие из них в смешанные государственно-частные.

Все нелояльные Пекину руководители были подвергнуты репрессиям по обвинениям в принадлежности к «контрреволюционным» и «буржуазно-байским» элементам. Удар был направлен против участников национально-освободительного движения и носителей сепаратистских настроений.

Понимая необходимость подкрепить репрессии проведением реформ общественного и экономического уклада Синьцзяна, китайское правительство приняло курс форсирования хозяйственных преобразований в провинции, опираясь на вооруженные силы. Ставка делалась на приложение к Синьцзяну опыта реформ, оправдавших себя в Восточном Китае. Военные власти Синьцзяна получили неограниченные права. Их подразделения контролировали формирование местных органов управления всех уровней.

Нестабильность ситуации в Синьцзяне до 1949 г. отрицательно сказалась на экономическом состоянии провинции. В 1949 г. в ней преобладало сельское население, которое составляло 87,8%. Развитию экономики препятствовали отсутствие энергетической базы и неразвитость транспортной инфраструктуры, почти полное отсутствие современной техники производственного назначения, нехватка квалифицированных кадров. Для региона были характерны маломощные ремесленно-мануфактурные предприятия. Промышленность была представлена переработкой сельскохозяйственного сырья.

В 1952 г. в Синьцзяне была проведена конференция представителей всех этнических групп, которая приняла решение о проведении аграрной реформы. Предполагалось, что местные крестьяне вступят в союз с властью против помещиков.

Аграрная реформа не должна была затронуть скотоводческие районы, дававшие 90% экспортной продукции провинции. Приоритетом в скотоводческих районах осталось развитие животноводства даже за счет поддержки хозяйства крупных скотовладельцев. В животноводческих районах было принято решение «не проводить земельную реформу и временно сохранить хозяйства крупных владельцев скота».

Реформы объективно способствовали преобразованию архаичного и отсталого хозяйства региона в более современное и производительное. Но в ходе их реализации китайские власти разрушали сложившиеся родо-племенные и межэтнические отношения и игнорировали специфику региона. Сопротивление реформам оказывала не только местная знать, но и бедные слои местного населения. Попытки конфисковать земли у уйгурской, казахской или дунганской знати рассматривались населением как ущемление традиционных прав на землю и пастбища.

В результате аграрной реформы в 1954 г. помещичья собственность была ликвидирована, а средние слои крестьянства, несколько выигравшие от преобразований, стали лояльнее относиться к власти. Это позволило ослабить натиск революционных преобразований и угрозу массового возмущения. В середине 1950-х годов центральные власти заявили о переходе к курсу «осторожного и умеренного продвижения вперед», предусматривавшего привлечение к процессу реформирования представителей неханьских этнических групп.

Однако антикитайские и сепаратистские настроения в Синьцзяне сохранялись. По официальным данным, значительная часть местного руководства из числа коренных жителей выступала за предоставление Синьцзяну (который предлагалось переименовать в Уйгуристан) права национального самоопределения в рамках КНР по образцу союзных республик советской Средней Азии. Эти настроения беспокоили Пекин,

4. Исторические территории Центральной Азии в составе сопредельных государств...

который полагался в проведении своей линии в провинции на расквартированные в ней силы НОАК.

Китайское правительство опасалось сепаратизма и видело условия для его роста в Синьцзяне. Оно было вынуждено учитывать удаленность провинции от центральных регионов КНР, неразвитость транспорта, этническую отчужденность местного населения от китайцев. Принимался во внимание и психологический фактор — негативизм скотоводов к централизованному государству как символу оседлой жизни. Власти попробовали ослабить потенциал сепаратизма, раздробив массив неханьских народностей на множество административно-территориальных единиц.

В 1953 г. в регионе началась административная реформа. Было сформировано семь национальных районов и девять национальных волостей. Через год появилось еще шесть автономных уездов и пять автономных округов. Уровень представляемых автономиям привилегий напрямую зависел от степени лояльности их руководителей властям в Пекине.

Последовала реформа системы военно-политического контроля над провинцией. В декабре 1954 г. из демобилизованных военнослужащих НОАК, главным образом ханьцев, был сформирован так называемый Синьцзянский производственно-строительный корпус (СПСК). Его служащие занимались строительством производственных объектов, освоением пустующих земель, проведением аграрных и социальных преобразований и одновременно — охраной государственных границ. На СПСК была возложена задача освоения целинных и залежных земель.

Преобразования в Синьцзяне ослабили потенциал центробежных тенденций в провинции. Это позволило пекинскому правительству сделать шаг к централизации страны. 12 сентября 1955 г. провинция Синьцзян была упразднена, а 1 октября 1955 г. было провозглашено создание Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР). Народный комитет района возглавил уйгур Сайфутдин Азиз Азизи, лояльный Мао Цзэду. Народный комитет

Образование СУАР частично отвечало желаниям коренного населения в том смысле, что подтверждало готовность Пекина уважать этническую и историческую самобытность неханьских народов. Испытывая недоверие к китайцам, коренные народы Синьцзяна в политическом смысле не были едины. Основные этнические группы региона испытывали подозрения и в отношении друг друга. Казахи сталкивались с уйгурами, уйгуры с дунганами, которые периодически не ладили и с казахами. Местные этнические группы не желали утверждения над собой власти Пекина, но еще меньше они хотели доминирования в Синьцзяне какой-то одной коренной этнической группы. В этом смысле создание СУАР и его дробление на множество мелких автономий считалось мень-

шим злом, чем политика «перетягивания каната» между более или менее многочисленными местными этническими группами, в котором всегда побеждали первые.

В то же время значительные слои неханьской общественности были недовольны созданием СУАР, считая этот шаг маневром, направленным против «подлинного самоопределения» исламских народов Китая. Такое впечатление было усилено тем обстоятельством, что вслед за образованием СУАР прошли новые аресты уцелевших бывших революционеров-сепаратистов времен Восточно-Туркестанской Республики. Против создания СУАР были непримиримо настроены уйгурские радикалы.

Социально-экономическое развитие СУАР в годы «большого скачка»

Суть экономической стратегии китайского руководства в Синьцзяне в первые восемь лет существования КНР заключалась в прочной интеграции этого «беспокойного и политически ненадежного» региона в экономическую структуру страны. За годы первой пятилетки (1955—1960) СУАР благодаря значительной финансовой помощи из центрального бюджета КНР смог совершить экономический рывок. При этом он сохранил ориентацию на развитие добывающей промышленности и отраслей переработки агросырья. Пекин дотировал стратегически значимые отрасли СУАР, финансируя остальные по остаточному принципу. Предприятия строились вблизи источников сырья или в хорошо освоенных южных районах. Модернизация хозяйства происходила на фоне первой волны массового переселения в Синьцзян китайского населения из других провинций Китая в 1954—1956 гг. Приток чужеземного населения вызывал раздражение местных народов.

Ситуация усугублялась переходом руководства КНР к политике формирования экономических преобразований для завершения в кратчайшие (но исторически нереальные) сроки индустриализации и коллективизации в Китае. Этот курс получил название политики «трех красных знамен» и «большого скачка».

Политика «трех красных знамен» означала: проведение новой генеральной линии, осуществление «большого скачка» и создание «народных коммун». Она стала проводиться с 1958 г. и должна была обеспечить «большой скачок вперед» во всех областях народного хозяйства. Планировалось создание коммун на селе и частично в городе, которые должны обеспечивать себя и город продуктами питания и, кроме того, производить сталь кустарным способом. Была также провозглашена борьба с «четырьмя вредителями»: крысами, воробьями, мухами и комарами.

4. Исторические территории Центральной Азии в составе сопредельных государств...

Его осуществление началось в 1958 г. и прямо затронуло синьцзянскую экономику.

В области сельского хозяйства новая линия предусматривала ускоренное создание кооперативов. Однако кооперативы тут же реорганизовывались в коммуны, которым отходило все имущество кооперативов. На практике это означало, что крестьяне лишались всего личного имущества, вплоть до посуды. С 1957 по 1959 г. все крестьянские хозяйства в СУАР стали кооперативными. «Сплошная коллективизация», как и в СССР, привела к резкому падению уровня жизни населения и массовым волнениям в Хотайском, Аксуйском и Санджинском округах. Произошло сокращение производства, и в СУАР начался голод.

Тем не менее китайское руководство — не без учета опыта Советского Союза — заявило о необходимости немедленного освоения целинных земель в Синьцзяне. Китай стал решать задачу выращивания на целине хлопка. Она была возложена на СПСК и китайских переселенцев в регион, вторая волна которых стала прибывать в 1958–1960 гг. Китайские переселенцы оседали в стратегически важных частях СУАР. Им предоставлялись земли, находившиеся в пользовании местных жителей, а бывших пользователей переселяли в новые места — как правило, пустынные и неосвоенные.

Со второй половины 1958 г. начались форсированная распашка целины и создание в регионе «сельскохозяйственных коммун». Целинное движение в Китае не было подкреплено необходимыми капиталовложениями. Экстенсивное ведение хозяйства, отсутствие техники, удобрений и воды для орошения сочетались с дефицитом рабочей силы. «Коммунизация» крестьянских хозяйств привела к тотальному обобществлению имущества и падению производительности. Возникла угроза голода.

В промышленности политика «большого скачка» в Синьцзяне дезорганизовала работу предприятий. Форсированное развитие тяжелой индустрии и игнорирование легкой промышленности привели к обострению проблемы снабжения промышленными товарами. В отсутствие финансовой и технологической помощи со стороны СССР реализация планов ускоренной модернизации была не реальной. Отношения КНР с Советским Союзом между тем с конца 1950-х годов быстро ухудшались.

При этом сохранялась напряженность в отношениях между тюркскими народами региона — прежде всего уйгурами и казахами. Центральная власть предложила свое решение и провозгласила кампанию «борьбы против национализма». В ее рамках в 1960 г. было принято решение о реформе уйгурской и казахской письменности, которые были переведены с арабской на латинскую графику. В качестве одной из побудительных причин реформы называлась необходимость «глубокого освоения

китайского языка и изучения работ Мао Цзэдуна» (в основу был положен китайский фонетический алфавит). Реформа оторвала современное поколение тюркоязычного населения Синьцзяна от национальной истории и одновременно углубила разрыв с тюркскими жителями Советского Союза, которые к этому времени уже писали кириллицей.

В настоящее время в литературных уйгурском и казахском языках официально используются две графические системы: на арабской графике в Китае и на кириллице в новых государствах Центральной Азии. В союзных республиках бывшего СССР письменность на арабской основе существовала до конца 1920-х годов, затем она была заменена на латинскую. С 1932–1933 гг. кампания по латинизации пошла на убыль, и с середины 1930-х годов начался процесс перевода языков на кириллицу, который в целом завершился перед войной. После провозглашения независимости Узбекистан и Туркменистан снова перешли на латиницу. В Синьцзяне в 1965–1982 гг. использовалась латиница на основе китайской транскрипционной системы *пиньинь*.

Распад экономики региона в условиях «большого скачка» привел к обнищанию населения и росту общественных протестов. Активнее других в СУАР против правительства выступали рабочие нефтяных промыслов. Спасаясь от голода и репрессий, жители приграничных районов стали в массовом порядке переходить на территорию СССР.

Тысячи людей стали обращаться в советские консульские учреждения на территории СУАР за въездными визами. Удовлетворить просьбы всех желающих было невозможно. 29 мая 1962 г. в городе Инине (Кульдже) произошел инцидент, в ходе которого городские власти допустили применение вооруженной силы против китайских граждан из числа коренных жителей, собравшихся у стен консульства СССР и требовавших упрощения процедуры выдачи советских въездных виз.

Не рассчитывая на получение въездных разрешений законным путем, жители региона стали уходить на советскую территорию нелегально. В 1962 г. произошел массовый «прорыв» в СССР около 100 тыс. казахов и уйгуров Или-Казахского автономного округа. Советское правительство не было готово к приему такого числа беженцев и не приветствовало их как нелегальных иммигрантов.

Китайское руководство было крайне раздражено фактами массового бегства своих граждан в СССР, возлагая вину за подобные инциденты на «пропаганду» советских консульских учреждений. Вокруг советских представительств в СУАР китайскими властями была создана атмосфера враждебности. Все это происходило на фоне охлаждения советско-китайских отношений в целом. Работать стало опасно. Правительство СССР в 1962 г. приняло решение закрыть дипломатические представительства в Урумчи и Кульдже, Харбине и Шанхае. Вскоре под нажимом

4. Исторические территории Центральной Азии в составе сопредельных государств...

китайской стороны было упразднено отделение торгового представительства СССР в Урумчи и отозваны советские внешнеторговые работники.

Экономическая ситуация в СУАР стала выправляться только к середине 1960-х годов. Были реорганизованы — по сути дела упразднены — «сельхозкоммуны». На их месте были созданы кооперативные хозяйства среднего размера, работники которых могли получать доход в зависимости от результатов своего труда. В результате удалось не только обеспечить продовольствием местное население, но и оказывать продовольственную помощь внутренним районам КНР.

Изменение кадровой политики центральных органов власти СССР в союзных республиках

Особое внимание в Москве уделяли необходимости поддержания определенных пропорций представительства разных этнических групп в республиканских руководящих органах. Понимая существующие опасности, советское руководство предпринимало меры для ограждения местных уроженцев от конкуренции со стороны приезжих, а со временем и потомков той их части, которая решала полностью переселиться в Центральную Азию. Официально предполагалось, что привилегии для коренных уроженцев будут носить временный характер, с годами разница в уровне подготовки специалистов разных этнических групп выровняется, и конкуренция между ними пойдет на общих основаниях, не окрашенных этничностью. В республиках была введена система квот на представительство разных этнических групп в руководящих партийно-административных органах, управляющих структурах торговли, промышленности и силовых структурах республиканского подчинения (органах внутренних дел).

При этом Москва оставляла за собой право прямого назначения по согласованию с республиканскими партийными органами председателей республиканских управлений КГБ, прокуроров республиканского звена, военных комиссаров и командующих частей и соединений вооруженных сил СССР, дислоцированных на соответствующих территориях.

Если до войны первым секретарем ЦК компартии становился, в большинстве случаев, кандидат «со стороны», присланный из Москвы, то после прихода Н. С. Хрущева первыми секретарями ЦК республиканских компартий, как правило, избирались представители коренных этнических групп. Эти позиции были в республиканских властных иерархиях главными, и таким образом фактически вся полнота власти в вопросах внутренней жизни союзных республик Центральной Азии за вычетом вопросов государственной безопасности, обороны и отчасти внутренних дел передавалась в руки республиканских органов.

Первые секретари ЦК союзных республик становились полновластными хозяевами «своих» территорий при условии их политической лояльности Москве, за мерой которой должны были следить назначаемые из столицы руководители местных органов КГБ.

Политика выдвижения местных кадров на первые позиции в союзных республиках была важна для советского руководства с международно-политической точки зрения. В середине 1950-х годов СССР принял курс на союз с международным национально-освободительным движением. Движение солидарности стран Азии и Африки, а позднее — Движение неприсоединения рассматривались в Москве в качестве важного ресурса, с опорой на который Советскому Союзу было бы проще выиграть мирную конкуренцию с США и Западом в целом.

Но лидеры азиатских стран долгое время отказывались признавать СССР своим союзником против колониализма и империализма, поскольку считали народы Центральной Азии не свободными и угнетаемыми советской властью. В таких условиях было важно подчеркнуть самостоятельность азиатских республик в составе СССР и добровольный характер их пребывания в Советском Союзе.

Заложенная в первые десятилетия советской власти политика «коренизации» республиканских органов власти в 1960-х годах уже принесла свои плоды. Вырос многочисленный и достаточно хорошо образованный слой представителей коренных этнических групп, которые были способны принять на себя функции управления союзными республиками, продолжая опираться на поддержку русских кадров из числа недавно осевших специалистов и местных русских потомков переселенцев, которые укоренились в Центральной Азии с конца XIX — начала XX в.

На должности вторых секретарей ЦК компартий союзных республик назначались почти всегда не местные, пришлые люди. Их подбором занимались в Москве специальные отделы и секторы в аппарате ЦК КПСС. Это были люди не коренных национальностей — преимущественно русские, украинцы и белорусы. Их задача состояла в обеспечении равноправия этнических групп на местах и предоставлении Москве объективной информации о политических и экономических процессах в республиках. В 1950-х годах центральные власти уже понимали, что местные уроженцы склонны утаивать многие важные детали реальной ситуации. В этом смысле институт вторых секретарей был призван гарантировать Москве прямой канал информации, не зависящий или относительно мало зависящий от первых секретарей ЦК компартий союзных республик.

4. Исторические территории Центральной Азии в составе сопредельных государств...

Однако вторые секретари имели ограниченные возможности выполнять свои политические функции. Присланные «со стороны», они не имели связей в местной политической и экономической среде, не владели местными языками, слабо ориентировались в тонкостях отношений между различными этническими группами в республиках, региональными, родственными и клановыми группировками. *Они фактически были выключены из системы неформального регулирования властных отношений в союзных республиках, в то время как его роль после десталинизации возрастала.*

Разумеется, центральные органы власти опасались «местничества» — этнизации и традиционализации партийной и административно-хозяйственной элиты. В Москве делали ставку на стабилизацию положения в каждой республике вокруг какой-то политической фигуры, которую в столице начинали считать заслуживающей доверия и наиболее подходящей для роли республиканского лидера. Но принимая во внимание наличие в Центральной Азии множества исторически обусловленных противоречий между разными территориальными группировками, центральные органы власти сомневались в способности республиканских лидеров подниматься над этими противоречиями и действовать объективно и справедливо.

Москва стремилась не допустить гегемонии какой-либо одной регионально-клановой группировки. Инструкторы ЦК КПСС, отвечавшие за положение в той или иной республике («курировавшие» ее), строго следили за тем, чтобы в ее властных органах были более или менее пропорционально представлены представители разных региональных и этнических групп. При этом за коренными этносами всегда сохранялся приоритет и число их представителей было всегда значительней количества представителей пришлых, хотя бы и более многочисленных групп населения.

В советский период народы Средней Азии и Казахстана могли реально ощущать свою принадлежность к огромному и могущественному многоэтничному государству — Советскому Союзу. Это в известной мере возвеличивало все народы СССР, давало им возможность испытывать гордость за себя, тем более что наднациональная, надэтническая идеология коммунизма и социализма принижала значение этнических различий и акцентировала общность классовых интересов советских граждан, которые в первую очередь были рабочими, крестьянами, дехканами и интеллигентами, а только потом — русскими или казахами, туркменами или узбеками.

Русский язык в СССР был важнейшим инструментом конструирования общесоюзной государственной идентичности. В Советском Со-

юзе не было государственного языка. Но русский язык был самым распространенным. На нем преподавались востребованные специальности в лучших университетах. Это был рабочий язык партийных съездов и конференций. Хотя центральные органы власти СССР не ставили задачи насильственной русификации, местные языки союзных республик не выдерживали конкуренции с русским. Самая образованная, высокопоставленная и зажиточная часть местных обществ постепенно переходила на русский язык, усваивала его если не как родной, то как свой собственный.

Эта тенденция давала руководству Союза ССР аргументы в пользу реалистичности сформулированной в конце 1970-х годов концепции формирования советского народа как новой исторической общности, возникающей в результате постепенного слияния воедино всех этносов СССР. Руководители высшего звена в союзных республиках отдавали должное важности русского языка. Первый секретарь ЦК компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов, например, писал: «Можно без преувеличения сказать, что в возникновении новой, невиданной ранее исторической общности людей — советского народа, укреплении его единства выдающуюся роль сыграл и играет русский язык».

Регионально-клановый фактор в развитии республик Центральной Азии

Внутренняя стабильность в республиках поддерживалась сложной системой сдержек и противовесов, которая в 1950-х годах сложилась в них при деятельном участии центральных партийно-правительственных органов. Задача Москвы состояла в том, чтобы не дать местным региональным группам вступить в открытый конфликт между собой и одновременно позволять каждой из них, попеременно находясь у власти, достаточно прочно удерживать власть, исключая стихийное развитие местных политических процессов. Эта политика была во многом реалистичной, хотя, конечно, говорить о свободе волеизлияния народов Центральной Азии при формировании региональных органов власти не приходилось.

Клановое деление в *Казахстане* в политике проявляло себя в регионально-племенной форме. Как говорилось выше, среди казахов исторически существовало деление «по старшинству» на Старший, Средний и Младший жузы. Внутри жузы подразделялись на роды (тоже по старшинству). Над жузами условно возвышались потомки родов, возводивших себя к потомкам Чингисхана (төре) и исламским святым (қожа или ходжа).

С революции 1917 г. до 1925 г. на казахских землях доминировали представители Младшего жуза, на исторических землях которого находился г. Оренбург — главный город Киргизской (Казахской) АССР.

В феврале 1925 г. ее столица была перенесена на юг в г. Кызыл-Орду и затем в г. Алма-Ату, на территорию Старшего жуза. Однако представителям последнего не удалось провести своих выдвиженцев на положение первых лиц республики, поскольку Москва справедливо опасалась чрезмерной концентрации влияния в руках клана, исторически доминировавшего в столичном регионе. Поэтому с 1925 по 1960 г. Казахстаном фактически управляли выдвиженцы из Среднего жуза. Поскольку на эти годы пали сталинские репрессии, среди выдвиженцев из него оказалось больше всего репрессированных — в том числе крупных деятелей науки и культуры.

С приходом в 1964 г. к власти в Москве Л. И. Брежнева на положение первого лица в Казахстане был выдвинут его личный друг Д. А. Кунаев, происходивший из рода *ысты* Старшего жуза. Л. И. Брежнев и Д. А. Кунаев были знакомы с 1950-х годов, когда первому выпало руководить проектом освоения целинных земель и он несколько лет работал в Казахстане. С середины 1960-х годов выходцы из Старшего жуза начали занимать ключевые посты.

Но Москва не собиралась увековечивать его монополию. При поддержке центральной власти в высшие органы республиканской власти стали выдвигаться кандидаты от Младшего жуза. В 1970-х годах один из его представителей С. Имшаев занял фактически вторую по значению должность в республиканской партийной иерархии — пост секретаря ЦК компартии Казахстана по идеологии. В те же годы ряд представителей Младшего жуза были введены в состав республиканского ЦК. Младший жуз сохранил за собой пост секретаря ЦК по идеологии и в дальнейшем.

Более того, в 1982–1983 гг. Ю. В. Андропов, сменивший Л. И. Брежнева на высших постах СССР, повел дело к тому, чтобы представитель Младшего жуза З. К. Камалиденов, занимавший по традиции пост секретаря ЦК по идеологии, сменил Д. А. Кунаева в качестве первого секретаря ЦК компартии Казахстана.

Эта замена готовилась под лозунгом необходимости омоложения кадров. Желая сохранить власть за своим кланом, но не рискуя противостоять Ю. В. Андропову, представители Старшего жуза стали готовить на смену Д. А. Кунаеву кандидатов — выходцев из своего жуза: представителя рода *шапырышты* Н. А. Назарбаева и первого секретаря Алма-Атинского обкома К. М. Аухадиева. Смерть Ю. В. Андропова и приход к руководству СССР мало дееспособного К. У. Черненко не позволили осуществить смену руководства республики.

Средний жуз, словно в отместку за продолжительное доминирование в первой половине XX в., находился в 1960–1980-х годах в наименее

выигрышном положении. Д. А. Кунаев, оставшийся на своем посту до 1986 г., не давал его выдвиженцам вернуться на первые места во власти.

В 1984 г. еще один представитель Старшего жуза, Н. А. Назарбаев, занял пост председателя Совета министров Казахстана, а выходец из Младшего жуза С. М. Мукашев возглавил Верховный Совет республики. Влиятельными представителями Среднего жуза в 1980-х годах были кыпчак У. Д. Джанибеков (министр культуры и секретарь ЦК Компартии Казахстана по идеологии) и найман Д. А. Бекежанов (помощник Д. А. Кунаева, имевший влияние на его кадровую политику).

Клановая система в *Туркмении* имела еще более выраженные, чем в Казахстане, черты племенной организации. До присоединения к Российской империи туркмены представляли собой совокупность различных племен, слабо связанных друг с другом. После того как в 1921 г. была образована Туркменская АССР в ее современных границах, на западе и севере по численности преобладали *йомуды*, на востоке — *эрсари*, на юге — *ахалтеке* (*ахалтекинцы*), на юго-западе — *геоклены*, юго-востоке — *мары*.

До 1947 г. в республике у власти в основном находились представители столичной группы — *ахалтекинцы*, поскольку Ашхабад находился на их исторической территории. Но первым секретарем республиканской компартии всегда избирался приезжий — присланный из Москвы человек, не принадлежавший ни к одной из коренных этнических групп.

Затем должность первого секретаря была доверена туркмену Ш. Б. Батырову (1947–1951). Он был представителем племени ахалтеке, выходцы из которого теперь уже и формально заняли в республиканской иерархии первое место. Затем Москва стала придерживаться в Туркмении оправдавшей себя практике чередования «руководящих племен». Представитель одного племени во главе республики сменял выходца из другого. Каждый из них стремился опереться на свое племя — поэтому при смене первого лица менялось и его окружение. Таким образом *под присмотром Москвы обеспечивалась более или менее регулярная и мирная ротация кадров*.

В Туркмении традиционные кадровые перестановки после смены руководства в Москве начинались позже остальных республик. Туркмения не была в фокусе приоритетов политического реформирования.

В 1951 г. первым секретарем ЦК компартии Туркмении стал С. Б. Бабаев. Он руководил республикой в 1951–1958 гг. и представлял племя *алилинцев*. Затем его сменил выходец из племени *мары* (проживающего в районе города Мары, как при советской власти стал называться Мерв) Д. Д. Караев. Он был у власти недолго — около полугода — и неожидан-

но умер в 1960 г. Новым лидером стал Б. О. Овезов из племени *йомудов*. В 1969 г. его сменил М. Г. Гапуров, тоже из племени *йомудов*, детдомовец, до сих пор поминаемый в народе как справедливый правитель. В 1969 г. его сменил бывший министр иностранных дел Туркменской ССР М. Г. Гапуров, и вместе с ним к власти пришли выходцы из города Чарджоу, которые были связаны с *ахалтекинцами*.

К 1973 г. в республике сложилась устойчивая система власти, которая сочетала в себя элементы преимущественно регионально-племенного управления в областях и единого республиканского руководства на групповой основе. Лидеры племен управляли делами в «своих» областях и имели представителей в республиканских органах власти. При этом должность первого лица республиканской иерархии передавалась «по кругу», а Москва сохраняла решающее слово в определении очередности передачи и следила за соблюдением равновесия между кланами.

Такая система была реорганизованным вариантом традиционной кочевой государственности, приспособленной для перехода его населения в режим оседлой жизни. Глубоко традиционная по сути, эта система внешне выглядела советской и на самом деле оставалась жизнеспособной во многом благодаря тем формальным институтам, которые существовали в рамках советского строя.

Кланы в *Узбекистане* отличались и от казахских, и от туркменских. Узбекские кланы складывались по территориальному, а не родо-племенному принципу. Наиболее влиятельными среди них были самаркандский (самаркандско-бухарский), ферганский и ташкентский. Эти кланы сформировались на базе старых оазисных, земляческих группировок знати, духовенства и просто зажиточных людей, которые привыкли ощущать себя не столько узбеками, таджиками или кипчаками, сколько подданными Коканда или Бухары с присущими старым государствам особенностями культурно-психологического склада и местного мышления.

Советская власть существенно подавила традиционное местничество и подвергла репрессиям его наиболее видных представителей. Но как только землячества перестали претендовать на самостоятельную политическую роль и отказались от попыток противопоставлять себя советской власти, обнаружилось, что их можно использовать для целей управления.

Выяснилось, что к земляческой психологии тяготеют не только представители бывших «эксплуататорских слоев», но и простые люди — рабочие, деҳкане, нарождающаяся местная интеллигенция. Переезжая в столицу, представители регионов Узбекистана независимо от социального происхождения и статуса демонстрировали желание «не теряться»,

а поддерживать друг друга. Это стало основой симбиоза досоветской региональной клановости с советской партийно-государственной системой. Союз с земляками повышал эффективность власти выдвиженца на положение главы республики. Он это понимал и ценил.

После провозглашения Самарканда столицей советского Узбекистана у власти оказались представители самаркандской группы. Затем, в 1930 г., столица была перенесена в Ташкент, и руководство республики было заменено на уроженцев Ферганской долины. После расстрела в 1937 г. Ф. Г. Ходжаева (руководил совнаркомом республики в 1925–1937 гг.) самаркандцы потеряли контроль над республикой. Во главе нее встали ферганцы У. Ю. Юсупов и А. И. Ниязов, занимавшие один за другим пост первого секретаря ЦК КП Узбекистана, соответственно в 1937–1950 и 1950–1955 гг.

С приходом Н. С. Хрущева к власти в Москве А. И. Ниязов был отстранен «за ряд недостатков в работе» на пленуме ЦК КП Узбекистана в декабре 1955 г., и на непродолжительный срок руководство Узбекистаном было доверено ташкентцам Н. А. Мухитдинову (1955–1957) и С. К. Камалову (1957–1959). Оба занимали должность первого секретаря ЦК. Но в 1959 г. самаркандцам удалось вернуть себе власть, и главой республиканской парторганизации стал Ш. Р. Рашидов, уроженец г. Джизака в Самаркандской области.

Новый руководитель имел прочные связи с самаркандскими и бухарскими землячествами, представители которых постепенно вытеснили ферганцев с наиболее важных постов. Однако некоторые значимые позиции последние сохранили. Во главе Среднеазиатского духовного управления мусульман в Ташкенте (САДУМ) с 1952 г. прочно утвердилась семья Бабахановых из Ферганы. Пост председателя президиума Верховного Совета Узбекистана в 1959–1970 гг. по личной рекомендации Н. С. Хрущева сохраняла женщина-ферганка Я. С. Насридинова.

В дальнейшем она была переведена в Москву и заняла пост председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР, пользуясь доверием Л. И. Брежнева и председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного. В период «перестройки» была обвинена во взяточничестве, отстранена от работы и в 1988 г. исключена из КПСС. В 1991 г. была восстановлена в КПСС в связи недоказанностью обвинений против нее.

Но самаркандский клан на долгое время стал главенствующим, и его руководитель Ш. Р. Рашидов смог завоевать в своей республике репутацию рачительного хозяина и умелого руководителя.

При его правлении в Узбекистане достигла пика практика «приписок» — предоставления в Москву ложных отчетов с завышенными показателями производства хлопка в республике, на основании которых

4. Исторические территории Центральной Азии в составе сопредельных государств...

в Узбекистан из союзного бюджета перечислялись и соответствующим образом завышенные средства за якобы поставленную продукцию. Полученная разница присваивалась и распределялась между сторонниками Ш. Р. Рашидова. В итоге в республику незаконным путем притекали огромные средства.

Вряд ли центральные власти в Москве могли быть не осведомлены о реальной ситуации с отчетностью. Система КГБ работала достаточно эффективно, чтобы отслеживать злоупотребления такого масштаба. Но существовали политические основания, по которым руководство Союза ССР не давало ход делу о злоупотреблениях.

Наиболее распространенным является объяснение бездействия московских властей связями узбекских руководителей с Л. И. Брежневым. Считается, что он блокировал следствие по хлопковым делам. Это обстоятельство не подвергается сомнению ни отечественными, ни узбекскими специалистами.

Но с точки зрения «большой политики» существовала и другая причина, по которой московские руководители не хотели не только возбуждать «хлопковое дело», но даже обсуждать его. Закрывая глаза на приток в Узбекистан незаконных средств из бюджета Союза ССР, высшее руководство фактически позволяло узбекской элите получать своего рода негласную компенсацию, во-первых, за тот экологический ущерб, который Узбекистан нес вследствие гипертрофии «хлопковой экономики», а во-вторых, за счет экономических потерь, которые несло население республики после строительства Каракумского канала в результате фактического перераспределения водных ресурсов Амударьи в пользу Туркмении.

На деле получалось, что средства союзного бюджета, основным источником поступлений в который была Российская Федерация, шли на оплату лояльности узбекской элиты и умиротворения жителей Узбекской ССР. Компромисс достигался за счет налогоплательщиков-россиян. Осознание этого факта, которое существовало на уровне «внутреннего потребления», то есть в кругу информированного слоя партийного аппарата и корпуса руководителей хозяйства России, порождало «встречный» национализм россиян — прежде всего этнических русских. *Внутри Российской Федерации росли настроения против субсидирования Центральной Азии за счет России.* Со временем Б. Н. Ельцин смог использовать эти настроения в борьбе за власть против общесоюзного руководства во главе с М. С. Горбачевым. Не случайно с приходом Б. Н. Ельцина к власти в 1991 г. именно лозунги «экономического национализма» определили подход российского правительства к партнерам по СНГ.

В силу таких причин практика «хлопковых приписок» сохранялась довольно долго. Только после смерти сначала Л. И. Брежнева (1982), а по-

том и самого Ш. Р. Рашидова (1983) пришедший к власти в Москве Ю. В. Андропов дал санкцию начать «узбекское дело». В его основу легли материалы расследования командированных в Ташкент следователей из Москвы — Т. Х. Гдляна и Н. В. Иванова. К припискам и хищениям средств союзного бюджета оказались причастны многие руководители республики. Последовала «чистка» руководства Узбекистана. Многие виновные были осуждены. Хотя в Советском Союзе 1980-х годов имя Ш. Р. Рашидова ассоциировалось с коррупцией, в современном Узбекистане его считают выдающимся политиком, который сумел привлечь из общесоюзного бюджета в республику огромные средства, хотя бы и пользуясь пороками советской системы.

Именем Ш. Р. Рашидова в современном Узбекистане назван проспект в Ташкенте. В г. Джизаке восстановлен памятник, снесенный в 1980-х годах.

После ухода Ш. Р. Рашидова первым секретарем ЦК компартии Узбекистана стал ферганец И. Б. Усманходжаев. Он оставался в своей должности в 1983—1988 гг. и был арестован по подозрению во взяточничестве в ходе расследования «узбекского дела» (спустя два года освобожден). Ферганцы снова потеряли власть, которая перешла к ташкентцам, представитель которых Р. Н. Нишанов был руководителем республиканской компартии в 1988—1989 гг.

Кланы в *Таджикистане* напоминали узбекские. Главным среди них был *ленинабадский* (по названию г. Ленинабада — совр. Худжанда). Ленинабадская область находилась на севере Таджикистана, на территории Ферганской долины, и была отделена от основной части таджикской территории труднопроходимым хребтом Зеравшан. В советское время основные дороги в Ленинабадскую область из остальной части Таджикистана шли через Узбекистан.

Ленинабадская область имела развитую промышленность. Местные выходцы удерживали власть в Таджикистане с окончания Второй мировой войны до конца 1980-х годов. С 1946 по 1956 г. компартию республики возглавлял известный в дальнейшем востоковед и директор Института востоковедения АН СССР в Москве академик Б. Г. Гафуров. Его сменил Т. У. Ульджабаев (1956—1961). После отстранения последнего от должности первого секретаря ЦК КПТ ему на смену пришел специалист по выращиванию хлопка и бывший посол СССР в Того Д. Р. Расулов, который оставался во главе республики до своей смерти в 1982 г.

Т. У. Ульджабаев в 1961 г. на пленуме ЦК КПСС вместе с председателем Совета министров Таджикистана Н. Д. Додхудоевым был обвинен в фальсификации отчетности о перевыполнении планов продажи хлопка государству. Этот пример показывает, что «узбекское дело» не было уникальным.

4. Исторические территории Центральной Азии в составе сопредельных государств...

Коррупция была общей болезнью республик СССР. Т. У. Ульджабаев был восстановлен в КПСС в 1986 г. В 1991 г. указом президента Таджикистана Э. Рахмонова его имя было присвоено Нурекской ГЭС.

С 1982 по 1985 г. республикой руководил Р. Н. Набиев, а в 1985—1991 гг. — К. М. Макхамов. Быть родом из Ленинабада считалось в Таджикистане залогом успешной карьеры.

В этой республике Москва не смогла отстроить систему регулярной ротации кадров по принципу клановой принадлежности, что способствовало накоплению недовольства региональных лидеров засильем во властных органах выходцев из Ленинабада.

С ленинабадцами соперничали *кулябцы* — выходцы из г. Куляба и Кулябской области на юге Таджикистана. Представители этой группы считались вторыми в республиканской властной иерархии и, как правило, удерживали за собой посты руководителей силовых структур республики.

Жители районов республиканского подчинения (Гармского, Тавильдаринского, Джиргатальского — каратегинской зоны) составляли третий клан — условно называемый *гармским*. Это были жители прежних мелких *бекств* предгорий Памира, оставшиеся и при советской власти под влиянием духовенства и архаичной традиции жизненного уклада. В советской республиканской иерархии они были оттеснены на третьестепенные роли. Имея мало шансов на партийно-административную карьеру, они предпочитали заниматься торговлей и делали это с успехом.

Особое место среди кланов занимали *памирцы* — горцы Памира, на территории которого была создана Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО). В отличие от большинства верующих таджиков, которые были суннитами, верующие этой части Таджикистана принадлежали к шиитской секте *исмаилитов* и имели выраженные языковые и культурные отличия от других групп населения республики. Памирцы редко делали успешную партийно-административную карьеру и находились «на номенклатурной обочине» республики. Но из Горного Бадахшана вышло много деятелей культуры.

Памирцы, каратегинцы и дарвазцы (жители Дарвазского района Бадахшана) считали ленинабадцев и кулябцев «нечистыми» таджиками, так как те смешивались с тюрками.

Жители Гиссарской долины (гиссарцы) выделялись в отдельную группу.

В Таджикистане проживало довольно много таджиков—выходцев из Самарканда и Бухары. Они не примыкали ни к каким местным кланам и продолжали считать себя таджикскими «самаркандцами» и «бухарца-

ми», в какой бы части республики они ни проживали. В Душанбе, столице республики, жили представители всех местных кланов.

Регионально-клановый фактор несколько меньшую роль играл в *Киргизии*. В этой республике сохранялось традиционное разделение между кочевым севером и земледельческим югом. Земли южан прежде входили в состав Кокандского ханства, а население было более исламизировано и восприимчиво к узбекскому влиянию. Северяне были активней, зажиточней и в среднем образованней южан. Они были шире представлены в руководстве республики. Желая избежать монополии северян на власть в республике, Москва уравнивала преобладание северян в партийно-государственном аппарате выдвижением на пост первого секретаря ЦК компартии Киргизии выходца с юга И. Р. Раззакова. Он оставался на своей должности в 1950–1961 гг.

Затем, следуя логике ротации, центральные органы помогли прийти на пост первого секретаря ЦК республиканской компартии северянина Т. У. Усубалиеву (происходившему из нарынской ветви рода *сары багыш*). Его правление продолжалось с 1961 по 1985 г. Потом на его место был поставлен снова южанин — А. М. Масалиев, остававшийся на своей должности до 1991 г.

Ситуация в регионе в 1950–1970-х годах

Политика Москвы в рассматриваемый период концентрировалась вокруг расширения хлопководства и ударных строек. В сентябре 1946 г. первым секретарем ЦК компартии Казахстана был избран Ж. Ш. Шахметов. В феврале 1954 г. на VII съезде компартии Казахстана он осмелился открыто выступить против ускоренных темпов освоения целины, считая их губительными, вследствие чего был заменен на П. К. Пономаренко. Председателем Совета министров республики стал Д. А. Кунаев. Присланный из Москвы Л. И. Брежнев был избран вторым, а затем первым секретарем ЦК компартии Казахстана (1955–1956). После XX съезда КПСС (1956) он был отозван в Москву, а его место в Алма-Ате занял Д. А. Кунаев.

В 1950-х годах в Казахстан шесть раз приезжал Н. С. Хрущев, посещая целинные районы. По его инициативе в 1962 г. пять северных областей республики были объединены в Целинный край с центром в г. Акмолинске, переименованном в Целиноград (будущая Астана).

В 1957 г. Н. С. Хрущев выдвинул лозунг «Догнать и перегнать Америку!», нацеленный на ускоренный рост производства. Однако преобладание административных методов управления, недостаточность ударных методов «социалистического соревнования» без экономических стимулов привели к экономическому и социальному кризису в Советском Со-

4. Исторические территории Центральной Азии в составе сопредельных государств...

юзе в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Зарплаты не росли, уровень жизни оставался низким, возобновились продовольственные трудности.

В августе 1959 г. социально-экономический кризис привел к беспорядкам в г. Темиртау — одном из индустриальных центров Казахстана. Строящийся в городе металлургический комбинат был объявлен ударной комсомольской стройкой, на которую было привлечено более 200 тыс. человек. Бытовая неустроенность, недостаточное обеспечение продовольствием и водой и злоупотребления администрации привели к выступлениям рабочих, перешедшим в трехдневные волнения, которые удалось подавить силой, ценой человеческих жертв.

В городе начались погромы магазинов, в которых активное участие принимали криминальные элементы. Было захвачено отделение милиции. Стянутые в город подразделения силовых структур открыли огонь по населению. В результате 16 человек было убито и 50 ранено.

Многие активные участники темиртауских событий были осуждены.

В 1959 г. в СССР был принят семилетний план, согласно которому к 1965 г. Советский Союз должен был выйти на первое место в мире по объему производства. Предполагалось, что к тому времени строительство социализма будет в основном завершено, а в начале 1980-х годов страна вступит в коммунизм.

В октябре 1964 г. в результате бескровного переворота Н. С. Хрущев был отстранен от власти. Первым секретарем ЦК КПСС стал Л. И. Брежнев, под руководством которого начался отход от реформаторского курса. Исчезли упоминания о культе личности И. В. Сталина, XX съезде КПСС и разоблачениях сталинизма. Был свернут процесс реабилитации жертв сталинских репрессий, а преступления сталинизма объявлены «перегибами» и «отходом от ленинских принципов».

В начале 1970-х годов страна вступила в так называемую эпоху застоя, которая характеризовалась низкими темпами роста в экономике и несменяемостью руководящих кадров правящей коммунистической партии и государства в политике.

Консерватизм правления Л. И. Брежнева был закреплен в новой Конституции СССР, принятой в 1977 г. и констатирующей построение в стране «развитого социализма». На основе общесоюзной Конституции в 1978 г. были приняты основные законы союзных республик. В них провозглашались формальный суверенитет республик, основные права и свободы граждан, права на выход республик из Союза ССР и ведение внешнеполитической деятельности. Но конституции не предусматривали механизмов реализации провозглашенных принципов.

В эпоху Л. И. Брежнева в Москве и на местах перестали меняться кадры. У власти в Казахстане 22 года оставался Д. А. Кунаев (до 1986 г.). Узбекистаном 24 года руководил (1959–1983) Ш. Р. Рашидов. Оба были соратниками Л. И. Брежнева.

При этом *огромные субсидии из союзного бюджета позволяли республикам Центральной Азии успешно развиваться*, хотя и по экстенсивному пути. Повышался уровень жизни населения, росли его денежные накопления на счетах сберегательных касс. В 1965–1985 гг. доход Киргизии вырос, например, почти в 3 раза, а объем производства электроэнергии — в 5 раз. В республике было введено в строй свыше 150 промышленных предприятий. Токтогульская ГЭС, строительство которой началось в 1967 г., снабжала регион дешевой электроэнергией и обеспечивала полив хлопчатника в Узбекистане. В Таджикистане была построена Нурекская ГЭС. В 1980-х годах было начато строительство Рогунской и Сангтудинской ГЭС, однако до 1991 г. их не удалось завершить.

Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР в годы «культурной революции»

В 1966 г. в Китае началась кампания «чисток», получившая название «культурной революции». Она затронула и северо-западную часть КНР.

8 августа 1966 г. XI пленум VIII созыва ЦК КПК принял «Решение о великой пролетарской культурной революции». В нем утверждалось, что, хотя буржуазия низвергнута, она стремится влиять на общество через старую идеологию и культуру, обычаи. На пленуме прозвучал призыв к «пролетарскому обновлению» идеологии и культуры. Он был фактически направлен против неугодных Мао Цзэдуна руководящих кадров китайской компартии и государства. «Культурная революция» сопровождалась насилием против широких кругов китайской общественности, деятелей науки, культуры, военных командиров. В авангарде нападений и погромов выступали отряды хунвейбинов и цзаофаней.

В августе 1966 г. в Синьцзяне с помощью прибывших из Пекина хунвейбинов стали формироваться местные отряды «маленьких застрельщиков революции». Началось наступление на органы власти СУАР. В январе 1967 г. с целью «захвата власти» в Синьцзяне был создан главный штаб организаций *хунвейбинов и цзаофаней*, который установил контроль над редакциями ведущих синьцзянских газет, а затем объявил о «захвате» парткома и Народного комитета СУАР.

Хунвейбины и цзаофаны — организованные сторонниками Мао Цзэдуна молодежные группы активистов «культурной революции» — фактически боевые отряды маоистов, задачей которых было применение «революционного насилия» против политических противников.

Военные руководители СУАР вначале попытались ограничить самоchinство хунвейбинов и цзаофаней, а затем даже попытались пресечь их деятельность. Это намерение нашло поддержку в столице. Мао Цзэдун направлял «культурную революцию» прежде всего против своих конкретных соперников. Он не ставил задачи создавать «революционные конфликты» повсеместно, особенно в Синьцзяне, который граничил с Советским Союзом и поэтому считался «передовым рубежом обороны». Военным властям СУАР и главному штабу хунвейбинов и цзаофаней было направлено указание «немедленно прекратить всякие вооруженные конфликты».

Параллельно с этим в Пекине была проведена серия переговоров с политической элитой СУАР, на которых обсуждались вопросы прекращения противостояния местных властей с хунвейбинами и создания объединенного «ревкома» как верховного органа власти в СУАР. Его формирование затянулось. Лишь ввод в СУАР дополнительных воинских частей позволил подавить междоусобную борьбу и предпринять действия по искоренению «местничества» и «раскольнических действий».

После создания «ревкомов» они фактически стали реальной властью в СУАР. Их руководящий состав был представлен в основном ханьцами. Даже формальные признаки автономии региона были уничтожены. К 1973 г. в Синьцзяне сформировалась правящая группа, полностью подконтрольная Пекину и лояльная по отношению к Мао Цзэду.

Экономическое положение резко ухудшилось. Если к середине 1960-х годов в Синьцзяне было достаточно продовольствия для его вывоза в другие части Китая, то в начале 1970-х годов регион нуждался в продовольственной помощи. Поток перебежчиков из Синьцзяна на советскую территорию стал опять увеличиваться. Для смягчения напряженности было разрешено легализовать рынки, уничтоженные «культурной революцией». Пекинское руководство пыталось оградить деревню от политической борьбы в городах, так как оно понимало неоправданность разрушения сельскохозяйственного производства в важнейшем пограничном районе.

После смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. политика КПК в Синьцзяне начала меняться. У власти в Пекине утвердился Дэн Сяопин. В 1978 г. из руководства СУАР были удалены почти все сторонники Мао Цзэдуна — прежде всего Сайфудин Азизи. Он был переведен в Пекин, где ему предстояло символизировать участие уйгуров в центральном руководстве КНР. Однако влияние на принятие серьезных решений он оказывать не мог.

Новое руководство СУАР провозгласило возвращение к умеренному курсу середины 1950-х годов. Перегибы «культурной революции»

были подвергнуты критике. Снова был провозглашен тезис об уважении национальных меньшинств. Приоритет был отдан экономическому развитию, а не идеологическому очищению.

Однако возвращение к эпохе 1950-х годов было невозможно. За годы «культурной революции» в политической системе региона произошли необратимые сдвиги. В 1950-х годах в Синьцзяне были еще живы традиции независимого развития. Регион и реально, и номинально обладал определенной степенью автономии. Позиции назначенцев центрального правительства в Синьцзяне были не особенно прочны, а экономически регион зависел от СССР больше, чем от центральных провинций КНР.

В конце 1970-х годов ситуация была иной. СУАР стал элементом хозяйственного организма КНР, продолжая оставаться одним из наиболее отсталых регионов. Экономика района, как и хозяйство Китая в целом, оставалась в состоянии кризиса. Но руководители региона и власти в столице уже хорошо понимали зависимость друг от друга. Преодолевать последствия потерь «большого скачка» и «культурной революции» предстояло совместно.

Традиционный синьцзянский сепаратизм «ушел в низы». На уровне среднего и высшего управляющего слоя он имел мало сторонников. Очень немногие из носителей идей независимости Синьцзяна пережили выпавшие им испытания и сохранили влияние в обществе. Решения III пленума ЦК КПК 11-го созыва в 1978 г. открыли путь экономическим реформам в КНР и позволили начать работу по преодолению кризисных явлений.

Была поставлена задача увеличить производство промышленной и сельскохозяйственной продукции в СУАР. Акцент был перенесен на предоставление самостоятельности производственным единицам и отдельным производителям. Возник ограниченный плюрализм форм собственности. Стали развиваться единоличные крестьянские хозяйства. Предпринимались шаги по восстановлению прав автономий. Власть смягчила отношение к исламу. Экономическая реформа пошла успешно, и в 1984 г. Китай смог начать экспорт отдельных видов продовольствия. На смену коллективным хозяйствам пришли индивидуальные, получающие поддержку государства.

Рост происходил и в сфере промышленного производства. Наблюдалось сокращение государственного сектора и увеличение числа предприятий других форм собственности. Несмотря на увеличение доли местных поступлений в бюджет СУАР, он на 50% зависел от дотаций центра. При этом центральное правительство сохраняло прочный контроль над синьцзянскими территориями.

**Ситуация на южных рубежах Центральной Азии
в связи с вмешательством СССР в Афганистане
(1979–1989)**

На южных рубежах Центральной Азии, в афганских землях, между тем нарастала напряженность. Основную массу населения Афганистана составляли пуштуны (39%, около 8 млн человек), следующей за ними по численности группой были таджики (25%, более 3 млн), за ними следовали хазарейцы (19%) и узбеки (5%).

17 июля 1973 г. в этой стране произошел государственный переворот. Король Захир-шах, находившийся на лечении в Италии, был объявлен низложенным, и к власти в Кабуле пришел его брат Мохаммед Дауд. Монархия была упразднена, а страна провозглашена Республикой Афганистан. Новый режим был вскоре признан мировым сообществом. Москва одобрительно встретила переворот, поскольку М. Дауд был давно известен в СССР, много лет занимая должность премьер-министра Афганистана. Он имел репутацию «либерала», на Западе его даже называли «красным принцем». В самом деле, М. Дауд сотрудничал с левыми афганскими политиками.

В отношениях с великими державами новое правительство продолжило традиционную афганскую политику балансирования, не отдавая предпочтения ни одной из них. На языке шуток эта политика называлась «прикуривать американские сигареты советскими спичками». США не считали нужным менять свою политику в отношении Кабула, продолжая оказывать экономическую помощь Афганистану. Опасаясь усиления советского влияния, американские представители внушали М. Дауду, что главной целью их политики является содействие укреплению афганской независимости и курса на неприсоединение. М. Дауд рассматривал американское присутствие в своей стране как противовес советскому влиянию, одновременно убеждая Вашингтон в «естественной необходимости», учитывая фактор соседства, советско-афганского сотрудничества.

Москва наращивала экономическую и военную помощь Афганистану, расширяя влияние в афганской армии и оказывая поддержку Народно-демократической партии Афганистана. Визит М. Дауда в Советский Союз в 1974 г. продемонстрировал устойчивость связей Кабула с Москвой. СССР отсрочил Афганистану выплату долга в 100 млн долл. и обещал предоставить новый кредит в размере 428 млн долл.

Однако ситуация в стране менялась. Укрепив личную власть, М. Дауд начал вытеснять левых из государственных структур. Изменение кадрового состава органов власти влияло на политическую ориентацию страны. М. Дауд начал сближение с Ираном и нефтедобывающими страна-

ми Персидского залива с целью получения от них финансовой помощи. В Москве начали опасаться роста иранского влияния и возможных попыток Тегерана потеснить СССР в Афганистане. Но больше Москву раздражало недоверие, которое стал обнаруживать М. Дауд к левым кругам. В свою очередь, афганского президента пугала активность советских спецслужб в Кабуле.

В 1977 г. правительство М. Дауда отказалось поддержать пропагандировавшуюся Москвой идею коллективной безопасности в Азии, ссылаясь на то, что признание нерушимости границ, которое было неотъемлемой частью советской программы, означало бы признание Афганистаном «линии Дюранда» в качестве его границы с Пакистаном.

Однако в целом это не повлияло на сотрудничество Кабула с Москвой. СССР втрое превосходил США по объему оказываемой Афганистану помощи. При этом Москва поддерживала НДПА, содействуя сплочению ее фракций и подталкивая их к решительным действиям против М. Дауда.

27 апреля 1978 г. в Афганистане армейские офицеры — члены и сторонники НДПА — совершили новый переворот. М. Дауд и часть министров были убиты. Власть в стране перешла к НДПА, объявившей события 27 апреля «национально-демократической революцией». Афганистан был переименован в Демократическую Республику Афганистан (ДРА). Высшим органом власти стал Революционный совет во главе с генеральным секретарем ЦК НДПА Нуром Мохаммедом Тараки (пуштуном). СССР и ряд других стран признали новый режим.

Отношения с Советским Союзом, основанные на принципах «братства и революционной солидарности», были провозглашены приоритетом во внешней политике ДРА. В первые месяцы после апрельской революции между СССР и ДРА была заключена серия соглашений и контрактов в области торгово-экономического, технического и культурного сотрудничества на общую сумму 104 млн долл. В страну из СССР прибыли сотни советников и специалистов. В июне 1978 г. было подписано соглашение о поставках советского оружия Афганистану на сумму 250 млн долл., и к апрелю 1979 г. число военных советников достигло 1000 человек.

Полусоюзнический характер советско-афганских отношений был закреплен Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве сроком на 20 лет, подписанным Н. М. Тараки и Л. И. Брежневым 5 декабря 1978 г. в Москве. Договор предусматривал сотрудничество сторон в военной области, но конкретно не оговаривал возможность размещения вооруженных сил одной стороны на территории другой.

Внутри правящей НДПА продолжал существовать межфракционный раскол. Фракция «Хальк» состояла преимущественно из пуштунов, «Парчам» — главным образом из таджиков. В стране усиливалось влияние экстремистского крыла халькистов во главе с Хафизуллою Амином (пуштуном). В сентябре 1979 г. его члены составили заговор и убили Н. М. Тараки, после чего вся власть сосредоточилась в руках Х. Амина, который продолжил линию на сотрудничество с СССР.

Между тем явная неудача курса социально-экономических реформ НДПА привела к росту общественного несогласия. Против реформ выступало духовенство, вожди кочевых племен на юге и все консервативно настроенные слои общества, несогласные с политикой модернизации. Правительство в Кабуле стало терять влияние в провинциях, переходивших под контроль вождей местных кланов, отказывавшихся признавать центральную власть. Провинциальные власти формировали вооруженные отряды, способные сопротивляться правительству. К концу 1979 г. антиправительственная оппозиция, выступавшая под традиционалистскими исламскими лозунгами, контролировала 18 из 26 провинций Афганистана. Возникла угроза падения кабульского правительства.

Советское руководство неодобрительно относилось к Х. Амину из-за того, что по его приказу был убит Н. М. Тараки, пользовавшийся доверием Москвы. Режим Х. Амина в СССР считали неподходящим для проведения энергичной, но гибкой политики в социалистическом духе. Было очевидно, что он не пользуется у афганцев необходимым авторитетом и не в состоянии консолидировать общество. Х. Амин, сознавая ослабление своих позиций в стране, неоднократно просил Москву об оказании военной помощи для борьбы с исламской оппозицией. С этой целью он предлагал осуществить ввод в Афганистан советских войск.

Сценарий ввода войск был осуществлен, однако иначе, чем ожидал Х. Амин. 27 декабря 1979 г. в Афганистан вошли контингенты советских войск, вместе с которыми в Кабул прибыл из Москвы лидер таджикской фракции «Парчам» Бабрак Кармаль, которого в СССР было решено выдвинуть на роль лидера. Силами советских спецподразделений дворец Х. Амина в Кабуле был взят, а сам он убит при штурме. Ввод войск формально был осуществлен на основании советско-афганского договора 1978 г. Поставленный во главе режима Б. Кармаль был наполовину пуштуном, а наполовину таджиком, но он выражал интересы прежде всего таджикской общины Афганистана.

Вмешательство СССР в афганские дела встретило осуждение. Особенно резко его критиковали США, Китай и страны Западной Европы. В осуждение Москвы выступили руководители ряда западноевропейских коммуни-

стических партий. В знак протеста против советской политики Соединенные Штаты и ряд других западных стран в 1980 г. бойкотировали Олимпийские игры в Москве.

Самым серьезным последствием афганских событий было ухудшение международной обстановки в целом. В США стали подозревать, что Советский Союз готовится к прорыву в район Персидского залива, чтобы установить контроль над его нефтяными ресурсами. Спустя шесть дней после начала советского вторжения в Афганистан, 3 января 1980 г., президент Дж. Картер направил обращение в сенат с просьбой снять с ратификации подписанный в Вене договор ОСВ-2, который в результате так никогда и не был ратифицирован. Американская администрация, правда, официально заявила, что будет оставаться в пределах ограничений, согласованных в Вене, если Советский Союз будет следовать ее примеру.

Особенности обстановки в советской Средней Азии и Казахстане в годы «перестройки»

К первой половине 1980-х годов экономические проблемы СССР предельно обострились. Рост цен сопровождался увеличением зарплат, масса бумажных денег в стране нарастала так же стремительно, как счета граждан в сберкассах. Формальный рост доходов и платежеспособного спроса населения контрастировал с дефицитом основных потребительских товаров — продовольствия, качественной одежды и обуви. В широких массах народа и в элите нарастал потенциал недовольства. Назрела необходимость нового витка политических и экономических реформ.

После смерти Л. И. Брежнева в 1982 г. на высшие посты в партии и советском государстве пришел Ю. В. Андропов. В 1984 г. он умер, уступив место К. У. Черненко. Но в начале 1985 г. умер и он. На пост генерального секретаря ЦК КПСС был избран М. С. Горбачев, которому было 54 года. Комплекс осуществленных им экономических и политических преобразований вошел в историю под названием «перестройка».

Началась новая политическая «оттепель». Возникли многочисленные общественные движения, неформальные организации, сложились предпосылки перехода к многопартийности. Правда, идеологи «перестройки» не ставили целью сломать существующий строй. Они хотели обновить и осовременить его, приспособить к реальным потребностям граждан и окружающего мира. Задача состояла в придании советской системе способности к самообновлению и развитию. Новое руководство пыталось совместить регулирующее начало государства с элементами рыночного саморегулирования, а социальную защиту граждан со свободной конкуренцией личностей, предприятий и политических

4. Исторические территории Центральной Азии в составе сопредельных государств...

организаций, включая правящую компартию. Это были крайне сложные задачи.

Борясь за их осуществление, М. С. Горбачев рассчитывал опереться на молодые кадры. Применительно к Центральной Азии это означало установку на смену лидеров «старой когорты». В Узбекистане у власти остался ферганец И. Б. Усманходжаев. Избранный только в 1983 г. он был напуган расследованиями «хлопкового дела» и согласен проводить линию Москвы.

В Таджикистане в декабре 1985 г. главой республиканской партийной организации был избран еще один ленинабадец — К. М. Махкамов. Первым секретарем ЦК КП Киргизии в 1985 г. становится южанин А. М. Масалиев. В 1985 г. из аппарата ЦК КПСС в Туркменистан был переведен С. А. Ниязов, вскоре оказавшийся председателем Совета министров республики, а затем — первым секретарем ЦК компартии Туркменистана. М. С. Горбачев знал, что С. А. Ниязов был воспитанником детского дома, и полагал поэтому, что за ним не стоит клан, который придется кормить за счет государства. Однако С. А. Ниязов, происходивший из племени ахалтекинцев, не стал пренебрегать их поддержкой и установил типичный кланово-племенной режим правления.

Сложной была политическая ситуация в Казахстане. В борьбе кланов трудно было отдать предпочтение одной из группировок. М. С. Горбачев решил сделать нейтральный шаг. Добившись 16 декабря 1986 г. решения об освобождении от должности первого секретаря ЦК компартии Казахстана Д. А. Кунаева в ходе короткого 18-минутного пленума ЦК республиканской компартии, он выдвинул на нее русского — Г. В. Колбина, бывшего до того первым секретарем Ульяновского обкома КПСС.

17 декабря 1986 г. около 2,4 тыс. демонстрантов, воспринявших избрание русского на должность первого секретаря как выражение сомнения в подготовленности казахских кадров, вышли на улицы Алма-Аты. Демонстранты попытались захватить телецентр и здание ЦК.

Власти не могли найти приемлемого способа успокоить протестующих. В городе возникли межэтнические стычки между рабочими промышленных предприятий (преимущественно русскими) и митингующими (главным образом казахами). Только ввод внутренних войск позволил предотвратить эскалацию конфликта. После стабилизации обстановки многие участники демонстраций были осуждены, уволены с работы и отчислены из учебных заведений. Некоторые исследователи полагают, что протесты были спровоцированы сторонниками Д. А. Кунаева в знак протеста против его отстранения.

Для выяснения обстоятельств событий в Алма-Ату была направлена комиссия во главе с председателем комитета партийного контроля при

ЦК КПСС М. С. Соломенцевым, который в свое время успел поработать вторым секретарем ЦК компартии Казахстана, а в 1959–1962 гг. являлся первым секретарем Карагандинского обкома КПСС и был знаком с борьбой группировок в Казахстане. Выводы комиссии оказались осторожными, но она зафиксировала, что события в Алма-Ате были проявлением казахского национализма.

С учетом сохраняющегося возбуждения в казахской студенческой среде новый первый секретарь ЦК компартии Казахстана Г. В. Колбин повел себя осмотрительно. Понимая, что раздражение радикалов направлено в значительной степени лично против него как «чужака», он предложил сосредоточиться на внутренней ситуации в республике Н. А. Назарбаеву, который был местным уроженцем и возглавлял Совет министров Казахстана. Сам Г. В. Колбин сосредоточился на других вопросах и вскоре (в 1989 г.) был переведен в Москву, стал председателем реорганизованного Всесоюзного комитета народного контроля.

Первым секретарем ЦК компартии Казахстана стал Н. А. Назарбаев, выходец из Старшего жуза. Настроенный на умеренные реформы и обновление, он вскоре столкнулся с упорным сопротивлением других представителей Старшего жуза. Не вступая с ними в прямую конфронтацию, он, тем не менее, смог ослабить влияние старых кадров, заменив более пожилых выходцев из этого клана на более молодых. Это было частичным решением проблемы.

Феномен «обратной дискриминации»

Напряженность в межэтнических отношениях в разной степени существовала во всех республиках. Она была связана приблизительно в равной степени с недовольством как коренных этнических групп, так и основной массы исторически пришлого населения — русских, украинцев, немцев, евреев, корейцев, греков и других. Проблема состояла в существенном обострении экономической, социальной, бытовой конкуренции между разными этническими группами по мере выравнивания уровней образования между их представителями.

Первые поколения переселенцев в Центральную Азию из других частей России и СССР были в основном представлены квалифицированными кадрами, необходимыми для модернизации местных обществ. В значительной степени таким же оставался состав мигрантов в регион в период эвакуации 1941–1945 гг. и периода 1950-х годов, на который пришли освоение целины и возведение основных промышленных объектов. Местных кадров нужного уровня подготовки просто не было, или их было явно недостаточно.

4. Исторические территории Центральной Азии в составе сопредельных государств...

Однако за двадцатилетие 1960—1970-х годов ситуация успела поменяться. Региональные университеты подготовили десятки и сотни тысяч специалистов из представителей коренных этнических групп. Диплом о высшем образовании перестал быть редкостью и, значит, гарантией успеха в карьере. Переставал быть редкостью и диплом кандидата наук. Естественная конкуренция за позиции в руководящих органах, силовых структурах, органах контроля, сферах производства, финансов, торговли, высшего образования, науки, культуры стала более жесткой и изощренной. «Поколение учеников» буквально вступало в конкуренцию с «поколением учителей», начав претендовать вместе с ними на одни и те же рабочие места.

В такой конкуренции широко использовались методы неформального регулирования — личные отношения, основанные на клановой солидарности, принадлежности к одной этнической группе, родстве, знакомстве и так далее. Коренные этнические группы, в среде которых сохранились механизмы традиционного регулирования общественных отношений, оказывались в более выгодном положении, чем русские, которые не принадлежали ни к каким кланам и общинам и не могли на них опираться. Это несло в себе потенциал неформальной дискриминации некоренных групп населения.

Если в первые десятилетия после вхождения в СССР в республиках Центральной Азии негласно дискриминировались коренные этносы, то в последние два-три десятилетия существования Советского Союза все оказалось наоборот. Коренные этносы составили костяк местных правящих элит, вытеснив остальные группы населения на второстепенные и более низкие места в республиканских иерархиях — властных, экономических и остальных. Это было своего рода «обратной дискриминацией». С исторической точки зрения она была объяснимой. С точки зрения прав граждан она была несправедливостью, порождавшей глухое недовольство людей. В разных республиках региона сложились различные версии «этнической специализации», но в большинстве случаев русское население оказалось трудоустроенным в сфере производства — на заводах, шахтах, в сельском хозяйстве, на транспорте. Представители коренных групп держали в своих руках сферу административно-хозяйственного управления, контроля, распределения и торговли.

Такая практика сложилась в годы правления Л. И. Брежнева и отчасти была связана с субъективным фактором его личных отношений с руководителями Казахстана и Узбекистана. Испытывая доверие и симпатию к Д. А. Кунаеву и Ш. Р. Рашидову, Л. И. Брежнев «позволял» им

отступления от «ленинских норм партийной жизни» на местах в обмен на политическую поддержку, которую эти лидеры оказывали ему лично. Поскольку такая формула отношений существовала около двадцати лет, она постепенно распространилась и на другие республики. Москва закрывала глаза на действия республиканских властей в их внутренних делах, требуя взамен лишь безусловной лояльности советскому строю.

Вместе с тем приобретенные таким образом привилегии коренных этносов сами этими этносами воспринимались не как привилегии, а как нормы. Отсюда выросло чувство превосходства коренных групп над «пришлыми», ощущение вседозволенности и уместности претензий на дополнительные привилегии.

По мере ослабления власти Москвы над отдаленными частями СССР в ходе начавшейся демократизации элиты («партийно-хозяйственный актив») центральноазиатских республик волей или неволей все сильнее проникались национализмом. Общественные настроения в регионе стали определяться идеями «экономического суверенитета», а затем и суверенитета вообще. Наиболее радикальные группы местных обществ, оглядываясь на настроения в Прибалтике, Грузии и Армении, стали вести речь и о независимости республик Центральной Азии.

На бытовом уровне это сопровождалось антирусскими настроениями. В сложившемся политико-психологическом контексте это было призывом к вытеснению из Центральной Азии всего ее некоренного населения через его «возвращение» в Россию, на Украину, в Германию или на иную «историческую родину». Стихийно реагируя на враждебность националистов, из региона стали уезжать те, кому проще было это сделать. В первую очередь это были этнические немцы и евреи, жившие в разных частях Центральной Азии. Эти группы населения ориентировались на эмиграцию в ФРГ, другие страны ЕС, США и отчасти в Израиль.

Среди «центральноазиатских русских и украинцев» тоже стали заметны настроения в пользу выезда в другие республики СССР. Не видя для себя перспектив в «своих республиках», этнические русские стали стихийно «перетекать» в сибирские регионы Российской Федерации и крупные городские центры европейской части России. Большую долю среди них составляли представители второго, третьего и даже четвертого поколения «центральноазиатских русских» — те, кто родился и давно укоренился на земле Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Туркмении и считал ее для себя родной. Механизма защиты прав этих людей не существовало, и они повсеместно нарушались.

К концу 1980-х годов число уезжающих из республик Центральной Азии стало превышать число прибывающих. Порой переезд имел харак-

тер вынужденного бегства. В результате, например, в 1989 г. в Казахстане казахи впервые с 1926 г. снова стали самой многочисленной группой населения, составив 39,7% населения этой республики.

Общественно-политическое брожение в регионе накануне распада СССР

Дискредитация официальной советской идеологии «сверху», по инициативе самого руководства СССР, во второй половине 1980-х годов привела к идейному вакууму, который в союзных республиках стал заполняться национализмом. Между тем в советской идеологии, при всей ее косности, была как минимум одна идея, достойная сохранения. Это была идея интернационализма, этнической терпимости и надэтнической солидарности народов Советского Союза. Это были ценные и здравые идеи, укоренившиеся в сознании советских людей около 70 лет. Достоинно сожаления, что они были отброшены как ненужные вместе с такими постулатами, как «классовая борьба во всемирном масштабе», на самом деле изжившими себя.

Ослабление коммунистической идеологии в республиках Центральной Азии повлекло за собой, в том числе, инфляцию императива о необходимости для всех этносов проявлять взаимную терпимость. Длительное время тлевшие и накапливавшиеся межэтнические противоречия на бытовой почве и в связи с экономической конкуренцией стали проявлять себя в необычно бурной форме.

3—7 июня 1989 г. в узбекской части Ферганы произошли столкновения между узбеками и *турками-месхетинцами*, высланными в этот район в годы Великой Отечественной войны из Грузии. В ходе погромов было убито более 100 турок-месхетинцев. Власти Грузинской ССР отказались их принять. Началось бегство представителей турецкой общины на территорию Российской Федерации — в крупные города и Краснодарский край.

Летом того же года массовые беспорядки и кровопролитие произошли на западе Казахстана в городе Новый Узень — одном из центров нефтедобычи. Участниками столкновений оказались местные жители-казахи и приезжие рабочие-вахтовики, преимущественно русские и украинцы. Конфликт удалось погасить с помощью милиции и расквартированных в регионе армейских частей.

В 1990 г. в киргизском городе Ош (тоже Ферганская долина) произошли жестокие столкновения между киргизами и узбеками. Поводом для конфликта стал передел колхозных земель, в ходе которого местные жители-киргизы сочли себя обделенными. Начались стычки, были за-

фиксированы случаи зверских преступлений, совершенных одной и другой стороной. Возникла угроза межреспубликанского конфликта. В город стали стягиваться конные отряды вооруженных киргизов (преимущественно из Алайского района). Одновременно туда же прибывали автомашины с вооруженными ферганскими узбеками. Только ввод армейских подразделений позволил остановить кровопролитие. Представители других этнических групп не принимали участия в конфликте, однако после событий начался их массовый отток из республики (в основном русских).

В сентябре 1991 г. волнения произошли в казахстанском городе Уральске. Уральское казачество пыталось организовать празднование 400-летия служения «царю и отечеству». Это вызвало недовольство местных казахов. Тем не менее в Уральск на празднование стали прибывать представители кубанского, донского, оренбургского казачества. «Встречным» потоком к городу устремились активисты казахских национальных организаций «Азат», «Желтоксан» и др. Напряженность быстро нарастала, но массовые беспорядки удалось предотвратить.

Стремясь разрядить обстановку, первый секретарь ЦК компартии *Казахстана* Н. А. Назарбаев в конце сентября добился прибытия в Алматы лидеров наиболее влиятельных партий и движений республики и убедил их установить сроком на один год мораторий на проведение массовых акций протеста хотя бы в столице.

Это не остановило процесса создания неформальных (то есть не правительственных) общественных объединений. Тон среди них задавали экологические группы, критиковавшие политику власти в области окружающей среды. Из них выросли партии и движения с ярко выраженной политической направленностью.

Еще до провозглашения независимости стала формироваться политическая оппозиция. Сопредседатель международного антиядерного движения «Невада-Семипалатинск» писатель О. О. Сулейменов и руководитель экологического комитета «Арал—Азия—Казахстан» поэт М. Ш. Шаханов создали в октябре 1991 г. партию Народный конгресс Казахстана (НKK), в ряде случаев выступавшую с националистических позиций («Казахстан — страна казахов»). Среди учредителей Конгресса были общество «Казак-тили» и ряд национально-культурных центров. Число политически активных членов в 1993—1994 гг. составляло около 5 тыс. человек.

Партия была поддержана населением республики благодаря ее лидеру О. О. Сулейменову, который в октябре 1994 г. объявил о том, что НKK находится в конструктивной оппозиции президенту Н. А. Назарбаеву. В тот момент руководство партии рассматривало возможность участия О. О. Сулейменова в президентских выборах.

4. Исторические территории Центральной Азии в составе сопредельных государств...

Власти предупредили события: Верховный Совет Казахской ССР, депутатом которого был О. О. Сулейменов, был распущен, а сам лидер НKK вскоре поддержал референдум и новую конституцию. В октябре 2005 г. О. О. Сулейменов был назначен послом в Италии, после чего партия перестала быть оппозиционной.

Возникали и более радикальные организации. Летом 1989 г. было создано общественное движение «Желтоксан» («Декабрь»), которое требовало переоценки декабрьских событий 1986 г. и реабилитации их организаторов. Вскоре это движение трансформировалось в партию, которая стала выступать за выход Казахстана из СССР.

Русское население Казахстана отчасти стало ориентироваться на поддержку созданных в республике казачьих объединений.

В июне—июле 1990 г. в Алма-Ате оформилось гражданское движение «Азат». Его программа предполагала формирование в республике экономики смешанного типа — по подобию китайской. Частная собственность отвергалась как не соответствующая традициям казахов. Это движение приобрело влияние, выступая за независимость Казахстана.

24 апреля 1990 г. в Казахстане был учрежден пост президента. На сессии Верховного Совета им был избран Н. А. Назарбаев. 25 октября того же года была принята Декларация о государственном суверенитете Казахстана, провозглашавшая главенство республиканских законов над союзными.

В 1988 г. в *Киргизии* на выборах в Верховный Совет Киргизской ССР впервые организованно выступило «Демократическое движение Кыргызстана». Оно быстро приобрело популярность и на выборах в советы разных уровней смогло провести в них довольно много своих депутатов. Программа движения отражала мнения главным образом киргизского населения республики. Однако в ней было оговорено, что киргизский народ должен выступать гарантом прав всех национальных меньшинств Киргизии.

События в 1990 г. в Оше отозвались сменой власти в Киргизии. Ответственность за трагедию была возложена общественным мнением на первого секретаря ЦК А. М. Масалиева. Его популярность упала, что имело значение, так как в республике также предполагалось провести выборы президента. Соперником А. М. Масалиева на них выступил ученый-физик, президент Академии наук Киргизской ССР А. А. Акаев, принадлежавший к северному племени *сарыбагыш*. 25 октября 1990 г. на сессии Верховного Совета А. А. Акаев был избран президентом. В 1991 г. он был избран им повторно на всенародном голосовании.

Наиболее сложной ситуация оказалась в *Таджикистане*. Сдерживаемое в советское время стремление предгорных и горных регионов,

элиты которых мало участвовали в управлении республикой, отобрать власть у ленинабадцев и кулябцев стало проявляться сильнее. Начала формироваться пестрая коалиция оппозиционных сил. В нее вступили либерально настроенные группы интеллигентов, коммунисты-обновленцы, представители исламских кругов, связанных с афганскими таджиками.

Ячейки Партии исламского возрождения Таджикистана зародились в середине 1970-х годов. Процесс «исламского возрождения» затронул многие части СССР. В различных регионах были созданы «исламские партии возрождения». В 1990 г. в Астрахани прошел всесоюзный съезд исламских партий и была образована «Партия исламского возрождения СССР». Однако из всех них только Партии исламского возрождения Таджикистана удалось сохранить свою структуру до настоящего времени и даже войти в правительство. Основную поддержку партия имеет в предгорных районах.

Попытка избранного в 1990 г. президентом Р. Н. Набиева опереться на старые партийные кадры не была успешной. Экономическая ситуация продолжала обостряться, поскольку республика перестала получать трансферты из союзного бюджета, а поддерживать себя сама она была не в состоянии. В феврале 1990 г. в результате антиправительственных выступлений в Душанбе погибли 22 человека. Выступления оппозиции прекратились лишь на время. Она стала получать помощь из Афганистана и вскоре перешла к регулярной борьбе с правительством. В 1991 г. в Таджикистане началось открытое вооруженное противостояние власти и оппозиции.

После ферганских событий 1989 г. в *Узбекистане* руководитель республиканской компартии Р. Н. Нишанов (выдвиженец ташкентского клана) был вынужден уйти с поста первого секретаря ЦК.

Р. Н. Нишанов с июня 1989 г. стал председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Его сменил И. А. Каримов, казавшийся не связанным с региональными кланами. Он был выходцем из Самаркандской области, однако к числу клановой элиты не принадлежал. При этом по матери он является таджиком. Данное обстоятельство показалось М. С. Горбачеву важным, и он остановил свой выбор именно на И. А. Каримове. В самом деле, новый руководитель сначала сотрудничал больше не с самаркандцами, а с ташкентцами и кашкадарьинцами. Он казался «стоящим над схваткой». Поэтому его продвижению способствовали и уходивший Р. Н. Нишанов, и московские кураторы Узбекистана. Как только в республике был учрежден пост президента, И. А. Каримов был на него избран.

В *Туркменистане* с момента прихода на высший пост в компартии республики С. А. Ниязова в 1985 г. начал складываться культ его личности. Руководство не позволило развернуться демократизации и саботировало «перестройку». В 1988 г. был издан указ президиума Верховного Совета Туркменской ССР «О запрещении собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций». В январе 1990 г. С. А. Ниязов стал председателем Верховного Совета республики. Вскоре он запретил деятельность оппозиционного движения «Агзыбирлик». Были введены ограничения на регистрацию новых общественных организаций.

Заблокировав появление потенциальных политических конкурентов, С. А. Ниязов выставил свою кандидатуру на выборах президента Туркмении и легко победил на соответствующем референдуме 27 октября 1990 г. В 1991 г. он возглавил созданную им самим на базе прежней компартии Демократическую партию Туркменистана.

Укрепившись у власти, он продолжил давление на оппозицию. В сентябре 1991 г. были произведены массовые аресты его политических противников. Были также приняты меры для изоляции бывшего лидера Туркменистана М. Г. Гапурова, который сохранял популярность в республике.

13 июля 1999 г. М. Г. Гапуров был найден мертвым на своей даче в поселке Берзенги. В оппозиционной печати циркулировали версии о причинах его смерти, обстоятельства которой до конца не выяснены.

К началу 1990-х годов все центральноазиатские республики Советского Союза приняли декларации о государственном суверенитете и главенстве республиканских законов над общесоюзными. Затем последовали законы о государственных языках союзных республик. Русский язык не получил статуса государственного ни в одной из республик.

Наблюдая за ослаблением власти президента СССР М. С. Горбачева в Москве в результате его соперничества с президентом России Б. Н. Ельциным, руководители республик Центральной Азии оценивали перспективы выхода из СССР, а также потенциальные потери и выигрыши от развития событий по такому сценарию.

Любопытно, что находившийся уже вне власти Д. А. Кунаев в своих мемуарах написал: «По моему глубокому убеждению, глубокая демократизация и обновление национально-государственного устройства страны должны привести к тому, что суверенные полномочия Союза ССР и республик не будут противостоять друг другу, а окажутся в органическом сочетании. Их надо взаимно уравновесить, обеспечить множеством эффективных материальных и правовых гарантий, подкрепить организационно». Элиты центральноазиатских республик не спешили разру-

шать СССР. Книга Д. А. Кунаева вышла в свет в июле 1991 г. за месяц до августовских событий в Москве.

Провозглашение независимости республик Центральной Азии и создание СНГ

Попытка государственного переворота в СССР 19 августа 1991 г. дала толчок движению республик Центральной Азии к независимости. 31 августа Узбекистан и Киргизия заявили о независимости. 9 сентября их примеру последовал Таджикистан, а 27 октября — Туркмения. Лояльность по отношению к союзному государству проявлял только Казахстан. Однако после подписания 8 декабря 1991 г. Беловежских соглашений руководителями России, Украины и Белоруссии относительно ликвидации Союза ССР поменял позицию и он. 16 декабря была провозглашена независимость Казахстана.

Для новых государств выход из СССР был одновременно желанным и рискованным. Понимая зависимость от союзного бюджета и от экономики Российской Федерации, центральноазиатские страны не хотели разрушать преференциальные отношения, которые за 70 лет сложились между союзными республиками внутри СССР.

Президент Казахстана Н. А. Назарбаев сыграл ключевую роль в укреплении СНГ на первом этапе его существования. 13 декабря 1991 г. по его инициативе в Ашхабаде состоялась встреча лидеров центральноазиатских республик, в ходе которой им удалось выработать единую позицию по проблеме Беловежских соглашений. России, Украине и Белоруссии было предложено включить в Содружество все желавшие войти в него республики бывшего СССР. 21 декабря в Алма-Ате на совещании, инициированном казахстанским президентом, восемь республик бывшего СССР (в том числе все пять среднеазиатских) подписали протокол о вхождении в СНГ.

22 января 1993 г. на саммите стран СНГ в Минске удалось принять устав Содружества, вступивший в силу в январе 1994 г. Решение о его принятии было подписано главами семи государств, в том числе Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Из новых государств Центральной Азии безоговорочно устав одобрил только Казахстан. Узбекистан дал возражения по поводу включенных в текст трактовок прав человека. Туркмения подписывать устав отказалась, но продолжила участие в СНГ.

Новое объединение не стало единым государством. Оно выглядело как межгосударственный союз и имело устав. Но условия объединения были мало обязывающими. По сути дела СНГ был своего рода «коали-

цией желающих», рамочной конструкцией, внутри которой было проще развивать интеграцию между теми членами объединения, которые к этому стремились.

Если какая-то страна не хотела вступать в интеграционные отношения, то для нее СНГ был просто платформой для обмена информацией и многостороннего диалога. В такой конструкции была заложена идея не всеобщей, а избирательной интеграции.

Задачей СНГ было развитие преференциального сотрудничества. Но условия объединения позволяли самим участникам решать, с какой страной, на каких условиях и с какой скоростью начинать сближение. *СНГ позволяло уклоняться от участия в интеграционных проектах без ущерба для себя.*

Пластичная конструкция СНГ объединила страны, ориентации которых вскоре стали сильно различаться. В составе Содружества оставались и те государства, которые ориентировались на опережающее развитие связей с ЕС и США (Украина, Молдавия, Грузия), и те, которые отдавали себе отчет в необходимости укреплять «особые» отношения с Россией.

Страны Центральной Азии пробовали осваивать различные варианты политических ориентаций. Но после периода исканий протяженностью около 10 лет они стали склоняться ко второму варианту. СНГ не стало «новым изданием» Советского Союза. Но оно выжило и начало трансформироваться в группировку интеграционного типа. Особенно сильно трансформации стало то, что в ней приняли участие только страны, заинтересованные в интеграции, ядром которой стало сотрудничество России и Казахстана.

Однако положительные стороны СНГ проявили себя только в 2000-х годах. Первые годы его существования были проникнуты духом сомнений. Пик недоверия к Содружеству пал на 1992–1993 гг., когда в России начались форсированные рыночные реформы Е. Т. Гайдара. Страны СНГ отказались двигаться по пути радикальных преобразований. Поэтому их экономики не могли развиваться в едином ритме с российской. Это сделало неизбежным разрушение сначала единого финансового (рублевого) пространства, а затем пространства единого хозяйственного комплекса бывшего СССР вообще.

К моменту распада Советского Союза (по данным переписи 1989 г.) численность русского населения в республиках Центральной Азии составляла 9,5 млн человек. Из них в Казахстане — 6,2 млн, в Узбекистане — 1,6 млн, в Киргизии — 917 тыс., в Таджикистане — 388 тыс., в Туркменистане — 334 тыс. человек.

Становление структур внешнеполитической деятельности новых государств

В советский период внешние сношения республик Средней Азии и Казахстана регулировались из Москвы. Наличие республиканских министерств иностранных дел давало основание союзным республикам иметь гарантированные квоты приема («бронь») в Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД СССР, в котором готовились советские дипломаты.

Многие выходцы из союзных республик, получив образование в Москве, не возвращались на родину, а поступали на работу в центральный аппарат МИД СССР или советские представительства за рубежом. В составе корпуса профессиональных дипломатических работников Советского Союза за три-четыре десятилетия сформировалась многочисленная группа выходцев из Центральной Азии. После 1991 г. часть из них вернулась на родину. Это облегчило создание полноценных органов иностранных дел в молодых государствах, аппараты которых были по крайней мере отчасти и на первых порах укомплектованы теми, кто получил соответствующую профессиональную подготовку.

Министерства иностранных дел в союзных республиках были сформированы в связи с созданием Организации Объединенных Наций. Советский Союз предполагал включить в нее 15 входящих в него союзных республик в качестве полноправных членов. 1 февраля 1944 г. Верховный Совет СССР принял закон «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат». В законе говорилось о том, что союзные республики могут вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами и заключать с ними соглашения, обмениваться дипломатическими и консульскими представителями. В соответствии с этим законом и были созданы республиканские наркоматы иностранных дел.

Однако в ООН республики Центральной Азии приняты не были. Из 15 советских союзных республик в эту организацию были допущены только Украина и Белоруссия с учетом того, что они внесли большой вклад в разгром германского нацизма и могли претендовать на статус «стран-победительниц», организацией которых в те годы была ООН.

Тем не менее штат республиканских наркоматов иностранных дел в центральноазиатских республиках был сформирован. Сотрудников стали обучать основам дипломатической работы. Наркомы иностранных дел республик Средней Азии и Казахстана были введены в штат Наркомата иностранных дел СССР.

4. Исторические территории Центральной Азии в составе сопредельных государств...

Изначально предполагалось, что центральноазиатские республики сосредоточатся на развитии отношений с азиатскими странами. Сотрудники республиканских наркоматов изучали историю дипломатии, международное право, дипломатическое искусство, а также общественно-экономическое и политическое устройство сопредельных стран — прежде всего Китая, Афганистана, Ирана.

Дипломаты союзных республик проходили стажировки в Москве, изучая там, в частности, историю Синьцзяна, его административное устройство и органы управления, взаимоотношения между гоминьдановцами и компартией Китая. Союзные республики использовали в работе и информацию, поступающую к ним непосредственно из сопредельных стран. Основываясь на таких материалах, они направляли в Москву выводы и предложения по поводу развития отношений с тем или иным государством. В годы существования на территории китайской провинции Синьцзян Восточно-Туркестанской Республики, например, секретарь ЦК ВКП(б) Казахстана Ж. Шаяхметов с подачи республиканского наркомата иностранных дел направил в Москву записку, в которой он обосновывал необходимость оказания помощи развитию национально-освободительного движения неханьских народов Синьцзяна.

Однако после того как вопрос вхождения республик Центральной Азии в ООН перестал быть актуальным, союзные органы власти стали сворачивать финансирование «дублирующих» наркоматов. Республиканские министерства сохранили формальные права, но фактически их деятельность свелась к функциям республиканских отделов консульской службы общесоюзного министерства. Сократилась численность аппарата республиканских министерств. Например, к концу 1954 г. в штате МИД Киргизской ССР остались только помощник министра и секретарь, а сам министр продолжал числиться в штате министерства в Москве. Республики не заключали международных договоров. На территории Казахстана в Алма-Ате до 1953 г. работало консульство КНР — единственное официальное представительство иностранного государства на территории советской части Центральной Азии.

Республиканские министерства занимались вопросами въезда и выезда граждан, проводили работу среди репатриантов по их поселению, трудоустройству, получению вида на жительство, прописки. Итоги работы министерств в виде отчетов направлялись в МИД СССР. Одним из направлений работы в 1950-х и 1960-х годах было оформление перехода в республиканское и, автоматически, союзное гражданство уйгуров, дунган, узбеков и киргизов, уехавших на советскую территорию из Китая. В основном это были жители городов Кульджа, Кашгар,

Урумчи и других поселений Синьцзяна, граничащих с Киргизией и Казахстаном.

В рамках СССР решения по вопросам развития внешних связей республик принимались по согласованию между республиканскими министерствами с Министерством иностранных дел Советского Союза. Последнее имело право приоритета. Только с 1959 г. внешнеполитическим ведомствам республик было дано право непосредственно переписываться с посольствами, консульствами СССР в странах Восточной Европы, входивших в Организацию Варшавского договора.

Однако с приходом к власти М. С. Горбачева права республиканских министерств стали расширяться. Особенно быстро выросла роль МИД Таджикистана, сотрудники которого стали привлекаться союзными органами для работы в Афганистане. Москва готовила урегулирование афганского конфликта, и сотрудников МИД СССР не хватало. Кроме того, дипломаты Таджикской ССР в ряде случаев лучше понимали специфику положения дел в Афганистане и легче находили общий язык с афганскими представителями, среди которых было много афганских таджиков.

С 1985 г. на МИД Таджикской ССР была возложена задача установления прямых трансграничных связей между отдельными районами советского Таджикистана и Афганистана. Были налажены контакты между Кулябской и Курган-Тюбинской областями Таджикистана и афганской провинцией Кундуз. Ленинабадская область вступила в отношения с провинцией Тахор, а Горно-Бадахшанская АО — с афганским Бадахшаном. Внимание было сосредоточено на развитии связей с северными регионами Афганистана, населенными таджиками и узбеками.

Между Кабулом и Душанбе происходил интенсивный обмен официальными визитами. Были подписаны документы об оказании помощи Афганистану в 1988—1989 гг. на сумму 3,9 млн руб. из фондов приграничных областей СССР и 3,7 млн руб. — из средств министерств и ведомств Таджикистана. Фактически все эти ресурсы поступали из госбюжета Советского Союза. Развитие связей с Афганистаном оказало противоречивое воздействие на положение дел в Таджикистане.

Этим связям способствовали контакты исламского духовенства Таджикистана и прилегающих районов Афганистана. Важно иметь в виду, прямые контакты между регионами привели к легализации и бесконтрольному развитию связей между таджикской оппозицией и ее афганскими сторонниками. Именно по каналам прямых связей из Афганистана стала поступать в Таджикистан помощь антиправительственным группам. Впоследствии эти же каналы позволяли отступающим из Таджикистана отрядам Объединенной таджикской оппозиции договариваться о предоставлении им убежища на территории Афганистана.

4. Исторические территории Центральной Азии в составе сопредельных государств...

К началу 1990-х годов Таджикская ССР с ведома МИД СССР стала осваивать и другие направления международных связей, установив контакты с провинциальными властями Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР. Были установлены торговые связи, затем стало налаживаться научно-техническое сотрудничество.

Таджикистан смог установить связи с центральными властями Ирана. 21 ноября 1990 г. был подписан меморандум о развитии сотрудничества между Исламской республикой Иран и Таджикской ССР. В апреле 1991 г. Таджикистан посетили иранские правительственные делегации во главе с советником президента Ирана Нематуллою Изади и иранским министром иностранных дел Али Акбаром Велаяти.

С 1990 г. по примеру Таджикистана в развитие связей с Афганистаном включился Узбекистан. Его задачей было вступить в прямые контакты с узбекскими общинами Северного Афганистана. В Ташкенте были подписаны протокол о намерениях, касавшийся перспектив сотрудничества Узбекской ССР с Республикой Афганистан, и меморандум о развитии прямых связей между Таджикской ССР, Туркменской ССР, Узбекской ССР с Афганистаном.

В целом к моменту распада Советского Союза в республиках Центральной Азии существовали в «законсервированном» виде структуры, ориентированные на развитие их международных связей. Эти структуры были обеспечены профессиональными кадрами дипломатов и переводчиков. В Таджикистане и Узбекистане республиканские министерства успели накопить достаточно обширный опыт дипломатической работы. В целом «техническая» готовность новых независимых государств к проведению самостоятельной внешней политики была удовлетворительной.

Проблематика водопользования в регионе

Крайне сложной сферой международных отношений в регионе в 1990-х годах стало водопользование. Реки Амударья и Сырдарья и их притоки имеют исключительно важное значение для жизни всего региона. С древнейших времен их воды использовались для орошения земель на всем их протяжении. Водозабор осуществляется через многочисленные каналы и коллекторно-дренажную сеть. Только в советское время был начат систематический учет воды, забираемой в каналы. С 1940 г. появилась регулярная статистика, свидетельствовавшая о постоянном росте забора воды для поливов хлопчатника.

Так, например, в 1965 г. в Узбекской ССР в бассейне реки Амударьи было собрано 1300 тыс. т хлопка, в 1970 г. — 2227 тыс. т. В 1970 г. в бассейне реки Амударьи на территории Таджикской ССР насчитывалось 186 каналов, 350 насосных станций с общим забором воды 300 м³/с., на территории Узбекской ССР — 247 водозаборов.

В 1959 г. резко вырос забор из Амударьи в связи с пуском Каракумского, а затем Аму-Бухарского канала. Узбекская и Туркменская ССР выращивали основную массу хлопка и потребляли воду для орошения. В отличие от них Киргизская и Таджикская ССР обладали большим гидроэнергетическим потенциалом, и их отношение к водному хозяйству определялось желанием экономить воду для целей выработки электроэнергии.

Разветвленная сеть каналов позволяла осуществлять переброски стока из одной республики в другую. Регулирование водного хозяйства было невозможно на республиканском уровне и требовало создания системы надрегionalного управления. Регулирование водопользования являлось важнейшим вопросом местной политики.

Для этих целей в республиках Средней Азии и Казахстане в первые годы советской власти были изданы законы. В основном это были постановления правительства Туркестанской АССР, принятые в 1921—1924 гг. Некоторые из них, в частности Основной закон о водах Туркестанской Республики (16.04.1924), сохраняли юридическую силу и после нового государственного размежевания среднеазиатских республик. В последующие годы все республики приняли свои водные законы, шаблоном для которых послужил водный закон Узбекской ССР.

Оросительные системы были разделены по своей важности на районные, межрайонные, областные, межобластные, республиканские и межреспубликанские. Работой систем районного значения руководили исполкомы районных советов, межрайонного и областного значения — областные управления оросительных систем, межобластного и республиканского значения — республиканские министерства (управления) водного хозяйства. Водные системы межреспубликанского значения подчинялись Главному управлению водного хозяйства Министерства сельского хозяйства СССР.

Однако непосредственное руководство работой некоторых важных систем межреспубликанского значения фактически оставалось в руках республиканских министерств, а иногда даже областных управлений. Например, руководство эксплуатацией магистрального канала имени С. М. Кирова, обслуживающего три района Казахской ССР и четыре района Узбекской ССР, осуществляло Министерство водного хозяйства Казахстана. Оно руководило каналом по поручению Главного управления водного хозяйства Минсельхоза СССР. При этом план водозабора и водоподдачи составлялся на основе предложений исполкомов Южно-Казахстанского и Ташкентского областных советов.

Управление эксплуатацией Кировского магистрального канала находилось на госбюджете. Оно обеспечивалось денежными средствами

4. Исторические территории Центральной Азии в составе сопредельных государств...

Казахской и Узбекской ССР пропорционально стоку оросительной воды, подаваемой этим республикам в течение календарного года. Финансирование производилось непосредственно Министерством водного хозяйства Казахской ССР, а Узбекская ССР перечисляла через свое министерство водного хозяйства соответствующую долю на счет Министерства водного хозяйства Казахской ССР. Споры и разногласия между Казахской и Узбекской ССР в связи с эксплуатацией канала разрешались правительствами этих республик. В особых случаях споры окончательно разрешались Министерством сельского хозяйства СССР.

В июне 1958 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О дальнейшем расширении и ускорении работ по орошению и освоению Голодной степи в Узбекской ССР, Казахской ССР и Таджикской ССР». На его основании были созданы единое межреспубликанское Главное управление по орошению и освоению целинных земель Голодной степи, подотчетное советам министров Узбекской, Казахской и Таджикской ССР, и Межреспубликанский совет по орошению и освоению земель Голодной степи.

Использование воды из оросительных систем межреспубликанского значения осуществлялось на основе норм общесоюзного водного закона, а также специальных соглашений, заключавшихся между республиками. Такие соглашения имелись между Казахской ССР и Узбекской ССР по использованию вод Кировского канала и между Киргизской ССР и Казахской ССР относительно вод рек Чу и Талас.

Система сдержек и противовесов между республиками по вопросам водопользования с распадом СССР была разрушена. Новые государства, исходя из собственных интересов, стали пытаться извлечь максимум выгоды из обладания водными ресурсами. Они не смогли найти адекватную замену «регулирующей руке» союзного руководства. Вода стала источником споров, добавлявших напряженность в региональные отношения.

* * *

На протяжении большей части второй половины XX в. развитие центральноазиатских народов в составе других государств определялось взаимодействием двух тенденций.

Во-первых, созревало и приобретало зрелые современные формы политическое и правовое сознание обществ государств Центральной Азии. Составной частью этого сознания была тяга к наиболее полным формам воплощения этнической идентичности, для которой становились тесными те рамки ее развития, которые были установлены для союзных республик в рамках СССР. В ареале бывших республик Средней Азии и Ка-

захстана эта тяга реализовывала себя преимущественно в форме умеренного национализма элитных слоев и не породила *на местной почве* воинствующих антиправительственных движений. Возникший позднее экстремизм в Таджикистане и Узбекистане был в значительной степени привнесен из зарубежных диаспор таджиков и узбеков.

Во-вторых, внутри экономического, культурного и политического организма Союза ССР в целом вполне успешно шел объективный процесс созревания образованных слоев общества центральноазиатских республик и их управляющих институтов к существованию независимо от СССР. Этот процесс шел не по воле союзного руководства и отчасти вне его контроля. Особенностью ситуации было то, что при этом сколько-нибудь острого конфликта между Москвой и союзными республиками региона не возникало.

Литература

- Байсалов С.* О кодификации водного законодательства республик Средней Азии и Казахской ССР // Советское государство и право. 1961. № 1.
- Бармин В. А.* Политика Советского Союза в отношении Синьцзяна в период деятельности коалиционного правительства в 1946–1947 гг. // Востокovedные исследования на Алтае. Вып. II. Барнаул, 2000.
- Еренов А., Баталов С.* Право сельскохозяйственного водопользования в Казахской ССР. Алма-Ата: АН Каз. ССР, 1956.
- Звягельская И. Д.* Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2009.
- История Казахстана и Центральной Азии: Учеб. пособие / М. Х. Абусеитова и др. Алматы: Білім, 2001.
- Идрисов Е. А.* Он был первым // Казахстанская правда. 2000. 1 июня.
- История Киргизской ССР. Фрунзе, 1984.
- История Китая. М.: МГУ, 2004.
- Кадыров Ш. Х.* Туркменистан: Институт президентства в клановом постколониальном обществе // Евразия. Люди и Мифы. М.: Наталис, 2003.
- К союзу суверенных народов: Сб. документов / Сост. А. И. Доронченков. М., 1991.
- Кунаев Д. А.* О моем времени: Воспоминания. Алма-Ата: Дәуір; МП «Ынтымак». 1992.
- Масанов Н. Э.* Казахская политическая и интеллектуальная элита: Клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Евразия. Люди и Мифы. М.: Наталис, 2003.
- Никонов А. А.* Хроника ашхабадской катастрофы // Вестник ОГГГН РАН. 1998. № 2 (4).
- Обухов В. Г.* Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М.: Вече, 2007.
- Омельченко О. А.* Экономическое развитие Синьцзяна в 1949–1978 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2000.
- Омельченко О. А.* Торговля с Советским Союзом — основа формирования системы внешнеэкономических связей Синьцзяна в восстановительный период // Востокovedные исследования на Алтае. Вып. III. Барнаул, 2002.

5. Формирование нового международно-политического пространства Центральной Азии...

- Осипов А. Г.* Ферганские события 1989 года (конструирование этнического конфликта) // Ферганская долина: Этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М.: Наука, 2004.
- Очерки по истории коммунистической партии Узбекистана / Отв. ред. Э. Ю. Юсупов. Ташкент, 1974.
- Ресурсы поверхностных вод СССР. Т. 14. Средняя Азия. Л., 1971.
- Рыбаковский Л. Л.* Миграционный обмен населением между Центральной Азией и Россией // Социологические исследования. 1995. № 9.
- Сыроежкин К. Л.* Некоторые итоги реформ в Синьцзяне и Казахстане // Россия — Центральная Азия: Проблемы миграций и безопасности. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002.
- Сыроежкин К. Л.* Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность в Центральной Азии. Алматы: Дайк-Пресс, 2003.
- Таджикская советская социалистическая республика. Душанбе, 1974.
- Усубалиев Т. У.* Вода — дороже золота. Водные ресурсы Кыргызстана — это его национальное богатство. Бишкек: Шам, 1998.
- Чиркин В. Е.* Основы государственного права Китайской Народной Республики. Свердловск: Уральский рабочий, 1958.
- Central Asia: A 130 Years of Russian Dominance. Historical Overview. Third printing / Ed. by Edward Allworth. Duke University Press, 2002.
- Collins K.* Clan politics and regime transition in Central Asia / K. Collins. Cambridge University Press, 2006.
- Dreyer J. T.* The Kazakhs in China // Ethnic Conflict in International Relations. N.Y: Praeger, 1977.
- Geographic Perspectives on Soviet Central Asia / Ed. by R. A. Lewis. L., 2005.
- Fairbank J. K., Goldman M.* China: A New History. USA, Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2006.

Глава 5

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (1991–1996)

Верховный Совет СССР был вынужден согласиться с «беловежскими решениями» о ликвидации Советского Союза. 25 декабря 1991 г. президент СССР М. С. Горбачев официально объявил о сложении с себя полномочий главы государства. Все бывшие союзные республики оказались вне обрамляющей конструкции прежнего Советского Союза, который при всех его недостатках в целом гарантировал жизнь и безопасность своих граждан, а также минимум, пусть и недостаточный, их экономического благополучия. Теперь союзные республики были должны принимать на себя ответственность за собственное выживание.

К этому не все были готовы. Интересам большинства республик Центральной Азии соответствовала модель не столько полной независимости, сколько независимости, добровольно самоограниченной рамками коллективной ответственности за обеспечение обороноспособности, территориальной целостности и макроэкономическое развитие. Приблизительно такую модель суверенности они отстаивали в последний год существования СССР в рамках «огаревского процесса» на переговорах с М. С. Горбачевым, который стремился преобразовать Союз ССР в конфедерацию «Союза Суверенных Государств». Но этот проект не был осуществлен, так как был сорван действиями трех славянских республик.

Единой позиции лидеров республик Центральной Азии не было. Руководство Казахстана, которое контролировало ситуацию на местах, не видело необходимости форсировать разрушение СССР и считало разумным добиваться его трансформации в выгодном для республик направлении.

Ситуация в Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане была менее спокойной. Особенно опасной она была в Таджикистане. Руководители этих республик сталкивались с сильной конкуренцией со стороны радикальной оппозиции местных националистов и примкнувшего к ним духовенства, апеллировавшего к лозунгам «исламской демократии». Узбекскому и туркменскому правительствам было важно перехватить идею независимости у радикалов и таким образом не дать им стать в центр политических процессов на местах. Вот почему три эти республики повели себя так, как если бы они на самом деле хотели быстрого разрушения СССР.

Положение в Киргизии было особым. Лидер этой республики, А. А. Акаев, находился под влиянием радикальных демократических настроений, характерных для значительной части киргизской интеллигенции так же, как и российской. Политика М. С. Горбачева казалась ему не осмотрительной, а «слабой и непоследовательной». Он был склонен поддерживать Б. Н. Ельцина — откровенного сторонника разрушения СССР.

Особенности становления международных отношений независимого Казахстана

Крупнейшей по территории среднеазиатской республикой СССР был Казахстан (2,7 млн км²). 10 декабря 1991 г. (через два дня после Беловежских соглашений) Казахская ССР была переименована в Республику Казахстан. 16 декабря была официально провозглашена ее независимость. В регионе Казахстан обладал самым мощным экономическим

потенциалом. Разведанные запасы нефти в начале 1990-х годов составляли 4,5 млрд т, природного газа — 5,9 трлн м³. В стране имелась сравнительно густая сеть автомобильных и железных дорог. На территории республики проживали представители 131 этнической группы. Самыми многочисленными из них были казахи (39,7%) и русские (37,8%).

В наибольшей степени заселенными и экономически развитыми были южные регионы республики, а также ее северная часть, граничащая с Россией. Север Казахстана был заселен преимущественно русским населением, значительная часть политических лидеров которого выступала с лозунгами культурной автономии и даже присоединения к Российской Федерации. Южные регионы (заселенные представителями Старшего жуза) граничили с Китаем, намерения которого относительно пограничных соглашений, подписанных Китаем с Российской империей, были не вполне ясными. В Казахстане не исключали, что китайская сторона может поставить вопрос о пересмотре линии китайско-казахстанской границы.

Руководство страны проявило осмотрительность в регулировании внутренней ситуации. Во-первых, оно приняло ряд мер для ограничения активности оппозиционных групп всех направлений, не запрещая ее совсем. В итоге несогласие периодически находило выход, не накапливаясь внутри общества. В то же время правительство контролировало ситуацию в целом.

Во-вторых, руководство страны смогло найти формулу сочетания «национально-возрожденческих» настроений казахов с идеей общего государства казахов и русских. Обе главные этнические общины страны должны были примириться на платформе казахстанского варианта государственничества. Н. А. Назарбаев сумел предотвратить развитие ситуации по рискованному пути превращения страны в типичное этнократическое государство. В новой политической системе для представителей русской общины было зарезервировано значительное место, хотя «командные высоты» во власти и экономике заняли казахи.

Это не избавило страну от межэтнических трений, но не позволило им развиваться в гражданский конфликт. Часть русского населения, которая не приняла новых «правил игры», стала эмигрировать в Россию. Правительство Казахстана стремилось держать в фокусе внимания миграционные процессы, обсуждая положение русских в Казахстане с российским правительством. Расхождений было много. Однако вопросы защиты прав русских в Казахстане в межгосударственную проблему не выросли.

В начальный период казахстанской государственности руководство страны стремилось поддерживать межгрупповой баланс внутри казахской части элиты путем назначения на руководящие посты представите-

лей различных жузов. Сам Н. Назарбаев относился к Старшему жузу, первый председатель Верховного Совета Казахстана Е. Асанбаев и его преемник С. Абдильдин — к Среднему жузу. Главой кабинета министров был назначен русский (С. А. Терешенко). Однако во второй половине 1990-х годов, когда казахи стали составлять почти половину населения страны, уровень представительства русских во властных органах снизился. Русская община «потеряла» пост главы правительства. Власть была перераспределена между жузами: представители Среднего получили должность главы кабинета (А. Кажегельдин), а Младшего — пост главы парламента (А. Кекильбаев).

Казахстан не спешил создавать вооруженные силы. Первоначально было заявлено о намерении создать небольшую национальную гвардию численностью до 20 тыс. человек для охраны границы и поддержания внутреннего порядка. Задачи обороны от внешних угроз предполагалось возложить на объединенные вооруженные силы СНГ. Но сомнения в его эффективности побудили Казахстан формировать собственные вооруженные силы. Их части были размещены в основном на востоке и юге страны.

Осторожность казахстанского руководства в вопросах внешней политики создавала уникальные возможности для преобразования отношений между РСФСР и Казахской ССР как двумя союзными республиками в рамках Советского Союза в мощный комплекс «особых» отношений между Россией и Казахстаном как независимыми государствами.

Отношения между ними могли развиваться по формуле японо-американского союза: одна из сторон делегирует другой стороне по взаимному согласию функцию обеспечения ее обороны от внешних угроз. Россия могла сохранить ответственность за обеспечение безопасности Казахстана. В этом случае, правда, на нее легли бы дополнительные военные расходы, поскольку Казахстан в тот момент был экономически существенно слабее России. Но долгосрочные политические приобретения обеих стран от такой формулы отношений могли намного превзойти финансовые издержки.

Однако российская политика в отношении государств Центральной Азии в тот момент строилась по остаточному принципу: основное внимание российская дипломатия уделяла европейским партнерам. Перспективы превращения Казахстана в нефтяную державу не были должным образом оценены в окружении президента России Б. Н. Ельцина.

Приоритетными в Москве ошибочно считали отношения с Украиной, закрывая глаза на то обстоятельство, что украинское руководство проводи-

ло линию на создание препятствий для выработки любых форм сотрудничества между Россией и другими бывшими союзными республиками СССР. Российское руководство не хотело, чтобы сотрудничество с Центральной Азией развивалось быстрее, чем с Украиной. Ускоренное сближение с Казахстаном казалось либералам, окружавшим российского президента, знаком «погружения России в Азию». Сближение с Украиной, напротив, рисовалось символом «приближения к Европе». В результате Москва теряла возможности для укрепления влияния в Центральной Азии, не приобретая преимуществ для упрочения позиций в европейских делах. Ущербность односторонней ориентации на Украину была осознана только в начале 2000-х годов после ухода Б. Н. Ельцина.

Распад Советского Союза обострил проблему контроля над вооружениями. Подписанный летом 1991 г. в Москве советско-американский договор СНВ-1 не мог вступить в силу без его ратификации уже не одним государством — СССР, а четырьмя — Российской Федерацией, Украиной, Белоруссией и Казахстаном, на территориях которых находилось ядерное оружие бывшего Союза ССР. Ядерный статус России как правопреемницы и правопродолжательницы СССР не оспаривался, и сама она не собиралась от него отказываться. Не было ясно, как поведут себя другие страны. Наличие под их контролем ядерного оружия могло служить основанием для требований о признании за этими государствами ядерного статуса. Москва и Вашингтон были заинтересованы в том, чтобы три новые «полуядерные» страны согласились удалить атомное оружие со своей территории и признали себя неядерными государствами. Россия и США убеждали Украину, Белоруссию и Казахстан отказаться от обладания ядерным оружием.

Руководство Белоруссии и Казахстана проявило готовность провозгласить безъядерный статус и вывести ядерное оружие в Россию. Украинское руководство маневрировало. Но в начале мая 1992 г. парламенты Украины, Белоруссии и Казахстана ратифицировали договор СНВ-1. 23 мая 1992 г. в Лиссабоне представители США, России, Украины, Белоруссии и Казахстана подписали протокол к советско-американскому договору СНВ-1, согласно которому последние три страны согласились принять на себя обязательства бывшего СССР по договору СНВ-1. Украина, Белоруссия и Казахстан обязались присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве безъядерных стран.

25 мая 1992 г. Казахстан и Российская Федерация заключили Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В нем в первую очередь была зафиксирована нерушимость существовавших между ними

границ и выражена нацеленность на развитие всестороннего сотрудничества на равноправной межгосударственной основе.

В этом документе было сформулировано *положение о создании общего военно-стратегического пространства России и Казахстана*, что предусматривало совместное использование военных баз, полигонов и иных военных объектов. Российской стороне было важно заручиться согласием казахстанского руководства не препятствовать доступу России к объектам космической инфраструктуры на территории Казахстана (Байконур). Далее этого тогда интересы России не простирались. Договор 1992 г. стал базой российско-казахстанских отношений. Большой пакет документов о сотрудничестве в военной сфере между Россией и Казахстаном был подписан 28 марта 1994 г.

Главным из них является Договор о военном сотрудничестве, в соответствии с которым были подписаны документы о военно-техническом сотрудничестве, стратегических ядерных силах, временно расположенных на территории Казахстана, оказании услуг военного назначения и расчетах за военно-техническое сотрудничество. Также было подписано соглашение о демонтаже ядерного устройства, заложенного на Семипалатинском ядерном полигоне до его закрытия.

Специфической проблемой российско-казахстанских отношений стала судьба космодрома Байконур. Стоимость его основных фондов составляла 4,4 трлн руб. Обнаружились разногласия по вопросу принадлежности стартового космического комплекса. Российская сторона выступала за передачу ей космодрома, казахстанская — за использование его Россией на правах аренды. В октябре 1992 г. было достигнуто соглашение о том, что воинские формирования, обслуживающие космодром, будут входить в Военно-космические войска России. 25 декабря 1993 г. в ходе визита в Казахстан главы российского правительства В. С. Черномырдина был подписан меморандум о принципах обеспечения деятельности Байконура. В марте 1994 г. было достигнуто российско-казахстанское соглашение об аренде Россией космодрома сроком на 20 лет.

В дальнейшем между двумя странами было подписано около 300 других соглашений о сотрудничестве. Среди них — договор о правовом статусе граждан обеих республик (1995) и соглашение об упрощенном порядке приобретения ими гражданства (1995) и другие. В 2004 г. был заключен отдельный договор о российско-казахстанской государственной границе.

Отношения с Россией не могли быть единственным направлением внешней политики Казахстана. Казахстанское руководство уделяло очень большое внимание своим отношениям с США и странами Евро-

союза. Казахстан считал себя европейской страной, поскольку небольшая часть его территории лежит к западу от реки Урал как географической границы Европы с Азией. Не желая открыто балансировать между Россией и США, Казахстан в то же время не отказывался от приобретения дополнительных возможностей для дипломатического маневрирования с целью предупреждения чрезмерной привязки к Москве. Казахстан стал развивать контакты с НАТО, став, вместе с рядом других государств региона, участником программы «Партнерство ради мира».

Важным аспектом политики стали отношения с западными нефтяными компаниями. Не порывая связей с российским бизнесом и не отказываясь от прокачки нефти по российским («северным») нефтепроводам, Казахстан, тем не менее, провозгласил приоритетом в разработке своей доли нефтяных ресурсов восточного побережья Каспия сотрудничество с западными компаниями. Они приобрели ключевые позиции в казахстанской энергетике. Казахстан также принял участие в переговорах о строительстве «южных» трубопроводов, маршруты которых предполагалось провести по территории Закавказья и Турции.

Важное место в казахстанской политике занял Китай. Сначала тревогу вызывали намерения КНР в вопросе о границах с Казахстаном. Но китайское руководство не предъявило никаких требований, и отношения двух стран стали развиваться нормально. В 1992 г. была достроена ветка от восточной границы Казахстана до китайского города Урумчи, соединившая казахстанские железные дороги с китайскими в Синьцзяне. Шире стали возможности прямого сухопутного сообщения между странами.

Важным направлением политики по линии многостороннего сотрудничества было сотрудничество Казахстана в рамках созданного по его предложению в 2000 г. Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) с участием Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана. В качестве наблюдателей к нему присоединились Молдавия и Украина. С 2006 г. членом этой организации стал и Узбекистан. ЕврАзЭС, локомотивом которого являются двусторонние отношения России и Казахстана, оказался самым успешным проектом в рамках СНГ.

С 1995 г. Казахстан участвовал в подготовительной работе по линии создания Шанхайской организации сотрудничества и стал активным членом этой структуры с момента ее создания.

Казахская версия евразийской идеи

Внешнеполитическая доктрина Казахстана была сформулирована в 1992 г. Приоритеты молодого государства формулировались осторожно и реалистично. Предлагалось сохранить особые отношения с Рос-

сией, развивая преференциальные связи с четырьмя соседними новыми государствами и добиваясь всех возможных гарантий безопасности в рамках СНГ.

Отношения с Западом не выводились из фокуса внимания, но перспективы быстрого сближения с США и ЕС не переоценивались. В выступлении в Колумбийском университете в Нью-Йорке 16 февраля 1994 г. президент Н. А. Назарбаев сказал о необходимости создания «пояса доверия и добрососедства» по всему периметру казахстанских границ. «Я был и остаюсь сторонником сохранения исторически сложившихся отношений дружбы, сотрудничества и взаимопонимания во всем пространстве “ближнего зарубежья” и последовательно отстаиваю идею экономической интеграции стран-членов СНГ», — заявил он.

С 1992 г. в окружении президента стала обсуждаться концепция геополитического моста между Востоком и Западом (Азией и Европой), которым должен был стать Казахстан. Находясь в Москве, 29 марта 1995 г. во время посещения МГУ президент Н. А. Назарбаев предложил модель экономической реинтеграции пространства бывшего СССР на конфедеративной основе. Формой такого объединения, по его мнению, мог стать Евразийский Союз (ЕАС), некоторые органы управления которого имели бы наднациональный характер. Основой объединения могли служить действовавшие институты СНГ. Идея президента имела не только геополитическое, но и культурное основание. По мысли Назарбаева, полурусский-полуказахский Казахстан предназначен для функции соединения славянской и тюркской общностей.

Евразийская идея в интерпретации Н. А. Назарбаева и инициатива создания ЕАС были серьезно восприняты частью российской элиты, но вызвали холодную реакцию Б. Н. Ельцина и министра иностранных дел России А. В. Козырева. Противники евразийства утверждали, что главным для России было сближение с Евросоюзом, а интеграция с Казахстаном могла бы только отяготить развитие России. Возможность превращения Казахстана в процветающее нефтеэкспортирующее государство по-прежнему казалась нереальной. Надо отметить, что и соседние с Казахстаном страны Центральной Азии восприняли его идею критично, усмотрев в ней «прозападный уклон» и отказ от «центральноазиатского регионализма».

Узбекистан в условиях противостояния с исламским экстремизмом

В отличие от Казахстана, руководство которого с момента независимости не сталкивалось с мощным противодействием организованной

оппозиции, тем более вооруженной, Узбекистан пришел к независимости при тревожных обстоятельствах.

Независимость Республики Узбекистан была провозглашена до подписания Беловежских соглашений — 31 августа 1991 г. Население страны составляло 20,3 млн человек. 29 декабря 1991 г. президентом Узбекистана был избран Ислам Абдуганиевич Каримов (бывший первым секретарем ЦК компартии Узбекистана). На всеобщих выборах он набрал 86% голосов. Его основной соперник, лидер партии «Эрк» («Свобода») писатель Мохамад Солих (Салай Мадаминов) получил 12,3%.

Внутри страны против правительства выступала сплоченная и опиравшаяся на помощь из-за рубежа оппозиция, выступавшая под лозунгами «возрождения ислама». Она обвиняла власти в приверженности светскому («богопротивному») строю и требовала установления исламского правления.

В этой оппозиции слились деятели давно существовавшей в Узбекистане «теневой экономики», добивавшиеся перераспределения власти в стране в пользу «своих кланов». Их поддерживали руководители зарубежных производственно-криминальных сетей по изготовлению и сбыту наркотиков и обычные контрабандисты. Задачей было подчинить своему влиянию власти Узбекистана и создать региональную базу политического влияния криминализованного капитала. В случае реализации такого сценария Узбекистан мог превратиться в «неудавшееся государство», примером которых стали Судан, Сомали и Афганистан.

Несомненно, в узбекской оппозиции присутствовал и элемент идейного участия. Против власти выступали либерально настроенные интеллигенты, воспитанные в духе узбекской традиционной культуры, часть радикально настроенного духовенства, просто патриотически настроенная общественность, которой были симпатичны идеи обновления, свержения власти коммунистов и советского строя.

Важно иметь в виду, что на территории Узбекистана были сосредоточены древние очаги исламской культуры. Наследие «Священной Бухары» имело политическое и культурное измерения. Среднеазиатский ислам был радикальнее поволжского и отзывчивей к влиянию зарубежных фундаменталистских течений. Местное духовенство сильно влияло на события, а его позиция была часто неблагоприятной по отношению к власти.

За пределами Узбекистана у оппозиции имелись сторонники в состоятельных кругах общества Саудовской Аравии и других стран Персидского залива. Это были в основном убежденные сторонники исламизма. Идея исламской революции была в их представлениях справед-

ливой и достойной воплощения. Ради этого считалось благородным не жалеть средств. Узбекская оппозиция находила спонсоров в среде политиков и бизнесменов такого рода. В основном эти средства попадали в руки боевиков, роль которых внутри Узбекистана поэтому возрастала.

Вооруженные сторонники исламской революции приобрели опорные точки в горных районах Ферганской долины. В годы существования Советского Союза эти земли были внутренней территорией СССР, внешние рубежи которого тщательно охранялись и были непроницаемы для проникновения иностранцев. Распад Советского Союза изменил ситуацию.

В первой половине 1990-х годов российские пограничники продолжали обеспечивать охрану внешних границ государств СНГ, о чем с рядом из них были заключены соглашения. В 1998–1999 гг. пограничное присутствие России по настоянию принимающей стороны было свернуто в Туркменистане. Формирования Федеральной пограничной службы России продолжили охранять внешние границы Таджикистана, в разной степени участвуя в охране границ Казахстана и Киргизии. Узбекистан пытался защищать свои границы самостоятельно.

По мере свертывания прав и обязанностей России по охране границ бывших союзных республик их внешние рубежи стали охраняться все хуже. Сами молодые государства не имели средств и пограничных формирований для обеспечения нужного уровня защиты. В итоге с территорий Афганистана и Ирана в Центральную Азию, как в начале XX в., стало легко проникать и отдельным лицам, и вооруженным группам. Проходя горными тропами и перевалами, они оседали в Ферганской долине, где оставались фактически неуязвимыми для местной милиции.

Дело усугублялось тем, что в советские годы Фергана была поделена между несколькими государствами. Узбекские внутренние войска имели право действовать только в пределах узбекских секторов Ферганы, а боевики, уходя от преследований, могли легко переходить на земли киргизских или таджикских секторов. При этом протесты по поводу вторжения бандитов направлять было некому. Зато правительство Узбекистана периодически получало протесты Таджикистана и Киргизии по поводу фактов вторжения узбекских сил на киргизскую или таджикскую территорию, даже если целью таких шагов было уничтожение боевиков.

В Ферганской долине сложился географический «треугольник» между городами Наманган, Андижан и Фергана, внутри которого оказались территории с сильным влиянием сторонников исламской революции.

Противоборствуя с оппозицией, И. А. Каримов считал нужным укрепить союз с некоторыми старыми кланами. Придя к власти при поддер-

жке ташкентцев (Р. Н. Нишанова), он в 1992–1994 гг. провел неформальную реабилитацию Ш. Р. Рашидова и возвратил на высокие посты ряд представителей рашидовского (джизакского) клана.

Тем не менее И. А. Каримов столкнулся с необходимостью применить силу в целях вооруженной борьбы против боевиков. Президент попытался выяснить, на чью помощь он сможет рассчитывать в предстоящей борьбе за власть в собственной стране. Перспектива обращения за помощью к России казалась спорной. Российское руководство не хотело вмешиваться в конфликты за пределами своей территории, а пренебрежительное отношение Б. Н. Ельцина и А. В. Козырева к азиатским делам было настолько очевидным, что рассчитывать на помощь Москвы в борьбе с боевиками было трудно.

Теоретически для узбекского руководства мог существовать шанс получения поддержки у Запада. Но для этого И. А. Каримову было необходимо продемонстрировать свою способность проводить прозападную политику или хотя бы линию на отход от ориентации на Россию. Это было тоже рискованно, но возможности выбора были ограниченными.

30 мая 1992 г. был подписан российско-узбекский договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве. В отличие от договора России с Казахстаном, он не предусматривал ничего похожего на идею «общего пространства безопасности». Скорее это был договор о нейтралитете и отсутствии у сторон взаимных претензий. Текст не содержал статей об оказании сторонами военной помощи друг другу. Было очевидно, что участвовать на стороне Узбекистана в вероятном региональном конфликте Россия не намерена.

Правда, она соглашалась поставлять Узбекистану вооружения и оказывать военно-техническую помощь. В марте 1994 г. была подписана декларация о развитии всестороннего сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан, в которой были оговорены соответствующие обязательства.

Однако основные трудности Узбекистана были связаны с его внутренним развитием. Президент И. А. Каримов применял в отношении оппозиции все методы — от уступок и попыток привлечь на свою сторону ее лидеров до репрессий и использования силы.

Еще в начале 1990-х годов на волне «перестройки» в Узбекистане возникли оппозиционные группы. Первой из них стало реформистское движение «Бирлик». Часть его руководства выступала за сохранение Узбекистана в составе СССР и распространение на территорию республики тех либеральных норм жизни, которые уже утвердились в Москве и других городах Российской Федерации. Другая часть лидеров «Бирлика» вы-

ступала за независимость Узбекистана. Обе группы добивались свержения И. А. Каримова. 20 февраля 1990 г. сторонники независимости отделились от «Бирлика» и объявили о создании партии «Эрк». Ее руководители старались избегать насилия.

На сессии Олий мажлиса (Верховного совета) Узбекистана в сентябре 1991 г. оппозиция попыталась выдвинуть на пост президента своего кандидата — вице-президента Шукрулло Мирсаидова.

Это попытка не удалась, а вскоре был ликвидирован и пост вице-президента. Сам Ш. Мирсаидов был обвинен в связях с организованной преступностью и осужден (впоследствии жил в изгнании в Москве).

В 1991 г. И. А. Каримову удалось на время нейтрализовать оппозицию, пригласив некоторых ее вождей занять посты в органах государственной власти. Один из сопредседателей движения «Бирлик» получил должность председателя Высшей аттестационной комиссии Узбекистана. Некоторые лидеры «Эрк» получили назначения в аппарате президента. Партия раскололась на умеренное и радикальное крылья.

Однако остальные вожди движения сочли уступки недостаточными. 2 августа 1992 г. в день начала работы сессии вновь избранного Верховного совета «Бирлик» и «Эрк» попытались провести в Ташкенте акции протеста. Была выдвинута идея создания альтернативного парламента — милли (народный) мажлиса. Эта попытка не удалась, а правительство решило перейти от уступок к давлению на оппозицию.

Главный сторонник идеи альтернативного парламента М. Солих в 1994 г. бежал из Узбекистана и поселился в Турции. Он не оставлял надежды вернуться в политику. В мае 1995 г. М. Солих посещал Грозный, где встречался с лидером чеченских сепаратистов Д. Дудаевым и вел переговоры о подготовке боевиков в лагерях на турецкой территории. По сведениям печати, в 1997 г. М. Солих участвовал в разработке лидерами Исламского движения Узбекистана плана государственного переворота.

8 декабря 1992 г. узбекские спецслужбы арестовали находившегося на киргизской территории, в Бишкеке, нелояльного по отношению к И. А. Каримову сопредседателя движения «Бирлик» Абдуманоба Пулатова. Он был доставлен в Ташкент и обвинен в уголовных преступлениях. В марте 1993 г. правительство приняло решение об обязательной перерегистрации всех политических партий и движений Узбекистана. «Эрк» и «Бирлик» процедуру перерегистрации не прошли.

Более сложно И. А. Каримову было нейтрализовать оппозицию духовенства. Поддержка исламских богословов была нужна президенту, поскольку он рассматривал исламскую идентичность как часть своей государственнической концепции.

Можно выделить три модели отношений между светской властью и исламистами в Центральной Азии. Для первой характерен почти полный контроль государства над деятельностью духовенства и исламских организаций (Туркменистан, Узбекистан). Для второй — сотрудничество государства с умеренной частью исламистов при доминировании светской власти (Таджикистан). Третья модель (Казахстан, Киргизия) основана на сохранении правовых барьеров и политической дистанции между религиозным и светским началами в жизни государства и общества.

После президентских выборов 1994 г. И. А. Каримов даже приносил присягу на Коране, а затем совершил *хадж* (паломничество) в Мекку. Но власти Узбекистана понимали, что политический ислам и вооруженный религиозный экстремизм являются главными угрозами для будущего страны, особенно если будут питаться финансовой поддержкой из-за границы.

Между тем политизация ислама в стране стала происходить в наиболее радикальных формах. В 1990 г. вне Узбекистана, на территории России, в Астрахани была создана Партия исламского возрождения СССР. В январе 1991 г. возникла ее организация в Узбекистане (Исламская партия возрождения). В 1992–1993 гг. в Фергане и Андижане начали действовать ячейки еще более радикальной организации — группы Исламской партии освобождения (Хизб ут-Тахрир аль-Ислами), выступающей за создание всемирного исламского халифата.

Более узкие задачи решали такие организации, как развернувшееся работу в Ферганской долине движение «Адолат» («Справедливость»). На короткое время его лидеры даже установили контроль над г. Наманганом. В декабре 1991 г. во время поездки И. А. Каримова в этот город его жители собрались у здания областного совета и потребовали встречи с президентом. В ответ было сообщено, что И. А. Каримов уже вернулся в Ташкент. Тогда участники митинга захватили помещение областной администрации и не освобождали здание до тех пор, пока президент не вернулся. Каримову пришлось выслушать митингующих и поклясться на Коране в том, что он выполнит их требования. Лишь в марте 1992 г. властям удалось восстановить полный контроль над городом, арестовав большинство руководителей движения. Радикальное крыло движения впоследствии трансформировалось в группу «Ислом лашкарлари» («Воины ислама»).

Но вскоре в Намангане была создана военизированная исламская группировка «Товба» (от арабского названия девятой суры Корана «Тауба» — «покаяние»). Ее лидером был Абдували Юлдашев.

Несмотря на сходство фамилий Абдували Юлдашева и будущего лидера Исламского движения Узбекистана Тахира Юлдашева, основателем «Товбы» был именно Абдували. Джумабай Ходжаев (Намангани) и Тахир Юлдашев были в то время рядовыми членами организации.

Большинство участников движения было причастно к уголовным правонарушениям, и их не трудно было привлечь к судебной ответственности. Укрываясь от уголовного преследования, исламисты перешли на территорию Таджикистана. Там они вступили в отряды Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) и в 1992 г. сформировали «наманганский батальон», принимавший в дальнейшем участие в боевых действиях на территориях стран региона.

Наличие отрядов боевиков, укомплектованных этническими узбеками, но действовавшими на территории нескольких соседних стран, создавало дополнительные противоречия между соответствующими государствами. В частности, узбекские боевики, которые стали базироваться в Таджикистане, представляли собой угрозу для Узбекистана. Но узбекские силы не имели возможности уничтожить их, поскольку для этого потребовалось бы масштабное вооруженное вторжение на таджикскую территорию. В то же время перекрыть доступ боевикам из Таджикистана в Узбекистан было почти невозможно из-за сложности горного рельефа местности вдоль узбекско-таджикской границы. Гарантировать ее непроницаемость теми силами, которыми располагал Узбекистан, было не реально. Узбекистан стал требовать от правительства Таджикистана принять меры для ликвидации лагерей узбекских банд на таджикской территории. Но таджикское правительство само вело борьбу за выживание и было не в состоянии выполнить узбекские требования.

Возможности военно-политического сотрудничества в рамках Ташкентского договора

Создание СНГ теоретически позволяло вошедшим в него странам приступить к развитию военно-политического сотрудничества. 15 мая 1992 г. в Ташкенте представители Армении, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекистана подписали Договор о коллективной безопасности сроком на пять лет с возможностью его последующего автоматического продления. Договор вступил в силу в апреле 1994 г. Туркмения отказалась к нему присоединиться, ссылаясь на намерение провозгласить статус нейтрального государства (см. ниже).

Подготовка к подписанию Ташкентского договора выявила расхождения между странами СНГ. Договор не мог служить основой эффективной военно-политической организации на пространстве СНГ ввиду противоречий между присоединившимися к нему странами. Таджикистан вступил в него с серьезными намерениями, добиваясь военной помощи от России из страха перед возможным вмешательством со стороны Узбекистана и интервенцией исламских экстремистов с территории Афганистана. Узбекистан присоединился к договору отчасти ввиду неопределенности ситуации в сосед-

нем Таджикистане. В случае захвата власти в этой стране исламистами волна экстремизма из Таджикистана могла хлынуть в Узбекистан, и ему понадобилась бы военная помощь, источником которой могла в начале 1990-х годов быть только Россия.

Юридически Ташкентский договор выглядел как «сильный». В ст. 4 говорилось: «Если одно из государств-участников подвергнется агрессии со стороны какого-либо государства или группы государств, то это будет рассматриваться как агрессия против всех государств—участников настоящего Договора». Но в договоре не пояснялось, применимо ли это положение к любому нападению или же только нападению извне, то есть со стороны государств, не являющихся участниками договора.

Таджикистану не было ясно, должны ли страны Ташкентского договора оказывать ему помощь в случае конфликта с Узбекистаном, что в начале 1990-х годов не выглядело столь уж невероятно. Ташкент строил политику в отношении Таджикистана, исходя из того, что Северный Таджикистан (Худжандская область), в котором проживало много узбеков, при любых обстоятельствах будет нуждаться в «покровительстве» Узбекистана. Комментируя в 1992 г. желание узбекского населения Худжанды присоединиться к Узбекистану, президент И. А. Каримов заявлял, что его страна будет «душой и телом болеть за узбеков и защищать их».

Раздражаясь по поводу подобных высказываний, руководители Таджикистана со своей стороны тоже допускали намеки на исторические основания желать присоединения к таджикским землям территорий бухарско-самаркандского пояса, среди населения которого таджики составляют весьма многочисленную группу.

Конфликты на территории Содружества показали невысокую эффективность Ташкентского договора с тем кругом участников, которые к нему присоединились, и с точки зрения целей, которые были в нем официально заявлены. Вместе с тем он создал юридическую базу для формирования многонациональных миротворческих сил СНГ, ядро которых составляли контингенты России. Многонациональные силы в некоторых случаях оказывали сдерживающее влияние на региональные конфликты. Миротворчество облегчало России сотрудничество со странами СНГ в охране внешних границ Содружества, что позволяло Москве частично сохранять контроль над ситуацией у дальних подступов к границам России.

В первой половине 1990-х годов российские пограничники продолжали обеспечивать охрану внешних границ государств СНГ, в том числе Туркменистана, Таджикистана, Казахстана и Киргизии. Основопологающим документом в этом смысле стал договор о сотрудничестве в охра-

не границ государств СНГ со странами, не входящими в Содружество, от 26 мая 1995 г. Его подписали восемь государств, в том числе Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан.

Наличие Ташкентского договора не препятствовало государствам региона устанавливать связи с НАТО. Весной—летом 1994 г. Казахстан, Киргизия и Узбекистан присоединились к программе НАТО «Партнерство ради мира». Их примеру последовала Туркмения.

15 декабря 1995 г. в рамках данной программы был создан действовавший под эгидой ООН «Центральноазиатский батальон» (Центразбат) с участием подразделений Казахстана, Узбекистана и Киргизии. В августе 1995 г. узбекские и киргизские подразделения участвовали в военных учениях на территории США.

Таджикистан на некоторое время остался единственной страной в регионе, не участвовавшей в данной программе, и присоединился к ней только в феврале 2002 г. Таджикское руководство мотивировало свою позицию тем, что страна уже имеет коллективные миротворческие силы на своей территории и не нуждается в другой аналогичной программе.

Обострение ситуации в Северном Афганистане и его последствия

Вывод советских войск из Афганистана в 1989 г. не привел к стабилизации ситуации. Дружественное Советскому Союзу правительство М. Наджибуллы не получало помощи от СССР. Антиправительственные силы наступали на столицу. 28 апреля 1992 г. войска Северного альянса по главе с генералами Ахмед-Шахом Масудом (таджик) и Абдул-Рашидом Дустумом (узбек) вошли в Кабул. Правительство М. Наджибуллы пало, а сам он укрылся на территории миссии ООН в Кабуле. Страна была провозглашена Исламским Государством Афганистан.

13 мая 1992 г. во время визита А. В. Козырева в Кабул была подписана советско-афганская декларация. В ней говорилось: «Российская Федерация приветствует мирную передачу власти в Афганистане исламскому правительству». Этот шаг был обоснован в Москве необходимостью добиться от нового афганского руководства передачи России советских военнослужащих, находившихся в плену у моджахедов. Надежды на скорое решение вопроса о пленных не оправдались.

В Кабуле было сформировано правительство во главе с одним из лидеров моджахедов С. Моджаддиди. 28 июня 1992 г. состоялось собрание командиров отрядов моджахедов, на котором большинством голосов президентом был избран таджик Бурхануддин Раббани. Это был редкий случай, когда высший пост в стране занял представитель не доминирующей

этнической группы. Но часть полевых командиров, не приславших своих делегатов на собрание, не признала законность этого избрания. В частности, участвовать в выборах отказался один из видных деятелей моджахедов пуштун Гульбеддин Хекматиар. Пытаясь достичь примирения, в июле 1993 г. Б. Раббани назначил его главой правительства.

Компромисс был непрочным, и со второй половины 1993 г. Афганистан фактически разделился на две зоны — северную, где положение контролировало правительство при поддержке таджикских и узбекских сил, и южную, в которой власть удерживали пуштунские полевые командиры. В Афганистане возобновилась междоусобная война между группировками моджахедов. Позиции Б. Раббани слабели, Г. Хекматиар его теснил. Отряды афганских узбеков под руководством А.-Р. Дустума нередко блокировались с пуштунскими против афганских таджиков, которых представлял Б. Раббани.

С сентября 1995 г. заметную роль в антиправительственной оппозиции стали играть вооруженные группы движения «Талибан», состоявшие из выпускников исламских школ, преимущественно пуштунов. Задачей талибов было положить конец внутриафганской распри при помощи силы. Их руководителем стал мулла Мохаммед Омар (пуштун). Талибы начали борьбу одновременно против всех: кабульского правительства, таджикско-узбекского Северного альянса и пуштунских отрядов Г. Хекматиара. Помощь талибам оказывали правительство Пакистана и ЦРУ США (последнее, главным образом, до вывода советских войск из Афганистана).

В августе 1992 г. в Кабуле начались вооруженные столкновения между группировками моджахедов, ввиду чего российское посольство было эвакуировано. Осталось лишь генеральное консульство РФ в г. Мазари-Шарифе на севере Афганистана, в районе с преимущественно таджикским и узбекским населением. Российско-афганские отношения были заморожены. Особого интереса к событиям в Афганистане после 1989 г. не проявляли и США.

Распад Советского Союза изменил ситуацию. В Центральной Азии образовались новые государства — Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан. Сначала они инерционно ориентировались на Россию. Но их приоритеты начали меняться. Таджикистан сохранил ориентацию на Россию. Казахстан и Киргизия склонялись к сотрудничеству с Россией и Китаем, Узбекистан — с Россией, Турцией и США, Туркмения — с Россией, Турцией и Ираном. Ситуация в регионе была осложнена гражданским конфликтом в Таджикистане, к которому оказались причастны Россия, Узбекистан, Афганистан и Иран. Границы государств СНГ не охранялись так тщательно, как прежде охранялись со-

ветские границы. Поэтому *конфликт в Афганистане стал переливаться сначала на сопредельную территорию Таджикистана, а далее — через земли Ферганы в Узбекистан и Киргизию*. Таджики и узбеки жили по обе стороны прежней советско-афганской границы. В Таджикистане таджиков было 4 млн, а на афганской территории — от 3 до 8 млн человек.

**«Узбекская» и «таджикская» национальные идеи
в отношении Узбекистана, Таджикистана
и Афганистана**

Начало 1990-х годов с присущей ему ломкой государственных границ было временем бурного обсуждения проектов переустройства политического пространства Центральной Азии. Почти одновременно возникли концепции единства всех узбеков и всех таджиков региона. Это единство не обязательно должно было подразумевать создание единых государств обоих этносов. Но оно, несомненно, постулировало их солидарность и совместные действия.

В декабре 1992 г. президент Узбекистана И. А. Каримов обратился к парламенту с речью «Узбекистан — государство с великим будущим», в которой было дано истолкование *узбекчилик* — «национальной идеи узбеков». И. А. Каримов считал, что ее реализация позволит построить стабильное государство, свободное от религиозного экстремизма и не терпимости.

В концепции И. А. Каримова содержался акцент на мысли о том, что Узбекистан является самым многонаселенным государством региона (19 млн человек). В ней указывалось и на то, что в сопредельных с Узбекистаном странах имеются крупные узбекские диаспоры — в Таджикистане, Афганистане, Киргизии, Туркменистане, Казахстане.

В середине 1990-х годов Ташкент проводил линию на сотрудничество с узбеками иностранных государств — прежде всего Афганистана. Афганские узбеки были сильно раздражены деятельностью президента Афганистана Б. Раббани, таджика по национальности. Президента обвиняли в том, что он окружил себя представителями таджикской общины и ущемляет права других групп. Еще сильнее узбеков раздражали планы лидера афганских таджиков, генерала А.-Ш. Масуда, относительно создания «Великого Таджикистана», с включением в него Республики Таджикистан, населенных таджиками частей Афганистана, а также Самарканда и Бухары, принадлежащих Узбекистану. Такие планы затрагивали территориальную целостность последнего и не могли не вызывать его противодействия.

Вот почему Узбекистан стал помогать лидеру афганских узбеков А.-Р. Дустуму, когда тот совместно с вождями пуштунов и хазарейцев

стал создавать в Афганистане антитаджикскую коалицию. Ташкент поставлял афганским узбекам электроэнергию, продовольствие, горючее и вооружения. В отряды А.-Р. Дустума были направлены узбекские военные советники. Стал формироваться союз Узбекистана с афганскими узбеками.

Но эта тенденция развивалась не очень долго. Главной силой в Афганистане становились пуштуны-талибы. Они одинаково плохо относились и к таджикам, и к узбекам. В 1998 г. под контролем талибов был уже весь Южный Афганистан, и они мечтали распространить власть на север — не только на Кабул и Северный Афганистан, но и на Фергану, в которой планировалось создать халифат. Реализация подобных планов угрожала Узбекистану не меньше, чем идея «Большого Таджикистана».

Начало гражданской войны в Таджикистане

Близость к границам Афганистана, впавшего в состояние непрерывной нестабильности с середины 1970-х годов, обусловила вовлеченность Таджикистана в дела соседнего южного государства. С начала 1990-х годов жители южных регионов страны стали испытывать идейное и религиозное влияние таджиков Афганистана. Распад СССР подорвал потенциал сдерживания проникновения с юга на таджикскую территорию боевиков и контрабанды, прежде всего оружия и наркотиков. В Таджикистане оживились группы, и в советское время занимавшиеся контрабандой и нелегальным сбытом запрещенных товаров. Страна в силу географического положения выглядела как транзитная зона на пути поставок афганских наркотиков в страны Западной Европы через бывшую советскую Центральную Азию и Россию. Установление контроля над этой зоной было привлекательной целью разных политических сил внутри Таджикистана и вне него.

Военные победы таджикско-узбекского Северного альянса в Афганистане накалили обстановку в Таджикистане, поскольку победившие в Кабуле афганские таджики стали оказывать помощь единомышленникам в Таджикистане под лозунгом объединения всех таджиков. Руководитель Северного альянса Ахмад-Шах Масуд превратился в самую популярную в Таджикистане фигуру, а взятие им Кабула 28 апреля 1992 г. было объявлено самой великой победой таджиков с XI в.

Руководство Таджикской ССР не было готово к решению задачи обеспечения внешней и внутренней безопасности. Ситуация была крайне напряженной.

На момент провозглашения независимости в Таджикистане проживали представители 86 национальностей. Таджики составляли 62,3%, узбеки, проживавшие главным образом на севере, на территории таджикской час-

ти Ферганской долины, — 23,5%, русские — 7,6%. Таджики являются единственной в Центральной Азии нетюркской титульной нацией.

Верховный совет Таджикистана принял декларацию независимости 9 сентября 1991 г. 24 ноября президентом был избран считавшийся ставленником коммунистов худжандец Р. Н. Набиев. Он смог опередить выдвиженца оппозиции памирца Давлата Худоназарова (известного кинорежиссера). Последнего поддерживали как либеральная интеллигенция, так и исламские круги, в том числе самые радикальные.

Сразу после выборов образовалась антиправительственная оппозиция, открыто провозгласившая целью свержение власти компартии. По сути дела речь шла о неудовлетворенности восточных горных и предгорных кланов победой коалиции северян и южан и намерении свергнуть их власть, опираясь на помощь из Афганистана.

Противостояние имело, впрочем, более сложную природу. Это была не только борьба региональных элит. Кулябцы и худжандцы представляли собой потомков бывшей Восточной Бухары — то есть восточных пределов Бухарского эмирата, который считался *преимущественно* узбекским государством. В отличие от них жители мелких бекств предгорий Памира и самого Горного Бадахшана жили исторически более изолированно от бухарских узбеков, хотя и признавали себя вассалами эмиров Бухары. В итоге памирцы считали жителей Куляба и Худжанда «испорченными», «не настоящими» таджиками, много лет вступавшими в браки с узбеками и утратившими «чистоту крови».

Наконец, памирцы были шиитами и к тому же приверженцами секты исмаилитов (15%), а худжандцы и кулябцы — суннитами (85%). Религиозные различия добавляли накала взаимной неприязни.

Исмаилизм возник в VIII в., когда сторонники халифа Али и дочери пророка Мухаммеда Фатимы совместно с последователями имама Исмаила выступили против нарушения принципа наследования имамата: Исмаил умер раньше своего отца имама Джафар ас-Садыка, и после смерти последнего имамом был признан не сын Исмаила Мухаммад, а его младший брат Муса Казим. Наиболее крупный раскол в исмаилизме произошел после смерти могущественного имама Ал-Мустансир Биллаха (1039—1094), одновременно являвшегося халифом Египта, в результате борьбы между его сыновьями Низаром и Мустали за право наследования халифата и имамата. Низар потерпел поражение и вынужден был бежать из страны. Мустали стал преемником Ал-Мустансир Биллаха в халифате и имамате. Однако многие исмаилиты не признали его, считая имамом и халифом Низара. Борьба между сторонниками Низара и единомышленниками Мустали приняла ожесточенный характер. В результате низариты, потерпев поражение, вынуждены были покинуть пределы халифата и организовать новые центры имамата. Наиболее заметные общины исмаилитов имеются в Ливане и Таджикистане.

Лидеры оппозиции датой основания движения исламского возрождения считают 1973 г., когда в колхозе «Туркменистан» Курган-Тюбинской области была создана первая подпольная группа исламского просвещения. В созданную в августе 1990 г. Демократическую партию Таджикистана (председателем которой был Шодмон Юсуп) входили преимущественно выходцы с Памира, из Гарма и Каратегина. Партия исламского возрождения Таджикистана, лидером которой был Мухаммад-шариф Химматзода, была создана муллами Курган-Тюбе.

Земляческие организации создали свои ячейки в Душанбе. Выходцы с Памира создали в столице организацию «Лали Бадахшон», уроженцы Пенджикента (юго-запад Ленинабадской области) — общество «Заровшан», представители ленинабадской интеллигенции — «Растохез», жители Гарма — «Ватан», центральной части Зеравшанской долины — «Ягноб».

Пестрая и рыхлая лига всех этих антиправительственных обществ и групп стала называть себя объединенной таджикской оппозицией (ОТО). Одним из ее лидеров стал верховный *казий* (казиколон) Таджикистана Ходжи Акбар Тураджонзода (Кахкаров).

ОТО пользовалась поддержкой московских радикалов из демократического лагеря, плохо понимавших роль местных традиционных укладов в жизни азиатских республик. Российские либералы полагали, что свержение в Душанбе прежней советской номенклатуры будет означать приход к власти носителей демократических идей. На деле все получалось иначе. Отстранение советских, но образованных и воспитанных в духе межэтнической терпимости старых элит открывало путь политическим маргиналам, авантюристам, сторонникам архаичных ориентаций и реакционных идеологий.

Русское население Таджикистана не поддерживало антиправительственные выступления, видя их националистическое, антирусское содержание. Руководство размещенной на территории Таджикистана 201-й мотострелковой дивизии проявляло осмотрительность и было склонно поддерживать президента.

Р. Н. Набиев в начале 1992 г. попытался оказать давление на оппозицию. Но при финансовой поддержке из-за рубежа оппозиция стала формировать вооруженные отряды. В марте 1992 г. на площади Шахидон в Душанбе начался многодневный митинг, организованный памирцами и их сторонниками, с требованием отставки председателя Верховного совета Таджикистана Сафарали Кенджаева, который публично обвинил министра внутренних дел (памирца) в коррупции. Одновременно составившие опору Р. Н. Набиева и С. Кенджаева худжандцы и представите-

ли русского населения организовали свой митинг в поддержку правительства на площади Айни.

Президент Р. Н. Набиев смог на время обеспечить себе поддержку южан: в столицу прибыли большие группы кулябцев, которые организовали свой собственный митинг на площади Озоди под лозунгами «Долой ислам» и «Слава КПСС». Однако через несколько дней руководители оппозиции уговорили южан вернуться в Куляб. Соотношение сил снова поменялось.

Получив перевес, памирцы, оставшиеся в городе, окружили здание Верховного совета Таджикистана и заставили депутатов проголосовать за формирование нового правительства во главе с председателем облисполкома Горно-Бадахшанской автономной области Акбаршо Искандаровым. С. Кенджаев был смещен.

7 мая Р. Н. Набиев подписал согласительный протокол. В стране было создано «правительство национального примирения» — коалиция северян-худжандцев с горцами-памирцами. Последние получили контроль над восемью ключевыми министерствами. Власть президента была ограничена, а его гвардия подлежала роспуску. Президент Р. Н. Набиев, по сути, оказался под контролем памирцев, хотя формально он оставался первым лицом в государстве.

От компромисса Р. Н. Набиева с памирцами более всего потеряли южане. Они вообще утратили позиции в правительстве. В Душанбе начались массовые грабежи домов выходцев из Куляба.

Проиграв в столице, кулябцы стали собирать силы. Сначала созданная кулябцами Национальная гвардия уничтожила своих политических соперников (сторонников оппозиции) в самом Кулябе. Спасаясь от преследований, сторонники нового правительства в столице бежали в Душанбе под его защиту. Кулябская область стала политическим и военным плацдармом всех, кто был готов с ними сотрудничать против памирцев, контролировавших столицу и президента.

Между тем хрупкая коалиция худжандцев с памирцами стала распадаться. Президент Р. Н. Набиев понимал, что памирцы стремятся к полному контролю над страной. Предвидя столкновение с ними, Р. Н. Набиев стал принимать меры для повышения боеспособности президентской охраны под командованием Сангака Сафарова. Но она была малочисленна.

Сторонники президента тайно вступили в контакт с южанами, которые к тому времени сформировали на юге боеспособные отряды. Была выработана договоренность об их передаче под командование С. Сафарова. По завершении этого маневра от имени южан было провозглашено создание Народного фронта. Его силы развернули боевые действия

против памирцев, продвигаясь к столице. Началась кровопролитная война, сопровождавшаяся жестокостями по отношению к гражданскому населению.

В Душанбе продолжалась борьба за власть. 31 августа 1992 г. группа изгнанных из Куляба сторонников памирской группы при поддержке своих единомышленников из Курган-Тюбе и некоторых групп столичной молодежи захватила президентский дворец. 7 сентября президента Набиева вынудили под дулами автоматов подать в отставку.

Глава правительства памирец А. Искандаров принял на себя обязанности президента. Не желая разрушать союз с северянами полностью, он предложил пост премьер-министра выходцу из Худжанда Абдулмалику Абдуллоджанову. Таким образом, в рамках сохранившейся формально коалиции памирцы получили первое место, а худжандцы — второе. С выдвижением на роль лидера А. Искандарова стало возрастать влияние радикалов Исламской партии возрождения, а новый режим стал именоваться «исламско-демократическим блоком».

Ни одна из политических групп не была уверена в прочности своих позиций. В столице происходил разгул преступности. В городе существовало несколько десятков полувоенных штабов. Новое руководство страны стало требовать от России вывода 201-й дивизии, добываясь передачи памирцам ее боевой техники.

Между тем худжандцы считали себя обманутыми. Новые условия коалиции с памирцами их не устраивали. Северяне решили восстановить союз с южанами на базе привычной формулы раздела власти. Эту идею поддержала значительная часть суннитского духовенства, поскольку она была крайне недовольна притоком в страну иностранных шиитских (исмаилитских) эмиссаров. Опираясь на поддержку нового президента-памирца, пришлые шииты стали пропагандировать проект создания в Таджикистане исламского государства по образцу иранского. Но эти идеи встречали заинтересованный прием лишь в среде исмаилитов Бадахшана. Другие группы таджиков относились к ним с подозрением, а духовенство Куляба открыто требовало возвращения к власти Р. Н. Набиева.

Положение в Таджикистане вызывало тревогу в Узбекистане, светский режим которого мог стать следующей целью исламистов в случае их победы в Таджикистане. Узбекское правительство было обеспокоено превращением соседней страны в плацдарм для военизированных отрядов любого рода. Боевики с территории Таджикистана могли нападать и на своих политических противников внутри страны, и на соседние узбекские земли. Сме-

на власти в Душанбе была расценена в Ташкенте как неблагоприятный поворот событий. В отношениях между Узбекистаном и Таджикистаном возникла напряженность.

Узбекистан стал вооружать противников памирцев. Группы этнических узбеков вступали в отряды Народного фронта Таджикистана и воевали на стороне южан против памирцев, хотя были зафиксированы и случаи вооруженных столкновений узбеков с южанами. Узбекское правительство было особенно озабочено ситуацией в Худжандской области, территория которой вклинивалась в узбекские территории. Ташкент был настроен помешать любым попыткам исламистов распространить свой контроль на земли, прилегающие к границам Узбекистана. Узбекские вооруженные силы стали оказывать военную помощь непосредственно властям Худжанда. В конце 1992 г. позиции исламистов, пытавшихся выдвинуться в глубь худжандской территории, обстреливались узбекскими вертолетами. Местные дороги патрулировались узбекскими десантниками.

Ташкент придавал огромное значение ситуации в Северном Таджикистане (Худжандской области), поскольку через эту территорию проходят основные региональные коммуникации (железные и автомобильные дороги, газопроводы). Кроме того, обеспечение водоснабжения узбекских сельскохозяйственных угодий зависит от рек, истоки которых находятся как раз в горах Северного Таджикистана.

В июле 1992 г. на саммите СНГ И. А. Каримов предложил создать в регионе многосторонние силы по поддержанию мира. Поскольку угроза экстремизма пугала и Россию, было принято решение направить в Таджикистан миротворческий контингент СНГ. Командовать им было поручено вице-президенту Киргизии Феликсу Кулову. В ноябре 1992 г. были сформированы коллективные миротворческие силы СНГ, состоявшие из российских войск (90%) и подразделений Узбекистана, Киргизии и Казахстана.

27 сентября 1992 г. отряды южан С. Сафарова взяли г. Курган-Тюбе. Это открывало им путь на столицу. По согласованию с представителями Узбекистана и России С. Сафаров начал наступление на Душанбе. Ему противостояли памирцы и гармцы. Боевые действия носили ожесточенный характер. Первая попытка взять столицу 24 октября 1992 г. оказалась неудачной. В боях погибли десятки тысяч человек. Более масштабных жертв удалось избежать лишь благодаря вмешательству 201-й дивизии.

Ситуация в столице была непредсказуемой. Ссылаясь на невозможность нормальной работы, депутаты Верховного совета Таджикистана

приняли решение провести очередную сессию не в Душанбе, а в Худжанде. Депутаты-худжандцы и кулябцы, составлявшие большинство списочного состава парламента, съехались в Худжанд, куда прибыл и свергнутый президент Р. Н. Набиев.

На этой сессии 20 ноября 1992 г. он повторно сделал заявление о своей отставке — на этот раз добровольно. Парламентарии приняли решение упразднить институт президентства. Таким образом, ликвидировались юридические основания претензий А. Искандарова, остававшегося в Душанбе, считать себя президентом страны.

Новым главой парламента был избран кулябец Эмомали Рахмонов (Рахмон), председатель кулябского облисполкома, который до октября 1992 г. был директором одного из совхозов. Новый спикер получил свой пост благодаря поддержке С. Сафарова.

Это вызвало негативную реакцию Ташкента, поддерживавшего худжандцев. Между президентами И. Каримовым и Э. Рахмоновым сложились непростые личные отношения. Первый официальный визит в рамках двусторонних отношений был совершен Э. Рахмоновым в Ташкент в апреле 1998 г. Президент Узбекистана нанес первый визит в Душанбе в июне 2000 года. Тогда же между странами был подписан договор о дружбе.

Заместителями председателя Верховного совета стали кулябец А. Достиев, памирец К. Коимдодонов и узбек Х. Хидиралиев. Пост главы правительства сохранил А. Абдулладжанов (в декабре 1993 г. А. Абдулладжанов был смещен и назначен послом в России). Снова была восстановлена коалиция северян и южан, на этот раз при доминировании последних. При этом определенное место в центральных органах власти было предусмотрено и для памирцев.

10 декабря 1992 г. войска Народного фронта вошли в Душанбе. Исламистов стали теснить на всей территории Таджикистана. 5 января 1993 г. прокуратура начала расследование по делу о «государственном перевороте, организации массовых общественных беспорядков и серьезных преступлениях во время боевых действий». Было заочно возбуждено уголовное дело против лидеров памирской оппозиции.

Становление нейтрализма Туркмении

Республика Туркменистан была провозглашена независимым государством 27 октября 1991 г. на основании результатов референдума. На тот момент в стране проживали представители 105 национальностей: большинство составляли туркмены (72%), а также русские (9,5%), узбеки (9%), казахи (2,5%), украинцы, татары, азербайджанцы, армяне и белуджи.

Традиционным в стране было противоборство столичного (племя *ахалтеке*) и периферийных кланов. Наиболее сильными из последних являлись выходцы из племен *йомудов* и *марыйцев*. Президент Сапармурат Ниязов изначально опирался на чарджоуский клан, связанный с ахалтеке. Периодически он удалял из своего окружения туркмен, заменяя их проживавшими в стране представителями других национальностей. Это были его волевые решения, но они позволяли избегать установления монополии на власть какой-либо одной группы или клана. Президент управлял авторитарно и не желал попадать в зависимость от племенных кланов.

После провозглашения независимости в стране быстро сложился культ почитания С. Ниязова. Он получил титул *Туркменбаши* («отец всех туркмен»). В официальных документах его стали именовать «Великий сердар» (вождь). Месяц январь стал называться «туркменбаши», за апрелем было закреплено название «гурбансолтан» — по имени матери президента. В 1993 г. город Красноводск тоже был переименован в Туркменбаши.

Власти России, США и других стран были осведомлены о положении в Туркмении. Но критика туркменских порядков шла только со стороны общественности. Большинство государств не желало осложнять отношения с С. Ниязовым, учитывая значительную роль, которую Туркмения играла в мировой энергетике. В начале 1990-х годов разведанные запасы нефти в стране оценивались в 1,1 млрд т, природного газа — 15 трлн м³. Доходы от экспорта газа позволяли иметь прибавку к ВВП на душу населения Туркмении до 1,5 тыс. долл.

После распада Советского Союза туркменское руководство приняло решение вступить в СНГ. Однако С. Ниязов быстро понял, что его интересам отвечает не сохранение системы особых отношений с Россией, а лавирование между наиболее влиятельными странами в непосредственном региональном окружении и мире в целом. Поэтому в 1992 г. Туркмения, вместе с Украиной и Молдавией, уклонилась от подписания Ташкентского договора, давая понять, что не стремится сохранять военно-политические связи с Россией.

Вслед за тем с туркменской территории были удалены российские войска, включая части пограничной охраны. Туркмения сначала заявила о намерении охранять границы самостоятельно, а потом вообще отказалась от охраны внешних рубежей.

В 1995 г. правительство С. Ниязова заявило о переходе Туркмении на позицию постоянного нейтралитета. В том же году вопрос о ее постоянном нейтралитете обсуждался на Генеральной Ассамблее ООН, которая приняла резолюцию о признании этого статуса мировым сообществом.

Руководство Туркмении ориентировалось на достижение независимости в вопросах экспорта энергоносителей. Однако попытки Ашхабада содействовать осуществлению проектов строительства трубопроводов к побережью Индийского океана через Иран или по землям Афганистана и Пакистана было невозможно осуществить. Сотрудничеству Туркмении с Ираном противодействовали США, а сооружение трубопровода через Афганистан было нереально из-за нестабильности в этой стране.

Более реалистичными были надежды на трубопровод по дну Каспия и далее через Азербайджан в Турцию. Но основная часть экспорта газа из Туркмении осуществлялась по российским трубопроводам.

Обострение проблемы наркотрафика

Отказ Туркмении от охраны своих границ сделал ситуацию в поясе соприкосновения туркменской территории с Афганистаном полностью непредсказуемой. Контрабандные грузы, и прежде проникавшие с афганской территории в страны Центральной Азии, теперь могли доставляться через туркменские земли в Россию и далее в страны ЕС совершенно беспрепятственно, так как границы между Туркменией и ее соседями по СНГ были тоже неохраняемыми. Политика Ашхабада усугубила и без того тяжелую ситуацию в регионе в связи с гражданской войной в Таджикистане.

Еще с конца 1970-х для многих афганских антиправительственных групп вывоз опийного мака превратился в способ добывания денег на покупку оружия. Полоса расселения пуштунских племен вдоль афгано-пакистанской границы превратилась в гигантскую лабораторию по переработке опийного мака в героин. Поток наркотиков устремился на север через афгано-советскую, а затем — афгано-таджикскую границу. В 1992—1996 гг. основная доля наркотиков поступала в Центральную Азию через участок этой границы в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО). Далее наркотики везли по высокогорной дороге Хорог—Ош—Андижан на территорию узбекской части Ферганской долины. Главные города по маршруту наркотрафика и становились основными очагами антиправительственных выступлений. С 1995 г. доставка наркотиков была организована и через таджикско-киргизскую границу.

К старым маршрутам добавились новые:

- 1) Алтын-Мазарский, начинающийся в районе Рушанского хребта на афгано-таджикской границе в западной части ГБАО и идущий через ущелья Памира и Заалайского хребта до Чон-Алайской долины Ошской области;
- 2) Карамыкский, включающий многочисленные горные тропы, используемые для переходов из Джиргатальского и других районов Таджикистана в Баткенский и Кадамжайский районы Ошской области;

- 3) Ленинадский, охватывающий шоссейные дороги и примыкающие территории от Худжанда через Ляйлякский район Ошской области и прилегающие районы Таджикистана и Узбекистана до города Ош.

Торговля наркотиками оказывала дестабилизирующее воздействие на региональную ситуацию. Слабые молодые государства не имели опыта, сил и средств вести полноценную борьбу с контрабандистами. Кроме того, наркоторговля порождала масштабную коррупцию, к которой оказывались причастными правительственные чиновники и офицеры таможенных и пограничных служб. Межклановая борьба на местах во многих случаях отражала не столько принципиальные разногласия, сколько соперничество разных групп за контроль над маршрутами наркотрафика. Узловым пунктом наркотранзита в силу географического положения и историко-политических особенностей стала Ферганская долина, этнически крайне пестрая и разделенная на части между разными государствами.

Разногласия между малыми и средними странами по территориальным проблемам

Этот регион был наиболее сложным с точки зрения имевшихся в нем территориальных споров. Административная карта советской Средней Азии была составлена таким образом, что ряд территориальных анклавов одних республик оказывались полностью окруженными территорией других. На территории ферганской части Киргизии, например, оказалось четыре узбекских эксклава: сравнительно крупные — Сох и Шакимардан и два мелких — Джангайл и Чон-гора.

Кроме того, в советское время более 130 земельных участков Киргизской ССР были переданы в аренду Узбекистану сроком на 25 лет. Этот срок истек к началу 1990-х годов, однако узбекское руководство медлило с возвращением арендованных земель Киргизии. В Ташкенте полагали, что инвестированные в развитие этих территорий средства Узбекистана дают ему основания претендовать на постоянное владение ими.

Таджикистан имел четыре эксклава на территории Киргизии — в Баткенском районе Ошской области (села Ворух, Чоркух и Сурх и небольшой участок Западная Калача). При этом единственная автомобильная трасса, соединяющая соседний с Баткенским Ляйлякский район с остальной частью Киргизии, проходит через с. Ворух. Таджикский эксклав Сарвак имеется также и на территории Наманганской области Узбекистана.

В первой половине 1990-х годов общественность Казахстана горячо обсуждала вопрос о несправедливости передачи в 1936 г. в состав Узбекистана территории Каракалпакии, которая считается родовой землей казахского рода *адаевцев*.

В то же время в Узбекистане шла дискуссия о правах узбеков, компактно проживающих на территории Южно-Казахстанской области. Ряд территорий данной области были переданы Узбекистану в аренду при Н. С. Хрущеве. Возникали предположения о возможности отделения данных земель от Казахстана и присоединения их к Узбекистану. Только в 1992 г. после долгих переговоров они были возвращены Казахстану.

Несмотря на общественные дискуссии, правительства всех стран Центральной Азии удержались от выдвижения друг к другу официальных территориальных претензий, хотя окончательного договорно-правового оформления линии границ между ними не получили.

Становление внешнеполитической ориентации Киргизии

Руководство Киргизии в начале 1990-х годов стремилось идти в авангарде процессов суверенизации. В октябре 1990 г. на сессии Верховного совета республики было принято решение о переименовании Киргизской ССР в Республику Кыргызстан. Тогда же президентом был избран Аскар Акаевич Акаев — единственный из центральноазиатских лидеров, выступавший за ускорение демократизации и экономической либерализации. 15 декабря 1990 г. Верховный совет принял декларацию о суверенитете, а 31 августа 1991 г. — декларацию о независимости.

А. А. Акаев ориентировался на сотрудничество не столько с М. С. Горбачевым, сколько с Б. Н. Ельциным. Первый договор об основах и принципах межгосударственных отношений Киргизии и России был подписан еще 21 июня 1991 г. в рамках бывшего Союза ССР. 10 июня 1992 г. он был заменен новым Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Кыргызстан и Российской Федерацией. Киргизия не испытывала сомнений в полезности военно-политического сотрудничества с Москвой.

Население республики было менее религиозно, чем в Таджикистане и Узбекистане. Это облегчило А. А. Акаеву выбор в пользу светского демократического государства. В 1992 г. в стране был принят закон, запрещавший создание партий на конфессиональной основе.

Для киргизской элиты было характерно регионально-клановое деление. В стране сохранялось традиционное разделение на северян и южан. Северные роды (*сары багыш, бугу, солто, тынай, кугичу, саяк*) жили к северу от Ферганского хребта — в Иссык-Кульской, Таласской, Нарынской и Чуйской областях. Южане — главным образом, род *ичкилик* (представители которого проживают на территории Ошской, Баткенской и частично Джалалабадской областей) и род *отуз уул* (на территории Джалалабадской и частично Ошской областей).

Сам А. А. Акаев происходил из рода *сары багыш*, а его супруга — из таласского рода *кугичу*. Наибольшее число постов в окружении А. А. Акаева заняли выходцы с севера. Южане (ошский клан) группировались вокруг оппозиционных партий «Эркин Кыргызстан» (Свободный Кыргызстан) и «Асаба» (Возрождение). На их базе вскоре было образовано объединение — Конгресс за необратимость демократических реформ, в руководстве которого оказалось немало радикально настроенных националистов.

Весной 1992 г. в стране имели место межклановые столкновения. В разгар кризиса южане от имени партии «Эркин Кыргызстан» предложили на пост премьер-министра популярного киргизского политика Ф. Кулова, но он отказался. В середине 1990-х годов на юге усилились сепаратистские настроения, носители которых группировались вокруг фигуры губернатора Джалалабадской области Б. Осмонова.

Южане стремились представлять себя защитниками интересов этнических киргизов. Они были против приватизации земли и промышленности, полагая, что ее результатами смогут воспользоваться в первую очередь некиргизские этнические группы. На самом деле в сельском хозяйстве успешнее всего действовали узбеки, а в промышленности — русские и украинцы. Сами киргизы предпочитали занятия скотоводством.

Внешняя политика Киргизии складывалась под влиянием прежде всего трех обстоятельств: необходимости политико-правового оформления границ с сопредельными государствами, стремления сохранить возможности пользоваться помощью Российской Федерации, желания укрепить сотрудничество с США и государствами ЕС, другими западными странами.

В обществе обсуждались различные варианты обращения Киргизии к политике нейтралитета. Однако этот путь был осложнен высокой степенью уязвимости страны по отношению к угрозам вторжения через ферганские земли боевиков экстремистских исламских группировок. Страна не могла защитить себя самостоятельно и поэтому должна была искать гарантий более мощных партнеров — России прежде всего.

Политическая стабильность в Киргизии была не очень прочной. Региональные и клановые противоречия подрывали авторитет А. А. Акаева и способствовали формированию разнородной, но настойчивой оппозиции. Она активно использовала территориальные вопросы, обвиняя президента в неумении их решать в интересах народа.

Одним из болезненных вопросов внутренней политики Киргизии и ее отношений с КНР стал вопрос о деятельности на киргизской территории уйгурских организаций, которых в Пекине обвиняли в антики-

тайской деятельности. В Киргизии проживало от 50 до 100 тыс. этнических уйгуров.

Пограничные проблемы в отношениях бывших республик СССР с Китаем

В результате советско-китайских переговоров по пограничным вопросам, возобновившихся в 1987 г. после восьмилетнего перерыва, 16 мая 1991 г. министрами иностранных дел СССР и КНР было подписано соглашение о государственной границе между СССР и КНР на ее восточной части. Линия советско-китайской границы была согласована на 99% протяжения ее восточной части (около 4200 км). Нерешенными остались лишь вопросы о принадлежности острова Большой на реке Аргунь и островов Тарабаров и Большой Уссурийский в районе слияния рек Амура и Уссури. Де-факто острова остались под советским контролем. После распада СССР Соглашение было ратифицировано Российской Федерацией в феврале 1992 г. В марте 1992 г. был произведен обмен ратификационными грамотами. К 1997 г. была завершена демаркация границы.

В октябре 1988 г. на советско-китайских переговорах стороны впервые перешли к обсуждению западной части советско-китайской границы, проходившей от стыка границ СССР, КНР и Монголии до стыка границ СССР, КНР и Афганистана (3145 км). С КНР граничили четыре советские союзные республики: РСФСР, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Летом 1990 г. их представители приняли участие в последнем раунде переговоров в составе советской делегации.

После распада СССР Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан сформировали совместную делегацию для продолжения пограничных переговоров с Китаем. В сентябре 1994 г. было подписано соглашение о западном участке российско-китайской границы (около 55 км в Горном Алтае). Соглашение было ратифицировано в 1995 г., а демаркация на этом участке была завершена в 1998 г. Российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанный в июле 2001 г., констатировал отсутствие взаимных территориальных претензий, хотя вопросы об островах на Амуре решены не были.

В апреле 1994 г. Китай и Казахстан подписали соглашение о делимитации казахстанско-китайской границы (около 1700 км). Два участка — районы реки Сарычильда и перевала Чаган-Обо — остались несогласованными. Соглашение вступило в силу в сентябре 1995 г. Спорные участки были разделены по дополнительному соглашению в июле 1998 г. Из общей площади в 944 км² Казахстану отошло 537 км², Китаю — 407 км². В мае 1999 г. Россия, Китай и Казахстан подписали соглашение

об определении точки стыка границ трех государств. Наконец, в декабре 1999 г. КНР и Казахстан подписали договор о границе. Этот документ оформил прохождение китайско-казахстанской границы на всем ее протяжении.

В июле 1996 г. и в августе 1999 г. были подписаны два соглашения о киргизско-китайской государственной границе (около 900 км). Согласно этим документам, Киргизия передала Китаю территории площадью, соответственно, 35 тыс. га и 90 тыс. га. Первое соглашение было ратифицировано киргизским парламентом в 1998 г. Подписание соглашения 1999 г. спровоцировало обострение политической борьбы в стране. Правительство уверяло противников соглашения, что документ фиксирует выгодный для Киргизии компромисс, так как за нею осталось 70% территорий, на которые первоначально претендовал Китай.

Оппозиция обвинила президента А. А. Акаева в нарушении конституции, односторонних уступках и недостаточном информировании депутатов парламента о содержании подписанных документов — парламентарии в самом деле не были ознакомлены с картами передаваемых территорий. Последовала попытка инициировать импичмент президенту и обжаловать соглашение с Китаем в Конституционном суде.

Власть пробовала оказать давление на оппозиционеров. Один из главных противников А. А. Акаева, депутат А. Бекназаров, был арестован в январе 2002 г. по обвинению в злоупотреблении властью во время его работы в середине 1990-х годов следователем прокуратуры в Джалалабадской области. Арест Бекназарова вызвал волну протестов его сторонников. Их демонстрация в Аксыйском районе Джалалабадской области в марте 2002 г. была разогнана с применением силы. Имелись погибшие.

По итогам расследования аксыйских событий было отправлено в отставку несколько высокопоставленных чиновников, в том числе премьер-министр Курмамбек Бакиев (будущий президент). Аксыйские события способствовали консолидации оппозиции. Таким образом, китайско-киргизское пограничное урегулирование вызвало в Киргизии хронический политический кризис, очередное обострение которого привело в марте 2005 г. к «тюльпанной революции» и смене власти в стране (см. ниже).

В конечном итоге киргизско-китайское соглашение 1999 г. было ратифицировано киргизским парламентом в мае 2002 г. В 2003 г. была завершена демаркация границы между двумя государствами. В том же году Конституционный суд отклонил иск группы депутатов, требовавших признать документ противоречащим конституции. В 1999 и 2000 гг. были подписаны трехсторонние соглашения о точках стыка границ Казахстана, Киргизии и Китая и Киргизии, Таджикистана и Китая.

В августе 1999 г. и в мае 2002 г. Китай и Таджикистан подписали соглашения, определившие линию прохождения границы (всего около 500 км). В соглашении 2002 г. был урегулирован вопрос о наиболее крупном участке площадью свыше 20 тыс. км² южнее перевала Уз-Бель на Памире. Таджикистан передал Китаю еще около 1000 км² своей территории. В 2003 г. соглашение было ратифицировано.

Таким образом, во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов пограничные вопросы между КНР и центральноазиатскими государствами были разрешены, а линия границы получила юридическое оформление.

Начало «шанхайского процесса»

В рамках переговоров по пограничным вопросам между КНР и совместной делегацией России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана были достигнуты соглашения о мерах доверия и сокращении вооруженных сил в районе границы.

26 апреля 1996 г. в Шанхае состоялась встреча лидеров Китая, России и трех граничащих с Китаем центральноазиатских государств, на которой было подписано Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы. Документ предусматривал, что вооруженные силы сторон в приграничной зоне не будут проводить военные учения, установят ограничения на их масштабы, зоны и число. Стороны обязались информировать друг друга о важных военных мероприятиях в стокилометровой приграничной полосе, приглашать на военные учения наблюдателей от противной стороны, укреплять дружественные контакты между военнослужащими частей, дислоцированных в приграничной полосе, и пограничниками. На саммите в Шанхае было принято решение о проведении ежегодных встреч руководителей пяти стран. Был создан механизм, ставший известным как «шанхайская пятерка».

В апреле 1997 г. на второй встрече «шанхайской пятерки» в Москве было подписано соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Сторонами соглашения вновь выступали КНР и совместная сторона, представленная Россией и тремя центральноазиатскими странами. Документ предусматривал отказ от применения силы или угрозы ее применения, сокращение численного состава и основных видов вооружений сухопутных войск, фронтовой авиации и ВВС ПВО, размещенных в 100-километровой пограничной зоне. На протяжении границы общая максимальная численность военнослужащих, размещенных каждой из сторон в пределах своей территории в стокилометровой полосе, была установлена в 130,4 тыс. человек. Для

пограничных войск были определены предельные уровни численного состава и количества вооружений.

Документ не затронул ракетные войска стратегического назначения, дальнюю авиацию, военно-морской флот, ракетные части ПВО, не распространялся на зоны Хабаровска и Владивостока. Срок его действия был определен по 31 декабря 2010 г., с возможностью продления.

После завершения переговоров по проблемам безопасности в пограничной зоне двусторонний формат взаимодействия стран «шанхайской пятерки» был заменен на пятисторонний. Казахстан, Киргизия и Таджикистан стали равноправными участниками переговоров, а их тематика была расширена. Из механизма решения пограничных проблем «шанхайская пятерка» превратилась в форум согласования позиций по вопросам политики, безопасности и экономики.

На встрече глав государств «шанхайской пятерки» в Алма-Ате в июле 1998 г. было принято совместное заявление, в котором выражалась поддержка инициативы создания в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия. Одобрение получили предложения Казахстана о созыве совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии и предложения Киргизии о проведении мирной конференции по Афганистану. Провозглашалась готовность к сотрудничеству в борьбе с терроризмом, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков и торговлей оружием. Выражалось осуждение сепаратизма, этнической нетерпимости и религиозного экстремизма.

В декабре 1999 г. в Бишкеке состоялась встреча руководителей правоохранительных органов «пятерки» («бишкекской группы»), на которой обсуждались меры для борьбы с терроризмом и оборотом наркотиков. В марте 2000 г. в Астане состоялась первая встреча министров обороны стран «шанхайской пятерки».

5 июля 2000 г. состоялась встреча глав ее государств в Душанбе. На ней впервые в качестве наблюдателя присутствовал президент Узбекистана И. А. Каримов. В принятой декларации стороны заявили, что будут прилагать усилия по превращению «шанхайской пятерки» в региональную структуру многостороннего сотрудничества. Предусматривалось проведение совещаний министров обороны, иностранных дел, руководителей правоохранительных, пограничных, таможенных органов и специальных служб стран-участниц, создание совета координаторов и региональной антитеррористической структуры с местонахождением в Бишкеке. Стороны выразили поддержку России и КНР в борьбе с сепаратизмом. Была одобрена инициатива Китая о привлечении России и стран Центральной Азии к участию в модернизации западных районов КНР.

К началу 2000-х годов «шанхайская пятерка» трансформировалась в основной инструмент согласования российской и китайской политики в Центральной Азии. В рамках форума страны Центральной Азии стали координировать позиции по ряду международных проблем, в том числе концепцию многополярного мира, а в заявлениях саммитов зазвучала критика в адрес Соединенных Штатов.

Правительства малых и средних стран Центральной Азии, столкнувшиеся с ростом угрозы со стороны талибов, победивших в Афганистане, стали рассматривать «шанхайский форум» как основную структуру, обеспечивающую стабильность региональной системы. Одновременно форум позволял им лавировать между Россией и Китаем.

Западные эксперты увидели в «шанхайском процессе» угрозу интересам и политике США в регионе, попытку России и Китая установить в Центральной Азии «закрытую» сферу влияния, замкнуть внешнюю политику стран региона на Москву и Пекин.

Установление отношений государств Центральной Азии с Турцией, Ираном и Пакистаном

В первые годы независимости для центральноазиатских государств развитие связей с мусульманским миром было способом расширения круга экономических партнеров. Турция, в середине декабря 1991 г. признавшая независимость всех новых республик региона и открывшая консульства в их столицах, помогла им при поддержке США включиться в систему Сопровождения по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Администрация Дж. Буша-старшего (1989–1993) полагала, что распространение турецкого влияния на государства региона поможет им избежать иранского влияния. Турция со своей стороны пробовала убеждать молодые государства пойти на дипломатическое признание Турецкой Республики Северного Кипра. В 1995 г. на долю Турции приходилось 22% экспорта и 29% импорта государств региона из стран Азии. Однако сотрудничество с Турцией не стало альтернативой экономическим связям молодых государств с Россией. Да и их торговые связи с Китаем представляли собой конкуренцию для отношений с Анкарой.

Наиболее активно развивалось взаимодействие молодых государств с турецким бизнесом в строительной сфере. Турецкие компании приняли участие в проектах, связанных с переносом столицы Казахстана из Алма-Аты в Акмолу (Астану). К концу 1990-х годов в регионе действовало 2,5 тыс. турецких предприятий, объем турецких инвестиций достиг 8,4 млрд долл., а общая сумма строительных контрактов — 4 млрд долл. Турецкие экономисты и бизнесмены стали экономическими со-

ветниками президента Туркмении С. Ниязова и президента Казахстана Н. А. Назарбаева.

Только в одном 1992—1993 учебном году по грантам в турецких учебных заведениях прошли обучение около 5 тыс. студентов и 1,6 тыс. школьников из государств Центральной Азии. Всего в 1990-х годах в вузах Турции получили образование более 18 тыс. студентов из стран региона — в том числе более 300 дипломатов. В 1992 г. в казахском городе Шымкенте был открыт Международный казахстано-турецкий университет им. Х. А. Яссави. В Киргизии был создан киргизско-турецкий университет «Манас». В странах региона открылось более десяти турецких лицеев.

Руководство Узбекистана в военно-политической сфере ориентировалось на Россию, а в экономической и культурной — на Турцию. В начале 1992 г. узбекское правительство обратилось к Турции с просьбой представлять интересы Узбекистана в странах, с которыми у него не было дипломатических отношений. И. А. Каримов нанес официальный визит в Анкару в 1991 г., а в 1992 г. в Ташкенте побывал премьер-министр Турции Сулейман Демирель. Турция выделила Узбекистану помощь в размере 700 млн долл. на закупки турецких товаров (зерна, сахара, медикаментов и медицинского оборудования). К середине 1990-х годов Турция занимала первое место по объему иностранных инвестиций в Узбекистане.

В июле 1992 г. И. А. Каримов выдвинул тезис о «пути Ататюрка», которым он призвал следовать страны Центральной Азии, чтобы добиться таких же, как и Турция, успехов в развитии. В 1993 г. был подписан узбекско-турецкий Договор об основах межгосударственных отношений. В 1996 г. он был дополнен договором о дружбе и сотрудничестве.

Вопреки ожиданиям США сближение с Турцией не отвратило молодые государства от диалога с Ираном. В феврале 1992 г. их руководители посетили эту страну для обсуждения на групповой основе параметров возможного сотрудничества с Тегераном.

Если сотрудничество с Анкарой предполагало подведение под него пантюркистской идеологической основы, то взаимодействие с Тегераном мыслилось на панисламской платформе. Обе идеи (пантюркистская и панисламская) были понятны и привлекательны для определенной части населения всех молодых государств. Но для развития сотрудничества кроме идеологии и некоторого культурного сродства для сближения с Турцией и Ираном требовались материальные стимулы.

Между тем Турция сосредоточила свои ресурсы на сотрудничестве с Узбекистаном и не спешила расходовать средства для помощи всем

тюркским государствам. *Иран* был более всего заинтересован в партнерстве с ираноязычным Таджикистаном, но таджикское руководство настороженно воспринимало идею сближения с Тегераном, считая, что тот в первую очередь будет стремиться к оказанию помощи шиитам Горного Бадахшана. В такой ситуации таджикскому правительству было важно получить обещание Ирана не направлять в Таджикистан агентов исламской революции. Такой компромисс и был достигнут. Сторонники религиозного экстремизма в Таджикистане были вынуждены переключиться на помощь от Пакистана и Саудовской Аравии.

Помимо прочего, молодые государства смущала политическая система Ирана, основанная на концепции «опеки законоведа» («веляят-е-факих»). Ее смысл состоял в том, что только правоверные исламские богословы имеют право руководить нацией, а все остальные призваны исполнять их директивы. Эта идея отпугивала лидеров молодых государств, поскольку она сильно походила на хорошо знакомую им советскую концепцию «организующей и направляющей» роли коммунистической партии в социалистическом строительстве.

Пытаясь привлечь центральноазиатские государства, Тегеран выдвинул идею образования Организации государств Каспийского моря, которая стала конкурировать с отстаиваемой Анкарой концепцией Черноморской зоны экономического сотрудничества.

Из государств Центральной Азии основным экономическим партнером Ирана оказался Туркменистан. Руководство Ирана привлекала возможность покупать по низким ценам природный газ Туркмении. Кроме того, в Тегеране считали, что дружественные отношения с Ашхабадом будут гарантировать Иран против волнений в зоне проживания туркменских племен (более 1 млн человек) в северной части иранской провинции Хорасан.

Важным событием в двусторонних отношениях стало строительство железнодорожного пути от туркменского города Теджен до иранского города Мешхед через пограничные пункты на туркменской и иранской сторонах границы, оба из которых называются Серахс. Протяженность этой ветки составила 320 км. В 1995 г. от Мешхеда по иранской территории была проложена ветка до порта Бендер-Аббас. В итоге с 1996 г. *стало возможно обеспечивать прямую железнодорожную связь от Туркмении до побережья Персидского залива.*

Во время визита С. Ниязова в Тегеран в июле 1995 г. было подписано соглашение о строительстве трубопровода из района газодобычи Корпедже (Туркменистан) в иранский город Курт-Куи с начальной пропускной способностью до 4 млрд м³ газа в год.

Важным новым направлением развития связей молодых государств были отношения с *Пакистаном*. В начале 1990-х годов эта страна стремилась расширить круг международных партнеров, ощущая падение интереса к себе после вывода советских войск из Афганистана. К тому же перебои в поставках нефти в ходе первой войны в Персидском заливе в 1991 г. заставляли Исламабад искать возможности для диверсификации источников углеводородного сырья. В Пакистане надеялись на возможности использовать преимущества своего промежуточного географического положения в случае расширения торговых потоков из Центральной Азии к побережью Индийского океана и сопутствующего развития транспортной и трубопроводной инфраструктуры.

20 декабря 1991 г. Пакистан заявил о признании независимости государств Центральной Азии, а в январе 1992 г. принял решение об открытии посольств в их столицах. В феврале 1992 г. центральноазиатские страны выступили в поддержку Пакистана в кашмирском вопросе, заявив о поддержке борьбы народа Кашмира за независимость. Эта позиция полностью противоречила точке зрения Индии.

Индия считает части Кашмира, оккупируемые Пакистаном с конца 1940-х годов, своей территорией. Пакистан отстаивает право кашмирцев на самоопределение и заявляет, что присутствие пакистанских войск на кашмирских землях является инструментом помощи в реализации этого права.

В первой половине 1990-х годов были разработаны проекты транспортных коридоров из Центральной Азии в Пакистан. В июле 1992 г. в Исламабаде было подписано узбекско-афганско-пакистанское соглашение о строительстве автомобильной трассы Термез—Мазари-Шариф—Кабул—Джелалабад—Пешевар—Карачи. В 1994 г. был согласован маршрут железной дороги Кушка—Герат—Кандагар—Чаман—Кветта—Карачи. Нестабильность в Афганистане помешала реализации этих планов.

Тогда возникла идея маршрутов в обход Афганистана. В марте 1995 г. было заключено казахстанско-киргизско-китайско-пакистанское соглашение о соединении автомобильных сетей Казахстана и Киргизии с Каракорумским шоссе, ведущим из китайского города Каши (Кашгар) в пакистанский населенный пункт Хавелиан через контролируемые Исламабадом части кашмирских территорий. Реализация соглашения потребовала 12 лет. Автогрузовое сообщение по Каракорумскому маршруту было открыто только в октябре 2006 г.

Пределы взаимодействия на основе исламской солидарности

Исходно исламский фактор сыграл заметную роль в формировании международных связей молодых государств. «Старые» исламские стра-

ны сочувственно отнеслись к провозглашению независимости бывших советских республик и предложили им помощь. Международное исламское сообщество, несомненно, искренне стремилось привлечь в свои ряды новые государства и тем самым укрепить свой собственный престиж и влияние. В то же время

интерес «старых» исламских стран к молодым, более слабым и неопытным государствам Центральной Азии содержал в себе традиционные геополитические, идеологические и иные составляющие. Считая себя частью мира, дискриминируемой Западом, «старые» исламские страны испытывали стремление ощутить себя лидерами, спонсорами и покровителями. Руководители Турции, Ирана, Пакистана, Саудовской Аравии и даже небольшие, но богатые монархии Персидского залива мечтали обрести собственных последователей.

Реализовать подобные устремления они могли почти исключительно в отношении более слабых членов исламского сообщества. В этом смысле Центральная Азия представлялась привлекательной. На некоторое время молодые государства региона оказались в центре своеобразной «конкуренции за последователей». Но она развернулась главным образом в сфере идеологии, культуры и политики. *Конкурировать за оказание финансовой поддержки молодым государствам никто не стремился.*

9–10 мая 1992 г. в Ашхабаде состоялась встреча руководителей Казахстана, Узбекистана, Киргизии и Туркменистана с президентом Ирана А. Хахеми-Рафсанджани, главами правительств Турции и Пакистана (С. Демирелем и Н. Шарифом). «Старые» исламские страны убедили молодых высказаться в поддержку Азербайджана в его противостоянии с Арменией из-за Нагорного Карабаха. Кроме того, все участники в общем плане договорились оказывать содействие сооружению трансазиатских автомагистралей и железной дороги, минующих территорию России, а также газопроводов из Туркмении в Иран и Турцию.

В ноябре 1992 г. пять центральноазиатских государств вступили в Организацию экономического сотрудничества (ОЭС) — наиболее серьезный институт экономического развития стран Западной Азии и Среднего Востока. Присоединение к этой организации «центральноазиатской пятерки» расширило географические рамки экономического взаимодействия, основными субъектами которого до того были Турция, Иран и Пакистан. В 1990–1995 гг. объем торговли между государствами ОЭС вырос с 1,2 млрд до 4,8 млрд долл.

ОЭС была образована в 1985 г. как правопреемница Организации регионального сотрудничества для развития. Последняя была создана на базе

Измирского договора, подписанного Ираном, Пакистаном и Турцией 12 марта 1977 г. после решения о ликвидации блока СЕНТО.

Основными задачами ОЭС считаются создание благоприятных условий для экономического развития и интеграции в систему мирохозяйственных отношений путем налаживания регионального экономического сотрудничества и взаимопомощи в сфере социально-культурного и научно-технического развития. В 1992 г. в ОЭС вошли также Азербайджан и Афганистан.

Вместе с тем сближение центральноазиатских государств с Турцией, Ираном и Пакистаном замедлялось рядом обстоятельств. Во-первых, бывшие советские республики, недавно вышедшие из-под покровительства Москвы, не желали становиться «младшими братьями» своих новых партнеров. *Население Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и даже Туркмении по многим параметрам в первые годы независимого развития было культурнее и образованнее жителей Ирана или Пакистана. Грамотность в любой бывшей республике СССР была выше, чем даже в Турции, не говоря об Иране и Пакистане. Довольно высоким был и стандарт здравоохранения* — особенно до того, как была разрушена доставшаяся в наследство от СССР система его организации.

Во-вторых, рынок Турции и Ирана не мог поглотить экспортные товары центральноазиатских стран, основная часть которых приходилась на минеральное и сельскохозяйственное сырье. Эти товары хорошо покупались прежде всего в России.

В-третьих, выяснилось, что представления о культурной общности государств Центральной Азии и, например, Турции преувеличены. Турецкое телевидение, ставшее технически доступным для жителей региона, не слишком успешно конкурировало с русскими каналами, поскольку по-турецки понимало гораздо меньшее число местных жителей, чем по-русски.

В то же время стали активно развиваться связи региона с международными исламскими центрами. 12 января 1990 г. в Казахстане было создано самостоятельное духовное управление мусульман (ДУМ).

Ранее, с 1943 г., все мусульманские общины региона находились под юрисдикцией единого Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) со штаб-квартирой в Ташкенте.

После 1991 г. собственные *муфтияты* были созданы во всех молодых государствах Центральной Азии. Во всех странах резко возросло количество мечетей (например, с 87 в 1990 г. до 4 тыс. в 1995 г. — в Казахстане). Число казахов, совершивших хадж в Мекку, только в 1992–1993 гг. выросло с 40 до 300, узбеков — с 1,2 до 4 тыс. Создавалась сеть ислам-

ского образования — прежде всего Исламский институт в Алма-Ате с двухгодичным курсом обучения.

В 1992 г. Туркменистан, Киргизия и Таджикистан присоединились к Организации Исламская конференция. В январе 1995 г. их примеру последовали Узбекистан и Казахстан.

Возникновение механизма горизонтальных связей молодых государств

Неизбежный вначале процесс дистанцирования центральноазиатских стран от России не вылился в их поглощение исламским миром. Этому препятствовали не достаточно прочные опоры, которые имел ислам в сознании местных народов, уже довольно сильные 70-летние традиции светского образования, многочисленные и зрелые элиты, воспитанные если не в европейском или русском духе, то, во всяком случае, в атмосфере, довольно отстраненной от мусульманской ортодоксии. Идеалы исламского государства не приживались на местной почве. А гражданская война в Таджикистане только отвращала от политического ислама.

Безоговорочно ислам принимался в Центральной Азии главным образом как культурная традиция. В этом местные страны были гораздо ближе друг к другу, чем любая из них — к любому «внешнему» исламскому государству. Не удивительно, что страны Центральной Азии стали исследовать возможности взаимного сближения на узкой регионально-групповой основе.

Странам региона было важно заявить о себе в мировой политике. Они стали участниками существовавших многосторонних институтов поддержания мира, выдвигая собственные инициативы. В октябре 1992 г. на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент Казахстана Н. А. Назарбаев выдвинул идею институционализации усилий по поддержанию безопасности в Евразии. Он предложил начать работу для подготовки Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии. Имелось в виду в перспективе создать в Азии нечто, аналогичное структуре СБСЕ в Европе.

Для реализации данной инициативы в 1993–1994 гг. было проведено три встречи экспертов МИД азиатских стран (около 30 участников). Идея построения в Азии схемы диалога, сходного с европейским, в тот момент показалась преждевременной, поскольку в Центральной Азии не был урегулирован вооруженный конфликт.

Не смущаясь первой неудачей, страны региона попытались сосредоточиться на сотрудничестве в рамках «пятерки». В январе 1993 г. в Ташкенте лидеры пяти государств заявили о необходимости создания регионального союза. Единства мнений о его параметрах не было. Ситуация

в Таджикистане и Узбекистане была тревожной, и это отвращало от идеи военно-политического сотрудничества на общей региональной основе. Участники встречи сосредоточились на менее спорных вопросах. Они подписали протокол о мерах по формированию общего рынка, приняли взаимные обязательства о торговле и экономическому сотрудничеству, координации экологической деятельности на Арале.

Кроме того, было принято заявление о необходимости выработки общей политики в отношении событий в Таджикистане. В косвенной форме была высказана поддержка усилиям правительств Узбекистана и Таджикистана в борьбе против радикальной таджикской оппозиции.

В 1994 г. началась практическая фаза интеграционного процесса. 11 января Казахстан и Узбекистан подписали Протокол о создании регионального Единого экономического пространства (ЕЭП). 1 февраля к ним присоединилась Киргизия. Их соглашения предполагали ликвидацию таможен и свободное перемещение товаров, услуг и капитала между тремя государствами. Предполагалась координация бюджетной, кредитной, налоговой, ценовой и таможенной политики.

Но другие страны настороженно относились к многостороннему сотрудничеству. Туркмения принципиально уклонялась от сотрудничества с соседями, ссылаясь на свой нейтралитет. Таджикистан, погруженный в гражданскую войну, не имел возможности определить свое отношение к интеграционным проектам.

В июле 1994 г. на саммите в Алматы руководители только трех стран — Казахстана, Киргизии и Узбекистана — договорились о создании политического органа — Межгосударственного совета (МГС) как высшего органа координации региональной интеграции. В его состав вошли президенты и премьер-министры стран-участниц.

В структуре МГС были учреждены совет премьер-министров, совет министров иностранных дел и совет министров обороны. Был создан постоянно действующий рабочий орган — Исполнительный комитет с координационно-консультативными, прогнозно-аналитическими и информационными функциями. В августе 1994 г. на сессии МГС в Бишкеке было принято решение о создании Центральноазиатского банка сотрудничества и развития с уставным капиталом 9 млн долл.

10 января 1997 г. Казахстан, Узбекистан и Киргизия подписали Договор о вечной дружбе, к которому 26 марта 1998 г. присоединился Таджикистан.

В первой половине 1990-х годов в Центральной Азии появилась первичная правовая и политическая основа регионально-группового взаимодействия интеграционного типа. Однако потенциал сближения в ее рамках не был реализован, поскольку страны-участницы обладали ог-

раниченными ресурсами, которые они к тому же не были готовы выделять на цели интеграции.

Отношения стран Центральной Азии с Россией

В такой ситуации отношения с Россией, несмотря на имевшиеся разногласия, выполняли для молодых государств роль политического стабилизатора их положения в международной системе. Прежде всего имело значение то обстоятельство, что *Россия была единственной страной мира, которая располагала возможностями и политической волей оказать военную помощь правительствам новых государств в защите их суверенитета от покушений со стороны группировок местных и зарубежных радикалов*. В первой половине 1990-х годов были подписаны договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи России с Казахстаном (1992), Киргизией (1992) и Таджикистаном (1993).

Важнейшим аспектом региональных отношений стала судьба инфраструктуры Вооруженных Сил СССР, оказавшейся вне территории России. В 1992 г. в Бишкеке было подписано соглашение, которое закрепляло за странами СНГ права на военное имущество, прежде принадлежавшее Вооруженным Силам СССР и расположенное на их территории. Самое большое наследство досталось Казахстану и Узбекистану. Размещенная на территории Казахстана 40-я армия считалась одной из самых крупных и боеспособных в ВС СССР. После ее вывода из Афганистана она была оснащена новейшей бронетехникой, зенитной и реактивной артиллерией. Ее военно-воздушные силы обладали всем спектром истребительной, бомбардировочной, транспортной авиации и вертолетами. Вооруженные силы Узбекистана получили более трехсот танков, свыше ста истребителей и ста вертолетов.

Российские войска помогали защищать внешние границы государств и оказывали сдерживающее влияние на деятельность вооруженных группировок, которые стали возникать в ряде регионов Центральной Азии. Военная помощь России сыграла решающую роль в нормализации ситуации в Таджикистане. Во всех вопросах, связанных с формированием национальных вооруженных сил, подготовкой их кадрового состава, боевым и материально-техническим оснащением, страны региона в первые годы независимости зависели от Москвы.

Кроме того, Россия оставалась главным торгово-экономическим партнером стран региона, включая те, которые были способны стать крупными экспортерами энергоносителей (Казахстан и Туркмения), но не могли стать ими сразу. Удельный вес ввезенной из России продукции в общем объеме потребления центральноазиатских государств колебался от 19,2% у Казахстана до 29,5% у Таджикистана. Узбекистан, Кирги-

зия, Таджикистан и Туркмения ввозили из России 100% проката черных металлов и леса, бумаги, автомобильных шин, удобрений, синтетической резины, пластмасс. На Россию замыкалась вся региональная транспортная система.

Главным источником дезинтегрирующих тенденций в отношениях Центральной Азии с Россией были радикальные экономические реформы, начатые российским руководством в 1992 г. при правительстве Е. Т. Гайдара. Вследствие их проведения были полностью разрушены хозяйственные связи в рамках единого народнохозяйственного комплекса бывшего СССР.

Негативные последствия такого рода были отчасти объективно неизбежны. Российское руководство выбрало путь радикальных рыночных преобразований, несмотря на их крайне высокую социальную и политическую цену. Результатами этой политики были массовое разорение советского среднего класса, забастовки рабочих промышленных предприятий, врачей, учителей и, наконец, направленное против радикализма рыночных реформ октябрьское восстание 1993 г. и «расстрел Белого дома» в Москве.

Первоочередными целями реформ в России были намеченная в крайне короткие сроки приватизация промышленности и полная реформа финансовой системы. Центральнoазиатские страны были не подготовлены к следованию по пути экономических преобразований России. Российское руководство было не согласно замедлять темпы реформ из-за партнеров в Центральной Азии. Фактически в 1992–1993 гг. Москва встала на путь «выталкивания» слабых и зависимых от нее стран региона из «пространства российской экономической реформы» — по сути из экономического пространства России вообще.

Ключевым моментом экономического разобщения стал июль 1993 г., когда Центробанк России принял решение вывести из обращения на российской территории советские рубли, которые продолжали иметь хождение на всем пространстве бывшего СССР, кроме государств Прибалтики.

В августе 1993 г. шесть государств СНГ подписали соглашение о валютном союзе. В соответствии с ним в переходный период в рублевой зоне должны были сосуществовать все виды денежных знаков (в Казахстане, например, российские рубли образца 1993 г. с национальной символикой или маркировкой, в Таджикистане — российские рубли выпуска до 1993 г.). В течение этого периода любая бывшая республика была вправе выбрать: оставаться ей в рублевой зоне или вводить национальную валюту.

При этом в соответствии с предложением министра экономики России А. Н. Шохина («условия Шохина») масса российских рублей, име-

ющих хождение в Центральной Азии, должна была обеспечиваться золотовалютными запасами стран региона в Центральном банке Российской Федерации. Иными словами, центральноазиатские страны должны были внести залог золотом «под рубли», которые им разрешалось использовать на своей территории. Это условие было экономически справедливым, но жестким и политически обидным.

Центральноазиатские государства до тех пор имели право печатать бумажные рубли на своей территории. При этом они фактически имели возможность в крайних случаях выпускать в оборот больше бумажных рублей, чем имели активов в их обеспечение. За счет печатания таких «частично не обеспеченных рублей» молодые государства фактически сохраняли привилегию получать скрытую финансовую подпитку из бюджета России. «Условия Шохина» лишали их такого шанса. Нахождение в рублевой зоне становилось для центральноазиатских стран бессмысленным.

7 мая 1993 г. в Киргизии была введена в обращение собственная валюта — *сом*. Туркменистан, Казахстан и Узбекистан в ноябре 1993 г. тоже объявили о введении собственных национальных валют: Туркменистан — *маната*, Казахстан — *тенге*, Узбекистан — временного *сума*-купона. Это было кульминацией разрушения экономических связей региона с Россией.

Разобщению препятствовала торговля. Центральноазиатские государства по-прежнему могли экспортировать товары главным образом в Россию, а российские рынки сохраняли ориентацию на потребление предметов экспорта из этой части мира. При этом Москва соглашалась торговать с Центральной Азией на бартерной основе, что выглядело спасением. Например, в 1994 г. удельный вес поставок за свободно конвертируемую валюту между Россией и Казахстаном составил всего 6,5%. Страны региона испытывали нехватку иностранной валюты, а Россия была одной из немногих стран, которые не требовали вести расчеты в долларах.

Именно торговля способствовала восстановлению интереса России и ее центральноазиатских партнеров друг к другу. В 1995 г. Казахстан присоединился к таможенному союзу России с Белоруссией. Их примеру последовала Киргизия. Начало формироваться заново общее таможенное пространство четырех стран.

Проблема «русских вне России»

Отягощающим обстоятельством отношений России со странами региона стала проблема оставшегося в них русского населения. В начале 1990-х годов русские составляли около 50% населения Казахстана, 21,5% — Киргизии, 14,5% — Туркмении. При этом русские работали в основном в индустриальных производствах. На долю титульных этни-

ческих групп приходилось 9,2% занятых в промышленности Казахстана, 11,1% — Узбекистана, 10,9% — Таджикистана, 9,5% — Туркменистана.

Считалось, что к началу 1990-х годов около 10% казахов «полностью обрусели», а 40% не знали казахского языка. Такие сообщения служили питательной средой для «возрожденческих» настроений в разных слоях оппозиционной казахской общественности. Лидеры некоторых казахских радикальных организаций призывали осуществить «репатриацию русских», то есть обеспечить их массовый или полный выезд из Казахстана в Россию.

В 1998 г. в Казахстане были приняты постановления правительства об обязательном применении казахского языка в государственных учреждениях. Это серьезно затруднило положение русского населения, так как закрыло для большей его части возможность поступления на службу в государственные органы или продвижения по службе. В 1994 г. удельный вес неказахов в высшем звене органов власти (заместители руководителей центральных министерств, ведомств, областных администраций и выше) сократился до 25%. Правительство, пытаясь повысить долю казахов в этническом составе населения, поощряло переселение казахов (*оралманов*) из Узбекистана, Китая, Монголии и даже Турции.

Крупнейшая казахская диаспора проживает в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. В 1990 г. ее численность составляла 1,1 млн человек (10% казахов, проживающих во всем мире). Большая часть этнических казахов проживала в Или-Казахском автономном округе СУАР, небольшие диаспоры имелись в провинциях Ганьсу и Цинхай. В Монголии в 1993 г. проживало 133 тыс. казахов (в Баян-Улэгэском аймаке они составляли 90% населения), что составляло почти 6% населения страны.

К началу XXI в. в Казахстан вернулось более 500 тыс. таких переселенцев, однако зачастую отсутствие работы и жилья побуждало *оралманов* возвращаться в страны первоначального проживания.

Спасаясь от дискриминации, в первой половине 1990-х годов из Казахстана уехало до 500 тыс. русских. Регион стали покидать представители других некоренных этнических групп. Центральную Азию покинуло 400–500 тыс. этнических немцев. Численность еврейского населения Узбекистана с 1989 по 1996 г. уменьшилась с 94 до 19 тыс. человек. Всего за десятилетие с 1989 по 1999 г. численность русского населения в регионе сократилась на 1,8 млн, а украинцев — на 348 тыс. человек.

Стремительный отток русского населения имел негативные и иногда довольно неожиданные последствия для центральноазиатских стран. Выяснилось, например, что коэффициент естественного прироста населения в *Казахстане* — ниже, чем в других государствах Центральной Азии — 11,8 человек на 1000 жителей (27 — в Туркмении, 26,6 —

в Узбекистане, 25,6 — в Таджикистане и 21,4 — в Киргизии). В Казахстане стала ощущаться общая нехватка трудовых ресурсов, препятствовавшая экономическому развитию.

В 1995 г. новая конституция Казахстана узаконила официальное использование русского языка в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским. В том же году при президенте страны была создана в качестве консультативно-совещательного органа Ассамблея народов Казахстана, главной целью которой было выявление острых проблем межэтнических отношений и поиск их решений.

Возникли организации защиты прав этнических меньшинств. В Казахстане среди них выделялись Русская община Казахстана (в 1993 г. она была объявлена вне закона в связи с обвинениями в антигосударственной деятельности), Республиканское славянское движение «Лад», Союз казаков степного края, Союз семиреченских казаков, Семиреченское казачье войско, Общество славянской культуры «Истоки», Сибирское землячество казаков «Горькой линии» в Петропавловске, Верхне-Иртышская старообрядческая казачья община. Задачи организаций состояли в защите прав русских, препятствовании дискриминации некоренных жителей, обеспечении социальной защиты русского населения.

Казачьи организации Казахстана при этом периодически выдвигали радикальные лозунги — вплоть до требований отделения от Казахстана областей с преобладанием русского населения и их присоединения к России. Во многих районах казаки требовали пересмотра границ, учреждения автономии для районов с преобладанием русского населения. В 1993 г. на сходе сибирских казаков и казаков Казахстана в Омске звучали призывы к созданию казачьей республики в Северном Казахстане. Подобные демарши портили отношения казачьих организаций с властями, которые ограничивали активность казачьих лидеров силовыми методами, применяли к ним меры административного и уголовного преследования.

Власти Казахстана возражали против института двойного гражданства для русского населения. Вместо него была выдвинута идея «дремлющего» (отложенного) гражданства. Ее смысл состоит в предоставлении любому жителю Казахстана гарантированного права стать гражданином России, но только в том случае, если он навсегда покинет Казахстан. Следует заметить, что институт двойного гражданства применяется Казахстаном в отношении казахов, проживающих в Монголии. В 1995 г. Россия и Казахстан заключили договор о правовом статусе лиц русской национальности в Казахстане и лиц казахской национальности в России. Институт двойного гражданства этим документом не был предусмотрен.

В *Узбекистане* в начале 1990-х годов русское население составляло около 8% (1 млн), половина из которого проживала в Ташкенте. В 1989 г. был принят закон *Узбекской ССР* о языке, который провозглашал узбекский язык государственным. В 1991–1998 гг. из этой страны выехало около 600 тыс. человек, около половины которых составили русские.

Наиболее последовательно от дискриминации русского населения уклонялась *Киргизия*. Президент А. А. Акаев стремился опереться на русскую общину в борьбе с политическими противниками. Во всяком случае, по его настоянию в преамбуле киргизской Конституции говорится о том, что земля в стране «принадлежит народу Кыргызстана», а не «кыргызскому народу», как на том настаивали националисты.

Первой страной Центральной Азии, согласившейся на введение института двойного гражданства в отношении русских жителей, стал *Туркменистан*. Но он использовал это решение как инструмент ускоренного вытеснения русских из Туркмении. Соглашение о двойном гражданстве было подписано 23 декабря 1993 г. в ходе визита президента России Б. Н. Ельцина в Ашхабад. Сразу же за тем туркменское руководство ввело фактический запрет на использование русского языка в стране и усилило давление на русское население. В 1990–2000 гг. доля русских в Туркмении сократилась с 9,5 до 3%.

В сентябре 1995 г. было подписано российско-*таджикское* соглашение, согласно которому граждане России и Таджикистана получили право иметь двойное гражданство. Документ вступил в силу в апреле 1997 г., существенно облегчив положение русских в Таджикистане. В то же время была упрощена экономическая эмиграция в Россию таджиков и узбеков из числа граждан Таджикистана.

Присутствие США в регионе

В руководстве США преобладала точка зрения на Центральную Азию как на второстепенный регион. Гораздо больше Вашингтон интересовался Европой и Ближним Востоком. Американские политики в принципе желали отдаления центральноазиатских государств от России, но они опасались, что место России в региональной подсистеме могут занять Китай или Иран. Иранское и китайское влияние казалось американцам более явным злом, чем российское. Отношения с Москвой у Вашингтона были дружественные, и США не были против сохранения за Россией позиций в Центральной Азии до тех пор, пока сами Соединенные Штаты не найдут ресурсы и волю, чтобы приступить к распространению своего влияния на эту часть мира.

США акцентировали важность демократизации региона и рекомендовали молодым государствам провести либеральные реформы. Упрощенное и идеологизированное восприятие региональной ситуации через призму противопоставления авторитаризма и демократии было характерно для американского видения Центральной Азии и в дальнейшем.

Экономический интерес США в регионе стал формироваться позднее — во второй половине 1990-х годов — и был связан с бумом ожиданий по поводу нефтяных ресурсов Каспия, восточный берег которого принадлежит Казахстану и Туркмении. Представления о Центральной Азии сплелись с представлениями о каспийских энергоресурсах.

В 1995 г. группа ведущих американских нефтяных компаний начала лоббировать вопросы подготовки условий для экспорта казахстанской и туркменской нефти и ее транспортировки по трубопроводу через Афганистан и Пакистан. К проработке этого проекта были причастны некоторые члены администрации У. Клинтона, в том числе заместитель помощника президента по национальной безопасности С. Бергер. В том же году правительство Туркменистана подписало с американской компанией «Unocal» и саудовской «Дельта ойл» соглашение о строительстве соответствующего трубопровода. Этот проект был нацелен на ослабление позиций России как посредника в экспорте каспийской нефти на Запад.

Одновременно США пытались установить отношения с теми странами, сотрудничество между которыми в перспективе могло, хотя бы теоретически, стать «альтернативным» (без российского участия) интеграционным проектом на пространстве бывшего СССР. В этом смысле интерес представлял *Казахстан*. США первыми из государств мира признали его независимость 25 декабря 1991 г. и в январе 1992 г. открыли свое посольство в Алма-Ате. В тот момент Казахстан мог считать себя обладателем части ядерного наследства СССР. В декабре 1991 г. государственный секретарь США Дж. Бейкер посетил столицу Казахстана, чтобы убедиться в готовности Алма-Аты отказаться от планов становиться ядерной державой.

Причем Н. А. Назарбаев до середины 1992 г. настаивал на том, чтобы американская сторона временно рассматривала Казахстан как ядерную державу, признавая его право участвовать в переговорах по сокращению стратегических наступательных вооружений в качестве самостоятельного субъекта. Действительно, формально страна обладала ядерным потенциалом, более значительным, чем Британия или Франция. На территории Казахстана были размещены 104 ракеты СС-18, каждая из которых имела по 10 ядерных боеголовок. Имелось 40 страте-

гических бомбардировщиков ТУ-95 МС с размещенными на них 240 единицами ядерного оружия.

Находясь с визитом в США в мае 1992 г. Н. А. Назарбаев сделал заявление о том, что Казахстан признает себя правопреемником договора СНВ-1 и обязуется его выполнять. В ходе визита вице-президента США А. Гора в Алма-Ату в декабре 1994 г. было подписано соглашение о демонтаже ядерного оружия на территории Казахстана. В ноябре США, опасаясь попадания казахстанских ядерных материалов в третьи страны, приобрел у Казахстана 600 кг обогащенного урана.

В начале 1990-х годов определились точки соприкосновения в отношениях США с *Киргизией*. Вашингтону импонировало стремление киргизского руководства двигаться по пути превращения страны в демократическое и нейтральное государство. В ходе визита в Бишкек в декабре 1991 г. Дж. Бейкер выразил удовлетворение киргизскими либеральными реформами.

В Вашингтоне с вниманием относились к ситуации в Узбекистане. Было понятно, что, как и Казахстан, эта страна способна претендовать на лидерство среди новых государств региона. Но узбекское руководство проявляло осторожность в вопросах либерализации, поскольку основу так называемой демократической оппозиции в стране составляли те, кого президент И. А. Каримов считал исламскими экстремистами. Хотя в Ташкенте к экстремистам причисляли все оппозиционные группировки исламистов, радикалы на самом деле задавали тон узбекской оппозиции. Это обстоятельство оставалось вне внимания американских политиков. Считая правительство И. А. Каримова выразителем интересов «советской номенклатуры», а не узбекской элиты, американские руководители относились к нему более недоверчиво, чем к Н. А. Назарбаеву и А. А. Акаеву.

В то же время в Вашингтоне видели, что Узбекистан не стремится без крайней необходимости вступать в отношения сотрудничества с Москвой. В США это вызывало интерес и некоторую симпатию. Но американцам казалось, что те, кого в американских экспертных кругах называли «исламскими демократами», в случае прихода к власти смогут проводить более активный прозападный курс, чем тот, на который считался способным подозревавшийся в национализме И. А. Каримов.

Правительство И. А. Каримова, между тем, искало поддержки в Вашингтоне, надеясь на участие США в процессе модернизации узбекских вооруженных сил. В 1995 г. началось сотрудничество между США и Узбекистаном по линии министерств обороны.

Американо-узбекские и американо-казахские отношения стали имеваться официальными лицами США «стратегическим партнерством».

Объем помощи США странам региона с 1992 по 1995 г. составил: Казахстану — 523,1 млн, Киргизии — 306,5 млн, Таджикистану — 152,4 млн, Туркменистану — 139,8 млн, Узбекистану — 99,5 млн долл.

Положение в Синьцзяне

В КНР провозглашение независимости республиками Центральной Азии вызвало смешанные чувства. 27 декабря 1991 г. представители МИД Китая заявили о дипломатическом признании государств бывшего СССР. Дипломатические отношения с ними Китай установил в январе 1992 г. Пекин беспокоило влияние, которое события в бывшей советской части Центральной Азии оказывали на ее китайскую часть, Синьцзян. Опасения вызывала возможность распространения национально-патриотического брожения бывших советских мусульман на исламское население северо-западных районов КНР.

В 1993 г. в СУАР проживало более 9 млн *неханьцев (некитайцев)*: 7 млн уйгуров, 1,1 млн казахов, 140 тыс. киргизов, 33 тыс. таджиков и 15 тыс. узбеков. Казахи, киргизы и таджики проживали в поясе территорий, непосредственно прилежащих к границам, соответственно, Казахстана, Киргизии и Таджикистана.

Большая часть границы КНР с Казахстаном приходится на Или-Казахский автономный округ, с Киргизией — на Кызылсу-Киргизский автономный округ, а около половины таджикско-китайской границы — на Ташкурган-Таджикский автономный уезд. В 1992 г. наиболее крупные узбекские диаспоры проживали в округе Или (4,6 тыс. человек), г. Кашгар (3,3 тыс.) и Чанцзи-Хуэйском автономном округе (ок. 2 тыс. человек).

Представители этих групп населения были слабо вовлечены в политико-административную машину СУАР. В 1997 г. они составляли только 37,4% численности местной организации КПК. Среди местного исламского населения преобладало ощущение обделенности властью. В то время как народы исторического Западного Туркестана наслаждались новообретаемыми атрибутами независимости и международного признания, синьцзянские мусульмане оставались, как они полагали, в подчиненном положении дискриминируемого меньшинства в Китае. Потенциал сепаратизма, всегда сохранявшийся в этой части КНР, стал в очередной раз нарастать. Дело осложнялось тем, что в новых независимых государствах к западу от КНР возникли благоприятные условия для укрепления позиций антикитайских группировок сепаратистов — прежде всего уйгурских.

Крупные уйгурские диаспоры имелись в центральноазиатских государствах всегда. В Казахстане в начале 1990-х годов проживало до 300 тыс. уйгур. Около половины из них бежали из КНР в годы «культур-

ной революции» или были их потомками. Проживая в основном восточнее Алма-Аты, казахстанские уйгуры не испытывали симпатий к КНР и были склонны оказывать доступную им помощь своим собратьям в Синьцзяне.

На территории Узбекистана проживало около 36 тыс. уйгур (только в Андижанской области — 14 тыс.).

В последующие годы их численность возросла — отчасти потому, что этнические уйгуры перестали записываться узбеками, отчасти — ввиду притока нелегальных эмигрантов из КНР. В 2000-х годах число уйгуров в Узбекистане стало оцениваться в 2 млн человек.

В Киргизии уйгуры компактно проживали в основных городах — Бишкеке, Джалалабаде, Караколе, Кара-Балте, Оше и Узгене. Данные об их численности существенно разнились: от 45 тыс. по данным официальной статистики в 1996 г. до 250 тыс. по данным местных уйгурских организаций.

Рост сепаратистских настроений уйгурского населения Синьцзяна позволил провести в декабре 1992 г. в Стамбуле «Национальный конгресс Восточного Туркестана», на котором было объявлено о создании «Государства Восточный Туркестан». Был утвержден флаг, гимн и герб этого образования. В декабре 1998 г. в Анкаре было сформировано его «правительство в изгнании».

Наибольшую активность проявляли уйгурские организации, действовавшие в Киргизии, что было связано с либеральным отношением правительства А. А. Акаева к диссидентским группам вообще — особенно к зарубежным. Такие организации, как Фронт национальной независимости Восточного Туркестана, Организация освобождения Уйгуристана (УАТ), проводили официально разрешенные мероприятия: митинги, шествия и конференции. Президент Киргизии посещал уйгурские землячества, встречался с их лидерами, один из которых, Нурмухаммед Кенджиев, был депутатом киргизского парламента.

Уйгурские сепаратисты были склонны к применению террористических методов. Они сотрудничали с радикальными пантюркистскими организациями в Турции и афганскими талибами. Исламское движение Восточного Туркестана (Ислом диний харакати) в 1990-х годах стало одним из самых дееспособных звеньев сети «Аль-Каиды».

В составе «Армии Туркестана», участвовавшей в организации антиправительственной деятельности в Узбекистане, Киргизии, Таджикистане и КНР (на территории Синьцзяна), действовал «китайский батальон» численностью 320 человек. Его боевики проходили обучение в афганских городах Кабуле, Кундузе, Мазари-Шарифе, Герате, Кандагаре

и Шибаргане. Базы на афганской территории использовали также боевики уйгурского отделения партии «Хизбаллы» и Уйгурской национальной армии. Ячейки сепаратистов организовывали регулярные вооруженные нападения, взрывы и диверсии на транспорте в разных частях СУАР.

В июне—августе 1993 г. в городах Аксу, Кашгар и Хотан была организована серия взрывов, ответственность за которые взяла на себя Демократическая исламская партия Восточного Туркестана. Партия исламской справедливости организовала 15 июля 1996 г. бунт в тюрьме уезда Шаяр округа Аксу, в ходе которого погибли 15 человек, и волнения в г. Инин 5 февраля 1997 г. с числом пострадавших до 300 человек. Народный союз солидарности Восточного Туркестана организовал взрывы 25 февраля 1997 г. с числом жертв до 100 человек и отравления в начале 1998 г., унесшие жизни четырех человек в Кашгаре.

Кроме того, уйгурские сепаратисты организовывали провокации против китайских представительств за рубежом. В феврале 1997 г. они обстреляли посольство КНР в Анкаре, а в марте 1998 г. организовали нападение на китайское консульство в Стамбуле.

Власти КНР отвечали расширением масштабов ханьской миграции в СУАР. Одновременно Пекин усиливал давление на власти сопредельных государств с целью побудить их к запрету деятельности сепаратистских организаций. В сентябре 1995 г. во время поездки в КНР Н. А. Назарбаев был вынужден согласиться с включением в текст совместной декларации пункта о необходимости борьбы с сепаратизмом.

В 1995 г. под влиянием демаршей КНР Российская Федерация также официально объявила незаконной деятельность на своей территории ряда сепаратистских организаций синьцзянских мусульман.

В апреле 1998 г. массовые аресты среди уйгурских активистов в Бишкеке санкционировали власти Киргизии. Было задержано более 30 человек, среди которых были граждане КНР и Турции.

Начальный этап развития межгосударственных отношений малых и средних стран региона с КНР

Новые государства с большой осмотрительностью строили отношения с КНР, понимая, каким разрушительным или созидательным может быть влияние Китая на ситуацию в регионе. Не имея возможности полностью отказаться от исламской солидарности с синьцзянскими мусульманами, правительства центральноазиатских стран делали все возможное для сохранения устойчивости отношений с Пекином. Китайское правительство со своей стороны санкционировало разработанную руководством СУАР стратегию экономического сотрудничества с приграничными центральноазиатскими государствами.

В 1992 г. начала работать китайско-казахстанская комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Вступили в силу соглашения о безвизовых поездках граждан и о пунктах пропуска через государственную границу в Хоргосе, Дружбе-Алашанькоу, Бахты-Покиту. В 1992 г. было открыто прямое железнодорожное сообщение Алма-Ата — Урумчи. Казахстан получил право использовать китайский порт Ляньюньган для переработки и транспортировки казахстанских грузов, а КНР стала закупать в Казахстане вооружения советского производства.

Отношения с КНР стремились развивать и другие страны. Президент Киргизии А. А. Акаев был, например, одним из горячих сторонников возрождения Великого шелкового пути из Китая в Европу через Центральную Азию. Но в 1993 г. на киргизско-китайской границе действовал всего один контрольно-пропускной пункт — на перевале Торугарт, соединяющем Нарын с китайским городом Каши (Кашгар). Впоследствии был открыт еще один — на шоссейной дороге между г. Сары-Таш (Ошская обл.) с г. Улугчат в Китае (через перевал Иркештам).

* * *

К середине 1990-х годов в основном прорисовались контуры нового политического пространства Центральной Азии в связи с образованием на ее территории новых независимых государств — бывших союзных республик СССР. Опыт показал поразительную устойчивость государственности всех новых государств, которая была сформирована в недрах Советского Союза. Ни одна из стран за исключением Таджикистана не столкнулась с реальной угрозой распада или захвата иностранной державой. Но даже Таджикистан нашел в себе достаточные внутренние силы, чтобы сопротивляться разрушению и — при ограниченной поддержке извне — сохранить целостность и независимость. Ни в одной из частей региона не возникло сколько-нибудь мощного импульса или движения в пользу реставрации архаичной, досоветской системы международных отношений. При всех территориальных разногласиях не было пересмотра границ и межгосударственных войн. Советский вариант этно-территориального размежевания выдержал проверку историческим временем лучше, чем сам Советский Союз, и породил в регионе вариант жизнеспособной и относительно бесконфликтной межгосударственной структуры.

Ни одна из новых стран региона не попыталась встать на путь строительства демократии западного типа. Но ни в одной из них не случилось, по счастью, и отката к политической архаике в той или иной форме мракобесного традиционализма, религиозного или светского. Есть

основания думать, что советский тип модернизации Центральной Азии при всех его слабостях и издержках оказался в условиях региона довольно эффективным и обеспечил необратимые сдвиги, на базе которых центральноазиатские народы смогли самостоятельно, не получая массовой помощи ни от России, ни от Запада, в целом удержаться на модернизационной, реформаторской платформе.

Важнейшим элементом политического наследия эпохи 70-летнего развития Центральной Азии с Россией в рамках СССР было интуитивно найденное советской многоэтнической элитой и оказавшееся оптимальным соотношение в государственных и общественных системах центральноазиатских стран элементов современного и традиционного. Именно это соотношение обеспечило новым государствам в труднейших условиях первой пятилетки независимости возможность сохранить внутреннюю социально-политическую стабильность с дозированными и подконтрольными реформами, целью которых было приспособиться к условиям конкурентной и жесткой мироэкономической рыночной среды, от противоречивых воздействий которой страны региона были защищены, покуда они оставались союзными республиками в составе СССР.

Литература

- Белокреницкий В. Я.* Геополитическая вертикаль в сердце Азии // Pro et Contra. 1997. № 2.
- Белокреницкий В. Я.* Проблемы и перспективы формирования Центрально-Азиатского макрорегиона // Восток. 1993. № 4.
- Борисова Е. А.* Казахстан: Президент и внешняя политика. М., 2005.
- Государства Центральной Азии: Поиск места в мировой политике. М., 1995.
- Границы Китая: История формирования / Под общ. ред. В. С. Мясникова и Е. Д. Степанова. М.: Памятники исторической мысли, 2001.
- Грозин А. В., Хлюпин В. Н.* Национальная безопасность Казахстана: Проблемы и перспективы. М., 1998.
- Джекшенкулов А.* Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе. М., 2000.
- Звягельская И. Д.* Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2009.
- Звягельская И. Д., Наумкин В. В.* Угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного» ряда в Центральной Азии // Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия: Контуры безопасности. М., 2001.
- Касенов У. Т.* Безопасность Центральной Азии: Национальные, региональные и глобальные проблемы. Алматы, 1998.
- Князев А.* К истории и современному состоянию производства наркотиков в Афганистане и их распространения в Центральной Азии. Бишкек, 2004.
- Курганская В.* Казахстан: Языковая проблема в контексте межэтнических отношений // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 5.

Часть I. СОБЫТИЯ

- Куртов А. А. «Формула Туркменбаши»: За и против // Международные процессы. 2003. № 3.
- Мукимджанова Р. М. Страны Центральной Азии: Азиатский вектор внешней политики. М., 2005.
- Олимов М. А., Олимова С. К. Общество и конфликт в Таджикистане // Восток. 1998. № 5.
- Петрова С. Н. Культурно-историческое наследие как ресурс внешней политики Республики Узбекистан // Восток. 1998. № 3.
- Постсоветская Средняя Азия. Обретения и потери / Отв. ред. А. М. Васильев. М.: Восточная литература, 1998.
- Россия в исторических судьбах таджикского народа. Душанбе, 1998.
- Толипов Ф. Ф. Центральная Азия — это пять «станов»: Poleмика с казахскими евразийцами // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 2.
- Троицкий Е. Ф. Политика США в Центральной Азии (1992–2004 гг.). Томск, 2005.
- Трофимов Д. А. Этнотерриториальные и пограничные проблемы в Центральной Азии // Северо-Восточная и Центральная Азия: Динамика международных и межрегиональных взаимодействий. М., 2004.
- Хрусталеv М. А. Центральная Азия во внешней политике России. М., 1994.
- Allison R. Regionalism, Regional Structures and Security Management in Central Asia // International Affairs. 2004. No 3.
- Anderson J. The International Politics of Central Asia. Manchester, 1997.
- Central Asia: Aspects of Transition. L.; N.Y., 2003.
- Central Asia, Global Terrorism and Asia-Pacific Security. Honolulu, 2003.
- Fuller G. Central Asia: The New Geopolitics. Santa Monica: RAND, 1992.
- Guangcheng Xing. China and Central Asia // Central Asian Security: the New International Context / Ed. by R. Allison and L. Jonson. L.: Royal Institute of International Affairs, 2001.
- Haghighi M. Islam and Politics in Central Asia. N.Y., 1996
- Roy O. La nouvelle Asie centrale ou la fabrication des nations. Paris, 1997.
- Thinking Strategically. The Major Powers, Kazakhstan, and the Central Asian Nexus / Ed. by R. Legvold. Cambridge (MA): MIT Press, 2003.
- Син Гуанчэн. Чжунго хэ синь дулидэ чжун-я гоцзя гуаньси (Китай и новые независимые государства Центральной Азии). Харбин, 1996.
- Синьцзян гайкуан (Краткое обозрение Синьцзяна). Урумчи, 1993.
- Сюэ Цзюньду, Син Гуанчэн. Чжунго юй чжун-я (Китай и Центральная Азия). Пекин, 1999
- Фань Чжипин, Хань Дэлинь. Синьцзян кайфан юй вайсянсин цзинци фачжань (Политика открытости и развитие открытой экономики в Синьцзяне). Урумчи, 1998.
- Чжао Сяоган. Уцзыбекэ цзу шэхуэй цзинци вэньхуа яньцзю (Исследования общества, экономики и культуры узбеков). Пекин, 2004.

Глава 6

СТАБИЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОДСИСТЕМЫ (1997–2000)

Как уже отмечалось, высшей точкой разъединения на пространстве бывшего СССР стал 1993 год, когда были разрушены рублевая зона и, вместе с ней, почти все хозяйственные связи между бывшими союзными республиками. Радикальная рыночная реформа в России вызвала дестабилизацию политической ситуации в Москве, вылившуюся в октябрьское восстание 1993 г. В таком положении российское руководство не хотело и не имело возможности проводить активную политику в центральноазиатских делах.

Ситуацию усугубляли региональные конфликты — гражданские войны в Таджикистане и Афганистане, а также антиправительственные движения политических и религиозных экстремистов в Ферганском оазисе. Все три конфликта сплетались в узел военно-политических противоречий между Таджикистаном, Афганистаном, Узбекистаном и Киргизией. В конфликт были вовлечены в явной форме Россия и Казахстан, а в косвенной — и Туркмения, через земли которой ввиду открытости туркмено-афганской границы на территории конфликтующих стран беспрепятственно проникали иностранные боевики.

Ситуация в Южном Туркестане после прихода к власти талибов в Афганистане

С 1995 г. заметную роль в Афганистане стали играть вооруженные отряды движения «Талибан». Помощь талибам оказывало правительство Пакистана и ЦРУ США. Талибы стали одерживать верх над силами правительства в Кабуле. Духовными наставниками талибов в Афганистане выступали пакистанские фундаменталистские организации «Джамиат-и улама-и Пакистан» и «Джамиат-и ислами», а организационную и финансовую поддержку им оказывали пакистанские разведывательные структуры.

К осени 1996 г. талибам удалось поставить под контроль западные, южные и восточные провинции, а 27 сентября — захватить Кабул. Бывший президент М. Наджибулла, скрывавшийся с 1992 г. в миссии ООН, был захвачен и убит. На контролируемых талибами территориях был провозглашен «Исламский Эмират Афганистан». Правительство Б. Раббани бежало в Мазари-Шариф под защиту таджикских командиров.

Реакция соседних государств на приход талибов была неоднозначной. В начале октября 1996 г. в Алма-Ате собрались руководители Узбекистана, Таджикистана, Казахстана, России и Киргизии, которые заявили об отказе признать их режим и о своей поддержке правительства Б. Раббани. Иран также не признал талибов.

Туркмения в 1995 г. провозгласила постоянный нейтралитет. Президент Туркменистана не принял участия в 1996 г. в алма-атинском совещании и стал поддерживать с талибами ограниченные отношения. В Ашхабаде было открыто представительство их правительства, а в приграничном афганском городе Хайратоне — туркменское консульство.

Новый кабульский режим был признан Пакистаном, Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами, которые оказывали ему помощь. Поддержку талибам первоначально оказывали и США.

Но в 1996 г. движение «Талибан» предоставило убежище террористу Усаме бен Ладену, который развернул в Афганистане центры подготовки исламских боевиков. Они участвовали в боях не только на афганской территории, но и в Сербии (Косово), Таджикистане, Узбекистане, Индии (Кашмир), на Филиппинах, а также в России (Чечня). В 1999 г. талибы признали самопровозглашенную на российской территории «Республику Ичкерия» и открыли в Кабуле ее «посольство». На базах и в лагерях, созданных Усамой бен Ладеном, в 2000 г. проходили подготовку около 2500 чеченских боевиков.

Превращение Афганистана в базу международного терроризма способствовало усилению активности в Центральной Азии политических и военных организаций экстремистского толка. Это оказало влияние на ситуацию в Таджикистане. После того как талибы свергли в Кабуле правительство таджикско-узбекского Северного альянса, афганским таджикам и узбекам нужно было думать о защите своих земель от талибов. Тратить силы на вмешательство в дела Таджикистана афганские таджики уже не хотели. Им самим была нужна помощь. Получить ее можно было только с севера. Афганские таджики стали продумывать варианты примирения с таджикским правительством в Душанбе ценой отказа от поддержки непримиримой таджикской оппозиции. Терять время было опасно, так как талибы вели подготовку к походу на Северный Афганистан.

Прекращение гражданской войны в Таджикистане (июнь 1997)

В Москве существовали колебания по поводу того, как относиться к конфликту таджикского правительства с оппозицией. Тонкости отношений между кланами и регионами в Таджикистане были понятны

в России только ограниченному кругу специалистов. В окружении Б. Н. Ельцина задавали тон люди, которые не разбирались в таджикских делах. Они не доверяли сообщениям с мест, прислушиваясь к «мнениям» американских «экспертов», которые в тот период знали таджикскую ситуацию еще хуже, чем советники российского президента.

В США между тем имела хождение придуманная американскими историками (при этом тюркологами или учеными турецкого происхождения) концепция «исламской демократии», реализовать которую в Таджикистане, как надеялись в Вашингтоне, хочет таджикская оппозиция. «Демократические убеждения» окружения Б. Н. Ельцина толкали его к поддержке таджикской оппозиции. Мнения российских военных в Таджикистане и доклады спецслужб строились на ее оценках как антироссийской, антизападной и ксенофобской. В результате российское правительство выжидало и воздерживалось от оказания военной помощи правительству в Душанбе.

Ситуация стала меняться, когда 25 мая 1993 г. руководство Таджикистана подписало договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с Россией. Военно-политическое сотрудничество двух стран получило юридическое основание. В договоре были определены условия пребывания на таджикской территории частей российской армии и пограничной службы. Таджикистан стал единственной страной региона, в которой Россия сохранила крупную группировку войск: 201-ю дивизию (около 7 тыс. человек) и группу погранвойск (16 тыс. человек). В октябре 1994 г. было подписано соглашение о командировании в Таджикистан российских военных советников и специалистов. Вооруженные силы Таджикистана насчитывали в конце 90-х годов лишь 12 тыс. человек.

В стабилизации военно-политической ситуации в стране участвовали и вооруженные силы Казахстана. В 1993 г. в район таджикско-афганской границы в западном Бадахшане было направлено более 500 казахстанских военнослужащих. Коллективными усилиями стран СНГ ситуация в стране была поставлена под контроль. Благодаря этой поддержке президент Таджикистана Э. Рахмонов смог укрепить позиции. В 1994 г. он провел референдум о восстановлении поста президента и в том же году победил на выборах своего единственного соперника — бывшего премьер-министра северянина А. Абдулладжанова.

Но ситуация оставалась неустойчивой. По мере распространения контроля правительства Э. Рахмонова на всю территорию Таджикистана стал расти поток беженцев из страны. Участники антиправительственной борьбы и члены их семей старались укрыться в Бадахшане или на сопредельной территории Северного Афганистана. Ни местные памир-

ские власти, ни афганское правительство не были готовы их принять. Ситуация в лагерях беженцев была устрашающей.

Правительство в Душанбе благоразумно не стало вводить верные ему вооруженные силы на территорию Бадахшана. Было достигнуто соглашение о размещении на его территории правительственных войск. Взамен памирцы признали власть Э. Рахмонова, согласились выполнять его указания и отказались от применения силы против правительства.

Сложнее было с таджикскими беженцами, ушедшими в Афганистан. Их лагеря на афганской территории стали базами для нападений на таджикские земли. Для противодействия им на значительной части таджикско-афганской границы были размещены российские пограничные части. Помощь России позволяла поддерживать контроль в пограничных районах, но она не могла служить инструментом урегулирования конфликта.

Таджикское руководство опасалось возникновения в стране ситуации хронической гражданской войны, последствия которой были понятны по опыту Афганистана. Российское правительство, опираясь на собственный опыт военного присутствия на афганской территории в 1980-х годах, рекомендовало Э. Рахмонову не полагаться только на военную силу, а попробовать договориться с оппозицией.

Лидеры памирского клана и часть поддерживавшего его радикального духовенства тоже понимали невозможность военной победы над коалицией южан и северян. Дело было не только в том, что эта коалиция могла обращаться за помощью к Узбекистану и России. Важнее была поддержка, которой правительство пользовалось у большинства таджиков. Граждане страны имели много претензий к Э. Рахмонову. Но его правление казалось им меньшим злом, чем режим, который попытались навязать памирцы.

Несколько изменились воззрения образованной части таджикского общества. Не питая иллюзий по поводу демократического потенциала власти, местная интеллигенция по опыту поняла, что исламизация страны имеет мало отношения к демократическому строю. Наконец, все таджики психологически устали от войны. Первоочередными задачами правительства провозгласило восстановление хозяйства и мирной жизни.

В Таджикистане развернули работу миротворческие миссии ООН и ОБСЕ, а также миссия Международного комитета Красного Креста. Стали осуществляться проекты оказания гуманитарной помощи беженцам, число которых достигло 1 млн человек.

На Памире значительную помощь в восстановлении местной экономики стали оказывать зарубежные исмаилиты. Глава исмаилитов имам

Ага Хан IV в мае 1995 г. и сентябре 1998 г. посетил Памир и встретился со своими последователями. В 1994 г. в Таджикистане открылось отделение Фонда Ага Хана, который стал финансировать программу развития Памира.

Фонд Ага Хана — благотворительная организация исмаилитов. Штаб-квартира расположена в Женеве, а отделения открыты в странах Восточной Африки, Южной Азии, Европы и Америки.

Речь шла о доставке в Бадахшан продуктов первой необходимости. Позднее фонд стал заниматься проектами в области сельского хозяйства, строительства оросительных каналов и освоения новых земель.

В 1996 г. наступавшие на Кабул с юга Афганистана отряды талибов (пуштунов) стали теснить Северный альянс, и афганским таджикам было уже не до вмешательства в дела Таджикистана. Таджикская оппозиция лишилась поддержки афганских союзников.

Политическим оппонентом правительства Э. Рахмонова к этому времени стала Объединенная таджикская оппозиция (ОТО). Ее ядром была Партия исламского возрождения Таджикистана (запрещенная с 21 июня 1993 г.), которую возглавлял Ходжи Акбар Турадзонзода. Было сформировано «правительство в изгнании» во главе с Саидом Абдулло Нури. Оппозиция получала помощь от Ирана, Пакистана, Афганистана и Саудовской Аравии. Именно с этими людьми предстояло договариваться Э. Рахмонову.

Но этого было недостаточно. Предстояло найти компромисс с Афганистаном, на территории северных провинций которого (Бадахшан, Тахар, Балх и Кундуз) существовали лагеря таджикских беженцев (их число составило 100–120 тыс.), ставших центрами подготовки боевиков. Во главе их отрядов оказывались кадровые военные афганской армии. Обсуждение вопроса о беженцах было начато в декабре 1993 г. во время визита в Душанбе президента Афганистана Б. Раббани (таджика).

К середине 1990-х годов созрели предпосылки для урегулирования конфликта. Надежды оппозиции на помощь афганских таджиков таяли: формирования Северного альянса терпели поражения от талибов и были не в состоянии помочь кому бы то ни было. Пользуясь моментом, президент Э. Рахмонов согласился на переговоры с Объединенной таджикской оппозицией, чего та давно добивалась.

В 1994 г. в Москве под эгидой ООН при участии российской дипломатии начались переговоры между делегациями правительства Таджикистана и ОТО. Это был первый контакт такого рода. В мае 1995 г. состоялась встреча Э. Рахмонова с С. Абдулло Нури в Кабуле. В ней участвовал и Б. Раббани.

В 1996 г. между таджикскими властями и оппозицией при посредничестве России и Ирана начался переговорный процесс. Обсуждения протекали сложно и велись на фоне возобновлявшихся всплеск вооруженной борьбы. Хотя Э. Рахмонов, опираясь на поддержку Москвы, представлял самую сильную таджикскую партию, оппозиция сохраняла потенциал, чтобы дестабилизировать ситуацию. Российская делегация оказывала давление на обе таджикские стороны.

11 декабря 1996 г. во время встречи президента Таджикистана с лидером оппозиции в афганском городе Таликан были парафированы договоренности о примирении. Лидеры сторон заявили о согласии прибыть в Москву для подписания соглашения. Заключительный раунд межтаджикских переговоров, в ходе которого было подписано «Общее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане», прошел в Москве 27 июня 1997 г. в присутствии президента России Б. Н. Ельцина. Согласно условиям урегулирования, одним из гарантов которого стала Россия, Партия исламского возрождения Таджикистана получила в правительстве пять мест. Год спустя Х. А. Тураджонзода был назначен вице-премьером.

Соглашение положило конец гражданской войне. Было сформировано коалиционное правительство. Лидеры оппозиции получили около трети мест. Последовала интеграция вооруженных формирований оппозиции в правительственные силовые структуры.

Национальное примирение не означало разрешения всех межтаджикских противоречий. Сохранилась напряженность между региональными группами. Оппозиция отказалась от вооруженной борьбы, но не от идеи построения в Таджикистане исламского государства. Соглашение было недоверчиво встречено хужандским кланом. Северные таджики были против включения в правительство лидеров исламской оппозиции, полагая, что это может привести к росту влияния экстремистов. Эти опасения разделяли в соседнем Узбекистане, власти которого подозревали, что вошедшая во власть исламистская оппозиция Таджикистана станет оказывать помощь экстремистским исламским движениям на территории самого Узбекистана.

Переходный период, определенный соглашением 1997 г., завершился проведением парламентских выборов на основе новой редакции конституции, определившей создание двухпалатного парламента, первые выборы в который прошли в феврале 2000 г.

В июне того же года по предложению Э. Рахмонова Совет глав государств СНГ принял решение о прекращении деятельности коллективных миротворческих сил СНГ в Таджикистане. Присутствие российс-

кого пограничного отряда на его территории было сохранено. В апреле 1999 г. Россия и Таджикистан достигли общей договоренности о преобразовании 201-й российской дивизии, дислоцированной в Таджикистане, в военную базу. Это решение было реализовано на базе соответствующих соглашений, заключенных во время саммита СНГ в Душанбе в апреле 2003 г.

Межгосударственные противоречия в Ферганском оазисе

Вторым по значению после Таджикистана узлом военно-политической нестабильности в Центральной Азии оставалась Ферганская долина. В ней проживало смешанное, в основном узбекско-киргизско-таджикское, население. В советские годы долина была разделена между Узбекской, Киргизской и Таджикской ССР. Причем Узбекистан тогда получил самую большую и густонаселенную часть. В настоящее время в административно-политическом плане Ферганскую долину составляют Ферганская, Наманганская и Андижанская области Узбекистана, Ошская, Джалалабадская и Баткенская области Киргизии и Согдийская (бывш. Ленинабадская) область Таджикистана.

Как уже отмечалось в главе 5, в Ферганской долине государственные границы проходят таким образом, что ряд территорий одних стран оказывается полностью окруженным территорией других. На землях ферганской части Киргизии есть четыре узбекских анклава, Таджикистан имеет три анклава на территории Киргизии и один — в Узбекистане.

При этом правительство Киргизии полагает, что Узбекистан не должен размещать на территории своих анклавов в окружении киргизских земель войска и не имеет права вводить контрольно-пропускные посты на границах анклавов с Киргизией. Узбекистан не соглашался с полностью демилитаризованным статусом анклавов, ссылаясь на невозможность контролировать ситуацию в них без помощи силовых структур. В итоге узбекская сторона явочным порядком создала посты пограничной и таможенной службы на границах своих анклавов вопреки мнению Киргизии. Вопрос делимитации границ в итоге до конца не решен.

Отношения двух стран осложнял и вопрос о принадлежности газовых месторождений входящей в Киргизию Ошской области. Проблема состоит в том, что формально газоносный пласт относится к киргизским землям, но его разработка ведется промышленными объектами, расположенными частично и на территории Узбекистана. Киргизия безуспешно пыталась убедить Узбекистан признать их киргизской собственностью, но в Ташкенте связывали этот вопрос с проблемой делимитации и считали преждевременным его обсуждение. Поскольку Киргизия имеет

очень небольшие запасы газа, она вынуждена импортировать его из Узбекистана. Это вносит дополнительное раздражение в киргизскую позицию. В Бишкеке считают, что Узбекистан использует вопрос о газе для давления на Киргизию.

«В отместку» киргизское правительство отказывается идти навстречу Узбекистану в вопросах водоснабжения. На территории Киргизии расположены верховья рек, протекающих в нижнем течении по узбекским землям. Это позволяет киргизской стороне регулировать стоки вод, поступающих узбекским потребителям. Возможным решением проблемы мог бы быть «взаимозачет» встречных уступок: Узбекистана — по газу, а Киргизии — по регулированию стока. Но удовлетворительного разрешения оба спора не получили.

На позиции заинтересованных стран по размежеванию в Фергане оказывают влияние и другие разногласия в связи с принадлежностью тех или иных территорий. При всей деликатности территориальных вопросов *вооруженные конфликты в Фергане возникали не из-за них*. Источником конфронтации была деятельность транснациональных экстремистских движений, вооруженные отряды которых присутствовали на территориях многих стран региона, перемещаясь между ними ввиду неспособности правительств надежно контролировать собственные границы на всем их протяжении. Базой террористов оказалась территория Афганистана, на которой находили приют экстремисты из разных стран.

Ситуация в годы войны между талибами и Северным альянсом

В 1998 г. одно за другим были взорваны посольства США в Кении и Танзании. Ответственность за эти террористические акты американские спецслужбы возложили на группировку Усамы бен Ладена, который был объявлен террористом, и за его поимку была обещана награда в 5 млн долл. Поскольку бен Ладен укрывался на территории Афганистана, США стали требовать его выдачи от правительства талибов. Кабул отклонил эти требования. В ответ США прекратили оказание помощи талибам и нанесли ракетный удар по предполагаемым базам бен Ладена на афганской территории. В Вашингтоне перестали помогать талибам через ЦРУ и стали рассматривать вопрос об оказании помощи их противникам в Афганистане.

Главным союзником для талибов остался Пакистан. Пакистанские советники находились на службе правительства талибов. В вооруженных отрядах талибов сражались пакистанские военнослужащие и наемники из числа граждан Пакистана — чаще всего пуштуны по этнической принадлежности.

В Кабуле не сразу оценили опасность ухудшения отношений с Соединенными Штатами, и талибы продолжили поход на север — в земли афганских таджиков и узбеков. В августе 1998 г. под напором талибов пал город Мазари-Шариф, бывший опорным пунктом Северного альянса. Под контролем талибов оказалось 90% территории Афганистана. Вне его оставались только те районы компактного проживания афганских узбеков, обороной которых руководил узбекский генерал А.-Р. Дустум.

Перспектива объединения Афганистана под руководством воинственных радикалов создавала угрозу сопредельным странам. Узбекистан, Таджикистан, Иран и Россия порознь и вместе стали принимать меры для оказания помощи Северному альянсу, под защитой которого оставалось бежавшее из Кабула правительство Б. Раббани. США не принимали участия в этом маневрировании, но относились к нему терпимо, считая, что ослабление кабульского режима соответствует американским интересам. Антиталибская позиция Вашингтона сдерживала и Пакистан, руководство которого не хотело обострения пакистано-американских отношений и было вынуждено учитывать негативное мнение американской администрации о той помощи, которую Пакистан оказывал талибам.

Талибы оказались перед лицом дипломатической изоляции и угрозой как контрудара с севера (со стороны Узбекистана и Таджикистана, поддерживаемых Россией), так и нападения с запада — со стороны Ирана. Это сковывало возможности кабульского режима, но одновременно толкало его на путь авантюр с использованием тех группировок этнических узбеков, которые базировались на афганской территории, но выступали против как правительства Узбекистана в Ташкенте, так и лидера афганских узбеков А.-Р. Дустума.

К 1999 г. одна из таких групп — Исламское движение Узбекистана (ИДУ) — вступила в союз с движением «Талибан», опираясь на который узбекские экстремисты стали готовить нападение на Узбекистан с афганской территории, рассчитывая прорваться или просочиться через горные районы Таджикистана и Киргизии в узбекскую часть Ферганы.

В 1999 г. состоялась встреча лидера талибов муллы М. Омара с главой ИДУ Т. Юлдашевым и некоторыми лидерами северокавказских террористов. Афганское правительство обещало финансовую помощь на создание в Узбекистане и на Кавказе теократических государств. Министр по делам беженцев в администрации талибов мулла Абдулкарим был одним из авторов плана вооруженного прорыва боевиков ИДУ в Узбекистан через горы Киргизии. На территории Афганистана в лагерях подготовки боевиков ИДУ находилось около 1,5 тыс. человек.

Сотрудничество центральноазиатских стран на многосторонней основе без участия России

Гражданская война в Афганистане и приближение боевых действий к границам стран Центральной Азии повысили озабоченность малых и средних стран по поводу своей безопасности. Неспособность Советского Союза одержать военную победу над афганскими движениями в 1980-х годах была доказана историей. Россия, которая была слабее СССР и откровенно заявляла об отсутствии готовности участвовать в военных конфликтах, не могла казаться центральноазиатским странам надежным гарантом их безопасности. Не было секретом и пренебрежительное отношение окружения Б. Н. Ельцина к азиатским государствам СНГ. Помощь России продолжала оставаться важнейшим элементом региональной стабильности, но полагаться исключительно на нее малые страны опасались. Они пробовали искать другие гарантии безопасности.

На первый взгляд их было разумно искать при помощи сотрудничества с НАТО. Но американские и западноевропейские лидеры, так же как и российские, не обнаруживали желания принимать на себя военно-политические обязательства перед центральноазиатскими странами. А сама Россия крайне подозрительно воспринимала попытки малых и средних государств сотрудничать с Западом. Страны региона опасались испортить отношения с Москвой и, одновременно, ошибиться в расчетах на получение помощи от западных стран.

В качестве гаранта стабильности вызывал опасения и Китай, опыт разрешения территориальных споров которого с некоторыми из государств региона больше пугал, чем обнадеживал.

Наиболее «революционный» вариант обеспечения национальной безопасности попыталась предложить Туркмения, провозгласившая нейтралитет под символическими гарантиями ООН. Но туркменский опыт был уникален, поскольку Туркмения рискнула сделать выбор в пользу нейтрализма на фоне отсутствия у нее территориальных споров и противоречий с кем-либо из соседей.

Киргизию нейтралитет мог привлекать ввиду желания сэкономить на военных расходах, но он казался ненадежной основой суверенитета, поскольку у большинства стран «Ферганского пояса» (Киргизии, Узбекистана и, особенно, Таджикистана) существовали обоснованные опасения военного вторжения с южного (афганского) направления. Казахстан мог не опасаться нападения соседей, но он был слишком глубоко вовлечен в военно-космическое сотрудничество с Россией, чтобы ориентироваться на нейтрализм.

В отличие от Туркмении, большинство центральноазиатских стран не стало заявлять о приверженности нейтралитету. «Латентные» нейтралистские тенденции в этих государствах стали принимать форму попыток наладить многостороннее сотрудничество на узкой региональной основе без участия России, Китая и США. Эти попытки дали ограниченные результаты.

Первым и не особенно удачным опытом такого рода были попытки присоединиться к *Организации экономического сотрудничества (ОЭС)* — уже существовавшей с 1964 г. структуре сотрудничества Турции, Ирана и Пакистана. В ноябре 1992 г. в нее были приняты Афганистан, Казахстан, Киргизия, Азербайджан, Таджикистан, Узбекистан и Туркмения. Это расширение формально превратило ОЭС в довольно крупное экономическое объединение. Но в его составе оказались не особенно мощные государства. Страны ОЭС желали сотрудничать в развитии сельского хозяйства, энергетики, промышленности, туризма, торговли, транспорта и коммуникаций. Но препятствием для реализации проектов было недостаточное финансирование.

Не особенно заметной оказалась отдача и от созданного в 1994 г. Единого экономического пространства Казахстана и Узбекистана. Правда, в том же году к нему присоединилась Киргизия, после чего Единое экономическое пространство стало называться *Центральноазиатским союзом (ЦАС)*. В 1995 г. было принято решение о создании его руководящих органов — советов премьер-министров, министров обороны и министров иностранных дел.

На саммите ЦАС в 1996 г. в Алматы было решено создать Центральноазиатский банк сотрудничества и развития, а также свободные экономические зоны на приграничных территориях. На этой встрече статус ассоциированного члена ЦАС получил Таджикистан. Было принято и решение о предоставлении такого же статуса России. Обсуждения были сосредоточены на вопросах использования водно-энергетических ресурсов Сырдарьи, охраны окружающей среды, природопользования, трудовой миграции и здравоохранения.

Диалог трех стран подготовил условия для создания основ военно-политического сотрудничества между ними. 10 января 1997 г. Казахстан, Узбекистан и Киргизия подписали *Договор о вечной дружбе*, к которому 26 марта 1998 г. присоединился Таджикистан. Россия не стала его участницей, но и не противодействовала его заключению.

Договор четырех стран носил военно-политический характер. Он сочетал в себе черты пакта о ненападении и договора о взаимопомощи. По-видимому, государства-участники не надеялись на получение серьезной военной помощи от своих соседей, но они по крайней мере зару-

чились взаимными гарантиями против угрозы участия стран-партнеров в недружественных действиях третьих стран.

В тексте договора говорилось об отсутствии у подписавших взаимных претензий, в том числе территориальных (ст. 1), и недопустимости использования территории одной из стран для ведения враждебных действий против какой-либо другой из числа подписавших (ст. 3).

Положения об оказании взаимопомощи были сформулированы осторожно. В случае возникновения, по мнению одной из сторон, угрозы нападения на нее другие стороны должны были вступить в консультации на четырехсторонней основе и в рамках международных организаций, членами которых они являются, для мирного урегулирования ситуации и совместной обороны (ст. 3). Договор о вечной дружбе стал основой сотрудничества малых и средних стран на узкой региональной основе.

После прекращения гражданской войны в Таджикистане он был в значительной мере призван нейтрализовать опасения Узбекистана и Киргизии по поводу возобновления угрозы для них если не со стороны Таджикистана, то с таджикской территории. В Ташкенте и Бишкеке понимали, что правительство в Душанбе, вынужденное смириться с существованием в стране исламской оппозиции, контролирует положение в Таджикистане не полностью. Лидеры таджикской оппозиции продолжали властвовать на значительной части страны, в том числе — в зоне границ с Узбекистаном и Киргизией.

Некоторая стабилизация ситуации позволила активизировать экономическое взаимодействие. 26 июня 1998 г. в Центральноеазиатский союз был принят Таджикистан, и эта организация была преобразована в *Центральноазиатское экономическое сообщество (ЦАЭС)*. В 1999 г. в качестве наблюдателей в него вступили Турция, Грузия и Украина.

Важным вопросом обсуждений в ЦАЭС стало водно-энергетическое регулирование. В 1998 г. было принято решение о создании международного водно-энергетического консорциума с целью регулирования поступления речных вод из Киргизии и Таджикистана в государства, лежащие ниже по течению рек, истоки которых находятся на киргизских и таджикских территориях.

В июне 2000 г. в Душанбе на заседании межгосударственного совета были приняты Стратегия интеграционного развития и Программа первоочередных действий по формированию ЕЭП в Центральной Азии. Планировалось провести либерализацию торговли, создать общий рынок товаров, услуг и капиталов, таможенный и валютный союз.

В этот период в рамках ЦАЭС не удалось согласовать таможенную, антидемпинговую, налоговую политику и вопросы конвертации валют. Сохра-

нялись расхождения по многим вопросам. Казахстан проводил тарифное регулирование торговли с государствами ЦАЭС в одностороннем порядке. Киргизия по своему усмотрению вводила ограничения речных стоков. Узбекистан ориентировался больше не на страны ЦАЭС, а на государства ГУУАМ и США. Активно искали партнеров вне ЦАЭС и другие государства. Туркменистан, по-прежнему ссылаясь на свой нейтралитет, вообще не вступил в ЦАЭС.

При этом Узбекистан и Казахстан скрытно соперничали за лидерство и влияние на более слабые соседние государства, а Киргизия и Таджикистан считали, что более сильные партнеры ущемляют их интересы. Киргизия так и не смогла добиться удовлетворения ее пожеланий в вопросах транзита товаров, трудовой миграции и рационального использования гидроресурсов.

Хотя экономические результаты деятельности ЦАЭС были не впечатляющими, эта организация стала играть важную роль как платформа политического диалога, в том числе по вопросам безопасности. В переговорных рамках ЦАЭС в апреле 2000 г. после «баткенских событий» (см. ниже) был согласован четырехсторонний Договор о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности. В нем говорилось о готовности сторон принимать согласованные усилия для противодействия экстремизму, попыткам насильственного изменения конституционного строя, нарушения территориальной целостности, незаконному обороту наркотиков и оружия.

«Балансирование» во внешней политике Узбекистана

Урегулирование положения в Таджикистане и стабилизация конфликта в Южной Фергане устранили важнейший очаг региональной напряженности, но не привели к восстановлению того положения дел в региональных отношениях, которое существовало до гражданской войны. Это касалось роли России в регионе и ее отношений со странами региона — прежде всего с Узбекистаном.

Ослабление влияния Москвы было очевидным. Свою возросшую способность воздействовать на положение дел в регионе показал Иран. Но самое главное — была продемонстрирована новая роль Узбекистана, который не только при помощи силы защитил собственные интересы, но и смог, лавируя между многими странами и сотрудничая с ними, оказать существенное влияние на положение дел в Таджикистане и Киргизии.

Узбекское руководство вынесло из ситуации впечатление об эффективности активной внешнеполитической линии и недостаточности полагаться на Россию, военная помощь которой казалась Узбекистану недостаточной.

С 1995 г. узбекское правительство стало вести активный дипломатический диалог с США. Узбекистан казался довольно сильным и перспективным партнером. Американское руководство «не устраивал» политический строй Узбекистана, не соответствующий американским представлениям о демократии. Но стратегическое значение этой страны было слишком очевидным, чтобы можно было его полностью игнорировать. Вот почему в Вашингтоне попробовали применить к Ташкенту традиционную политику «вовлечения» (как к Китаю или России), надеясь со временем повлиять на развития его внешней и внутренней политики.

Среди стран Центральной Азии Узбекистан выделялся наиболее непримиримой политикой в отношении экстремистов. Для Казахстана она была не очень актуальна. Киргизия и Таджикистан боялись радикалов и, считая себя не подготовленными к борьбе с ними, предпочитали идти на компромиссы. Сотрудничество с узбекским правительством могло представлять для США интерес, если речь шла о противодействии террористам из экстремистских исламских группировок.

И. Каримов был противником ИДУ, а ИДУ было союзником врагов США — талибов и «Аль-Каиды». В 2000 г. после многократных настояний Узбекистана ИДУ было включено в «черный список» международных террористических организаций, который ведет Государственный департамент США.

Вопросы демократического развития в рассматриваемый период не звучали особенно остро. Если в 1992–1995 гг. США регулярно поднимали вопрос о нарушении прав человека в Узбекистане, то в конце 1990-х годов подобная критика была приглушена. Это, строго говоря, не соответствовало положениям, принятым в 1999 г. в США Закона о стратегии Шелкового пути, в котором было предусмотрено оказание американской поддержки странам Центральной Азии на цели защиты прав человека.

Со своей стороны узбекское руководство очень рассчитывало на сближение с США. Идея балансирования между Россией, Западом и Китаем казалась Ташкенту понятной и перспективной. Следуя ей, в апреле 1999 г. на совещании стран СНГ в Москве Узбекистан заявил об отказе (вместе с Грузией и Азербайджаном) от дальнейшего участия в Ташкентском договоре. С тех пор он стал называться просто Договором о коллективной безопасности, и на его базе была создана Организация

Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), но без участия Узбекистана, Грузии и Азербайджана.

Решившись «отдалиться» от России, Узбекистан в 1999 г. вступил в созданную в 1997 г. организацию ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия), целями которой было развитие транспортно-энергетической системы без участия России. Эта организация пользовалась поддержкой США и стран ЕС, которые стремились обеспечить сближение тех стран—соседей России, которые могли быть противовесом ее влиянию в вопросах построения энерготранспортного коридора в обход российской территории. Переориентация Узбекистана на ГУАМ заметно повлияла на его отношения с Россией.

Вооруженные конфликты в Южной Фергане («события в Баткене») и трансформации политики Узбекистана

Прекращение гражданской войны в Таджикистане оказало противоречивое влияние на регион. Межтаджикское урегулирование не означало полного прекращения деятельности экстремистов. Их лидеры согласились прекратить войну против таджикского правительства. Но они сохранили инфраструктуру влияния на территории страны и связи с единомышленниками в сопредельных государствах.

Более того, войдя в состав коалиционного правительства Таджикистана, исламисты получили дополнительные возможности оказывать помощь соратникам в других государствах и при этом ограничивать действия президента Э. Рахмонова, если бы он попытался предпринимать шаги к подавлению как таджикских исламских радикалов, так и тех их нетаджикских сторонников, которые воевали в составе вооруженных сил таджикской оппозиции до 1997 г. и оставались в лагерях на таджикской территории.

Страна оставалась фактически раздробленной на зоны влияния бывших полевых командиров, обладавших полнотой власти на местах. Многие боевики еще с войны были тесно связаны с криминалитетом. Кроме того, сохранялись возможности для проникновения в Таджикистан и передвижения по его территории иностранных вооруженных групп.

По условиям урегулирования исламской оппозиции была выделена квота в 30% мест в коалиционном кабинете. Исламистам было даже трудно полностью ее выбрать по причине недостатка квалифицированных кадров. Оппозиционные лидеры, вошедшие в правительство, не хотели больше воевать. Но значительная часть их соратников, не получившая должностей, была недовольна. Против соглашения с Э. Рахмоновым вы-

ступали узбекские исламисты из Наманганского батальона, которые воевали в составе формирований ОТО. Боевики стали обвинять лидеров бывшей таджикской оппозиции в предательстве.

В 1996 г. исламисты-узбеки под руководством Тахира Юлдашева и Джумы Намангани создали Движение исламского возрождения Узбекистана на базе Наманганского батальона и в 1998 г. переименовали его в Исламское движение Узбекистана (ИДУ). Главной целью движения было создание исламского халифата в Ферганской долине. Планировалось начать с завоевания четырех городов: Ферганы, Андижана, Намангана и Оша («государство ФАНО»)

Боевики заявляли, что хотят «мира на своей земле» — то есть в Узбекистане. По сути дела они хотели перенести борьбу на узбекскую территорию — тем более что костяк ИДУ составляли уроженцы узбекских районов Ферганы. Они намеревались вернуться в родные места и привлечь на свою сторону земляков.

На таджикской территории были созданы лагеря ИДУ, в которых обучали навыкам диверсионно-террористической войны. Среди инструкторов были таджики, узбеки, пакистанцы, уроженцы Кашмира и арабских стран. Многие имели опыт работы со спецслужбами Пакистана и Саудовской Аравии. Боевиков для ИДУ готовили также в лагерях на территории Афганистана в городах Мазари-Шариф, Герат, Кандагар и Кабул. Работу тренировочных лагерей направляла «Аль-Каида».

Таджикское правительство мечтало избавиться от узбекских боевиков, но не решалось применить против них силу. В 1998 г. по просьбе Э. Рахмонова руководители «мирной таджикской оппозиции» предприняли попытку убедить руководителей ИДУ добровольно покинуть Таджикистан. Попытка оказалась неудачной. В начале 1999 г. в предгорных районах Таджикистана насчитывалось 1,5 тыс. боевиков, готовых к походу на Фергану. Они имели узбекское гражданство и требовали от ООН считать их политическими беженцами.

Правительство Узбекистана было осведомлено об «угрозе из Таджикистана» и готовилось к ее отражению. Но оно стремилось предотвратить ситуацию, при которой узбекские боевики могли бы совершать набеги на Фергану и возвращаться на свои базы в Таджикистане. Поэтому Ташкент требовал от Душанбе уничтожения самих этих баз — тренировочных лагерей ИДУ. Президент Э. Рахмонов был вынужден лавировать между требованиями Ташкента, сопротивлением исламистов внутри таджикского правительства и внутренней угрозой, которую могли представлять для него узбекские боевики на таджикской территории. Душанбе, помимо прочего побуждаемый к этому рекомендациями ООН и ОБСЕ, вынужден был проявлять терпимость к исламской оппозиции.

Между тем Ташкент обвинял Душанбе в нежелании сотрудничать против ИДУ. Узбекистан утверждал, что Таджикистан сознательно дает прибежище узбекским боевикам на своей территории. Таджикское правительство выдвигало контрпретензии, указывая на то, что в Узбекистане скрывается мятежный таджикский полковник М. Худойбердиев, отряды которого в 1998 г. предприняли нападение на таджикский город Худжанд, выдвинувшись с узбекской территории.

Узбекская дипломатия работала над формированием коалиции стран, взаимодействие с которыми могло понадобиться Ташкенту в предстоящей борьбе с ИДУ. Одним из результатов этих усилий и было подписание 10 января 1997 г. в Бишкеке Договора о вечной дружбе.

17 июня 1999 г. между Э. Рахмоновым и лидерами ОТО был подписан дополнительный протокол о роспуске вооруженных формирований оппозиции. Руководство оппозиции 3 августа официально объявило об их ликвидации.

Э. Рахмонов и лидер ОТО С. А. Нури смогли выработать общую позицию в отношении узбекских боевиков. Было решено предложить им покинуть территорию Таджикистана, «добровольно возвратившись на родину в Узбекистан». Напряженность возрастала. Было очевидно, что отрядам ИДУ придется уходить. Но их командиры понимали, что по ту сторону таджикско-узбекской границы их ждет жесткий прием.

В такой ситуации руководство ИДУ приняло план прорыва в Узбекистан с той стороны, с которой его не ожидали — через территорию Киргизии. Боевики были информированы о военном потенциале киргизской армии и справедливо считали ее слабее узбекской. Они надеялись без труда просочиться мелкими группами или даже прорваться через таджикско-киргизскую границу, а потом через киргизские земли зайти в тыл частям узбекской армии, поджидавшим их на линии таджикско-узбекской границы. План был по-своему смел и остроумен. Но осуществить его в исходном виде не удалось. Узбекистан был хорошо подготовлен к отражению вторжения и не допустил его.

Летом 1999 г. отряды ИДУ вторглись в Киргизию в районе города Баткен (Ошская область).

Баткен — город на юге Киргизии, центр Баткенского района (впоследствии выделенного в Баткенскую область).

Они не рискнули пойти на прорыв, а использовали тактику просачивания небольшими группами 3–5 человек, которые затем слились в крупный отряд, начавший наступление на Баткен. Необъяснимым образом боевики не были обнаружены и остановлены ни пограничника-

ми, ни другими подразделениями силовых структур Таджикистана, что позволило им беспрепятственно выйти к киргизско-таджикской границе. Это дало основания для подозрений в том, что боевики были просто пропущены через таджикскую территорию. Лишь на киргизских землях части пограничников и регулярной армии Киргизии вступили в бои с нападавшими.

Поскольку бандиты двигались со стороны Таджикистана, ответственность за нападение была возложена на таджикское правительство. Киргизия выступила с протестами и представлениями по поводу неспособности Таджикистана контролировать свои границы.

Но Э. Рахмонов отверг обвинения, утверждая, что плацдармы боевиков находятся не в Таджикистане, а на территории Афганистана. В заявлениях из Душанбе подчеркивалось, что бандитские группировки, проникшие из Таджикистана в Киргизию, не имеют отношения к Объединенной таджикской оппозиции, а принадлежат «непримиримой узбекской оппозиции» Джумы Намангани.

Правительство Узбекистана поддержало Киргизию, критикуя позицию Э. Рахмонова, отказывавшегося принять на себя ответственность за случившееся и — что важнее — от принятия мер для пресечения нападений боевиков с таджикской территории в будущем.

Не добившись взаимопонимания с таджикским правительством, Киргизия стала готовиться к обороне. Узбекистан, продолжая ожидать нападения на свои земли, вел себя более наступательно. В августе 1999 г. последовали сообщения о том, что авиация наносит упреждающие удары по предположительным местам скопления боевиков на таджикской территории вблизи границ с Узбекистаном. Поскольку на этих самолетах не было опознавательных знаков, доказать или опровергнуть их принадлежность ВВС Узбекистана было невозможно. Но Таджикистан заявил протест по поводу бомбардировок своей территории в Джиргатальском районе.

Вскоре последовала новая бомбардировка предположительно лагеря боевиков — на этот раз на территории Киргизии. Ответственность за инцидент была и в этом случае возложена обозревателями на Узбекистан, хотя в отличие от Таджикистана Киргизия официальных протестов Узбекистану не заявила. Между Ташкентом и Бишкеком в это время шел активный диалог о взаимопомощи против боевиков. Военно-техническую помощь Киргизии оказывал и Казахстан. В результате операций правительственных войск Киргизии и Узбекистана к концу 1999 г. отряды ИДУ были рассеяны и вытеснены с киргизской территории.

В период «баткенских событий» США оказывали военно-техническую поддержку Киргизии, поставляя ей приборы ночного видения, радиостанции и горное снаряжение.

Однако летом 2000 г. последовало новое нападение боевиков — на этот раз на территорию Узбекистана в Сурхандарьинской области, населенной преимущественно таджиками. Одновременно хорошо вооруженный отряд боевиков, в распоряжении которого имелась даже боевая авиация, перешел таджикско-киргизскую границу в районе перевала Туро, где с ним вступили в бой киргизские войска. Боевиков удалось вытеснить обратно в Таджикистан.

Нападение на Сурхандарьинскую область вновь вызвало острую полемику между правительствами Узбекистана и Таджикистана по поводу того, откуда взялись боевики. Согласно утверждению узбекской стороны, они пришли из Таджикистана. Таджикистан настаивал, что боевики явились либо из Афганистана, либо из внутренних областей самого Узбекистана. В ходе полемичного диалога Ташкент и Душанбе смогли договориться о совместных действиях силовых структур Узбекистана и Таджикистана против боевиков, напавших на Сурхандарьинскую область. Нападение было пресечено, а силы боевиков уничтожены. Во время событий 2000 г. в узбекской части Ферганы в роли координатора антитеррористических действий выступила Россия. Москва стала отходить от курса на неучастие в делах региона.

События 1999–2000 гг. дали повод для предложений в адрес Узбекистана последовать примеру таджикского правительства и вступить в переговоры с узбекской вооруженной оппозицией для поиска компромисса. Но 30 августа 2000 г. президент Узбекистана отверг возможность диалога с лидером ИДУ Т. Юлдашевым. «Террористов, если они сами не сдадутся, надо ликвидировать, а если ликвидировать, то не только их, но и всех их пособников», — заявил И. Каримов. Это выступление было ответом на заявление лидера ОТО С. А. Нури о готовности содействовать встрече делегатов узбекского правительства с лидерами ИДУ с учетом таджикского опыта.

После 2000 г. крупных попыток проведения боевых операций со стороны исламских экстремистов не предпринималось. Часть укрывавшихся в разных частях Ферганы боевиков вернулась в Афганистан и влилась в силы талибов. Остальные закрепились на юге Таджикистана, в районе г. Тавильдары.

По иронии судьбы нападение боевиков на центральноазиатские государства с афганской территории в 1999 г. состоялось через несколько месяцев после отказа Ташкента от сотрудничества в рамках ДКБ. Хотя

это нападение было отражено, события в Южной Фергане спровоцировали недоверие в отношениях между всеми странами.

Узбекское руководство они, по всей видимости, подтолкнули к новому переосмыслению своей внешней политики. В Ташкенте были встревожены и раздражены неспособностью союзных с ним стран сообща действовать против агрессии. Договор о вечной дружбе с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном не обеспечил Узбекистану помощи в чрезвычайной ситуации. Более того, с точки зрения узбекской стороны, таджикское правительство нарушило его, поскольку допустило использование своей территории для целей, враждебных другим странам-участницам. В Ташкенте отмечали неспособность Таджикистана пресечь проникновение экстремистов через таджикскую территорию. Эта неспособность интерпретировалась как, в лучшем случае, нежелание оказать помощь Узбекистану против террористов, а в худшем — как попустительство им. Хотя таджикское руководство отвергало подобные подозрения, правительство Киргизии уклонялось от занятия определенной позиции, но было склонно рассуждать в том же духе, что и узбекское.

Формально Узбекистан в момент конфликта в Фергане еще оставался членом ДКБ. Это в принципе позволяло ему рассчитывать на помощь Москвы. Но действия российской стороны в ходе конфликта были расценены в Ташкенте как недостаточные. Российские силы не принимали непосредственного участия в подавлении прорыва террористов, а помощь по линии военно-технического сотрудничества и поставок вооружений и техники узбекские представители оценили как не соответствующую масштабам угрозы для Узбекистана.

В Ташкенте болезненно реагировали на нежелание Москвы осудить бездействие Таджикистана в связи с обвинениями, которые ему адресовал Узбекистан. Было похоже, что российская дипломатия давала возможность Ташкенту оценить последствия отказа от участия в ДКБ.

В то же время ситуация показала завышенный характер ожиданий узбекского руководства в отношении помощи со стороны Запада. Конфликт в Южной Фергане, вероятно, казался североамериканским и западноевропейским политикам малозначительным. Готовности прийти на помощь правительствам центральноазиатских стран в ЕС и США не было.

Раздражение против Москвы сливалось с досадой на Вашингтон и Брюссель. Узбекистан продолжил немного нарочито подчеркивать отличие своих подходов к международным вопросам от тех, которые занимала Россия. Демонстративное отдаление от Москвы по-прежнему выступало инструментом привлечения внимания Запада к независимости политики Узбекистана.

Но одновременно в действиях узбекской дипломатии стала проявляться другая тенденция. К июню 2000 г. Узбекистан стал высказывать неудовлетворенность сотрудничеством в ГУУАМ. Было ясно, что служить инструментом защиты узбекских интересов эта организация может еще меньше, чем Ташкентский договор, из которого вышел Узбекистан. В 2002 г. Узбекистан приостановил свое членство в ГУУАМ и денонсировал все ранее подписанные с ним документы.

Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (сентябрь 1999)

События в Южной Фергане способствовали активизации попыток стран региона наладить в Центральной Азии широкий диалог по вопросам безопасности с участием больших держав. Наиболее крупной инициативой такого рода стало предложение Казахстана о проведении *Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА)*.

Идея такой встречи была впервые высказана президентом Казахстана Н. Назарбаевым на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 1992 г. Было предложено возобновить попытки создать универсальную структуру обеспечения безопасности в Азии, где, в отличие от Европы, подобного механизма никогда не было. СВМДА замыслилось как форум для диалога азиатских государств, основной функцией которого является противодействие новым угрозам. Казахстан придавал большое значение экономическим вопросам, и платформу СВМДА планировалось использовать для переговоров о расширении торгово-экономического сотрудничества.

Целью совещания провозглашались выработка мер доверия в экологической сфере, консолидация усилий азиатских государств в урегулировании конфликтов и предупреждении гуманитарных катастроф, а также содействие диалогу культур и религий. Предполагалось обсуждать выполнение международных обязательств в ядерной области и сфере нераспространения оружия массового уничтожения, борьбу с международным терроризмом, создание транспортной энергетической инфраструктуры и гуманитарное сотрудничество.

К 2000 г. было проведено около 20 встреч на уровне экспертов и старших должностных лиц МИД азиатских стран. В сентябре 1999 г. в Астане состоялась встреча министров иностранных дел СВМДА. Совещание первоначально представляло собой регулярные встречи старших должностных лиц и министров иностранных дел.

14 сентября 1999 г. в Алматы состоялась встреча министров иностранных дел государств—участников СВМДА. Была подписана Деклара-

ция принципов, регулирующих отношения между государствами—членами СВМДА. Основными принципами были названы: уважение суверенитета, сохранение территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела, мирное урегулирование споров, отказ от применения силы, разоружение и контроль над вооружениями, сотрудничество в социальной, торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах, уважение основных прав человека в соответствии с принципами ООН и международного права.

«Анклавная модернизация» в странах региона

Опыт развития региона в 1990-х годах показал, что процессы политического реформирования в местных странах происходили в весьма специфических, национально своеобразных формах. Значительное влияние на них оказывали культурные и исторические традиции, особенности быта и мировосприятия, присущие народам региона. *Демократические модели «классического» западного типа в регионе не возникли*, хотя опыт демократического строительства в Западной и Восточной Европе, Северной и Латинской Америке оказал на Центральную Азию большое влияние. Не меньшее значение имел для центральноазиатских стран учет опыта модернизации России, Китая, стран АСЕАН и отчасти Индии.

Как и в советское время, *общества Центральной Азии по существу продолжили развиваться как конгломераты, состоящие из двух анклавов*. Один представлял собой элементы современного — институты выборности, судебная система, политические партии, печатные и электронные СМИ, пространство Интернет, зачаточные формы неправительственных организаций, государственно-рыночное хозяйствование современного типа, корпорации.

В другом анклаве общественных отношений концентрировалось традиционное — отношения традиционной иерархии (по старшинству родов, происхождению, возрасту), регионально-клановые, племенные, семейные, общинные и иные связи, не формализуемые в писаном законодательстве. Ко второму анклаву относилась традиционная мораль, исламские и доисламские религиозные представления, обычаи.

Первые во многом выражали формальные нормы жизни и поведения в официальной политике. Вторые — зачастую стояли над первыми, поскольку они определяли то, как фактически применялись формальные нормы в повседневной жизни и политике. При этом — что важно — оба разнородных анклава не сливались, но и не уничтожали друг друга. Они мирно сосуществовали, сопологаясь и дополняя друг друга в едином конгломерате, который придавал им необходимую долю цельности

и предохранял общества от распада под давлением слишком резких импульсов модернизации, поступавших извне.

При анклавно-конгломератной структуре общества (в более узком значении и применительно к политическим процессам в многоэтнических государствах в западной литературе используется термин «много-составные общества») демократия и демократические процедуры естественным путем образовывали из себя анклавы современного. А традиционные отношения направляли практику функционирования этих процедур в соответствии с неписаными, но прочно укорененными в сознании людей установлениями. Демократизация в центральноазиатских обществах конгломератного типа носила во многом поверхностный, внешний характер. Но она, несомненно, оказывала немалое влияние на общественную жизнь и политику. Происходил процесс взаимного влияния анклавов. «Современное» в политической жизни строго соизмерялось с требованиями неформальных традиционных норм. Но и архаика клановых, семейных и иных отношений менялась, обновлялась, чтобы эффективнее влиять на изменения в сфере современного.

Важной частью анклава традиции в обществах «декларируемой демократии» Центральной Азии играли отношения в сфере религии. В 1943 г. в советской Центральной Азии было создано *Среднеазиатское духовное управление мусульман (САДУМ)*, на которое была возложена обязанность руководить исламскими организациями республик. Оно объединяло мусульман-суннитов, которых в Центральной Азии большинство. Находилось оно в Ташкенте, его аппарат почти полностью состоял из узбекского духовенства, и вся переписка велась на узбекском языке. Во главе управления в течение 45 лет стояли муфтии из узбекской семьи Бабахановых. В Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Туркмении были созданы казиаты, которые не пользовались большим влиянием.

После распада СССР ислам стал играть важную роль в общественной жизни. Последовало «исламское возрождение». Молодые государства включились в мировые политические процессы в качестве самостоятельных субъектов и стали создавать независимые религиозные структуры. С 1990 г. прежде единое САДУМ стало распадаться.

Отсутствие продуманной политики государственной власти в отношении местных и зарубежных исламских организаций привело к тому, что из-за рубежа стал бездумно заимствоваться самый разный исламский опыт, который не всегда приносил положительные результаты на почве стран Центральной Азии.

Не имевшие достаточного числа подготовленных исламских кадров молодые государства с трудом и не сразу нашли оптимальную форму от-

ношений с исламом. В регион стали проникать воинственные религиозные течения, некоторые из которых смогли найти поддержку в местном населении. Тяжелая экономическая ситуация способствовала росту экстремизма, который направлялся в религиозное русло.

Местные и зарубежные криминальные организации не замедлили воспользоваться наличием массы дееспособного, но лишившегося работы населения для вербовки сторонников. Для обоснования претензий на политическую власть экстремисты, движение которых во многих случаях сращивалось с местным криминальным бизнесом, пользовались лозунгами «исламского обновления».

Параметры проблемы наркотрафика

«Пульсирующая» стабильность, которой удалось добиться в регионе после окончания гражданской войны в Таджикистане и отражения нападения террористов на земли Ферганы, существовала на фоне сохраняющейся слабости правительств. Узбекское руководство контролировало территорию лучше. Киргизское и таджикское — слабее. Наркотранзит из ЮВА и Афганистана на север — в сторону России и стран ЕС — стал увеличиваться. Отдельные клановые группировки стремились поставить наркотрафик под свой контроль. Часть доходов от него шла на финансирование деятельности исламских экстремистов, которые выполняли роль политического отряда вооруженного криминалитета.

Обозреватели отмечали, что торговля наркотиками была основным финансовым источником для ваххабитов Ферганской долины. Поэтому международная наркомафия проявляла повышенный интерес к этому региону. Несовершенство законов, недостаточность таможенного и пограничного контроля и коррумпированность чиновников усугубляли ситуацию. Улучшение финансирования религиозных экстремистов позволяло им привлекать к себе больше сторонников. Дельцы наркоторговли получили возможность манипулировать социально-политической обстановкой в Фергане.

Маршруты перевозки наркотиков проходили через неделимитированные участки границы в Фергане. Только на таджикско-киргизской границе их было около семидесяти. Контроль за транспортировкой наркотиков осуществляли местные кланы, отделить «обычную» деятельность которых от собственно криминальной было невозможно. Кланов представляли собой одновременно и ядра политических групп, криминальные объединения.

Принадлежность к клану позволяла его членам рассчитывать на продвижение по службе, получение благ, улучшение материального поло-

жения. Ядро клана в городе составляли группы родственников по крови и браку, однокашников и личных друзей лидера, независимо от их родоплеменной принадлежности, а временами даже и национальности, объединенных продолжительной совместной деятельностью в определенном регионе (области). В такой ситуации рядовой член землячества мог оказаться вовлеченным в криминальную деятельность автоматически, сам того не осознавая.

На рубеже 2000-х годов борьба за овладение Ферганской долиной имела для лидеров наркоторговли особое значение. После фактической оккупации Косово силами НАТО в 1999 г. был прерван переброс афганского героина в страны ЕС по «южному маршруту», через Балканы. В такой ситуации наркodelьцы и зависевшие от них командиры ИДУ были заинтересованы в расширении потока транспортировки наркотиков по «северному маршруту» — через Таджикистан, Узбекистан, Киргизию, Казахстан и Россию. Таджикских и узбекских боевиков использовали для прокладки и охраны «героиновых троп».

Наркотрафик сдерживало присутствие в Таджикистане российских вооруженных сил (201-я мотострелковая дивизия Вооруженных сил РФ численностью около 25 тыс. человек). Российские войска охраняли таджикско-афганскую границу до конца 2005 г., после чего ее охрана была полностью передана таджикским военным.

Эволюция подходов стран Центральной Азии к отношениям с Россией

К началу 2000-х годов в регионе сложилась «многослойная» структура международного сотрудничества. Содружество Независимых Государств оставалось обрамляющей политической рамкой и главной платформой многостороннего диалога по всем проблемам отношений между бывшими республиками СССР, которые представляли для них интерес. Регулярные саммиты СНГ позволяли снимать взаимные сомнения, претензии и раздражение между странами или их руководителями. Они позволяли получать информацию друг о друге и непосредственно судить о декларируемых и действительных намерениях той или иной страны. Иногда удавалось координировать подходы по вопросам, которые казались подходящими для совместных выступлений.

Но СНГ не стало ни инструментом давления России на менее мощных партнеров, ни средством их коллективного воздействия на нее. Главные вопросы отношений России с ее молодыми соседями переносились на двусторонний уровень, а речь о «тотальной» интеграции или «реинтеграции» вообще не шла. На пространстве СНГ шло свободное формирование «групп по интересам», и круг их участников был разным.

Заявку на «комплексную интеграцию» представлял собой только союз России и Белоруссии, но он формировался крайне медленно. Все остальные интеграционные проекты носили специализированный, аспектный характер и не распространялись на остальных участников СНГ.

Молодые государства прочно стояли на пути независимого развития, хотя некоторые из них все еще не могли самостоятельно гарантировать собственную безопасность. Для них было важно участие, прежде всего, в военно-политическом сотрудничестве с Россией на многосторонней основе, инструментом которого оставался ДКБ. В то же время те страны, которые имели основания считать его бесполезным для целей обеспечения безопасности, имели возможность отказаться от участия в этой структуре. Туркмения так никогда и не присоединялась к ДКБ.

Узбекистан вышел из него в 1999 г. В Ташкенте решили, по-видимому, что, опираясь на собственный потенциал, сотрудничество в рамках четырехстороннего Договора о вечной дружбе и ЦАЭС, а также при помощи партнерства с США, Узбекистан сможет обеспечивать свою безопасность, не принимая обязательств перед Россией.

В дифференциации отношений стран региона к ДКБ была польза. Договор подписывался в 1992 г. в спешке, в обстановке, когда было невозможно составить представления о реальных интересах новых независимых государств в сфере безопасности. В этом смысле он был уязвим, так как не учитывал многообразия политических, экономических и иных альтернатив, с которыми вскоре столкнулись молодые государства. К концу 1990-х годов ситуация была существенно иной. Азиатские страны яснее понимали свои интересы. Часть из них имела возможность убедиться в необходимости развивать военно-политическое сотрудничество с Москвой, часть — уверилась в отсутствии такой необходимости. Россия тоже имела время трезво оценить преимущества и издержки сотрудничества с Центральной Азией. Назревала реформа отношений в рамках ДКБ, и действия Узбекистана способствовали ее ускорению.

Еще важнее было реалистично оценить перспективы экономического сотрудничества бывших советских республик. План Единого экономического пространства стран СНГ (ЕЭП), в котором ключевую роль предполагалось отвести России, Украине и Казахстану, терял свою актуальность ввиду действий Киева по его торпедированию. Тем важнее было «запустить» интеграционный процесс между теми государствами, которые были в нем реально заинтересованы, даже если их круг был менее широк, чем список участников СНГ в целом.

Создание ЕврАзЭС

В сфере экономики главной группировкой сотрудничества в СНГ стало *Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС)*, ключевую роль в пропаганде которого сыграл президент Казахстана Н. А. Назарбаев. Казахстанские дипломаты неоднократно пробовали убедить президента России Б. Н. Ельцина в необходимости формирования в СНГ экономического союза. Но в окружении российского президента преобладало то же мнение, которое в нем доминировало в начале 1990-х годов: страны Центральной Азии — обуза для России.

Приоритетным экономическим партнером в Москве считали Украину, невзирая на то очевидное обстоятельство, что украинское руководство ориентировалось на экономические отношения не с Россией, а ЕС. При этом украинская дипломатия не упускала шанса расстраивать интеграционные планы России и Казахстана, прибегая к тактике затягивания переговоров об интеграционных предложениях Казахстана. Москва тоже медлила с их принятием, тщетно пытаясь синхронизировать сближение с ним с углублением сотрудничества с Украиной, а та, уклоняясь от сотрудничества с Москвой, одновременно не давала развиваться российско-казахстанским связям.

Ситуация стала меняться после подписания 6 января 1995 г. соглашения о таможенном союзе между Россией и Белоруссией. 20 января 1995 г. к этому соглашению присоединился Казахстан, в марте 1996 г. — Киргизия. 29 марта 1996 г. Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия подписали договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях. В 1999 г. к соглашению о таможенном союзе и договору об углублении интеграции присоединился Таджикистан. В феврале 1999 г. был заключен пятисторонний договор о таможенном союзе и едином экономическом пространстве. В рамках «пятерки» предполагалось ввести режим свободной торговли и образовать единое таможенное пространство. В реальности, однако, заявленный уровень интеграции к концу 1990-х годов достигнут не был.

Эффективность сотрудничества снижалась разногласиями по поводу полномочий рабочих органов и процесса принятия решений. Некоторые государства с трудом воспринимали идею передачи части экономического суверенитета международным управляющим органам.

Более слабым членам таможенного союза было сложнее отстаивать в нем свои цели. Киргизия и Таджикистан надеялись на либерализацию режима пребывания в России своих трудовых мигрантов. Эти страны также добивались ускоренного урегулирования вопросов сотрудничества со своими соседями (в том числе с Казахстаном) в водоснабжении и гидроэнергетической сфере. Таможенный союз не помог Киргизии ре-

шить проблемы ее «транспортной изолируемости»: Казахстан не соглашался отменить установленные им высокие транзитные пошлины на перевозку киргизских грузов по казахстанской территории, препятствуя вывозу сельскохозяйственных товаров из Киргизии.

Были претензии и к самой Киргизии, которая в 1998 г. вступила в ВТО. В итоге она была вынуждена ввести на своих границах таможенный тариф, установленный для государств — членов ВТО, — 10%. В это же время тарифы в Белоруссии и России составляли 14%, а в Казахстане — 13%.

Эти трудности, впрочем, вызвали не замедление сотрудничества, а желание его ускорить. 10 октября 2000 г. Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан подписали договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Таким образом, на базе Таможенного союза была создана международная организация с рядом наднациональных полномочий. В мае 2002 г. к ЕврАзЭС в качестве наблюдателей присоединились Украина и Молдавия. В таком же качестве в его работе стала участвовать Армения.

Высшим органом сообщества стал Межгосударственный совет, состоящий из глав государств и правительств стран-участниц. Совет стал проводить заседания на уровне глав государств не реже одного раза в год, на уровне глав правительств — не реже двух раз в год. Решения принимались консенсусом. Интеграционный комитет, постоянно действующий орган Сообщества, состоял из заместителей глав правительств стран-членов и был наделен правом контроля за реализацией решений Межгосударственного совета. В Интеграционном комитете решения принимаются большинством в две трети голосов, причем количество голосов сторон соответствует их взносам в бюджет сообщества. Россия имеет 40 голосов, Белоруссия и Казахстан — по 20, Киргизия и Таджикистан — по 10. Начали действовать Межпарламентская ассамблея и Суд.

В рамках ЕврАзЭС начала функционировать зона свободной торговли (с некоторыми ограничениями), действует безвизовый режим передвижения граждан. Были утверждены документы по сближению законодательств стран-участниц в налоговой, финансовой, банковской, таможенной сферах.

Страны-участницы приняли решение добиваться вступления во Всемирную торговую организацию на согласованных условиях, важную роль в формулировании которых сыграла Россия. Киргизия, уже ставшая членом ВТО в 1998 г., согласилась провести переговоры о корректировке условий ее участия в ВТО. Для реализации инвестиционных проектов был создан Евразийский банк развития, соучредителями которого выступили Россия и Казахстан, внесшие в уставной капитал соответственно 1 млрд и 500 млн долл.

Важное место на переговорах в рамках ЕврАзЭС стали занимать вопросы освоения гидроэнергетических ресурсов Центральной Азии. ЕврАзЭС способствовало инвестициям в строительство гидроэлектростанций в Таджикистане и Киргизии. В рамках ЕврАзЭС был разработан реализуемый с 2003 г. проект поставок электроэнергии из Таджикистана и Киргизии в Россию. Предполагалось создание под эгидой ЕврАзЭС Евразийского водно-энергетического консорциума.

Основная задача ЕврАзЭС — унификация таможенных тарифов и образование таможенного союза. Члены Сообщества намеревались до конца 2006 г. подготовить нормативно-правовую базу его создания. Решить эту задачу в масштабах всей организации не удалось. На саммите ЕврАзЭС в Сочи в августе 2006 г. было принято решение о создании таможенного союза в составе России, Белоруссии и Казахстана. Предполагалось, что другие страны присоединятся к нему позднее.

В октябре 2007 г. были подписаны основные документы о таможенном союзе — Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза и Договор о Комиссии Таможенного союза. В течение 2008–2009 гг. были согласованы и подписаны другие многочисленные соглашения. В феврале 2009 г. приступил к работе наднациональный исполнительный орган — Комиссия Таможенного союза. С 1 января 2010 г. вступили в силу единый таможенный тариф и система нетарифного регулирования. Союз начал функционировать. С 1 июля 2010 г. вступил в силу единый Таможенный кодекс, который предусматривает упразднение таможенного контроля на российско-белорусской границе. Заключительным шагом в создании единой таможенной территории, намеченным на 1 июля 2011 г., должно стать упразднение таможенного контроля на российско-казахстанской границе.

Для создания таможенного союза трех стран были отчасти использованы результаты переговорного процесса по формированию Единого экономического пространства (ЕЭП) в более широком составе — с участием России, Белоруссии, Казахстана и Украины. Переговоры по этому вопросу велись с 2003 г. Ввиду фактического отказа Украины после «оранжевой революции» 2004 г. от участия в таможенном союзе, региональное Единое экономическое пространство фактически стало создаваться в формате «тройки». В декабре 2009 г. президенты России, Казахстана и Белоруссии на саммите в Алматы приняли заявление о создании ЕЭП к 1 января 2012 г. и согласовали соответствующий план действий. Речь идет о проведении согласованной макроэкономической политики, единых принципах регулирования деятельности естественных мо-

нополий, общих правилах поддержки промышленности и сельского хозяйства, едином рынке нефти и газа.

ЕврАзЭС оказался единственной организацией на пространстве СНГ, в рамках которой начали осуществляться реальные шаги в сторону экономической интеграции. Перспективы интеграции ограничивались существенным разрывом в уровнях экономического развития между государствами Сообщества, структурными различиями в национальных хозяйствах, несовпадением приоритетов экономической политики стран-участниц. Сказывался объективный разрыв в экономических возможностях между более развитыми Россией, Казахстаном и Белоруссией, с одной стороны, и остальными странами — с другой.

Сближение трех стран стало оказывать стимулирующее влияние на региональный интеграционный процесс — прежде всего ввиду улучшения экономической ситуации в России и Казахстане в середине 2000-х годов. Рост экономических возможностей стран «тройки» сделал сотрудничество с ними более привлекательным. Оживление интереса к экономическому сотрудничеству с Россией оттеняло отсутствие динамики в интеграции без российского участия — в рамках ЦАЭС.

Отчасти с такими соображениями было связано принятое в январе 2006 г. решение о слиянии ЕврАзЭС и ЦАЭС. В связи с этим решением к ЕврАзЭС присоединился Узбекистан — один из учредителей ЦАЭС. Но его сотрудничество с государствами ЕврАзЭС развивалось сложно. В ноябре 2008 г. Узбекистан приостановил свое участие в Сообществе, ссылаясь на невозможность должным образом отстаивать свои интересы в рамках установленных в ЕврАзЭС правил и процедур.

Создание Сообщества знаменовало переход процесса сотрудничества государств СНГ с универсальной на избирательную, селективную основу. Одновременно оно указывало на экономизацию интеграции в СНГ — поворота его к структурированию отношений между бывшими азиатскими республиками СССР и Россией на основе прагматизма и естественных экономических тяготений. *Создание ЕврАзЭС было вторым после образования ЦАЭС шагом к институциональному закреплению новой структуры региональных экономических отношений.* Слияние двух этих организаций закрепило эту тенденцию.

* * *

Вторая половина 1990-х годов ознаменовала постепенный выход международных отношений в Центральной Азии из кризиса трансформации, связанного с превращением бывших союзных республик в пол-

ноценные независимые государства. Самый крупный очаг региональной нестабильности — война в Таджикистане — был ликвидирован. В основном — хотя не без потерь — все страны справились с кризисом. Большинству это удалось сделать самостоятельно, некоторым — при военной и экономической помощи других государств, прежде всего России, помощь которой в значительной степени была «полувидимой» — в форме сохранения некоторых льгот для малых и средних стран в экономических отношениях с нею.

Страны региона в основном смогли сформировать систему своих международных связей, в том числе с крупными мировыми державами, а также выработать собственные приоритеты в международной политике, которые, правда, были не очень устойчивыми и продолжали уточняться. Очередные задачи молодых государств определялись необходимостью постепенной модернизации экономических и политических моделей.

Литература

- Абдуллаев Е. В., Колесников Л. Ф.* Ислам и религиозный фактор в современном Узбекистане // Узбекистан: Обретение нового облика. М.: РИСИ, 1998. Т. 1.
- Абдуллаев Е. В.* Устойчивое неравновесие: Отношения с Россией в политике Узбекистана // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 2 (8). Май—август.
- Агамедова З.* Нейтралитет Туркменистана // Международные процессы. 2003. Т. 1. № 3 (3). Сентябрь—декабрь.
- Акинер Ш.* Поиск регионального соотношения между религиозностью и светскостью в постсоветских мусульманских государствах // Ислам и светское государство. Ташкент, 2003.
- Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии: Сб. документов и материалов / Под ред. А. А. Князева. Бишкек: Илим, 2001.
- Бабаджанов Б.* Среднеазиатское духовное управление мусульман: Предыстория и последствия его распада // Многомерные границы Центральной Азии / Под ред. М. Б. Олкотт, А. Малашенко. М.: Гендальф, 2000.
- Богатуров А. Д.* Центрально-Восточная Азия в современной международной политике // Восток. 2005. № 1. С. 102–118.
- Бойко В. С.* Азиатская Россия в геополитике Центральной Евразии // ШОС, Афганистан и безопасность Центральной Евразии / Под ред. А. А. Князева. Бишкек, 2008.
- Воскресенский А. Д.* Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика. М.: Восток—Запад, 2004.
- Зеличенко А. Л.* Афганская наркоэкспансия 1990-х годов и проблемы национальной безопасности Кыргызстана. Бишкек, 2003.
- Звягельская И. Д.* Специфика этнополитических конфликтов и подходы к их урегулированию: Учеб. пособие. М.: Навона, 2008.
- Звягельская И. Д.* Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2009.

- Звягельская И. Д.* Центральная Азия: Эволюция параметров безопасности и стабильности // Южный фланг СНГ. Центральная Азия — Каспий — Кавказ: Энергетика и политика / Под ред. А. В. Мальгина, М. М. Наринского. Вып. 2. М.: Навона, 2005.
- Иманалиев М. С.* Центральная Азия в системе совместной безопасности // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 3 (4).
- Ислам и политика. М.: Крафт + ИВ РАН, 2001.
- Исмаилов А. И.* Интересы мировых держав в Центральной Азии // Вестник Казахского национального ун-та им. Аль-Фараби. Серия «Международные отношения и международное право». Алматы. 2005. № 13 (19).
- Князев А. А.* Афганский кризис и безопасность в Центральной Азии (XIX — начало XX в.). Душанбе: Дониш, 2004.
- Кузьмина Е. М.* Геополитика Центральной Азии. М.: Наука, 2007.
- Кузьмина Е. М.* Центральная Азия: Перспективы России в регионе // Южный фланг СНГ. Центральная Азия — Каспий — Кавказ: Энергетика и политика / Под ред. А. В. Мальгина, М. М. Наринского. Вып. 2. М.: Навона, 2005.
- Куртов А. А.* Интеграция в СНГ и проблемы национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Евразии. 1998. № 1–2 (4–5).
- Лаумулин М. Т.* Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Алматы, 2006. Т. II.
- Мальшева Д. Б.* Конфликты в Каспийском регионе и меняющаяся безопасность // Вестник Евразии. 2002. № 2 (17).
- Молдалиев О. А.* Исламизм и международный терроризм: угроза ислама или угроза исламу? Бишкек, 2004.
- Наумкин В. В.* Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов. М., 2005.
- Омаров Н. М.* Внешняя политика Кыргызской Республики в эпоху «стратегической неопределенности». Бишкек: Илим, 2005.
- Панарин С. А.* Политическое развитие государств Центральной Азии в свете географии и истории региона // Вестник Евразии. 2000. № 1.
- Прозрачные границы: Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л. Б. Вардомского, С. В. Голунова. М.; Волгоград, 2002.
- Рашид А.* Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. М.: Библион — Русская книга, 2003.
- Садиев К.* Военная безопасность Кыргызстана // Национальная безопасность Кыргызстана (опыт комплексного исследования). Жалалабат, 2003. Ч. I.
- Системная история международных отношений: В 4 т. События и документы. 1918–2003 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Т. 3. События. 1945–2003. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2003. С. 526–530.
- Скаковский Л. Р.* Казахстан в международной политике // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 3 (9). Сентябрь—декабрь.
- Современный терроризм: Взгляд из Центральной Азии / А. Г. Косиченко, М. С. Ашимбаев и др. Алматы: Дайкен-Пресс, 2002.
- Сюкияйнен Л. Р.* Ислам и терроризм: Союзники или противники? Шариат должен быть включен в борьбу с экстремизмом // Терроризм и религия. М.: Наука, 2005.

- Троицкий Е. Ф.* Политика США в Центральной Азии (1992–2004 гг.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005.
- Хрусталева М. А.* Гражданская война в Таджикистане: Истоки и перспективы. М.: МГИМО МИД РФ, 1997.
- Чернявский С. И.* Центральноазиатское измерение внешней политики Российской Федерации // Южный фланг СНГ. Центральная Азия — Каспий — Кавказ / Под ред. А. В. Мальгина, М. М. Наринского. Вып. 2. М.: Навона, 2005.
- Шайхутдинов М. Е.* Геополитика, глобалистика и теория национальной безопасности: Методологические и прикладные аспекты. Павлодар: ЭКО, 2005.
- Шайхутдинов М. Е.* Казахстан и Россия в новых геополитических координатах. 2-е изд. Павлодар: ЭКО, 2005.
- Шохзода С.* Формирование структуры региональной безопасности Центральной Азии в контексте трансформации современной системы международных отношений: Дисс. ... канд. полит. наук. М.: МГИМО, 2006.
- Kleveman, Lutz.* The New Great Game: blood and oil in Central Asia. N.Y., 2003.
- Naumkin V.* Militant Islam in Central Asia: The Case of the Islamic Movement of Uzbekistan. Berkley: University of California, 2003.
- Rashid A.* Jihad: The Rise of Militant Islam in Central Asia. Yale University Press, 2003.
- Ro'i Y.* Islam in the Soviet Union. N.Y., 2000.
- Rumer B.* The Search for Stability in Central Asia // Central Asia: a gathering storm? / Ed. by B. Rumer. N.Y.: M. E. Sharpe, 2002.
- Russia and Asia.* The Emerging security agenda / Ed. by G. Chufurin. N.Y., 1999.
- Starr S. F.* Making Eurasia Stable // Foreign Affairs. January/February 1996. No 1. Vol. 75.
- Yakubov O.* The Pack of Wolves. The Blood Trail of Terror. M.: Veche Publishers, 2000.
- Әліпбаев А. Р. АҚШ-тың орталық азиядағы геосаяси мүдделерінің кейбір аспектілері. ҚазҰУ хабаршысы. Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясы. Алматы. 2005. № 3 (19).

Глава 7

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕГИОНЕ В 2000-Х ГОДАХ

Новой чертой ситуации в начале 2000-х годов стало заметное усиление присутствия Китая, который стремился стать второй после России политической и военной силой региона. Важнейшей стратегической целью КНР было ограничение возможностей западных держав приобрести и расширить свои военно-стратегические позиции в Центральной Азии. Регион объективно выглядел стратегическим «тылом» КНР, если «фронтом» китайской внешней политики считать рубежи дипломатического противостояния с США по вопросу о Тайване, присоединения которого много десятилетий добивается Пекин.

Регион также стал приобретать для КНР большое экономическое значение, поскольку быстрый рост китайской экономики в 1990-х годах сопровождался стремительным возрастанием потребления в Китае энергоносителей и различных видов минерального сырья. Энергосырьевой импорт из Центральной Азии казался в КНР благоприятной перспективой тем большей, что на рынках малых и средних стран региона существовал спрос на китайские товары.

Курс на расширение влияния Китай строил осмотрительно. Дипломатия КНР стремилась избежать конкуренции с Россией, которую рассматривала не столько как соперника, сколько как партнера в деле предупреждения усиления позиций Запада. Вот почему Китай делал акцент на многосторонности — активизация его роли в региональных делах происходила в рамках китайско-российского двустороннего партнерства и многостороннего сотрудничества, в котором наряду с КНР и Россией принимали участие малые и средние страны региона.

Образование Шанхайской организации сотрудничества (июнь 2001)

Как уже говорилось, с 1996 г. Китай, Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан стали регулярно проводить встречи в пятистороннем формате. Возник «шанхайский форум», в работе которого спустя некоторое время в качестве наблюдателя стал участвовать Узбекистан. В июне 2001 г. в Шанхае на очередной встрече в верхах участники «пятерки» приняли декларацию о создании новой международной организации — Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). К новой организации в качестве полноправного члена присоединился Узбекистан. Была подписана Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Инициатива институционализации «Шанхайского процесса» исходила от Китая. Участники ШОС по-разному видели приоритетные направления сотрудничества. Центральноеазиатские страны стремились переключить внимание ШОС на экономические вопросы. Китай был заинтересован в интенсификации сотрудничества в сфере политики и безопасности, прежде всего борьбы с исламским экстремизмом, представлявшим угрозу для стабильности в Синьцзяне. Россия занимала промежуточную позицию.

В Москве и столицах малых и средних стран региона не хотели, чтобы ШОС казалась «бастионом» против американского влияния. КНР чувствовала себя менее скованной в вопросах региональной политики. Кроме того, ей было важно заручиться политической поддержкой малых и средних стран региона в вопросах сдерживания экстремистских групп исламского населения СУАР, прежде всего уйгурских. Некоторые

организации уйгурских сепаратистов, как отмечалось, имели опорные точки в центральноазиатских странах, и обязательство правительств этих стран сотрудничать с Пекином в сфере безопасности неизбежно привело бы к усилению давления на зарубежные ячейки уйгурских радикалов.

Политизация ШОС усилилась после нападения 11 сентября 2001 г. террористов на американские города Нью-Йорк и Вашингтон, после чего США при поддержке России, Китая и стран ЕС стали формировать «глобальную антитеррористическую коалицию». Имелось в виду, что в первую очередь она будет направлена против террористических групп, выступающих под исламскими лозунгами.

В рамках ШОС, главным образом благодаря настойчивости Пекина, поддержанного Россией, ускорилась подготовка устава ШОС и соглашения о создании региональной антитеррористической структуры. В июле 2002 г. на саммите ШОС в Санкт-Петербурге устав был подписан. Одновременно было заключено Соглашение о региональной антитеррористической структуре (РАТС), которую предполагалось разместить в Бишкеке.

Заключение российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве

16 июля 2001 г. в Москве был подписан сроком на 20 лет российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Это был обширный документ, вызвавший в мире значительный резонанс. Российско-китайские договоренности можно было подразделить на три группы. Первая (ст. 2–7) касалась политических основ сотрудничества. Стороны заявили в отношении друг друга об отказе от использования силы, применения ядерного оружия первыми и взаимного нацеливания стратегических ядерных ракет. Они также провозгласили свою приверженность принципам мирного сосуществования и взаимному уважению права каждой стороны на выбор собственного пути. Отдельно было сказано о взаимной поддержке сторонами позиций каждой из них по вопросам обеспечения государственного единства, что означало признание Российской Федерацией позиции КНР в вопросе о Тайване (правительство КНР — единственный законный представитель Китая, а Тайвань — часть Китая), а руководством Китая — позиции России в чеченском вопросе. Смысл ст. 2–7 был равнозначен договоренностям, характерным для пакта о ненападении.

Вторая группа договоренностей (ст. 8–10) касалась проведения между КНР и РФ регулярных консультаций по вопросам обеспечения мира и безопасности и отказа от вхождения в союзы и блоки, наносящие ущерб интересам одной из сторон. Стороны согласились в случае возникнове-

ния угрозы миру вступать в контакт друг с другом в целях ее устранения. Эта группа взаимных обязательств напоминала положения, типичные для договоров союзнического характера, хотя слово «союз» в тексте российско-китайского договора не употреблялось.

Это впечатление усиливалось при прочтении ст. 11 и 12, в которых говорилось о том, что КНР и Россия выступают за соблюдение норм международного права и против попыток силового давления или вмешательства под каким-либо предлогом во внутренние дела суверенных государств. После интервенций НАТО в Югославии в 1996 и 1999 гг. это положение можно было трактовать как заявку на создание российско-китайской коалиции в защиту права на суверенитет и гарантию невмешательства, которым противоречила отстаиваемая странами НАТО политика и практика «гуманитарных интервенций».

Критикой в адрес США звучали положения о намерении сторон прилагать усилия для соблюдения глобального стратегического баланса и стабильности, а также способствовать соблюдению основополагающих договоренностей, обеспечивающих стратегическую стабильность. К тому времени администрация США не скрывала планов развертывания национальной системы противоракетной обороны, что означало намерение Вашингтона подвергнуть ревизии положения советско-американского договора ПРО от 1972 г., против чего выступала Россия. В ст. 20 говорилось о намерении сторон сотрудничать в борьбе с терроризмом.

В том виде, в каком он был подписан, российско-китайский договор не был «типичным» военно-политическим договором, каковые заключались в XX в. Но он представлял собой комплекс серьезных взаимных обязательств, принятие которых означало переход российско-китайских отношений от этапа всесторонней нормализации (1989–2001) к этапу формирования политического союза с элементами сотрудничества в сфере безопасности. Договор был воспринят на Западе с подозрением. Обозреватели писали о формировании российско-китайской «оси» против НАТО. В отношениях между Россией и США стало больше взаимной настороженности.

Летом 2002 г. в Санкт-Петербурге состоялся новый саммит ШОС, на котором был принят ее устав. Одновременно страны-участницы приняли решение о создании на основе коллективных усилий международного антитеррористического центра в Бишкеке (Киргизия).

Война США против талибов и ее влияние на региональную ситуацию

Террористические акты 11 сентября 2001 г. в Соединенных Штатах дали повод США и ряду американских союзников по НАТО начать во-

енную операцию против талибов в Афганистане. Соединенные Штаты начали наносить по их позициям массированные удары с воздуха, а с севера на Кабул стали наступать силы Северного альянса, опиравшегося на поддержку широкой коалиции стран, включая США, Россию, Таджикистан, Узбекистан и другие государства. Киргизия и Узбекистан, не встречая противодействия Москвы, приняли решение предоставить Соединенным Штатам военно-воздушные базы на своей территории. В декабре 2001 г. Кабул был взят силами Северного альянса, и в Афганистане начался сложный процесс формирования новой власти. Талибы были оттеснены к границам Пакистана или на пакистанскую территорию.

Война против талибов дала толчок к трансформации внешних параметров стратегических отношений в Центральной Азии. Новой важнейшей чертой ситуации стало появление в регионе военного присутствия США. Американские военные базы были созданы в Киргизии, Узбекистане и Таджикистане. В дополнение к ним четыре американские базы появились в Пакистане. В Афганистане был дислоцирован 20-тысячный контингент американских сил. Кроме того, на афганской территории были размещены Международные силы содействия безопасности под руководством НАТО численностью 9–11 тыс. человек. Вашингтон стал оказывать значительное влияние на региональную систему.

С развертыванием американского военного присутствия в Центральной Азии осложнилось стратегическое положение Китая. Американская политика развития политических и военных связей с соседями КНР по периметру китайских границ неожиданно для Китая распространилась на регион, рассматриваемый в Пекине как стратегический тыл и потенциальная сфера китайского влияния. Возникли новые стимулы к активизации Китаем многосторонней дипломатии в регионе и двусторонних связей с местными странами в сфере безопасности и энергетического сотрудничества.

В краткосрочном плане Российская Федерация в основном была удовлетворена результатами военной победы над враждебным ей режимом талибов, одержанной к тому же за счет ресурсов США. Вместе с тем возникновение военного присутствия США на южных рубежах Центральной Азии резко увеличило конкурентность региональной среды для российских интересов. В долгосрочной перспективе это обещало Москве возникновение сложных проблем. В случае вхождения Узбекистана, Таджикистана и Киргизии в систему военно-политического присутствия США в регионе, пределы влияния Москвы на центральноазиатских соседей могли резко уменьшиться. Возрос потенциал отхода малых и средних стран

от союзнических отношений с Россией к линии на неприсоединение, нейтрализм или даже переориентацию на союз с США.

Союз стран Центральной Азии с США расширил бы американским компаниям возможности для доступа к энергоресурсам восточного побережья Каспия и мог сработать на уменьшение роли России в мировой энергетике. Для предупреждения «крайних» сценариев такого рода требовались крупные российские инвестиции и активизация российской политики в регионе. России отныне приходилось иметь в виду конкуренцию со стороны не только Китая, но и США.

Положение в самом Афганистане оставалось крайне неустойчивым. Новое проамериканское правительство Хамида Карзая не пользовалось поддержкой афганской племенной знати. Его власть опиралась на поддержку натовских солдат и не распространялась за пределы Кабула. Власть на местах была отнята у талибов, но она перешла в руки полевых командиров, которые лишь условно признавали первенство Х. Карзая, 13 июня 2002 г. ставшего президентом страны (повторно переизбран в 2009 г.). В стране резко выросло производство опиумного мака. Американские оккупационные силы и кабульское правительство не могли этому воспрепятствовать и были вынуждены молча смириться с развитием «наркoэкономик», следствием которого оказался рост наркотрафика из Афганистана. Соответственно, продолжилась борьба за контроль над северным маршрутом контрабанды наркотиков через Фергану и Россию в страны ЕС.

Ситуация в Афганистане дестабилизировала положение в Пакистане. Между тем в 1998 г. Пакистан и Индия произвели испытания ядерного оружия и стали «нелегальными ядерными державами». Приток в Пакистан талибов, отступивших из Афганистана, резко увеличил потенциал воинствующих исламистских групп внутри Пакистана, которые выступали против президента П. Мушаррафа. «Исламская революция» в Пакистане могла привести к попаданию ядерного оружия в руки экстремистов, что могло придать ядерное измерение и конфликту в Афганистане со всеми последствиями для сопредельных с ним стран Центральной Азии.

Обострились ирано-американские противоречия в связи с ядерной программой Ирана. Иранское руководство было напугано появлением американских войск у своих восточных границ так же, как сетью американских баз ВВС в Центральной Азии и Пакистане. В Тегеране были настроены видеть в иранской ядерной программе инструмент ограничения воинственности Вашингтона.

В то же время явные признаки радикализации правящего в Тегеране режима и перспектива появления у Ирана ядерного оружия представляли собой вызов стабильности в Центральной Азии. Китай, Россия и Индия стремились умерить радикализм иранской политики и подключить Иран к институтам многостороннего сотрудничества.

Пакистан, оказав Соединенным Штатам поддержку в войне против талибов, упрочил свои международные позиции. Были сняты санкции, введенные Вашингтоном против Исламабада после ядерных испытаний 1998 г. Возросли объемы американской экономической помощи, расширилось американо-пакистанское военное и военно-техническое сотрудничество.

Война США против талибов привела и к активизации внешней политики Индии. В Дели стали рассматривать Центральную Азию как один из «горизонтов безопасности» страны. Знаковым событием стало открытие в 2002 г. небольшой индийской военной базы в Таджикистане. Индия стала наращивать влияние в Афганистане и развивать военно-техническое и политическое сотрудничество с Узбекистаном и Казахстаном.

Возникли условия для превращения Центральной Азии в сферу конкуренции между Индией, Китаем и Пакистаном за доступ к энергоресурсам и влияние на страны региона. Усилия индийской дипломатии в регионе встречают понимание Соединенных Штатов. Американская администрация сомневается в устойчивости проамериканской ориентации Пакистана, альтернативой партнерству с которым могут стать американо-индийские связи. Кроме того, Индия выглядит в оценках американских политиков потенциальным противовесом Китаю.

Активизация политики внерегиональных государств порождала в регионе новые комплексы противоречий. Нестабильность рынков энергоносителей, мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. внесли в обстановку дополнительную нервозность. Тем не менее малые и средние страны региона старались проявлять сдержанность и избегать откровенной игры на противоречиях между сильными державами, хотя объективно поле для таких маневров расширилось.

Падение режима талибов избавило страны Центральной Азии от основной внешней угрозы. Серьезный удар был нанесен по экстремистским и террористическим группировкам, в том числе по Исламскому движению Узбекистана. Однако рост производства наркотиков в Афганистане и объемов их транспортировки через территорию Центральной Азии усиливал криминализацию экономики центральноазиатских государств, особенно беднейших. Финансовая и социальная база экстремистских организаций и террористических группировок продолжала крепнуть.

Альянс наркобизнеса и терроризма был основным вызовом региональной стабильности.

Образование ОДКБ и сотрудничество малых и средних стран с Россией

Начало войны США в Афганистане послужило толчком к реорганизации военно-политических отношений в СНГ. С одной стороны, возникновение фактора американского военного присутствия в Центральной Азии являлось вызовом интересам России. С другой — сближение Москвы и Вашингтона на базе согласованного противостояния международному терроризму нейтрализовало потенциально антизападный оттенок, который могло иметь углубление военно-политического сотрудничества России с ее партнерами внутри СНГ. Последнее было важно политически и психологически и для России, и для центральноазиатских стран.

Как уже говорилось, в мае 1999 г. истек пятилетний срок действия Ташкентского договора 1992 г. (он вступил в силу в апреле 1994 г.). Три страны — Азербайджан, Грузия и Узбекистан — отказались продлевать свое участие в нем. Азербайджан был неудовлетворен крепнущим российско-армянским сотрудничеством и отсутствием прогресса в карабахском урегулировании, Грузия — терпимостью России к абхазскому и югоосетинскому сепаратизму. О позиции Узбекистана говорилось в главе 6. Остальные шесть стран (Армения, Белоруссия, Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан) представляли собой более или менее консолидированную по военно-политическим интересам группу. Они и решили перевести сотрудничество в рамках ДКБ на новый уровень.

Состав участников, стремление нового российского руководства к более активной политике в Центральной Азии и рост террористической и религиозно-экстремистской угрозы в регионе определили доминирование в деятельности ДКБ центральноазиатского направления. В мае 2001 г. было принято решение о создании военной составляющей ДКБ — Коллективных сил быстрого развертывания (КСБР) Центральноазиатского региона коллективной безопасности. КСБР, состоящие из воинских контингентов России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана, насчитывали 1,5 тыс. военнослужащих. Штаб КСБР был размещен в Бишкеке.

В мае 2002 г. шесть стран ДКБ на встрече в Москве приняли решение о преобразовании Договора в международную организацию. 7 октября 2002 г. в Кишиневе был подписан Устав Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В Уставе зафиксировано обязательство стран-членов координировать внешнеполитические позиции по про-

блемам международной безопасности, предусмотрены санкции за невыполнение принимаемых решений, носящих обязательный характер.

Согласно Уставу, высшим органом ОДКБ стал Совет коллективной безопасности. Начали действовать консультативные и исполнительные органы — Совет министров иностранных дел, Совет министров обороны, Комитет секретарей советов безопасности. Постоянный Совет, состоящий из полномочных представителей государств-членов, приступил к координации мер для реализации решений Организации. Был сформирован Объединенный штаб. Решение о создании ОДКБ вступило в силу в сентябре 2003 г. после ратификации Устава странами-участницами. 16 августа 2006 г. в Сочи было подписано соглашение о присоединении Узбекистана к ОДКБ (точнее, о восстановлении его членства в Договоре).

В рамках ОДКБ стали проводиться совместные учения, осуществляться поставки по льготным ценам российской военной техники. Стороны начали сотрудничать в подготовке военных кадров. В октябре 2003 г. в Киргизии, на аэродроме Кант в 20 км от Бишкека, была открыта авиабаза КСБР (фактически — российская военная база). ОДКБ остается наиболее мощной в Центральной Азии структурой многостороннего военно-политического сотрудничества, имеющей военную составляющую и дающей гарантии помощи странам-участницам на случай агрессии.

Военно-политическое сотрудничество центральноазиатских стран осуществляется преимущественно в рамках возглавляемых Россией многосторонних структур ОДКБ — Объединенной системы противовоздушной обороны стран СНГ и Антитеррористического центра СНГ. Это сотрудничество дополняется двусторонними военно-политическими связями России со странами региона. После присоединения Узбекистана вне ОДКБ из стран региона остался только Туркменистан.

Важным направлением сотрудничества стран региона является участие в Объединенной системе ПВО (ОС ПВО) СНГ. Хотя соглашение о ее создании было подписано в 1995 г. всеми странами региона (из стран СНГ его не подписали только Азербайджан и Молдавия), Туркменистан с 1997 г. фактически не участвует в ОС. Для координации сотрудничества по линии ОС ПВО действует координационный комитет во главе с командующим войсками ПВО России.

В конце 2000 г. по решению Совета глав государств СНГ был создан Антитеррористический центр СНГ (АТЦ), являющийся постоянно действующим органом координации деятельности спецслужб по борьбе с

международным терроризмом и экстремизмом. АТЦ имеет структурное подразделение по центральноазиатскому региону в Бишкеке. Ежегодно проводятся учения спецслужб СНГ. Общее руководство АТЦ осуществляет Совет руководителей органов безопасности и специальных служб стран СНГ.

Россия сохранила тесные военно-политические связи с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном. Российско-казахстанский союз был укреплен подписанием в 2003 г. Соглашения о совместном планировании применения войск и в 2004 г. Договора о сотрудничестве и взаимодействии по пограничным вопросам. В Киргизии в октябре 2003 г. была открыта российская военная авиабаза, функционирующая в рамках КСБР ОДКБ. Россия и Таджикистан в октябре 2004 г. разрешили противоречия, возникшие в связи с преобразованием 201-й мотострелковой дивизии, размещенной в республике с советских времен, в военную базу. Были подписаны соглашения, конкретизирующие российско-таджикский договор 1999 г. Частью российской базы стал оптико-электронный узел «Нурек» военно-космических сил России. Численность российских военнослужащих в Таджикистане составляет более 5 тыс. человек (крупнейший российский контингент за рубежом).

В соответствии с подписанными в 2004 г. соглашениями к 2006 г. российские пограничники из Таджикистана были выведены, а функции по охране границ перешли к таджикской пограничной службе. При этом была создана оперативная пограничная служба ФСБ России в Таджикистане. Она не имеет войсковой составляющей и оказывает таджикским пограничникам помощь в организации контроля над границами и подготовке кадров.

В 2004–2005 гг. между Россией и Узбекистаном были подписаны Договор о стратегическом партнерстве (16 июня 2004 г.) и Договор о союзнических отношениях (14 ноября 2005 г.). Они предусматривают оказание взаимной помощи в случае агрессии со стороны третьих стран и позволяют сторонам при необходимости использовать военную инфраструктуру друг друга на взаимной основе.

Военно-политические связи государств региона с США

После террористических актов 11 сентября 2001 г. борьба с терроризмом во всемирном масштабе была объявлена основной задачей внешней политики США. Афганистан стал первым объектом антитеррористической кампании, а страны Центральной Азии были объявлены в Вашингтоне «прифронтовыми государствами».

Узбекистан, имевший более развитые военно-политические отношения с Соединенными Штатами, первым из стран региона разрешил американским военным использовать свою военную инфраструктуру. На авиабазе в Ханабаде было размещено 1–1,5 тыс. американских военнослужащих. Ташкент расценил сложившуюся ситуацию как возможность упрочить статус партнера США в регионе. В марте 2002 г. США и Узбекистан подписали Декларацию о рамках стратегического партнерства и сотрудничества. В ней говорилось о том, что США будут рассматривать любую внешнюю угрозу безопасности и территориальной целостности Республики Узбекистан с максимальной серьезностью.

Расширилось американо-таджикское сотрудничество. Авиация США и союзников получила право использования воздушного пространства страны и базирования в Кулябе. США сняли ограничения на поставки *Таджикистану* военного снаряжения. Между Вашингтоном и Душанбе установился регулярный политический диалог.

В декабре 2001 г. *Киргизия* предоставила США и союзникам авиабазу в аэропорту Манас сроком на один год. В июне 2003 г. соглашение об условиях использования авиабазы было продлено на три года, а в июле 2006 — еще на пять лет. В феврале 2009 г. президент К. Бакиев во время визита в Москву заявил о намерении расторгнуть соглашение об аренде Манаса. Поскольку одновременно было объявлено о согласии российского руководства предоставить Киргизии значительную финансовую помощь и инвестиции в строительство Камбаратинской ГЭС-1, комментаторы приписали киргизский демарш в отношении США влиянию России. В марте того же года киргизский парламент принял закон о выводе американских военнослужащих из Манаса до конца августа 2009 г., а вскоре киргизская сторона денонсировала все соглашения об использовании этой базы союзниками США.

Однако в июне 2009 г. после секретных переговоров между Бишкеком и Вашингтоном Киргизия и США заключили соглашение о создании в Манасе Центра транзитных перевозок, позволившее фактически сохранить прежнюю базу в пользовании американцев под другим названием. При этом арендная плата была повышена с 17,4 до 60 млн долл. в год. Этот шаг Бишкека был уравновешен подписанием в июле 2009 г. меморандума об открытии в Киргизии второй российской военной базы.

Казахстан сохранял тесные военно-политические связи с Россией. Кроме того, он учитывал негативное отношение Китая к американскому присутствию в регионе. При этом, по сообщениям американской печати, казахстанское руководство предложило Соединенным Штатам разместить на своей территории военные базы. Но Вашингтон не воспользовался этим предложением, сославшись на отсутствие военной не-

обходимости. В комментариях прессы говорилось о существовании в казахстанском руководстве разногласий по вопросу о базировании в стране американских сил и о давлении, оказанном на Казахстан Китаем, с целью удержать Астану от углубления сотрудничества с США.

Тем не менее американские войска получили право пролета через воздушное пространство Казахстана и гарантированный железнодорожный транзит через казахстанскую территорию для сообщения с американскими базами в Киргизии и Узбекистане. Кроме того, американская авиация имела право совершать посадки в аэропорту Алматы в чрезвычайных случаях.

Туркменистан согласился открыть свое воздушное пространство для американских самолетов и предоставить наземные транспортные коридоры только для транспортировки в Афганистан гуманитарных грузов.

Центральноазиатские страны оказали Соединенным Штатам значительное, всестороннее и часто неформальное содействие в организации наступления на Кабул силами формирований Северного альянса, костяк которых составляли афганские таджики и узбеки. Это была реальная помощь, без которой операция по изгнанию талибов могла иметь совсем другие результаты. Понимая это, американская администрация стала серьезнее относиться к отношениям со странами региона и поиску путей для закрепления своего присутствия в них на долгосрочной основе.

Война США против Ирака и ее влияние

Политико-идеологическая атмосфера, которой сопровождалась подготовка войны США против Ирака в марте 2003 г., встревожила правительства стран Центральной Азии. Они не сочувствовали режиму С. Хусейна, но считали нападение США и Британии на Ирак произвольным вмешательством западных стран в дела азиатской страны, предпринятым к тому же без достаточных правовых и политических оснований. В регионе стали распространяться слухи о том, что администрация Дж. Буша может пожелать аналогичным способом осуществить интервенции и в других азиатских государствах, политика которых покажется Вашингтону не соответствующей американским интересам. Военное присутствие США в Афганистане делало подобные сценарии технически возможными.

Элиты центральноазиатских стран стали усматривать в американской политике стремление сохранить стратегические приобретения, сделанные в Центральной Азии, не связывая себя конкретными обязательствами по обеспечению стабильности малых и средних стран региона. Росло недовольство американским вариантом афганского урегулирова-

ния, при котором на неопределенный срок сохранялась полугласная специализация экономики Афганистана на производстве наркотиков.

Неспособность США добиться политического урегулирования в оккупированных американскими войсками Афганистане и Ираке стимулировала сомнения в адекватности внешней политики США. Действия Вашингтона в афганских делах увеличивали вероятность экспорта нестабильности из Афганистана в сопредельные страны.

В 2004–2005 гг. стали заметны изменения во внешней политике Узбекистана. Ташкент убедился, что предоставление Соединенным Штатам баз на узбекской территории не повлекло за собой повышения места Узбекистана в американских приоритетах. Кульминацией проамериканской активности Ташкента была почти демонстративная поддержка Ташкентом нападения США и Британии на Ирак в 2003 г. Россия и КНР в тот момент осторожно дистанцировались от Вашингтона. Выжидательно повели себя и руководители Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Только Узбекистан счел важным громко заявить о солидарности с США.

Тем более удручающее впечатление на узбекское руководство произвела «неблагодарность» американской администрации во время событий в узбекском городе Андижане весной 2005 г. В это время в Киргизии происходила «тюльпанная революция». Антиправительственные выступления киргизов, которым явно сочувствовал Запад, стимулировали оппозиционные настроения на соседних узбекских территориях. 12–13 мая 2005 г. в Андижане произошли антиправительственные выступления, для подавления которых узбекские власти применили силу. Вашингтон выступил с резкими обвинениями в адрес правительства Узбекистана, которое было обвинено в нарушении прав человека. Последовало резкое охлаждение узбекско-американских отношений. В июле 2005 г. Узбекистан потребовал закрытия американской базы в Ханабаде, уже в ноябре 2005 г. американские военные в самом деле ее покинули.

Это не означало отказа Ташкента от лавирования между США, Россией и Китаем. Скорее узбекское руководство хотело продемонстрировать Вашингтону решимость действовать смело и находить альтернативы ориентации на США. Как бы то ни было, события середины 2000-х годов побудили Узбекистан сблизиться с Россией и КНР.

Охлаждение отношений с Ташкентом вряд ли обескуражило американскую дипломатию, хотя осложнило условия ее работы в регионе. Пытаясь компенсировать «потерю Узбекистана», США стали уделять внимание Казахстану, полагая, что эта страна может быть подходящим партнером по меньшей мере в энергетических проектах. Соединенным Штатам удалось сохранить влияние и в Душанбе. Стабильными оста-

лись американо-киргизские отношения. Во всяком случае, США сохранили базу в Киргизии как возможность для военного присутствия, хотя плата за аренду соответствующих объектов была намного увеличена.

Наблюдая вовлечение малых и средних стран в сотрудничество по линии ШОС, лидерами которой оставались КНР и Россия, американское руководство в 2005–2006 гг. разработало новую версию региональной политики. Задачей США было заложить основу переориентации стран Центральной Азии в вопросах обеспечения безопасности на сотрудничество не с Россией и Китаем, а с государствами Южной Азии, из которых Индия и Пакистан были бы связаны союзническими отношениями с Вашингтоном. *В оперативных документах государственного департамента США страны Центральной Азии стали фигурировать как единый политический массив с южноазиатскими государствами.*

Политической основой такой американской политики должны были стать расширившиеся американо-индийские отношения и партнерство Вашингтона с Пакистаном, хотя последнее переживало трудности в связи с хронической нестабильностью в этой стране.

Канализация интересов малых и средних стран в южном направлении, их вовлечение в военно-политическое сотрудничество с системой стратегического присутствия США в Южной Азии были призваны создать альтернативу российским и китайским проектам регионального сотрудничества.

Несмотря на приостановку роста американского влияния в Центральной Азии в 2003–2006 гг., США продолжали поиск путей для укрепления позиций в региональной подсистеме. Но Соединенные Штаты еще не могли реально претендовать на доминирование в региональных отношениях. Поэтому объективно политика Вашингтона предоставляла центральноазиатским странам дополнительные возможности для диверсификации внешних связей и маневрирования. Но одновременно американская политика мешала формированию общерегиональных институтов экономического сотрудничества и безопасности на базе взаимодействия малых и средних стран с КНР и Россией.

В Центральной Азии возникли предпосылки конкуренции великих держав. Стали соперничать две версии многостороннего сотрудничества. «Северная» — ориентировала на интеграцию вокруг ШОС. В принципе и при благоприятных обстоятельствах к ней могли подключиться США. «Южная» — могла теоретически опираться на механизм сотрудничества США и Индии, к которому в случае стабилизации ситуации в Афганистане и Пакистане могли бы присоединиться страны Центральной Азии.

Региональные последствия «тюльпанной революции» в Киргизии

Вопрос о подключении США к механизмам сотрудничества ШОС в роли наблюдателя обсуждался в Соединенных Штатах в 2003–2004 гг. не демонстративно, но заинтересованно. Американская дипломатия не исключала такого оборота событий. Ситуация изменилась после событий 2005 г. в Киргизии и Узбекистане.

К этому времени в либеральных кругах американских экспертов по странам бывшего Советского Союза возникло мнение о возможности «подтолкнуть» политические процессы в государствах СНГ, включая Российскую Федерацию, в русло «либеральных *революций*». Предполагалось, что таким путем будет можно отстранить от власти «остатки советской номенклатуры» и ускорить формирование в молодых государствах откровенно прозападных режимов — по образцу тех, которые возникли в начале 1990-х годов в Польше или Чехии. Сценарии таких переворотов осуществились в Грузии (2003–2004) и на Украине (2004).

«Либеральные революции» опирались на протестные действия граждан соответствующих стран. В этом смысле они были результатами их внутреннего развития. Но западные страны через сеть разнообразных неправительственных организаций, созданных в странах СНГ в 1990-х годах на средства западных благотворителей, оказывали финансовую, организационно-информационную, методическую и иную помощь оппозиционным силам. Это давало веские основания для дискуссий о том, что «цветные революции» поощрялись и направлялись Западом.

Вслед за «оранжевой революцией» на Украине и «революцией роз» в Грузии «цветных революций» стали ожидать в Центральной Азии. Наиболее вероятным либеральный переворот казался в Киргизии. После событий весной 2002 г. в связи с передачей части киргизских пограничных территорий Китаю (см. гл. 5) ситуация в Киргизии оставалась сложной.

Тяжелым было социально-экономическое положение в стране. Авторитет президента А. Акаева падал — прежде всего в южных районах, Ошской и Джалалабадской областях. Стремясь укрепить свои позиции, центральная власть попыталась отстранить от власти тех лидеров южных региональных кланов, которые выступали против правительства наиболее активно. Перестановки на государственных постах привели к концентрации контроля над государственной собственностью в руках узкого круга лиц, близких к президенту, и членов его семьи. Существовавшее прежде примерное равновесие представительства регионов в столице нарушилось.

При этом довольно либеральный по центральноазиатским стандартам политический климат Киргизии создавал условия для закрепления в стране при правлении А. Акаева традиции относительной свободы волеизъявления и самостоятельной активности граждан. В стране было много неправительственных организаций, существовали не подконтрольные правительству СМИ, отсутствовали репрессии против несогласных. Условия деятельности оппозиции были благоприятными. Критика действий президента стала быстро нарастать. Стали создаваться новые протестные группировки. Столица заполнилась листовками с призывами к смене власти.

Ситуация была тем более благоприятной для оппозиции, что в 2002—2003 гг. была проведена конституционная реформа, ограничившая полномочия президента за счет передачи части из них парламенту. Реформы предусматривали создание в стране однопалатного парламента вместо двухпалатного, как прежде. Новый парламент должен был состоять из 75 депутатов, избираемых в одномандатных округах. Выборы по партийным спискам упразднились.

13 января 2003 г. А. Акаев объявил о проведении референдума о конституционных поправках и подтверждении полномочий президента до конца срока его пребывания у власти — то есть до декабря 2005 г. Референдум был назначен на 2 февраля 2003 г. На подготовку референдума отводилось всего три недели, что вызвало раздражение оппозиции, которая стала протестовать. Сотрудники аппарата ОБСЕ в Бишкеке по неосторожности или намеренно высказались в поддержку точки зрения оппозиционеров, которые почувствовали одобрение Запада и активизировались.

Референдум, тем не менее, был проведен. По официальным данным, в нем приняли участие 86% граждан, имевших право голоса. Из них 75,5% проголосовали за поправки и 78,7% — за подтверждение президентских полномочий А. Акаева. Оппозиция отступила, но не сдалась и стала готовиться к парламентским выборам весной 2005 г.

Оппозиционные силы попытались объединиться. В сентябре 2004 г. была создана коалиция Народное движение Кыргызстана, которую возглавил бывший премьер-министр страны К. Бакиев. В декабре 2004 г. бывший министр иностранных дел Киргизии Р. Отунбаева создала партию «Ата-Журт» («Отечество»). Эта партия и Народное движение Кыргызстана договорились о сотрудничестве. Вне коалиции оставался один из наиболее авторитетных оппозиционных лидеров Ф. Кулов, бывший вице-президент страны, приговоренный в 2001 г. к семилетнему сроку заключения по обвинению в злоупотреблении властью. Оппози-

ция подозревала, что президент нарушит свое обещание провести президентские выборы в октябре 2005 г. и уйти в отставку.

Поскольку новая система выборов в парламент предусматривала избрание по региональным округам, важную роль начинали играть земляческие, клановые и родственные связи кандидатов. Возросли возможности проигравших кандидатов мобилизовать земляков для протеста против результатов голосования. При этом из-за сокращения числа депутатских мест острее стала конкуренция за мандаты.

Предвыборная кампания была отмечена нарушениями: снятием с выборов оппозиционных кандидатов, подкупом избирателей, созданием препятствий для функционирования оппозиционных СМИ. 27 февраля 2005 г. состоялся первый тур выборов, прошедший без нарушений общественного порядка, но был избран только 31 из 75 депутатов, в основном лояльных А. Акаеву. Миссия ОБСЕ, подвергнув критике ход предвыборной кампании, заключила, что сами выборы оказались более справедливыми, чем в предшествовавшие годы. Тем не менее оппозиция не согласилась с результатами голосования и стала создавать параллельные структуры власти на местах. 4 марта сторонники Ю. Бакиева, брата лидера оппозиции, захватили здание областной администрации в Джалалабаде.

Второй тур 13 марта спровоцировал на местах серию массовых протестов. Оппозиционные кандидаты перешли к мобилизации кланово-родственных цепочек. 14 марта сторонники проигравших кандидатов оппозиции захватили здания районной администрации в Узгене (Ошская область) и областной администрации в Таласе.

15 марта лидеры оппозиции создали в Джалалабаде Координационный совет национального единства, потребовав проведения повторных парламентских выборов и отставки Акаева. 18 марта они захватили здание областной администрации в Оше. Попытка силовых структур вернуть контроль над административными зданиями привела к массовым беспорядкам, нападениям на милицейские посты и полной потере правительством контроля над южными областями.

В большой степени протесты возникали стихийно: люди реагировали на тяжелую жизнь и неспособность власти добиться улучшения экономической ситуации. Но значительную роль в организации беспорядков сыграли криминальные группировки, в частности наркоторговцы, заинтересованные в ослаблении центральной власти или в проведении в состав центральных органов власти своих негласных сторонников.

24 марта оппозиция организовала митинг в центре Бишкека, на площади Ала-Тоо, для участия в котором в столицу прибыли сторонники

оппозиции из регионов. Митинг, в котором участвовали около 15 тыс. человек, перешел в штурм здания президентской администрации («Белого Дома»). Силовым структурам было приказано не применять оружия. «Белый Дом» и здание государственного телевидения были без сопротивления захвачены митингующими. В Бишкеке начались грабежи и беспорядки, инициаторами которых оказались приехавшие в столицу жители провинций. Освобожденный из тюрьмы Ф. Кулов принял на себя обязанности министра внутренних дел и смог добиться прекращения погромов.

Сторонники А. Акаева не предприняли попыток переломить ход событий. Сам президент, члены его семьи и ближайшего окружения покинули страну, не дожидаясь штурма «Белого Дома». 4 апреля А. Акаев передал в парламент заявление об отставке.

Несмотря на выдвигавшиеся ими первоначально требования повторных парламентских выборов, лидеры оппозиции признали полномочия избранного парламента, в котором сторонники свергнутого президента занимали довольно сильные позиции. Фактически только парламент в тот момент обладал конституционной легитимностью. Его депутаты проявили довольно ответственности, чтобы 28 марта принять решение о назначении К. Бакиева премьер-министром и исполняющим обязанности президента. Лидеры оппозиционных движений А. Бекназаров, Р. Отунбаева, О. Текебаев заняли должности соответственно генерального прокурора, министра иностранных дел и спикера парламента. В основном должности в новой администрации получили люди и прежде занимавшие высокие посты во властных структурах.

В мае 2005 г. К. Бакиев и Ф. Кулов, прежний приговор которому был отменен Верховным судом, достигли договоренности о формировании коалиции. Ф. Кулов отказался от выдвижения своей кандидатуры на пост президента и заявил о поддержке К. Бакиева, который со своей стороны пообещал назначить Ф. Кулова премьер-министром. 10 июля К. Бакиев был избран президентом, получив 88,6% голосов избирателей. Коалиция К. Бакиева и Ф. Кулова воплощала договоренность о разделе власти между южными и северными кланами, из которых К. Бакиев представлял южные. Паритет между региональными группами был восстановлен, хотя на этот раз с преобладанием влияния южан.

Роль финансируемых Западом неправительственных организаций и средств массовой информации в киргизских событиях была меньшей, чем в других «цветных» революциях. В основном киргизская оппозиция не имела отношения к зарубежным спонсорам, возможно, поэтому переориентации внешнеполитического курса с приходом нового руководства не произошло.

Ряд исследователей полагали, что смена власти в стране оказалась неожиданностью и для России, и для Китая, и для США. Москва и Вашингтон заняли в первые дни «тюльпанной революции» выжидательную позицию. Когда свержение А. Акаева стало фактом, Россия и США выразили готовность к сотрудничеству с новыми властями.

Китай, реагируя на события в Киргизии, закрыл границу с ней и организовал эвакуацию китайских предпринимателей с киргизской территории, чтобы защитить их от погромов. Опасения в Пекине были тем сильнее, что некоторые лидеры оппозиции были известны как организаторы протестов против передачи Китаю части киргизской территории в 2001 г.

Руководством Казахстана, Узбекистана и Таджикистана киргизские события были восприняты с тревогой. Но ни одна из стран-соседей не предложила помощи А. Акаеву, за которой, правда, он и не обращался. Для руководства некоторых стран «тюльпанная революция» послужила доказательством опасности терпимого отношения к оппозиции, которое проявлял свергнутый киргизский президент. Выросло недоверие к местным НПО, поскольку их связи с зарубежными спонсорами давали повод видеть в них агентов иностранных государств.

Падение власти А. Акаева не привело к разрешению социально-политического кризиса в Киргизии, лишь на время снизив его остроту. Темпы роста экономики оставались медленными, криминализация бизнеса продолжалась, происходили политические убийства и коррупционные скандалы. Продолжались и выступления недовольных, которые пытались время от времени активно протестовать, захватывая административные здания и земли. В стране сформировалась новая оппозиция, которая, как и прежняя, стала требовать новых политических реформ, отставки президента и преобразования государства из президентской республики в парламентскую.

Новую оппозицию вокруг движения «За реформы» возглавил О. Текебаев, ушедший в феврале 2006 г. в отставку с поста спикера парламента. А. Бекназаров и Р. Отунбаева тоже оставили свои посты и присоединились к оппозиции. 2 ноября 2006 г. оппозиция начала в центре Бишкека бессрочный митинг, добиваясь выполнения своих требований. 6 ноября президент Бакиев внес в парламент проект новой конституции, который и был одобрен 8 ноября. Право назначения премьер-министра и утверждения членов правительства перешло к парламенту. Полномочия президента сократились, а число депутатов парламента увеличивалось, причем половина из них должна была избираться по партийным спискам. Началась трансформация президентской республики в парламентскую.

Новая конституция была принята поспешно и под давлением общественных протестов. В ней оказалось несколько юридически двусмысленных моментов, касавшихся отношений президента с парламентом. Последовал новый виток противостояния президента и правительства с оппозицией. Старый парламент оказался неспособным для реализации возросшего объема своих полномочий.

19 декабря 2006 г. правительство Ф. Кулова ушло в отставку. Право формировать новый кабинет должно было перейти к лидеру ведущей парламентской фракции. Но все депутаты действовавшего парламента избирались по мажоритарной системе. Не было ясно, как следовало исчислять кворум: исходя из его нормативной численности в 90 депутатов, как стало к декабрю 2005 г., или из количества в 75 депутатов, как это соответствовало закону в момент избрания парламентариев в марте.

Конституционный суд, способный дать истолкование основного закона, не был сформирован.

30 декабря 2006 г. киргизский парламент принял новые поправки в конституцию. На этот раз они были направлены на возвращение президенту части полномочий, которые он только что был вынужден уступить парламенту. До 2010 г. президент получил право назначать премьер-министра с согласия парламента и, по представлению премьера, — членов правительства. Движение «За реформы» отказалось признать эти нововведения и продолжило оппозиционную деятельность.

События 7 апреля 2010 года и смена власти в Бишкеке

Во второй половине 2000-х годов президентом К. Бакиевым и его окружением была предпринята попытка модифицировать политическую систему страны таким образом, чтобы обеспечить дальнейшую концентрацию власти и собственности в руках президента, членов его семьи и ближайшего окружения. По итогам парламентских выборов, состоявшихся в декабре 2007 г., 71 из 90 мест в парламенте (Жогорку Кенеше) получила президентская партия «Ак Жол». В июле 2009 г. К. Бакиев был переизбран на второй президентский срок, получив, по официальным данным, 76% голосов при явке избирателей в 79%.

После переизбрания окружение президента стало действовать еще решительней, причем стало заметно выдвижение на передовые позиции Максима Бакиева, младшего сына президента. В октябре 2009 г. он возглавил созданное указом президента Центральное агентство по развитию, инвестициям и инновациям, в ведение которого была передана реализация инфраструктурных проектов и программ экономического развития. Компании «МГН Эссет Менеджмент», возглавляемой одним из

близких сторонников М. Бакиева, был передан в управление Фонд развития Кыргызстана. В феврале 2010 г. были приватизированы и по заниженным ценам переданы в собственность членам клана Бакиева-младшего компании «Кыргызтелеком» и «Северэлектро», снабжающая электроэнергией Бишкек и северные области страны.

Сам президент К. Бакиев инициировал внесение в конституцию поправок, касавшихся процедуры передачи власти в случае неспособности действующего главы государства исполнять свои обязанности. Речь шла о том, что лицо, принимающее на себя исполнение обязанностей президента, могло сохранять свои полномочия довольно долго, не проводя внеочередные президентские выборы. Этот шаг был воспринят в киргизском обществе как попытка подготовить передачу власти от К. Бакиева к его сыну без учета мнения избирателей.

Непопулярные действия правительства предпринимались на фоне и без того тяжелой экономической и социально-политической обстановки в Киргизии. Общий экономический подъем в стране, в отличие от России, Украины и Казахстана, в начале 2000-х годов так и не произошел. Население оставалось крайне бедным. Основные отрасли промышленности находились в депрессивном состоянии. Это вынуждало население все больше полагаться на натуральное хозяйство и, соответственно, делало его крайне чувствительным к вопросам владения дефицитной плодородной землей.

При этом государственная власть была по-прежнему неэффективной. Продолжалась регионально-клановая раздробленность политической элиты. Коррупция была нормой политической и экономической жизни. Президент и его окружение контролировали законодательную власть и судебную систему и оказывали давление на средства массовой информации. Последнее обстоятельство воспринималось в стране особенно болезненно, так как при прежнем президенте А. Акаеве, несмотря на его недостатки, общая политическая атмосфера в Киргизии была по центральноазиатским меркам достаточно либеральной. Во всяком случае в стране существовали возможности для легального и мирного проявления протестных настроений — которые, правда, и привели к свержению в свое время президента А. Акаева (после изгнания живет в эмиграции в России).

Внешняя политика К. Бакиева определялась более или менее осторожным лавированием между Россией, странами Запада и Китаем при сохранении в целом приоритетности отношений с Москвой. Российское руководство было не полностью удовлетворено отношениями с Киргизией, хотя и не считало правительство К. Бакиева «худшим из возможных».

В феврале 2009 г. К. Бакиев заявил о намерении закрыть американскую базу в Манасе, ссылаясь на неудовлетворительные условия соответствующего соглашения с США. В июле она в самом деле была преобразована в Центр транзитных перевозок. Но вслед за тем между Киргизией и США было заключено новое соглашение, согласно которому американская сторона резко увеличила выплаты за использование объектов на киргизской территории. В итоге фактически никаких неблагоприятных для США изменений в части, касающейся военного присутствия в Киргизии, не произошло.

Вместе с тем киргизская сторона затягивала, по мнению прессы, переговоры с Россией об открытии на киргизской территории второй российской базы. Были трудности и финансово-экономического порядка.

Бишкек нарушил договоренность с Москвой о передаче России, в обмен на списание части киргизского долга, 48% акций киргизского предприятия «Дастан», на котором производились торпеды и соответствующее оборудование. В ответ Россия стала тормозить выделение Киргизии обещанных ей в феврале 2009 г. льготных кредитов на строительство Камбаратинской ГЭС.

Толчком к взрыву антиправительственных настроений стало двукратное повышение в начале 2010 г. тарифов на электроэнергию и отопление. Если центром протестов в 2005 г. был юг страны, то в событиях 2010 г. ключевую роль играли оппозиционеры-северяне. Социально-политический протест в обоих случаях, таким образом, был явно окрашен спецификой региональных противоречий и недовольством той или иной группы регионов Киргизии распределением ключевых властных постов в столице между южанами и северянами.

С конца февраля 2010 г. в г. Нарыне начались массовые митинги протеста, на которых были выдвинуты требования отмены новых тарифов и решения ряда локальных социальных проблем. Митингующие выражали недовольство правлением президентской семьи и приватизацией предприятий электроэнергетики. В митингах приняли участие лидеры оппозиционных партий. 17 марта в Бишкеке состоялся курултай (съезд) оппозиционных сил, на котором был сформирован консультативно-координирующий орган — Центральный исполнительный комитет (ЦИК).

6 апреля в Таласе был задержан заместитель председателя оппозиционной партии «Ата-Мекен» Б. Шерниязов. Несколько сот его сторонников взяли штурмом здания областной администрации и управления милиции и добились освобождения Шерниязова. Попытка властей подавить волнения в Таласе силой закончилась провалом. Задержание в ночь с 6 на 7 апреля в Бишкеке лидеров оппозиции спровоцировало стремительное распространение мятежа на столицу страны. 7 апреля в Биш-

кеке толпы демонстрантов, захватившие (при пассивном отношении силовых структур) оружие, взяли штурмом здания парламента, генеральной прокуратуры, государственной телерадиокомпании и, наконец, резиденцию президента и правительства.

В ходе столкновений с милицией и сотрудниками Государственной службы охраны, возглавляемой братом президента Ж. Бакиевым, в Бишкеке погибло 85 человек. Волнения сопровождались массовыми мародерством и разграблением торговых центров, рынков, музеев, а также погромами и захватами частных домов в пригородах столицы.

Вечером 7 апреля премьер-министр Киргизии заявил об отставке и передаче полномочий Временному правительству, созданному на основе ЦИК. К. Бакиев с семьей и ближайшим окружением покинул Бишкек и переехал в свое родовое село Тейит (Джалалабадская область). Одновременно волна митингов прокатилась по областным центрам страны, где назначенные К. Бакиевым губернаторы начали слагать полномочия, уступая власть представителям оппозиции.

Временное правительство — коалицию оппозиционных политических сил — возглавила Р. Отунбаева, глава парламентской фракции социал-демократической партии, несколько раз (в том числе и непосредственно после «революции» 2005 г.) занимавшая пост министра иностранных дел страны. Ее первым заместителем стал лидер социал-демократической партии, бывший премьер-министр А. Атамбаев, заместителями — бывший председатель парламента, глава партии «Ата-Мекен» О. Текебаев, бывший генеральный прокурор А. Бекназаров, глава партии «Акшумкар» Т. Сариев. Временное правительство объявило о роспуске парламента и Конституционного суда, упразднении Государственной службы охраны и Центрального агентства по развитию, инвестициям и инновациям, отмене приватизации «Северэлектро» и «Кыргызтелекома», введении моратория на сделки с движимым и недвижимым имуществом, приобретенным с марта 2005 по апрель 2010 г.

Попытка К. Бакиева организовать сопротивление новым властям на юге Киргизии, откуда он родом, не удалась — местное население его не поддержало. 15 апреля самолет казахстанских ВВС вывез К. Бакиева с семьей в Казахстан, откуда президент отправил по факсу Временному правительству заявление о сложении с себя полномочий президента. Вслед за тем К. Бакиев переехал в Белоруссию. Ощувив себя в безопасности, он сделал заявление о том, что считает свою отставку незаконной. В то же время было сказано об отсутствии у него намерений возвращаться в Киргизию.

После государственного переворота в пригородах Бишкека начались погромы, массовые захваты земель и домов, принадлежащих русским и

туркам-месхетинцам. Эти захваты сопровождались кровавыми столкновениями и убийствами. Силовым структурам только через несколько дней удалось положить конец грабегам и другим беззакониям.

Вскоре вслед за тем начались межэтнические столкновения на юге стране — в Фергане. В Ошской области погромы затронули в основном местное узбекское население, что вызвало энергичные протесты со стороны Узбекистана, а также международных правозащитных организаций. Временное правительство было не в состоянии навести порядок, и бесчинства продолжались длительное время. Россия, Китай и многие другие страны высказывали серьезную озабоченность по поводу происходящего. В Киргизии и за ее пределами обсуждался вопрос о возможности направления в Киргизию иностранных войск, в том числе российских, для восстановления порядка. Однако временному правительству удалось в основном стабилизировать ситуацию самостоятельно.

Киргизское руководство опубликовало проект новой конституции, предусматривающей введение парламентской формы правления. Для его обсуждения было создано Конституционное совещание, в состав которого вошли известные общественные деятели. 27 июня на референдуме проект Основного закона был одобрен. 10 октября 2010 г. были проведены парламентские выборы.

Реагируя на события в Бишкеке, Казахстан и Узбекистан на несколько недель закрыли свои границы с Киргизией. И Н. А. Назарбаев, и И. А. Каримов дали отрицательную оценку событиям в Киргизии, подчеркнув, что ситуация в Казахстане и Узбекистане принципиально отличается от киргизской в лучшую сторону. В то же время ни один из руководителей стран Центральной Азии не выразил солидарности с К. Бакиевым. Более того, соседние с Киргизией страны долгое время не желали даже предоставить К. Бакиеву самолет, на котором он бы мог покинуть страну. Китай заявил о невмешательстве в киргизские события, ограничившись выражением обеспокоенности и готовности сотрудничать с новым руководством Киргизии.

Россия реагировала на события в Киргизии со сдержанным сочувствием. Но прежде всего российскую сторону волновала судьба российских граждан и русского населения страны. 8 апреля 2010 г. состоялся телефонный разговор главы российского правительства В. В. Путина с Р. Отунбаевой, в ходе которого речь шла о возможной помощи новой киргизской власти. Комментируя события в Киргизии, российское руководство подчеркивало, что основная ответственность за случившееся лежит на самом К. Бакиеве. 14 апреля правительство России приняло решение об оказании Киргизии финансовой помощи и предоставлении посевных материалов для полевых работ. В то же время Москва заявила,

что полноценное экономическое сотрудничество России с Киргизией возможно только после формирования легитимных органов власти.

США в последние месяцы правления К. Бакиева поддерживали с ним активные контакты в интересах обеспечения нормальной работы Центра транзитных перевозок. После сообщений о перевороте 7 апреля американские представители сначала заявили о намерении продолжать работу с законным правительством. Но 8 апреля в Вашингтоне были отменены американо-киргизские межправительственные консультации, для участия в которых в США уже прибыл сын президента М. Бакиев. Американские представители заявили о том, что не расценивают смену власти в Бишкеке как переворот. 10 апреля состоялся телефонный разговор госсекретаря Х. Клинтон с Р. Отунбаевой. В этом разговоре было заявлено о намерении нового киргизского руководства придерживаться договоренностей о Центре транзитных перевозок.

14 апреля президенты США, России и Казахстана обсудили ситуацию в Киргизии в ходе встречи, состоявшейся в кулуарах проходившего в Вашингтоне саммита по ядерной безопасности. Было решено принять меры к недопущению перерастания конфликта между временным правительством и К. Бакиевым в масштабное противостояние между Севером и Югом Киргизии. Руководство России и Казахстана оказало согласованное давление на К. Бакиева и временное правительство в целях достижения компромисса между ними. В итоге новые власти не стали препятствовать выезду К. Бакиева из страны, а тот в ответ подал официальное заявление об отставке. Ситуация в Киргизии оставалась неустойчивой. Временное правительство слабо контролировало южные регионы — Джалалабадскую и Ошскую области.

Обострение конфликта в Южной Фергане («события в Андижане»)

События в Киргизии, активное влияние на которые оказывали лидеры теневой экономики страны, в том числе связанные с наркотрафиком, индуцировали новую вспышку нестабильности в узбекской части Ферганской долины. Эта часть региона была самым густонаселенным районом Центральной Азии. Бедность и перенаселение, высокий уровень рождаемости, массовая безработица, дефицит земли и водных ресурсов обеспечивали постоянное присутствие в Фергане большого числа молодых мужчин, незанятых производительной деятельностью. Именно они в первую очередь становились участниками антиправительственных выступлений, поскольку были недовольны отсутствием возможности приложить силы на поприще законной и хорошо оплачиваемой деятельности.

Разделенность Ферганской долины государственными границами усугубляла ситуацию, вносила дополнительные трудности в жизнь людей, препятствуя торговле и перемещению людей между частями долины, принадлежащими Узбекистану, Киргизии и Таджикистану. Росту недовольства и обострению межэтнических противоречий способствовали экстремистские группировки и секты.

В 1989 г. по узбекской части долины прокатилась волна погромов турок-месхетинцев, переселенных в советские годы в Узбекистан из Грузии. В 1990 г. в киргизских городах Ош и Узген произошли столкновения между киргизами и узбеками. В 1991 г. узбекской религиозной группировкой «Адолат» был организован антиправительственный мятеж в Намангане.

В 1996–1998 гг. в Ленинабадской области Таджикистана (позднее переименованной в Согдийскую) произошла серия антиправительственных выступлений и была предпринята попытка захвата власти военными под командованием полковника М. Худойбердыева. По национальности он был узбек, и таджикские власти подозревали, что мятеж был организован из Узбекистана с целью отделения Ленинабадской области от Таджикистана.

В августе 1999 г. на территорию Киргизии в районе города Баткена вторглись отряды Исламского движения Узбекистана, базировавшиеся в Каратегинской долине Таджикистана. Год спустя отряды ИДУ вновь вторглись в Киргизию и в Сурхандарьинскую область Узбекистана.

Весной 2005 г. ситуация в Ферганской долине обострилась в очередной раз. Как только стало известно о том, что киргизская часть Ферганы (Джалалабад, Узген и Ош) перестала подчиняться центральному киргизскому правительству в Бишкеке, наводнявшие ферганские земли религиозные экстремисты заговорили о создании единого «Ферганского халифата». В осуществление этой идеи экстремисты в узбекской части Ферганы стали планировать захват власти на местах аналогично тому, как ее захватили оппозиционеры в киргизской. Основной удар было решено нанести по Андижану, четвертому по численности населения (320 тыс. человек) городу Узбекистана в юго-восточной части долины в 40 км от узбекско-киргизской границы.

Существует несколько версий объяснения андижанских событий. По утверждениям узбекских властей, мятеж был организован исламистской группировкой «Акромия», опиравшейся на поддержку из-за рубежа. В ночь с 12 на 13 мая 2005 г. вооруженные акромисты захватили городскую тюрьму, в которой содержались по обвинению в экстремизме 23 ранее арестованных члена этой группировки.

Освободив несколько сот заключенных и используя часть из них в качестве «живого щита», мятежники попытались штурмом взять помещение областного управления Службы национальной безопасности Узбекистана. Эта попытка не удалась. Однако мятежники смогли захватить здание областной администрации.

13 мая на площади перед администрацией собралась толпа людей, возбужденных происходящим. Простые граждане плохо ориентировались в ситуации. Им было очевидно лишь то, что местная власть напугана и ей можно предъявить требования. Среди митингующих были и сознательные противники власти, и родственники тех, кто был арестован за связи с местной наркомафией. Наконец, в толпе было много просто любопытных. Мятежники использовали толпу как прикрытие в противостоянии с правительственными силами.

Вечером 13 мая на подавление мятежа прибыли подкрепления из Ташкента. Правительственные войска вернули себе контроль над зданием администрации. Акромисты и их сторонники бежали в киргизскую часть Ферганы под прикрытие удерживавших там власть киргизских оппозиционеров. Но 14–19 мая волнения, аналогичные андижанским, вспыхнули в пограничном с Киргизией узбекском городе Кара-Су. Правительственные войска подавили и это выступление.

По официальным данным, в ходе андижанских событий погибло 187 человек — преимущественно мятежников и военнослужащих правительственных сил. В ноябре 2005 г. 15 организаторов андижанских беспорядков, в том числе 3 гражданина Киргизии, были приговорены Верховным судом Узбекистана к длительным срокам тюремного заключения. В октябре 2006 г. президент И. Каримов отстранил от должности губернатора Андижанской области, признав, что выступления в Андижане были связаны с тяжелыми социально-экономическими условиями жизни населения и ошибками руководителей области.

В трактовке западных комментаторов, волнения в Андижане были вызваны арестом 23 андижанских предпринимателей (а не экстремистов) на основании необоснованных обвинений. Сторонники этой версии утверждают, что эти арестованные занимались благотворительностью и поэтому местное население им симпатизировало. Западные комментаторы сомневаются в наличии связей между арестованными и «Акромией», а также в обоснованности причисления этой организации к числу экстремистских.

По этой версии городская тюрьма была захвачена родственниками и друзьями подсудимых, потерявшими надежду на правосудие. По этой логике толпа безоружных людей собралась перед областной администрацией, возмущаясь тяжелой социально-экономической ситуацией и

произволом местных управленцев. Люди ожидали прибытия президента И. Каримова, надеясь на диалог с ним. Вместо этого правительственные войска неизбирательно и непропорционально применили силу против гражданского населения. Называется число убитых — от 750 до 1500 человек.

Волнения в Андижане продемонстрировали наличие в Узбекистане глубоких экономических и социально-политических проблем. Пытаясь взять ситуацию под контроль, узбекское правительство доказало способность без колебаний прибегать к силе. Андижанские события привели к обострению узбекско-американских отношений. Соединенные Штаты и страны ЕС не признали официальную версию андижанских событий и потребовали международного расследования. Узбекистан от него отказался. Россия и Китай выразили солидарность с правительством Узбекистана и в основном поддержали его интерпретацию произошедшего.

Правительства всех центральноазиатских стран поддержали действия узбекских властей. В то же время Киргизия, следуя пожеланию Вашингтона, уклонилась от выдачи Узбекистану перебежчиков из Андижана, многие из которых обвинялись в совершении уголовных преступлений, и разрешила Верховному комиссариату ООН по делам беженцев переправить их с киргизской территории в третьи страны. По этому поводу последовал протест Ташкента и охлаждение узбекско-киргизских отношений.

Политика освоения западных районов КНР и ситуация в СУАР

В 2000 г. правительство КНР приступило к реализации плана «Великого освоения Запада». Основной причиной, побудившей китайское правительство принять решение об ускоренном освоении западных провинций, явилось усугубление диспропорций регионального развития Китая. Центральные и западные регионы КНР отставали от восточных и приморских. Это угрожало ростом недовольства населения отстающих частей страны. В Синьцзяне оно могло наложиться на сепаратизм местных жителей и сформировать потенциал политического взрыва. Вместе с тем усилия центрального правительства по модернизации Синьцзяна воспринимались его неханьским населением как очередная волна китаизации.

Ситуация в СУАР никогда не была спокойной. В 1990-х годах по району прокатилась волна террористических актов. С 1990 по 2001 г. их было зарегистрировано более двухсот. Власти в Пекине надеялись, что повышение жизненного уровня населения национальных районов подорвет

социальную базу сепаратизма, а приток кадров из других провинций приведет к размыванию этносоциальной базы сепаратизма.

Принятию плана «Великого освоения Запада» предшествовала кампания «сильного удара», начатая центральными властями в 1996 г. Ее целью стала борьба с сепаратизмом и религиозным экстремизмом в СУАР. Были введены ограничения на деятельность мечетей и медресе, в частности, запрещено посещение мечетей несовершеннолетними, свернуто преподавание на уйгурском языке в Синьцзянском университете. В 1997 г. власти жестко подавили массовые беспорядки в Кульдже.

Решение об освоении западных районов было принято Госсоветом КНР в январе 2000 г. План предполагалось осуществить на территории шести провинций (Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Шэньси, Ганьсу, Цинхай), пяти автономных районов (Синьцзян-Уйгурского, Нинся-Хуэйского, Тибетского, Внутренней Монголии и Гуанси-Чжуанского), а также города центрального подчинения Чунцин.

Предполагалось осуществить план в три этапа. В 2001–2010 гг. было решено отдавать приоритет развитию транспортной инфраструктуры и сетей связи, ирригационных систем, упорядочению сельскохозяйственного производства и промышленности, ускоренной подготовке специалистов с целью повышения качества трудовых ресурсов региона. В 2011–2030 гг. имелось в виду провести модернизацию промышленности, в 2031–2050 гг. вывести регион к созданию современных научно-технических производств.

В феврале 2007 г. Госсовет КНР принял решение о мерах для увеличения ВВП на душу населения СУАР в два раза по сравнению с 2000 г. Власти стремились остановить нарастание разрыва в уровне жизни между жителями Синьцзяна и более развитыми провинциями КНР. Ставились задачи обеспечения бедных слоев населения одеждой и питанием.

В экономику западных районов было вложено 400 млрд юаней (48 млрд долл.). Темпы роста экономики этой части страны увеличились с 7,3% в середине 1990-х годов до 12% в середине 2000-х годов. Увеличилась протяженность автодорог. Несколько вырос уровень жизни. Однако разрыв между восточными и западными районами продолжал увеличиваться. Тем не менее активность сепаратистов в СУАР снизилась. Это было связано с систематическими мерами жесткого давления на них и социально-экономическими преобразованиями в регионе.

В 2000 г. в Синьцзяне проживало 8,6 млн уйгуров (45,2% населения), 2,75 млн представителей других меньшинств (казахов, киргизов, хуэй) и 7,7 млн этнических китайцев (ханьцев) (40,6% населения). В 1949 г. ханьцы составляли в Синьцзяне 6,7% населения, а уйгуры — 76%. Изменилось географическое распределение приезжающих. Если в середине XX в.

приезжие ханьцы селились преимущественно на севере СУАР, то в 2000-х годах, особенно после строительства железнодорожной ветки до Кашгара, они стали заселять южные оазисы, в которых прежде преобладали уйгуры.

Ханьцы концентрируются в городах, где уровень жизни выше, чем в сельской местности. Они преобладают среди высокооплачиваемых работников и предпринимателей, а также среди функционеров аппарата Коммунистической партии Китая. Китайское население предпочитает работать в промышленности (особенно в сфере нефтегазодобычи), на транспорте, в строительстве, сфере связи, науке и хлопковом производстве.

Основная часть уйгуров проживает в сельской местности. Около четверти из них неграмотны. Представители этнических меньшинств составляют в СУАР большинство безработных. При этом казахи, третья по численности этническая группа региона (1,3 млн человек), находятся в худшем экономическом положении, чем уйгуры.

В июле 2009 г. в Урумчи вновь вспыхнули столкновения между уйгурами и китайцами. Беспорядки продолжались несколько дней и были жестоко подавлены правительственными войсками. По официальной информации, погибло 184 человека, в том числе 137 китайцев и 46 уйгуров. По сведениям уйгурских организаций, число жертв среди уйгуров превысило 800 человек. Пекин обвинил в организации беспорядков Всемирный конгресс уйгуров, штаб-квартира которого находится в Мюнхене.

Российско-китайское сотрудничество

Китайская и российская дипломатия уловили нарастание недоверия малых и средних стран к Вашингтону в связи с интервенциями США в Афганистане и Ираке. Обе державы попробовали использовать эту тенденцию для активизации существующих механизмов регионального сотрудничества.

После подписания в июле 2001 г. российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве Москва и Пекин оказались в довольно своеобразных отношениях, для которых было характерно сочетание политико-дипломатического партнерства, весомого элемента военно-технического сотрудничества и полускрытой конкуренции за влияние на региональную политику. Двусторонние экономические отношения были важны для обеих держав, но интересы Китая и России к хозяйственному взаимодействию друг с другом были резко асимметричны. В России продолжали дорожить возможностью экспортировать в КНР вооружение и некоторые виды технологий двойного применения.

Российские политики не считали это потенциально опасным, хотя технологический разрыв между Россией и Китаем в 1990-х и 2000-х годах заметно сократился, а с ним — и запас российских военно-технологических преимуществ над КНР.

В Пекине экономические отношения с Россией ценили прежде всего за то, что они давали Китаю выход к главному доступному ему зарубежному источнику военно-технологических инноваций. Все экономические интересы КНР за рамками этого были связаны с желанием получать из России дешевое сырье — древесину, железную руду, а в перспективе — энергоносители за счет поставок нефти и газа с сибирских месторождений.

При этом финансовые показатели экономических отношений Китая с Россией многократно уступали торгово-экономическим связям КНР с США. Россия занимала в этом смысле скромное место в системе китайских международно-экономических приоритетов.

Вместе с тем Центральная Азия была регионом, в котором Россия и Китай имели совпадающие интересы, позволявшие рассчитывать на углубление сотрудничества. Используя механизм ШОС и двусторонние отношения со странами Центральной Азии, Россия и Китай стали принимать меры к недопущению политического вакуума в регионе, который могли бы заполнить Соединенные Штаты.

Москва и Пекин, уловив всплеск американо-узбекских противоречий, стали способствовать переориентации политики Узбекистана на сотрудничество с ними. Несмотря на вспышку нестабильности в Киргизии в 2005 г., отношения с ней даже после смены власти в Бишкеке остались у России и КНР конструктивными. Российское и китайское влияние по-прежнему превосходило американское в Казахстане и Таджикистане.

Россия и Китай выступали в поддержку стабильности в Центральной Азии и стремились обеспечить сохранение внутренней политической устойчивости стран региона. Такая логика их внешнеполитического поведения импонировала малым и средним странам.

Важной задачей России и Китая было избавление малых и средних стран от комплекса политической неполноценности, связанного с давлением, которое оказывали на государства Центральной Азии западные державы, критикуя их за ошибки в политическом реформировании. В глазах западного академического сообщества и политических элит ЕС и США центральноазиатские страны не могли и не стремились развиваться по пути демократии и тяготели к авторитарности.

Политико-психологический напор Запада на региональные государства обрекал их на положение «вечно оправдывающихся» в отношениях со странами ЕС и США. Этот «комплекс вины» облегчал получение от малых и средних стран региона политических и экономических уступок, в обмен на которые страны ЕС и Соединенные Штаты соглашались не ставить под вопрос «моральную» легитимность политических систем центральноазиатских государств.

В середине 2000-х годов «нелегитимность недемократических режимов» служила Вашингтону поводом для применения к ним «стратегии смены режимов». Эта стратегия вылилась в войны в Афганистане и Ираке, а также кампании угроз в отношении Ирана, Северной Кореи и Ливии. Неудивительно, что центральноазиатские правительства с беспокойством воспринимали критику со стороны Запада и с признательностью оценивали усилия Китая и России по недопущению моральной изоляции стран региона в мировой политике. Москва и Пекин открыто не критиковали страны Центральной Азии по вопросам их внутренней политики, даже когда действия некоторых стран давали основания для осуждения (Туркмения, отчасти Узбекистан).

В то же время углубление российско-китайского сотрудничества в Центральной Азии имело ограничителя. Россия не без сомнений воспринимала признаки усиления военно-политической роли Китая в регионе. Москву тревожили обсуждения перспективы создания в Центральной Азии китайских военных баз. По этой причине в России настороженно относились к китайским предложениям о наращивании военной составляющей сотрудничества в рамках ШОС. Китайские представители при этом в диалоге с США представляли ситуацию таким образом, будто бы именно Россия является инициатором ускорения военно-политического сотрудничества между участниками этой организации.

Москва с настороженностью отнеслась к китайской инициативе формирования зоны свободной торговли в рамках ШОС, поскольку эта идея конкурировала с перспективой создания такой зоны в ЕврАзЭС. Наконец, активность китайской дипломатии в налаживании отношений с местными странами по линии поставок из них энергоресурсов в Китай могла в перспективе означать возникновение между Россией и КНР конкуренции в сфере транспортировки нефти и газа из центральноазиатских стран в восточном направлении. Аналогичная конкуренция применительно к поставкам энергоносителей в западном направлении уже существовала между Россией, с одной стороны, и США и ЕС — с другой. Повторения такого опыта в Москве не хотели.

Многостороннее взаимодействие по линии ШОС

Перенос центра внешнеполитической активности США на Ближний Восток после начала войны в Ираке отвлек внимание американской дипломатии от Центральной Азии. В то же время пример Вашингтона, произвольно прибегавшего к военной силе в разных точках планеты, индуцировал желание других стран проверить свою готовность на случай возникновения региональных конфликтов. Китаю было важно провести демонстрацию силы и оказать устрашающее воздействие на уйгурских сепаратистов. Сходные мотивы существовали у Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. России и Казахстану было в принципе желательно понять, каков уровень готовности государств-партнеров к ведению совместных боевых действий в регионе, если положение дел того потребует. В августе 2003 г. в Казахстане и Китае впервые прошли антитеррористические учения стран ШОС, впоследствии ставшие регулярными.

На встрече глав правительств стран ШОС осенью 2003 г. была принята Долгосрочная программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества. Она была рассчитана до 2020 г. и предусматривала создание в перспективе благоприятных условий для свободного движения товаров, капиталов, технологий и услуг. В январе 2004 г. в Пекине был открыт секретариат ШОС.

Стал возрастать интерес к этой организации со стороны азиатских государств. В 2004 г. на саммите ШОС в качестве гостя присутствовал президент Афганистана Х. Карзай. В 2004 г. статус наблюдателя в ней получила Монголия. В 2005 г. за ней последовали Индия, Пакистан и Иран. В том же году была создана контактная группа по вопросам сотрудничества ШОС с Афганистаном. Обсуждался в ШОС и вопрос о предоставлении статуса наблюдателя Соединенным Штатам. Но на фоне полемики по поводу причастности американских граждан к «цветным революциям» в СНГ шансы положительного решения этого вопроса были ничтожными.

Активность американских неправительственных организаций в регионе раздражала местные страны. Выражением подобных настроений стало принятие в июне 2005 г. на встрече лидеров ШОС резолюции, в которой содержалось адресованное Соединенным Штатам предложение «определиться с конечными сроками временного использования... объектов инфраструктуры и пребывания военных контингентов на территории стран—членов ШОС».

В Вашингтоне на этот демарш реагировали холодно. Американские представители сослались на то обстоятельство, что вопросы о базах относятся к сфере двусторонних отношений США с каждой из стран региона в отдельности и будут решаться соответственно. Тогда в июле 2005 г.

правительство Узбекистана и приняло решение о закрытии американской базы в Ханабаде. Правда, Киргизия заняла в вопросе об американском военном присутствии более гибкую позицию.

ШОС постепенно стала занимать положение основной организации многостороннего сотрудничества в регионе. Ее деятельность охватила сферы безопасности, экономического сотрудничества, транспорта и гуманитарного взаимодействия. Вместе с тем ШОС не имеет военной организации. Сотрудничество ее членов в вопросах безопасности (включая учения) развивается в ограниченных масштабах. Сил быстрого реагирования или иных постоянных многосторонних контингентов ШОС не имеет.

Китай развивает с некоторыми странами двустороннее военно-политическое сотрудничество. В 2002 г. прошли китайско-киргизские антитеррористические учения. В прессе даже фигурировали сообщения о намерении КНР создать военную базу на киргизской территории. Китай сотрудничает со странами региона в подготовке военных кадров, военно-технической сфере и обмене разведывательной информацией.

С 2003 г. начало развиваться военно-политическое сотрудничество местных стран (прежде всего Таджикистана и Узбекистана) с Индией. В августе 2003 г. в Таджикистане прошли первые совместные индийско-таджикские военные учения. Все государства региона участвуют в программе НАТО «Партнерство ради мира», а Казахстан в январе 2006 г. подписал с НАТО отдельный План действий по развитию партнерства.

В целом, военно-политическое сотрудничество стран региона осуществляется одновременно в рамках структур ОДКБ, ШОС, НАТО, а также формирующейся сети двусторонних связей с Россией, Китаем, США и Индией. В военно-политическом сотрудничестве малых и средних стран продолжает доминировать Россия. Но происходит диверсификация механизмов сотрудничества. *Только Туркменистан сохраняет приверженность принципу самостоятельного обеспечения безопасности.*

К концу десятилетия 2000-х годов помимо полноправных членов в ШОС имелось четыре страны-наблюдателя: Индия, Иран, Монголия и Пакистан. Белоруссия и Шри-Ланка имели статус стран—партнеров ШОС по диалогу.

На сессии ШОС в Ташкенте летом 2010 г. были установлены критерии принятия в ШОС новых членов. Среди них были: принадлежность к Евразии, наличие дипломатических отношений со всеми странами ШОС, обладание статуса наблюдателя при ШОС или партнера по диалогу с ней, развитие активных содержательных отношений с государствами группы, отсутствие вооруженных конфликтов с каким-либо государством, а также свобода от санкций ООН, налагаемых по тому или

иному поводу. Таким образом, путь в ШОС был закрыт для США, а также для Ирана, по крайней мере до тех пор, пока последний будет оставаться объектом применения санкций ООН.

Отношения с Россией в международных приоритетах малых и средних стран

Отношения центральноазиатских стран с Россией отличаются изменчивым и противоречивым сочетанием центростремительных и центробежных тенденций. Основу первых составляют унаследованные с советских времен экономические и гуманитарные связи, транспортная сеть и отчасти совпадающие интересы в сфере региональной безопасности. Возвратному росту интереса к России способствовало восстановление и расширение возможностей российской экономики в середине 2000-х годов.

Центробежные тенденции питаются стремлением малых и средних стран к диверсификации внешнеэкономических связей, желанием уменьшить зависимость от России, особенно если свертывание сотрудничества с ней может быть компенсировано расширением связей с США и ЕС.

В *российско-казахстанских* отношениях продолжала преобладать тенденция к развитию союза. Казахстан остался ключевым военно-политическим партнером России, менее мощным, чем Китай, но и гораздо более близким в смысле сходства интересов безопасности и видения международных реалий.

В Москве с трудом привыкали к мысли о непродуктивности характерной для 1990-х годов концентрации внимания на попытках сотрудничества с Украиной и недооценки перспектив интеграции с Казахстаном. Российское руководство не сразу стало понимать, что казахстанская дипломатия была не склонна фокусировать внимание только на отношениях с Россией. Лишь постепенно стала вырабатываться формула российско-казахстанских отношений, в которой приоритет двустороннего сотрудничества относительно безболезненно совмещался с ориентацией Казахстана на выборочную и, как правило, в целом согласуемую с Москвой диверсификацию системы международных партнерств, в том числе в сфере транспортировки энергоносителей. Идея геополитической уникальности союза России с Казахстаном приживалась в российской культурно-политической среде медленно.

В декабре 2004 г. был заключен Договор о делимитации российско-казахстанской границы. Углублялось межгосударственное экономическое сотрудничество, включающее элементы экономической интеграции. Россия укрепила свои позиции как ведущий внешнеторговый партнер Казахстана. Причем 70% внешнеторгового оборота приходилось на

прямые приграничные связи российских и казахстанских регионов. Российские инвестиции в Казахстане достигли 1,3 млрд долл. (из примерно 30 млрд накопленных иностранных инвестиций), уступая казахстанским инвестициям в России — 2,2 млрд долл.

Две страны продолжили сотрудничать в нефтегазодобыче, и экспорт основных объемов казахстанской нефти и газа осуществлялся через российскую территорию. В той мере как российский капитал участвует в энергетических проектах в Казахстане, в них поддерживается равное долевое участие российских и казахстанских компаний.

Но одновременно казахстанское правительство принимало меры для сохранения за западными энергетическими компаниями преобладающих позиций в сфере нефте- и газодобычи в Казахстане, не позволяя российским корпорациям рассчитывать на контроль. Казахстанская сторона ссылалась на недостаточную пропускную способность российских трубопроводов и работала над освоением дополнительных маршрутов экспорта нефти — в обход российской территории.

Не ставя под сомнение союз с Москвой, Астана успешно добивалась более выгодных для нее условий сотрудничества с Россией. Казахстан настаивал на пересмотре условий взаимодействия в области освоения космоса, добившись создания ракетно-космического комплекса «Байтерек», принадлежащего сторонам в равных долях.

Киргизия, как отмечалось, сохранила преимущественную ориентацию на Россию и после событий 2005 г. Для Бишкека сотрудничество с Москвой — важнейший инструмент обеспечения национальной безопасности. Одновременно — это средство расширения простора для политического маневра и в отношениях с более крупными и сильными соседями — Китаем, Узбекистаном и Казахстаном.

В Киргизии существует российская военная база в Манасе, с которой непосредственно соседствует американская база ВВС. Крупнейшие российские корпорации РАО ЕЭС и «Газпром» осуществили и отчасти продолжают осуществлять инвестиционные проекты. Россия — крупнейший торговый партнер Киргизии.

Для киргизской интеллигенции исходно было характерно наличие нейтралистских настроений, которые периодически давали о себе знать в сфере официальной внешней политики. В 1997 г. (еще до ядерных испытаний в Индии и Пакистане) Бишкек выступил с инициативой создания безъядерной зоны в Центральной Азии.

Особенностью международных связей Киргизии в первой половине 2000-х годов было заметное сближение с КНР. В Пекине оценили готов-

ность Бишкека пойти на территориальные уступки Китаю. Китайское руководство было готово увидеть в Киргизии привилегированного регионального партнера в сфере безопасности. Наличие общей границы могло служить в этом смысле серьезной предпосылкой. Как отмечалось выше, КНР и Киргизия независимо от других стран стали проводить совместные учения, что выглядело как символ близости их военно-политических приоритетов.

В СМИ дебатировался вопрос о желании КНР приобрести военную базу на киргизской земле. С точки зрения Китая ее создание могло не только способствовать укреплению позиций киргизского правительства в отношении внутренней оппозиции, но стать противовесом проекту создания в Таджикистане военной базы Индии (см. ниже).

Во время событий в Киргизии и Узбекистане в 2005 г. в Пекине на уровне СМИ и экспертов обсуждался вопрос о возможности, например, оказания правительству Киргизии помощи посредством посылки китайского воинского контингента или ограниченной группировки войск нескольких стран ШОС. Возможно, это и побудило новое руководство страны настороженно отнестись к дальнейшему сближению с КНР за рамками многостороннего сотрудничества с участием России.

Окончанию гражданской войны в *Таджикистане*, помимо дипломатических усилий многих стран, способствовала военная помощь России и Узбекистана, оказанная таджикскому правительству. Это определило интерес Душанбе к поддержанию дружеских отношений с Москвой и Ташкентом. Но отношения с Узбекистаном развивались у Таджикистана сложно из-за отсутствия у таджикского коалиционного правительства возможности и воли уничтожить узбекских боевиков на таджикской территории. Правительству Таджикистана приходилось лавировать для удержания отношений с Ташкентом в конструктивном русле.

Не менее сложно строились отношения Душанбе с Афганистаном. Таджикское правительство не могло игнорировать события в соседней стране, значительную часть населения которой составляли этнические таджики. Таджикистан не хотел вмешиваться в афганские распри, но был вынужден время от времени оказывать поддержку афганским таджикам. Президент Э. Рахмонов опасался собственной таджикской оппозиции и не желал ее усиления за счет объединения с радикалами из среды афганских таджиков. Президенту было нужно, чтобы афганские таджики не вмешивались во внутренние дела Таджикистана. Ради этого он был готов оказывать им помощь, понимая, что в случае их военного разгрома талибами беженцы из Афганистана (как бывало) затопят Таджикистан и взорвут неустойчивую стабильность в стране.

Поскольку после 2001 г. ситуация в Афганистане зависела от взаимопонимания между оккупационными силами США в этой стране, правительством Х. Карзая и лидерами таджикско-узбекского Северного альянса, президент Э. Рахмонов был вынужден маневрировать между ними. Отношения с США имели для Таджикистана военно-политическое значение в мере не одинаковой, но сопоставимой с той важностью, которую имело для него сотрудничество с Россией и Узбекистаном.

На политику Душанбе с начала 2000-х годов стала оказывать некоторое влияние Индия. Для этого имелись причины. Происходило сближение Индии с США, и индийская дипломатия в некоторой мере могла играть в региональной политике роль естественного ограничителя влияния Пакистана, которого стали считать источником поддержки афганским талибам. Партнерство с Дели могло быть одним из вспомогательных инструментов сдерживания талибов, которых в Индии были склонны считать пакистанскими ставленниками. Появление проекта создания индийской базы на земле Таджикистана отражало такие настроения.

Наконец, в Душанбе не могли позволить себе напряженность в отношениях с Ираном, который пользовался влиянием в западных частях Афганистана и воздействовал на положение в приграничном с Таджикистаном северном Афганистане. Таджикское руководство уклонялось от осуждений иранской политики и в этом смысле отказывалось идти навстречу пожеланиям США.

Около пяти лет Россия и Таджикистан обсуждали вопрос о преобразовании 201-й российской мотострелковой дивизии на таджикской территории (ее части оказывали помощь Э. Рахмонову во время гражданской войны) в военную базу. Этот вопрос был разрешен в духе пожеланий Москвы в 2004 г. Одновременно, правда, из Таджикистана были выведены российские пограничные войска, а охраной таджикско-афганской границы занялись таджикские военные. В результате этих изменений ситуация стала менее прозрачной в вопросах проницаемости этой границы для перемещений отдельных лиц или групп, включая вооруженные, и международного наркотрафика.

Российские компании стремились расширить экономическое присутствие в стране. Россия осталась крупнейшим торговым партнером Таджикистана. В стране стали осуществляться инвестиционные проекты российских компаний, связанные со строительством объектов гидроэнергетики и алюминиевой промышленности.

Важную роль в российско-таджикских отношениях заняли вопросы трудовой миграции. Спасаясь от безработицы, массы таджиков, в основном неквалифицированных, направились в крупные города России,

где они составили кадровое ядро строительных отраслей и сферы обслуживания городского хозяйства. Отток безработной массы населения способствовал стабилизации ситуации в Таджикистане. Большую роль для налаживания жизни в стране стали играть денежные переводы, которые поступают в Таджикистан от таджиков, уехавших на работу в Россию. Вопрос обеспечения социально-экономических и гуманитарных прав таджикских граждан в России занял важное место в двусторонних отношениях.

Наиболее сложным аспектом взаимодействия со странами Центральной Азии были для Москвы в 2000-х годах отношения с *Узбекистаном*. Важнейшее стратегическое положение этой страны, ее геополитический и геоэкономический потенциал давали основание считать Узбекистан одним из региональных лидеров. С ним у России могли складываться союзнические отношения. Но с ним можно было развивать сотрудничество и на основе принципов добрососедства, мирного сосуществования и избирательного взаимодействия. Российская дипломатия была готова к обоим вариантам.

Проблемой была неустойчивость политических ориентаций Узбекистана, его метание между демонстративным стремлением стать в регионе главным партнером США и нарочитыми поворотами к признанию важности союзничества с Россией. В итоге, перспективы отношений с Ташкентом воспринимались с настороженностью и в Москве, и в Вашингтоне. Возможно, в этом и состоял расчет узбекской дипломатии, руководители которой просто желали приучить лидеров всех стран мира к тому, что

главным и универсальным приоритетом Узбекистана в мировой политике является сохранение свободы действий, а не партнерство или интеграция с какой-либо одной страной или группой государств.

Узбекистан никогда не заявлял о стремлении к нейтрализму или неприсоединению. Его политику с момента приобретения независимости можно было назвать линией «неустойчивого присоединения». Лидеры неприсоединения принципиально отвергали *идею военных союзов с великими державами*. В отличие от них, руководители Узбекистана такую идею не отвергали. Смысл их политики состоял в утверждении принципиального права *свободно и часто заключать союзы, столь же регулярно меняя союзников и избегая устойчивой привязки к любому из них*.

После охлаждения отношений с Вашингтоном в 2005 г. Узбекистан стал терпимее относиться к интеграционным проектам с участием России. В 2006 г. он присоединился к Евразийскому экономическому сообществу, и «Газпром» и «Лукойл» заключили с узбекскими партнерами крупные контракты на разработку газовых месторождений.

В июне 2004 г. Узбекистан подписал с Россией Договор о стратегическом партнерстве, а в ноябре 2005 г. — Договор о союзнических отношениях. Первый документ предусматривал проведение «по взаимному согласию» консультаций в случае возникновения ситуации, «способной негативно отразиться на обоюдных интересах безопасности или интересах безопасности одной из сторон». Было согласовано не допускать использования территории каждой из двух стран третьими силами в ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности страны-партнера. Предусматривалась возможность, в необходимых случаях и на основе отдельных соглашений, предоставлять друг другу право пользования военными объектами на своей территории.

Договор о союзнических отношениях содержал гораздо более сильные формулировки. В нем повторялась «натовская» формула — акт агрессии против одной из сторон страны обязались рассматривать как нападение на них самих. В тексте договора было подтверждено обязательство о возможности взаимного использования Россией и Узбекистаном имеющейся у каждой стороны военной инфраструктуры.

В целом сложно сказать точно, насколько устойчивой может быть линия узбекского руководства на сотрудничество с Москвой. Не менее трудно оценить и потенциал, которым может обладать Узбекистан для политики лавирования между Россией, Западом и Китаем.

Внешняя политика *Туркменистана* при всей ее необычности на фоне ориентаций других стран региона была довольно последовательной. С начала 1990-х годов страна следовала политике нейтралитета и игнорировала региональные интеграционные инициативы. Ашхабад поддерживал ровные отношения со всеми окружающими странами и не притворялся сторонником ни одной из них. В центре внимания президента С. Ниязова были вопросы внутренней политики — возвеличение туркменского национального духа и завершение сложнейшего процесса формирования современной туркменской нации на основе сплава не разложившихся идентичностей туркменских племен и их региональных союзов.

Не претендуя на репутацию демократа, С. Ниязов вложил существенные по туркменским масштабам средства и энергию в создание символов национального единства туркмен, консолидацию их этнического своеобразия. Эта группа задач была для Туркмении более важной, чем для любой иной страны региона, поскольку исторически именно земли туркменских кочевников были самой отсталой частью Центральной Азии. Процесс этнонационального структурирования населения туркменских оазисов отставал от тех процессов, которые (отчасти под влиянием России, Китая, Индии и западных держав) по разным причинам протекали в других частях региона скорее.

Режим С. Ниязова был одним из наиболее авторитарных. Из его недр родился по-восточному своеобразный культ личности Туркменбаши, утверждение которого сопровождалось репрессиями против политических противников президента и инакомыслия вообще. В такой ситуации русские граждане Туркмении «мешали» президентской власти, поскольку они были носителями более плюралистичной и либеральной культуры, чем коренные этнические группы. Избегая откровенных репрессий против русских, туркменское правительство во время правления С. Ниязова фактически принимало меры к их вытеснению из страны и превращению Туркменистана в моноэтническое государство.

Президент С. Ниязов умер в декабре 2006 г. Новое руководство стало осторожно отходить от наиболее одиозных постулатов прежнего правления, в первую очередь демонтировав культ личности Туркменбаши. Внешняя политика не претерпела резких изменений. Приверженность нейтралитету сохранилась. Формально участвуя в работе СНГ много лет, Туркмения никогда не принимала на себя обязательств сотрудничать в его рамках. Убедившись еще в 1990-х годах в отсутствии у России намерения «реинтегрировать» страны СНГ силой, в Туркмении привыкли рассматривать Содружество исключительно как платформу информационного обмена и диалога. Узаконивая такую практику, в августе 2005 г. Туркменистан официально попросил понизить статус своего участия в СНГ до ассоциированного членства. Полностью отказываться от участия в Содружестве в Ашхабаде не стали.

Туркменистан зависит от российских трубопроводов, по которым он поставляет свой природный газ не только российским потребителям, но и странам к западу от России — в частности, Украине. При этом российским компаниям выгодно скупать туркменский газ не только для внутреннего потребления в России, но и для реэкспорта в третьи страны. Поскольку себестоимость добычи туркменского газа ниже цен на это топливо на рынках зарубежной Европы, российские корпорации получали от реэкспорта туркменского газа большие прибыли.

Попытки Туркменистана найти маршруты экспорта в южном направлении — к побережью Индийского океана через Иран, Афганистан и Пакистан в 2000-х годах дали ограниченные результаты. Более успешным был проект строительства трубопровода из Туркмении в Китай.

Его сооружение в декабре 2009 г. стало заметной победой туркменской «энергосырьевой дипломатии». Ашхабад время от времени высказывается в поддержку планов ЕС создать новый коридор поставок газа западным потребителям через газопровод «Набукко», в который должны «вливаться» газовые потоки из нескольких стран. Газопровод «На-

букко» должен пройти от Эрзерума (Турция) до Баумгартена (Австрия) через территории Болгарии, Румынии и Венгрии. Его строительство, согласно подписанному в июле 2009 г. межправительственному соглашению, должно быть завершено в 2014 г. Но конкретных обязательств экспортировать сырье по этому газопроводу Туркменистан не принял.

Подходы к оценке экономического развития новых независимых государств Центральной Азии

Для экономического развития стран Центральной Азии до кризиса 2008–2009 гг. были характерны высокие темпы роста ВВП, умеренная инфляция и некоторое сокращение бедности. Однако между государствами сохранялись различия в качестве экономического роста, типе организации экономики и структуре занятости.

Рыночные экономические реформы, проводившиеся в той или иной степени по рекомендациям западных экспертов, дали противоречивые результаты. Приватизация оправдала себя в отраслях, развитие которых гарантировало частным инвесторам высокие прибыли и скорую окупаемость. Таких отраслей было не много — разработка и экспорт энергоносителей, добыча редких и драгоценных металлов, производство и экспорт гидроэлектроэнергии, выплавка алюминия. Но эти отрасли были развиты не во всех странах. Не в каждой стране прибыльные отрасли были настолько массивными, чтобы обеспечить трудоустройство основной массы работоспособного населения.

В рыночных условиях приватизация не могла обеспечить нормального функционирования производства сельскохозяйственной продукции — от хлопка и риса до овощей, фруктов и бахчевых. Рынок населения стран региона к нелегальному производству наркокультур (опиумного мака и анаши) был естественной реакцией на осознание нерентабельности «легальных» сельскохозяйственных культур в отсутствие государственной поддержки. Именно отказ от нее дал толчок наркоэкономике.

Приватизация не могла позволить сохранить и сделать конкурентоспособными отрасли обрабатывающей промышленности — прежде всего, машиностроение. Соответственно, те части государств Центральной Азии, которые в советские годы относились к «промышленному поясу» и отличались более высоким уровнем развития, после приватизации оказались в глубокой депрессии. Последовали вынужденные миграции по линии выезда за рубеж и каналам перетока в те немногие отрасли, которые оказались способными нормально развиваться.

Приватизация была мощным средством перераспределения национального богатства между разными группировками национальных элит. Во всех стра-

нах Центральной Азии, как и в России, она была проведена форсированными темпами. Организаторы приватизации опасались, что детальная проработка ее последствий может привести к отказу власти от рыночных преобразований.

В 2000-х годах *Казахстан* благодаря созданию при западной помощи эффективного сектора нефтедобычи превратился в «нормальную нефтяную страну». Темпы роста в середине десятилетия составили 10%. По показателям ВВП и размера ВВП на душу населения (8,2 тыс. долл. в год) страна стала занимать лидирующие позиции в регионе. Нефтедобывающие предприятия остались в собственности государства, но была проведена приватизация малых и средних предприятий. В 2003 г. была введена частная собственность на землю, включая земли сельскохозяйственного назначения.

Для накопления налогов от экспорта энергоресурсов с учетом вероятности падения нефтяных доходов был создан Национальный фонд. Казахстан поощрял деятельность иностранных инвесторов в нефтегазодобывающей сфере, но внимательно следил за ними, защищая интересы национальных компаний. Хотя в Казахстане менее остро, чем в других странах региона, проявлялась проблема бедности, за чертой бедности во второй половине 2000-х годов проживало 19% населения.

Киргизия при проведении реформ выделялась наиболее последовательным выполнением рекомендаций международных финансовых институтов. В стране прошла наиболее масштабная приватизация и была проведена радикальная сельскохозяйственная реформа. В частном секторе оказалось сосредоточено 60% работающих, силами которых производилось 85% ВВП страны. Наиболее успешным проектом приватизации в промышленности оказалось совместное киргизско-канадское предприятие по разработке золотоносного месторождения Кумтор. В то же время в стране так и не удалось запустить промышленные предприятия, построенные в годы СССР. Сектор обрабатывающей промышленности перестал существовать. Вместе с отсутствием конкурентоспособного сельхозпроизводства это обусловило в целом тяжелое экономическое положение. В Киргизии даже по официальным данным за чертой бедности в конце 2000-х годов проживало 40% граждан. Бедное население концентрируется прежде всего в киргизской части Ферганской долины. В структуре киргизского экспорта преобладают золото (40%), ртуть, уран, продукция легкой промышленности, хлопок и табак. Страна импортирует нефть и газ, машины и оборудование и даже продукты питания.

Таджикистан остается беднейшей страной региона. Доля ВВП на душу населения составляет около 1,2 тыс. долл. в год. До кризиса эконо-

мика росла в среднем на 9,4% в год. 67,2% населения занято в сельском хозяйстве, основное назначение которого фактически состоит в том, чтобы прокормить тех, кто в нем занят. За чертой бедности в стране проживает 64% граждан.

Почти половину доходов страны от экспорта обеспечивает единственное крупное государственное предприятие — Таджикский алюминиевый завод (ТадАЗ). Экономика Таджикистана поддерживается денежными переводами от трудовых мигрантов преимущественно из России. В такой ситуации вряд ли удивительно, что немалая часть населения живет на нелегальные доходы от наркотрафика. Правительство стремится привлечь иностранные инвестиции к развитию гидроэнергетики, алюминиевого производства, транспортной инфраструктуры.

Кроме алюминия, Таджикистан экспортирует электроэнергию, хлопок и фрукты. В структуре импорта преобладают электроэнергия, нефть и газ, бокситы и глинозем — сырье для производства алюминия.

Туркменистан, по официальной статистике, развивался в 2000-х годах (до кризиса) при темпах роста более 20% в год. Правда, по оценкам международных экспертов, экономический рост не превышал 4%. Доля ВВП на душу населения составляла 8 тыс. долл. в год за счет высокого уровня расходов на государственные программы в сфере культуры и здравоохранения. Население бесплатно получает газ, электроэнергию, воду, соль и мало тратит на оплату коммунальных услуг. В сельском хозяйстве занято 48,2% населения, 13,8% — работают в промышленности. По официальным данным, за чертой бедности живет всего 1% населения, а по данным Европейского банка реконструкции и развития — 58%.

Государство контролирует экономику. Законодательство не предусматривает возможности приватизации нефтяных и газовых месторождений. Торговля хлопком также находится полностью под контролем государства. Действуют жесткие валютные и экспортные ограничения. Туркменистан экспортирует природный газ, нефть и нефтепродукты и хлопок.

Государственное регулирование преобладает и в экономике *Узбекистана*. Сохраняются система государственных закупок хлопка и зерна и государственный контроль над внешнеэкономической деятельностью и валютными операциями. ВВП на душу населения составляет 1,8 тыс. долл. в год. В докризисный период темпы роста экономики колебались от 4 до 7%. В сельском хозяйстве занято 44% населения, в промышленности — 20%.

Узбекистан не стал проводить радикальных рыночных реформ и сохранил разветвленную систему социальной защиты населения. Благодаря этому в стране отсутствует бедность в масштабах, характерных для Таджикистана и Киргизии. За чертой бедности живут 27,5% населения.

Страна экспортирует хлопок (второе место в мире), золото, газ и минеральные удобрения.

Разрывы в уровнях развития определяют низкую заинтересованность стран-соседей в торговле друг с другом. Ни одна из стран Центральной Азии, например, не входит в круг приоритетных партнеров Казахстана. Во внешнеторговом обороте Узбекистана доля самого Казахстана составляет 5%, а Таджикистана — 3%. Некоторым исключением является Таджикистан, 21% и 7% внешнеторгового оборота которого приходится на Узбекистан и Казахстан.

«Гидрополитическое оружие»

Важнейшей проблемой отношений в Центральной Азии является согласование условий водопользования, прежде всего — раздел стока трансграничных рек. Более половины территории государств региона приходится на пустыни, полупустыни и засушливые степи. Вода — главный фактор производства в сельском хозяйстве, в котором занята основная доля населения Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

Основным источником воды являются реки. Ресурсы подземных вод ограничены и слабо разработаны. Речные ресурсы распределены неравномерно. В Киргизии и Таджикистане доля речного стока, образуемого на собственных территориях, составляет соответственно 99% и 60%. В Казахстане, Узбекистане и Туркменистане — 47%, 12% и 0,7%. При этом в горных районах Киргизии и Таджикистана формируется 80% водных ресурсов региона.

Давление на водную систему Центральной Азии усиливается по мере расширения площади орошаемых земель. В 1995–2000 гг. этот показатель возрос на 7%. Правительства планируют дальнейшее увеличение производства хлопка, который является одним из главных источников экспортных доходов. Низкой остается эффективность использования водных ресурсов: до половины воды, предназначенной для орошения, теряется вследствие испарения и фильтрации.

Река Сырдарья с годовым стоком около 37 км³ формируется на севере Киргизии, затем протекает через Узбекистан и южный Казахстан (пересекая на пути северную часть Таджикистана) и впадает в северную часть Аральского моря. В 1998 г. Киргизия, Казахстан и Узбекистан подписали соглашение, по которому в обмен на воду Узбекистан обязывался поставлять в Киргизию природный газ, а Казахстан — уголь и мазут.

Соглашение, однако, часто нарушается всеми сторонами. Время от времени возникают перебои с поставками энергоносителей Киргизии. Но и киргизское правительство, не имея гарантий поставок энергоре-

сурсов, периодически начинает использовать Токтогульское водохранилище на реке Нарын, притоке Сыр-Дарьи, в энергетическом, а не ирригационном режиме. Это означает, что зимой производится сброс вод водохранилища, что вызывает разрушение дамб и затопление сельскохозяйственных угодий в Узбекистане и дефицит воды, необходимой для орошения, летом.

В июне 2001 г. киргизский парламент принял закон, предусматривающий взимание платы со стран, пользующихся киргизскими водными ресурсами. Согласно этому документу правительство Киргизии должно было требовать от стран—потребителей воды участия в финансировании киргизских водотехнических сооружений. Закон был с раздражением воспринят в Узбекистане и Казахстане. Впоследствии Бишкек смягчил первоначальную позицию, ограничившись требованием платы от стран, расположенных ниже по течению рек, проходящих через киргизские территории, только за воду, проходящую через киргизские водохранилища и каналы. В марте 2002 г. Узбекистан на основании соглашения с Киргизией принял на себя обязательство покрывать часть расходов по эксплуатации Токтогульского водохранилища в обмен на гарантию снабжения водой в ирригационный период.

Река Амударья с годовым стоком около 75 км^3 протекает по таджикско-афганской и узбекско-афганской границе, затем по территории Туркменистана, туркмено-узбекской границе, северо-западному Узбекистану и впадает в Аральское море. Сток Амударьи формируется в Таджикистане (80%) и частично в северном Афганистане.

Квота Таджикистана на забор стока Амударьи составляет 12%. Душанбе, намереваясь увеличить выпуск сельскохозяйственной продукции, настаивает на увеличении лимита водозабора, который он, по утверждениям Узбекистана, уже превышает. В планы Душанбе входит завершение строительства Рогунской ГЭС, что позволит Таджикистану практически полностью регулировать сток Амударьи. Этому проекту противится Ташкент. Несовпадение интересов в сфере водопользования является одним из факторов напряженности в таджикско-узбекских отношениях.

Афганистан по условиям советско-афганского соглашения 1946 г. имеет право на забор 9 км^3 воды в год (50% стока) из Пянджа, основного притока Амударьи. В настоящее время Афганистан использует около 2 км^3 стока Пянджа, но в случае восстановления мирной жизни в стране водозабор может возрасти. Это ухудшит ситуацию с водопользованием в Узбекистане и Туркменистане.

Водная проблема хронически осложняет узбекско-туркменские отношения. Согласно подписанному в 1996 г. соглашению, страны имеют равные лимиты водозабора — по 22 км^3 в год. Однако узбекские долж-

ностные лица нередко обвиняют Туркменистан в превышении лимитов. В октябре 2000 г. Туркменистан начал работы по созданию искусственного озера в Каракумах. Ашхабад, правда, утверждает, что в Озеро Золотого Века будут стекаться дренажные воды и его сооружение не потребует дополнительного забора из Амударьи. Узбекские эксперты, напротив, полагают, что озеро не сможет существовать без вод Амударьи. Планы Ашхабада по увеличению площади орошаемых земель могут тоже неблагоприятно сказаться на водоснабжении Узбекистана.

Проблемы распределения водных ресурсов осложняют и внутриполитическую ситуацию в странах региона, обостряя отношения между областями и районами, вызывая конфликты между жителями соседних населенных пунктов. Подсчитано, что две трети областей центрально-азиатских стран получают не менее половины воды извне. В Узбекистане области, расположенные выше по течению Амударьи, — Сурхандарьинская, Навоийская и Бухарская — выбирают 50–60% лимитов водозабора, тогда как лежащие ниже по течению Хорезмская область и Каракалпакия — только 7–8%.

Взаимодействуя в сфере водопользования, центральноазиатские государства не смогли выработать согласованный подход к управлению водным хозяйством региона как единым комплексом. В феврале 1992 г. в Алма-Ате было подписано пятистороннее соглашение о сотрудничестве в управлении использованием и охраной водных ресурсов из межгосударственных источников, согласно которому сохранялись лимиты водозабора, действовавшие до распада Советского Союза. Были учреждены Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК), принимающая решения консенсусом, и ее исполнительные органы — Бассейновые водохозяйственные организации (БВО) «Амударья» и «Сырдарья». В 1993 г. страны региона создали Международный фонд спасения Арала, который предполагалось формировать за счет вступительных взносов и ежегодных отчислений государств-участников в размере 0,3% ВВП.

Деятельность МКВК, сфокусированная на распределении квот и не учитывающая другие обстоятельства, не предотвратила конфликты вокруг водопользования. Преобладание граждан Узбекистана в БВО и расположение МКВК и обеих БВО на узбекской территории дало основания другим странам подозревать эти структуры в предвзятости. Только Узбекистан и Туркменистан в полном объеме вносили платежи в бюджет МКВК. Фонд спасения Арала из-за хронического недофинансирования прекратил работу. В 1997 г. Казахстан закончил строительство дамбы, разделившей Аральское море на два водоема. Западная, узбекская, часть моря оказалась отсеченной от стока Сырдарьи и продолжа-

ла усыхать, а уровень воды в восточной, казахстанской, части начал подниматься.

Как было отмечено, страны региона пытаются решить ряд проблем водопользования на основе двусторонних и трехсторонних договоренностей. В 2000 г. Киргизия и Казахстан подписали соглашение об использовании воды рек Чу и Талас, по которому Казахстан обязался компенсировать Киргизии часть расходов на поддержание межгосударственной водной инфраструктуры. Для решения проблем, связанных с неудовлетворительной реализацией казахстано-киргизско-узбекского соглашения 1998 г., Казахстан выступил с инициативой создания Сырдарьинского водно-энергетического консорциума. В декабре 2001 г. Казахстан и Киргизия подписали предварительное соглашение о создании консорциума, но Узбекистан не пожелал к ним присоединиться.

После слияния Центральноазиатского экономического сообщества с ЕврАзЭС проект создания регионального водно-энергетического консорциума стал рассматриваться в рамках последнего. Водно-энергетическое хозяйство Центральной Азии нуждается в масштабных инвестициях, готовность к осуществлению которых демонстрируют пока только российские компании.

1 сентября 2006 г. в Астане прошла неформальная встреча президентов Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Обсуждалась проблема использования водно-энергетических ресурсов. Встреча показала, что между странами сохраняются серьезные разногласия в этом вопросе. Удалось принять лишь решение о возобновлении деятельности Фонда спасения Арала.

Проблема совместного использования трансграничных рек остро стоит и в казахстанско-китайских отношениях. Реки Иртыш и Или, крайне важные для Казахстана источники воды, формируются на территории Китая. Иртыш берет начало в горах Монгольского Алтая и под названием Черный Иртыш течет до впадения в озеро Зайсан. Затем он протекает по северо-восточным землям Казахстана, выходит на Западносибирскую низменность, протекает по территориям Омской и Тюменской областей России и впадает в Обь.

Река Или впадает в озеро Балхаш. Иртыш обеспечивает водой Усть-Каменогорск, Семипалатинск и Павлодар, через канал Иртыш—Караганда — города Караганду и Астану. Китай увеличивает забор воды из Иртыша и Или для нужд промышленного развития СУАР. На территории КНР началось строительство канала длиной 300 км от Черного Иртыша до города Карамай, центра нефтяной промышленности СУАР. Китай предполагает забирать по каналу 0,45 км³ иртышской воды в год, а в перспективе, когда канал полностью войдет в эксплуатацию (около

2020 г.), — до 2 км³. В результате река потеряет около четверти стока, что будет иметь тяжелые последствия для экологии и экономики Казахстана и отразится на водопотреблении населения Омской и Тюменской областей России. Аналогичный проект для обеспечения водой западной части Таримской котловины разработан в Китае и применительно к использованию вод р. Или. Это может угрожать обмелением оз. Балхаш.

В 2001 г. Китай и Казахстан заключили рамочное соглашение об использовании трансграничных рек. Регулярно проходящие двусторонние переговоры по проблеме Иртыша не привели к взаимоприемлемому решению. Предложение Казахстана о заключении трехстороннего (с участием России) соглашения о совместном использовании трансграничных рек не реализовано. Китай выступает против рассмотрения проблемы в трехстороннем формате, предпочитая двусторонние переговоры с Казахстаном и Россией.

«Транспортная геополитика» в Центральной Азии

Исторически железные и шоссейные дороги строились в Центральной Азии для ее соединения с европейскими регионами России. В годы существования СССР среднеазиатская транспортная сеть была замкнута на общесоюзную систему коммуникаций от советских западных границ до побережья Тихого океана. «Турксиб» (Туркестано-Сибирская железная дорога) связал железные дороги Средней Азии с Транссибирской магистралью. К моменту распада Советского Союза все основные железнодорожные и автомобильные пути на территории новых государств Центральной Азии служили для связей с Россией, то есть пролегли в северном направлении.

Реформирование системы транспортного сообщения для адаптации ее к потребностям независимого развития стало одной из общих политико-экономических задач. Ее решение было необходимо для развития торговли Центральной Азии с Китаем, Турцией, Ираном, Индией и Пакистаном.

В 1990-х годах между странами региона и соседними государствами был подписан ряд двусторонних и многосторонних документов о развитии транспортных связей.

Среди таких документов важно выделить китайско-казахстанское соглашение о железнодорожных перевозках (февраль 1992 г.), протокол о сотрудничестве в области железнодорожного, автодорожного и морского транспорта между Китаем и Узбекистаном (март 1992 г.), протокол о морских перевозках между Азербайджаном, Ираном, Казахстаном, Россией и Туркменистаном (апрель 1992 г.), соглашение о координации работы железнодорожного транспорта и о сотрудничестве в области транзитных перевозок между Азербайджаном, Грузией, Туркменистаном и Узбекистаном

(май 1996 г.). Кроме того, было заключено соглашение о создании транспортного коридора «Север — Юг» (2000 г.) между Россией, Индией и Ираном, к которому впоследствии присоединился Казахстан.

В начале 1990-х годов было налажено железнодорожное и автомобильное сообщение между новыми государствами и Китаем. В сентябре 1990 г. произошла стыковка китайского и советского участков железной дороги, связывающей Китай с Казахстаном через переход Алашанькоу — Дружба. Таким образом, завершилось строительство второй трансконтинентальной евроазиатской магистрали, связывающей тихоокеанское побережье Китая (порт Ляньюньган) через железнодорожную сеть Казахстана, России, стран Восточной и Центральной Европы с атлантическим побережьем Западной Европы (Роттердам, Нидерланды). Китай провел модернизацию ранее построенных путей, что позволило повысить их пропускную способность.

Кроме того, КНР провела реконструкцию своего участка автомагистрали Алматы—Хоргос—Урумчи, по которой осуществляются пассажирские и грузовые перевозки между Казахстаном и КНР. Было начато строительство автомагистрали Ляньюньгань—Хоргос, которая должна связать западную границу КНР с тихоокеанским побережьем.

С начала 1990-х годов началось обсуждение проекта строительства автомагистрали, соединяющей Казахстан, Киргизию, Китай и Пакистан. В марте 1995 г. четыре страны подписали соглашение о транзитных перевозках. Автомагистраль от Алматы через Бишкек была соединена с Каракорумским шоссе, связывающим Китай и Пакистан. Этот маршрут стал для Китая кратчайшим путем к Индийскому океану. В октябре 2006 г. состоялось открытие автогрузового сообщения по Каракорумскому маршруту (Исламабад—Кашгар—Бишкек—Алматы). В 2004 г. была открыта дорога, связавшая с Каракорумским шоссе и Таджикистан (Мургаб—перевал Кульма—Каракорумское шоссе).

В 1996 г. Китай, Киргизия и Узбекистан подписали соглашение о строительстве автомобильной дороги Андижан—Ош—Иркештам—Кашгар. Узбекистан реконструировал автотрассу Ташкент—Андижан—Ош, напрямую связавшую столицу страны с узбекскими землями Ферганской долины. Ранее автомобильное сообщение с ними осуществлялось через таджикскую территорию.

Работы на участке Ош—Иркештам—Кашгар начались в 2000 г. В 2002 г. в Иркештаме на киргизско-китайской границе был открыт контрольно-пропускной пункт. В августе 2006 г. на встрече министров торговли стран ШОС было принято решение об ускорении работ по строительству автотрассы, ставшей первым транспортным проектом, реализуемым в рамках этой организации.

К 2010 г. предполагалось построить железную дорогу, связывающую Узбекистан и Киргизию с Китаем (Андижан—Ош—Кашгар). Со своей стороны Китай завершил строительство ветки Урумчи—Кашгар. Не решен, правда, вопрос о финансировании проекта.

Для Туркменистана приоритетом стало развитие сообщения с Ираном. В мае 1996 г. состоялось открытие туркмено-иранской железной дороги Теджен—Серахс—Мешхед. Хотя пропускная способность магистрали невелика, с ее открытием у стран Центральной Азии появилась возможность прямого выхода к Персидскому заливу (порт Бендер-Аббас). В 2000 г. началось строительство железной дороги между иранским Тедженом и туркменским городом Бабадайхан. Значительно расширилась сеть автодорог, связывающих Туркменистан с Ираном.

Среди обсуждаемых в регионе международных транспортных проектов — строительство железной дороги по восточному побережью Каспийского моря (Ералиев—Бекдаш—Туркменбаши—Иран), железнодорожной магистрали и автотрассы Туркменистан—Афганистан—Пакистан, автомагистралей Узбекистан—Афганистан—Пакистан (Ташкент—Кабул—Карачи) и Таджикистан—Афганистан—Пакистан. В 2005 г. на американские средства началось строительство нескольких мостов через реку Пяндж, разделяющую Таджикистан и Афганистан.

При поддержке Европейского Союза предпринимались усилия по развитию транспортного сообщения между Центральной Азией, Закавказьем и Черноморским регионом. В 1993 г. государства ЕС и страны Центральной Азии и Закавказья выработали концепцию масштабной программы создания «Транспортного коридора Европа—Кавказ—Азия» (ТРАСЕКА). Имелось в виду развитие инфраструктуры наиболее короткого пути из Центральной Азии к портам Черного моря и расширение доступа стран Центральной Азии и Закавказья к европейским рынкам, углубление регионального сотрудничества и привлечение средств международных финансовых институтов и частных инвестиций.

В 1995 г. был составлен первый список проектов программы ТРАСЕКА, реализация которых началась в 1996 г. В рамках программы предпочтение отдавалось государствам Закавказья, но и в странах Центральной Азии был осуществлен ряд проектов технического содействия и несколько инвестиционных проектов. В 1998 г. в Баку 12 стран Центральной Азии, Закавказья, Центральной и Юго-Восточной Европы подписали соглашение о развитии коридора Европа—Кавказ—Азия. Документ был подписан всеми центральноазиатскими странами, кроме Туркменистана (который не подписал соглашение из-за разногласий с Азербайджаном по вопросу о принадлежности нескольких шельфовых нефтяных месторождений на Каспии). Прикаспийские страны, Казах-

стан и Туркменистан, приступили к развитию морского судоходства. Началось строительство морских флотов, в том числе танкерных. Казахстан провел реконструкцию порта Актау и открыл паромное сообщение с Баку. В рамках программы ТРАСЕКА была осуществлена реконструкция порта Туркменбаши (Красноводска), существенно повысившая его пропускную способность. Начались регулярные грузо-пассажирские перевозки между портом Туркменбаши, каспийскими портами Ирана и Астраханью. Иран модернизировал каспийские порты Бандер-Энзели, Нека и Ноушехр.

Получили развитие международные авиаперевозки. В начале 1990-х годов Казахстан, Туркменистан, Узбекистан открыли регулярное авиационное сообщение с Турцией, Ираном, Пакистаном, Индией, Китаем, США, рядом стран Западной Европы, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Была осуществлена реконструкция аэропортов, обновлен и расширен самолетный парк. К концу 1990-х годов новые авиационные маршруты связали Киргизию и Таджикистан с Китаем, Турцией, Ираном. В 2004 г. возобновилось авиасообщение между Душанбе и Кабулом.

Другим направлением реформы транспортных магистралей в регионе стало развитие коммуникаций, связывающих внутренние районы отдельных государств. Нередко межгосударственные коммуникации в Центральной Азии были развиты лучше, чем внутренние, а проезд из одной части страны в другую требовал транзита через соседние государства.

В Казахстане был реконструирован ряд автомобильных дорог, в том числе Алматы—Караганда—Астана, Атырау—Уральск, Уральск—Актюбинск. Завершилось сооружение дороги Кызыласкер — Кировский, позволившей соединить часть Южно-Казахстанской области с остальной территорией страны, минуя Узбекистан. Планируется строительство железной дороги от станции Дружба на китайской границе до каспийского порта Актау.

В Киргизии за счет кредитов Азиатского банка развития и правительства Японии было реконструировано шоссе Бишкек—Ош, ведется строительство автодороги Джалалабад—Ош через город Узген, что позволяет обойти территорию Узбекистана.

Узбекистан построил железную дорогу Учкудук—Караузак, соединившую Бухару и Нукус в обход туркменской территории. В Туркменистане в 2006 г. вошла в строй железная дорога Ашхабад—Дашогуз, проходящая через Каракумскую пустыню, которая соединила северный и южный районы страны, ведется реконструкция автодорог, связывающих Ашхабад с Туркменбаши, Дашогузом и Мары. Строительство новых автодорог, в основном за счет внешних источников финансирования, ведется в Таджикистане.

Реформа системы транспортных коммуникаций в регионе не завершена. Магистраль, связавшие страны Центральной Азии с Китаем, Пакистаном, Афганистаном, Ираном, немногочисленны. Они нуждаются в расширении и модернизации.

Потенциал экспорта энергоносителей и электроэнергии из малых и средних стран

Нефтегазовые ресурсы распределены между странами Центральной Азии неравномерно. Казахстан располагает значительными запасами нефти и природного газа. Туркменистан и Узбекистан имеют крупные ресурсы газа. Киргизия и Таджикистан не имеют своего углеводородного сырья. Запасы нефти и газа сосредоточены на восточном побережье Каспия.

Данные об объемах запасов нефти и газа в странах региона существенно расходятся. По советским оценкам конца 1980-х годов, доказанные ресурсы нефти в Казахстане составляют 1,5–2 млрд т. По данным самого Казахстана (2006 г.), эти запасы достигают 5,5 млрд т, а природного газа — 3 трлн м³.

В 2006 г. в Казахстане было добыто 68 млн т нефти, из которых 57 млн т было экспортировано. Страна является крупным экспортером нефти со значительным потенциалом наращивания нефтедобычи. Добыча газа в Казахстане достигала в середине 2000-х годов 26,2 млрд м³, около 7 млрд из которых идет на экспорт. В 2008 г. в стране было добыто 70,7 млн т нефти, из которых 62,4 млн т пошло на экспорт. Добыча газа в Казахстане достигла в 2008 г. 32,9 млрд м³, треть из которых экспортирована.

В Туркменистане доказанные запасы газа составляют 2,6 трлн м³, хотя в апреле 2006 г. власти этой страны сообщили, что туркменские газовые ресурсы достигают 22 трлн м³. Доказанные запасы нефти в Туркменистане — около 0,1 млрд т. В 2003–2007 гг. в стране добывалось 9,3 — 10,8 млн т нефти. Добыча природного газа составляла в 2007 г. 73,5 млрд м³.

В Узбекистане прогнозные запасы газа оцениваются в 5,9 трлн м³, объем доказанных нефтяных ресурсов составляет 0,1 млрд т. Узбекистан добывает более 60 млрд м³ газа в год, поставляя на экспорт около 10 млрд м³. Вследствие выработки основных месторождений, добыча нефти в стране сокращается. В 2005 г. было добыто 5,4 млн т нефти, ушедших на внутреннее потребление.

На территории КНР в Синьцзяне запасы нефти и газа оцениваются соответственно в 0,2 млрд т и 1 трлн м³. В 2008 г. в СУАР было добыто 27,2 млн т нефти и 24 млрд м³ газа.

Страны Центральной Азии богаты каменным углем. Запасы угля в Казахстане оцениваются в 75 млрд т (4% общемировых запасов). Узбекистан располагает запасами угля в 5,9 млрд т. Запасы угля в Киргизии

оцениваются в 1 млрд т. Около 80 тыс. т угля в год добывается в Таджикистане.

Запасы урана в Казахстане оцениваются в 1,7 млн т, что составляет 19% общемировых ресурсов (второе место в мире). Производство урана осуществляет государственная компания «Казатомпром», ставшая в 2009 г. его крупнейшим в мире производителем (объем добычи — 13,5 тыс. т). В Казахстане действуют совместные предприятия по добыче урана с Россией, Китаем, Японией, Канадой и Францией. Казахстан экспортирует закись-окись урана в Китай, Японию, Южную Корею, США.

В октябре 2006 г. было подписано российско-казахстанское соглашение о создании совместного предприятия по обогащению казахстанского урана в рамках открываемого Международного центра по обогащению урана в Ангарске. В 2007 г. начались поставки казахстанского урана в Россию.

Разведанные запасы урана в Узбекистане составляют от 55 до 80 тыс. т, прогнозные запасы оцениваются в 230 тыс. т. Страна находится на седьмом месте в мире по запасам урана и на пятом — по его добыче. Добычу урана осуществляет государственный Навоийский горно-металлургический комбинат (НГМК). В 2007 г. было произведено 2,27 тыс. т урана, к 2012 г. НГМК планирует увеличить добычу в 1,5 раза.

С 1992 г. единственным импортером узбекского урана была американская компания «Нукем», и уран поставлялся в США. В 2006 г. монопольное положение «Нукем» было поколеблено: НГМК подписал соглашение об экспорте в Японию в 2007 г. 300 т закиси-оксида урана. Контракт заключен на пять лет, годовой объем поставок и цены предполагалось пересматривать ежегодно. Кроме того, было подписано соглашение об экспорте урана в Южную Корею в 2010–2014 гг. в объеме 300 т в год. Планы создания совместного предприятия по разведке и добыче урана с Россией остались нереализованными.

За годы независимости обмен энергоресурсами между странами Центральной Азии сократился. Казахстан поставляет уголь и газ в Киргизию. Узбекистан заменил Туркменистан в качестве основного поставщика природного газа странам региона. От поставок узбекского газа зависят Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Страны-потребители периодически обвиняют Ташкент в использовании газового экспорта для оказания политического и экономического давления.

В Ферганской долине между Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном осуществляются взаимные перебросы электроэнергии. Казахстан импортирует электроэнергию из России, Киргизии и Узбекистана и одновременно экспортирует ее в Россию и приграничные области Узбекистана (являясь с 2002 г. нетто-экспортером электроэнергии).

Страны Центральной Азии наращивают экспорт электроэнергии южным соседям. Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан поставляют электроэнергию в Афганистан, Туркменистан — в Турцию и Иран. В 2003 г. начался экспорт электроэнергии из Таджикистана и Киргизии в Россию.

«Трубопроводная дипломатия»

В 1990-х годах Казахстан экспортировал основной объем нефти по нефтепроводу «Атырау — Самара», пропускная способность которого после его реконструкции в 2001 г. составляла 15 млн т в год. В 2001 г. был введен в эксплуатацию нефтепровод «Тенгиз — Новороссийск», построенный Каспийским трубопроводным консорциумом (КТК), акционерами которого являлись правительства России, Казахстана и Омана и ряд транснациональных нефтяных компаний.

Состав акционеров КТК менялся. В настоящее время в Каспийском трубопроводном консорциуме 31% акций принадлежит Российской Федерации (в управлении компании «Транснефть»), 20,75% — Казахстану (19% — у национальной компании «КазМунайГаз» и 1,75% — принадлежащей «КазМунайГазу» компании «Казахстан пайплайн вентшез»), 15% и 7,5% — соответственно американским компаниям «Шеврон» и «Мобил»; 12,5% — корпорации «ЛукАрко» (принадлежащей российскому «Лукойлу»), 7,5% — компании «Роснефть — Шелл» (Россия — Нидерланды), 2% — «Эни» (Италия), 2% — «Бритиш Гэс» (Великобритания), 1,75% американской компании «Орикс» (США). В 2008 г. правительство Омана продало свою долю России.

К этой ветке были присоединены новые: «Карачаганак — Атырау» и «Кенкияк — Атырау».

Было запланировано увеличение пропускной способности нефтепровода «Тенгиз — Новороссийск» с 32 до 67 млн т в год. Но в 1999 г. Турция, ссылаясь на соображения экологической безопасности, ввела ограничения на проход танкеров через Черноморские проливы. Это решение отчасти лишало смысла проект увеличения прокачки нефти через российскую часть Черноморского побережья.

Возникшее препятствие предполагается преодолеть за счет сооружения при участии России нового нефтепровода «Бургас — Александруполис» от Болгарии до Греции. Имеется в виду, что Казахстан продолжит доставлять свою нефть в Новороссийск, а далее она будет направляться не через Проливы, а в порт Бургас. Этим путем можно будет поставлять на европейские рынки до 17 млн т нефти в год.

Администрация США приложила много усилий, чтобы добиться присоединения Казахстана к нефтепроводу «Баку — Джейхан» от Азербайджана через территорию Грузии в Турцию. Он был сооружен в 2005 г. без участия России и нацелен на ликвидацию ее монополии на транс-

портировку каспийской нефти в западном направлении. Российские компании противодействовали реализации этого проекта, опираясь в ряде случаев на поддержку правительства. Руководство Казахстана оказывало политическую поддержку проекту и согласилось использовать этот маршрут, поставляя нефть танкерами по Каспийскому морю до Баку.

В то же время в Астане настороженно восприняли предложение об участии в сооружения технически сложной и дорогостоящей транскаспийской ветки «Актау—Баку» от Казахстана до Азербайджана по дну Каспийского моря. Этот проект, тем не менее, продолжает лоббировать Вашингтон. Казахстанское руководство не отказывается от этой идеи в принципе, потому что в случае существенного роста добычи нефти в Казахстане трубопровод на Новороссийск может оказаться недостаточным для прокачки дополнительных объемов сырья.

Со второй половины 1990-х годов интерес к энергоресурсам Центральной Азии, прежде всего казахстанской нефти, проявляет Китай. Более половины китайского нефтяного импорта обеспечивается за счет импорта с Ближнего Востока, и Пекин стремится расширить круг источников поставок. КНР инвестирует в нефтегазодобычу во многих странах мира. С точки зрения надежности поставок казахстанская нефть считается в Пекине привлекательной, поскольку ее можно доставлять в КНР по суше. Это может оказаться дороже, но снизит зависимость Китая от морских перевозок.

В 1997 г. Китайская национальная нефтяная компания (КННК) приобрела казахстанские компании «Актобемунайгаз» и «Узеньмунайгаз», а в 2003 г. — месторождение Северные Бузачи. В 2005 г. под китайский контроль перешла компания «ПетроКазахстан», владеющая Кумкольским месторождением. Вслед за тем в 2006 г. Китайская государственная инвестиционная корпорация «CITIC Group» приобрела месторождение Каражанбас на западе Казахстана.

В апреле 2009 г. КННК приобрела 50% акций казахстанской компании «Мангистаумунайгаз», добывающей около 5 млн т нефти в год на 15 месторождениях. Одновременно Китай предоставил Казахстану, столкнувшемуся с финансовыми трудностями, беспрецедентный кредит в сумме 10 млрд долл., из которых 5 млрд предназначалось национальной нефтяной компании «КазМунайГаз», а 5 млрд — Банку развития Казахстана. Условия соглашений стороны не разглашали.

Попытка Китая приобрести в 2003 г. 16% акций в Кашаганском консорциуме, разрабатывающем крупнейшее месторождение на каспийском шельфе Казахстана, была сорвана американской компанией «Эксон Мобил», которая смогла перехватить контракт.

В 2005 г. было завершено строительство нефтепровода «Атасу—Алашанькоу» от Казахстана до китайской границы с пропускной способностью в 10 млн т. В октябре 2009 г. вступила в строй вторая очередь казахстанско-китайского нефтепровода — Кенкияк—Кумколь. Его пропускную способность предполагают довести до 20 млн т. Нефтепровод, правда, работает не в полную мощность. Он частично использовался для поставок в Китай ограниченных объемов российской нефти, однако в декабре 2009 г. китайская сторона отклонила предложение российской компании «ТНК-ВР» продолжить эту практику. Важно заметить, что этот нефтепровод не проходит по российской территории и *является первым независимым от России каналом экспорта нефти из Казахстана.*

В начале 2000-х годов Казахстан и Туркменистан наладили экспорт нефти через Иран методом «замещения». Нефть танкерами доставляется в иранские порты на Каспии и идет на внутреннее потребление в Северном Иране. За это иранские компании отгружают эквивалентное количество нефти со своих месторождений на побережье Персидского залива тем потребителям, которые заключили соответствующие контракты с Казахстаном и Туркменистаном.

В 2003 г. Иран завершил строительство нефтепровода от каспийского порта Нека до Тегерана, что открыло дополнительную возможность для экспорта центральноазиатской нефти через Иран. Однако проекты такого плана относятся к числу «политически рискованных». Соединенные Штаты против участия Ирана в любых схемах вывоза нефти из Центральной Азии. Американским компаниям в Казахстане и Туркменистане запрещено сотрудничать с иранскими корпорациями.

Экспорт газа из Центральной Азии (туркменского, узбекского и казахского) поступает в западном направлении по старым советским трубопроводным системам «Средняя Азия—Центр» и «Бухара—Урал». При этом Узбекистан и Казахстан оказываются для Туркменистана при экспорте газа транзитными странами (при прокачке через западную ветку системы «Средняя Азия—Центр» транзит осуществляется только через Казахстан). Хотя пропускная способность газопроводов выросла, Туркменистан может реализовать свой экспортный потенциал не полностью: Узбекистан и Казахстан заинтересованы в экспорте собственного газа, а не в прокачке туркменского. Для преодоления трудностей в мае 2007 г. президенты Казахстана, Туркменистана и России договорились о сооружении Прикаспийского газопровода пропускной способностью в 30 млрд м³ в год.

В 2008 г. Москва и Ашхабад достигли предварительной договоренности о строительстве «Газпромом» в Туркменистане газопровода «Восток — Запад», который должен связать крупнейшее месторождение Йолотан с будущим Прикаспийским газопроводом. Однако Туркмени-

стан потребовал исключить из проекта соглашения пункт, предусматривающий его увязку с прикаспийским маршрутом. Кроме того, Ашхабад стал настаивать на финансировании строительства полностью российской стороной. Договориться не удалось, и строительство Прикаспийского газопровода не началось в установленные сроки. Туркменистан уклоняется от обязательства экспортировать через прикаспийский маршрут ресурсы Йолотанского месторождения.

В 1997 г. газопровод «Корпедже—Курт-Кюи» соединил Туркменистан и Иран. Его пропускная способность невелика (14 млрд м³ в год), и он не решает проблемы диверсификации экспорта туркменского газа. Разрабатывается проект поставок через иранскую территорию туркменского газа в Армению. Однако Иран сам является экспортером газа и в этом смысле может конкурировать с Туркменией за рынки закавказских государств.

В конце 1990-х годов администрация США поддерживала проект сооружения газопровода, по которому туркменский газ по дну Каспийского моря и через территории Азербайджана и Грузии должен был поступать в Турцию. В ноябре 1999 г. главы заинтересованных государств подписали декларацию о принципах реализации этого проекта. Однако далее начались сложности. Российские, иранские и азербайджанские компании не были заинтересованы в появлении Туркмении на турецком рынке газа. Баку и Ашхабад не могли договориться по вопросу о принадлежности каспийского газового месторождения Сердар (Кяпаз). Не было согласия и в распределении квот экспорта через будущий газопровод. Тем не менее проект не снят с обсуждения. «Газовые войны» между Россией и Украиной в 2006–2007 и 2008–2009 гг. стимулировали рост интереса ЕС к лоббированию этого проекта.

Со второй половины 1990-х годов рассматривался проект строительства газопровода из Туркменистана в Пакистан через Афганистан («Довлетабад—Кандагар—Мултан»). Проект пользовался поддержкой США и Саудовской Аравии. В 1997 г. для строительства газопровода был создан консорциум во главе с американской компанией «Юнокал». Принятие Вашингтоном санкций против движения «Талибан» и трудности с поиском инвесторов заставили «Юнокал» отказаться от проекта.

После отстранения талибов от власти проект, поддерживаемый новым афганским правительством, Пакистаном, США и Азиатским банком развития, стал обсуждаться вновь. Предполагается, что трасса газопровода пройдет до индийского города Фазилка, а к сторонам, участвующим в проекте, присоединилась Индия. Но очередное обострение ситуации в Афганистане не позволило приступить к реализации этих планов.

В апреле 2006 г. Туркменистан подписал соглашение с Китаем об экспорте природного газа в объеме 30 млрд м³ в год с 2009 г. Соглашением предусматривалось строительство газопровода от амударьинских месторождений Туркменистана до Шанхая, причем Китай обязался самостоятельно провести консультации о строительстве газопровода с транзитными странами (Узбекистаном и Казахстаном)

В 2006 г. Китай также подписал соглашение о закупке с 2009 г. 30 млрд м³ газа в год у Казахстана. В связи с этим возникла идея строительства газопровода параллельно нефтепроводу «Атасу—Алашанькоу». В июле 2007 г. КННК получила лицензию на разработку газового месторождения Саманделе на правом берегу Амударьи. В декабре 2009 г. была введена в строй первая очередь газопровода Туркменистан—Узбекистан—Казахстан—Китай с пропускной способностью 13 млрд м³ в год. К 2012 г. его пропускная способность должна быть расширена до 40 млрд м³ в год. Предполагается, что с увеличением газодобычи в Казахстане по этому газопроводу будет осуществляться и экспорт в Китай.

С центральноазиатскими экспортерами газа работает «Газпром». Концерн начал реконструкцию газопровода «Средняя Азия—Центр», которая позволит довести его пропускную способность с 45 до 90 млрд м³ в год. В 2002 г. было создано российско-казахстанское предприятие «КазРосГаз», осуществляющее экспорт в Россию казахстанского газа, который после переработки частично возвращается в Казахстан, а частично реэкспортируется. В октябре 2006 г. Россия и Казахстан достигли соглашения о создании на базе Оренбургского газоперерабатывающего завода совместного предприятия по переработке казахстанского газа. Весь казахстанский газ, поставляемый на экспорт, приобретает Россия.

В 2002 г. было подписано соглашение «Газпрома» и «Узбекнефтегаза», предусматривающее покупку узбекского газа в 2003—2012 гг. в объеме до 10 млрд м³ в год. На самом деле российская сторона закупает около 14 млрд м³ узбекского газа.

В апреле 2003 г. Россия и Туркменистан подписали сроком на 25 лет рамочное межправительственное соглашение о сотрудничестве в газовой отрасли, предусматривавшее увеличение объемов экспорта туркменского газа в Россию с 5—6 млрд м³ в 2004 г. до 60—70 млрд м³ в 2007 г. и 70—80 млрд м³ в год в 2009—2028 гг. В 2006—2008 гг. российский концерн приобретал у Туркменистана 41—42 млрд м³ газа в год. При этом средняя цена поставок возросла с 65 до 140 долл. за тыс. м³. «Газпром» реэкспортирует приобретаемый у Туркменистана газ — преимущественно на Украину.

Контракт на 2009 г. предусматривал покупку 50 млрд м³, а цена, привязанная к среднеевропейской, составила в первом квартале 375,5 долл.

за тыс. м³. Однако сложившаяся модель взаимодействия «Газпрома» и Туркменистана не выдержала испытания экономическим кризисом 2008—2009 гг. При снижении в 2009 г. объемов газа, приобретаемого Украиной, и падении спроса со стороны других европейских потребителей условия реэкспорта туркменского газа оказались для «Газпрома» убыточными.

В апреле 2009 г. на газопроводе Довлетабад—Дариялык, входящем в систему «Средняя Азия—Центр», произошел взрыв, причиной которого, по версии туркменской стороны, стал спад давления в трубе, вызванный резким сокращением объема газа, отбираемого «Газпромом». Министерство иностранных дел Туркменистана заявило, что «Газпром» действовал без согласования с Ашхабадом, и обвинило российскую сторону в нарушении контракта. Представители «Газпрома» утверждали, что они извещали Туркменистан о предстоящем снижении объемов закупок в связи с сокращением спроса на Украине.

Проблема, казавшаяся сугубо технической, обнажила противоречия российско-туркменского сотрудничества. Комментаторы связывали ситуацию с попыткой «Газпрома» оказать давление на Туркмению, чтобы та отказалась от идеи развивать проекты экспорта газа не только через российские газопроводы. Российский концерн отказывался увеличивать объем закупок, ожидая, что туркменская сторона либо снизит цену на свой газ, либо согласится сократить объем поставок. Из-за кризиса в странах ЕС спрос и цены на газ упали. В такой ситуации прибыли «Газпрома» от реэкспорта туркменского газа на Украину и в Евросоюз уменьшились, и концерн пытался уменьшить свои потери. Но Ашхабад проявил твердость и отклонил все его предложения. Тогда «Газпром» вообще исключил в своем бюджете на 2009 г. расходы на приобретение туркменского газа. Только в конце 2009 г. была достигнута договоренность о возобновлении его поставок в Россию в 2010 г.

Международно-политические параметры наркоторговли

Гражданские войны в Афганистане не позволили своевременно провести продуманное реформирование архаичного экономического уклада страны. Традиционное сельское хозяйство в афганских оазисах никогда не давало высоких прибылей, но оно позволяло удовлетворять потребности населения. Войны спровоцировали «локальную милитаризацию» страны в том смысле, что полевые командиры, реально удерживавшие власть на местах, нуждались в постоянном притоке оружия. Для оплаты его ввоза требовались средства, получить которые обычным путем племенные вожди и командиры не могли. Стремясь добыть деньги, они стали поощрять производство наркотиков.

В Афганистане сформировалась наркоэкономика. В нее оказалась прямо (выращивание опиумного мака и его переработка) или косвенно (обеспечение наркотрафика) вовлечена половина населения страны. К началу 2000-х годов около 75% героина в мире производилось из опиума, выращенного в Афганистане.

Руководство движения «Талибан» формально осуждало наркоторговлю как противоречащую нормам ислама. Правда, сначала оно благосклонно относилось к расширению посевов опиумного мака и даже облагало этот вид деятельности налогом. Но в 2000 г. талибы запретили возделывать мак, что несколько ограничило его производство. После свержения талибов производство опиума вновь выросло.

По сведениям таджикских властей, в Афганистане вблизи от таджикской границы действует сеть лабораторий по производству героина. Более половины объема афганских наркотиков вывозится через Иран и Пакистан и около половины — через страны Центральной Азии. Однако Иран применяет крайне жесткие меры борьбы с контрабандой и потреблением наркотиков, чего не делают центральноазиатские страны. В итоге большая часть наркотрафика проходит через них. При этом почти половина его приходится на Туркменистан, границы которого с Афганистаном по-прежнему открыты. Контрабанда наркотиков ведется и через территории Таджикистана и Узбекистана — в основном по направлению Хорог—Ош. Далее наркотики попадают в Киргизию и Казахстан, Россию и страны ЕС.

Страны Центральной Азии, оказавшись на пути контрабанды наркотиков, столкнулись с ростом наркомании, преступности, коррупции в органах таможенного и пограничного контроля, правоохранительных институтах и аппарате государственной власти.

По оценкам ООН, число наркоманов в Казахстане составляло 165–186 тыс. человек, в Киргизии — 80–100 тыс., в Таджикистане — 45–55 тыс., в Узбекистане — 65–91 тыс. человек. Около 5 тыс. наркоманов имеется в Туркменистане. По оценкам СМИ, в странах региона около половины таможенных служащих в той или иной степени причастны к наркоторговле. Пункты досмотра и контроля на границах и транспортных магистралях оказываются малоэффективным заслоном на пути наркотиков.

Афганское правительство и войска НАТО в Афганистане фактически не предпринимают мер по борьбе с производством наркотиков. Руководство стран, войска которых введены в Афганистан, вынуждено безмолвно признавать свою неспособность искоренить наркопроизводство.

Все страны Центральной Азии присоединились к Конвенциям ООН о наркотиках, психотропных веществах и незаконном обороте наркотиков. Помимо того, Казахстан, Узбекистан и Киргизия в 1996 г. отдельно подписали аналогичное соглашение. Но на деле и многостороннее, и двустороннее сотрудничество развивается с трудом. Туркменистан вообще не проявляет интереса к нему.

При ОДКБ действует координационный совет по противодействию незаконному обороту наркотиков. С 2003 г. проводятся операции «Канал» по выявлению и блокированию маршрутов их транспортировки. В июне 2004 г. соответствующее соглашение было заключено и в рамках ШОС.

По линии ООН с мая 1996 г. действует меморандум о сотрудничестве в борьбе с наркотрафиком, который подписали Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия и Туркменистан. На его основе принята региональная программа сотрудничества. ООН реализовала ряд проектов по выявлению масштабов культивирования опиумного мака и конопли в Казахстане, Киргизии и Таджикистане.

Сотрудничество под эгидой ООН осуществляется между правоохранительными органами Киргизии, Узбекистана и Таджикистана. Предпринимаются попытки усиления охраны туркмено-афганской, туркмено-иранской и таджикско-афганской границ.

Европейский Союз реализует в регионе с 2001 г. программу по борьбе с наркотиками, а с 2003 г. — программу содействия управлению границами. США оказывают правоохранительным органам центральноазиатских стран помощь в борьбе с наркотрафиком на двусторонней основе.

Основная причина неудач борьбы с наркоторговлей — слабая защищенность границ между Афганистаном и его соседями. Относительно надежно защищена только узбекско-афганская граница по Амударье. Но наркотики проникают в Узбекистан через Таджикистан. Узбекские власти, пытаясь пресечь незаконное перемещение людей и грузов через государственные границы, в конце 1990-х годов даже заминировали ряд участков своей границы с Таджикистаном и Киргизией. Блокировать проникновение наркотиков таким образом не удалось, а соседние страны были крайне раздражены мерами Узбекистана.

Полностью «прозрачная» российско-казахстанская граница является основным путем поступления наркотиков в Россию. По данным МВД РФ, 93% марихуаны, 85% гашиша и 78% опия поступают в Россию через Казахстан.

Афганские наркотики ввозятся на территорию центральноазиатских стран и через Синьцзян. Около 20% героина, поступающего этим путем, производится на афганской территории. СУАР занимает второе

место в КНР по уровню потребления наркотиков (уступая провинции Юньнань). Наркобизнес в странах Центральной Азии тесно связан с экстремистскими организациями, прежде всего Исламским движением Узбекистана (ИДУ), которое контролировало в конце 1990-х годов до 70% центральноазиатской наркоторговли. Вторжения отрядов ИДУ в Киргизию и Узбекистан в 1999–2000 гг., роль наркобизнеса в свержении власти в Киргизии и мятеже в узбекской части Ферганы в 2005 г. показали, что наркобизнес имеет политические амбиции. Он стремится контролировать государственную власть или существенно влиять на нее. Преступные сообщества, занятые транспортировкой и сбытом наркотиков, стали угрозой внутренней безопасности стран Центральной Азии и стабильности всей региональной подсистемы.

Наркоторговля стимулирует контрабанду оружия, радиоактивных материалов, нелегальную миграцию. По экспертным оценкам, в Афганистане имеется в личном пользовании жителей 10 млн единиц огнестрельного оружия. Со времен гражданской войны большое количество оружия осталось у жителей Таджикистана. Нет оснований пока говорить о том, что Центральная Азия стала коридором масштабной контрабанды оружия. Но, по данным МАГАТЭ, с конца 1990-х годов фиксируются попытки нелегального провоза через границы центральноазиатских стран урана, плутония и тория.

Кризис проекта «демократизации Афганистана» и новое обострение ситуации в Южном Туркестане

К началу 2009 г. стало очевидно, что проамериканское правительство Х. Карзая в Кабуле не пользуется поддержкой сограждан. Летом 2009 г. в Афганистане состоялись президентские выборы. Президент был переизбран, но большинство афганцев не признало его победу законной. Президент утратил политическую поддержку внутри страны. Его полная зависимость от США и бездействие в вопросах улучшения жизни афганцев вызвали разочарование всех слоев. Президент не пользовался авторитетом у племенных вождей, полевых командиров, духовенства и простых граждан. Его власть по-прежнему не выходила за пределы столицы и зон, непосредственно подконтрольных командованию стран НАТО.

При этом талибы, укрывшиеся на время в Пакистане, успели оправиться от поражения 2001 г. Их популярность среди населения снова возросла. Пренебрежительно относящиеся к Х. Карзаю руководители провинций стали вступать в союз с талибами. В итоге те вернули себе контроль над 70% афганской территории.

В рядах стран НАТО, направивших войска в Афганистан, не было единства. Великобритания считала возможным продолжать военные действия против талибов и была согласна увеличить свой воинский контингент. В отличие от нее Германия, разместившая свои силы в зоне контроля Северного Альянса как наиболее безопасной, высказывала сомнения по поводу перспектив новой войны с талибами.

Ключевое значение приобрел вопрос о курсе Соединенных Штатов в афганском вопросе. В январе 2009 г. в США приступила к исполнению обязанностей администрация президента Барака Обамы, представляющего демократическую партию. Новый президент намеревался внести изменения в политику США на Среднем Востоке, выступая за диалог с Ираном. Но в вопросах афганской политики он склонился в пользу усиления давления на талибов. В течение 2009 г. американский воинский контингент на афганской земле был увеличен с 47 до 68 тыс. человек. В ноябре 2009 г. Б. Обама заявил о направлении в Афганистан дополнительно 30 тыс. военнослужащих, пообещав приступить с июля 2011 г. к сокращению их численности.

* * *

Десятилетие 2000-х годов было важным этапом созревания подсистемы международных отношений в Центральной Азии. Ключевую роль в ее формировании стали играть малые и средние страны, в целом успешно прошедшие первые десятилетия испытания независимостью. В регионе не было большой войны, а конфликты на его южной периферии не перекинулись на территории центральноазиатских государств. Великие державы довольно осмотрительно строят отношения с малыми странами, конкурируя друг с другом, но избегая обострения соперничества и не втягивая в него малые и средние государства. Запасы энергетического сырья и ресурсы стратегического пространства — главные факторы, которые определяют интерес внешних держав к центральноазиатским странам.

Насущной проблемой региона остается отработка подходящей модели его экономического, социального и политического реформирования с целью обеспечения благосостояния и безопасной жизни местных народов. Решить эти задачи полностью самостоятельно им не удастся. Тем важнее поиск форм и условий международного сотрудничества, в рамках которого удалось бы совместить интересы более мощных и менее крупных стран.

Литература

- Азовский И. П.* Центральная Азия: проблемы и перспективы. М.: МОНФ, 1999.
- Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып. 1 / Под ред. А. А. Князева. Бишкек: Илим, 2004.
- Богатуров А. Д.* Центральная Азия в современной международной политике // Восток. 2005. № 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.obraforum.ru>.
- Жуков С. В., Резникова О. Б.* Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М.: МОНФ, 2001.
- Звягельская И. Д.* Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2009.
- Звягельская И. Д., Наумкин В. В.* Угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного» ряда (Центральная Азия) // Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М.: МГИМО (У); РОССПЭН, 2002.
- Князев А. А.* К истории и современному состоянию производства наркотиков в Афганистане и их распространения в Центральной Азии. Бишкек: Илим, 2004.
- Коргун В. Г.* Что после Карзая? // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 1 (19). Январь—апрель.
- Кузьмина Е. М.* Геополитика Центральной Азии. М.: Наука, 2007.
- Лузянин С. Г.* Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004—2008 гг.). М.: АСТ; Восток—Запад, 2007.
- Наркоторговля через российско-казахстанскую границу. Вызов и проблема противодействия // Рабочий доклад Центра региональных и трансграничных исследований ВолГУ. № 1 / Под ред. С. В. Голунова. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2004.
- Нефтегазовые ресурсы Казахстана в системе мировых и региональных отношений / Отв. ред. М. С. Ашимбаев. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2002.
- Олкотт М. Б.* Второй шанс Центральной Азии. М.: Московский центр Карнеги, 2005.
- Перспективы Центральной Азии как транзитного моста между Европой и Китаем: Материалы международной конференции (26 апреля 2005 г.). Алматы: КИСИ при Президенте Республики Казахстан, 2005. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kisi.kz/img/docs/502.pdf>.
- Прозрачные границы. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л. Б. Вардомского и С. В. Голунова. М.; Волгоград: НОФМО, 2002.
- Сыроежкин К. Л.* Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы: Дайк-Пресс, 2003.
- Сыроежкин К. Л.* Новое путешествие на Запад // Континент. 2005. № 4. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.continent.kz/2005/04/10.htm>.
- Сыроежкин К. Л.* Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2006.
- Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве / Под ред. Л. Л. Рыбаковского. М.: Academia, 2009.
- Троицкий Е. Ф.* Политика США в Центральной Азии (1992—2004 гг.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005.

- Шайхутдинов М. Е.* Геополитика, глобалистика и теория национальной безопасности: Методологические и прикладные аспекты. Павлодар: ЭКО, 2005.
- Южный фланг СНГ. Центральная Азия — Каспий — Кавказ: Возможности и вызовы для России / Под ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. М.: МГИМО (У) МИД России; АНО «ИНО-Центр»; Логос, 2003.
- China's Campaign to «Open Up the West»: National, Provincial and Local Perspectives / Ed. by David S. G. Goodman. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Cornell S.* The Narcotics Threat in Greater Central Asia: From Crime — Terror nexus to State Infiltration? // China and Eurasia Forum Quarterly. 2006. No 1.
- Energy, Wealth and Governance in the Caucasus and Central Asia. Lessons not Learned / Ed. by R. Auty and I. De Soysa. L.; N.Y.: Routledge, 2006.
- International Alert. Security and Peacebuilding Programme. Monitoring the Implementation of Small Arms Control. Small Arms Control in Central Asia. 2004. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://smallarmssurvey.org/files/portal/spotlight/country/en-pdf/europe-kirg-tajik-kazakh-2004.pdf>.
- Macfarlane S. Neil, Torjesen S.* Kyrgyzstan: A Small Arms Anomaly in Central Asia? // Small Arms Survey Occasional Paper. No 12. Geneva: Graduate Institute of International Studies, 2004.
- Osmonaliev K.* Developing Counter-Narcotics Policy in Central Asia. Legal and Political Dimensions. Wash., D. C.; Uppsala: Silk Road Studies Program and Central Asia — Caucasus Institute, 2005.
- Starr S. F., Fuller G.* The Xinjiang Problem. Wash., D. C.: Central Asia — Caucasus Institute, 2003.
- “Go West” campaign demands long-term, consistent devotion // Zhenming Zhibao. 17 January, 2005. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://english.people.com.cn/200501/17/eng20050117_170916.html/
- UN Office on Drugs and Crime. Central Asia. Strategic Programme Framework, 2004–2007. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.unodc.org/pdf/uzbekistan/SPF_Central_Asia_2004_2007.pdf.

Заключение

Два десятилетия после распада Советского Союза в Центральной Азии идет процесс формирования новой международно-политической подсистемы. Формально ее рубежи принято проводить по государственным границам местных стран. С аналитической точки зрения — большие части территорий Китая и Афганистана фактически развиваются с ними в едином международно-политическом ритме. Это создает много проблем для безопасности, экономического развития государств региона и гуманитарных интересов его жителей.

К началу 2010-х годов стало заметно возвышение роли центральных материковых районов Евразии в «большой» международной политике. Активная политика США и ряда близких Вашингтону партнеров по НАТО на Среднем Востоке, формирование «западного», то есть ориентирован-

ного на Центральную Азию, вектора политики Китая, фактор ядерного оружия Пакистана, рост значения энергетических составляющих региональных отношений — все это стало способствовать формированию обширного геополитического региона *Центрально-Восточной Азии*, ядром которого является Центральная Азия в узком смысле слова, а периферией — тихоокеанское побережье стран Дальнего Востока и ЮВА.

В региональной политике мощно проявляет себя *этнополитическая и военно-стратегическая связка Афганистан—Пакистан—Таджикистан—Узбекистан*. Проблемы безопасности объединяют эти страны в конфликтный узел, части которого невозможно развязать по отдельности.

Взаимопроникающее расселение таджиков и узбеков в сопредельных районах Узбекистана и Таджикистана определяет вовлеченность первого в дела второго. Сложные отношения между правительством Таджикистана и отдельными региональными кланами этой страны с таджикскими общинами в Афганистане, вовлеченными в борьбу за власть в Кабуле, формируют «единое таджико-афганское политико-военное пространство». Безопасность Таджикистана зависит от соотношения сил между афганскими таджиками на севере и пуштунами на юге и востоке.

В меньшей мере сходная взаимозависимость существует между Афганистаном и Узбекистаном, поскольку общины афганских узбеков связаны с Узбекистаном и играют, подобно афганским таджикам, заметную роль в соотношении внутриафганских сил.

Афганистан — тоже не изолированный игрок. Проблема «Большого Пуштунистана» связывает его с Пакистаном. «Пакистанские пуштуны» вовлечены в афганские дела и не проявляют лояльности по отношению к правительству Пакистана. Соответственно, Исламабад не безразличен к борьбе между пуштунскими, таджикскими и узбекскими группировками в Кабуле. Пакистано-афгано-таджико-узбекская «связка» оказывается геополитическим стержнем-шарниром, вокруг которого вращаются сюжеты, связанные с конфликтами в этой части мира.

Важным стимулом формирования региональной подсистемы было укрупнение западного и северо-западного векторов внешней политики и политики обеспечения национальной безопасности Китая. После распада СССР безопасность КНР приобрела еще одно материковое измерение, которое неотделимо от безопасности прибрежно-островного Китая. Территория КНР является скрепляющим стержнем единого пространства безопасности от тихоокеанского побережья до Центральной Азии. Появление угрозы исламского экстремизма и наркотрафика, возрастание интереса Пекина к энергетическим ресурсам малых и средних стран региона придали западному направлению китайской политики значение, выходящее за пределы узкой региональной политики, ориен-

тированной просто на соседние не очень сильные страны. Китайская дипломатия развернула программу развития сотрудничества на основе ШОС.

Важным аспектом региональной ситуации стало появление в 2001 г. военного присутствия США в регионе. Американские базы «вышли в стратегический тыл КНР», который китайская дипломатия стремилась сделать зоной, свободной от американского присутствия. Регион открылся для международной конкуренции подобно Ближнему Востоку, Юго-Восточной Азии или Балканам. Военно-политические интересы США в тихоокеанской части Евразии, союзы с Японией и Южной Кореей и «особые» связи с Тайванем создали связку между целями Вашингтона в отношении Китая и интересами США в Центральной Азии.

Происходит «азиатизация» НАТО за счет появления неформальных зон ответственности этой организации за пределами евроатлантического мира. У альянса появилось «центральноазиатское измерение» — присутствие США, Германии, Турции, Британии в Афганистане и американские военные базы в Киргизии. Россия теперь располагается не у крайнего восточного уступа НАТО. Она «нависает» над альянсом с севера — поскольку зона его *фактической* ответственности дошла до границ Китая и Пакистана, опоясав Россию с юго-запада и юга.

Российская Федерация уделяет больше внимания вопросам экономического сотрудничества и безопасности в Восточной Евразии. Энергоносные месторождения Восточной Сибири становятся главным резервом национального развития России. Серьезней выглядит перспектива экспорта российской нефти и газа в Китай и Японию. Страны Центральной Азии в этом смысле прикрывают «мягкое подбрюшье» сибирских регионов России, что определяет их важнейшее место в системе интересов экономической и военной безопасности Российской Федерации.

ЧАСТЬ II

ДОКУМЕНТЫ

Раздел 1

ИСТОРИЯ

1 Мирный договор между Россией и Персией («Гюлистанский мирный договор»)¹

Гюлистан, 24 октября (5 ноября) 1813 г.

Статья 1.

Вражда и несогласия, существовавшие доселе между Российской Империею и Персидским Государством, прекращаются отныне впредь сим трактатом, и да будет вечный мир, дружба и доброе согласие между [...] Высокими Державами.

Статья 2.

[...] границею между Империею Всероссийскою и Персидским Государством, от сего времени впредь, да будет следующая черта: начиная от урочища Одина-Базара прямою чертою чрез Муганскую степь до Едибулукского брода на реке Аракс, оттоль вверх по Араксу до впадения в оную речки Капанакчая, далее же правою стороною речки Капанакчая до хребта Мигринских гор и оттуда продолжая черту межами Ханств: Карабагского и Нахичеванского хребтом Алазерских гор до урочища Даралагеза, где соединяются межи Ханств: Карабагского, Нахичеванс-

¹ Большая часть документов приводится в извлечении. — *Прим. ред.*

кого, Ереванского и части Елисаветпольского округа (бывшего Ганжинского Ханства), потом, от сего места межею, отделяющею Ереванское Ханство от земель Елисаветпольской округи, так же Шамшадильской и Казахской до урочища Эшок-Мейдана; и от оногo хребтом гор по течению правой стороны речки и дороги Гимзачимана по хребту уже Бамбакских гор до угла межи Шурагельской; от сего же угла до верху снеговой горы Алагеза, а отсель, по хребту гор межею Шурагельскою, между Мастарасом и Артиком до речки Арпачая. [...]

Статья 3.

Его Шахское Величество, в доказательство искренней приязни Своей к Его Величеству Императору Всероссийскому, сим торжественно признает [...] принадлежащими в собственность Российской Империи Ханствы: Карабагское и Ганжинское, обращенное ныне в провинцию под названием Елисаветпольской; так же Ханствы: Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышшенское с теми землями сего Ханства, кои ныне состоят во власти Российской Империи. При том весь Дагестан, Грузию с Шурагельскою провинциею, Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию, равным образом все владения и земли, находящиеся между постановленную ныне границею и Кавказскою линиею, с прикосновенными к сей последней и к Каспийскому морю землями и народами.

Статья 4.

Его Величество Император Всероссийский [...] обещает тому из сыновей Персидского Шаха, который от него назначен будет Наследником Персидского Государства, оказывать помощь в случае надобности, дабы никакие внешние неприятели не могли мешаться в дела Персидского Государства и дабы, помощью Высочайшего Российского Двора, Персидский Двор был подкрепляем. Впрочем, если по делам Персидского Государства произойдут споры между Шахскими сыновьями, то Российская Империя не войдет в оные до того времени, пока владеющий тогда Шах не будет просить об оной.

Статья 5.

Российским купеческим судам, по прежнему обычаю предоставляется право плавать у берегов Каспийского моря и приставать к оным; при чем со стороны Персиян должна быть подаваема дружественная помощь во время кораблекрушения. Сие же самое право предоставляется и Персидским купеческим судам [...]. В рассуждении же военных судов: [...] кроме Российской Державы, никакая другая держава не может иметь на Каспийском море военного флага.

Статья 6.

Всех пленных обеих сторон, взятых в сражении, или обывателей, захваченных в плен Христиан и других законов, следует отпустить сроком в три месяца после заключения и подписания Трактата, снабдив с каждой стороны продовольствием и дорожными издержками до Караклиса [...].

Статья 8.

Что касается до торговых сношений, [...] дозволено будет ездить сухим путем и морем свободно в оба Высокодоговаривающиеся Государства, жить в оных, сколько кто пожелает, и купечество отправлять, также и обратный выезд иметь без всякого задержания. [...]

Купцам Российским подданным, приехавшим в Персию, свободно будет ездить оттуда с товарами и в другие Государства, дружественные с Персией [...], что также взаимно соблюдается будет Российским Правительством в рассуждении Персидских купцов [...].

2 Мирный договор между Россией и Персией («Туркманчайский мирный договор»)

Туркманчай, 10 (22) февраля 1828 г.

[...] Статья 1.

Отныне на вечные времена пребудет мир, дружба и совершенное согласие между Е.В. Императором Всероссийским и Е. В. Шахом Персидским, их наследниками и преемниками престолов, их державами и обоюдными подданными.

Статья 2.

Е. В. Император Всероссийский и Е. В. Падишах Персидский [...] признали нужным заменить означенный Голистанский трактат настоящими условиями и постановлениями [...]

Статья 3.

Е. В. Шах Персидский от своего имени и от имени своих наследников и преемников уступает Российской империи в совершенную собственность ханство Эриванское по сию и по ту сторону Аракса и ханство Нахичеванское. [...]

Статья 4.

С согласия обеих Высоких договаривающихся сторон постановляется границею между обоими государствами следующая черта: начиная с той точки от границы оттоманских владений, которая всех ближе в прямом направлении отстоит от вершины Малого Арарата, граничная черта пойдет до вершины сей горы; оттуда по покатости ее сойдет к верховью реки Нижнего Карасу, вытекающей с южной стороны Малого Арарата; потом сия граничная черта продолжится по течению той реки до впадения оной в Аракс против Шерура; от сего пункта она пойдет по руслу реки Аракса до крепости Аббас-Абада; здесь около внешних укреплений сей крепости, находящихся на правом берегу Аракса, будет обведена окружность шириною в пол-агача, то есть в 3,5 российских версты, во всех направлениях, и пространство земли, содержащееся в сей окружности, сполна будет принадлежать исключительно России и имеет быть отрезано с величайшей точностью в течение двух месяцев, счи-

тая от сего числа. Начиная с того места, где означенная окружность с восточной стороны примкнется к берегу Аракса, пограничная черта пойдет паки по руслу сей реки до Едибулукского брода; оттуда персидское владение будет простираться по руслу реки Аракса на 3 агача, то есть на 21 российскую версту; потом граница пойдет прямо чрез Муганскую степь до реки Болгару к месту, лежащему 3-мя агачами, то есть 21 верстою, ниже соединения двух речек: Одинабазар и Саракамыш. Оттуда граница продолжится по левому берегу реки Болгару вверх до соединения помянутых речек Одинабазар и Саракамыш; потом по правому берегу восточной реки Одинабазар до ее верховья, а отселе до вершины Джикоирских высот, так, что все воды, текущие с сих высот к Каспийскому морю, будут принадлежать России, а все воды, изливающиеся на сторону Персии, будут принадлежать Персии. Поелику же здесь граница между обоими государствами определяется гребнем гор, то положено, что покатость их к морю Каспийскому должна принадлежать России, а противоположная покатость имеет принадлежать Персии. От гребня Джикоирских высот граница пролегает до вершины Камаркуя по горам, отделяющим Талыш от округа Арши. Горные верхи, разделяющие течение вод на обе стороны, будут составлять здесь пограничную черту точно так же, как выше было сказано о пространстве между верховьем Одинабазара и Джикоирскими вершинами. Далее пограничная черта, с непрерывным наблюдением вышеизложенного правила относительно течения вод, будет следовать от Камаркуйской вершины по хребту гор, разделяющих округ Зуванта и округ Арши, до границы округа Велькиджи. Таким образом, округ Зувант, за исключением части, лежащей на противной стороне от вершин помянутых гор, присоединится к России. От границы округа Велькиджи пограничная между обоими государствами черта, в постоянной сообразности с вышеозначенным правилом течения вод, будет следовать по вершинам Клопуты и по главной цепи гор, пролегающих по округу Велькиджи, до северного истока реки Астары, оттуда по руслу сей реки до впадения ее в Каспийское море, где и оканчивается пограничная черта, имеющая отделять российские владения от персидских.

Статья 5.

Е. В. Шах Персидский [...] признает торжественно все земли и все острова, лежащие между пограничною чертою вышеозначенною и между хребтом Кавказских гор и Каспийским морем, как равно и всех кочующих и других народов, в тех странах обитающих, принадлежащими на вечные времена Российской империи.

Статья 6.

Е. В. Шах Персидский, в уважение значительных пожертвований, причиненных Российской Империи возникшею между обоими государствами войною, а также потерь и убытков, потерпенных российскими подданными, обязуется вознаградить оные денежным возмездием. Сум-

му сего вознаграждения обе высокие договаривающиеся стороны постановили в [...] двадцать миллионов рублей серебром; сроки же, образ платежа и обеспечение оного постановлены в особом договоре [...].

Статья 8.

[...] Относительно же военных судов, как издревле одни военные суда под российским военным флагом могли иметь плавание на Каспийском море, то по сей причине предоставляется и подтверждается им и ныне прежнее сие исключительное право с тем, что кроме России никакая другая держава не может иметь на Каспийском море судов военных. [...]

3 Тратат между Россией и Китаем об определении взаимных отношений

Тянь-Цзинь, 1 (13) июня 1858 г.

Статья 1.

Настоящим трактатом подтверждаются мир и дружба, с давних времен существовавшие между Е. В. Императором Всероссийским и Е. В. Богдоханом Дайцинским и их подданными. Личная безопасность и неприкосновенность собственности русских, живущих в Китае, и китайцев, находящихся в России, будут всегда состоять под покровительством и защитой правительств обеих империй.

Статья 2.

Прежнее право России отправлять посланников в Пекин всякий раз, когда Российское правительство признает это нужным, теперь вновь подтверждается. [...]

Статья 3.

Торговля России с Китаем отныне может производиться не только сухим путем в прежних пограничных местах, но и морем. [...]

Статья 4.

В торговле сухопутной впредь не должно быть никаких ограничений относительно числа лиц, в ней участвующих, количества привозимых товаров или употребляемого капитала.

В торговле морской и во всех подробностях ее производства, как то: представлении объявлений о привезенных товарах, уплате якорных денег, пошлин по действующему тарифу и т.п., русские купеческие суда будут сообразоваться с общими постановлениями об иностранной торговле в портах Китая. [...]

Статья 5.

Во все означенные порты Российское правительство имеет право по своему желанию назначать консулов.

Для наблюдения за порядком со стороны русских подданных, пребывающих в открытых портах Китая, и для поддержания власти консулов оно может посылать в них свои военные суда. Порядок сношений между консулами и местными властями, [...] будут производиться на

основании общих правил, принятых китайским правительством в рас-
суждении иностранцев.

Статья 6.

Если бы русское военное или купеческое судно подверглось круше-
нию у берегов Китая, то местные власти обязаны немедленно распоря-
диться о спасении погибающих, имущества, товаров и самого судна. Они
также должны принимать все меры, чтобы спасенные люди, имущество
их и товары были доставлены в ближайший из открытых портов, где
находится русский консул или агент какой-либо нации, дружественной
России, или наконец на границу, если это будет удобнее сделать. [...]

В случае, если русским купеческим или военным судам встретится
надобность во время их плаванья у берегов китайских исправить повреж-
дения, запастись водой или свежей провизией, то они могут заходить
для этого и в не открытые для торговли порты Китая. [...]

Статья 7.

Разбирательство всякого дела между русскими и китайскими поддан-
ными в местах, открытых для торговли, не иначе должно производиться
китайским начальством, как сообща с русским консулом, или лицом, пред-
ставляющим власть российского правительства в том месте. [...]

Статья 8.

Китайское правительство, признавая, что христианское учение спо-
собствует водворению порядка и согласия между людьми, обязуется не
только не преследовать своих подданных за исполнение обязанностей
христианской веры, но и покровительствовать им наравне с теми, кото-
рые следуют другим допущенным в государстве верованиям.

Считая христианских миссионеров за добрых людей, не ищущих соб-
ственных выгод, китайское правительство дозволяет им распространять
христианство между своими подданными и не будет препятствовать им
проникать из всех открытых мест внутрь империи, для чего определен-
ное число миссионеров будет снабжено свидетельствами от русских кон-
сулов или пограничных властей.

Статья 9.

Неопределенные части границ между Китаем и Россией будут без
отлагательства исследованы на местах доверенными лицами от обоих
правительств, и заключенное ими условие о граничной черте составит
дополнительную статью к настоящему трактату. [...]

4 Российско-китайский договор о границах и взаимной торговле («Айгунский договор») *Айхунь, 16 (28) мая 1858 г.*

1. Левый берег реки Амура, начиная от реки Аргуни до морского ус-
тья р. Амура, да будет владением Российского государства, а правый бе-
рег, считая вниз по течению до р. Усури, владением Дайцинского госу-

дарства; от реки Усури далее до моря находящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами, как ныне да будут в общем владении Дайцинского и Российского государств. По рекам Амуру, Сунгари и Усури могут плавать только суда Дайцинского и Российского государств; всех же прочих иностранных государств судам по сим рекам плавать не должно. Находящихся по левому берегу р. Амура от р. Зеи на юг, до деревни Хормолдзинь, маньчжурских жителей оставить вечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства, с тем, чтобы русские жители обид и притеснений им не делали.

2. Для взаимной дружбы подданных двух государств дозволяется взаимная торговля проживающим по рекам Усури, Амуру и Сунгари подданным обоих государств, а начальствующие должны взаимно покровительствовать на обоих берегах торгующим людям двух государств. [...]

5 **Дополнительный договор между Россией и Дайцинской империей («Пекинский договор»)** *Пекин, 2 (14) ноября 1860 г.*

По внимательном рассмотрении и обсуждении существующих между Россией и Китаем договоров, Е. В. Император и Самодержец Всероссийский и Е. В. Богдохан Дайцинский, для вящего скрепления взаимной дружбы между двумя империями, для развития торговых сношений и предупреждения недоразумений, положили составить несколько добавочных статей [...]:

Статья 1.

В подтверждение и пояснение первой статьи договора, заключенного в городе Айгуне, 1858 года, мая 16-го дня [...], и во исполнение девятой статьи договора, заключенного в том же году, июня 1-го дня [...], в городе Тянь-Цзине, определяется: с сих пор восточная граница между двумя государствами, начиная от слияния рек Шилки и Аргуни, пойдет вниз по течению реки Амура до места слияния сей последней реки с рекой Усури. Земли, лежащие по левому берегу (на север) реки Амура, принадлежат Российскому государству, а земли, лежащие на правом берегу (на юг), до устья реки Усури, принадлежат китайскому государству. Далее от устья реки Усури до озера Хинкай граничная линия идет по рекам Усури и Сун'гача.

Земли, лежащие по восточному (правому) берегу сих рек, принадлежат Российскому государству, а по западному (левому), — Китайскому государству. Затем граничная между двумя государствами линия, от истока реки Сун'гача, пересекает озеро Хинкай и идет к реке Бэлэн-хэ (Тур), от устья же сей последней, по горному хребту, к устью реки Хубиту (Хубту), а отсюда по горам, лежащим между рекой Хуньчунь и морем, до реки Ту-мынь-дзян. Здесь также земли, лежащие на востоке, принадлежат

Российскому государству, а на запад — Китайскому. Граничная линия упирается в реку Ту-мынь-дзян на двадцать китайских верст (ли), выше впадения ее в море. [...]

Статья 2.

Граничная черта на западе, доселе неопределенная, отныне должна проходить, следуя направлению гор, течению больших рек и линии ныне существующих китайских пикетов, от последнего маяка, называемого Шабин-дабага, поставленного в 1728 году [...], по заключении Кяхтинского договора, на юго-запад до озера Цзай-сан, а оттуда до гор, проходящих южнее озера Иссыкуль и называемых Тэнгэри-шань или Киргизнын алатау, иначе Тянь-шань-нань-лу (южные отроги Небесных гор), и по сим горам до кокандских владений.

Статья 3.

Отныне все пограничные вопросы, могущие возникнуть впоследствии, должны решаться на основании изложенного в первой и второй статьях сего договора [...].

Статья 4.

На протяжении всей граничной линии, определенной первой статьей сего договора, допускается свободная и беспошлинная меновая торговля между подданными обоих государств. [...]

Статья 5.

Русским купцам, сверх существующей торговли на Кяхте, предоставляется прежнее право ездить для торговли из Кяхты в Пекин. По пути, в Урге и Калгане им допускается также торговать, не открывая оптовой продажи. В Урге — русскому правительству предоставляется право иметь консула (лин-ши-гуань), с несколькими при нем людьми, и на свой счет выстроить для него помещение. [...] Китайским купцам, если они пожелают, также допускается отправляться для торговли в Россию. [...]

Статья 6.

В виде опыта открывается торговля в Кашгаре, на тех же самых основаниях, как в Или и Тарбагатае. [...] Китайское правительство не отвечает за разграбление русских купцов, торгующих в Кашгаре, в том случае, когда грабеж будет произведен людьми, вторгнувшимися из-за линии китайских караулов. [...]

6 Именной Императорский Указ об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства, данный Сенату 11 (23) июля 1867 года

Признавая полезным изменить гражданское и военное устройство пограничных с Китаем и Средне-Азиатскими ханствами земель, входящих в состав генерал-губернаторств Оренбургского и Западно-Сибирского, повелеваем:

1) Учредить ныне же Туркестанское генерал-губернаторство из Туркестанской области, Ташкентского района, земель, занятых в 1866 году за Сыр-Дарьею, и части Семипалатинской области, лежащей к югу от Тарбагатайского хребта.

2) Границами Туркестанского генерал-губернаторства постановить:

а) с Западно-Сибирским генерал-губернаторством Тарбагатайский хребет и его отроги до нынешней границы Семипалатинской области с Областью сибирских киргизов, этою границею — до озера Балхаша, далее дугою по середине сего озера, и от него прямою линиею до реки Чу и сею последнею до слияния ее с р. Сары-Су; и

б) с Оренбургским генерал-губернаторством от середины залива Перовский — на Аральском море — на гору Термембес, отсюда на урочище Терекли, далее на гору Калмас, на урочище Музбиль, горы Ак-Кум и Чубар-Тюбе, на южную оконечность песков Муюн-Кум и на урочище Мын-Булак до слияния рек Сары-Су и Чу.

3) Новое генерал-губернаторство разделить на две области: Сыр-Дарьинскую и Семиреченскую, установив между ними примерную границу по р. Кураготы.

4) Главное управление новообразуемым краем возложить на генерал-губернатора, а управление областями Сыр-Дарьинскою и Семиреченскою на военных губернаторов; для местного же управления военными силами и учреждениями образовать из сих областей Туркестанский военный округ, вверив начальствование расположенными в нем войсками генерал-губернатору, с званием командующего войсками в округе и военным губернаторам, с званием командующих войсками в областях.

5) С открытием областей Сыр-Дарьинской и Семиреченской существующие в них гражданские управления, — впредь до утверждения общего положения о местном управлении краем, — подчинить на прежнем основании военным губернаторам сих областей по принадлежности.

6) Правительствующий сенат не оставит сделать надлежащие распоряжения к приведению сего в исполнение.

7 Мирный договор между Россией и Хивой («Гандемянский мирный договор»)

Гандемян, 12 (24) августа 1873 г.

[...] Прежде чем вывести русские войска из Хивы, командующий ими туркестанский генерал-губернатор, генерал-адъютант фон Кауфман 1-й, по соглашению с высокостепенным Сеид-Мухамед-Рахим-Богадурханом, постановил следующие статьи [...]:

Статья 1.

Сеид-Мухамед-Рахим-Богадур-хан признает себя покорным слугою Императора Всероссийского. Он отказывается от всяких непосредственных дружеских сношений с соседними владетелями и ханами и от заключений с ними каких-либо торговых и других договоров и без ведома и разрешения высшей русской власти в Средней Азии не предпринимает никаких военных действий против них.

Статья 2.

Границею между русскими землями и хивинскими служит Аму-Дарья от Кукертли вниз по реке до отделения из нее самого западного протока Аму-Дарьи, а от этого места по сему протоку до впадения его в Аральское море; далее граница идет по берегу моря на мыс Ургу, а оттуда вдоль подошвы южного Чинка Усть-Урта по так называемому старому руслу р. Аму.

Статья 3.

Весь правый берег Аму-Дарьи и прилегающие к нему земли, доньше считавшиеся хивинскими, отходят от Хана во владение России со всеми проживающими и кочующими там народами. Участки земель на правом берегу, составляющие ныне собственность Хана и жалованные им для пользования сановникам ханства, отходят вместе с тем в собственность русского правительства без всяких претензий со стороны прежних владельцев. Хану предоставляется вознаградить их убытки землями на левом берегу.

Статья 4.

В случае, если по высочайшей воле Государя Императора часть этого правого берега будет передана во владение Бухарского Эмира, то Хивинский Хан признает сего последнего законным владельцем этой части прежних своих владений и отказывается от всяких намерений восстановить там свою власть.

Статья 5.

Русским пароходам и другим русским судам, как правительственным, так и частным, предоставляется свободное и исключительное плавание по Аму-Дарье. Этим правом могут пользоваться суда хивинские и бухарские не иначе, как с особого разрешения высшей русской власти в Средней Азии.

Статья 6.

В тех местах на левом берегу, где окажется необходимым и удобным, русские имеют право устраивать свои пристани. [...]

Статья 7.

Независимо от этих пристаней, предоставляется русским право иметь на левом берегу Аму-Дарьи свои фактории для склада и хранения своих товаров. Под эти фактории в тех именно местах, где указано будет высшей русской властью в Средней Азии, ханское правительство обязуется отвести свободные от населения земли в достаточном количестве. [...]

Статья 8.

Все вообще города и селения Хивинского ханства отныне открыты для русской торговли. [...] За безопасность караванов и складов отвечает ханское правительство.

Статья 9.

Русские купцы, торгующие в ханстве, освобождаются от [...] всякого рода торговых повинностей [...].

Статья 10.

Русским купцам предоставляется право беспошлинного провоза своих товаров чрез хивинские владения во все соседние земли.

Статья 11.

Русским купцам предоставляется право, если они пожелают, иметь своих агентов (караван-башей) для сношений с местными властями и для наблюдения за правильным ходом торговых дел.

Статья 12.

Русским подданным предоставляется право иметь в ханстве недвижимое имущество. Оно облагается поземельною податью по соглашению с высшей русской властью в Средней Азии.

Статьи 13–16. [...]

Статья 17.

Объявление Сеид-Мухамед-Рахим-Богадур-хана [...] об освобождении всех невольников в ханстве и об уничтожении на вечные времена рабства и торго людьми остается в полной силе [...].

Статья 18.

На Хивинское ханство налагается пеня в размере 2.200.000 руб. для покрытия расходов русской казны на ведение последней войны, вызванной самим ханским правительством и хивинским народом.

[...]

8 Договор о дружбе между Россией и Бухарой

Шаар (Шахрисабз), 28 сентября (10 октября) 1873 г.

[...] Статья 1.

Пограничная черта между владениями Его Императорского Величества Императора Всероссийского и Его Высочеством Эмира Бухарского остается без изменения

С присоединением ныне к русским владениям всех хивинских земель, лежащих на правом берегу реки Аму-Дарьи, прежняя граница владений Бухарского Эмира с Хивинским ханством, идущая на западе от урочища Хагг-Ата, по направлению к тогаю Гутертли, на правом берегу Аму-Дарьи, уничтожается. К владениям Бухарского Эмира присоединяется земля, заключающаяся между прежней бухаро-хивинской гра-

нищей, правым берегом Аму-Дарьи, от Гутертли до тогая Мешекли включительно, и чертой, идущей от Мешекли к точке соединения прежней бухаро-хивинской границы с граничной чертой Российской Империи.

Статья 2.

С отделением правого берега Аму-Дарьи от Хивинского ханства, все караванные дороги, ведущие из Бухары на север в русские владения, проходят через земли исключительно бухарские и русские. За безопасностью караванного и торгового движения по этим дорогам будут блюсти оба правительства, Русское и Бухарское, каждое внутри своих пределов.

Статья 3.

В той части реки Аму-Дарьи, которая принадлежит Бухарскому Эмиру, предоставляется свободное плавание по реке, наравне с бухарскими судами, русским пароходам и другим русским судам как правительственным, так и частным.

Статья 4.

В тех местах на бухарских берегах Аму-Дарьи, где окажется необходимым и удобным, русские имеют право устраивать свои пристани и склады для товаров. Наблюдение за безопасностью и сохранностью этих пристаней и складов берет на себя бухарское правительство. Утверждение выбранных мест для пристаней зависит от высшей русской власти в Средней Азии.

Статья 5.

Все города и селения Бухарского ханства открыты для русской торговли. Русские купцы и русские караваны могут свободно разъезжать по всему ханству и пользуются особенным покровительством местных властей. За безопасность русских караванов внутри бухарских пределов отвечает бухарское правительство.

Статья 6.

Со всех без исключения товаров, принадлежащих русским купцам, идущим из русских пределов в Бухару или из Бухары в Россию, будет взиматься в Бухаре по два с половиной процента со стоимости товаров, подобно тому как и в Туркестанском крае взимается одна сороковая часть. Сверх этого зякета не будут взиматься никакие посторонние добавочные пошлины.

Статья 7.

Русским купцам предоставляется право беспошлинного провоза своих товаров через Бухарские владения во все соседние земли.

Статья 8.

Русским купцам будет дозволено иметь в бухарских городах, где окажется необходимым, свои караван-сарай, в которых бы они могли складывать свои товары. Тем же правом будут пользоваться бухарские купцы в городах Туркестанского края.

Статья 9.

Для наблюдения за правильным ходом торговли и за законным взиманием пошлин, а также и для сношений по купеческим делам с местными властями, предоставляется русским купцам право иметь во всех бухарских городах торговых агентов. Право это предоставляется и бухарским купцам в городах Туркестанского края.

Статья 10.

Торговые обязательства между русскими и бухарцами должны быть исполняемы свято и ненарушимо, как с той, так и с другой стороны. Бухарское правительство обещается следить за честным исполнением всяких торговых сделок и добросовестным ведением торговых дел вообще.

Статья 11.

Русским подданным, наравне с подданными бухарскими, предоставляется право заниматься в бухарских владениях разными промыслами и ремеслами допускаемыми шариатом, так точно, как это дозволено и бухарским подданным в русских владениях, по отношению к промыслам и ремеслам, допускаемым русскими законами.

Статья 12.

Русским подданным предоставляется право иметь в ханстве недвижимое имущество, то есть покупать дома, сады и пашни. Имущество это облагается поземельной податью наравне с имуществом бухарских подданных. Тем же правом будут пользоваться и бухарские подданные в пределах Российской империи.

Статья 13.

Русские подданные приезжают в бухарские владения с выданными им от русского начальства билетами на свободный проезд за границу; они имеют право свободно разъезжать по всему ханству и пользуются особенным покровительством бухарских властей.

Статья 14.

Правительство бухарское ни в каком случае не принимает к себе разных выходцев из России, являющихся без дозволительного на то вида от русской власти, к какой бы национальности они ни принадлежали. Если кто из преступников, русских подданных, будет скрываться от преследования законов в пределах бухарских, то таковой изловится бухарскими властями и доставится ближайшему русскому начальству.

Статья 15.

Дабы иметь непрерывное, непосредственное сношение с высшей русской властью в Средней Азии, Эмир Бухарский назначает из числа своих приближенных доверенное лицо постоянным посланцем и уполномоченным от себя в Ташкент.

Этот уполномоченный будет жить в Ташкенте в эмировском доме и на счет Эмира.

Статья 16.

Русское правительство точно так же может иметь постоянного своего представителя в Бухаре при Высокостепенном Эмире. Уполномоченный русской власти в Бухаре, точно так же как и уполномоченный Эмира в Ташкенте, будет жить в доме и на счет русского Правительства.

Статья 17.

В угоду Государю Императору Всероссийскому и для вящей славы его Императорского Величества Высокостепенный Эмир Сеид-Музафар постановил: отныне в пределах бухарских прекращается на вечные времена постыдный торг людьми, противный законам человеколюбия. Согласно с этим постановлением Сеид-Музафар ныне же рассылает ко всем бекам строжайшее в этом смысле предписание, в пограничные же города бухарские, куда привозятся из соседних стран невольники для продажи бухарским подданным, пошлется кроме помянутого предписания о прекращении торга невольниками, еще и повеление о том, что если, вопреки приказанию Эмира, будут туда привозиться невольники, то таковых отобрать от хозяев и немедленно освободить.

Статья 18.

Его Высококачество Сеид-Музафар, от искренней души желая развить и упрочить дружеские и соседские отношения, существующие для блага Бухары уже пять лет, принимает к руководству выше изложенные 17 статей, составляющие новый Договор о дружбе России с Бухарой.

Договор о том написан на двух языках, на русском и на туркском. В знак утверждения этого договора и принятия его к руководству для себя и для преемников своих, Эмир Сеид-Музафар приложил свою печать. В Шааре, в 26-й день сентября 1290 года, месяца Шагбена в 19-й день 1290 года договор сей мною принят к руководству при будущих отношениях России с Бухарой и утверждается подписью моей с приложением печати.

9 Договор об Илийском крае между Россией и Китаем («Ливадийский договор»)¹

Ливадия, 20 сентября (2 октября) 1879 г.

Согласно этому договору Китай признал права России на обладание Илийским краем. Но Ливадийский договор не вступил в силу, так как не был ратифицирован китайской стороной, ставшей добиваться его пересмотра и в конце концов добившейся этого. Он был заменен Санкт-Петербургским договором (см. ниже).

Его Величество Император и Самодержец Всероссийский и Его Величество Богдохан Дайцинский, желая для скрепления дружественных

¹ Цит. по: *Воскресенский А. Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М.: Памятники исторической мысли, 1995. С. 280–291.

между ними отношений разрешить некоторые пограничные и торговые вопросы, касающиеся пользы обеих Империй, назначили, для установления соглашения по этим вопросам, своими уполномоченными:

Его Величество Император Всероссийский:

Николая Гирса, действительного тайного советника, своего статс-секретаря, управляющего Министерством иностранных дел, и *Евгения Бюцова*, действительного статского советника, своего чрезвычайного посланника и полномочного министра при Его Величестве Богдохане Дайцинском,

и Его Величество Богдохан Дайцинский:

Чуна, своего чрезвычайного и полномочного посла при Его Величестве Императоре Всероссийском, своего придворного сановника, младшего попечителя наследника престола, председателя Прокурорской палаты, члена Совета иностранных дел.

Означенные уполномоченные, снабженные полномочиями, найденными достаточными, постановили нижеследующие условия:

Статья 1.

Его Величество Император Всероссийский соглашается на восстановление власти китайского правительства в Илийском крае, временно занятом русскими войсками с 1871 года. Западная часть этой долины, равно как и долина реки Текес, в пределах обозначенных в 7 статье настоящего договора, остаются во владении России.

Статья 2.

Его Величество Богдохан Дайцинский принимает на себя обязательство в том, что никто из жителей Илийского края, к какому бы племени и вероисповеданию он ни принадлежал, не будет привлечен к личной или имущественной ответственности за свои действия во время смут, господствовавших в этом крае, или после оных.

Сообразное с этим обязательством объявление будет сделано китайскими властями от имени Его Величества Богдохана населению Илийского края до передачи оною им.

Статья 3.

Жителям Илийского края предоставляется остаться на нынешних местах жительства их, или же выселиться оттуда в пределы России и принять российское подданство. Они будут спрошены об этом до передачи Илийской территории, и тем из них, которые пожелают выселиться в Россию, будет дан на это годичный срок со дня передачи края. Китайские власти не поставят каких-либо препятствий к выселению их и вывозу их имущества. [...]

Статья 4.

Русским подданным, владеющим недвижимой собственностью в Илийском крае, предоставляется право сохранить оную за собой и после восстановления власти китайского правительства в этом крае.

Статья 5.

[...] Передача управления Илийским краем должна быть окончена в двухмесячный срок со дня прибытия в Ташкент чиновника, который будет командирован генерал-губернатором Шаньси и Ганьсу к генерал-губернатору Туркестанского края с извещением об утверждении настоящего договора Его Величеством Богдоханом Дайцинским и об обнаружении оногo.

Статья 6.

Правительство Его Величества Богдохана Дайцинского уплатит российскому правительству сумму в пять миллионов металлических рублей, назначаемых как на покрытие издержек, которые потребовались на занятие русскими войсками Илийского края с 1871 года, так и на выдачу русским подданным денежных вознаграждений за разграбленное в китайских пределах имущество их, равно как и вспомоществований семействам русских подданных, убитых при вооруженных нападениях на них на китайской территории. [...]

Статья 7.

С восстановлением власти китайского правительства в Илийском крае, западная часть этого края и долина реки Текес отходят во владение к России для поселения в них жителей Илийского края, которые пожелают принять российское подданство. Граница между владениями обеих империй на этих участках определяется следующим образом:

границная черта, начиная от гор Беджин-тау, следует по течению реки Хоргос до впадения ее в реку Или и пересекая последнюю, направляется на юг к горам Узун-тау, оставляя к западу селение Кольджат. Здесь она поворачивает на восток и следует по хребту, составляющему северный водораздел реки Текес и известному под общим именем Акбурташ, оставляя перевалы Ханахай, Чаичал и другие во владении России. Далее она пересекает реку Текес и направляется по продолжению вышеупомянутого хребта к перевалу Коксудаван; здесь граница поворачивает на юг к горе Эшик-баши и затем направляется на юго-запад по вершинам гор Халык-тау, Хан-тенгери, Сары-ясыт, Кукуртлюк, Кок-шают, Каратеке и других гор, известных под общим названием Тяньшаньского хребта, до перевала Суйок.

На участке между бывшим Кокандским ханством, составляющим ныне принадлежащую России область Ферганскую, и соседними китайскими владениями граница определяется следующим образом: от вершины Суйок границная черта, оставляя перевал этого имени в русских пределах, следует на юг по подошве хребта, заключающего в себе перевалы Алай-кол и Сау-ерды, до пункта между постами Егин и Награ-Чалды; отсюда она направляется на реку Кизыл-су, восточнее поста Иркештам и далее на юг, до горы Мальтабар.

Статья 8.

Ввиду обнаружившихся неудобств известной части граничной черты, определенной в 1-й и 2-й статье Протокола, подписанного в Чугучаке в 1864 году, направление этой части границы изменяется следующим образом:

от гор Куйтун граница следует по водоразделу между реками Каба и Бурчум и, пересекая реку Черный Иртыш, направляется к истоку реки Кендерлык в хребте Саур. Границы, определенные в настоящей и предыдущей статьях, обозначены красной чертой и буквами русского алфавита на картах, приложенных к сему договору.

Статья 9.

Для постановки граничных знаков как на граничной черте, определенной в предыдущих статьях 7 и 8, так и на участках границы, где знаки еще не были поставлены, будут назначены с обеих сторон комиссары.

Все пространство границы, подлежащей обозначению на месте, будет разделено на несколько участков и для каждого из них будут назначены особые комиссары, время и место съезда которых будут определены по соглашению между обоими правительствами.

Статья 10.

Принадлежащее российскому правительству по договорам право назначать консулов в Или, Тарбагатай, Кашгар и Ургу, распространяется еще на следующие места: Сучжеу (Цзяюйгуань), Кобдо, Улясутай, Хами, Турфан, Урумци и Гучен. Для последних четырех городов будут назначены два консула. Консул же в Сучжеу будет исполнять консульские обязанности и в провинциях Ганьсу и Шаньси.

Постановленное в 5-й и 6-й статьях договора, заключенного в Пекине в 1860 году, относительно отвода участков земли под здания консульств и мест для пастбищ и кладбищ, распространяется также на консульства, которые будут учреждены в названных выше городах. До постройки зданий для консульств местные власти окажут консулам содействие в приискании необходимых для них временных помещений. Российские консулы в Монголии и округах по обоим склонам Тянь-Шаня будут пользоваться для переездов своих и пересылки корреспонденции казенными почтовыми учреждениями, сообразно с тем, что постановлено в 11-й статье Тяньцзиньского договора и в 12-й статье Пекинского договора. Китайские местные власти, к которым они будут обращаться с этой целью, будут оказывать им содействие в этом. [...]

Статья 12.

Русским подданным предоставляется право торговать беспошлинно в подвластной Китаю Монголии как в местах и аймаках, в которых существует китайское управление, так и в тех, где оно не учреждено.

Правом беспошлинной же торговли русские подданные будут пользоваться в городах и прочих местах Илийского, Тарбагатайского,

Кашгарского, Урумцийского и прочих округов, лежащих по северному и южному склонам Тяньшаньского хребта, до Великой стены.

Русские подданные могут ввозить в упомянутые выше китайские владения и вывозить из них всякие произведения, какого бы происхождения они ни были. Покупки и продажи они могут совершать на деньги или посредством обмена товаров, уплаты же они имеют право производить товарами всякого рода.

Статья 13.

В местах, где российское правительство имеет право учредить консульства, а равно и в городе Калгане, русские подданные могут строить собственные дома, лавки, амбары и другие здания на участках, которые будут приобретаться ими или же отводиться им местными властями на основании того, что постановлено в 13-й статье договора, заключенного в Кульдже в 1851 году для Или и Тарбагатай.

Статья 14.

Русские купцы, желающие отправлять товары сухим путем из России во Внутренние области Китая, могут провозить оные через города Калган и Цзяюйгуань в порты Тяньцзинь и Ханькоу и продавать их как в Калгане и Цзяюйгуане, так и в городах Тунчжеу, Сиань-фу и Ханьчжун-фу, или же отправлять их из этих городов для продажи на другие внутренние рынки.

Этими же путями, через Калган и Цзяюйгуань, купцы будут пользоваться для вывоза в Россию товаров, купленных как в названных выше портах и городах, так и на внутренних рынках. [...]

Статья 16.

Если бы с развитием русской сухопутной торговли возникла необходимость установить таможенный тариф на ввозимые в Китай и вывозимые оттуда товары, более соответствующий потребностям этой торговли, чем ныне действующие тарифы, российское и китайское правительства войдут между собой в соглашение по этому предмету принять за размер для определения ввозных и вывозных пошлин пять процентов со стоимости товаров. [...]

Статья 17.

Ввиду разногласий, возникавших до сего времени в применении 10-й статьи договора, заключенного в Пекине в 1860 году, сим определяется, что постановление означенной статьи по предмету взыскания за украденный или угнанный за границу скот должно быть понимаемо в том смысле, что при открытии виновных в покраже или угоне скота, с них взыскивается действительная стоимость невозвращенного ими скота. Само собой разумеется, что в случае несостоятельности виновных в покраже скота, взыскание за недостающее количество его не может быть обращено на местное начальство. Пограничные власти обоих государств будут строго преследовать согласно законам своего

государства виновных в угоне или краже скота и принимать зависящие от них меры для возвращения по принадлежности угнанного или перешедшего за границу скота.

Следы перешедшего или угнанного скота могут быть сдаваемы не только страже пограничных караулов, но и старшинам ближайших поселений.

Статья 18.

Договор сей, по утверждении его обоими императорами, будет объявлен в каждом государстве ко всеобщему сведению и руководству. Размен же ратификаций последует в С.-Петербурге в годичный срок, а будет возможно и ранее. [...] Постановив вышеприведенные статьи, уполномоченные обеих сторон подписали и скрепили своими печатями два экземпляра настоящего договора на русском, китайском и французском языках.

Из трех текстов, по сличении оказавшихся согласными, руководствующим при толковании договора будет служить французский текст. [...]

10 Договор между Россией и Китаем об Илийском крае («Санкт-Петербургский договор»)

Санкт-Петербург, 12 (24) февраля 1881 г.

Статья 1.

Е. В. Император Всероссийский соглашается на восстановление власти китайского правительства в Илийском крае, временно занятом русскими войсками с 1871 года.

Западная часть этого края, в пределах, обозначенных в 7 статье настоящего договора, остается во владении России.

Статья 2.

Е. В. Император Китайский обязуется принять соответствующие меры к ограждению жителей Илийского края, к какому бы племени и вероисповеданию они ни принадлежали, от личной или имущественной ответственности за действия их во время смут, господствовавших в этом крае, или после оных. [...]

Статья 3.

Жителям Илийского края предоставляется остаться на нынешних местах жительства их, в китайском подданстве, или же выселиться в пределы России и принять российское подданство. [...]

Статья 4.

Русские подданные, владеющие участками земли в Илийском крае, сохраняют право собственности на оные и после восстановления власти китайского правительства в этом крае.

Постановление это не относится к жителям Илийского края, которые перейдут в российское подданство при восстановлении в этом крае китайской власти. [...]

Статья 5.

Оба правительства отправят в Кульджу комиссаров, которые приступят, с одной стороны, к передаче, а с другой — к приему управления Илийским краем [...].

Статья 6.

Правительство Е. В. Императора Китайского уплатит российскому правительству сумму в девять миллионов металлических рублей, назначаемых: на покрытие издержек, вызванных занятием русскими войсками Илийского края с 1871 года, на удовлетворение всех денежных исков, возбужденных до сего дня вследствие потерь, понесенных русскими подданными от разграбления их имущества в китайских пределах, и на выдачу вспомоществований семействам русских подданных, убитых при вооруженных нападениях на них на китайской территории.

Вышеупомянутая сумма [...] будет выплачена в течение двух лет со дня размена ратификаций настоящего договора [...].

Статья 7.

Западная часть Илийского края присоединяется к России для поселения в оной тех жителей этого края, которые примут российское подданство и, вследствие этого, должны будут покинуть земли, которыми владели там.

Граница между владениями России и принадлежащей Китаю Илийской областью будет следовать, начиная от гор Бе-джин-Тау, по течению реки Хоргос до впадения ее в реку Или, и, пересекши последнюю, направится на юг к горам Узун-Тау, оставив к западу селение Кольджат. Оттуда она направится на юг, следуя по черте, определенной в протоколе, подписанном в Чугучаке в 1864 году.

Статья 8.

Ввиду обнаружившихся недостатков известной части граничной черты на восток от озера Зайсана, определенной в протоколе, подписанном в Чугучаке в 1864 году, оба правительства [...] изменят прежнее направление границы таким образом, чтобы указанные недостатки были устранены и чтобы между киргизскими родами, подвластными обоим империям, было произведено надлежащее разграничение.

Новой граничной черте дано будет, по возможности, направление среднее между прежней границей и прямой линией, пересекающей Черный Иртыш по направлению от гор Куй-тун к хребту Саур.

Статья 9.

Для постановки граничных знаков как на граничной черте, определенной в предыдущих статьях 7 и 8, так и на участках границы, где знаки еще не были поставлены, будут назначены обоими договаривающимися сторонами комиссары. Время и место съездов комиссаров будут определены по соглашению между обоими правительствами. [...]

Статья 10.

Принадлежащее российскому правительству, по договорам, право назначать консулов в Или, Тарбагатае, Кашгаре и Урге распространяется отныне на города Су-чжэу (Цзя-юй-гуань) и Турфан. В городах: Кобдо, Улясу-тае, Хами, Урумци и Гучене российское правительство будет учреждать консульства по мере развития торговли и по соглашению с китайским правительством. [...]

Статья 11. [...]

Статья 12.

Русским подданным предоставляется право по-прежнему торговать беспошлинно в подвластной Китаю Монголии, как в местах и аймаках, в которых существует китайское управление, так и в тех, где оно не имеется.

Правом беспошлинной торговли русские подданные будут равным образом пользоваться в городах и прочих местах Илийского, Тарбагатайского, Кашгарского, Урумцийского и прочих округов, лежащих по северному и южному склонам Тяньшаньского хребта, до Великой стены. Право это будет отменено, когда с развитием торговли возникнет необходимость установить таможенный тариф, о чем оба правительства войдут в соглашение. [...]

Статьи 13–17. [...]

Статья 18.

Постановления договора, заключенного в Айгуне 16-го мая 1858 года, касательно права подданных обеих империй ходить на судах своих по рекам Амуру, Сунгари и Усури и торговать с жителями расположенных по этим рекам местностей, сим подтверждается.

11 **Соглашение между Россией и Великобританией о разграничении афганских владений («Второе афганское разграничение»)**

Лондон, 29 августа (10 сентября) 1885 г.¹

[...] 1. На основании состоявшегося соглашения, афганская граница между Гери-Рудом и Оксусом будет проведена следующим образом:

Граница, имея исходный пункт на Гери-Руде в двух приблизительно верстах ниже Зульфагарской башни, направится к пункту К по обозначенной на приложенной к протоколу карте № 1 красной черте таким образом, чтобы расстояние между нею и гребнем откоса западного ущелья (включая в оное гребень, обозначенный буквами LMN северной ветви того же ущелья) не было нигде менее 3.000 английских футов.

¹ Цит. по: Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / Сост. И. В. Козьменко; Под ред. Е. А. Адамова. М.: Госполитиздат, 1952. С. 264–266.

От пункта К граница направится по гребню высот, окаймляющих с севера второе ущелье, и перережет ущелье это несколько западнее его разветвления, в расстоянии приблизительно 850 саженей от пункта, где сходятся дороги из Адам-Елана, Кунгруели и Ак-Рабата. Далее граница будет следовать по вершине высот до пункта Р, обозначенного на приложенной к протоколу карте № 2. Затем она примет юго-восточное направление, почти параллельное дороге в Ак-Рабат, пройдет между соляными озерами, обозначенными буквами Q и R и находящимися на юге от Ак-Рабата и севернее Суме-Кехриза, и, оставляя Суме-Кехриз афганцам, направится на Ислим, где граница перейдет на правый берег Егри-Гёка, оставляя Ислим вне афганской территории. Далее граница будет следовать по вершинам холмов, окаймляющих правый берег Егри-Гёка, оставляя Чемени-Бид вне афганской границы. Таким же образом она направится по вершинам холмов, окаймляющих правый берег Кушка до Хаузи-Хана. От Хаузи-Хана граница направится почти по прямой линии к пункту на Мургабе, на севере от Меручага, определенному таким образом, чтобы за Россией оставались обрабатываемые сарыками земли и их пастбища.

Под условием применения того же принципа как к туркменам, поданным России, так и к подданным эмира Афганистана, граница на востоке от Мургаба направится по черте, проведенной по северной стороне долины Кайсора и по западной стороне долины Сангалака (Аби-Андхой) и, оставляя Андхой на востоке, примкнет к Ходжа-Салеху на Оксусе.

Разграничение пастбищ, принадлежащих населением обеих сторон, будет предоставлено комиссарам. В случае же если бы между ними не состоялось соглашения, разграничение будет произведено обоими кабинетами на основании карт, изготовленных и подписанных комиссарами.

Для большей ясности главные пункты пограничной черты обозначены на приложенных к настоящему протоколу картах.

2. На основании состоявшегося соглашения, правительства Е.В. Императора Всероссийского и Ее В. Королевы Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии назначат немедленно комиссаров, которые приступят к рассмотрению и обозначению на месте подробностей афганской границы, определенной в предшествовавшей статье. Один комиссар будет назначен Е.В. Императором и один Ее В. королевой.

Конвои комиссии будут состоять не более как из 100 человек с каждой стороны, и никакое увеличение не может быть допускаемо помимо соглашения между комиссарами.

Комиссары съедутся в Зульфагаре чрез два месяца со дня подписания настоящего протокола и немедленно приступят к проведению границы согласно предшествующим постановлениям.

Разграничение начнется от Зульфагара и, тотчас после съезда комиссаров и начала работ, нейтрализация Пендждэ будет ограничена окру-

гом, заключающимся между чертой, проведенной с севера, от Бенди-Надири до Бурджи-Ураз-Хана, и чертой, проведенной с юга, от Меручага до Хаузи-Хана, причем русские и афганские посты будут расположены: первые в Бенди-Надири, а вторые в Меручаге.

Комиссары обязаны будут окончить свои работы как можно скорее.

[...]

12 **Соглашение между эмиром Афганистана Абдуррахман-ханом и сэром Генри Мортимером Дюрандом, вице-королем Британской Индии**

Кабул, 12 ноября 1893 г. («Линия Дюранда»)¹

В связи с возникновением определенных вопросов относительно границы Афганистана с Индией [...] настоящим стороны договариваются о нижеследующем:

1. Восточная и южная границы владений его высочества от Вахана до персидской границы будут пролегать по линии, обозначенной на прилагающейся к настоящему соглашению карте.

2. Правительство Индии не предпримет вмешательства на территории, лежащие за этой линией на стороне Афганистана, и Его Высочество не предпримет вмешательства на территории, лежащие за этой линией на стороне Индии.

3. Британское правительство соглашается с тем, что Его Высочество Эмир сохраняет Асмар и лежащую выше долину вплоть до Чанака. С другой стороны, Его Высочество берет обязательство ни при каких условиях не распространять влияние на Сват, Баджаур и Читрал, включая долины Арнавай и Вашгал. Британское правительство также соглашается предоставить его Высочеству Бирмалский тракт, как показано на детализированной карте предоставленной Его Высочеству ранее. Его Высочество также отказывается от претензий на остальную часть края Вазиров и на Давар, а также Чадах.

4. [...]

5. Что касается вопроса о Чамане, то Эмир снимает свои возражения по вопросу о размещении там британского гарнизона и уступает Британскому правительству права, приобретенные им в Сиркай Тилерай. В этом пограничном районе линия границы будет пролегать следующим образом:

от вершины гряды Хважа Амран около Пша Котал, которая остается на британской территории, линия будет пролегать между Мурга Чаман и источником Шаробо, которые останутся за Афганистаном, и дойдет до места, где находятся Новый форт Чаман и афганский сторожевой пост, известный как Лашкар Данд. Затем линия пройдет между

¹ Перевел с английского А. А. Сушенцов.

железнодорожной станцией и холмом, известным как Миан Балдак и, повернув к югу, вновь дойдет до гряды Хважа Амран, оставляя Гваша Пост на британской территории, а дорогу на Шоравак к западу и югу от Гваша на афганской. Британское правительство обязуется не вторгаться далее, чем на полмили в направлениях следования дороги.

6. Вышеизложенные пункты соглашения полагаются Правительством Индии и Его Высочеством Эмиром Афганистана как полное и удовлетворительное урегулирование всех принципиальных различий во взглядах, которые возникли между сторонами по вопросу о границе. [...]

13 **Нота российского посла в Лондоне Стааля к статс-секретарю по иностранным делам Великобритании графу Кимберлею. К соглашению между Россией и Великобританией о разграничении сфер влияния в области Памиров («Третье афганское разграничение»)**

Лондон, 27 февраля (11 марта) 1895 г.¹

Граф,

Я имел честь получить ноту вашего сиятельства от сего числа.

Это сообщение включает в себе статьи соглашения, к коему привели переговоры, происходившие между правительством государя императора, моего августейшего повелителя, и правительством Ее Британского Вел-ва, по предмету разграничения сфер влияния России и Великобритании в области Памиров, на восток от озера Зор-Куль (Виктория).

Будучи надлежащим образом уполномочен удостоверить принятие моим правительством означенного соглашения, считаю долгом воспроизвести ниже статьи оногo, а именно:

1. Сферы влияния России и Англии на восток от озера Зор-Куль (Виктория) будут разделены пограничной чертой, которая, начинаясь от точки на этом озере близ его восточной оконечности, пойдет по гребню горной цепи, тянущейся несколько южнее параллели сего озера до перевалов Бендерского и Орта-Бель. Оттуда пограничная черта пойдет по сказанной горной цепи, доколе эта цепь находится южнее параллели упомянутого озера. Достигнув этой параллели, пограничная черта спустится по откосу цепи к Кизиль-Рабату, лежащему на реке Аксу, если только эта местность не находится севернее параллели озера Виктории; от этого пункта пограничная черта пойдет по направлению на восток, дабы примкнуть к китайской границе.

Если будет установлено, что Кизиль-Рабат лежит севернее параллели озера Виктории, то пограничная линия будет проведена до ближай-

¹ Цит. по: Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917 / Сост. И. В. Козьменко; Под ред. Е. А. Адамова. М.: Госполитиздат, 1952. С. 284—286.

шего и наиболее удобного пункта, расположенного на реке Аксу к югу от указанной широты, и оттуда будет продолжена, как сказано выше.

2. Пограничная черта будет обозначена и точное ее направление установлено смешанной комиссией чисто технического характера под охраной военного конвоя, не превышающего того количества, которое безусловно необходимо для безопасности комиссии. Комиссия будет состоять из русских и английских делегатов с необходимыми помощниками по технической части.

Правительство Ее Британского Вел-ва условится с Эмиром Афганским относительно способа представительства эмира в комиссии.

3. Комиссии будет также поручено донести обо всех данных, которые можно будет собрать на месте, касательно положения китайской границы, с целью дать возможность обоим правительствам войти в соглашение тем способом, какой будет признан наиболее удобным, с китайским правительством относительно пределов китайской территории, соседней с пограничной чертой.

4. Правительство Е. В. Императора Российского и правительство Ее Британского Вел-ва обязуются воздерживаться от всякого политического контроля или влияния — первое к югу, второе к северу от разграничительной линии.

5. Правительство Ее Британского Вел-ва принимает на себя обязательство в том, что территория, входящая в сферу английского влияния между Гиндукушем и чертой, идущей от восточной оконечности озера Виктории до китайской границы, войдет в состав владений Эмира Афганского, что эта территория не будет присоединена к Великобритании, и что на ней не будет возведено ни военных постов, ни укреплений.

Приведение в исполнение настоящего соглашения поставлено в зависимость от очищения Эмиром Афганским всех территорий, занятых им на правом берегу Пянджа, и от очищения Эмиром Бухарским части Дарваза, расположенной к югу от Аму-Дарьи, так как правительства Е.В. Императора Российского и Ее Британского Вел-ва согласились употребить в этом отношении свое влияние на обоих эмиров.

Имею честь быть, и пр.

СТААЛЬ

14 Конвенция между Россией и Великобританией по делам Персии, Афганистана и Тибета *Санкт-Петербург, 18 (31) августа 1907 г.¹*

Е. В. Император Всероссийский и Е.В. Король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и британских территорий за

¹ Цит. по: Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917 / Сост. И. В. Козьменко; Под ред. Е. А. Адамова. М.: Госполитиздат, 1952. С. 386—393.

морями, Император Индии, воодушевленные искренним желанием уладить по взаимному согласию различные вопросы, касающиеся интересов их государств на азиатском материке, решили заключить соглашения, предназначенные предупреждать всякий повод к недоразумениям между Россией и Великобританией в отношении сказанных вопросов [...]

А: СОГЛАШЕНИЕ, КАСАЮЩЕЕСЯ ПЕРСИИ

Правительства России и Великобритании, взаимно обязавшись уважать целость и независимость Персии и желая искренне сохранения порядка на всем протяжении этой страны и ее мирного развития [...];

принимая во внимание, что каждое из них имеет, по причинам географического и экономического свойства, специальный интерес в поддержании мира и порядка в некоторых провинциях Персии [...] согласились о нижеследующих положениях:

Статья 1.

Великобритания обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать в пользу британских подданных, равно как и в пользу подданных третьих держав, каких-либо концессий политического или торгового свойства, как то: концессии железнодорожные, банковские, телеграфные, дорожные, транспортные, страховые и т.д. — по ту сторону линии, идущей от Касри-Ширина через Исфаган, Иезд, Хакк и оканчивающейся в точке на персидской границе при пересечении границ русской и афганской, и не противиться, ни прямо, ни косвенно, требованиям подобных концессий в этой области, поддерживаемых российским правительством. [...]

Статья 2.

Россия со своей стороны обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать в пользу российских подданных, равно как и в пользу подданных третьих держав, каких-либо концессий политического или торгового свойства [...] по ту сторону линии, идущей от афганской границы через Газик, Бирджанд, Керман и оканчивающейся в Бендер-Аббасе, и не противиться, ни прямо, ни косвенно, требованиям подобных концессий в этой области, поддерживаемых британским правительством. [...]

Статья 3.

Россия обязуется со своей стороны не противиться, не уговорившись предварительно с Англией, тому, чтобы какие-нибудь концессии были выдаваемы британским подданным в областях Персии, расположенных между линиями, упомянутыми в статьях 1 и 2.

Великобритания принимает тождественное обязательство в том, что касается концессий, могущих быть выданными русским подданным в тех же областях Персии.

Все концессии, существующие ныне в областях, указанных в статьях 1 и 2, сохраняются. [...]

Б: КОНВЕНЦИЯ, КАСАЮЩАЯСЯ АФГАНИСТАНА

[...] Статья 1.

Правительство Его Британского Вел-ва объявляет, что оно не имеет намерения изменять политическое положение Афганистана.

Правительство Его Британского Вел-ва обязуется, кроме того, осуществлять свое влияние в Афганистане только в миролюбивом смысле, и оно не примет само в Афганистане и не будет поощрять Афганистан принимать меры, угрожающие России.

Со своей стороны Российское Императорское правительство объявляет, что оно признает Афганистан находящимся вне сферы русского влияния; и оно обязуется пользоваться для всех своих политических сношений с Афганистаном посредничеством правительства Его Британского Вел-ва; оно обязуется также не посылать никаких агентов в Афганистан.

Статья 2.

Так как правительство Его Британского Вел-ва объявило в договоре, подписанном в Кабуле 21 марта 1905 года, что оно признает соглашение и обязательства, заключенные с покойным Эмиром Абдур-Рахманом, и что оно не имеет никакого намерения вмешиваться во внутреннее управление афганской территорией, Великобритания обязуется не присоединять или занимать, в противность сказанному договору, какой-либо части Афганистана и не вмешиваться во внутреннее управление этой страной, с оговоркой, что Эмир выполнит обязательства, уже принятые им по отношению к правительству Его Британского Вел-ва в силу вышеупомянутого договора. [...]

Статья 4.

Правительства России и Великобритании объявляют, что они признают по отношению к Афганистану принцип торгового равноправия и соглашаются в том, что все облегчения, которые были или будут приобретены впредь для торговли и торговцев английских и англо-индийских, будут равным образом применяемы к торговле и торговцам русским. [...]

Статья 5.

Настоящие соглашения войдут в силу лишь с момента, когда британское правительство заявит российскому правительству о согласии эмира на условия, выше постановленные.

В: СОГЛАШЕНИЕ, КАСАЮЩЕЕСЯ ТИБЕТА

Правительства России и Великобритании, признавая сюзеренные права Китая над Тибетом и принимая во внимание, что вследствие своего географического положения Великобритания имеет специальный интерес в том, чтобы видеть существующий порядок внешних сношений Тибета сохраненным полностью, условились о нижеследующем соглашении:

Статья 1.

Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются уважать территориальную целость Тибета и воздерживаться от всякого вмешательства в его внутреннее управление.

Статья 2.

Сообразуясь с признанным принципом сюзеренитета Китая над Тибетом, Россия и Великобритания обязуются сноситься с Тибетом только через посредство китайского правительства. Это обязательство не исключает, однако, непосредственных сношений английских коммерческих агентов с тибетскими властями, предусмотренных статьей 5 конвенции от 7 сентября 1904 года между Великобританией и Тибетом и подтвержденных конвенцией 27 апреля 1906 года между Великобританией и Китаем; оно не изменяет также обязательств, принятых на себя Великобританией и Китаем в силу статьи 1 сказанной конвенции 1906 года. [...]

Статья 3.

Российское и великобританское правительства обязуются, каждое за себя, не посылать представителей в Лхассу.

Статья 4.

Обе высокие стороны обязуются не домогаться или приобретать [...] никаких концессий железнодорожных, дорожных, телеграфных и горных, ни других прав в Тибете.

Статья 5.

Оба правительства согласны в том, что никакая часть доходов Тибета, ни в натуре, ни деньгами, не может быть заложена или предоставлена, как России и Великобритании, так и их подданным.

Г: ПРИЛОЖЕНИЕ К СОГЛАШЕНИЮ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ, КАСАЮЩЕМУСЯ ТИБЕТА

Великобритания вновь подтверждает декларацию, — подписанную его превосходительством вице-королем и генерал-губернатором Индии и приложенную к ратификации конвенции 7 сентября 1904 года, — постановляющую, что занятие долины Чумби британскими силами прекратится по уплате трех ежегодных взносов вознаграждения в 20 500 рупий, под условием, чтобы рынки, упомянутые во 2 статье сказанной конвенции, были действительно открыты в течение уже трех лет и чтобы тибетские власти за этот период строго сообразовались во всех отношениях с постановлениями означенной конвенции 1904 года. Считается конечно условленным, что если занятие долины Чумби британскими силами не прекратится по какой бы то ни было причине ко времени, предусмотренному вышеприведенной декларацией, правительства российское и британское войдут в дружеский обмен взглядов по сему предмету. [...]

15 **Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой**

Пекин, 31 мая 1924 г.

Статья 1.

Немедленно после подписания настоящего Соглашения восстанавливаются нормальные дипломатические и консульские сношения между обеими Договаривающимися Сторонами.

Правительство Китайской Республики соглашается принять нужные меры для передачи правительству Союза ССР помещения миссии и консульских зданий, ранее принадлежавших царскому правительству. [...]

Статья 3.

Правительства обеих Договаривающихся Сторон соглашаются аннулировать на конференции, предусмотренной предыдущей статьей, все конвенции, договоры, соглашения, протоколы, контракты и т.д., заключенные между правительством Китая и царским правительством, и заменить их новыми договорами, соглашениями и т.д. на основе равенства, взаимности и справедливости и в духе деклараций Советского правительства 1919 и 1920 годов.

Статья 4.

Правительство Союза ССР, в соответствии с его политикой и с декларациями 1919 и 1920 годов, объявляет уничтоженными и не имеющими силы все договоры, соглашения и т.д., затрагивающие суверенные права или интересы Китая, заключенные между бывшим царским правительством и какой-либо третьей стороной или сторонами.

Правительства обеих Договаривающихся Сторон заявляют, что в будущем ни одно из них не заключит никаких договоров или соглашений, которые могли бы нанести ущерб суверенным правам или интересам одной из двух Договаривающихся Сторон.

Статья 5.

Правительство Союза ССР признает, что Внешняя Монголия является составной частью Китайской Республики, и уважает там суверенитет Китая.

Правительство Союза ССР заявляет, что как только вопросы об отзывании всех войск Союза ССР из Внешней Монголии, а именно о предельном сроке отзыва этих войск и о мерах, имеющих быть принятыми в интересах безопасности границ, будут согласованы на конференции, указанной в статье 2 настоящего Соглашения, оно осуществит полное отзывание всех войск Союза ССР из Внешней Монголии.

Статья 6.

Правительства обеих Договаривающихся Сторон взаимно ручаются не допускать в пределах своих территорий, по принадлежности, суще-

ствования или деятельности каких-либо организаций или групп, задачей которых является борьба при посредстве насильственных действий против правительств какой-либо из Договаривающихся Сторон.

Правительства обеих Договаривающихся Сторон далее обязуются не производить пропаганды, направленной против политической и социальной системы какой-либо из Договаривающихся Сторон. [...]

16 Договор о гарантии и нейтралитете между Союзом Советских Социалистических Республик и Ираном (Персией)

Москва, 1 октября 1927 г.

Статья 1.

Основой взаимоотношений между Персией и Союзом Советских Социалистических Республик остается договор от 26 февраля 1921 года, все статьи и постановления которого остаются в силе и действие которого распространяется на всю территорию Союза Советских Социалистических Республик.

Статья 2.

Каждая из Договаривающихся Сторон обязуется воздерживаться от нападения и всяких агрессивных действий против другой Стороны или введения своих военных сил в пределы другой Стороны.

В случае же, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона обязуется соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта, причем Сторона, подвергшаяся нападению, не должна со своей стороны нарушить этот нейтралитет, несмотря ни на какие стратегические, тактические или политические соображения или выгоды, которые могли бы ей от этого представиться.

Статья 3.

Каждая из Договаривающихся Сторон обязуется не участвовать ни фактически, ни формально в политических союзах или соглашениях, направленных против безопасности на суше или на море другой Договаривающейся Стороны, равно как и против ее целостности, ее независимости или ее суверенитета.

Кроме того, обе Договаривающиеся Стороны отказываются от участия в экономических бойкотах и блокадах, организуемых третьими державами против одной из Договаривающихся Сторон.

[...]

17

Договор о дружбе и союзе между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой

(«Договор о союзе с Гоминьданом»)

Москва, 14 августа 1945 г.

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик и президент Национального правительства Китайской Республики, [...] решили заключить [...] настоящий договор.

Статья 1.

Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются совместно с другими Объединенными Нациями вести войну против Японии до окончательной победы. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются взаимно оказывать друг другу всю необходимую военную и другую помощь и поддержку в этой войне.

Статья 2.

Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются не вступать в отдельные переговоры с Японией и не заключать без взаимного согласия перемирия или мирного договора ни с нынешним японским правительством, ни с любым другим правительством или органом власти, созданным в Японии, которые не откажутся ясно от всяких агрессивных намерений.

Статья 3.

Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются после окончания войны против Японии совместно предпринимать все находящиеся в их власти меры для того, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Японией.

Если одна из Высоких Договаривающихся Сторон окажется вовлеченной в военные действия против Японии в результате нападения последней на эту Договаривающуюся Сторону, другая Высокая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет Договаривающейся Стороне, вовлеченной в военные действия, всю военную и другую поддержку и помощь имеющимися в ее распоряжении средствами.

Эта статья остается в силе до того времени, пока по просьбе обеих Высоких Договаривающихся Сторон на организацию «Объединенные Нации» не будет возложена ответственность за предупреждение дальнейшей агрессии со стороны Японии.

Статья 4.

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется не заключать какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции, направленных против другой Договаривающейся Стороны.

Статья 5.

Высокие Договаривающиеся Стороны, учитывая интересы безопасности и экономического развития каждой из них, уславливаются совме-

стно работать в тесном и дружественном сотрудничестве после наступления мира и действовать в соответствии с принципами взаимного уважения их суверенитета и территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела другой Договаривающейся Стороны. [...]

18 Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой *Москва, 14 февраля 1950 г.*

[...] Статья 1.

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются, что ими совместно будут предприниматься все имеющиеся в их распоряжении необходимые меры в целях недопущения повторения агрессии и нарушения мира со стороны Японии или любого другого государства, которое прямо или косвенно объединилось бы с Японией в актах агрессии. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны Японии или союзных с ней государств, и она окажется, таким образом, в состоянии войны, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет военную и иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

Договаривающиеся Стороны также заявляют о своей готовности в духе искреннего сотрудничества участвовать во всех международных действиях, имеющих своей целью обеспечение мира и безопасности во всем мире, и будут полностью отдавать свои силы скорейшему осуществлению этих целей.

Статья 2.

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются в порядке взаимного согласия добиться заключения в возможно более короткий срок совместно с другими союзными во время Второй мировой войны державами Мирного Договора с Японией.

Статья 3.

Обе Договаривающиеся Стороны не будут заключать какого-либо союза, направленного против другой Стороны, а также не будут участвовать в каких-либо коалициях, а также в действиях или мероприятиях, направленных против другой Стороны.

Статья 4.

Обе Договаривающиеся Стороны будут консультироваться друг с другом по всем важным международным вопросам, затрагивающим общие интересы Советского Союза и Китая, руководствуясь интересами укрепления мира и всеобщей безопасности.

Статья 5.

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются в духе дружбы и сотрудничества и в соответствии с принципами равноправия, взаимных

интересов, а также взаимного уважения государственного суверенитета и территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела другой Стороны — развивать и укреплять экономические и культурные связи между Советским Союзом и Китаем, оказывать друг другу всякую возможную экономическую помощь и осуществлять необходимое экономическое сотрудничество.

Статья 6.

Настоящий Договор вступает в силу немедленно со дня его ратификации; обмен ратификационными грамотами будет произведен в Пекине.

Настоящий Договор остается в силе в течение 30 лет, причем, если одна из Договаривающихся Сторон за год до истечения срока не заявит о желании денонсировать Договор, то он будет продолжать оставаться в силе в течение 5 лет и в соответствии с этим правилом будет пролонгироваться. [...]

Раздел 2

СОВРЕМЕННОСТЬ

**19 К народам Республик Средней Азии и Казахстана
Обращение руководителей Узбекской Советской
Социалистической Республики,
Казахской Советской Социалистической Республики,
Киргизской Советской Социалистической Республики,
Таджикской Советской Социалистической Республики,
Туркменской Советской Социалистической Республики
Алма-Ата, 23 июня 1990 г.¹**

Документ был принят в момент обострения политической борьбы внутри СССР по вопросам сохранения Советского Союза. Союзное руководство во главе с президентом СССР М. С. Горбачевым пыталось сохранить союз хотя бы в реформированном виде — форме мягкой конфедерации вместо жесткой федерации, которой фактически являлся СССР. М. С. Горбачеву противостоял президент РСФСР Б. Н. Ельцин. Незадолго до встречи в Алма-Ате, 12 июня 1990 г. Российская Федерация приняла Декларацию о государственном суверенитете, оставаясь внутри Советского Союза. Обозреватели справедливо расценили этот шаг Б. Н. Ельцина как знак намерения вывести Россию из состава СССР. Другие союзные республики, внимательно следя за действиями россий-

¹ По пути укрепления дружбы и добрососедства. Ташкент, 1990. С. 20—22.

ского руководства, пробовали скоординировать свои позиции. В этом состояла главная цель встречи в Алма-Ате.

Дорогие соотечественники, братья и сестры!

В нелегкое для судеб страны и каждой из наших республик время мы сочли своим долгом обратиться к вам со словами, которые всегда отвечали чаяниям и надеждам всех народов, являлись ведущим нравственным ориентиром в жизни человека. Дружба, добрососедство, согласие. [...] Убеждены, что и сегодня только сообща, всем миром заботясь о нашем общем доме, мы сможем продвинуться вперед в обновлении общества.

Каждый шаг на этом пути дается нелегко — слишком большую цену мы платим за допущенные в недавнем прошлом ошибки, за игнорирование законов общественного развития, догматические взгляды на жизненные реалии. Все это неминуемо сказалось на состоянии экономики и социальной сферы, нравственном и духовном здоровье общества. К сожалению, возникшие трудности пытаются использовать в неблагоприятных целях некоторые деструктивные силы, возбуждающие эмоции, подогревающие нездоровые страсти, в том числе и межнациональную рознь. В последнее время это зачастую ведет к тяжелым последствиям, возникновению конфликтов, нередко имеющих трагический исход и не приносящих ничего, кроме боли и людского горя.

Мы, участники встречи, обращаемся к убеленным сединой аксакалам, мужчинам и женщинам, юношам и девушкам, коммунистам и беспартийным, к общественным организациям, самодеятельным формированиям и движениям, представителям всех народов, для которых наши республики стали родиной, с призывом направить все силы, знания и энергию на созидательный труд, на укрепление единства и сплоченности во имя общего блага. Сейчас, как никогда, нужны благоразумие и сдержанность, взвешенность суждений и поступков [...].

20 Договор между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Казахской Советской Социалистической Республикой

Москва, 1 февраля 1991 г.

Статья 1.

Высокие Договаривающиеся Стороны признают друг друга суверенными государствами и обязуются воздерживаться от действий, которые могут нанести ущерб государственному суверенитету другой Стороны.

Статья 2.

Высокие Договаривающиеся Стороны гарантируют своим гражданам, независимо от их национальности или иных различий, равные права и свободы.

Высокие Договаривающиеся Стороны гарантируют гражданам СССР, проживающим на территориях Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Казахской Советской Социалистической Республики, после принятия Сторонами законов о гражданстве право сохранить гражданство той Стороны, на территории которой они проживают. [...]

Статья 6.

Высокие Договаривающиеся Стороны признают и уважают территориальную целостность Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Казахской Советской Социалистической Республики в сложившихся в рамках СССР границах.

Статья 7.

Высокие Договаривающиеся Стороны признают необходимость системы коллективной безопасности, включая сотрудничество обоих государств в области обороны и безопасности с учетом стремления обеих Сторон к дальнейшему укреплению мира.

Статья 8.

Высокие Договаривающиеся Стороны признают, что к сфере их совместной компетенции, реализуемой на равноправной основе через общие координирующие институты, относятся:

- вопросы защиты прав человека;
- взаимодействие во внешней политике;
- сотрудничество в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков, в области таможенной политики;
- управления системами энергетики, транспорта, информатики и связи, включая спутниковую связь и телекоммуникации;
- сотрудничество в области охраны окружающей среды на своих территориях, участие в создании всеобъемлющей международной системы экологической безопасности, оказание взаимной помощи при чрезвычайных обстоятельствах;
- вопросы миграционной политики;
- борьба с организованной и международной преступностью. [...]

21 Соглашение между Республикой Казахстан, Республикой Кыргызстан, Республикой Узбекистан, Республикой Таджикистан и Туркменистаном «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников»

Алма-Ата, 18 февраля 1992 г.

Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Узбекистан, Республика Таджикистан и Туркменистан, в дальнейшем именуемые Сторонами, [...] согласились в следующем.

Статья 1.

Признавая общность и единство водных ресурсов региона, Стороны обладают одинаковыми правами на пользование и ответственностью за обеспечение их рационального использования и охраны.

Статья 2.

Договаривающиеся стороны обязуются обеспечить строгое соблюдение согласованного порядка и установленных правил использования и охраны водных ресурсов.

Статья 3.

Каждая из сторон участвующих в Соглашении обязуется не допускать на своей территории действий, затрагивающих интересы других сторон и способных нанести им ущерб, привести к изменению согласованных величин расходов воды и загрязнению водоисточников.

Статья 4.

Стороны обязуются совместно проводить работы для решения экологических проблем, связанных с усыханием Аральского моря, а также устанавливать объемы санитарного пропуска на каждый конкретный год, исходя из водности межгосударственных источников.

В исключительно маловодные годы по вопросам водообеспечения остродефицитных районов принимается специальное отдельное решение.

Статья 5.

Стороны будут содействовать широкому информационному обмену по вопросам научно-технического прогресса в области водного хозяйства, комплексного использования и охраны водных ресурсов, проведению совместных исследований по научно-техническому обеспечению проблем и экспертиз проектов водохозяйственных и народно-хозяйственных объектов.

Статья 6.

Стороны принимают решение о совместном использовании производственного потенциала водного хозяйства республик. [...]

22 Договор о коллективной безопасности. (в 1992–1999 годах – «Ташкентский договор») Ташкент, 15 мая 1992 г.

Договор подписали Армения, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан, Узбекистан. В 1993 г. к нему присоединились Азербайджан, Грузия и Белоруссия. В 1999 г. по истечении первого пятилетнего срока действия Договора он был продлен, но из него вышли Армения, Грузия и Узбекистан. С этого времени Ташкентский договор стал именоваться просто «Договором о коллективной безопасности» (ДКБ). В 2002 г. на его основе была создана Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В 2006 г. по инициативе Узбекистана его членство в ДКБ было восстановлено.

Статья 1.

Государства-участники подтверждают обязательство воздерживаться от применения силы или угрозы силой в межгосударственных отношениях. Они обязуются разрешать все разногласия между собой и с другими государствами мирными средствами. Государства-участники не будут вступать в военные союзы или принимать участие в каких-либо группировках государств, а также в действиях, направленных против другого государства-участника.

В случае создания в Европе и Азии системы коллективной безопасности и заключения с этой целью договоров о коллективной безопасности, к чему неуклонно будут стремиться Договаривающиеся Стороны, государства-участники вступят в незамедлительные консультации друг с другом с целью внесения необходимых намерений в настоящий Договор.

Статья 2.

Государства-участники будут консультироваться друг с другом по всем важным вопросам международной безопасности, затрагивающим их интересы, и согласовывать по этим вопросам позиции.

В случае возникновения угрозы безопасности, территориальной целостности и суверенитету одного или нескольких государств-участников, либо угрозы международному миру и безопасности государства-участники будут незамедлительно приводить в действие механизм совместных консультаций с целью координации своих позиций и принятия мер для устранения возникшей угрозы.

Статья 3.

Государства-участники образуют Совет коллективной безопасности в составе Глав государств-участников и Главнокомандующего Объединенными Вооруженными Силами Содружества Независимых Государств.

Статья 4.

Если одно из государств-участников подвергнется агрессии со стороны какого-либо государства или группы государств, то это будет рассматриваться как агрессия против всех государств-участников настоящего Договора.

В случае совершения акта агрессии против любого из государств-участников все остальные государства-участники предоставят ему необходимую помощь, включая военную, а также окажут поддержку находящимся в их распоряжении средствами в порядке осуществления прав на коллективную оборону в соответствии со статьей 51 Устава ООН.

О мерах, принятых на основании настоящей статьи, государства-участники незамедлительно известят Совет Безопасности Организации Объединенных Наций. При осуществлении этих мер государства-участники будут придерживаться соответствующих положений Устава ООН.

Статья 5.

Координацию и обеспечение совместной деятельности государств-участников в соответствии с настоящим Договором берет на себя Совет коллективной безопасности государств-участников и создаваемые им органы. До создания указанных органов координацию деятельности Вооруженных Сил государств-участников осуществляет Главное командование Объединенных Вооруженных Сил Содружества.

Статья 6.

Решение об использовании Вооруженных Сил в целях отражения агрессии в соответствии со статьей 3 настоящего Договора принимается главами государств-участников.

Использование Вооруженных Сил за пределами территории государств-участников может осуществляться исключительно в интересах международной безопасности в строгом соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и законодательством государств-участников настоящего Договора.

Статья 7.

Размещение и функционирование объектов системы коллективной безопасности на территории государств-участников регулируется специальными соглашениями.

Статья 8.

Настоящий Договор не затрагивает прав и обязательств по другим действующим двусторонним и многосторонним договорам и соглашениям, заключенным государствами-участниками с другими государствами, и не направлен против третьих стран.

Настоящий Договор не затрагивает право государств-участников на индивидуальную и коллективную оборону от агрессии в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.

Государства-участники обязуются не заключать международные соглашения, несовместимые с настоящим Договором [...].

Статья 10.

Настоящий Договор открыт для присоединения всех заинтересованных государств, разделяющих его цели и принципы.

Статья 11.

Настоящий Договор заключается на пять лет с последующим продлением. Любое из государств-участников имеет право выйти из настоящего Договора, если оно поставит не менее чем за шесть месяцев в известность о своем намерении других его участников и выполнит все вытекающие в связи с выходом из настоящего Договора обязательства. [...]

23 Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Республикой Казахстан и Туркменистаном *Ашхабад, 19 мая 1992 г.*

[...] Статья 2.

Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются взаимодействовать в целях укрепления мира, сохранения стабильности и безопасности как в региональном, так и в глобальном измерениях.

В случае возникновения ситуации, создающей, по мнению одной из Высоких Договаривающихся Сторон, угрозу миру, нарушающей мир в регионе или на евразийском континенте, а также нарушающей существенные интересы ее безопасности, Высокие Договаривающиеся Стороны приводят в действие механизм совместных консультаций с целью координации своих позиций и принятия мер для устранения возникшей угрозы.

Статья 3.

Высокие Договаривающиеся Стороны не будут участвовать в каких-либо союзах или блоках, направленных против любой из них. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются не допускать использования своих территорий, систем коммуникаций и других инфраструктур третьим государством для осуществления агрессии против другой Высокой Договаривающейся Стороны, не оказывать никакой помощи третьим государствам при возникновении вооруженных конфликтов с одной из Высоких Договаривающихся Сторон.

Статья 4.

Высокие Договаривающиеся Стороны признают и уважают территориальную целостность и нерушимость ныне существующих границ Республики Казахстан и Туркменистана. [...]

Статья 5.

Высокие Договаривающиеся Стороны в соответствии с общепризнанными международными нормами о правах человека, а также с учетом своего национального законодательства гарантируют лицам, проживающим на их территориях, равные права и свободы независимо от их национальных или иных различий.

Статья 6.

[...] Высокие Договаривающиеся Стороны способствуют развитию и обеспечивают защиту этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности национальных меньшинств или этнических групп другой Высокой Договаривающейся Стороны на своей территории и создают условия для поощрения этой самобытности. [...]

Статья 10.

Высокие Договаривающиеся Стороны будут осуществлять взаимное сотрудничество в области энергетики, всех видов транспорта, связи и коммуникаций, включая спутниковую связь и телекоммуникации,

способствуя сохранению и развитию сложившихся в этих областях комплексов и единых систем.

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обеспечивает транспортные операции другой Высокой Договаривающейся Стороны через морские, воздушные порты, железнодорожную и автомобильную сети и трубопроводы, расположенные на их территориях. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон будет обеспечивать на своей территории на принципах взаимности беспрепятственный и беспошлинный транзит пассажиров и грузов другой Высокой Договаривающейся Стороны.

В целях комплексного использования экономического потенциала своих стран, Высокие Договаривающиеся Стороны ускорят строительство железнодорожных линий Красноводск—Бекдаш—Новый Узень (Ералиево), Газанджик—Гызылэтрек, Теджен—Сарахс с последующей их электрификацией.

Статья 11.

Высокие Договаривающиеся Стороны согласовывают свои усилия по всестороннему и рациональному использованию потенциальных ресурсов Каспийского моря.

Статья 12.

[...] Осознавая глобальный характер экологической катастрофы Аральского моря и районов Приаралья, Высокие Договаривающиеся Стороны будут объединять усилия в деле восстановления экологической системы Арала, взаимодействовать в выработке и реализации международных и, особенно, региональных программ в этой области. [...]

Статья 15.

Высокие Договаривающиеся Стороны согласились о том, что вопросы пенсионного обеспечения граждан одной Высокой Договаривающейся Стороны, проживающих на территории другой Высокой Договаривающейся Стороны, будут урегулированы специальным соглашением на основе признания права граждан на пенсионное обеспечение.

Статья 16.

[...] Высокие Договаривающиеся Стороны подтверждают взаимное признание документов об образовании, дипломов и аттестатов, выданных их гражданам, и не допускают ограничений в их применении на своих территориях. [...]

24 Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Казахстан *Москва, 25 мая 1992 г.*

Российская Федерация и Республика Казахстан, именуемые в дальнейшем Высокими Договаривающимися Сторонами, [...] договорились о нижеследующем.

Статья 1.

Высокие Договаривающиеся Стороны строят свои отношения как дружественные государства, последовательно руководствуясь принципами взаимного уважения государственного суверенитета и территориальной целостности, мирного урегулирования споров и неприменения силы или угрозы силой, включая экономические и иные способы давления, равноправия и невмешательства во внутренние дела, соблюдения прав человека и основных свобод, добросовестного выполнения обязательств, а также другими общепризнанными нормами международного права.

Статья 2.

Высокие Договаривающиеся Стороны неизменно взаимодействуют в целях укрепления мира, стабильности и безопасности как в региональном, так и в глобальном измерениях. Стороны проводят согласованную внешнюю политику, способствующую процессу разоружения, повышению эффективности создаваемых систем и механизмов коллективной безопасности, в том числе региональных, а также усилению миротворческой роли ООН, совместно содействуют мирному урегулированию конфликтов и ситуаций, затрагивающих их интересы. В целях координации своей внешней политики Стороны проводят на регулярной основе консультации по вопросам, представляющим взаимный интерес, включая международные проблемы.

Статья 3.

Высокие Договаривающиеся Стороны всемерно взаимодействуют в обеспечении надежной совместной обороны в рамках общего военно-стратегического пространства на основе согласованных положений своих военных доктрин и принципа оборонной достаточности. Российская Федерация окажет содействие в становлении и развитии Вооруженных Сил Республики Казахстан, создаваемых на базе воинских частей и соединений, расположенных на территории последней, с учетом принятых ею международных обязательств. Стороны согласуют принципы и порядок совместного использования средств контроля воздушного и космического пространства, а также других технических средств контроля в их обоюдных интересах.

Статья 4.

Высокие Договаривающиеся Стороны в целях обеспечения надежной безопасности и по согласованию между собой допускают совместное использование военных баз, полигонов и иных объектов оборонного назначения, которые расположены на их территориях, а также использование вооруженными силами одной Стороны объектов оборонного назначения, находящихся на территории другой Стороны. Порядок использования таких объектов определяется отдельными соглашениями.

Статья 5.

В случае возникновения ситуации, создающей, по мнению одной из Высоких Договаривающихся Сторон, угрозу миру, нарушающей мир в евразийском регионе или нарушающей существенные интересы ее безопасности, она может обратиться к другой Высокой Договаривающейся Стороне с просьбой безотлагательно провести консультации. Стороны будут обмениваться соответствующей информацией и при необходимости осуществлять согласованные меры для преодоления такой ситуации. В случае совершения акта агрессии против одной из Сторон или обеих, Стороны окажут друг другу необходимую помощь, включая военную.

Статья 6.

Высокие Договаривающиеся Стороны не будут участвовать в каких-либо союзах или блоках, направленных против любой из них. Каждая из Сторон воздерживается от участия или поддержки каких-либо действий или мероприятий, направленных против другой Стороны, и не допускает, чтобы ее территория была использована в целях подготовки или осуществления агрессии или иных насильственных действий против другой Стороны, а также проводит консультации о возможности оказания помощи третьим государствам при возникновении вооруженных конфликтов между этими государствами и другой Стороной.

Статья 7.

Высокие Договаривающиеся Стороны проводят скоординированную военно-техническую политику, включая финансирование согласованных военных программ, сотрудничают в проведении конверсии военной промышленности. Стороны проводят скоординированную политику в сфере экспорта и импорта военной технологии и оружия с соблюдением установленных международных правил.

Статья 8.

Высокие Договаривающиеся Стороны, подтверждая решимость совместно идти по пути сокращения вооруженных сил и вооружений, в том числе ядерных, будут способствовать процессу разоружения и взаимодействовать в деле неукоснительного выполнения соглашений в области сокращения вооруженных сил и вооружений, с учетом обязательства Республики Казахстан присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 года в качестве государства-участника, не обладающего ядерным оружием. До завершения вывода ядерного оружия с территории Республики Казахстан Стороны будут сотрудничать с целью обеспечения безопасной эксплуатации этого оружия.

Статья 9.

Высокие Договаривающиеся Стороны при необходимости создадут путем заключения отдельных соглашений совместные координирующие

органы, которые могут потребоваться для осуществления положений, содержащихся в статьях 2–8 настоящего Договора.

Статья 10.

Высокие Договаривающиеся Стороны признают и уважают территориальную целостность и нерушимость существующих границ Российской Федерации и Республики Казахстан. Стороны будут запрещать и пресекать в соответствии со своим законодательством создание и деятельность на своих территориях организаций и групп, а также действия отдельных лиц, направленные против независимости, территориальной целостности обоих государств либо на обострение межнациональных отношений.

Статья 11.

Высокие Договаривающиеся Стороны гарантируют своим гражданам и лицам без гражданства, независимо от их национальных или иных различий, равные права и свободы. Каждая Сторона гарантирует также гражданам другой Стороны, проживающим на ее территории, независимо от их национальной принадлежности, вероисповедания или иных различий, гражданские, политические, социальные, экономические и культурные права и свободы в соответствии с общепризнанными международными нормами о правах человека, а также с учетом законодательства Сторон. Высокие Договаривающиеся Стороны гарантируют лицам, проживающим на их территории, в соответствии с их свободным волеизъявлением, право выбрать гражданство государства проживания или приобрести гражданство другой Стороны на основе законодательства Сторон.

Статья 12.

Высокие Договаривающиеся Стороны защищают права своих граждан, проживающих на территории другой Стороны, оказывают им покровительство и поддержку в соответствии с общепризнанными нормами международного права и обязательствами по СБСЕ. Стороны заключают консульскую конвенцию и другие соглашения, необходимые для обеспечения защиты прав своих граждан, проживающих на территории другой Высокой Договаривающейся Стороны.

Статья 13.

Высокие Договаривающиеся Стороны, придерживаясь принципа открытости границ между ними, признают необходимым разработать и осуществить согласованный комплекс мер по регулированию миграционных процессов, включая взаимное обеспечение свободного перемещения граждан обоих государств и общий режим для въезда и выезда граждан Сторон в третьи страны, не входящие в единое визовое пространство Содружества Независимых Государств, и граждан этих стран на территории Сторон.

Статья 14.

Высокие Договаривающиеся Стороны способствуют развитию и обеспечивают защиту этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности национальных меньшинств на своей территории и создают условия для поощрения этой самобытности. Каждая из Сторон гарантирует право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, индивидуально или совместно с другими лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, свободно выражать, сохранять и развивать свою этническую, культурную, языковую или религиозную самобытность, поддерживать и развивать свою культуру во всех ее аспектах, не подвергаясь каким-либо попыткам ассимиляции вопреки своей воле. Стороны гарантируют право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, полностью и эффективно осуществлять свои права человека и основные свободы и пользоваться ими без какой-либо дискриминации и в условиях полного равенства перед законом. Стороны обеспечивают право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, на эффективное и адекватное их потребности участие в государственных делах, относящихся к защите и поощрению самобытности таких меньшинств. Стороны заключат соглашение о сотрудничестве в целях обеспечения прав лиц, принадлежащих к этническим, языковым, культурным и религиозным меньшинствам.

Статья 15.

Высокие Договаривающиеся Стороны принимают на своей территории эффективные меры, включая принятие соответствующих законодательных актов, для предотвращения и пресечения любых действий, подстрекающих к насилию против лиц или групп, основанному на национальной, расовой, этнической или религиозной нетерпимости, враждебности или ненависти, а также защиты лиц или групп, которые могут подвергнуться угрозам или актам насилия, дискриминации или враждебности по причинам их этнической, языковой, культурной или религиозной самобытности, включая защиту их собственности. Стороны при необходимости создадут двустороннюю комиссию по правам человека.

Статья 16.

Высокие Договаривающиеся Стороны будут содействовать расширению и углублению равноправного и взаимовыгодного экономического и научно-технического сотрудничества хозяйствующих субъектов всех уровней с целью использования их потенциалов для формирования эффективного общего экономического пространства. Стороны координируют действия в области экономических преобразований, включая структурную, денежно-кредитную, валютную, налоговую и ценовую политику. Стороны, участвуя в Таможенном союзе, созданном Соглашением о принципах таможенной политики государств Содружества от 13 марта 1992 года, проводят согласованную таможенную политику, обеспечива-

ют беспрепятственное перемещение товаров, капиталов и услуг между ними. Стороны заключают соответствующие двусторонние соглашения по развитию торгово-экономического, научно-технического и других форм сотрудничества, а также о сроках и условиях перехода на взаимные расчеты по мировым ценам. Стороны взаимодействуют в различных международных экономических, финансовых и других организациях и институтах, оказывая поддержку друг другу в участии или вступлении в те международные организации, членом которых является одна из Сторон. Каждая из Сторон будет воздерживаться от осуществления односторонних мер, дестабилизирующих экономическое положение другой Стороны.

Статья 17.

Экономические и торговые отношения Сторон строятся на основе взаимного предоставления режима наибольшего благоприятствования или национального режима, в зависимости от того, какой из них наиболее благоприятен.

Статья 18.

Высокие Договаривающиеся Стороны будут обеспечивать благоприятные экономические, финансовые и правовые условия для предпринимательской и иной хозяйственной деятельности, включая стимулирование и взаимную защиту инвестиций, всемерно поощрять различные формы кооперации и прямых связей между гражданами, предприятиями, фирмами и другими субъектами экономического сотрудничества обоих государств. Стороны осуществляют широкий обмен экономической информацией и обеспечивают доступ к ней предприятий, предпринимателей и ученых обеих Сторон.

Статья 19.

Высокие Договаривающиеся Стороны будут осуществлять сотрудничество в областях энергетики, всех видов транспорта, информатики, связи и коммуникаций, включая спутниковую связь и телекоммуникации, способствуя сохранению, рациональному использованию и развитию сложившихся в этих областях комплексов и единых систем.

Статья 20.

Высокие Договаривающиеся Стороны будут неукоснительно следовать достигнутому между ними соглашению о принципах сотрудничества и условиях взаимоотношений в области транспорта, обеспечивая на своих территориях беспрепятственный и беспопшлинный транзит всеми видами транспорта пассажиров и грузов каждой Стороны.

Статья 21.

Высокие Договаривающиеся Стороны на равноправной основе взаимодействуют в деле рационального использования и развития общих систем переработки, использования и экспорта нефти и природного газа, объединения усилий для оптимального развития базовых отраслей про-

мышленности и отраслей агропромышленного комплекса, а также в области сейсмологии.

Статья 22.

Правовой режим государственного имущества, имущества юридических лиц и граждан одной Стороны, находящегося на территории другой Стороны, регулируется законодательством Стороны места нахождения имущества, если иное не предусмотрено соглашением между ними. Если одна из Сторон заявляет о принадлежности ей находящегося на территории другой Стороны имущества, на которое предъявляют претензии третьи лица или государства, то другая Сторона обязана принять все необходимые меры по охране и сохранению такого имущества до окончательного решения вопроса о его принадлежности и не вправе передавать его кому-либо без определенно выраженного согласия первой Стороны. Все иные вопросы отношений собственности, затрагивающие интересы Сторон, подлежат урегулированию отдельными соглашениями.

Статья 23.

Высокие Договаривающиеся Стороны придают приоритетное значение обеспечению экологической безопасности. Действуя в соответствии с двусторонними и многосторонними соглашениями, Стороны будут принимать необходимые меры для предотвращения загрязнения окружающей среды и обеспечения рационального и ресурсосберегающего природопользования, содействовать разработке и осуществлению совместных специальных природоохранных программ и проектов, особенно в экологически напряженных регионах. Стороны будут оказывать друг другу всестороннее содействие в ликвидации последствий крупных экологических катастроф на их территориях, а также оказывать взаимную помощь при возникновении чрезвычайных ситуаций, вызванных природными и техногенными факторами и создающих угрозу для жизнедеятельности населения.

Статья 24.

Высокие Договаривающиеся Стороны будут укреплять сотрудничество в области предотвращения трансграничных загрязнений, способствуя согласованным действиям в этой области на региональном и глобальном уровнях, стремясь к созданию всеобъемлющей международной системы экологической безопасности и взаимодействия, включая защиту и восстановление экологических систем Каспия и Арала.

Статья 25.

Высокие Договаривающиеся Стороны будут расширять сотрудничество в области фундаментальных научных исследований космического пространства и использовании их результатов в интересах обоих государств и международного сообщества, совместно содействовать мирному освоению космоса и контролю за соблюдением соглашений

о предотвращении распространения на него гонки вооружений. Стороны будут развивать на взаимовыгодной основе научно-технический потенциал космодрома Байконур и определят порядок его использования отдельным соглашением.

Статья 26.

Высокие Договаривающиеся Стороны, опираясь на многовековые традиции, будут расширять и углублять связи между их народами в области культуры и искусства, спорта и туризма. Стороны обеспечивают доступность и свободное пользование всем культурно-историческим наследием, архивами, информационными и научно-техническими банками данных и фондами. Стороны будут всемерно содействовать расширению обменов между творческими коллективами, деятелями культуры и специалистами, учреждениями культуры на государственном, региональном и местном уровнях. Стороны заключат отдельные соглашения по этим вопросам, в том числе соглашение об открытии культурных центров двух государств на территории друг друга.

Статья 27.

Высокие Договаривающиеся Стороны будут всемерно поощрять всестороннее развитие языков и культур всех наций и народностей, проживающих на их территориях, изучение национальных языков в дошкольных учреждениях и учебных заведениях.

Статья 28.

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон намерена обеспечивать режим свободной деятельности средств массовой информации обоих государств в рамках своего законодательства.

Статья 29.

Высокие Договаривающиеся Стороны признают необходимость совместных действий по охране здоровья народов, развитию медицинской науки и практики, их материально-технической базы, обеспечению лекарственными средствами, изделиями медицинской техники и продуктами детского питания. Стороны сохраняют доступность и равноправное пользование уникальными и специализированными медицинскими учреждениями одной Стороны для лечения и получения консультационной помощи населением другой Стороны.

Статья 30.

Высокие Договаривающиеся Стороны согласились в том, что вопросы пенсионного обеспечения граждан одной Стороны на территории другой Стороны будут урегулированы специальным соглашением на основе признания права граждан на пенсионное обеспечение.

Статья 31.

Высокие Договаривающиеся Стороны будут осуществлять сотрудничество в области образования, подготовки кадров высшей научной квалификации и обязуются не ограничивать права граждан одной Сторо-

ны на обучение в учебных заведениях другой Стороны. Стороны подтверждают равный статус выданных их гражданам документов об образовании, ученых степенях и званиях и не допускают ограничений в их применении на своих территориях.

Статья 32.

Высокие Договаривающиеся Стороны примут меры для обеспечения широкого и эффективного сотрудничества в области фундаментальных и прикладных исследований, использования достижений современной науки, техники и технологии. Стороны будут содействовать углублению тесных контактов на долговременной основе между их национальными академиями и научными центрами, поощрять осуществление общих программ и проектов, обмен учеными, исследователями, стажерами и практикантами, оказывать содействие созданию и деятельности совместных научных и научно-производственных коллективов.

Статья 33.

Высокие Договаривающиеся Стороны признают необходимость сотрудничества в области права. Стороны будут осуществлять регулярный обмен информацией о разработке и применении правовых актов, объединять усилия по участию в подготовке международно-правовых документов. Стороны примут меры по сближению своего законодательства, в том числе регулирующего хозяйственные отношения, функционирование энергетической и транспортной систем, а также борьбу с особо опасными преступлениями. Стороны заключат соглашение о правовой помощи по уголовным, гражданским и семейным делам.

Статья 34.

Высокие Договаривающиеся Стороны будут расширять и углублять сотрудничество в борьбе с организованной, в том числе международной, преступностью, терроризмом, пиратством, наркоманией, а также незаконным оборотом наркотиков и оружия, контрабандой и незаконным вывозом культурных ценностей, актами, направленными против безопасности морского судоходства и гражданской авиации. [...]

Статья 40.

Настоящий Договор заключается сроком на десять лет. Его действие будет автоматически продлено на следующий десятилетний период, если ни одна из Сторон не заявит, путем письменного уведомления, о своем желании денонсировать его не позднее чем за шесть месяцев до истечения срока действия настоящего Договора. Совершено в Москве 25 мая 1992 года в двух экземплярах, каждый на русском и казахском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

25 **Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН**

Нью-Йорк, 5 октября 1992 г.

На предыдущей сессии Казахстан был единодушно принят в члены Организации Объединенных Наций. [...]

Современный миропорядок уже трудно представить без ООН. С этим уникальным международным институтом мировое сообщество связывает многие надежды, главная из которых — формирование надежного механизма, надежной стабильности и безопасности.

Сегодня мир вплотную подошел к той черте, за которой явные и смутные вызовы будущего заставляют нас перейти к новому качеству координации и организации наших совместных усилий. [...] Первый аспект — это мировое сообщество и новая роль ООН в мире. [...] Концепцию Бутроса Гали по превентивной дипломатии мы считаем крайне своевременной, политически рациональной инициативой, к реализации которой должны подключиться все члены мирового сообщества.

При этом рассматриваем превентивную дипломатию как систему политических и социально-экономических мер, направленных на предотвращение возгорания очагов потенциальной напряженности. [...]

Так, нетрудно понять, что вопрос о границах — это пороховая бочка, готовая взорваться в любую минуту, причем ее взрыв, как правило, захватывает не только тех, кто балуется с огнем, но многих других, имеющих к подносящему факел весьма отдаленное отношение.

На мой взгляд, очевидно, что даже один прецедент с пересмотром ныне существующих границ вызовет цепную реакцию геополитического распада с непредсказуемыми последствиями. Говоря о значимости принципа нерушимости государственной территории, хочу также подчеркнуть, что права национальных меньшинств сегодня нередко отождествляются с правом наций на самоопределение, вплоть до создания самостоятельных государств. Если придерживаться такого подхода, то гипотетически в мире может появиться несколько тысяч экономически слабых суверенов. Такая ситуация будет яркой демонстрацией торжества фетишизации принципа, доведенного до полного абсурда. [...] Под прикрытием права нации на самоопределение будет ставиться под сомнение государственная целостность любой многонациональной страны, и разъедающему сепаратизму не будет конца.

В то же время, заглядывая сегодня далеко в XXI век и предполагая очаги потенциальной напряженности, хотелось бы обозначить перед мировым сообществом, среди некоторых других вызывающих серьезное беспокойство вопросов, проблему воды в центральноазиатском регионе, которая со временем может стать источником опасных разногла-

сий в самом сердце древнейшего материка. Я убежден, что уже сейчас необходима ускоренная разработка специальных проектов ООН, предусматривающих поэтапное эффективное решение проблемы обеспечения водными ресурсами Центральной Азии.

[...] Усилия ООН, судя по фактам последних месяцев, имеют преимущественно политический и военно-политический характер. Здесь наблюдается применение больше запрета, чем поощрения и стимула. Эти меры нацелены на снижение поверхностных напряжений, но пока никак не влияют на глубинные основания возникающих и развивающихся конфликтов.

Второй аспект, на котором я хотел бы остановиться, это проблема мира и безопасности на нашем континенте — Азии, или, еще шире — Евразии. Речь идет об инициативе Республики Казахстан по проведению Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА).

Идея создания на нашем континенте структур безопасности и сотрудничества в Азии (СБСА) по типу СБСЕ в Европе давно витает в воздухе, но пока не находит широкой поддержки. [...]

[...] Третий аспект, о котором нельзя не сказать, касается процессов, происходящих в СНГ.

Хрупкая конструкция содружества, созданного в конце прошлого года, пока не в полной мере учитывает вековые традиции взаимодействия стран и народов этой части Евразии. В результате процессы перехода к экономике свободных рынков и демократии в СНГ сопровождаются нарастанием социально-экономической и политической нестабильности, обострением существующих конфликтов и порождением новых.

Казахстан предпринимает все возможные усилия для воссоздания в новом качестве общего таможенно-экономического пространства в рамках единой зоны свободной торговли. [...]

26 **Протокол о поправках к Измирскому договору. Решение Исламабадского чрезвычайного заседания Совета министров Организации экономического сотрудничества (ОЭС) о присоединении государств Центральной Азии, Азербайджана и Афганистана Исламабад, 28 ноября 1992 г.¹**

Правительства Исламской Республики Иран, Исламской Республики Пакистан и Турецкой Республики, действуя порядком, предусмотренным Статьями 36 и 37 Договора с изменениями, внесенными в них

¹ Перевод с английского.

согласно Протоколу о поправках к Измирскому Договору от 18 июня 1990 г., пришли к соглашению относительно нижеследующих поправок к Измирскому Договору от 12 марта 1977 года.

2. Перечисленные ниже пункты Статьи 1 Измирского Договора подлежат вводу следующих изменений: [...]

3. К Статье 1 Договора подлежит добавлению пункт (х), гласящий нижеследующее:

«Члены-основатели» означает Исламскую Республику Иран, Исламскую Республику Пакистан и Турецкую Республику.

4. Статья 3 Договора подлежит изменению и должна гласить нижеследующее:

«Страны-члены обязуются рассматривать, на основе своих договорных обязательств, возможность содействия как можно большему снижению, в должное время, уровня торговых барьеров внутри региона ЭКО в свете того опыта, который должен быть накоплен в пределах Системы льготных тарифов ЭКО, однако без ущерба для прочих международных обязательств, взятых на себя Страна-членами». [...]

11. Статья 35 подлежит изменению и должна гласить нижеследующее:

«Организация может налаживать отношения тесного сотрудничества с международными организациями, с другими региональными группами, с государствами, а также с иными образованиями, учреждениями или ведомствами. Характер и масштабы указанного сотрудничества подлежат определению Советом Министров».

12. Содержание второго пункта Статьи 36 подлежит замене помещенным ниже текстом:

«Государство, подающее заявку, обязуется уважать и неукоснительно соблюдать положения настоящего Договора и принимает на себя все вытекающие из него обязательства. После принятия его заявки государство-заявитель обязуется подписать Документ о присоединении к Договору и затем ратифицировать указанное присоединение, действуя в соответствии со своими конституционными нормами и практикой. Соответствующая Ратификационная грамота подлежит хранению в течение периода времени, составляющего 18 месяцев с даты, указанной в Документе о присоединении, правительством Исламской Республики Иран, которое обязуется передать заверенные копии этой грамоты остальным Страна-членам и в Секретариат.

В ожидании указанной ратификации новая Страна-член имеет право, с согласия Совета Министров, принимать участие, как полноправный член, в деятельности всех органов ЭКО, а также вносить установленный для нее взнос в бюджет ЭКО». [...]

27 Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Комиссией Европейских Сообществ об учреждении, привилегиях и иммунитетах Представительства Комиссии Европейских Сообществ в Республике Казахстан

Брюссель, 2 февраля 1993 г.

Правительство Республики Казахстан и Комиссия Европейских Сообществ, именуемая в дальнейшем «Комиссия» [...], согласились о нижеследующем.

Статья 1.

Правительство Республики Казахстан настоящим соглашается с учреждением Представительства Комиссии на территории Республики Казахстан.

Статья 2.

1. Каждое из Европейских Сообществ [...] пользуется на территории Республики Казахстан правосубъектностью. [...]

Статья 3.

1. Представительство Комиссии, его Глава и сотрудники, а также живущие вместе с ними члены их семей, пользуются на территории Республики Казахстан правами, привилегиями и иммунитетами и несут обязательства, которые закреплены в Венской Конвенции о дипломатических сношениях 1961 года. [...] Привилегии и иммунитеты, о которых идет речь в настоящем пункте, не распространяются на сотрудников Представительства, являющихся гражданами Республики Казахстан. [...]

Статья 4.

Правительство Республики Казахстан настоящим признает служебные паспорта, выдаваемые Европейскими Сообществами должностным лицам и другим служащим их учреждений, в качестве действительных проездных документов.

[...]

28 Меморандум по переговорному процессу в Таджикистане

Тегеран, 4 марта 1994 г.

Таджикский диалог в рамках Дартмутской конференции проводился шесть раз, начиная с марта 1993 г. Участники обсудили широкий круг мнений относительно перспектив развития ситуации в Таджикистане. Встречи проходили при участии американских и российских членов Дартмутской рабочей группы по региональным конфликтам.

Принимая во внимание:

- важность политического урегулирования, установления прочного мира и гражданского примирения;

-
- недавнее заявление обеих сторон о необходимости начала переговоров для достижения мира, стабильности и развития республики, включая Заявление оппозиции об отказе от претензий на политическую власть;
 - необходимость создания условий для проведения референдума по Конституции и выборов нового парламента на основе многопартийной системы и уважения к правам человека и свободе в демократическом обществе,
 - участники Диалога обращаются к лидерам Республики Таджикистан и к оппозиции со своими соображениями о возможности начала и организации переговоров между правительством и оппозиционными силами.

Общими задачами договаривающихся сторон являются:

- 1) достижение договоренности о плане сотрудничества всех сторон, включая национальные меньшинства, по прекращению насилия, восстановлению общественной безопасности и созданию условий для возвращения беженцев;
- 2) достижение договоренности по проекту Конституции, организации общенародного обсуждения для подготовки к референдуму по этой Конституции, а также обеспечение условий для свободных демократических выборов;
- 3) разработка скоординированных действий по развитию поэтапного политического процесса национального примирения;
- 4) достижение договоренности об организации национальной рабочей группы по вопросам экономической стабилизации и развития.

Для выполнения этих задач договаривающиеся стороны создадут [...] рабочие группы и будут осуществлять координацию и надзор за их деятельностью. [...]

29 Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о военном сотрудничестве

Москва, 28 марта 1994 г.

Российская Федерация и Республика Казахстан, в дальнейшем именуемые Сторонами [...], договорились о нижеследующем. [...]

Статья 3.

Стратегические ядерные силы, размещенные на территории Российской Федерации и Республики Казахстан, выполняют задачи в интересах безопасности Сторон.

Республика Казахстан, учитывая сложившуюся систему функционирования стратегических ядерных сил, находящихся на ее территории, признает за указанными воинскими формированиями стратегических

ядерных сил статус стратегических ядерных сил Российской Федерации — российских воинских формирований, расположенных на территории Республики Казахстан на временной основе.

До полной ликвидации стратегического ядерного оружия, временно размещенного на территории Республики Казахстан, или его вывода на территорию Российской Федерации, решение о необходимости его применения принимается Президентом Российской Федерации по согласованию с Президентом Республики Казахстан.

При этом Российская Федерация гарантирует принятие организационных и технических мер, исключающих несанкционированное применение стратегического ядерного оружия, размещенного на территории Республики Казахстан. [...]

Статья 4.

Все движимое и недвижимое военное имущество является собственностью Стороны, на территории которой оно размещалось по состоянию на 31 августа 1991 года.

Российская Федерация признает право Республики Казахстан на получение эквивалента (в денежной или иной форме) стоимости согласованных Сторонами материалов ядерных боеприпасов, носителей, а также оборудования и другого имущества стратегических ядерных сил, находившихся на территории Республики Казахстан по состоянию на 31 августа 1991 года, при выводе их на территорию Российской Федерации. [...]

Исходя из интересов совершенствования совместной обороны и укрепления национальной безопасности, каждая из Сторон в соответствии со своим законодательством может на взаимовыгодных условиях передавать другой Стороне во владение и пользование имущество своих Вооруженных Сил, в том числе и на условиях аренды. [...]

Статья 6.

Признавая важность строгого соблюдения положений Договора между СССР и США об ограничении противоракетной обороны от 26 мая 1972 года, а также взаимные интересы Российской Федерации и Республики Казахстан, Стороны исходят из понимания того, что использование испытательного полигона Сары-Шаган будет осуществляться в целях создания и совершенствования систем или компонентов ПРО, размещаемых в районе, как это определено Статьей 3 упомянутого Договора. При этом условия использования Сторонами полигона Сары-Шаган определяются отдельным Соглашением. [...]

Статья 8.

[...] Стороны могут создавать объединенные воинские формирования под объединенным командованием. [...]

Статья 11.

Стороны заключат Соглашение об использовании сил и средств Военно-Морских сил Республики Казахстан и Военно-Морского флота

Российской Федерации в акватории Каспийского моря в интересах совместного обеспечения безопасности Сторон. [...]

30 Договор аренды комплекса «Байконур» между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан

Москва, 10 декабря 1994 г.

Правительство Российской Федерации и Правительство Республики Казахстан, именуемые в дальнейшем Арендатором и Арендодателем или Сторонами, [...] заключили настоящий Договор о нижеследующем:

Статья 1. Используемые понятия и термины

1.1. Комплекс «Байконур» — испытательные, технологические, научные, производственно-технические, социальные и обеспечивающие объекты космодрома «Байконур» и город Ленинск с их движимым и недвижимым имуществом.

1.2. Космодром «Байконур» — территория с размещенными на ней технологическими, техническими, обеспечивающими и административно-служебными объектами, входящими в комплекс «Байконур» и предназначенными для выполнения космических программ.

1.3. Город Ленинск — административно-территориальная единица Республики Казахстан, функционирующая в условиях аренды с размещенными на его территории объектами космодрома «Байконур», а также другими объектами, создающими необходимые коммунально-бытовые и социально-культурные условия для персонала космодрома «Байконур», членов их семей и других жителей города.

1.4. Объекты космодрома «Байконур» — технические, стартовые, посадочный и измерительный комплексы, объекты поисково-спасательной службы, хранилища, заправочно-нейтрализационные станции, сооружения, жилые, административные здания и служебные помещения, объекты социальной сферы, иные элементы этих комплексов и служб, а также другие объекты с соответствующим имуществом, земельными участками и необходимыми санитарно-защитными зонами, включая земельные участки, отведенные под районы падения отделяющихся частей ракет-носителей, расположенные на территории Республики Казахстан. [...]

Статья 2. Предмет Договора

Арендодатель сдает, а Арендатор принимает в аренду комплекс «Байконур». [...]

Статья 4. Сроки аренды

4.1. Комплекс «Байконур» передается в аренду на 20 лет.

4.2. Срок аренды будет продлен на последующие 10 лет, если ни одна из Сторон не заявит путем письменного уведомления о своем намере-

нии расторгнуть настоящий Договор не позднее, чем за 6 месяцев до истечения срока его действия¹. [...]

Статья 6. Условия аренды

6.1. Объекты и имущество комплекса «Байконур», находившиеся на территории Республики Казахстан по состоянию на 31 августа 1991 года, являются ее собственностью. Права собственности на недвижимое и движимое имущество, создаваемое, приобретаемое и поставляемое после 31 августа 1991 года, принадлежат Стороне, осуществившей финансирование его создания, приобретения и поставки. В случае долевого финансирования права собственности определяются отдельными соглашениями. [...]

6.5. Продукция и доходы, получаемые Арендатором в результате использования комплекса «Байконур» в целях, не противоречащих настоящему Договору, являются его собственностью. [...]

6.10. Финансирование жизнедеятельности города Ленинска и содержания его инфраструктуры осуществляется за счет средств государственного бюджета Российской Федерации. Республика Казахстан участвует в финансировании города Ленинска с целью обеспечения социальных прав граждан Республики Казахстан, предусмотренных ее законодательством.

Объемы финансирования определяются Сторонами ежегодно. Расходование средств осуществляет администрация города Ленинска при участии и под контролем Российско-Казахстанской Межправительственной комиссии по комплексу «Байконур».

6.11. Командир космодрома «Байконур» назначается на должность и освобождается от должности Президентом Российской Федерации по согласованию с Президентом Республики Казахстан. [...]

6.13. Правопорядок, безопасность, особый режим и охрану комплекса «Байконур» устанавливает и обеспечивает Арендатор. [...]

31 Договор о создании Единого экономического пространства между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан

Чолпон-Ата, 30 апреля 1994 г.

(Внесены изменения Решением Межгосударственного Совета Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан от 17 июля 1998 г.)

Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Республика Узбекистан, именуемые в дальнейшем Высокие Договаривающиеся Сторо-

¹ Согласно Соглашению между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о развитии сотрудничества по эффективному использованию комплекса «Байконур» (Астана, 9 января 2004 г.) срок аренды продлен до 2050 г. — *Прим. ред.*

ны, [...] договорились о создании Единого экономического пространства между Кыргызской Республикой, Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан.

Статья 1.

Единое экономическое пространство между Кыргызской Республикой, Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан создается в целях реализации совместных Программ по углублению экономической интеграции между Кыргызской Республикой, Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан на 1994–2000 годы, предполагает свободное перемещение товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и обеспечивает согласованную кредитно-расчетную, бюджетную, налоговую, ценовую, таможенную и валютную политику. [...]

Статья 3.

Высокие Договаривающиеся Стороны при формировании Единого экономического пространства:

- создадут необходимые правовые, экономические и организационные условия для свободного перемещения капиталов и рабочей силы;
- будут проводить согласованную политику в области развития транспорта и коммуникаций, направленную на осуществление эффективных перевозок грузов и пассажиров;
- создадут условия для добросовестной конкуренции, включая механизм антимонопольного регулирования;
- будут применять свободные (договорные) цены во взаимной торговле, складывающиеся с учетом интеграции внутренних рынков, и не допустят односторонних действий по ограничению доступа товаров (услуг) на свои рынки;
- обеспечат развитие прямых экономических связей между хозяйствующими субъектами и создадут благоприятные условия для укрепления производственной кооперации;
- будут содействовать созданию совместных предприятий, производственных объединений в приоритетных отраслях, сети коммерческих и финансово-кредитных учреждений и организаций;
- обеспечат равные экономические условия для взаимного инвестирования капиталов, координацию инвестиционной политики, включая привлечение иностранных инвестиций и кредитов в сферы экономики, представляющие взаимный интерес, и создадут действенный механизм защиты прав и интересов инвесторов.

Статья 4.

Высокие Договаривающиеся Стороны в целях создания условий для свободной торговли признали необходимым:

- отмену таможенных пошлин и последовательное снижение налогов, сборов и других ограничений;

-
- упрощение таможенных процедур;
 - гармонизацию таможенного законодательства, унификацию форм документации для ведения таможенной статистики;
 - поэтапное сближение тарифов на перевозки грузов и пассажиров при соблюдении принципа свободы транзита и механизмов тарифного и нетарифного регулирования;
 - отмену таможенного досмотра багажа и ручной клади граждан Кыргызской Республики, Республики Казахстан и Республики Узбекистан при перемещении их через таможенную границу Высоких Договаривающихся Сторон, за исключением случаев, когда имеются достаточные основания полагать, что провозятся оружие, наркотические и психотропные средства, валютные и культурные ценности. [...]

Статья 6.

Формирование валютно-денежной системы, базирующейся на использовании национальных валют, будет проводиться поэтапно и основывается на принципах:

- взаимного признания национальных валют и их официальных котировок;
- достижения взаимной конвертируемости национальных валют по текущим операциям;
- осуществления платежей в национальных валютах через межгосударственные акционерные, национальные и уполномоченные коммерческие банки. [...]

Статья 8.

Высокие Договаривающиеся Стороны проведут последовательную гармонизацию налоговых систем, законодательных положений о порядке взимания налогов и применения ставок налогов на основе единства методологии учета затрат на производство.

Статья 9.

Высокие Договаривающиеся Стороны не допускают дискриминации граждан Сторон по национальному или любому иному признаку в вопросах предоставления рабочих мест, оплаты труда, взаимно признают документы об образовании и квалификации работников без дополнительного их подтверждения, если этого не требуют условия или характер работы, и обеспечивают безвизовый режим перемещения их граждан в пределах территории Единого экономического пространства. [...]

Статья 15.

Настоящий Договор заключается до 2000 года и автоматически продлевается на последующие пятилетние периоды, если ни одна из Высоких Договаривающихся Сторон не заявит о прекращении своего участия в нем не позднее чем за 6 месяцев до истечения срока действия Договора. [...]

32

Договор между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о правовом статусе граждан Республики Казахстан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, и граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Республики Казахстан

Москва, 20 января 1995 г.

Республика Казахстан и Российская Федерация, именуемые в дальнейшем Сторонами, [...] договорились о нижеследующем.

Статья 1.

1. Для целей настоящего Договора гражданин одной Стороны считается постоянно проживающим на территории другой Стороны, если он на основании разрешения, выданного этой другой Стороной, постоянно проживает на ее территории и при этом не является лицом, постоянно проживающим на территории Стороны своего гражданства. [...]

Статья 3.

1. Гражданин одной Стороны, постоянно проживающий на территории другой Стороны, обязан соблюдать Конституцию и законодательство, уважать традиции и обычаи Стороны проживания.

2. Гражданин одной Стороны, постоянно проживающий на территории другой Стороны, сохраняет правовую связь со Стороной гражданства и пользуется покровительством и защитой обеих Сторон.

Статья 4.

1. Гражданин одной Стороны, постоянно проживающий на территории другой Стороны, пользуется такими же правами и свободами и несет такие же обязанности, что и граждане Стороны проживания, за изъятиями, установленными настоящим Договором.

2. Гражданин одной Стороны, постоянно проживающий на территории другой Стороны, не пользуется следующими правами:

- а) избирать и быть избранным на высшие государственные должности и в представительные органы власти Стороны проживания;
- б) участвовать во всенародном голосовании (общегосударственном референдуме), проводимом Стороной проживания;
- в) занимать должности на дипломатической службе, в органах безопасности и в органах внутренних дел Стороны проживания;
- г) занимать должности в центральных органах исполнительной власти, должности судьи, прокурора в Стороне проживания;
- д) занимать должности глав областных, районных, городских, сельских, поселковых администраций и их заместителей.

3. Граждане одной Стороны, постоянно проживающие на территории другой Стороны, могут занимать должности руководителей и за-

местителей руководителей структурных подразделений областных, районных, городских, сельских, поселковых администраций, а также отделов, управлений, комитетов и других организаций, входящих в систему местных органов исполнительной власти, в соответствии с порядком, согласованным Сторонами.

Статья 5.

1. Документы об образовании, выданные гражданину одной Стороны, постоянно проживающему на территории другой Стороны, в учебном заведении Стороны гражданства, признаются на территории Стороны проживания независимо от даты их выдачи.

2. Документы, указанные в п. 1 настоящей Статьи, дают право гражданину одной Стороны, постоянно проживающему на территории другой Стороны, поступать в учебные заведения, расположенные на территории обеих сторон, и действительны при приеме на работу по указанной в документах специальности.

Статья 6.

1. Стороны, в соответствии со своим законодательством, гарантируют гражданам одной Стороны, постоянно проживающим на территории другой Стороны, право на владение, пользование и распоряжение собственностью, принадлежащей этим гражданам. [...]

2. Гражданин одной Стороны, постоянно проживающий на территории другой Стороны, участвует в приватизации государственной собственности Стороны проживания наравне с ее гражданами в соответствии с законодательством, действующим в Стороне проживания. [...]

3. Если на момент вступления в силу настоящего Договора гражданин одной Стороны, постоянно проживающий на территории другой Стороны, использовал свое право на участие в приватизации государственной собственности одной из Сторон, он не вправе участвовать в приватизации государственной собственности другой Стороны. [...]

Статья 9.

1. Правоспособность и дееспособность гражданина одной Стороны, постоянно проживающего на территории другой Стороны, определяются законодательством Стороны проживания. [...]

Статья 12.

На гражданина одной Стороны, постоянно проживающего на территории другой Стороны, не распространяются ограничения в правах или дополнительные обязанности, которые установлены или могут быть установлены для иностранных граждан в Стороне проживания. [...]

Статья 16.

Настоящий Договор действует в течение пяти лет со дня его вступления в силу и автоматически продлевается на последующий пятилетний период, если ни одна из Сторон не заявит об обратном за шесть месяцев до истечения указанного срока.

33 **Стратегический курс России с государствами— участниками Содружества Независимых Государств. Утвержден Указом № 940 Президента Российской Федерации**

Москва, 14 сентября 1995 г.

Развитие Содружества Независимых Государств (далее именуется — СНГ) отвечает жизненным интересам Российской Федерации, а отношения с государствами СНГ — важный фактор включения России в мировые политические и экономические структуры.

1. Цели и основные задачи Стратегического курса России с государствами—участниками Содружества Независимых Государств

1. Приоритетность отношений с государствами — участниками Содружества Независимых Государств (далее именуются — государства СНГ) в политике Российской Федерации определяется прежде всего тем, что:

- на территории СНГ сосредоточены наши главные жизненные интересы в области экономики, обороны, безопасности, защиты прав россиян, обеспечение которых составляет основу национальной безопасности страны;
- эффективное сотрудничество с государствами СНГ является фактором, противостоящим центробежным тенденциям в самой России.

2. Главной целью политики России в отношении СНГ является создание интегрированного экономически и политически объединения государств, способного претендовать на достойное место в мировом сообществе.

3. Развивая отношения с партнерами по СНГ, важно твердо руководствоваться принципом ненападения ущерба интересам России. Разнонаправленные интересы партнеров необходимо согласовывать на основе сбалансированности взаимных компромиссов.

4. Основные задачи политики России в отношении с государствами СНГ:

- обеспечение надежной стабильности во всех ее измерениях: политическом, военном, экономическом, гуманитарном и правовом;
- содействие становлению государств СНГ в качестве политических и экономически устойчивых государств, проводящих дружественную политику в отношении России;
- укрепление России в качестве ведущей силы формирования новой системы межгосударственных политических и экономических отношений на территории постсоюзного пространства;
- наращивание интеграционных процессов в СНГ. [...]

III. Национальная безопасность

12. Вести дело к созданию системы коллективной безопасности на основе Договора о коллективной безопасности (ДКБ) от 15 мая 1992 г. и двусторонних соглашений между государствами СНГ.

Поощрять намерение государств — участников ДКБ объединиться в оборонный союз на базе общности интересов и военно-политических целей. [...]

Добиваться от государств СНГ выполнения обязательства воздерживаться от участия в союзах и блоках, направленных против любого из этих государств.

13. Углублять сотрудничество между государствами СНГ в сфере безопасности государственных границ. [...]

Одновременно, с учетом внешнеполитической ситуации, осуществлять обустройство государственной границы Российской Федерации со всеми сопредельными государствами в соответствии с Законом Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации», учитывая при этом, что долгосрочным планам России соответствует сохранение принципа открытости границ внутри СНГ.

На практике руководствоваться дифференцированным подходом к отдельным участкам государственной границы Российской Федерации в зависимости от состояния двусторонних отношений с тем или иным государством.

14. Исходить из того, что важной составной частью усилий по обеспечению стабильности на территории СНГ является миротворческая деятельность, направленная на урегулирование и предотвращение конфликтов в государствах СНГ преимущественно мирными политико-дипломатическими средствами.

Вести дело к тому, чтобы миротворчество стало плодом коллективных усилий государств СНГ путем их более активного участия на всех этапах деятельности по налаживанию механизма оперативного решения вопросов миротворчества в рамках СНГ.

Всю работу в этом направлении проводить во взаимодействии с ООН и ОБСЕ, добиваться реального участия этих международных организаций в урегулировании конфликтов на территории СНГ.

При этом взаимодействии с третьими странами и международными организациями достигать с их стороны понимания того, что этот регион прежде всего является зоной интересов России.

Развивать сотрудничество по линии служб безопасности, прежде всего с целью недопущения использования территории СНГ спецслужбами третьих стран во враждебных России целях. Сотрудничество со службами безопасности государств СНГ строить при строгом соблю-

дении законодательства Российской Федерации и уважении международных обязательств России в области прав человека.

IV. Гуманитарное сотрудничество и права человека

15. Активизировать культурный обмен России с государствами ближнего зарубежья, сотрудничество с ними в области науки, образования, спорта. Обеспечивать российское теле- и радиовещание на ближнее зарубежье, поддерживать продвижение российской прессы в этот регион, осуществлять подготовку в России национальных кадров для государств СНГ.

Особое внимание уделить восстановлению позиций России как главного образовательного центра на территории постсоветского пространства, имея в виду необходимость воспитания молодого поколения государств СНГ в духе дружественного отношения к России.

Наладить взаимный обмен информацией и сотрудничество национальных комиссий по делам ЮНЕСКО государств СНГ.

16. Добиваться реального обеспечения всем гражданам государств СНГ независимо от национальности и иных различий равных прав и свобод. Способствовать выражению, сохранению и развитию этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности всех народов, населяющих эти страны.

Активно содействовать адаптации россиян к новым политическим и социально-экономическим реалиям в странах их постоянного проживания — бывших республиках СССР.

В случае нарушений прав россиян в государствах СНГ в качестве возможной меры воздействия ставить решение вопросов финансового, экономического, военно-политического и другого сотрудничества России с конкретным государством в зависимость от реальной позиции в области соблюдения прав и интересов россиян на его территории.

Оказывать россиянам содействие в осуществлении производственно-хозяйственной, предпринимательской, коммерческой, культурно-просветительской, образовательной деятельности.

Завершить разработку в рамках СНГ договорно-правовой базы, регулирующей взаимоотношения государств СНГ в области соблюдения основных прав и свобод человека и национальных меньшинств, имея в виду необходимость снятия остроты национального вопроса в принципе. [...]

34 Обращение участников 14-го раунда Межтаджикского диалога в рамках Дартмутской конференции к Президенту Республики Таджикистан Эмомали Рахмонову, лидеру Объединенной таджикской оппозиции Саиду Абдулло Нури, руководству международных организаций и стран-наблюдателей, руководителям официальных делегаций на межтаджикских переговорах

Ашхабад, 30 ноября 1995 г.

Приветствуя договоренности, достигнутые между Президентом Республики Таджикистан Эмомали Рахмоновым и лидером таджикской оппозиции Саидом Абдулло Нури относительно основных принципов установления мира и национального согласия в Таджикистане, зафиксированные ими в совместном Кабульском протоколе от 17 августа 1995 г., мы считаем целесообразным и необходимым ускорить их реализацию.

Одним из важнейших средств решения политических проблем современного Таджикистана, включая углубление процесса демократизации таджикского общества, является созыв Консультативного Форума народов Таджикистана. Полагаем, что в интересах национального примирения следует максимально ускорить сроки созыва этого Форума.

[...] Мы обращаемся ко всем заинтересованным сторонам с настоятельной просьбой рассмотреть наши рекомендации и наш Меморандум 13-го раунда Межтаджикского диалога от 11–14 сентября 1995 г. (текст прилагается) в связи с созывом Консультативного Форума народов Таджикистана и учесть их в ходе переговоров.

35 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН А/50/80 «Постоянный нейтралитет Туркменистана»

Нью-Йорк, 12 декабря 1995 г.

Генеральная Ассамблея,
рассмотрев вопрос о постоянном нейтралитете Туркменистана, подтверждая суверенное право каждого государства независимо определять свою внешнюю политику в соответствии с нормами и принципами международного права и Устава Организации Объединенных Наций, приветствуя законодательное закрепление Туркменистаном статуса постоянного нейтралитета,

приветствуя также стремление Туркменистана к активной и позитивной роли в развитии мирных, дружественных и взаимовыгодных отношений со странами региона и государствами всего мира,

выражая надежду на то, что статус постоянного нейтралитета Туркменистана будет содействовать укреплению мира и безопасности в регионе,

принимая во внимание поддержку, оказанную Движением непри-
соединившихся стран и Организацией экономического сотрудничества
статусу постоянного нейтралитета Туркменистана,

признавая, что принятие статуса постоянного нейтралитета не зат-
рагивает выполнение его обязательств, вытекающих из Устава, и будет
способствовать достижению целей Организации Объединенных Наций,

1. Признает и поддерживает провозглашенный Туркменистаном
статус постоянного нейтралитета;

2. Призывает государства — члены Организации Объединенных
Наций уважать и поддерживать этот статус Туркменистана, уважая так-
же его независимость, суверенитет и территориальную целостность.

36 Сепаратизм в Синьцзяне

В середине 1990-х годов под влиянием распада СССР и образования
независимых государств в Центральной Азии произошла активизация
этнических движений на территории КНР в среде меньшинств Синь-
цзяна. Усилились сепаратистские настроения уйгуров, казахов и других
этнических групп, проживающих в Китае. Стали создаваться полити-
ческие организации сторонников отделения Синьцзяна или его отдель-
ных частей от КНР. Таких организаций оказалось довольно много. Боль-
шинство из них действовало в странах Центральной Азии, Афганистане
и западных государствах. С учетом мнения Китая во второй половине
1990-х годов Казахстан и Киргизия стали запрещать эти организации на
своей территории. Нередко действуя в подполье, сепаратистские дви-
жения и группы постоянно реорганизовывались, сливались и распада-
лись. Среди них были более умеренные и откровенно экстремистские.
Публикуемые ниже три документа дают представление о причинах, по
которым руководство КНР добивается запрета деятельности подобных
организаций на территории всех государств.

а) Проект создания Фронта национального освобождения Восточного Туркестана

[Алматы] 1995 г.¹

Статья 1.

Этот фронт организуется тайно для руководства действиями эмиг-
рантов из Восточного Туркестана против маоизма. Он легализуется толь-
ко тогда, когда будет повсеместно достигнута независимость Восточно-
го Туркестана.

¹ Сыроежкин К. Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопас-
ность в Центральной Азии. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. Приложение 10. С. 654.

Статья 2.

В своих рядах фронт будет объединять всех восточнотуркестанских интеллигентов и других, которые прошли проверку в длительной борьбе и которые ставят перед собой непосредственную задачу борьбы против маоизма. Члены фронта будут подразделяться на отдельные ячейки. В целях выполнения задач, стоящих перед фронтом и сохранения конспирации, необходимо применить прием принесения присяги. [...]

б) Политическая программа Фронта национального освобождения Восточного Туркестана

[Алматы] 1995 г.¹

Эта организация внесена Организацией Объединенных Наций в список террористических организаций.

Наша славная Родина — Восточный Туркестан (ВТ) вопреки воле его народов насильственно был присоединен к Китаю и ныне находится в составе Китая.

Предоставление автономии ВТ в составе КНР не могло ликвидировать непрерывных трений и стремления уйгуров и других народов ВТ сбросить с себя китайское иго. Борьба народов ВТ за свое освобождение, независимость не прекращается ни на один день.

В этой обстановке жгучей необходимостью является объединение различных слоев населения, различных народов, политических партий, организаций, всех патриотов на совместную борьбу против китайских поработителей. Задачу объединения, консолидации сил, освобождения страны, изгнания захватчиков мы считаем особенно настоятельной. И в целях выполнения этой благородной задачи, мы, сторонники независимости ВТ, решили посвятить свои жизни делу национального спасения Родины и выступить с программой, направленной на объединение народов ВТ в борьбе [...]

СУАР — не является выражением государственности уйгурского и других народов Восточного Туркестана. Эта автономия — единица в составе китайского государства, не пользуется на деле реальным самоуправлением. [...]

Фронт национального освобождения Восточного Туркестана призывает всех, кому дороги интересы наших народов [...], вступить в его ряды и вместе, сообща выполнять наш священный долг. Фронт национального освобождения Восточного Туркестана обязуется формировать из числа добровольцев вооруженные силы освобождения, включающие регулярные войска и партизанские части.

Фронт обязуется наряду с использованием вооруженной борьбы против агрессора, развивать и укреплять политические силы страны, спо-

¹ Сыроежкин К. Л. Указ. соч. С. 665–660.

собствовать развертыванию политической борьбы, сочетать вооруженную борьбу с борьбой политической, использовать все имеющиеся возможности для политического решения вопроса достижения независимости, демократического развития страны по пути социального прогресса. [...]

В целях достижения независимости и свободы страны, Фронт национального освобождения Восточного Туркестана намечает следующие политические мероприятия:

1) создать демократическую республику Восточный Туркестан: ликвидировать Синьцзян-Уйгурский автономный район. [...];

2) отменить действие Конституции КНР на территории Восточного Туркестана и все другие антинациональные и антидемократические законы [...];

3) провести демократические выборы, основанные на принципах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, избрать национальное собрание — мажлис, являющийся работоспособным органом народного представительства. Этот орган избирается непосредственно гражданами ВТР — Восточно-Туркестанской республики. Он разрабатывает демократическую конституцию — Основной закон республики. Конституция республики должна отражать самые глубокие и настоятельные чаяния народов ВТ и обеспечить создание демократического государственного строя. [...]

**в) Программа Организации освобождения Уйгурстана.
Принята IV съездом ООУ**

[Алматы] 1995 г.¹

[...]

Общеизвестно, что уйгуры лишились своей государственности, а Уйгурстан был захвачен и превращен в колонию маньчжурскими завоевателями в 1759 году. После падения господства маньчжурских богдыханов он с 1911 года оказался под властью китайского империалистического режима Сунь Ятсена, а в 1950 году, по договору между коммунистическими Китаем и СССР, в угоду их имперских интересов предательски был включен в состав КНР под названием Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

При этом Организация освобождения Уйгурстана не выставляет каких-либо территориальных претензий к сопредельным государствам, равно как и не предъявляет к ним претензий по созданию каких-либо автономных образований в местах компактного проживания уйгуров.

Организация освобождения Уйгурстана исходит из того, что восстановление уйгурской государственности станет основой создания гуман-

¹ Сыроежкин К. Л. Указ. соч. Приложение 13. С. 673–676.

ного, подлинно правового общества, где гражданский мир и межнациональное согласие обеспечат всем уйгуранцам достойную жизнь независимо от их национальной, расовой, религиозной и классовой принадлежности. [...]

В своей деятельности Организация использует мирные политические средства борьбы путем мобилизации и сосредоточения мирового, в том числе и китайского прогрессивного общественного мнения вокруг судьбы многострадального Уйгустана и уйгурского народа. Она не приемлет и осуждает экстремизм во всех его формах, не приемлет идеи революционного радикализма любого толка.

[...] Организация освобождения Уйгустана считает, что на современном этапе наибольшую угрозу миру и демократии представляет КНР, возглавляемая носителями идеи коммунистического тоталитаризма. [...]

37 Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы

Шанхай, 26 апреля 1996 г.

Российская Федерация, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, составляющие Совместную Сторону, и Китайская Народная Республика, далее именуемые Сторонами, [...] согласились о нижеследующем.

Статья 1.

Вооруженные силы Сторон, дислоцированные в районе границы, как составная часть вооруженных сил Сторон, не будут использоваться для нападения на другую Сторону, вести какую-либо военную деятельность, угрожающую другой Стороне и нарушающую спокойствие и стабильность в районе границы.

Статья 2.

1. В целях развития отношений добрососедства и дружбы, сохранения в районе границы обстановки долговременной стабильности, укрепления взаимного доверия в военной области в районе границы Стороны предпринимая следующие меры:

- 1.1 обмениваются информацией о согласованных компонентах вооруженных сил и пограничных войск (пограничных частей);
- 1.2 не проводят военные учения, направленные против другой Стороны;
- 1.3 ограничивают масштабы, географические пределы и количество войсковых учений;
- 1.4 уведомляют о крупномасштабной военной деятельности и перемещениях войск, вызванных чрезвычайной ситуацией;

-
- 1.5 уведомляют о временном вводе войск и вооружений в 100-километровую географическую зону по обе стороны от линии границы между Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, с одной стороны, и Китаем, с другой стороны (далее именуемую — линия границы);
 - 1.6 взаимно приглашают наблюдателей на войсковые учения;
 - 1.7 уведомляют о временном заходе боевых речных кораблей военноморского флота / военно-морских сил в 100-километровую географическую зону по обе стороны от линии Восточной части российско-китайской границы;
 - 1.8 принимают меры по предотвращению опасной военной деятельности;
 - 1.9 запрашивают о неясных ситуациях;
 - 1.10 укрепляют дружеские контакты между военнослужащими вооруженных сил и пограничных войск (пограничных частей) в районе границы и осуществляют другие согласованные Сторонами меры доверия. [...]

Статья 3.

1. Стороны обмениваются информацией относительно численности личного состава и количества основных видов вооружений и военной техники сухопутных войск, военно-воздушных сил, авиации войск противовоздушной обороны, пограничных войск (пограничных частей), дислоцированных в 100-километровой географической зоне по обе стороны от линии границы. [...]

Статья 4.

1. Стороны не проводят военные учения, направленные против другой Стороны. [...]

Статья 5.

1. Стороны уведомляют о военной деятельности в 100-километровой географической зоне по обе стороны от линии границы в следующих случаях, когда:

- 1.1 проводится войсковое учение с количеством участников более 25 тысяч человек;
 - 1.2 войска, размещенные за пределами 1200-километровой географической зоны по обе стороны от линии границы, временно вводятся в эту зону в количестве 9 и более тысяч человек или 250 и более боевых танков;
 - 1.3 численность призываемого из запаса личного состава в 100-километровую географическую зону по обе стороны от линии границы достигает или превышает 9 тысяч человек.
2. Стороны на добровольной основе уведомляют друг друга о войсковых учениях с участием 9 и более тысяч человек или 250 и более боевых танков, проводимых в любое время в 100-километровой географической

ческой зоне по обе стороны от линии границы и за пределами этой зоны. [...]

Статья 7.

1. Боевые речные корабли военно-морского флота / военно-морских сил Сторон (корабль, катер, предназначенные для ведения боевых действий и вооруженные системами боевого вооружения) могут временно заходить в 100-километровую географическую зону по обе стороны от линии границы в следующих целях:

1.1 ликвидации последствий стихийных бедствий;

1.2 прохода через 100-километровую географическую зону по обе стороны от линии границы без нанесения ущерба.

2. Российские боевые речные корабли Военно-морского флота могут временно заходить в 100-километровую географическую зону от линии Восточной части российско-китайской границы [...]

3. Временный заход боевых речных кораблей военно-морского флота / военно-морских сил в 100-километровую географическую зону по обе стороны от линии границы с целями, не указанными выше, может осуществляться только после предварительного согласования Сторонами.

4. Общее количество боевых речных кораблей военно-морского флота / военно-морских сил каждой из Сторон, одновременно находящихся в 100-километровой географической зоне по обе стороны от линии границы, не должно превышать 4 единиц. [...]

Статья 9.

1. В случае возникновения в районе границы неясной ситуации или в связи с вопросами и сомнениями одной Стороны в отношении соблюдения Соглашения другой Стороной каждая Сторона имеет право обратиться к другой Стороне с запросом. [...]

Статья 10.

1. Стороны осуществляют и развивают следующие формы сотрудничества между вооруженными силами в сопредельных военных округах:

1.1 взаимные официальные визиты военных руководителей;

1.2 взаимные ознакомительные поездки военных делегаций и групп специалистов различного уровня;

1.3 взаимные приглашения на добровольной основе наблюдателей на войсковые и командно-штабные учения;

1.4 обмен опытом военного строительства, боевой подготовки, а также материалами и информацией о жизни и деятельности войск;

1.5 сотрудничество органов тыла в строительстве, продовольственном и вещевом снабжении войск и в других областях;

1.6 взаимные приглашения на добровольной основе для участия в национальных праздниках, культурных мероприятиях и спортивных соревнованиях;

1.7 другие формы сотрудничества по согласованию Сторон.

2. Конкретные планы сотрудничества согласовываются органами внешних связей вооруженных сил Сторон.

Статья 11.

1. Пограничные войска (пограничные части) Сторон развивают сотрудничество по следующим направлениям:

- 1.1 установление и развитие контактов между пограничными частями всех уровней, обсуждение вопросов пограничного сотрудничества и обмен информацией, способствующей пограничному сотрудничеству;
- 1.2 проведение консультаций и осуществление согласованных мероприятий по пресечению противоправной деятельности, поддержанию спокойствия и стабильности на государственной границе;
- 1.3 предотвращение возможных инцидентов и конфликтных ситуаций на государственной границе;
- 1.4 своевременное уведомление и оказание взаимной помощи в случае стихийных бедствий, эпидемий, эпизоотий и т.д., которые могут причинить ущерб другой Стороне;
- 1.5 обмен опытом охраны государственной границы и подготовки пограничных войск (пограничных частей);
- 1.6 обмен делегациями, развитие культурного, спортивного обменов и других видов дружественных контактов.

2. Конкретные мероприятия по сотрудничеству между пограничными войсками (пограничными частями) согласовываются пограничными ведомствами Сторон.

Статья 12.

Пограничные войска (пограничные части) Сторон не применяют негуманных и грубых форм обращения с нарушителями границы. Применение оружия пограничным персоналом Сторон определяется внутренним законодательством Сторон и соответствующими соглашениями России, Казахстана, Киргизии, Таджикистана с Китаем. [...]

Статья 15.

1. Настоящее Соглашение заключается на неограниченный срок и может быть изменено или дополнено по согласию Сторон. [...]

38 Измирский договор о внесении изменений в текст Измирского договора 1977 года о создании Организации экономического сотрудничества (ОЭС)

Измир, 14 сентября 1996 г.

Правительства Исламского Государства Афганистан, Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Исламской Республики Пакистан, Республики Таджикистан, Турецкой Республики, Туркменистана и Республики Узбекистан:

принимая во внимание Измирский договор, первоначально подписанный в Измире (Турция) 12 марта 1977 года Ираном, Пакистаном и Турцией и дополненный в 1990 году и в 1992 году как главный Устав Организации экономического сотрудничества (ЭКО); [...] договорились о нижеследующих статьях Договора. [...]

Статья 2. Задачи

Задачи Организации состоят в: [...]

б) принятии мер по последовательному устранению торговых барьеров в регионе ЭКО и расширению внутри- и межрегиональной торговли, с учетом опыта и глобальных экономических направлений;

в) расширении в соответствии с главными стремлениями стран-членов экономического сотрудничества с целью активизации роли и вклада региона ЭКО в рост мировой торговли и устранение несправедливой торговой политики, приводящей к неблагоприятным условиям торговли развивающихся стран, в частности, для стран ЭКО, путем выработки единого подхода на международных форумах;

г) последовательной и постепенной интеграции экономики стран-членов в мировую экономику для обеспечения их более активного участия в процессе глобализации;

д) налаживании активного регионального сотрудничества и взаимопомощи в экономической, социальной, культурной, технической и научной сферах;

е) ускорении развития транспортной и коммуникационной инфраструктуры, которая свяжет страны-члены между собой и с остальным миром;

ж) содействии интеграции деятельности государственного и частного секторов, уделяя особое внимание либерализации экономики и приватизации и стремясь к расширению участия частного сектора в региональном экономическом развитии в форме совместных предприятий и инвестиций;

з) разработке совместных программ по развитию людских ресурсов в регионе ЭКО;

и) в мобилизации и использовании природных ресурсов региона ЭКО, в частности, энергетических; [...]

Статья 13. Членство

1. Любое государство, находящееся в географической близости к региону ЭКО и/или разделяющее задачи и принципы ЭКО, может подать заявку о приеме в члены Организации. Такое государство направляет свою заявку через Генерального Секретаря в Совет Министров ЭКО, который может принять решение о приеме нового члена единогласно. [...]

5. Любая страна-член может в любое время выйти из членства в Организации, официально уведомляя Генерального Секретаря о своем намерении выйти из членства, который в свою очередь сообщает об этом уве-

домлении остальным странам-членам. Выход из членства вступает в силу через шесть месяцев после получения Генеральным Секретарем соответствующего уведомления и выполнения всех финансовых обязательств данной страны в отношении Организации. [...]

Статья 16. Заключительные положения

[...] 3. После вступления в силу настоящий Договор заменит собой первоначальный Измирский договор от марта 1977 года и Протоколы от 1990 и 1992 года. [...]

39 Договор о вечной дружбе между Республикой Узбекистан, Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой *Бишкек, 10 января 1997 г.*

Республика Узбекистан, Республика Казахстан и Кыргызская Республика, далее именуемые Высокие Договаривающиеся Стороны, [...] договорились о нижеследующем.

Статья 1.

Республика Узбекистан, Республика Казахстан и Кыргызская Республика, будучи братскими и дружественными государствами, строят свои отношения на основе широкомасштабного сотрудничества и взаимного доверия. [...]

Статья 2.

Высокие Договаривающиеся Стороны будут развивать сотрудничество, оказывая разностороннюю поддержку, в первую очередь, в вопросах предотвращения угрозы независимости и суверенитету, территориальной целостности и проведению независимой политики.

Статья 3.

Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются не допускать использования своей территории в целях вооруженной агрессии или враждебной деятельности против других Высоких Договаривающихся Сторон.

В случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из Высоких Договаривающихся Сторон, представляет собой угрозу вооруженного нападения со стороны других государств, Высокие Договаривающиеся Стороны незамедлительно проведут соответствующие консультации друг с другом как на трехсторонней основе, так и в рамках международных организаций, участниками которых они являются, с целью принятия мер, способствующих мирному урегулированию этой ситуации, а также обеспечения совместной обороны.

Статья 4.

В целях обеспечения устойчивого развития трехсторонних отношений, обмена мнениями по международным и региональным проблемам Высокие Договаривающиеся Стороны будут проводить взаимные консультации на различных уровнях. [...]

Статья 5.

Высокие Договаривающиеся Стороны будут осуществлять сотрудничество с целью наиболее полного использования потенциала ООН. С этой целью Высокие Договаривающиеся Стороны приложат все усилия для укрепления роли ООН в сохранении мира и международной безопасности и других сферах.

Статья 6.

Высокие Договаривающиеся Стороны придают важное значение созданию под эгидой Организации Объединенных Наций Центрально-азиатского батальона миротворческих сил, предназначенного для выполнения миссии на принципах деятельности миротворческих сил ООН, и предпримут все необходимые меры для обеспечения деятельности батальона. [...]

Статья 10.

Высокие Договаривающиеся Стороны предоставляют своим гражданам, выезжающим в одну из Высоких Договаривающихся Сторон для постоянного проживания, право свободно распоряжаться своей собственностью, в том числе и на средства производства, в соответствии с национальным законодательством Сторон. [...]

Статья 15.

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон гарантирует гражданам других Сторон, проживающим на ее территории, независимо от их национальной принадлежности, вероисповедания или иных различий, социальные, экономические и культурные права и свободы в соответствии с общепризнанными международными нормами о правах человека.

Статья 16.

Высокие Договаривающиеся Стороны будут сотрудничать в борьбе с международным терроризмом, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических веществ, контрабандой оружием, а также памятниками культуры и искусства, преступлениями в области транспорта и другими видами преступлений. [...]

40 Алматинская декларация об экологической безопасности в Центральной Азии

Алматы, 28 февраля 1997 г.

Мы, Президенты братских государств Центральной Азии — Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан, [...]

принимая во внимание, что проблема экологического бедствия в бассейне Аральского моря носит глобальный характер и ее решение не терпит отлагательства,

учитывая, что экстремальная экологическая ситуация в Аральском регионе оказывает негативное воздействие на природную среду обитания и условия жизни миллионов жителей не только бассейна Аральского моря, но и других регионов нашей планеты, [...]

исходя из неуклонного стремления действовать сообща во имя преодоления последствий экологического кризиса в бассейне Аральского моря, на состоявшейся 28 февраля 1997 года встречи в г. Алматы заявили:

объявить 1998 год — годом защиты окружающей среды в регионе Центральной Азии под эгидой ООН,

призвать накануне 50-летия Семипалатинского полигона все заинтересованные страны поддержать идею объявления Центральной Азии безъядерной зоной, открытой для присоединения другими государствами региона,

отметить усилия Центральноазиатских государств, которые несмотря на серьезные экономические трудности предпринимают значительные усилия по оздоровлению экологической обстановки бассейна Аральского моря, района Семипалатинского полигона и других зон, оказавшихся под воздействием ядерных испытаний,

признать необходимой разработку комплексной программы экологической безопасности, включая проблему Арала, создания безъядерной зоны в Центральной Азии и борьбу с утечкой ядерных технологий и сырья,

призвать Организацию Объединенных Наций и ее специализированные агентства обратить пристальное внимание на сложившуюся кризисную ситуацию в бассейне Аральского моря и предпринять действенные меры по защите окружающей среды в этом регионе, обратив особое внимание на меры по оказанию помощи бедствующему населению Приаралья [...]

41 Меморандум 21-го раунда Межтаджикского диалога «О процессе национального примирения и формирования гражданского общества в Таджикистане»

Москва, 9–11 февраля 1998 г.

[...] Участники диалога вновь подтвердили высказываемое ими еще с 1994 г. убеждение в том, что структуры мира и согласия должны стать инструментами вовлечения во все более широких масштабах представителей общественности в политическую жизнь Таджикистана. Для достижения этой цели участники считают целесообразным, чтобы:

1) Комиссия по национальному примирению приложила все силы для вовлечения представителей всех регионов, политических партий и иных общественных объединений страны в обсуждение предлагаемых

изменений в Конституцию и законы о выборах до проведения запланированного референдума по изменению и дополнению Конституции.

2) Неправительственные организации и иные общественные объединения проводили семинары, диалоги и встречи с общественностью для совместного обсуждения предлагаемых изменений. [...] Участники Межтаджикского диалога придают большое значение тому, чтобы было отведено достаточно времени для такого общенационального диалога о будущем Таджикистана. [...]

Диалог рекомендует:

1) Комиссии по национальному примирению приложить все силы для скорейшего осуществления своих планов проведения семинаров, встреч, круглых столов во всех регионах. [...]

2) Правительству и Комиссии сотрудничать с неправительственными организациями Таджикистана и международными организациями в проведении семинаров, встреч и круглых столов. [...]

3) Членам Комиссии обеспечить максимально широкое освещение своих предложений во всех средствах массовой информации, чтобы добиться как можно более полного знакомства общественности с предложениями Комиссии. В этих целях Правительству необходимо обеспечить свободу средств массовой информации.

4) Политическим партиям и иным общественным объединениям использовать свои структуры для вовлечения членов этих объединений в общенациональный диалог.

5) Правительству Республики Таджикистан на всех уровнях власти поддерживать и поощрять усилия по организации и проведению общенационального диалога.

6) Неправительственным организациям Таджикистана проводить семинары, встречи и круглые столы с приглашением ведущих деятелей правительства и Маджлиси-Оли, а также предпринимателей для разработки стратегии долгосрочного развития «третьего сектора». [...]

7) Для достижения экономического возрождения и вовлечения предпринимателей в политическую жизнь страны Комиссии образовать представительную рабочую группу по экономическим вопросам. [...]

42 **Соглашение между Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Узбекистан об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья**

Бишкек, 17 марта 1998 г.

Правительство Республики Казахстан, Правительство Кыргызской Республики и Правительство Республики Узбекистан, именуемые в дальнейшем Стороны, [...] согласились о нижеследующем. [...]

Статья 2.

В целях обеспечения согласованных режимов работы гидроэнергетических объектов и водохранилищ Нарын-Сырдарьинского каскада, осуществления подачи воды для ирригационных нужд Стороны считают необходимым ежегодно координировать и принимать решения по пропуску воды, выработке и передаче электроэнергии, а также по компенсациям потерь энергоресурсов на эквивалентной основе.

Статья 3.

Стороны обязуются не принимать действий, нарушающих согласованный режим водопользования и поставок энергоресурсов, а также ущемляющих права других сторон на получение взаимосогласованных объемов воды, поставок энергоресурсов и их транзита по своей территории.

Статья 4.

Дополнительно выработанная каскадом Нарын-Сырдарьинских ГЭС электрическая энергия, связанная с режимом пусков воды в вегетацию и многолетним регулированием стока в Токтогульском водохранилище, сверх нужд Кыргызской Республики передается в Республику Казахстан и Республику Узбекистан.

Компенсация за нее осуществляется поставками в Кыргызскую Республику в эквивалентном объеме энергоресурсов (уголь, газ, топочный мазут, электроэнергия), а также другой продукции (работ, услуг) или в денежном выражении по согласованию, для создания необходимых ежегодных и многолетних запасов воды в водохранилищах для ирригационных нужд.

При осуществлении взаиморасчетов должна быть обеспечена единая тарифная политика на все виды энергоресурсов и на их транспортировку. [...]

Статья 9.

В случае возникновения споров и разногласий они разрешаются путем переговоров и взаимных консультаций. Если и в этом случае Стороны не придут к согласию, то вопрос направляется на рассмотрение Третейского суда, создаваемого Сторонами по конкретному вопросу.

Статья 10.

В Целях дальнейшего улучшения регулирования и использования водно-энергетических ресурсов, совершенствования экономических взаимоотношений, направленных на гарантированное водообеспечение в бассейне реки Сырдарья, Стороны согласились совместно рассматривать вопросы:

- строительства новых гидроэнергетических объектов и водохранилищ или альтернативных источников в регионе;
- перехода от существующих в настоящее время бартерных взаимоотношений к финансовым взаимоотношениям;

-
- разработки механизмов ценообразования на основе единой тарифной политики;
 - обеспечения безопасной эксплуатации гидротехнических сооружений, расположенных в бассейне реки Сырдарья;
 - экономного и рационального использования водных ресурсов с применением водосберегающих технологий и технических средств полива;
 - уменьшения и прекращения сброса загрязненных вод в водоисточники бассейна реки Сырдарья. [...]

43 **Федеральный закон Российской Федерации** **«О борьбе с терроризмом»** *Москва, 9 июля 1998 г.*

[...] **Статья 3. Основные понятия.**

Для целей настоящего Федерального закона применяются следующие основные понятия:

— терроризм — насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающая опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их неправомерных имущественных и (или) иных интересов; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность; нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации и войны или осложнения международных отношений;

— террористическая организация — организация, созданная в целях осуществления террористической деятельности или признающая возможность использования в своей деятельности терроризма. Организация признается террористической, если хотя бы одно из ее структурных подразделений осуществляет террористскую деятельность с ведома хотя бы одного из руководящих органов данной организации;

[...]

44

Предложения Министерства обороны Кыргызской Республики в отношении реализации программы «Финансирование военных проектов за рубежом». Письмо военному атташе США в Киргизии подполковнику Чарльзу Сквайерзу

Бишкек, 5 марта 1999 г.

Уважаемый господин Сквайерз!

Это письмо содержит предложения Министерства обороны Кыргызской Республики в отношении реализации программы «Финансирование военных проектов за рубежом (FMF)».

[...] Принципиальный подход военного ведомства Кыргызстана заключается в том, чтобы выделенные американской стороной финансовые средства использовать для приобретения имущества и техники, необходимых для Вооруженных сил Кыргызской Республики в первую очередь. [...]

Военное ведомство Кыргызстана вносит следующие предложения по вопросу приобретения имущества и материально-технических средств.

1. Полевая форма (комуфлированная) — 500 комплектов. Ее расцветка должна быть такой, какая принята для униформы военнослужащих армии США, проходящих службу в Атлантическом и Европейском командованиях.

Размеры формы, головных уборов и обуви будут представлены дополнительно, после получения принципиального согласия от американской стороны на выполнение этого заказа.

2. Средства связи. Министерство обороны хотело бы укомплектовать средствами связи тех типов, которые применяются в подразделениях армии США, выполняющих миротворческие функции.

Сейчас нет возможности назвать, какие средства нам нужны и в каком количестве, так как мы не располагаем необходимой для этого информацией. Хотел бы попросить Вас о том, чтобы американские специалисты оказали нам необходимую помощь и направили в адрес МО КР свои рекомендации.

3. Армейские автомобили типа «ДЖИП» — 10 штук. [...]

4. Автомобиль типа «ДЖИП» повышенной комфортности — 1 шт. [...]

5. Медицинские средства (материалы, инструменты, медикаменты и прочее) для миротворческого батальона. [...]

6. Санитарные автомобили — 6 штук. [...]

7. Медицинское оборудование для военного госпиталя. [...]

8. Автомобили представительского класса — 1 шт. [...]

9. Микроавтобусы (на 12 мест) — 5 шт. [...]

10. Автобусы пассажирские (до 45 мест) — 3 шт. [...]

11. Горное снаряжение для личного состава горных подразделений — 200 комплектов. [...]

45 Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан

Москва, 16 апреля 1999 г.

Российская Федерация и Республика Таджикистан [...] договорились о нижеследующем. [...]

Статья 2.

Российская военная база на территории Республики Таджикистан будет создана в течение года после даты вступления в силу настоящего Договора. Состав российской военной базы, ее организационно-штатная структура, объекты недвижимости, количество и границы земельных участков, отводимых под российскую военную базу, и места их расположения будут определены отдельным соглашением между правительствами Сторон.

Статья 3.

Российская военная база в период ее пребывания на территории Республики Таджикистан кроме функций защиты интересов Российской Федерации оказывает содействие Пограничной группе Федеральной пограничной службы Российской Федерации в Республике Таджикистан и пограничным войскам Республики Таджикистан в охране и защите государственной границы Республики Таджикистан. [...]

Статья 4.

Российская военная база входит в состав Вооруженных Сил Российской Федерации и подчиняется Министерству обороны Российской Федерации, которое контролирует боевую готовность, оперативную и боевую подготовку и другие вопросы повседневной деятельности воинских формирований российской военной базы.

В случае угрозы агрессии или в случае акта агрессии против Таджикистанской Стороны российская военная база используется по планам оперативного применения и по совместному решению Сторон может переходить в оперативное подчинение объединенному командованию (верховным главнокомандующим вооруженными силами Сторон), создаваемому на основании Договора между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о сотрудничестве в военной области от 25 мая 1993 г.

Статья 5.

Движимое имущество и недвижимое имущество (объекты недвижимости), находившееся в местах дислокации воинских формирова-

ний до 25 мая 1993 г., является собственностью Республики Таджикистан. [...] Движимое имущество российской военной базы, приобретенное после 25 мая 1993 г., является собственностью Российской Стороны. [...]

Статья 18.

Стороны всячески содействуют поддержанию доброжелательных отношений между населением, государственными органами и общественными организациями Республики Таджикистан и лицами, входящими в состав российской военной базы, и членами их семей.

Лица, входящие в состав российской военной базы, и члены их семей уважают суверенитет, соблюдают законодательство Республики Таджикистан, не вмешиваются в ее внутренние дела.

Таджикистанская Сторона уважает статус и правовое положение российской военной базы, лиц, входящих в ее состав, и членов их семей. [...]

Статья 21.

Финансовое обеспечение российской военной базы на территории Республики Таджикистан осуществляет Российская Федерация.

Таджикистанская Сторона обеспечивает российскую военную базу электроэнергией, каналами связи, эфирным временем на телевидении и радио, топливом, водой, другими видами коммунально-бытового снабжения по заявкам командования базы в соответствии с договорами об оказании услуг. В случае отсутствия возможности приема российских телепрограмм на территории российской военной базы по спутниковым каналам связи Таджикистанская Сторона обеспечивает передачу этих программ по наземным линиям связи. Российская Сторона оплачивает электроэнергию, услуги связи, эфирное время на телевидении и радио, топливо, воду, другие виды коммунально-бытового снабжения, расходы, связанные с платежами за загрязнение окружающей природной среды и за использование природных ресурсов, по ставкам и тарифам, предусмотренным для Вооруженных Сил Республики Таджикистан. [...]

Статья 25.

Настоящий Договор действует в течение 10 лет и автоматически продлевается на последующие пятилетние периоды, если ни одна из Сторон не уведомит письменно не менее чем за один год до истечения очередного срока действия Договора другую Сторону о своем намерении прекратить его. [...]

Статья 26.

Настоящий Договор может быть прекращен досрочно по взаимной договоренности Сторон.

46 Пресс-релиз посольства Республики Узбекистан в Кыргызской Республике

Бишкек, 25 августа 1999 г.¹

24 августа 1999 года в Ташкенте с участием министра иностранных дел Республики Узбекистан А. Камилова состоялся брифинг для представителей местных и зарубежных средств массовой информации, аккредитованных в Узбекистане.

Руководитель внешнеполитического ведомства Узбекистана информировал присутствующих о том, что 23 и 24 августа с.г. в передачах российского телевидения, в частности РТР, а также в заявлениях секретаря Совета безопасности Республики Таджикистан А.Азимова, пресс-секретаря президента Таджикистана З. Саидова была распространена информация о том, что «бандитские группировки, проникшие из Таджикистана в Киргизстан, не имеют никакого отношения к Объединенной таджикской оппозиции. Эти боевики якобы относятся к так называемой узбекской непримиримой оппозиции, которую возглавляет Жума Намангони».

РТР и официальные таджикские лица также утверждали, что подразделения Ж. Намангони уже в течение пяти лет «курсируют между Узбекистаном и Афганистаном». Ими упомянуто было также о так называемом «Движении исламского возрождения Узбекистана».

В этой связи А. Камилов категорически заявил о следующем.

Первое. Нет такого понятия, как «непримиримая оппозиция», подобные заявления носят явно провокационный характер. Есть бандитские группы — выходцы из Узбекистана, которые в течение более пяти лет воювали на стороне ОТО.

Второе. Эти бандитские группы действительно, как говорит секретарь Совета безопасности РТ А. Азимов, курсировали, но курсировали они не между Узбекистаном и Афганистаном, а между Таджикистаном и Афганистаном.

Третье. Возникает вопрос, как можно делать подобные заявления, зная, что имеется прямая причастность этих бандитских групп к террористическим актам в Ташкенте в феврале сего года, представители которых до сих пор продолжают скрываться на территории Таджикистана.

В заключение министр иностранных дел Узбекистана выразил резкий протест по поводу безответственных информации российской телекомпании РТР и заявлений таджикских официальных лиц.

¹ Князев А. А. Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии: Сборник документов и материалов / Кыргызско-Российский Славянский университет. Бишкек: Илим, 2001. С. 62–63.

47 Совместное заявление министров иностранных дел Республики Узбекистан, Кыргызской Республики, Республики Казахстан и Республики Таджикистан относительно ситуации в Кыргызстане

Ош, 28 августа 1999 г.

28 августа 1999 года в г. Оше была проведена встреча министров иностранных дел, министров обороны и глав служб национальной безопасности. В ходе встречи стороны обменялись мнениями по ситуации в южном Кыргызстане и разработали план совместных действий по ликвидации террористических групп.

Основываясь на положениях Договора о вечной дружбе между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан, совместных политических и юридических, документах, принятых в рамках Центральноазиатского экономического союза, стороны подтвердили единство мнений своих стран по отношению к преступным действиям вооруженных бандитских формирований на юге Кыргызстана, которые можно расценивать только как акты терроризма, поддерживаемые организациями других стран и организациями, не признаваемыми мировым сообществом.

Согласно достоверным источникам эти бандитские формирования объединяют под своим началом выходцев не только из Центральной Азии, но и других государств, что доказывает интернационализацию терроризма и экстремизма. Этот феномен не относится к какой-либо определенной нации и является общей угрозой всем государствам региона.

Стороны уверены, что целью действий международного терроризма является дестабилизация ситуации в Центральной Азии жестокими способами взятия заложников и убийством простых мирных людей.

Страны Центральной Азии, борющиеся за строительство и развитие демократических и светских обществ, понимают, что исламские идеологи пытаются изменить будущую историю региона, хотя бесполезность их действий совершенно очевидна.

Центральноазиатские страны, являясь членами ООН, ОБСЕ, ОЭС и других международных организаций, рады широкой поддержке мирового сообщества, которое препятствует распространению международного терроризма, организованной преступности и торговли наркотиками.

Республика Казахстан, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан горячо поддерживают усилия Кыргызской Республики по ликвидации террористических групп и готовы оказать помощь Правительству Кыргызстана, включая военную. [...]

48 Письмо министра обороны Кыргызской Республики Э. Топоева заместителю председателя Центрального военного совета, министру обороны Китайской Народной Республики генерал-полковнику Чи Хаотяню

Бишкек, сентябрь 1999 г.

Глубокоуважаемый господин Чи Хаотянь!

Как Вам известно, в августе этого года международные бандформирования радикального исламистского толка вторглись в южные районы Кыргызской Республики, сопровождая свои действия террористическими и диверсионными актами. Возникла реальная угроза безопасности не только нашей республике, но и соседним государствам.

В настоящее время руководством Кыргызстана принимаются необходимые меры, направленные на локализацию зоны конфликта и ликвидацию международных террористов.

Для достижения этих целей Кыргызская Республика в максимальной степени использует свой военный и экономический потенциал. Однако, в связи с его ограниченными возможностями, существующие потребности не могут быть удовлетворены в полной мере.

В связи с этим обстоятельством министерство обороны стремится решить часть проблем материально-технического обеспечения войск путем получения помощи от оборонных ведомств, с которыми сложились прочные дружественные связи. В этом ряду министерство обороны Китайской Народной Республики занимает особое место. Взаимоотношения в военной области с Китаем мы оцениваем как дружественные, доверительные и имеющие значительный потенциал.

Пользуясь предоставленной возможностью, хотел бы просить Вас, уважаемый господин Чи Хаотянь, содействовать в оказании срочной помощи министерству обороны Кыргызской Республики в виде предоставления 5000 (пяти тысяч) армейских ботинок размером от 25,5 до 27,5.

Желаю Вам крепкого здоровья, благополучия и успехов в служебной деятельности.

Министр обороны Кыргызской Республики
Генерал-майор Э. Топоев

49 Заявление МИД Кыргызской Республики

Бишкек, 6 сентября 1999 г.

1. Правительство Кыргызской Республики продолжает предпринимать активные всеобъемлющие и решительные меры по ликвидации бандформирований, оставшихся в отдельных местах Баткенского района Кыргызстана. Силowymi структурами страны завершена зачистка труднодоступных высокогорных точек Чон-Алайского района, куда ра-

нее вторглись бандиты, и ситуация находится под полным контролем правительственных структур Кыргызстана.

По имеющимся достоверным сведениям, удерживаемые заложники живы и здоровы, проводятся все возможные мероприятия по их скорейшему освобождению с использованием всех каналов. Руководство республики придает этому вопросу первостепенное внимание и значение.

2. Спланированная преступная акция международных террористов является стремлением реализовать прямо заявляемые бандитами намерения силой навязать свои взгляды и свою идеологию народам Кыргызстана и региона в целом.

Предпринятые бандитами действия вызвали единодушное осуждение со стороны мусульманской уммы и других представителей религиозных конфессий Кыргызстана, неприятие их действий как противоречащих канонам Ислама и другим священным писаниям.

Народ Кыргызстана, население Баткенского района проявляет спокойствие, твердость духа и патриотизм, готовность оказывать всемерную поддержку позиции руководства страны и предпринимаемым им мерам в отношении бандитов.

3. Нет никаких оснований излишне драматизировать ситуацию и завышать степень ее влияния на стабильность и безопасность страны. В Ошской области республики и в Баткенском и Чон-Алайском районах функционируют все государственные учреждения, объекты социально-экономической сферы, аэропорты, железнодорожные вокзалы, промышленные предприятия. С 1 сентября приступили к занятиям школьники и другие учащиеся. [...]

50 **Донесение министру обороны Кыргызской Республики генерал-майору Э. Топоеву «О встрече с Послом Королевства Бельгии в странах ЦА и Азербайджане»**

Брюссель, 14 сентября 1999 г.

Настоящим докладывается, что 7 сентября с.г. в Посольстве состоялась встреча Посла Айтматова Ч. Т. с Послом Королевства Бельгии в странах ЦА и Азербайджане г-ном Марком Франком. Встреча была организована по просьбе г-на Франка (текст прилагается на 5 стр.). Беседа заслуживает внимания и последующего анализа.

Особого внимания заслуживает последняя рекомендация г-на Франка. Если учесть, что он обещал навестить миссию Узбекистана при НАТО, то надо полагать, что идея о создании в НАТО координационной комиссии (или Центра) по урегулированию ситуации может показаться приемлемой и активизирующей роль РУ в регионе. Поэтому Посольство считает необходимым обсудить приемлемость и перспективность этой идеи и для КР. Возможно, было бы естественным и логичным, в

данном случае, если инициатива исходила бы от КР. Считается также уместным представить на рассмотрение возможность проведения в НАТО специальных консультаций по ситуации на юге страны, как, например, в формате «19 + 1» (такое право имеется у каждого государства-партнера согласно п. 8 Рамочного Документа, где указывается, что НАТО будет проводить консультации с любым активным участником Партнерства, если сочтет, что существует прямая угроза его территориальной целостности, политической независимости или безопасности).

Есть предположения, что РУ может пойти на такой шаг, как проведение политических консультаций с НАТО по формуле «19 + 1». Об этом свидетельствуют активные выступления РУ на Политическом комитете НАТО, на Совете Евроатлантического сотрудничества, и в настоящий момент идет встреча министра иностранных дел РУ с Генеральным Секретарем НАТО, т.е. действия РУ достаточно последовательны в этом направлении.

Однако по мнению офицера связи, учитывая достаточную неопределенность дальнейшего хода развития событий, а также заинтересованность всех сторон в решении проблем, данное предложение может быть рассмотрено координированно не без участия РФ.

Докладывается для информирования и принятия решения.

Офицер связи — Представитель МО КР в группе по координации программы «ПРМ» подполковник *Т. Усубалиев*

51 **Заявление МИД Республики Таджикистан** *Душанбе, 16 сентября 2000 г.¹*

В последнее время в связи с обострением ситуации в некоторых странах Центральной Азии из-за активизации действий международных террористических группировок со стороны средств массовой информации, особенно российских, а также официальных лиц некоторых соседних государств участились случаи преднамеренной дезинформации международной общественности о позиции Республики Таджикистан относительно этих действий. Утверждается, что через Таджикистан происходит беспрепятственная инфильтрация указанных террористических группировок на территорию сопредельных государств для проведения подрывной антиправительственной деятельности. Более того, сообщается, что часть этих группировок якобы имеет базы для подготовки боевиков и их оснащения на территории Таджикистана. Ярким примером такой, с позволения сказать, информации является передача россий-

¹ *Князев А. А.* Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии: Сборник документов и материалов / Кыргызско-Российский Славянский университет. Бишкек: Илим, 2001. С. 66–67.

ского телеканала РТР «Международная панорама», где некий корреспондент Князев упражнялся в антитаджикских высказываниях, утверждая, что если Таджикистан не признает наличия этих баз и факты проникновения бандитских группировок с его территории на сопредельные регионы, то ситуация не изменится. Ему вторит министр обороны Кыргызстана господин Топоев, заявивший о наличии у него данных о якобы новых группах террористов, готовящихся напасть на территорию Кыргызской Республики с сопредельных районов Таджикистана.

В связи с этим МИД Республики Таджикистан уполномочено заявить, что все эти измышления лишены абсолютно каких бы то ни было оснований. Республика Таджикистан твердо привержена своим обязательствам, вытекающим из многосторонних соглашений и договоров, подписанных с центральноазиатскими государствами о совместном отпоре международному терроризму и религиозному экстремизму, и делает все от нее зависящее для точного и безусловного выполнения этих обязательств. Об этой позиции Республики Таджикистан и об отсутствии на ее территории каких-либо баз или полигонов для подготовки и оснащения террористов не раз официально заявлялось на самых разных уровнях. Более того, сопровождая 13–15 сентября с.г. президента Республики Таджикистан в его поездке по Каратегинскому региону, в том числе Тавильдарьинскому району, группа журналистов, представляющая самые различные информационные агентства, имела возможность воочию увидеть созидательный труд, которым занято население этих районов. Тем не менее эти попытки не прекращаются, что предполагает наличие какого-то плана целенаправленной дезинформации и провокационных действий, имеющих целью создать новый виток напряженности в стране. [...]

52 Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) *Астана, 10 октября 2000 г.*

В момент создания в ЕврАзЭС вошли Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан. В 2006 г. в него вступил Узбекистан. В 2002 г. Украина и Молдавия, а в 2003 г. и Армения получили статус наблюдателей в ЕврАзЭС.

Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация и Республика Таджикистан, далее именуемые Договаривающимися Сторонами, [...] договорились о следующем.

Статья 1. Учреждение международной организации

Настоящим Договаривающиеся Стороны учреждают международную организацию «Евразийское экономическое сообщество» (далее — ЕврАзЭС или Сообщество).

ЕврАзЭС обладает полномочиями, добровольно передаваемыми ему Договаривающимися Сторонами в соответствии с положениями настоящего Договора. Договаривающиеся Стороны остаются суверенными и равноправными субъектами международного права.

Статья 2. Цели и задачи

ЕврАзЭС создается для эффективного продвижения процесса формирования Договаривающимися Сторонами Таможенного союза и Единого экономического пространства, а также реализации других целей и задач, определенных в вышеназванных Соглашениях о Таможенном союзе, Договоре об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях и Договоре о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, в соответствии с намеченными в указанных документах этапами.

Ранее заключенные Договаривающимися Сторонами между собой договоры, а также решения органов управления интеграцией продолжают действовать в части, не противоречащей настоящему Договору. [...]

Статья 18. Срок действия и вступление в силу

Настоящий Договор заключается на неопределенный срок. [...]

53

Ялтинская хартия ГУУАМ

Ялта, 7 июня 2001 г.

«ГУУАМ — Организация за демократию и экономическое развитие» была создана в 1999 г. Она получила свое наименование по первым буквам названий стран, которые ее учредили. Через два года была принята Хартия организации. Но уже в 2002 г. Узбекистан приостановил свое членство в ГУУАМ, ссылаясь на то, что деятельность организации не соответствовала заявленным ею целям. В 2005 г. Узбекистан официально вышел из ГУУАМ, которая после этого стала называться «ГУАМ».

Азербайджанская Республика, Грузия, Республика Молдова, Республика Узбекистан и Украина, именуемые далее ГУУАМ,

руководствуясь положениями Устава Организации Объединенных Наций, а также Хельсинкского Заключительного Акта, Парижской Хартии для новой Европы и Хартии европейской безопасности Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе [...], договорились о принятии настоящей Хартии.

1. Цели сотрудничества ГУУАМ

содействие социально-экономическому развитию;
укрепление и расширение торгово-экономических связей;
развитие и эффективное использование в интересах стран ГУУАМ транспортно-коммуникационных магистралей и соответствующей инфраструктуры, расположенной на их территории;
укрепление региональной безопасности во всех сферах деятельности;

развитие отношений в области науки, культуры и в гуманитарной сфере;

взаимодействие в рамках международных организаций;

борьба с международным терроризмом, организованной преступностью и наркобизнесом.

2. Принципы сотрудничества ГУУАМ

Сотрудничество в рамках ГУУАМ основывается на общепризнанных нормах и принципах международного права, в частности, уважения суверенитета, независимости, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела государств-участников.

3. Направления сотрудничества ГУУАМ:

экономика, наука, технологии и окружающая среда;

инфраструктура транспорта, энергетики, телекоммуникаций;

совместные инвестиционные и финансовые проекты;

гуманитарная сфера, культура, образование, средства массовой информации, туризм, обмены молодежи;

другие направления, представляющие взаимный интерес.

4. Государства-участники могут вносить предложения по расширению сфер сотрудничества.

5. ГУУАМ открыт для новых участников, которые в полной мере подтверждают свою приверженность целям и принципам ГУУАМ, закрепленным в его основных документах, в том числе в настоящей Хартии. [...]

7. Решения в рамках ГУУАМ принимаются консенсусом.

8. Рабочими языками ГУУАМ являются русский и английский. [...]

54 Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества

Шанхай, 15 июня 2001 г.

В состав ШОС вошли Казахстан, Киргизия, Китай, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Статус наблюдателей в ШОС имеют Индия, Иран, Монголия и Пакистан. Белоруссия и Шри-Ланка имеют в ШОС статус партнеров по диалогу.

Главы государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан [...] торжественно объявляют о следующем.

1. Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан создают Шанхайскую организацию сотрудничества.

2. Целями Шанхайской организации сотрудничества являются:

укрепление между государствами-участниками взаимного доверия, дружбы и добрососедства; поощрение эффективного сотрудничества

между ними в политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной, образовательной, энергетической, транспортной, экологической и других областях; совместные усилия по поддержанию и обеспечению мира, безопасности и стабильности в регионе, построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка.

3. В рамках Шанхайской организации сотрудничества поочередно в каждом из ее государств-участников проводятся ежегодные официальные встречи глав государств и регулярные встречи глав правительств государств-участников. В целях расширения и интенсификации сотрудничества во всех областях по мере необходимости возможно создание новых механизмов, помимо уже действующих механизмов встреч руководителей соответствующих ведомств, а также формирование постоянных и временных экспертных рабочих групп для изучения планов и предложений по дальнейшему развитию сотрудничества.

4. Сформировавшийся в процессе развития «Шанхайской пятерки» «шанхайский дух», характеризующийся взаимным доверием, взаимной выгодой, равенством, взаимными консультациями, уважением к многообразию культур, стремлением к совместному развитию, является бесценным достоянием, накопленным странами региона за годы сотрудничества. Оно будет приумножаться, становясь в новом столетии нормой в отношениях между государствами-участниками Шанхайской организации сотрудничества.

5. Государства-участники Шанхайской организации сотрудничества твердо придерживаются целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций, принципов взаимного уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности, равноправия и взаимной выгоды, решения всех вопросов путем взаимных консультаций, невмешательства во внутренние дела, неприменения военной силы или угрозы силой, отказа от одностороннего военного превосходства в сопредельных районах. [...]

7. Шанхайская организация сотрудничества не является союзом, направленным против других государств и регионов, придерживается принципа открытости. [...]

8. Шанхайская организация сотрудничества придает приоритетное значение региональной безопасности и предпринимает все необходимые усилия для ее обеспечения. Государства-участники будут осуществлять тесное взаимодействие в целях реализации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в том числе путем учреждения региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества с месторасположением в г. Бишкеке. [...]

55 **Алматинский акт Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА)**

Алматы, 4 июня 2002 г.

Преамбула

Мы, главы государств или правительств государств—членов Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), [...] договорились о нижеследующем.

I. Безопасность и сотрудничество

1. Основная цель и направление деятельности СВМДА заключаются в укреплении сотрудничества путем выработки многосторонних подходов к обеспечению мира, безопасности и стабильности в Азии.

2. Для достижения этой цели государства-члены предпримут необходимые шаги по развитию процесса СВМДА как форума для диалога, консультаций, принятия решений и осуществления мер на основе консенсуса по проблемам, касающимся безопасности в Азии. [...]

6. Мы полагаем, что гуманитарные проблемы, такие как стихийные бедствия и потоки беженцев, являются сферами общей озабоченности, поскольку они также влияют на стабильность и безопасность в регионе. Государства-члены полны решимости в случае необходимости разработать меры для решения этих проблем путем налаживания сотрудничества в регионе, а также через взаимодействие с ООН и другими соответствующими международными организациями.

7. Мы считаем, что укрепление взаимного уважения, взаимного понимания и терпимости в отношениях между цивилизациями является важной задачей современности. С удовлетворением отмечая объявление первого года тысячелетия в качестве Года диалога между цивилизациями, мы будем активно содействовать этому процессу и укреплять его.

8. Мы рассматриваем глобализацию в качестве вызова современности. В то время как она может предоставить определенные возможности для роста и развития, на нынешнем этапе ее плоды неравномерно распределены среди народов и многое еще предстоит сделать для того, чтобы обеспечить их всеобъемлющее и равное распределение на глобальном уровне. [...]

II. Вызовы безопасности

10. Государства-члены стремятся обеспечить региональную и международную безопасность и стабильность, что будет также способствовать мирному урегулированию существующих и предотвращению возникновения новых кризисных ситуаций и конфликтов.

11. Сохраняющиеся наличие и распространение во всех его аспектах ядерного оружия, равно как химического и биологического оружия, представляют серьезную угрозу всему человечеству. Государства-

члены обещают поддерживать усилия, направленные на полную ликвидацию оружия массового уничтожения (ОМУ), и, таким образом, берут на себя обязательство по расширению сотрудничества в деле предотвращения распространения всего такого оружия, включая ядерное оружие, которое представляет особую угрозу международному миру и безопасности. [...]

13. Мы поддерживаем создание зон, свободных от ядерного оружия и других видов ОМУ в Азии, на основе соглашений, добровольно достигнутых между государствами данного региона. Необходимо поощрять создание подобных зон в таких регионах, как Ближний Восток и Центральная Азия, где имеются принятые на основе консенсуса резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. [...]

18. Сепаратизм является одной из основных угроз и вызовом безопасности, стабильности, суверенитету, единству и территориальной целостности государств. Государства-члены не будут поддерживать на территории другого государства-члена любые сепаратистские движения и организации и, если таковые появятся, не будут устанавливать с ними политических, экономических и других отношений, позволять использовать территории и коммуникации государств-членов вышеупомянутыми движениями и организациями или оказывать им какую-либо экономическую, финансовую и другую поддержку. Мы подтверждаем право народов, живущих под иностранной оккупацией, на самоопределение в соответствии с Уставом ООН и международным правом.

19. Мы отвергаем использование религии террористическими и сепаратистскими движениями и группами в качестве предлога для достижения своих целей. Мы также отвергаем все формы экстремизма и будем проводить работу по воспитанию терпимости среди наших стран и народов.

20. Незаконный оборот наркотиков представляет собой значительную угрозу для внутренней и международной стабильности и безопасности наших государств и нашего континента в целом, а также благосостояния наших народов. [...]

III. Меры доверия

24. В контексте достижения целей СВМДА мы будем предпринимать необходимые шаги по разработке и применению мер, направленных на расширение сотрудничества и создание атмосферы мира, доверия и дружбы. [...]

25. Мы побуждаем все государства региона, имеющие территориальные споры, прилагать усилия к их мирному разрешению путем переговоров в соответствии с принципами Устава ООН и международным правом. [...]

26. Мы признаем, что разоружение и контроль над вооружениями, универсальность всех международных договорных актов, касающихся

ликвидации оружия массового уничтожения, продвижение нераспространения имеют важное значение для укрепления доверия между государствами региона. Мы подтверждаем, что наше положение в качестве государств, подписавших соответствующие международные договоры, не должно интерпретироваться как способное повлиять на неотъемлемое право всех участников этих договоров на проведение исследований, производство и использование ядерных технологий, химических и биологических материалов и оборудования для мирных целей в соответствии с положениями этих договоренностей. Мы подтверждаем важность негативных гарантий безопасности для безъядерных государств и заявляем, что готовы рассматривать дальнейшие шаги в данном направлении, которые могли бы принять форму обязательного для исполнения международного-правового документа. [...]

56 Устав Организации Договора о коллективной безопасности

Кишинев, 7 октября 2002 г.

В 2002 г. в ОДКБ вошли Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан. В 2003 г. к ним присоединился Узбекистан. Молдавия не является членом ОДКБ, но Устав ОДКБ был подписан в Кишиневе, потому что в это время там проходил очередной саммит СНГ, в кулуарах которого заинтересованные страны согласовали и подписали этот документ.

Государства—участники Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года (далее — Договор), [...] согласились о нижеследующем.

Глава I. Учреждение Организации Договора о коллективной безопасности

Статья 1.

Государства—участники Договора учреждают международную региональную Организацию Договора о коллективной безопасности (далее — Организация).

Статья 2.

Положения Договора и принятых в его развитие международных договоров и решений Совета коллективной безопасности Договора являются обязывающими для государств—членов Организации (далее — государства—члены) и самой Организации.

Глава II. Цели и принципы

Статья 3.

Целями Организации являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета

государств—членов, приоритет в достижении которых государства—члены отдают политическим средствам.

Статья 4.

В своей деятельности Организация сотрудничает с государствами, не являющимися членами Организации, поддерживает отношения с международными межправительственными организациями, действующими в сфере безопасности. Организация содействует формированию справедливого, демократического миропорядка, основанного на общепризнанных принципах международного права.

Статья 5.

Организация действует на основе неукоснительного уважения независимости, добровольности участия, равенства прав и обязанностей государств—членов, невмешательства в дела, подпадающие под национальную юрисдикцию государств—членов.

Статья 6.

Настоящий Устав не затрагивает прав и обязательств государств—членов по другим международным договорам, участниками которых они являются.

Глава III. Направления деятельности

Статья 7.

Для реализации целей Организации государства—члены принимают совместные меры к формированию в ее рамках действенной системы коллективной безопасности, созданию коалиционных (региональных) группировок войск (сил) и органов управления ими, военной инфраструктуры, подготовке военных кадров и специалистов для вооруженных сил, обеспечению их необходимым вооружением и военной техникой.

Государства—члены принимают решение о размещении на своих территориях группировок войск (сил), объектов военной инфраструктуры государств, не являющихся членами Организации, после проведения неотложных консультаций (согласования) с другими государствами—членами.

Статья 8.

Государства—члены координируют и объединяют свои усилия в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, организованной транснациональной преступностью, нелегальной миграцией и другими угрозами безопасности государств—членов.

Государства—члены осуществляют свою деятельность на этих направлениях, в том числе в тесном сотрудничестве со всеми заинтересованными государствами и международными межправительственными организациями при главенствующей роли ООН.

Статья 9.

Государства—члены согласовывают и координируют свои внешне-политические позиции по международным и региональным проблемам безопасности, используя в том числе консультационные механизмы и процедуры Организации.

Статья 10.

Государства—члены принимают меры по развитию договорно-правовой базы, регламентирующей функционирование системы коллективной безопасности, и по гармонизации национального законодательства по вопросам обороны, военного строительства и безопасности. [...]

Статья 12.

Решения Совета, СМВД, СМО и КССБ по вопросам, кроме процедурных, принимаются консенсусом. [...]

Глава IX. Финансирование

Статья 24.

Финансирование деятельности Секретариата осуществляется за счет бюджета Организации.

Бюджет Организации формируется за счет долевых взносов государств—членов, утверждаемых Советом.

Бюджет Организации не может иметь дефицита. [...]

Статья 28.

Официальным и рабочим языком Организации является русский язык.

Статья 29.

Настоящий Устав регистрируется в Секретариате ООН в соответствии с положениями статьи 102 Устава Организации Объединенных Наций.

Совершено в городе Кишиневе 7 октября 2002 года в одном подлинном экземпляре на русском языке. Подлинный экземпляр хранится у депозитария, который направляет каждому государству, подписавшему настоящий Устав, его заверенную копию.

57 Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой

Пекин, 23 декабря 2002 г.

Республика Казахстан и Китайская Народная Республика, далее именуемые Договаривающимися Сторонами, [...] договорились о нижеследующем.

Статья 1.

Договаривающиеся Стороны активно развивают и укрепляют отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международ-

ного права, принципами взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования.

Статья 2.

Договаривающиеся Стороны отмечают, что делимитация и демаркация линии казахстанско-китайской государственной границы имеют историческое значение. Договаривающиеся Стороны руководствуются международно-правовыми принципами территориальной неприкосновенности и нерушимости государственных границ, неукоснительно соблюдают соответствующие договоры о границе между двумя странами, а также преисполнены решимости поддерживать в районе границы между ними вечный мир и дружбу, передаваемые из поколения в поколение.

Статья 3.

Казахстанская Договаривающаяся Сторона подтверждает, что в мире существует только один Китай, Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань является неотъемлемой частью Китая. [...]

Статья 4.

Ни одна из Договаривающихся Сторон не участвует в каких-либо союзах и блоках, не предпринимает каких-либо подобного рода действий, включая заключение договоров с третьими государствами, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой Договаривающейся Стороны. [...]

Статья 5.

Китайская Договаривающаяся Сторона высоко оценивает присоединение Республики Казахстан к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерного государства и подтверждает, что Китай никогда и ни при каких обстоятельствах не применит ядерное оружие первым, будет воздерживаться от применения ядерного оружия или угрозы его применения против неядерных государств или безъядерных зон и призывает другие ядерные государства занять такую же позицию. [...]

Статья 6.

Договаривающиеся Стороны на основе ранее заключенных соглашений и достигнутых договоренностей будут осуществлять военное и военно-техническое сотрудничество, которое не направлено против третьих государств, будут расширять и углублять меры доверия в военной области с целью укрепления безопасности каждой из Договаривающихся Сторон. [...]

Статья 14.

В случае осложнения международной и региональной обстановки или возникновения кризисных ситуаций, которые могут создать угрозу миру или интересам безопасности одной из Договаривающихся Сторон,

Договаривающиеся Стороны немедленно вступят в контакт друг с другом с целью проведения консультаций и выработки мер, направленных на предотвращение угрозы.

Статья 15.

Договаривающиеся Стороны в соответствии со своими национальными законодательствами и международными обязательствами каждой из них на двусторонней и многосторонней основах развивают сотрудничество по совместной борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также с организованной преступностью, нелегальной миграцией, незаконным оборотом наркотических средств, оружия и другой преступной деятельностью. [...]

58 **Выступление Президента России В. В. Путина** **на российской авиационной базе** *Кант (Киргизия), 23 октября 2003 г.*

Сегодня мы открываем российскую авиационную базу в городе Кант. Это знаковое событие в поступательном развитии российско-киргизских отношений. И, что крайне важно, в укреплении Организации ДКБ, в наращивании наших совместных усилий в борьбе с международным терроризмом.

Военно-политическая обстановка в Центральной Азии сегодня в целом является стабильной. Вместе с тем нельзя закрывать глаза на опасность террористических вылазок извне. В этих условиях открытие авиабазы в Канте — это необходимая и своевременная мера. Мера, которая будет способствовать эффективному решению как национальных, так и коллективных задач, стоящих перед ОДКБ. Полагаем, что она создаст хорошую базу для сотрудничества, станет сдерживающим фактором для террористов и экстремистов всех мастей.

[...] Создавая этот авиационный щит здесь, в Киргизии, мы намерены укреплять безопасность в регионе, стабильность которого является все более ощутимым фактором, влияющим на развитие международной ситуации. Авиабаза в Канте станет воздушной гаванью сформированных в рамках ОДКБ коллективных сил быстрого развертывания на центральноазиатском направлении. Она открывает дополнительные возможности для адекватного и оперативного реагирования на возможные угрозы, придаст коллективным силам качественно-новую военно-политическую значимость, позволит использовать боевую авиацию там, где в условиях сложного горного рельефа наземные силы не всегда могут перекрыть маршрут международных бандформирований и наркотрафика.

Инициатором размещения авиабазы именно здесь, на территории Киргизии, выступил Президент Республики Аскар Акаевич Акаев. Бла-

годаря его непосредственному участию в сжатые сроки были подготовлены и согласованы необходимые документы, проведены практические мероприятия по созданию авиабазы.

[...] Я уверен, сегодняшнее событие станет новым важным шагом в развитии равноправного российско-киргизского сотрудничества, придаст действенный импульс военно-интеграционным процессам в рамках ОДКБ, обеспечит необходимый запас прочности единой системе коллективной безопасности, создаваемой нашими странами.

Всего вам доброго. Желаю вам успехов.

59 Договор о союзнических отношениях между Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой *Астана, 25 декабря 2003 г.*

Республика Казахстан и Кыргызская Республика, далее именуемые Договаривающимися Сторонами, [...] договорились о нижеследующем:

Статья 1.

Договаривающиеся Стороны продолжают развивать двустороннее сотрудничество на основе союзнических отношений в целях дальнейшего продвижения, активизации и совершенствования форм и механизмов многопланового сотрудничества в области политических, экономических, военных, социальных, научных, технологических, культурных и гуманитарных отношений.

Статья 2.

Союзнические отношения между Договаривающимися Сторонами основываются на принципах соблюдения суверенного равенства государств, независимости, территориальной целостности, добровольности и добросовестного выполнения ими принятых обязательств.

Статья 3.

Договаривающиеся Стороны проводят единую политику по обеспечению взаимной безопасности и тесно взаимодействуют в борьбе с международным терроризмом, экстремизмом, организованной преступностью, наркобизнесом, нелегальной миграцией и другими вызовами и угрозами национальной безопасности.

Статья 4.

Договаривающиеся Стороны тесно взаимодействуют при определении позиций по основным международным проблемам и вопросам, представляющим взаимный интерес, проводя соответствующие консультации.

Статья 5.

Договаривающиеся Стороны осуществляют координацию деятельности в военной области в соответствии с международными договорами, участниками которых они являются.

Договаривающиеся Стороны в целях обеспечения надежной безопасности разрабатывают общие принципы военного строительства.

Статья 6.

Договаривающиеся Стороны, в случае совершения акта агрессии против любой из Договаривающихся Сторон, оказывают друг другу необходимую помощь, включая военную, в порядке осуществления права на коллективную оборону в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций, а также используя механизмы в рамках Организации Договора о коллективной безопасности.

Статья 7.

Договаривающиеся Стороны осуществляют необходимые меры для надлежащей охраны своих государственных границ и проводят единую политику по охране государственных границ в соответствии с положениями настоящего Договора и другими международными договорами, участниками которых они являются. [...]

Статья 13.

Договаривающиеся Стороны осуществляют согласованные действия в области рационального и взаимовыгодного использования водных объектов, водно-энергетических ресурсов и водохозяйственных сооружений в соответствии с международными договорами, участниками которых они являются. [...]

Статья 17.

Каждая из Договаривающихся Сторон гарантирует равные права гражданам другой Договаривающейся Стороны при получении образования, трудоустройстве, оплате труда, предоставлении других социальных гарантий, в соответствии с международными договорами, участниками которых они являются.

В целях обеспечения правового регулирования таких отношений Договаривающиеся Стороны заключают соответствующие международные договоры. [...]

**60 Доклад председателю постоянного комитета ОБСЕ
послу Янешу Ленаричу.
«Цели и задачи ОБСЕ в связи с событиями
в Кыргызстане»**

Бишкек, 7 апреля 2005 г.¹

Ключевые выводы

Ситуация в стране остается крайне неустойчивой, исполненной напряжений и вызовов, с высокой вероятностью стремительного возникновения конфронтации по различным линиям разделения местного

¹ Перевод с английского.

общества, что способствует не только нарастанию нестабильности в стране, но и весьма неблагоприятно сказывается на безопасности всего региона в целом.

В настоящее время, характеризующееся в Киргизии быстрыми и непредсказуемыми изменениями ситуации, одной из наиболее опасных тенденций, способной иметь крайне негативные долгосрочные последствия, в том числе и регионального масштаба, является возросшее влияние организованной преступности, в особенности если помнить о ее способности проникать в политические структуры как на уровне страны в целом, так и на местах.

Со стороны ОБСЕ здесь требуется незамедлительное принятие упреждающих мер, направленных на противодействие указанным угрозам. По мнению Председательства, киргизские органы власти, государства-участники, секретариат ОБСЕ и все прочие структуры должны вести активную совместную работу по указанным ниже приоритетным направлениям:

- стабильность, интеграция и сплоченность;
- демократизация и эффективное участие;
- хорошее руководство.

Краткосрочные задачи

Те массовые грабежи и разрушения, что сопровождали переход власти в Киргизии, убедительно демонстрируют, что в краткосрочной перспективе ОБСЕ обязана предоставить, прежде всего, практическую поддержку в отношении восстановления законности и правопорядка. ОБСЕ следует оказать киргизским органам власти помощь в установлении и поддержке общественного порядка во всех регионах страны, стремясь предотвратить дальнейшее распространение беззакония.

Кроме того, ОБСЕ следует предпринять все усилия к тому, чтобы она могла сыграть для политической номенклатуры Киргизии роль своего рода платформы для политического диалога, ведущегося с целью снятия наиболее острых политических и социальных напряжений, наблюдаемых в рассматриваемой стране.

Третья краткосрочная задача ОБСЕ состоит в том, чтобы отслеживать все действия, направленные на устранение тех электоральных недостатков, которые и привели к возникновению нынешней ситуации.

В-четвертых, ОБСЕ необходимо контролировать назначения, в особенности государственных служащих, стремясь предупредить оказание ненадлежащих политических влияний и различного рода манипуляции.

И наконец, мы должны оказать поддержку парламенту страны, а также способствовать тому, чтобы новое правительство вновь подтвердило все те гарантии, которые были ранее предоставлены местному и международному бизнесу, а создав, таким образом, безопасные и прозрачные условия для их дальнейшего функционирования.

Долгосрочные цели

По мнению действующего председателя ОБСЕ, только более долгосрочный и комплексный подход способен привести к созданию в Киргизии обстановки устойчивой стабильности. Вследствие этого ОБСЕ, вместе с властными структурами Киргизии, следует приступить к реализации в рассматриваемой стране целого ряда программ долгосрочного плана.

Наиболее важной среди них должна стать программа оказания всей той помощи, которая может оказаться необходимой для проведения прозрачных, демократических, свободных и честных выборов.

В области построения правового государства нам следует фокусироваться на политической реформе, ускорении реализации проектов и оказании той помощи, которая настоятельно требуется в настоящее время, предоставляя властным структурам Киргизии, по мере их восстановления, всю необходимую правовую и юридическую поддержку.

ОБСЕ может также сыграть важную роль в способствовании появлению свободных и объективных средств массовой информации, что имеет огромное значение для развития демократии в рассматриваемой стране.

Мы должны также продолжить оказание поддержки работе по созданию в стране гражданского общества, и в данном конспекте особое значение приобретает дальнейшее развертывание сотрудничества с неправительственными организациями и правозащитниками.

Еще одним направлением нашей деятельности должно стать предоставление будущему поколению лиц, ответственных за принятие решений и создающих общественное мнение, информации, образования и подготовки, необходимых им для целенаправленного продвижения к установлению в Киргизии долгосрочной стабильности и безопасности. Для достижения этой цели у нас уже имеется отличный инструмент, коим является Академия ОБСЕ в Бишкеке.

Нам следует также способствовать тому, чтобы новые власти страны в полной мере осуществляли защиту и способствовали продвижению национальных меньшинств к власти, стремясь обеспечить их реальное подключение к процессам принятия решений.

И наконец, ключевым вопросом обеспечения комплексной безопасности является долгосрочное установление гармоничных отношений между Киргизией и его соседями по Центральной Азии. Мое личное мнение состоит в том, что ОБСЕ следует приложить дополнительные усилия, направленные на способствование установлению более высоких уровней безопасности границ и расширению международных связей между Киргизией и ее соседями. [...]

61

Пресс-релиз исламской организации «Хизб ут-Тахрир» о событиях в Андижане

21 мая 2005 г.¹

Приведенная ниже информация поступила к нам из Центральной Азии [...].

Наблюдая за событиями, имевшими место в бывших республиках Советского Союза, и особенно в соседнем Кыргызстане, Каримов понял, что идущие оттуда «волны перемен» могут достичь и его, вследствие чего он начал бояться того, что может случиться. Россия посоветовала ему предупредить назревающие события. Тогда он широко внедрил в народные массы своих шпионов, которые агитировали людей на выступления против Каримова, при этом шпионы эти заявляли, что они на стороне народа, имея целью отыскать реальных лидеров оппозиции. Он сделал это, чтобы получить возможность выбить таких лидеров до того, как они смогут организовать свои силы против него. Затем он намеревался обратиться к тюрьмам — которые заполняли многие тысячи мусульман, и в частности относящихся к организации «Хизб ут-Тахрир» (которую русские называют террористической группировкой, вследствие распространяемых ею призывов к созданию Халифата), — и таким вот образом, под прикрытием тех беспорядочных событий, нанес по ним удары в тюрьмах, под тем предлогом, что они бежали, взбунтовались и затем были убиты в процессе усмирения. [...]

Тагут (диктатор) начал ту операцию в начале мая 2005 года, направив в народ силы безопасности, которые заявляли, будто бы они с народом, и побуждали народ к выступлению против Каримова с требованиями о повышении уровня жизни с точки зрения оказываемых услуг: снабжения водой, электричеством и газом; кроме того, требовали также освобождения их сыновей из тюрьмы.

Организации «Хизб ут-Тахрир» было известно об этом плане. Картина была абсолютно ясной, поскольку о многих из тех, кто подстрекал народ, было известно, что они из узбекских сил безопасности. Те, однако, заявляли, что порвали со спецслужбами и что теперь они против Каримова. Их действия были просты: они вступали в контакт с семьями заключенных, в том числе и с семьями членов «Хизб ут-Тахрир». Организация «Хизб ут-Тахрир» приложила все возможные усилия к тому, чтобы связаться с этими людьми и сообщить им, что те, кто делает это, являются сотрудниками служб безопасности диктатора. Однако службы эти оказались настолько хитрыми, что все же сумели увлечь за собой некоторое количество людей, даже и некоторые из правозащитных организаций, в особенности из-за того, что народ яростно ненавидит тирана, поскольку

¹ Перевод с английского.

тот арестовал их сыновей; и это наряду с их бедственным существованием вследствие недостатка услуг.

Таким образом, народ собрался, к вечеру 12 мая, в центре города Андижан. Это продолжалось в течение всей ночи, а также в пятницу 13 мая, пока количество собравшихся не достигло 50 000. Ночью с 12 на 13 мая 2005 года вооруженная группировка, представленная главным образом сторонниками Каримова, направилась к андижанской тюрьме. Они освободили некоторое количество заключенных — большинство из них были убиты, и лишь немногим удалось выжить. [...]

Когда тиран, после полудня того же дня, вернулся в Ташкент, он отдал приказы открыть интенсивную стрельбу по людям, собравшимся на площади. Интенсивная стрельба продолжалась с середины дня пятницы до субботы 14 мая 2005 г. Количество убитых в Андижанской бойне достигло, по оценкам источников, которым мы доверяем, порядка 7000 человек. Государство начало собирать и прятать по 400–500 мертвых тел за каждый раз. Это продолжалось в течение 4 дней, все это время страна оставалась закрытой как для средств массовой информации, так и для перемещений, с точки зрения въезда и выезда, затихнув за железным занавесом, как это было принято в бывшем Советском Союзе.

После этого тиран разрешил войти в город, назначенными маршрутами, некоторому количеству представителей средств массовой информации, но им не разрешалось разговаривать с людьми. Затем они покинули город, так же, как и входили в него — по назначенным маршрутам. [...]

62 События в Андижане в восприятии сторонников узбекского правительства

По материалам публикации Айдына Гударзи «Андижан. Май 2005–2006. Комментарий без грифа “Секретно”»¹

Для меня как публициста, исследующего проблемы экстремизма и терроризма [...], цитата, прочитанная в одном из следственных материалов уголовных дел, проводимых правоохранительными органами Республики Узбекистан, связанных с событиями в Андижане 12–13 мая 2005 года: «Боевики-акрамысты превосходящими силами пытались захватить территорию Управления Службы национальной безопасности Андижанской области, которую в течение нескольких часов обороняли ее сотрудники», [...] стала отправной точкой в поиске собственных ответов на многие и многие вопросы. [...]

Для сотрудников Управления воспоминания о ночных часах с 12 на 13 мая очерчены и не очерчены грохотом автоматных выстрелов. Одни,

¹ Новости Узбекистана. 2006. 5 мая; 12 мая; 19 мая; 26 мая.

услышав их, сразу поняли: в городе происходит нечто исключительное. Другие не слышали их, находясь по месту проживания за много километров от города. Но все как один после оповещения в ту ночь действовали так, как делали это сотни раз в ходе проводимых учений, мгновенно осознав не комментируемый приказ: «Прибыть по тревоге к месту службы». [...] ...Никто из остающихся дома или переступающих его порог уже не имел гарантий встретиться вновь.

Андижанская ночь 13 мая 2005 года. Она по-разному встречала тех, кто шел исполнять свой воинский и гражданский долг. Для одних ночная мгла рассекалась тревожными взглядами случайных прохожих и водителей такси, взволнованно рассказывающих о группах вооруженных лиц, которые стали появляться на некоторых улицах города. Для других ночь обретала гнетущую реальность после окриков вооруженных боевиков, в эйфории безнаказанности стрелявших в любого, кто не подчинялся их требованиям остановиться. Некоторые из сотрудников останавливались, не ведая, как неоднозначно сложится их судьба. Останавливались не из страха. В силу своего характера, не позволяющего пройти мимо тех, кто одним наличием оружия в руках представлял опасность для общества. Останавливались, превращаясь из движущейся мишени в заложников вооруженных боевиков, не поддающихся убеждениям разоружиться и прекратить ночную вакханалию. Вакханалию, которая с первых часов ее начала уже имела нарастающую статистику гибели милиционеров, военнослужащих, государственных служащих и мирных граждан.

Была статистика и тех, кого если и не убивали при исполнении служебных обязанностей, то отправляли для дальнейшей зверской расправы в здание Андижанского областного хокимията (мэрии), захваченного боевиками. И было во всем этом что-то от средневекового варварства. В течение дня 13 мая, да и после этой даты, квалифицированного западными журналистами, политтехнологами и политиками «протестными акциями», — в котором опекаемые ими варвары с не меньшей долей политического цинизма были именованы «повстанцами». [...]

В ту весеннюю ночь звериная злоба варваров росла по мере того, как гасла их уверенность в успехе захвата именно этой территории. Победа над ее защитниками была нужна еще и потому, что символизировала в их понимании победу над светской Конституционной властью. Не говоря уже о том, что эта победа открывала дорогу к халифатовской государственности, о которой они имели ровно столько же представления, сколько это позволял их узкоутилитарный уровень развития.

[...] В решениях Верховного суда Республики по андижанским событиям нет ни одного смертного приговора преступникам. [...]

Но если быть точным, фокусируясь на теме противостояния терроризму и полноценного использования всех имеющихся средств, мето-

дов и законов, не подвергая сомнению, что 13 мая в Андижане действовали боевики-экстремисты, представляющие движение «Акрамия» (религиозно-политический лидер Акрам Юлдашев, военный лидер Кабул Парпиев) и Исламского движения Узбекистана (Тахир Юлдашев), то все же следует привести несколько цитат из не единичного по своей смысловой направленности выступления Эндрю Маккарти, американского ученого из Фонда защиты демократии.

Они прозвучали в феврале 2006 года в его выступлении в вашингтонском Институте американского предпринимательства (American Enterprise Institute) на конференции, посвященной юридическим проблемам противостояния терроризму: «Новые законы в духе современного международного права, которое пренебрегает законами войны, будут неизбежно направлены не на защиту гражданского населения, на вооружение террористов дополнительными правами». [...]

Примерно «с 12 на 13 мая, около 00.30 часов (из текста Генеральной Прокуратуры Республики) группа вооруженных лиц проникла в расположение батальона патрульно-постовой службы. После вскрытия оружейных арсеналов нападавшие завладели определенным числом автоматов, пистолетов и гранат. После этого примерно в 01.30 часов было совершено нападение на воинскую часть. Из ее оружейных арсеналов были изъяты автоматы, два ручных пулемета и гранаты. Для осуществления третьей акции вооруженная группа захватила автомашину ЗИЛ-130. При нападении на тюрьму автомашина была использована для тарана ворот. В результате нападения на объект были выпущены из камер заключенные следственного изолятора, часть которых примкнула к основному составу вооруженной группы. Далее уже сформированная группа в относительно организованном порядке начала движение по улице Навои, на которой и расположено здание УСНБ». [...]

...За несколько часов до отъезда из Андижана мне удалось побеседовать еще с одним заложником [пленным спецназовцем. — *Прим. ред.*], оказавшимся в здании хокимията 13 мая. Примерно в 18.00 часов того же дня его вывели из комнаты и, примкнув к группе связанных между собой заложников, стали выводить из здания. У выхода из парковой территории хокимията заложников построили рядами по четыре-пять человек в колонну. Он попал в последний ряд, по команде поднял руки к голове и судорожно сомкнул пальцы на затылке. Показывая, как это выглядело, добавил: «Мне повезло, мои руки и шея не были связаны шнурами от компьютеров. Многие из заложников задыхались. Шнуры сильно перетягивали их шеи. От многих пахло бензином. Боевики обливали некоторых заложников, угрожая им, что если кто вздумает бежать, их поймут и сожгут заживо».

Сразу за оградой парковой решетки колонна заложников попала в окружение экзальтированной толпы. Их было немного, не более сотни.

Мужчины, женщины и подростки, осыпавшие ударами тех, кто шел, с трудом передвигая ноги, под тычками дул автоматов боевиков.

А потом заложников погнали, и они обреченно шли, не нарушая ряды, так как каждый был привязан друг к другу. Тех, кто падал в бессилии от ран и побоев, боевики застреливали...

63 Совместная декларация Китая и Казахстана об установлении и развитии стратегического партнерства *Астана, 4 июля 2005 г.*

[...] Главы двух государств всесторонне рассмотрели ход развития двусторонних отношений за 13 лет со дня установления дипломатических отношений, с удовлетворением отметили, что по мере интенсификации контактов между руководителями двух стран непрерывно укрепляется взаимное политическое доверие, углубляется сотрудничество в торгово-экономической, энергетической, транспортной, научно-технической, гуманитарной сферах и в области безопасности, направленное на укрепление благосостояния народов обеих стран. [...] Для содействия добрососедскому и взаимовыгодному сотрудничеству, а также принимая во внимание серьезные изменения региональной и международной обстановки, государства решили установить и развивать отношения стратегического партнерства. [...]

1. Стороны едины во мнении, что контакты на высоком уровне сыграли важную роль в расширении всестороннего сотрудничества между двумя государствами. [...]

4. Стороны едины во мнении, что сотрудничество в сферах торговли, экономики, энергетики, транспорта и финансов является важным направлением развития двусторонних отношений. [...] Стороны договорились всемерно поддерживать и предоставлять все необходимые условия для обеспечения завершения в оговоренные сроки строительства участка нефтепровода Атасу — Алашанькоу и его ввода в эксплуатацию, ускорить продвижение предварительного исследования и определения ресурсной базы проекта строительства газопровода Китай — Казахстан. Стороны ускорят строительство Международного центра приграничного сотрудничества «Хоргос» и его введение в эксплуатацию.

Стороны с удовлетворением отмечают стремительное развитие двусторонней торговли в последние годы. [...]

Стороны считают необходимым полнее использовать транзитные преимущества двух государств в области железнодорожного, автомобильного, воздушного транспорта и увеличить объемы перевозок.

Китайская сторона будет поддерживать реализацию проекта строительства Трансказахстанской железнодорожной магистрали и оказывать содействие в обеспечении необходимых объемов грузоперевозок. [...]

Стороны предпримут меры для налаживания сотрудничества между Государственной электросетевой корпорацией Китая и соответствующими органами Казахстана в области электроэнергетики. [...]

6. Стороны отмечают, что терроризм, сепаратизм и экстремизм по-прежнему являются главной угрозой безопасности и стабильности региона. Стороны в соответствии с положениями Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом от 15 июня 2001 года и Соглашения между Китайской Народной Республикой и Республикой Казахстан о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 23 декабря 2002 года усилят координацию и сотрудничество между правоохранительными органами двух стран, а также продолжат предпринимать действенные меры в рамках Шанхайской организации сотрудничества для непрерывного повышения уровня сотрудничества, совместного предупреждения и борьбы с «тремя злами», включая организацию «Исламское движение Восточного Туркестана», создающими прямую угрозу миру и стабильности в регионе. [...]

Казахстанская сторона подтверждает, что поддерживает принцип «одного Китая», что правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань — неотъемлемой частью территории Китая. [...]

64 Доклад Ричарда А. Баучера, помощника госсекретаря США по вопросам Южной и Центральной Азии Подкомитету по Ближнему Востоку и Центральной Азии в составе Комитета Палаты представителей по международным отношениям. «Политика США в Центральной Азии: баланс приоритетов (Часть II)»

Вашингтон, 26 апреля 2006 г.¹

В тексте заложено американское понимание геополитической ситуации в регионе и прорисована идея переориентации внешних связей стран Центральной Азии с севера, востока и запада (России, Китая и ЕС) на юг — в направлении Индии и Индийского океана, пространства которого традиционно относятся американской стратегической мыслью к сфере особых интересов США

[...] Соединенные Штаты поддерживают развитие в Центральной Азии полностью суверенных, демократических и процветающих государств, сотрудничающих с Америкой и друг с другом в интересах содействия укреплению региональной безопасности и стабильности. Наша стратегия базируется на консолидации усилий, прилагаемых по трем основополагающим направлениям: дальнейшее развитие сотруд-

¹ Перевод с английского.

ничества в области обеспечения безопасности, соблюдение наших коммерческих и энергетических интересов, а также проведение политических и экономических реформ. Мы полагаем три указанных выше направления взаимно дополняющими и усиливающими друг друга. Истинная стабильность, с нашей точки зрения, требует осуществления процесса демократических изменений, при этом стабильность, в свою очередь, способствует экономическому развитию и процветанию стран. Таким образом, предопределенным для нас является одновременное и сбалансированное следование всем трем указанным выше группам интересов. Народы всех этих стран заслуживают, как стратегически, так в отношении каждого отдельно взятого человека, множества альтернатив и различных возможностей, что позволит им реально воспользоваться своей независимостью — не благодаря рынку или властям, но именно за счет наличия у них разнообразия вариантов выбора. Наша политика состоит в том, чтобы помочь им приобрести возможность такого выбора — из множества вариантов.

Нынешняя передача той ответственности, которую Государственный департамент несет за страны Центральной Азии, нашему новому Бюро по делам Южной и Центральной Азии позволяет нам посмотреть на имеющиеся там проблемы как бы свежим взглядом и, наконец, окончательно разобраться в том, каким именно образом эти страны смогут по-настоящему образовать некую региональную общность. Уже в течение длительного периода времени мы стремимся всемерно поддерживать те усилия, которые предпринимаются этими странами с целью углубления регионального сотрудничества в областях торговли, энергетики и безопасности границ. Однако прогресс наблюдается далеко не повсеместный, мало того, иногда имел место даже некоторый регресс, обусловленный, например, пограничными конфликтами, односторонним введением различных мер пограничного контроля или установлением ограничительных торговых режимов. И тем не менее я убежден в том, что ныне мы наблюдаем там возникновение принципиально новой парадигмы, чему в немалой степени способствуют известные сдвиги в политическом ландшафте рассматриваемого региона. Раскрытие Афганистана превратило его из препятствия, отделяющего центр Азии от ее юга, в соединяющий их мост, что, в свою очередь, привело и к открытию множества новых заманчивых возможностей.

Конечно, страны Центральной Азии не могут не признавать, что заинтересованы в налаживании, в дополнение к уже имеющимся на западе и на севере, связей еще и с югом, особенно исходя из долгосрочных перспектив в областях экономики и обеспечения безопасности. Однако они с давних уже пор привыкли вести свою внешнюю политику исходя из той аксиомы, что «всё плохое» — наркотики, терроризм, нестабильность — приходит именно с юга и что это непременно должно быть ос-

тановлено. Однако ныне, несмотря на сохранение актуальности указанных выше угроз, страны Центральной Азии стали все чаще посматривать на юг — в поисках деловых партнеров, экспортных рынков и возможностей сотрудничества в сферах обеспечения безопасности и поддержания правопорядка.

Во время визита в Киргизию, Таджикистан и Казахстан, который имел место в октябре прошлого года, у Государственного секретаря США, г-жи Райс, создалось впечатление, что граждане этих стран все же рассматривают Афганистан именно как часть Центральной Азии. Так же, как и мы, они понимают то огромное значение, которое имеет для них будущее Афганистана. Они понимают также, что стабильный Афганистан, укоренившийся обширными региональными связями, в будущем может стать залогом их собственной стабильности. К тому же они не могут не видеть тех потенциально гигантских выгод, которые даст им выход на новые южные рынки, что в Пакистане и в Индии.

[...] Наша цель состоит в том, чтобы реанимировать тесные связи, существовавшие между Южной и Центральной Азией с древнейших времен, а также помочь созданию здесь новых связей в сферах коммерции, транспорта, демократии, энергетики и коммуникаций. В то же время мы стремимся сохранить и укрепить связи стран Центральной Азии с Европой, в частности, при посредстве таких организаций, как НАТО, с ее программой «Партнерство ради мира» (ПРМ), а также Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), с учетом, впрочем, и тех интересов, которые имеет в Центральной Азии Япония. Стремясь развить новые отношения, возникшие между Центральной и Южной Азией, мы не можем не признавать наличия тех глубоко укоренившихся исторических, культурных и лингвистических связей, которые существуют между странами Центральной Азии и остальной частью бывшего Советского Союза, включая Россию, а также их неуклонно развивающихся отношений с Китаем. Если вкратце, то наши усилия по соединению Южной и Центральной Азии направлены на то, чтобы способствовать процветанию всех стран рассматриваемого региона, достигнутому за счет развития торговли, а также расширения информационного обмена и контактов между людьми. Процветающие страны, которые торгуют и обмениваются идеями, оказываются, как правило, не только более стабильными и миролюбивыми, но и существенно менее уязвимы для призывов к экстремизму.

Роль помощи, оказываемой США

Для того чтобы будущее Афганистана стало демократическим и мирным, нам необходимо решить две неразрывно связанные друг с другом задачи, а именно прекратить наркотрафик и обеспечить экономическое развитие страны. Если мы не сможем найти решения указанных проблем уже на региональном уровне, то существует очень высокая вероят-

ность того, что афганская экономика так и останется зависимой от наркотиков и полагающейся на иностранную помощь. Во избежание такого развития событий нам необходимо сосредоточить свои усилия на построении устойчивой экономической системы, интегрирующей рынки Центральной и Южной Азии.

Центральноазиатской стабильности угрожает бесчисленное множество опасностей, включая исламский экстремизм, бедственное положение населения, основная масса которого остается практически нищей и располагает крайне ограниченными экономическими возможностями, а также унаследованные от Советского Союза склонность к авторитаризму, отсутствие у общества непримиримого отношения к несправедливости и высокие уровни коррупции. Как следствие, вынашивание как экономической, так и демократической реформы проходит в регионе крайне трудно и тяжело, а иногда даже просто обескураживает. Кроме того, авторитарные режимы Туркменистана и Афганистана, репрессивные и всецело обращенные к дремучему прошлому, вполне способны создавать новые препятствия нашим усилиям, направленным на интеграцию рассматриваемого региона, а также на стимулирование реформ и развития в нем.

65 Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии

Семипалатинск, 8 сентября 2006 г.

Стороны настоящего Договора, [...] постановили создать в Центральной Азии зону, свободную от ядерного оружия, и договорились о нижеследующем. [...]

Статья 2. Действие Договора

а) сфера применения зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии определена исключительно для целей настоящего Договора как сухопутная территория, все водные пространства (гавани, озера, реки и ручьи) и воздушное пространство над ними, которые принадлежат Республике Казахстан, Кыргызской Республике, Республике Таджикистан, Туркменистану и Республике Узбекистан. [...]

Статья 3. Основные обязательства

1. Каждая Сторона обязуется:

а) не проводить исследований, не разрабатывать, не производить, не накапливать запасов или иным образом не приобретать, не обладать или не осуществлять контроль над любым ядерным оружием или другим ядерным взрывным устройством в любой форме и где бы то ни было;

б) не стремиться получить и не получать никакую помощь в проведении исследований, разработке, производстве, накоплении запасов,

приобретении, обладании или контроле над любым ядерным оружием или другим ядерным взрывным устройством;

с) не предпринимать и не поощрять никаких действий для оказания содействия в проведении исследований, разработке, производстве, накоплении, приобретении или обладании любым ядерным оружием или другим ядерным взрывным устройством;

d) не допускать на своей территории:

- i) производство, приобретение, размещение, хранение или применение ядерного оружия или другого ядерного взрывного устройства;
- ii) получение, хранение, накопление, установку или другую форму обладания любым ядерным оружием или другим ядерным взрывным устройством или контроля над ними;
- iii) никакие действия, кем бы они ни предпринимались, по оказанию содействия или поощрению разработки, производства, накопления запасов, приобретения и обладания любым ядерным оружием или другим ядерным взрывным устройством или контроля над ними.

2. Каждая Сторона обязуется не допускать захоронение радиоактивных отходов других государств на своей территории.

Статья 4. Иностранные суда, летательные аппараты и наземный транспорт

Без ущерба для целей и задач настоящего Договора каждая Сторона в порядке осуществления своих суверенных прав свободна решать вопросы, связанные с транзитом через свою территорию воздушным, сухопутным или водным путем, включая заходы иностранных судов в ее порты и посадку иностранных летательных аппаратов на ее аэродромах.

Статья 5. Запрещение испытаний ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств

Каждая Сторона обязуется в соответствии с ДВЗЯИ:

a) не производить любой испытательный взрыв ядерного оружия и любой другой ядерный взрыв;

b) запретить и предотвращать любой такой ядерный взрыв в любом месте, находящемся под ее юрисдикцией или контролем;

c) воздерживаться от побуждения, поощрения или какого-либо участия в проведении любого испытательного взрыва ядерного оружия и любого другого ядерного взрыва. [...]

Статья 7. Использование ядерной энергии в мирных целях

Никакое положение настоящего Договора не наносит ущерба правам Сторон использовать ядерную энергию в мирных целях. [...]

66 **Казахстанско-американское совместное заявление** *Вашингтон, 29 сентября 2006 г.*

Мы выражаем удовлетворение прогрессом, достигнутым Казахстаном и Соединенными Штатами в продвижении нашего стратегического партнерства, и объявляем о нашей приверженности общему видению стабильности, процветания и демократических реформ в Центральной Азии и за ее пределами.

Мы подтверждаем нашу приверженность продвижению такого видения через всевозрастающее динамичное и разнообразное партнерство, которое способствует достижению наших глобальных и региональных целей. Мы будем углублять наше сотрудничество в борьбе с международным терроризмом и распространением оружия массового уничтожения. Мы будем усиливать наше сотрудничество с целью укрепления региональной безопасности, экономической интеграции и восстановления Афганистана и Ирака. Мы будем расширять нашу совместную деятельность по обеспечению развития энергетических ресурсов при одновременной поддержке экономической диверсификации и реформ, рыночных принципов и развития малых и средних предприятий. Мы признаем, что мирная демократизация приводит к заинтересованности граждан в будущем их стран. Развитие демократических институтов, таким образом, является ключевым условием долгосрочной стабильности.

Казахстан и Соединенные Штаты подтверждают важность демократического развития. [...] Соединенные Штаты поддерживают усилия по продвижению демократии, укреплению религиозных свобод и поддержке гражданского общества в Казахстане. [...]

Соединенные Штаты высоко оценивают традиции религиозной терпимости Казахстана и его усилия по продвижению межнациональной гармонии и сотрудничества. Мы приветствуем такие международные инициативы Казахстана по продвижению взаимопонимания и усилению религиозных свобод, как Съезд лидеров мировых и традиционных религий, а также такие инициативы по укреплению мира, как Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). [...]

Соединенные Штаты признают лидерство Казахстана и высоко оценивают его усилия по предотвращению распространения оружия массового уничтожения, что укрепляет глобальную безопасность. Казахстан был первой страной, добровольно отказавшейся от своего ядерного оружия после распада бывшего Советского Союза и закрывшей свой ядерный испытательный полигон. [...] Казахстан и Соединенные Штаты являются надежными партнерами в международной войне с терроризмом. [...]

Соединенные Штаты поддерживают членство Казахстана во Всемирной Торговой Организации и приветствует усилия Казахстана по под-

готовке к членству. [...] Обе стороны обязуются способствовать выводу Казахстана из-под действия поправки Джексона—Вэника. [...]

Подтверждая нашу приверженность этому общему видению по реализации достигнутых сегодня договоренностей, мы объявляем о нашем намерении и далее укреплять наше стратегическое партнерство путем укрепления стратегических диалогов по энергетике, военному сотрудничеству, торговле и инвестициям и демократизации. [...]

67 Совместное заявление Президента Кыргызской Республики К. С. Бакиева и Президента Республики Узбекистан И. А. Каримова

Ташкент, 3 октября 2006 г.

[...] 2. Придавая важное значение обеспечению безопасности и стабильности в регионе, Главы государств подтвердили актуальность дальнейшего развития и укрепления сотрудничества в борьбе с международным терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, сепаратизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности в регионе в рамках Договора между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности Сторон от 21 апреля 2000 года и других договоренностей.

3. Президенты Кыргызстана и Узбекистана отметили важность усиления борьбы с незаконным распространением наркотических веществ и прекурсоров, которое продолжает оставаться серьезной угрозой на пути стабильного и безопасного развития региона.

Стороны согласились о необходимости активизации как международного, так и регионального сотрудничества в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков и психотропных веществ, в том числе в рамках Центральноазиатского регионального информационно-координационного центра по борьбе с наркотиками (ЦАРИКЦ).

4. Главы государств, подтверждая свою приверженность принципам развития отношений на основе уважения территориальной целостности и нерушимости границ, с удовлетворением отметили позитивный ход текущего переговорного процесса по делимитации кыргызско-узбекской государственной границы.

Стороны рассматривают вопросы, связанные с делимитацией государственной границы как одно из важнейших направлений углубления двусторонних отношений между Кыргызстаном и Узбекистаном в политической, экономической и гуманитарной сферах. Главы государств подчеркнули, что окончательное завершение правового оформления

линии государственной границы отвечает коренным интересам двух братских народов.

Стороны, в соответствии с утвержденным Протоколом Совместного заседания правительственных делегаций Кыргызской Республики и Республики Узбекистан от 23 сентября 2006 года, пришли к соглашению, что из общей протяженности линии кыргызско-узбекской государственной границы описано 993,67 км, по которой кыргызские и узбекские стороны не имеют разногласий. По оставшейся части кыргызско-узбекской государственной границы работа будет продолжена. [...]

68 Совместная декларация Президента Республики Казахстан, Президента Российской Федерации и Президента Туркменистана о строительстве Прикаспийского газопровода

Туркменбаши, 12 мая 2007 г.

Президент Республики Казахстан, Президент Российской Федерации и Президент Туркменистана решили.

1. Поручить правительствам Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана в срок до 1 сентября 2007 года подготовить и подписать соглашение о сотрудничестве трех государств в строительстве Прикаспийского газопровода, в котором, в том числе, будут предусмотрены разработка технико-экономического обоснования, основные характеристики и сроки осуществления проекта, совместные обязательства по созданию благоприятных условий для его экономически эффективной реализации, а также определены уполномоченные организации.

2. Правительствам Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана обеспечить реализацию уполномоченными организациями проекта строительства Прикаспийского газопровода на основе разработанного технико-экономического обоснования со второго полугодия 2008 года с учетом положений соглашения, упомянутого в пункте 1 настоящей Декларации.

69 Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств—членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ

Душанбе, 23 августа 2008 г.

Правительства государств — членов Шанхайской организации сотрудничества [...] согласились о нижеследующем. [...]

Статья 2.

1. Стороны в соответствии с настоящим Соглашением и при соблюдении законодательств своих государств и международных договоров,

участниками которых являются государства Сторон, осуществляют сотрудничество через свои компетентные органы в предупреждении, выявлении, пресечении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. [...]

Статья 3.

Стороны осуществляют сотрудничество по следующим направлениям: совершенствование правовых основ сотрудничества Сторон и гармонизация законодательства государств Сторон в сфере борьбы с незаконным оборотом оружия;

анализ состояния и динамики преступности, связанной с незаконным оборотом оружия, и результатов борьбы с ней;

выработка согласованной стратегии и совместных мер борьбы с незаконным оборотом оружия;

координация и совершенствование механизмов взаимодействия компетентных органов Сторон в области противодействия незаконному обороту оружия;

согласование позиций для участия в международных организациях и международных форумах по вопросам противодействия незаконному обороту оружия.

Статья 4.

1. Компетентные органы государств Сторон осуществляют сотрудничество в следующих формах:

1) обмен информацией: [...];

2) направление в банк данных Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества информации об оружии, боеприпасах и взрывчатых веществах, которые были использованы при совершении террористических актов;

3) исполнение запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий;

4) планирование и осуществление скоординированных оперативно-розыскных и профилактических мероприятий;

5) обмен опытом работы, проведение рабочих встреч, консультаций, совещаний, практических конференций и семинаров;

6) оказание содействия в подготовке кадров и повышении квалификации специалистов;

7) проведение совместных научных исследований по вопросам, представляющим взаимный интерес;

8) обмен законодательными и иными нормативными правовыми актами, результатами научных исследований и методическими рекомендациями.

2. Настоящее Соглашение не затрагивает вопросов выдачи и оказания правовой помощи по уголовным делам. [...]

Статья 8.

1. Каждая Сторона обеспечивает конфиденциальность полученных информации и документов, если они носят закрытый характер или передающая Сторона считает их разглашение нежелательным. Степень закрытости информации и документов определяется передающей Стороной. [...]

70

Соглашение Организации Договора о коллективной безопасности «О Коллективных силах оперативного реагирования»

Москва, 14 июня 2009 г.

Государства—члены Организации Договора о коллективной безопасности [...] согласились о нижеследующем. [...]

Статья 2.

1. Стороны создают на коалиционной основе Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР), которые являются компонентом постоянной готовности сил и средств системы коллективной безопасности Организации.

2. КСОР предназначены для оперативного реагирования на вызовы и угрозы безопасности государств-членов.

КСОР не могут использоваться для разрешения споров между Сторонами.

3. На КСОР возлагаются следующие основные задачи:

развертывание на территории любой из Сторон с целью демонстрации готовности к применению военной силы;

участие в предотвращении и отражении вооруженного нападения, в том числе агрессии, локализации вооруженных конфликтов;

участие в мероприятиях по борьбе с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оружия и боеприпасов, другими видами транснациональной организованной преступности;

усиление войск прикрытия государственных границ и охраны государственных и военных объектов Сторон;

участие в обеспечении оперативного развертывания объединенных (региональных) группировок войск (сил);

участие в выполнении мероприятий по защите населения от опасностей, возникающих при ведении или вследствие военных действий, а также ликвидации чрезвычайных ситуаций и оказании чрезвычайной гуманитарной помощи;

иные задачи, определенные Советом коллективной безопасности. [...]

71 Договор России, Белоруссии и Казахстана о Таможенном кодексе таможенного союза

Минск, 27 ноября 2009 г.

Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация, [...] договорились о нижеследующем.

Статья. 1

Стороны принимают Таможенный кодекс таможенного союза, который приведен в приложении, являющемся неотъемлемой частью настоящего Договора.

Положения настоящего Кодекса имеют преимущественную силу над иными положениями таможенного законодательства таможенного союза. [...]

Статья 2.

Настоящий Договор открыт для присоединения любого государства, которое станет членом таможенного союза. [...]

Совершено в г. Минске 27 ноября 2009 года в одном подлинном экземпляре на русском языке. [...]

72 Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по реализации плана действий по укреплению двустороннего сотрудничества между Республикой Узбекистан и Соединенными Штатами Америки на 2010 год»

Ташкент, 11 января 2010 г.

В целях дальнейшего развития и укрепления взаимовыгодных двусторонних отношений между Республикой Узбекистан и США, последовательной реализации положений Декларации о стратегическом партнерстве и основах сотрудничества между Республикой Узбекистан и Соединенными Штатами Америки от 12 марта 2002 года, а также других двусторонних межправительственных и межведомственных соглашений в политической, торгово-экономической и гуманитарной сферах:

1. Принять к сведению итоги первого раунда узбекско-американских политических консультаций, состоявшихся в г. Вашингтон 17–18 декабря 2009 г.

2. Обратить особое внимание на высокий уровень участвовавших на политических консультациях представителей американской стороны — экспертов Государственного департамента, Совета национальной безопасности и других государственных структур США, а также их конструктивный подход и позитивный настрой по всем вопросам развития двусторонних отношений с Республикой Узбекистан.

3. Отметить важное практическое значение конкретных предложений американской стороны по дальнейшему развитию двусторонних отношений в сфере политики, безопасности, экономики, человеческого измерения, обеспечения мира и стабильности в Афганистане, высказанных в ходе прошедших политических консультаций.

4. Утвердить План действий по укреплению двустороннего сотрудничества между Республикой Узбекистан и Соединенными Штатами Америки на 2010 год (далее План действий) согласно Приложению.

Министерствам и ведомствам, ответственным исполнителям, указанным в Приложении к настоящему постановлению, обеспечить своевременное исполнение мероприятий, предусмотренных Планом действий. [...]

73 **Обращение премьер-министра Республики Узбекистан**
Ш. Мирзиёева к премьер-министру
Республики Таджикистан А. Г. Акилову
4 февраля 2010 г.

Уважаемый Акил Гайбуллаевич!

Обращаюсь к Вам по вопросу, который имеет непосредственное отношение к интересам всех государств, расположенных в регионе Центральной Азии. Речь идет о проекте строительства Рогунской ГЭС.

Как Вам хорошо известно, правительство Республики Узбекистан неоднократно обращалось в адрес правительств Республики Таджикистан, Российской Федерации и международных организаций о необходимости проведения независимой экспертизы строительства Рогунской ГЭС, начатого еще в 80-е годы, годы так называемых великих советских строек.

Принципиальная позиция Республики Узбекистан по данному вопросу заключается в том, что, прежде чем возобновлять строительство Рогунской ГЭС, необходимо провести детальную независимую экспертизу самого проекта, так как он был разработан около 40 лет назад на основе устаревших проектных, конструкторских и технологических решений.

По нашему глубокому убеждению, необходимо дать объективную и квалифицированную оценку возможных последствий строительства такого грандиозного по масштабам объекта, как Рогунская ГЭС, прежде всего обратив внимание на:

— ущерб, который может нанести данный проект находящемуся на грани хрупкого равновесия экологическому балансу региона в связи с последствиями Аральской катастрофы;

— влияние данного проекта на изменение объема и режима стока Амударьи, так как само выживание миллионов людей в этом регионе,

с резко континентальным пустынным климатом, напрямую зависит от наличия питьевой и поливной воды, особенно в периоды систематически повторяющегося маловодья;

— степень защиты данного проекта от угроз техногенного характера, в первую очередь угроз мощных землетрясений, так как предполагаемое строительство Рогунской ГЭС находится в зоне высокой сейсмичности на линии тектонического разлома, где неоднократно происходили землетрясения мощностью до 10 баллов. Трудно себе представить масштабы той гуманитарной катастрофы, к которой может привести прорыв плотин с гибелью сотен тысяч людей.

Эта угроза усиливается в связи с тем, что на таких гидроэнергетических объектах, как Токтогульская и Нурекская ГЭС, построенных более 35 лет назад и на которых последние 20 лет не осуществлялись плановые капитально-восстановительные ремонтные работы, все чаще происходят аварии, несущие реальную угрозу для всего региона.

К каким катастрофическим последствиям могут привести серьезные упущения и пробелы, допущенные в проектировании и строительстве крупнейших гидросооружений, наглядно продемонстрировала недавняя авария на Саяно-Шушенской ГЭС.

Правомерность позиции Узбекистана по данному вопросу однозначно поддержана такими авторитетными международными организациями и финансовыми институтами, как Организация Объединенных Наций, Европейский Союз, Всемирный, Азиатский и Исламский банки развития, а также Российской Федерацией и ее общественными кругами, другими странами.

Однако, несмотря на наши неоднократные обращения по этому вопросу, имеет место их полное игнорирование со стороны правительства Республики Таджикистан, которое в настоящее время без учета возможных последствий и должного проектного и технического сопровождения продолжает форсированными темпами вести строительство этого объекта.

При этом на условиях подряда к этой работе привлекается ряд российских проектных и строительно-монтажных организаций, которых, очевидно, мало интересуют возможные негативные последствия этой стройки.

Обращаясь к Вам вновь, просим еще раз вернуться к вопросу о проведении независимой экспертизы под эгидой ООН и ее уполномоченных структур, которая сможет объективно оценить как обоснованность самого проекта, так и все возможные его последствия, включая вопросы экологии, водного баланса, угроз техногенных катастроф, и только после получения удовлетворительного ответа на все поставленные вопросы продолжить проектирование и строительство Рогунской ГЭС. [...]

74 Декрет Временного Правительства Кыргызской Республики ВП № 30 «О лишении К. Бакиева статуса неприкосновенности»

Бишкек, 26 апреля 2010 г.

Народ Кыргызстана 7 апреля 2010 года восстал против преступной и безответственной политики действовавших на тот момент властей и, несмотря на учиненный ими расстрел мирных граждан, свергнул К. Бакиева с поста Президента Кыргызской Республики. [...]

Будучи Президентом Кыргызстана, К. Бакиев

1) захватил законодательную власть в стране, отдав своей партии «Ак Жол» 80 процентов мандатов в Жогорку Кенеше, без официального опубликования результатов парламентских выборов сделал парламент орудием достижения своих личных целей;

2) допустил превращение судебной системы, включая Конституционный суд, в безответственный и коррумпированный придаток президентской власти, выносящий политические вердикты, произвольно применяющий законы, освобождающий преступников, наказывающий невиновных;

3) нарушая основополагающие принципы организации государственной службы, назначил своих братьев Жаныша, Марата, Адыла, сыновей Марата и Максима на ответственные посты в стране, которые находились в его прямом подчинении;

4) в течение 2009 года упразднил конституционные органы и создал неконституционные структуры, вошедшие в так называемый Институт Президента, которые позднее пытался узаконить посредством внесения изменений в Конституцию при помощи послушных ему Конституционного суда и Жогорку Кенеша. Эти «конституционные реформы» были направлены на дальнейшее ослабление Правительства путем передачи его полномочий Институту Президента, а также на образование Государственного совета, определяемого Президентом, единственной целью которого было назначение исполняющего обязанности Президента; [...]

Поскольку у общества в Кыргызстане были отобраны легитимные средства воздействия на Президента и его окружение, народ справедливо воспользовался своим естественным правом на сопротивление угнетению и насилию. [...]

На основании вышеизложенного, в соответствии с Декретом Временного Правительства Кыргызской Республики № 1 от 7 апреля 2010 года Временное Правительство Кыргызской Республики принимает настоящий Декрет.

1. Подтвердить, что 7 апреля 2010 года народ Кыргызстана, пользуясь своим статусом носителя суверенитета и единственного источника государственной власти в Кыргызской Республике, изгнал К. Бакиева с должности Президента Кыргызской Республики и лишил его полномочий.

2. Установить, что путем совершения особо тяжкого преступления, выразившегося в допущении применения огнестрельного боевого оружия против мирного населения, повлекшего многочисленные жертвы, К. Бакиев вышел за рамки законности, лишив себя статуса экс-президента Кыргызской Республики и неприкосновенности.

3. Генеральной прокуратуре Кыргызской Республики в рамках законодательства Кыргызской Республики принять необходимые меры по привлечению к уголовной ответственности К. Бакиева, а также по его экстрадиции в Кыргызскую Республику.

4. Настоящий Декрет вступает в силу со дня подписания.

Председатель Временного правительства Кыргызской Республики
Р. Отунбаева

75 Декларация десятого заседания Совета глав государств—членов Шанхайской организации сотрудничества

Ташкент, 11 июня 2010 г.

10–11 июня 2010 года в Ташкенте состоялось десятое заседание Совета глав государств—членов Шанхайской организации сотрудничества. По итогам обмена мнениями по актуальным региональным и международным вопросам его участники заявляют о следующем:

1. В современном динамично развивающемся мире происходят серьезные перемены и фундаментальные преобразования. В условиях утверждающейся многополярности возрастает взаимозависимость государств и активизируются процессы глобализации, которые оказывают существенное влияние на развитие мировой экономики и международных отношений. [...]

2. За прошедшие с момента основания годы ШОС стала важным фактором региональной и международной архитектуры безопасности и сотрудничества, зарекомендовала себя в качестве эффективного и открытого многостороннего объединения. [...]

3. В свете событий в Кыргызской Республике государства-члены подтверждают принципиальную позицию о взаимной поддержке государственного суверенитета, независимости и территориальной целостности. Они выступают против вмешательства во внутренние дела суверенных государств, а также действий, способных вызвать напряженность в регионе, за разрешение любых разногласий исключительно политико-дипломатическими методами путем диалога и переговоров.

Государства-члены, подчеркивая важность скорейшей стабилизации политической ситуации в Кыргызстане для всего региона, выразили готовность оказать Кыргызской Республике необходимую поддержку и помощь в решении этой задачи.

4. Государства-члены подтверждают, что центральное место в системе международных отношений принадлежит Организации Объединенных Наций, являющейся уникальным и во многом безальтернативным механизмом многостороннего сотрудничества.

Государства-члены намерены и дальше взаимодействовать в вопросах реформирования ООН и ее Совета Безопасности. [...]

8. Серьезными источниками угроз в регионе остаются продолжающаяся эскалация противостояния в Исламской Республике Афганистан, исходящие из этой страны терроризм, наркотрафик и транснациональная организованная преступность. Достижение мира и стабильности в ИРА является решающим фактором обеспечения безопасности, способствующим устойчивому социально-экономическому развитию всего региона.

Государства-члены подтверждают ведущую роль ООН в координации усилий международного сообщества в деле урегулирования ситуации в Афганистане. Они считают, что решение афганской проблемы исключительно военными методами невозможно, и выступают за продвижение переговорного процесса под эгидой ООН с участием самих афганцев.

ШОС выступает за становление ИРА в качестве мирного и стабильного государства, исходит из важности проявления полного уважения к глубоким историческим и этно-демографическим корням многонационального народа Афганистана, его традиционным и религиозным ценностям. [...]

Государства-члены призывают международное сообщество активизировать усилия по борьбе с наркоугрозой из Афганистана по всей цепочке производства и распространения наркотиков. В этом контексте участники саммита выражают готовность к взаимодействию с другими международными и региональными структурами, призывают Международные силы содействия безопасности к сотрудничеству в сфере антинаркотических усилий с государствами—членами ШОС. [...]

76 Декрет Временного правительства Кыргызской Республики «О разрешении применения боевого оружия на поражение»

Бишкек, 12 июня 2010 г.

Декрет был принят в связи с массовыми грабежами и насилиями против узбекского населения в киргизской части Ферганы. Вооруженные отряды боевиков, нападавшие на гражданское население, не подчинялись правительству в Бишкеке, и именно против них было в первую очередь решено применять боевое оружие.

В связи с непрекращающимися столкновениями этнических групп с применением боевого оружия и увеличивающимся количеством жертв среди мирного населения на территориях, где введено чрезвычайное положение, и в целях нейтрализации деструктивных элементов Времен-

ное Правительство Кыргызской Республики в соответствии с Законом Кыргызской Республики «О чрезвычайном положении» принимает настоящий Декрет.

1. Разрешить правоохранительным органам, вооруженным силам, действующим для наведения порядка на территориях Кыргызской Республики, где введено чрезвычайное положение в порядке, установленном законами Кыргызской Республики, применение огнестрельного оружия на поражение в следующих случаях:

- для защиты граждан и самозащиты от нападения, угрожающего жизни и здоровью, а равно освобождения заложников, а также при пресечении насильственного захвата огнестрельного оружия;
- для отражения группового или вооруженного нападения на сотрудников правоохранительных органов, вооруженные силы, задействованные для наведения порядка, других лиц, выполняющих служебные обязанности или общественный долг по обеспечению общественного порядка и борьбе с преступностью, а также иного нападения, когда их жизнь и здоровье подвергаются опасности;
- для отражения группового или вооруженного нападения на важные и охраняемые объекты, жилые помещения граждан, помещения и здания государственных и общественных органов, предприятий, учреждений, организаций, отражения нападений на войсковой или служебный наряд органов внутренних дел;
- для задержания лиц, оказывающих вооруженное сопротивление либо застигнутых при совершении преступления, а также для задержания вооруженных лиц, отказывающихся выполнить законные требования о сдаче оружия. [...]

77 Совместное заявление Президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в связи с ситуацией в Киргизской Республике

Вашингтон, 24 июня 2010 г.

Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки подтверждают общую заинтересованность в поддержке народа Киргизии в его стремлении восстановить демократию и стабильность после событий 7 апреля и трагического противостояния на юге страны. Мы приносим наши искренние соболезнования семьям тех, кто потерял своих близких в межэтнических столкновениях. Мы призываем к использованию ненасильственных, политических методов разрешения существующих проблем, к скорейшему восстановлению общественного порядка, гражданского мира и межнационального согласия.

Мы поддерживаем согласованную международную реакцию на этот кризис, Организацию Объединенных Наций (ООН) и другие между-

народные организации, соседей и друзей Киргизии в их усилиях по содействию нормализации обстановки в этой стране, включая оказание гуманитарной помощи. Мы намерены продолжать наши совместные с Киргизией усилия по противодействию угрозам, исходящим от наркотрафика и терроризма, а также будем совместно работать в целях содействия экономическому развитию стабильной Киргизии.

78 Совместное заявление Президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки по Афганистану

Вашингтон, 24 июня 2010 г.

[...] Соединенные Штаты Америки и Российская Федерация подтверждают свою приверженность становлению Афганистана в качестве мирного, стабильного, демократического, нейтрального и экономически самодостаточного государства, свободного от терроризма и наркотиков, признавая необходимость оказания дальнейшей значительной международной поддержки достижению этой цели.

Мы неуклонно следуем нашим общим обязательствам в борьбе с наркоугрозой, исходящей с территории Афганистана, которая подрывает нашу общую и глобальную безопасность. Международный Форум «Производство наркотиков в Афганистане» 9—10 июня предоставил возможность обсудить сотрудничество в борьбе с этой угрозой. Мы подтверждаем, что Рабочая группа по борьбе с наркотиками российско-американской Президентской комиссии является важным инструментом, и выражаем приверженность расширению сотрудничества с упором на перекрытие каналов доставки наркотиков и химических прекурсоров для их производства (в том числе предотвращая их утечки согласно резолюции 1817 Совета Безопасности ООН), активизацию обмена информацией и сокращение незаконных финансовых потоков, связанных с региональной торговлей наркотиками. Мы изучим возможность налаживания сотрудничества в антинаркотической сфере между Организацией Договора коллективной безопасности и Международными силами содействия безопасности. [...]

Мы подтверждаем необходимость сотрудничества в правоохранительной сфере и выражаем готовность оказать афганскому правительству содействие в повышении эффективности работы правоохранительных органов антинаркотического профиля, в том числе посредством участия в их подготовке и оснащении. Мы намерены разрабатывать различные программы обучения для сотрудников антинаркотических служб стран региона под эгидой Совета Россия — НАТО, включая использование Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России в г. Домодедово. В рамках Организации по безопасности и сотрудничеству мы совместно изучим возможность осуществления в странах Центральной Азии ряда проектов по подготовке афганских пограничников. [...]

Хронология

553–550 гг. до н.э.	Покорение Мидии царем Киром II
331–325 гг. до н.э.	Азиатские походы Александра Македонского
312–64 гг. до н.э.	Существование государства Селевкидов
Середина III в. до н.э. — 128 г. до н.э.	Существование на территории юга Центральной Азии и пригиндукушских районов Индии и Афганистана Греко-Бактрийского царства
250 г. до н.э.	Основание Аршаком Парфянского царства
II в. до н.э., вторая половина	Начало функционирования Великого шелкового пути
I–IV вв.	Существование Кушанского царства
Конец I — начало II в.	Натиск китайской династии Хань на Кушанское царство
224–226 гг.	Свержение в Парфии династии Аршанидов, начало правления династии Сасанидов
Середина III в. — IV в.	Войны за обладание территориями между Кушанским и Парфянским царствами
V в.	Военные набеги горных племен Памира (эфтали-тов) на Парфию
VI в.	Возникновение Тюркского каганата
VII–VIII вв.	Арабские и китайские завоевания в Центральной Азии
651 г.	Распад государства Сасанидов
744–840 гг.	Существование Уйгурского каганата в рамках владений Восточнотюркского каганата
VIII–IX вв.	Распространение ислама на территории Центральной Азии
819–1005 гг.	Существование эмирата Саманидов
850–1250 гг.	Существование уйгурского государства Кочо
IX в., середина	Образование державы «енисейских киргизов»
XI в., начало	Создание государства Караханидов
XI в., вторая половина	Установление контроля турок-сельджуков над государствами Центральной Азии
XII в., первая половина	Захват Мавераннахра каракитаями
1142–1211 гг.	Существование Западного Ляо, государства караки-таев

XIII в., начало	Возвышение Хорезма
1218–1231 гг.	Разорение Центральной Азии монголами
1369–1378 гг.	Завоевание Центральной Азии Тимуром
XV — середина XVI в.	Образование отдельной Казакской орды, отделившейся от Узбекской орды; начало формирования казахского этноса
1500 г.	Образование Бухарского ханства. Начало правления династии Шейбанидов
1501 г.	Приход к власти шаха Измаила в Иране. Начало правления династии Сефевидов
1511 г.	Образование Хивинского ханства (Хорезма). Начало правления династии Арабшахидов
1534 г.	Образование в составе Казахского ханства Старшего, Среднего и Младшего жузов
1556 г.	Приход к власти в Бухаре хана Джани-Мухаммеда. Основание династии Джанидов (или Астраханидов, или Аштарханидов) в Бухаре
1557–1598 гг.	Правление в Бухаре хана Абдуллы II, пик могущества Бухарского ханства
1630-е годы	Образование западномонгольского (ойратского) Джунгарского ханства в долине р. Или
1635–1743 гг.	Походы джунгаров на казахов. «Годы великого бедствия»
1644 г.	Захват маньчжурами Пекина
1678 г.	Приход к власти в Кашгарии династии ходжей
1680–1690-е годы	Борьба джунгарской и халхинской ветвей монгольской знати, ослабление Джунгарии
1689 г.	Нерчинский договор и установление дипломатических отношений России с Китаем
Начало XVIII в.	Подчинение Халхи Китаю
1700 г.	Фактическое отпадение Кандагара и Герата от Ирана, консолидация афганского (пуштунского) этноса
1705 г.	Первое вторжение Китая в Тибет
1710 г.	Отделение Кокандского ханства от Бухарского, основание в Коканде новой правящей династии Минг
1715–1739 гг.	Борьба Джунгарского ханства за Северную Монголию с Китаем
1716–1720 гг.	Подчинение Тибета Джунгарии
1720–1725 гг.	Завоевание Китаем Тибета
1722 г.	Афганское нашествие Махмуда на Иран, падение Сефевидов. Присоединение к России части земель вокруг Каспия
1723 г.	Поход джунгарских ханов на казахов. Нападение отступающих казахов на Бухару

1729–1735 гг.	Войны Китая против Джунгарии
1730 г.	Посольство хана Младшего казахского жуза Абул-хаира в Уфу к императрице Анне Иоанновне с просьбой принять его в российское подданство
1731 г., 10 октября	Указ о принятии в состав Российской империи Младшего казахского жуза. Начало вхождения казахских земель в Россию
1731 г.	Российско-китайские переговоры в Петербурге о разделе Джунгарии
1731 г.	Неудачная попытка джунгар отвоевать Халху у Китая
1740 г.	Захват Бухары и Хивы шахом Ирана Надиром
1747 г.	Образование Дурранийской державы в Афганистане
1747 г.	Захват власти в Бухаре эмирами из рода Мангытов
1755–1757 гг.	Вторжение Китая в Джунгарию после смерти хана Галдан Цэрэна и присоединение джунгарских земель к Китаю
1756–1762 гг.	Семилетняя война. Россия не помогла Джунгарии против Китая
1758–1759 гг.	Покорение Кашгарии Китаем
1760 г.	Объединение Китаем кашгарских и джунгарских земель в единое наместничество Синьцзян
1785 г.	Воцарение эмира Шахмурада в Бухаре. Официальное основание династии Мангитов (не чингисидского происхождения)
1813 г.	Гюлистанский договор России с Ираном, присоединение Дагестана, Грузии и Северного Азербайджана к России
1825–1831 гг.	Набеги Коканда на Кашгарию
1826–1834 гг.	Объединение Афганистана правителем Кабула Дост Мухаммедом
1828 г.	Туркманчайский договор России с Персией, присоединение Восточной Армении к России
1834–1863 гг.	Правление эмира Дост Мухаммеда в Афганистане
1834–1859 гг.	Восстание Шамиля в Чечне и Дагестане
1836–1837 гг.	Ирано-британская война
1837–1845 гг.	Войны казахского хана Кенесары с Россией
1838–1842 гг.	Первая афгано-британская война
1840–1842 гг.	Первая опиумная война. Нанкинский неравноправный договор западноевропейских держав с Китаем
1840–1845 гг.	Войны Коканда с Бухарой
1841–1856 гг.	Серия неравноправных договоров западных держав с Ираном, вводивших в стране режим капитуляций
1847 г.	Вторжение из Коканда в Кашгарию одновременно с восстанием уйгуров

1848—1852 гг.	Религиозные антишахские восстания в Иране (восстание бабитов)
1856—1858 гг.	Присоединение к Афганистану Южного Туркестана
1851 г.	Кульджинский договор России с Китаем
1853—1856 гг.	Крымская война и подписание Парижского трактата
1853—1864 гг.	Тайпинское восстание и создание государства тайпинов (Тайпин тяньго) в Нанкине
1854 г.	Образование Закаспийской области с центром в Красноводске
1856—1860 гг.	Вторая опиумная война
1855 г., март	Подписание афгано-британского Договора о мире и дружбе
1855 г.	Поражение Хивы в войне с туркменами
1855 г.	Завоевание Кандагара афганским эмиром Дост Мухаммедом
1857—1859 гг.	Восстание сипаев в Британской Индии
1858 г.	Изъятие Индии из собственности Ост-Индской компании и передача ее в непосредственное управление Британской короны
1858 г.	Русско-китайский Айгунский договор и присоединение левобережья Амура к России
1858 г.	Тяньцзинские договоры США, Британии и Франции с Китаем
1858 г.	Русско-китайский Тяньцзинский договор. Передача Уссурийского края России
1860 г.	Пекинские договоры Китая с Францией и Британией, подтвердившие режим капитуляций, навязанный Китаю Тяньцзинскими договорами, окончание Второй опиумной войны
1860 г., 2 ноября ¹	Пекинский договор России с Китаем о делимитации в Приамурье, Приморье и к западу от Монголии
1861 г.	Начало регентства императрицы Цы Си в Китае
1862—1864 гг.	Восстания уйгуров и дунган в провинциях Шэньси и Ганьсу в Китае
1862—1878 гг.	Правление эмира Шерали в Афганистане
1864—1877 гг.	Распространение восстания мусульман на Синьцзян, возникновение государства Йэйтишаар
1865 г.	Выступление России против Коканда и взятие Ташкента

¹ Даты приводятся по «старому стилю».

1865–1868 гг.	Возникновение в зоне восстания в Синьцзяне пяти исламских ханств
1867 г.	Образование Туркестанского генерал-губернаторства
1867 г.	Окончательное присоединение казахских кочевий к России
1868 г.	Подписание торговых договоров России с Бухарой и Кокандом
1869 г.	Основание Красноводска
1870 г., 21 июля	Тяньцзинская резня, убийство толпой двадцати европейцев в знак протеста против убийства китайца французским консулом
1870–1871 гг.	Франко-прусская война, обострение обстановки в Европе
1870 г., 21 сентября	Отмена Россией ограничительных статей Парижского трактата
1871 г., июнь	Занятие русскими войсками Илийского края (Таранчинского ханства)
1872 г., 15 мая	Подписание российскими властями торгового договора с Якуб-беком, правителем государства Йэйтишаар
1873 г., август — сентябрь	Заключение Россией мирного договора с Хивой и договора о дружбе с Бухарой
1873 г.	Первое «афганское разграничение», признание Россией Афганистана сферой влияния Великобритании
1876 г.	Присоединение ферганских земель Коканда и Южной Киргизии к России
1876 г.	Присоединение Хивинского ханства к России
1875–1876 гг.	Подавление китайским правительством восстания в Шэньси и Ганьсу, бегство дунган из Китая в земли Российской империи
1877–1878 гг.	Подавление восстания уйгуров и дунган в большей части Синьцзяна
1877–1878 гг.	Русско-турецкая война и Сан-Стефанский мир
1878 г.	Берлинский конгресс
1878–1880 гг.	Вторая афгано-британская война и установление британского протектората над Афганистаном
1879 г., сентябрь	Ливадийский договор России с Китаем, признание Китаем прав России на владение Илийским краем (Кульджей)
1880–1901 гг.	Правление эмира Абдуррахмана в Афганистане
1881 г., 12 января	Захват российскими войсками крепости Геок-Тепе в ходе войны с туркменскими племенами в Ахалтекинском оазисе
1881 г., 12 февраля	Петербургский договор между Россией и Китаем, возвращение Илийского края (Кульджи) Китаю

1881 г., 5 мая	Создание Закаспийской области с центром в Ашхабаде
1881 г., 9 декабря	Соглашение России с Ираном о границах с провинциями Хорасан и Астерабад в Тегеране
1882 г.	Создание Степного генерал-губернаторства (Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области; позднее Семиреченская область передана в Туркестанское генерал-губернаторство)
1884 г.	Антибританское восстание в Судане
1884 г.	Официальное создание провинции Синьцзян в Китае с центром в г. Урумчи
1884 г.	Присоединение Мерва (Мервского оазиса) к России
1885 г., март	Русско-афганский конфликт в оазисе Пенде
1885 г., 29 августа	Второе «афганское разграничение»
1893 г., 12 ноября	Соглашение о «линии Дюранда» между Афганистаном и Британской Индией
1895 г.	Третье «афганское (памирское) разграничение»
1900–1901 гг.	Боксерское антииностранное восстание в Китае
1901–1919 гг.	Правление в Афганистане эмира Хабибуллы
1902 г.	Подписание британско-японского союзного договора
1903–1904 гг.	Вторжение британских войск в Тибет
1904–1905 гг.	Русско-японская война
1905–1911 гг.	Революция в Иране
1905 г.	Первая революция в России
1907 г., 18 августа	Русско-британская Конвенция по делам в Персии, Афганистане и Тибете
1908 г.	Начало младотурецкой революции в Османской империи
1911–1912 гг.	Синхайская революция в Китае
1913 г.	Российско-китайская декларация об автономии Внешней Монголии
1914–1918 гг.	Первая мировая война
1915 г.	Восстание узбекского и каракалпакского населения, под предводительством Джанаида, в Хиве
1915–1916 гг.	Боевые действия между российскими и турецкими войсками на территории Ирана
1916 г., июль — 1917 г., январь	Восстание казахов и киргизов в российских владениях в Центральной Азии
1917 г., февраль	Падение монархии в России
1917 г., апрель	Указ хивинского хана Асфандиара о созыве меджлиса
1917 г., октябрь	Большевистский переворот и установление советской власти в Петрограде

1917 г., ноябрь	Мусульманский съезд в Коканде и провозглашение Кокандской Автономной Республики в составе России
1918 г., март	Соглашение Советской России с Бухарой
1918 г., апрель	Провозглашение в Ташкенте Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики (Туркеспублики) в составе РСФСР с включением земель Западного Туркестана и Закаспия
1918 г., 11–12 июля	Восстание эсеров, меньшевиков и кадетов в Закаспии (Красноводске, Ашхабаде и Мерве)
1918 г., октябрь	Военный переворот в Хиве, убийство хана Асфандиара
1918–1936 гг.	Этно-административное размежевание в советской части Центральной Азии
1917 г., осень — 1919 г., осень	Восстание оренбургских и уральских казаков под руководством А. И. Дутова
1918–1919 гг.	Набеги Джанаида на Туркеспублику, его поражение от советских войск
1918–1926 гг.	Басмаческое сопротивление в Центральной Азии
1919–1920 гг.	Военные походы Красной Армии под командованием М. В. Фрунзе в Центральной Азии
1919 г., март	Приход к власти в Афганистане Амануллы-хана
1919 г., апрель	Провозглашение независимости Афганистана и третья афгано-британская война
1920 г., 20 мая	Установление дипломатических отношений РСФСР с Ираном
1920 г., 1 апреля	Провозглашение Хорезмской Народной Советской Республики (ХНСР)
1920 г.	Провозглашение Бухарской Народной Советской Республики (БНСР)
1920 г., 26 августа	Создание Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики в составе РСФСР, начало этно-административного размежевания в Центральной Азии
1921 г., апрель	Разделение Туркеспублики на две части; создание в составе РСФСР Туркменской АССР (столица Ашхабад) и Туркестанской АССР (столица Ташкент)
1921 г., февраль	Военный переворот в Иране, установление диктатуры Реза-хана
1921 г., февраль	Нормализация российско-афганских и российско-иранских отношений, подписание межгосударственных договоров РСФСР с Афганистаном и Ираном
1921 г., март	«Советизация» бывших протекторатов России в регионе
1921 г., март	Союзный договор между Советской Россией и БНСР

1921 г., весна	Вывод британских войск из Ирана
1921 г., май — декабрь	Боевые действия Красной Армии против частей Белого движения в Синьцзяне
1921—1924 гг.	Восстание в Бухаре под руководством Энвера-паши
1921 г., октябрь	Заключение афгано-британского мирного договора в Равалпинди
1922 г., 30 декабря	Провозглашение образования Союза Советских Социалистических Республик (СССР)
1923 г.	«Ультиматум Керзона» — требование британского правительства об отзыве советских дипломатических представителей из Ирана и Афганистана
1924 г.	Установление дипломатических отношений СССР с правительством Чан Кайши в Китае и заключение советско-китайского торгового договора
1924 г.	Подписание советско-иранского торгового договора
1924 г., октябрь	Преобразование Туркменской АССР в Туркменскую ССР
1924 г.	Включение Бухарской и Хорезмской республик в состав СССР
1924 г.	Образование Узбекской ССР (столица Самарканд, с 1929 г. — Ташкент), в составе которой была создана Таджикская АССР
1924—1926 гг.	Создание Кара-киргизской Автономной области, затем Киргизской Автономной республики в составе РСФСР
1925 г.	Административно-территориальные реформы Киргизской АССР, переименование ее в Казахскую АССР (столица Кзыл-Орда, с 1929 г. — Алма-Ата)
1925 г.	Низложение династии Каджаров в Иране, начало правления Реза-шаха
1927 г., май	Подписание советско-иранского договора о ненападении и нейтралитете
1928 г.	Военный переворот в Синьцзяне
1928 г., ноябрь — 1929 г., январь	Военный переворот под руководством Бачаи Сакао в Афганистане, свержение короля Амануллы
1929 г., весна	Военная операция В. М. Примакова в Афганистане
1929 г., май	Подавление мятежа Бачаи Сакао, провозглашение королем (падишахом) Надира
1929 г., октябрь	Преобразование Таджикской АССР (в составе Узбекской ССР) в Таджикскую ССР
1929 г.	Разрыв советско-китайских дипломатических отношений в связи с советско-китайским конфликтом на КВЖД
1931—1933 гг.	Восстание уйгурского населения в Синьцзяне

1931 г.	Оккупация Японией Маньчжурии
1932 г., 12 декабря	Восстановление советско-китайских дипломатических отношений
1933 г., 12 апреля	Военный переворот генерала Шэн Шицая в Синьцзяне
1933–1934 гг.	Существование Тюрко-Исламской Республики Восточного Туркестана со столицей в Кашгаре в зоне уйгурского восстания в Синьцзяне
1936 г.	Заключение советско-монгольского протокола о взаимопомощи
1936 г., декабрь	Преобразование Казахской и Киргизской АССР (в составе РСФСР) в союзные республики
1937 г., июль	Начало планомерного захвата японскими войсками территории Китая
1937 г., август	Заключение советско-китайского договора о ненападении
1939 г., 1 сентября	Начало Второй мировой войны
1941 г., 22 июня	Вступление СССР во Вторую мировую войну
1941 г.	Вступление США во Вторую мировую войну
1941 г., август	Советско-британская оккупация Ирана, приход к власти шаха Мухаммеда Реза Пехлеви
1941 г., ноябрь	Провозглашение Афганистаном нейтралитета во Второй мировой войне
1942 г., январь	Заключение трехстороннего союзного договора между СССР, Великобританией и Ираном
1943 г.	Создание в Центральной Азии Среднеазиатского духовного управления мусульман (САДУМ)
1943 г.	Начало мусульманских протестных выступлений в Синьцзяне
1944 г., весна	Вооруженный конфликт на китайско-монгольской границе с привлечением советских войск
1944 г., ноябрь — 1949 г.	«Революция трех округов» в Синьцзяне и попытка создания Восточно-Туркестанской Республики со столицей в Кульдже в зоне казахско-уйгурского восстания
1945 г., август	Заключение союзного договора СССР с правительством Чан Кайши в Китае
1945 г., 2 сентября	Окончание Войны на Тихом океане и Второй мировой войны
1946 г.	Вывод советских войск из Ирана
1949 г., октябрь	Окончание гражданской войны в Китае и провозглашение КНР
1949 г., декабрь	Создание Объединенного народно-демократического правительства провинции Синьцзян

1953 г.	Начало реализации плана по освоению целинных земель в Казахстане
1955 г., 1 октября	Создание Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) после упразднения провинции Синьцзян
1959 г., август	Беспорядки в г. Темиртау (один из индустриальных центров Казахстана), обострение социально-экономического кризиса в регионе
1962 г.	Массовые бегства китайских мусульман из СУАР на территорию СССР
1966 г.	Начало «культурной революции» в Китае
1978 г., 28 апреля	Военный переворот в Афганистане, переименование страны в Демократическую республику Афганистан, приход к власти Н. М. Тараки
1978 г., 5 декабря	Подписание советско-афганского Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве сроком на 20 лет
1979 г., сентябрь	Свержение Н. М. Тараки, переход власти к Х. Амину
1979 г., 27 декабря	Начало военной кампании СССР в Афганистане
1983 г.	Начало расследования «хлопкового дела» в Узбекистане с последующей «чисткой» республиканского руководства
1986 г., 16 декабря	Массовые беспорядки в Казахстане в связи со сменой руководства союзной республики («Желтоқсан»)
1989 г., 15 февраля	Вывод советских войск из Афганистана
1989 г., 3–7 июня	Столкновения между узбеками и турками-месхетинцами в узбекской части Ферганы
1990 г.	Жестокие столкновения между киргизами и узбеками в Оше (Киргизия)
1991 г., 16 мая	Подписание Соглашения о государственной границе между СССР и КНР на ее восточном участке
1991 г., осень	Принятие центральноазиатскими республиками деклараций независимости
1991 г., декабрь	Распад СССР, образование СНГ
1992 г., 28 апреля	Взятие Кабула войсками Северного альянса. Провозглашение Исламской Республики Афганистан
1992 г., 15 мая	Подписание сроком на пять лет Ташкентского договора Арменией, Россией, Казахстаном, Таджикистаном, Узбекистаном и Киргизией. В 1993 г. к нему присоединились Азербайджан, Грузия и Белоруссия. Вступил в силу в апреле 1994 г.
1992 г., весна	Начало гражданской войны в Таджикистане
1992 г., 25 мая	Подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи России и Казахстана

1992 г., 30 мая	Подписание Договора об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан
1992 г., 10 июня	Подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Россией и Киргизией
1992 г., ноябрь	Вступление Афганистана, Казахстана, Киргизии, Азербайджана, Таджикистана, Туркменистана и Туркмении в Организацию экономического сотрудничества (ОЭС)
1992 г., декабрь	Всплеск уйгурского сепаратизма в Синьцзяне; проведение в Стамбуле «Национального конгресса Восточного Туркестана», на котором было объявлено о создании «Государства Восточный Туркестан»
1992 г.	Присоединение Туркменистана, Киргизии и Таджикистана к Организации исламской конференции (ОИК)
1993 г.	Начало функционирования европейской программы «Транспортный коридор Европа—Кавказ—Азия» (ТРАСЕКА)
1993 г.	Подписание узбекско-турецкого Договора об основах межгосударственных отношений
1993 г.	Разрушение единой рублевой зоны, введение в оборот национальных валют в новых независимых государствах
1993 г., 25 мая	Подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи России и Таджикистана
1994–2002 гг.	Подписание серии двусторонних соглашений о государственных границах между Киргизией, Казахстаном, Таджикистаном и Китаем
1994 г.	Присоединение Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Туркменистана к программе НАТО «Партнерство ради мира»
1994 г., январь	Образование Центральноазиатского союза в составе Казахстана, Узбекистана и Киргизии
1994 г., 28 марта	Подписание пакета соглашений о сотрудничестве в военной сфере между Россией и Казахстаном
1995 г.	Провозглашение Туркменией статуса постоянного нейтралитета
1995 г., январь	Вступление Узбекистана и Казахстана в ОИК
1995 г., 26 мая	Подписание Договора о сотрудничестве в охране границ государств СНГ со странами, не входящими в Содружество
1996 г.	Создание Движения исламского возрождения; в 1998 г. переименовано в Исламское движение Узбекистана (ИДУ)

1996 г., 29 марта	Подписание Белоруссией, Казахстаном, Киргизией и Россией договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях (с 1999 г.)
1996 г., 26 апреля	Подписание Россией, Китаем и трех граничащих с ним центральноазиатских государств Соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы. Начало «шанхайского процесса»
1996 г., сентябрь	Захват Кабула талибами
1997 г., 10 января	Подписание Казахстаном, Узбекистаном и Киргизией Договора о вечной дружбе, к которому 26 марта 1998 г. присоединился Таджикистан
1997 г., 27 июня	Подписание соглашения о межтаджикском урегулировании. Окончание гражданской войны в Таджикистане
1997 г., сентябрь	Выдвижение Киргизией на встрече в Алматы идеи зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии
1997 г.	Образование организации ГУАМ в составе Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии, целью которой было создание транспортно-энергетической системы в обход России
1998 г.	Испытание Индией и Пакистаном ядерного оружия
1998 г., март	Присоединение Таджикистана к Договору о вечной дружбе между Казахстаном, Узбекистаном и Киргизией
1998 г., 26 июня	Реорганизация Центральноазиатского союза в Центральноазиатское экономическое сообщество в составе Казахстана, Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. С 1999 г. в качестве наблюдателей в его работе стали участвовать Грузия, Украина и Турция
1998 г., август	Захват талибами г. Мазари-Шариф, центра таджико-узбекского Северного альянса в Афганистане
1999 г., июль—октябрь	Конфликт в Южной Фергане — попытка нападения узбекских боевиков, вошедших в Таджикистан с территории Афганистана, на ферганские земли Киргизии с целью прохода в Узбекистан («события в Баткене»)
1999 г., 2 апреля	Отказ Узбекистана от пролонгации Ташкентского договора (вместе с Грузией и Азербайджаном)
1999 г., апрель — 2002 г.	Членство Узбекистана в ГУАМ (аббревиатура была изменена на ГУУАМ)
1999 г., сентябрь	Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СМВДА)
2000 г.	Начало реализации Китаем плана «Великого освоения Запада»

2000 г., 21 апреля	Подписание Договора Казахстана, Узбекистана, Киргизии и Таджикистана о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности сторон
2000 г., 10 октября	Создание Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в составе Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана (в 2006—2008 гг. в нем участвовал и Узбекистан)
2001 г., 15 июня	Преобразование «Шанхайского форума» в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) в составе России, КНР, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана
2001 г., 16 июля	Подписание российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве
2001 г., 11 сентября	Террористические акты в США; начало военной операции США в Афганистане
2001 г., декабрь	Начало функционирования американской авиабазы в аэропорту Манас (Киргизия)
2002 г.	Выход Узбекистана из ГУУАМ
2002 г.	Формальное открытие индийской военной базы в Таджикистане
2002 г., март	Американо-узбекская Декларация о рамках стратегического партнерства и сотрудничества
2002 г., март	«Аксыйские события» в Киргизии, начало внутриполитического кризиса
2002 г., сентябрь	Избрание Х. Карзая президентом Афганистана (переизбран в 2009)
2002 г., 7 октября	Подписание на саммите СНГ в Кишиневе соглашения о создании на базе ДКБ Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в составе России, Белоруссии, Казахстана, Армении, Таджикистана и Киргизии
2003 г., март	Начало войны США и Великобритании против Ирака. Узбекистан выступил с выражением политической поддержки их действиям. Другие страны ШОС дистанцировались от их одобрения или выразили завуалированное осуждение
2003 г.	«Революция роз» в Грузии. Свержение президента Э. Шеварднадзе
2003 г.	Российско-казахстанское Соглашение о совместном планировании применения войск
2003 г., октябрь	Открытие российской военной авиабазы в Киргизии

2004 г.	«Оранжевая революция» на Украине. Приход к власти президента В. Ющенко
2004 г.	Предоставление Монголии статуса наблюдателя в ШОС
2004 г.	Российско-казахстанский Договор о сотрудничестве и взаимодействии по пограничным вопросам
2004 г.	Российско-таджикское соглашение о преобразовании 201-й российской мотострелковой дивизии в военную базу
2004 г., 16 июня	Подписание российско-узбекского Договора о стратегическом партнерстве
2004 г., декабрь	Заключение Договора о делимитации российско-казахстанской границы
2005 г.	Ввод в эксплуатацию нефтепровода Баку—Тбилиси—Джейхан
2005 г., март	Начало «тюльпанной революции» в Киргизии
2005 г., май	«Андижанские события» в Узбекистане и обострение узбекско-американских отношений
2005 г., 14 ноября	Российско-узбекский Договор о союзнических отношениях
2005 г.	Предоставление Индии, Ирану и Пакистану статуса наблюдателей в ШОС. Создание контактной группы по связям ШОС с Афганистаном
2006 г., январь	Слияние ЦАЭС с ЕврАзЭС. Присоединение Узбекистана к ЕврАзЭС
2006 г., декабрь	Смена власти в Туркменистане после смерти президента С.Ниязова (Туркменбаши)
2006 г., 16 августа	Присоединение Узбекистана к ОДКБ
2008 г., август	Попытка Грузии силой присоединить отделившуюся от нее в начале 1990-х годов Южную Осетию. «Пятидневная война» Грузии с Россией
2008 г., ноябрь	Приостановка участия Узбекистана в ЕврАзЭС
2008 г., ноябрь	Поражение республиканцев на президентских выборах в США. Избрание президентом кандидата от Демократической партии Барака Обамы
2009 г., декабрь	Открытие газопровода из Туркменистана в Китай
2010 г., 1 января	Начало функционирования Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана
2010 г., март—апрель	Массовые беспорядки в Киргизии, свержение президента К. Бакиева

Указатель имен

Абдаррахман (Абдур-Рахман) (ок. 1844–1901) — эмир Афганистана из династии Баракзаев, племянник эмира Дост Мухаммеда. Жил в Самарканде в 1870–1880 гг. у русского наместника. После начала второй британо-афганской войны в 1878 г. вернулся в Афганистан и занял престол при содействии британцев. [104, 105, 112, 113]

Абдильдин Серикболсын Абдильдаевич (1937) — казахстанский политический деятель. Постоянный представитель Совета министров Казахской ССР при Совете министров СССР (1987–1991), заместитель председателя (1990–1991), председатель Верховного совета Казахстана (1991–1993). С 1994 — в оппозиции. В 1996–2010 гг. — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана. [230]

Абдулладжанов Абдумалик Абдуллаевич (1949) — таджикский политический деятель. Премьер-министр Таджикистана (1992–1993), подал в отставку из-за разногласий с президентом Р. Набиевым. Посол Таджикистана в России (1993–1994). В ноябре 1994 г. баллотировался в президенты. В июле 1996 г. основал политический блок «Национальное единство» и стал лидером действовавшего на севере страны оппозиционного движения. С середины 1990-х годов — в эмиграции. [249, 251, 285]

Абдулла (Абдулла-хан) II (1534–1598) — хан из династии Шейбанидов. В 1557 г. захватил Бухару, Ташкент, Балх, Фергану и основал Бухарское ханство. [71]

Аблай (Абылай-хан, Абулай, Абулмансур Аблай-хан) (1711–1781) — хан казахского Среднего жуза. В 1739 г. принял русское подданство и добился объединения под своей властью казахов Среднего и отчасти Старшего жуза. В 1757 г. признал себя вассалом китайского императора. [89, 90]

Абу Ханифа (699–767), исламский богослов, основатель одного из четырех суннитских мазхабов, ханафизма. [52]

Абулгази Бахадур (Абдулгази, Абу-л-Гази-хан, Багадур-хан, Абульгази Багадыр-хан) (1603–1664) — хивинский хан из династии Шейбанидов, правил в 1643–1663 гг., сын Араб Мухаммед-хана, известен как историк и первый узбекский писатель. Автор «Родословной туркмен» и «Родословной тюрков». В 1663 г. отрекся от престола в пользу своего сына Ануша Мухаммеда. [74]

Абулфаиз (Абу-л-Файз-хан) (1711–1747) — бухарский хан из династии Аштарханидов (Астраханидов). [72]

Абулхаир (1693–1748) — хан казахского Младшего жуза в 1718–1748. Возглавлял объединенное казахское ополчение в войне против Джунгарского ханства. В 1731 г. принял решение о добровольном вхождении Младшего жуза в состав Российской империи. В 1748 г. убит одним из предводителей группы племен Среднего жуза, выступавших против сближения с Россией. [80, 81]

Абулхаир (Узбекский) (1412–1468) — один из потомков Чингисхана, правитель восточной части улуса Джучи. Основал государство, объединившее узбекские,

- кипчакские и другие кочевые племена на территории от Сибири до Сырдарьи. [67, 68, 70, 71]
- Ага-хан IV, Карим** (1936) — духовный лидер всемирной шиитской общины исмаилитов. Считается прямым потомком пророка Мухаммада. [287]
- Азизи, Сайфудин (Сайфулдин Азиз)** (1915–2003) — уйгурский политический деятель в Китае. Заместитель главы правительства Синьцзян-Уйгурского автономного района (1949–1955). Глава правительства СУАР (1955–1967), одновременно секретарь партийной организации Компартии Китая в СУАР (1973–1978). В дальнейшем переведен в Пекин и стал заместителем председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая. [185, 203]
- Айтматов Чингиз Торекулович** (1928–2008) — выдающийся киргизский советский писатель, писал на киргизском и русском языках. После 1991 г. состоял на дипломатической службе Киргизии. [179]
- Акаев Аскар Акаевич** (1944) — киргизский государственный деятель, ученый. Президент Киргизии (1990–2005). После «тюльпанной революции» в 2005 г. эмигрировал в Россию. [215, 228, 255, 256, 258, 274, 276, 278, 280, 329–333, 335]
- Ала ад-Дин Мухаммед II** (правил в 1200–1220) — шах Хорезма. К 1215 г. его власть распространилась на Хорезм, Мавераннахр, Южный Туркменистан, Афганистан и Иран. В 1219 г. потерпел поражение от Чингисхана. Умер в изгнании. [59]
- Александр Македонский** (356–323 до н.э.) — царь Македонии, выдающийся полководец и завоеватель времен Античности, основатель мировой эллинистической державы. [40, 44, 47, 48]
- Алим (Сейид Алим Мир Мохаммед, Алим-хан)** (1880–1944) — последний эмир Бухары из династии Мангытов (правил в 1910–1920). [128, 136, 152]
- Алимкула (Мулла Алимкул)** (ок. 1833–1865) — кокандский военачальник, фактический правитель Кокандского ханства в 1863–1865 гг. Главнокомандующий и регент Коканда. В 1865 г. в ходе сражения с русскими войсками, наступавшими на Ташкент, был смертельно ранен. [94]
- Алихан-Тюре (Алихан тура Сагуний, Алихан Шакирходжаев)** (1885–1976), религиозно-политический деятель Восточного Туркестана, президент Восточно-Туркестанской Республики. Узбек. [167]
- Алиханов-Аварский Александр (Максуд) Михайлович** (1846–1907) — русский военачальник, аварец по происхождению, генерал-лейтенант, генерал-губернатор Мерва и Тифлиса. Убит армянскими националистами (дашнаками). [110]
- ал-Мамун (Абу-ль-Аббас Абдаллах)** (786–833), аббасидский халиф (813–833), сын халифа Харуна-ар-Рашида. В 809–813 гг. — наместник Хорасана. [53]
- Аманулла (Аманулла-хан)** (1892–1960) — эмир Афганистана из династии Баракзаев (1919–1929), сын эмира Хабибуллы, лидер «младоафганцев». Провозгласил независимость Афганистана 28 февраля 1919 г. и принял титул короля (шаха). Был свергнут в результате мятежа Бачаи Сакао. Умер в Швейцарии. [127–130, 150–153, 163]
- Амасанджи (Тайши)** (ум. в 1470) — хан, предводитель ойратов (монголов). [67]
- Амин, Хафизулла** (1929–1979) — афганский государственный деятель, пуштун. Один из соратников Н.Тараки, которого он сверг. Председатель Революционного совета и Совета министров Демократической Республики Афганистан. В декабре 1979 г. был свергнут и убит в результате переворота. [207]

Андропов Юрий Владимирович (1914–1984) — советский государственный деятель, генеральный секретарь ЦК КПСС (1982–1984), председатель Президиума Верховного совета СССР (1983–1984). При нем была предпринята последняя попытка союзного руководства добиться соблюдения квот на представительство разных этнических групп в высших руководящих органах союзных республик. [33, 193, 198, 208]

Анненков Борис Владимирович (1889–1927) — атаман Сибирского казачьего войска. Участвовал в антибольшевистском восстании в Сибири в 1918 г., воевал под командованием Колчака в Семиречье. В 1920 г. бежал в Китай. В 1926 г. похищен советскими спецслужбами, вывезен с китайской территории в СССР, осужден военным трибуналом и расстрелян. [132, 133]

Ануша (Ануша-хан, Абу-л-Музаффар Мухаммад Ануша-хан) (правил 1663–1685) — сын и преемник хивинского хана Абулгази из династии Шейбанидов. Совершил ряд набегов на Бухарское ханство, в 1685 г. временно захватил Самарканд. В результате заговора свергнут и ослеплен. [74]

Араб Мухаммед-хан I (правил в 1603–1622) — хивинский хан из династии Шейбанидов. В 1621 г. в результате междоусобицы схвачен собственными сыновьями, ослеплен и убит в 1622 г. [73]

Ардашир (Арташир Папакан) I (ок. 180–240) — правитель Персиды (часть Парфии), основатель династии Сасанидов. [46]

Аронштам Григорий Наумович (1893–1938) — первый секретарь ЦК КП (б) Туркменской ССР (1928–1930), репрессирован. [148]

Аршак (ум. в 247 г. до н.э.) — вождь одного из иранских кочевых племен, основатель Парфянского царства, основатель династии Аршакидов. [46]

Асанбаев Ерик Магзумович (1936–2004) — советский и казахстанский государственный деятель. С 1988 г. заместитель председателя Совета министров Казахской ССР, с 1989 г. секретарь и член Политбюро ЦК Компартии Казахстана, председатель Верховного совета Казахской ССР (1991), вице-президент Казахстана (1991–1996), посол РК в ФРГ (1996–2000). [230]

Асфандияр (Асфандияр-хан) — хивинский хан (1910–1918) из династии Конгра-тов (Кунгра-тов), убит в результате заговора Джунаид-хана. [137–139]

Аухадиев Кенес Мустаханович (1938) — советский и казахстанский государственный деятель, председатель Алма-Атинского горисполкома (1975–1978), первый секретарь Алма-Атинского обкома партии (1978–1985), в дальнейшем — на руководящей хозяйственной работе и в бизнесе. [193]

Ахмед Дуррани (около 1721–1773) — создатель независимого афганского государства — Дурранийской державы. Провозгласил себя шахом в 1747 г. Основанная им династия Дуррани имела две ветви — Садозай и Баракзай, представители которых, периодически соперничая друг с другом, правили Афгани-станом до 1973 г. [101]

Бабаев Сухан Бабаевич (1910 — ?) — советский и туркменский государственный деятель. Заместитель председателя Совета народных комиссаров Туркменской ССР (1942–1943), председатель Совета министров Туркменской ССР (1945–1951), первый секретарь ЦК Компартии Туркменистана (1951–1958). [194]

Бабур, Захир ад-Дин (1483–1530) — выходец из Ферганской долины, полководец, по отцовской и материнской линиям — потомок боковых ветвей Тиму-

- ридов и Чингисидов, основатель государства Великих Моголов в Индии (1526). Известен как поэт и писатель. [67]
- Бакиев Курмамбек (Курманбек) Салиевич** (1949) — киргизский государственный деятель, президент Киргизии в 2005–2010 гг. В 1994 г. — заместитель главы Фонда госимущества, затем губернатор (аким) Джалал-Абадской, а с 1997 — Чуйской областей. Премьер-министр Киргизии (2001–2002). Осенью 2004 г. выступил против президента А.Акаева и возглавил оппозиционное «Народное движение Кыргызстана». В июле 2005 г. на волне «тюльпанной революции» избран президентом. В апреле 2010 г. свергнут в результате выступлений оппозиции, эмигрировал в Белоруссию. [258, 325, 330, 332–339]
- Бакич Александр Степанович** (1878–1922) — генерал-лейтенант российской императорской армии, по происхождению черногорец, участник Белого движения. Разбит красно-монгольскими частями и расстрелян. [132, 133]
- Бань Чао** (32–102) — полководец и дипломат Древнего Китая эпохи династии Хань, установил первые контакты с Римской империей. [45]
- Бату (Батый)** (1208–1255), монгольский хан (с 1243), внук Чингисхана. В улус Бату входили, в частности, степи современного Казахстана и нижнего течения Сырдарьи. Его земли стали называться Золотой Ордой. [61]
- Батыров Шаджа Батырович** (1908–1965) — советский и туркменский государственный деятель. Секретарь ЦК КП (б) Туркменистана по пропаганде и агитации (1942–1946), второй (1946–1947), затем первый секретарь (1947–1951) ЦК КП Туркменистана. [194]
- Баха ад-Дин Мухаммад ал-Бухари Накшбанд (Бахауддин Накшбанд)** (1318–1389), основатель суфийского ордена «накшбандийа». [64]
- Бачаи Сакао** (1890–1929) — унтер-офицер афганской армии, один из руководителей мятежа против эмира Амануллы в 1928–1929 гг. в Афганистане, таджик. В январе 1929 г. провозглашен эмиром под именем Хабибуллы Гази. Свергнут войсками Надир-шаха и казнен. [151–153]
- Бейкер, Джеймс (III) (Baker, James Addison III)** (1930) — американский политик и дипломат. Государственный секретарь США (1989–1992). [275, 276]
- Бекназаров Азимбек Анаркулович** (1956) — киргизский государственный деятель. После «тюльпанной революции» в 2005 г. — генеральный прокурор, член Конституционного совещания Киргизии. С апреля 2010 г. — заместитель главы временного правительства Киргизии, председатель партии «Асаба». [258, 332, 333, 337]
- Бергер, Сэмюел Ричард (Berger, Samuel Richard)** (1945) — американский политик. [275]
- Брежнев Леонид Ильич** (1906–1982) — советский государственный деятель, генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель Президиума Верховного совета СССР. Уроженец Украины. В 1950–1952 гг. — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана. [193, 196, 197, 200–202, 206, 208, 211]
- Бузрук (Бузрук-ходжа)** — один из лидеров антикитайского восстания в Восточном Туркестане. Направлен в Кашгар кокандским регентом Алимкулой вместе с Якуб-беком. В 1866 г. был объявлен ханом, однако реальной власти не получил. В конце 1867 г. отправлен в паломничество в Мекку. [91]
- Буш, Джордж Герберт Уокер (Bush, George Herbert Walker)** (1924) — 41-й президент США, кандидат Республиканской партии. На президентских выборах в ноябре 1992 г. потерпел поражение от демократа У. Клинтона. [261]

Ван Чжэнь (1908–1993) — китайский военный и политический деятель, генерал. Секретарь партийной организации Компартии Китая (КПК) в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (1949–1952), командующий Синьцзянским военным округом (1950–1952), с 1952 г. — заместитель председателя Военно-административного комитета Северо-Запада КНР. [182]

Вахшунвар — вождь памирского племени эфталитов, в середине V в. основавший их независимое государство. Государство эфталитов включило в себя Восточный Иран, северную часть Индии и Восточный Туркестан, чем на время обеспечило себе контроль над большей частью Великого шелкового пути. [46]

Велаяти, Али Акбар (1945) — иранский политик, министр иностранных дел Ирана (декабрь 1981 — август 1997). Затем — советник по внешнеполитическим вопросам духовного лидера Ирана аятоллы Сейеда Али Хаменеи. [223]

Виткевич Иван (Ян) Викторович (1808–1839) — русский офицер литовского происхождения, адъютант оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского, путешественник, востоковед. Неоднократно выполнял дипломатические миссии в Афганистане. [101]

Газни, Махмуд (971–1030) — основатель династии Газневидов (998), султан Газни. Подчинил своей власти Восточный Иран, южную часть Средней Азии, Хорезм. [58]

Гайдар Егор Тимурович (1956–2009) — российский государственный деятель, экономист. Один из идеологов «шоковой терапии» и радикальных экономических реформ начала 1990-х годов в России. [219, 270]

Галдана-хунтайджи (Галдан-Бошогту) (1644–1697) — правитель Джунгарского ханства (1671–1697). Буддийский монах, сложивший с себя монашеские обеты, чтобы возглавить государство. В 1679 г. завоевал весь Восточный Туркестан. С 1690 г. вел войну с маньчжурами. Потерпел поражение и покончил жизнь самоубийством. [76–78]

Галдан-Цэрэн (ум. 1745) — правитель Джунгарии с 1727 г., вел постоянные войны с Китаем за обладание Северной Монголией, неоднократно совершал опустошительные походы в казахские степи. [78, 79]

Гао Сяньчжи — китайский полководец империи Тан, во второй половине VIII в. руководил военными экспедициями в Среднюю Азию против Тюркешского каганата, арабов и карлуков. Потерпел поражение в битве на р. Талас (751). [50]

Гапуров Мухамедназар Гапурович (1922–1999) — советский и туркменский государственный деятель. Секретарь ЦК Компартии Туркменистана (1962–1963), председатель Совета министров, министр иностранных дел Туркменской ССР (1963–1969). Первый секретарь ЦК Компартии Туркменистана (1969–1985). В декабре 1985 г. вышел на пенсию. [195, 217]

Гафуров Бободжан Гафурович (1908–1977) — советский и таджикский государственный деятель, ученый, академик АН Таджикской ССР (1950), академик АН СССР (1968). Секретарь ЦК КП (б) Таджикистана по пропаганде (1941–1944), второй (1944–1946), затем первый секретарь (1946–1956) ЦК Компартии Таджикистана. Директор Института востоковедения АН СССР (1956–1977). [198]

Гдлян Тельман Хоренович (1940) — советский общественный деятель. В 1983 г. в качестве следователя по особо важным делам при генеральном прокуроре

СССР вместе с Н. В. Ивановым расследовал «хлопковое дело» в Узбекистане. [198]

Гирей и Джанибек, чингисиды, потомки Джучи и Урус-хана, султаны Узбекского улуса, основали Казахскую (Казахскую) орду (60-е годы XV в.), ставшую основой формирования казахского этноса. [67, 68]

Гирс Николай Карлович (1820–1895) — русский государственный деятель, дипломат, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Тегеране (1863–1869). Министр иностранных дел и член Государственного совета (с 1882). [107]

Голошекин Филипп Исаевич (Шая Ицович-Исакович) (1876–1941) — секретарь Казахстанского крайкома ВКП (б) (1925–1933), осуществлял насильственные меры по переводу кочевников на оседлый образ жизни, репрессирован. [148]

Гор (младший), Альберт Арнольд (Gore Jr., Albert Arnold) (1948) — вице-президент США (1993–2001), лауреат Нобелевской премии мира (2007). [276]

Горбачев Михаил Сергеевич (1931) — советский государственный деятель, президент СССР, лауреат Нобелевской премии мира (1990), генеральный секретарь ЦК КПСС (1985–1991). Во время попытки государственного переворота в 1991 г. был отстранен от власти. После восстановления порядка формально вернулся к исполнению обязанностей, но был вынужден уйти в отставку в связи с распадом СССР в декабре 1991 г. С января 1992 г. — президент Международного Фонда социально-экономических и политологических исследований («Горбачев-фонда»). [197, 208, 209, 216, 217, 222, 227, 228, 255]

Горчаков Александр Михайлович (1798–1883) — выдающийся русский дипломат, министр иностранных дел и государственный канцлер Российской империи, светлейший князь. Проводил политику отмены ограничений, наложенных на Россию Парижским мирным договором 1856 г. После дипломатической неудачи на Берлинском конгрессе в 1878 г. потерял влияние и в 1882 г. вышел в отставку. [96]

Гулам Наби-хан Чархи — афганский военачальник, в конце 1920-х годов посол Афганистана в СССР. [152]

Гулам Сидик-хан — министр иностранных дел Афганистана при эмире Аманулле. [152]

Гумбольдт, Александр фон (1769–1859) — выдающийся немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, член Берлинской Академии наук (1800), почетный член Петербургской Академии наук (1818). [36]

Дауд, Мохаммед Сардар Али Мухаммед Ламари бин Мухаммед-Азиз (1909 [по другим данным, 1908] — 1978) — афганский государственный деятель, двоюродный брат короля Захир-шаха, которого он сверг в 1973 г. В 1973–1977 гг. был премьер-министром, затем — президентом Афганистана. В апреле 1978 г. сам свергнут и убит вместе с семьей в результате переворота Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). [205, 206]

Демирель, Сулейман (1924) — турецкий политик. В 1964 г. председатель партии «Справедливость». Премьер-министр (1990–1993), президент (1993–2000) Турции. [262, 265]

Джунаид (Джунаид-хан, Мухаммед-Курбан Сердар) (1857–1938) — военачальник Хивинского ханства, один из руководителей басмачества. В 1918–1920 гг. — фактический диктатор Хивы. Разгромлен Красной Армией. В 1920-х и начале

- 1930-х годов вторгся на территорию Средней Азии из Афганистана и Ирана. В 1931 г. окончательно перешел на территорию Афганистана. [138–140, 152]
- Джанибеков Узбекили Джанибекович** (1931–1997), советский и казахстанский государственный деятель. В 1987–1988 гг. — министр культуры Казахской ССР. В 1988–1991 гг. — секретарь ЦК Компартии Казахстана. [194]
- Джума Намангани (Ходжаев /Хожаев/ Джумабай Ахмаджанович)** (1969–2001(?)), лидер экстремистских организаций на территориях Узбекистана и Таджикистана. Считается, что Намангани погиб во время контртеррористической операции в Афганистане в ноябре 2001 г. [239, 251, 298, 300]
- Джучи** (? — ок. 1227) — монгольский военачальник, старший сын Чингисхана, участник завоевания Китая и Средней Азии, с 1224 г. хан улуса Джучи (Джучи-улуса), который включил в себя земли империи Чингисхана к западу от Иртыша и Уральских гор. [60, 61, 67, 69, 71]
- Додхудоев Назаршо** (1915–2000) — советский и таджикский государственный деятель. Председатель Президиума Верховного совета Таджикистана и заместитель председателя Президиума Верховного совета СССР (1950–1958), председатель Совета министров Таджикистана (1956–1961). [198]
- Дост Мухаммед (Дост Мухаммад)** (1793–1863) — афганский эмир (с 1834), основатель династии Баракзаев, одной из ветвей афганской шахской династии Дуррани. В 1855–1863 гг. присоединил Кандагар, Восточный Систан, земли на левобережье Амударьи, Герат. [101–104]
- Дудаев Джохар Мусаевич** (1944–1996) — советский военачальник, генерал, после 1991 г. лидер самопровозглашенной «Чеченской Республики Ичкерия». Убит в ходе боевых действий. [238]
- Дустум, Абдул-Рашид** (1954) — афганский полевой командир, лидер узбекских этнических формирований на севере Афганистана, генерал. По национальности узбек. В 1980 г. учился в СССР. В 1979–1989 гг. — сторонник М. Наджибуллы. После его свержения возглавил фактически независимое государство («Дустумистан») в северной части Афганистана. В 1996 г. вошел в состав Северного альянса, противостоящего талибам. В 1997 г. был разбит ими, эмигрировал в Турцию. После свержения талибов вернулся в Афганистан, став в 2005 г. начальником штаба Верховного командования вооруженными силами Афганистана. [242–245, 291]
- Дутов Александр Ильич** (1879–1921) — генерал-лейтенант российской императорской армии, атаман Оренбургского казачьего войска. В ноябре 1917 г. поднял мятеж в Оренбурге против советской власти. После разгрома Колчака бежал в Китай, где был убит советским агентом. [122, 123, 132, 133, 139]
- Дюранд, Генри Мортимер** (1850–1924) — государственный секретарь по иностранным делам вице-короля Британской Индии. В ходе его переговоров с афганским эмиром Абдуррахманом в 1893 г. была установлена граница между Афганистаном и британскими владениями в Индии. Граница прошла в основном по Сулеймановым горам и получила название «линии Дюранда». [113]
- Ельцин Борис Николаевич** (1931–2007) — советский и российский государственный деятель, первый президент России. [24, 197, 217, 228, 230, 231, 234, 237, 255, 274, 285, 288, 292, 309]

Захир-шах, Мохаммед (Мухаммед) (1914–2007) — король Афганистана (1933–1973) из династии Баракзаев, сын короля Надир-шаха. В 1973 г. был свергнут своим двоюродным братом Мухаммедом Даудом и эмигрировал в Италию. В 2002 г. после свержения талибов вернулся в Афганистан, однако не сумел вернуть себе власть и снова удалился в эмиграцию. [163, 205]

Зияд ибн Салих — арабский военачальник, победитель китайской армии в битве на р. Талас (751), приостановил китайскую экспансию в Центральной Азии. [50]

Ибрагим-бек (ум. 1931) — лидер басмаческого движения в Узбекистане и Таджикистане. В 1920–1930-е годы организовывал набеги басмачей с территории Афганистана. В 1931 г. захвачен частями Красной Армии, осужден и расстрелян. [136, 152, 153]

Иванов Николай Вениаминович (1952) — следователь по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР (1984–1990). В 1983–1989 гг. совместно с Т. Х. Гдияном был в числе руководителей расследования «хлопкового дела» в Узбекистане. [198]

Икрамов Камаль Икрамович (1898–1938) — советский и узбекский государственный деятель, один из основателей Коммунистической партии Узбекистана. [143]

Ильбарс и Бальбарс, чингисиды, ханы из династии Арабшахидов. Ими в 1511–1512 гг. основано Хивинское ханство (Хорезм). [72]

Ильгузар, бек из племени конгратов. Инак Хорезма (1804), хан Хорезма (1804–1806). [73, 74]

Иманов Амангельды (1873–1919) — деятель национально-освободительного движения в Казахстане, один из руководителей восстания в Тургайской степи (1916), участник борьбы за Советскую власть в Казахстане в 1917–1919 гг. [119]

Имашев Саттар Нурмашевич (1925–1984) — советский и казахстанский государственный деятель. Секретарь Целинного крайкома КПСС (1961–1965), секретарь ЦК Компартии Казахстана по идеологии (1965–1979), председатель Верховного совета (1975–1980), председатель Президиума Верховного совета Казахской ССР (1979–1984). [193]

Иргаш — в 1917–1920 гг. командующий вооруженными формированиями Кокандской Автономной Республики, руководитель басмаческого движения в Туркестане. Потерпел поражение от Красной Армии. [122]

Искандаров Акбаршо Искандарович (1951) — таджикский государственный деятель. В 1991–1992 гг. — и.о. председателя, председатель Верховного совета Таджикистана. В 1993–2001 гг. — посол в Туркменистане, в 2001–2007 гг. — посол в Казахстане, позднее — национальный координатор от РТ в ШОС. [248, 249, 251]

Йездегерд III (правил 632–651/652) — последний шах из династии Сасанидов. Потерпел ряд поражений от арабов и был убит. [49]

Кажегельдин Акежан Магжанович (1952) — казахский оппозиционный политический деятель. Первый заместитель (1993–1994), премьер-министр Республики Казахстан (1994–1997). В 1998 г. выдвинул свою кандидатуру на президентских выборах. С декабря 1998 г. председатель Республиканской народной партии Казахстана, с 2001 г. член политсовета Объединенной демократической партии. В 1999 г. объявлен Казахстаном в международный розыск. [230]

- Камалиденов Закаш Камалиденович** (1936) — советский и казахстанский политический деятель. Председатель КГБ Казахской ССР (1982–1985), секретарь ЦК КП Казахстана по идеологии (1985–1988), председатель Президиума Верховного совета Казахской ССР (1988). В 1988 г. вышел на пенсию. [193]
- Камалов Сабир Камалович** (ум. 1990) — советский и узбекский государственный деятель. Народный комиссар земледелия Узбекской ССР (1940), заместитель председателя Совета народных комиссаров Узбекской ССР (1940–1941), секретарь ЦК Компартии Узбекистана (1950–1955), председатель Совета министров Узбекской ССР (1955–1957), первый секретарь ЦК КП Узбекистана (1957–1959). При нем в конце 1950-х годов в республике был поднят вопрос о замене кириллицы на арабский алфавит. В сентябре 1959 г. снят с работы за «потерю скромности» и «барство». [196]
- Канарис, Фридрих Вильгельм** (1887–1945) — германский военачальник, адмирал, организатор военной разведки («абвер») в нацистской Германии, участник неудавшегося заговора против Гитлера. Расстрелян нацистами. [162]
- Караев Джумадурды** (1910–1960) — советский и туркменский государственный деятель. Министр сельского хозяйства Туркменской ССР (1947), председатель Совета министров Туркменской ССР (1958–1959). В 1958–1960 гг. — первый секретарь ЦК Компартии Туркменистана. [195]
- Карзай, Хамид** (1957), в декабре 2001 г. возглавил переходную администрацию Афганистана, в 2002 г. избран временным президентом, в 2004 и 2009 гг. избирался президентом Афганистана. Пуштун. [320, 347, 352, 377]
- Каримов Ислам Абдуганиевич** (1938) — советский и узбекский государственный деятель, президент Узбекистана. Министр финансов Узбекской ССР (1983–1986), заместитель председателя Совета министров, председатель Госплана Узбекской ССР (1986). Первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана (1989–1991), председатель Совета министров (1990–1991). Президент Узбекской ССР (1990–1991). С 1991 г. — президент Республики Узбекистан. [216, 235–239, 241, 244, 250, 251, 260, 262, 276, 296, 301, 338, 341, 342]
- Кармаль, Бабрак** (1929–1996) — афганский политический деятель индийско-таджикского происхождения, которое он скрывал. После ввода контингента советских войск в Афганистан стал генеральным секретарем ЦК НДПА, председателем Совета министров и председателем Революционного совета ДРА. Умер от болезни в 1996 г. в Москве. [207]
- Картер, Джеймс Эрл Младший (Carter Jr., James Earl)** (1924) — 39-й президент США (1977–1981) от Демократической партии. На выборах 1980 г. проиграл республиканцу Р.Рейгану. [208]
- Кауфман Константин Петрович** (1818–1882) — русский военный деятель, генерал-губернатор Туркестана (1867–1882). Руководитель победоносных походов на Самарканд (1868), Хиву (1873), Коканд (1875). [94–97, 99]
- Кекилбаев Абиш Кекилбаевич** (1939) — казахстанский политический деятель. В 1994–1995 гг. — председатель Верховного совета Республики Казахстан (РК), государственный секретарь РК, советник президента Казахстана (1996–2002). [230]
- Кенджиев Нурмухаммед**, один из лидеров уйгурского землячества в Киргизии. Президент Уйгурского фонда поддержки программ развития «*ERPAN*». Являлся депутатом киргизского парламента. [278]

- Кене-хан (Кенесары Касымов)** (1802–1847) — правитель (с 1841) всех трех казахских жузов. В 1837–1847 гг. возглавлял движение за независимость от Российской империи. В конце 1846 г. укрепился на труднодоступном полуострове в устье р. Или, откуда совершал набеги на киргизские земли. В ходе одного из набегов захвачен в плен и казнен. [90]
- Кенжаев (Кенджаев) Сафарали** (1942–1999) — таджикский политический деятель. В декабре 1991 г. избран председателем Верховного совета Таджикистана, но в 1992 г. под давлением оппозиции покинул пост. После начала гражданской войны — один из руководителей Народного фронта, отряды которого в октябре 1992 г. взяли Душанбе. В 1995–1999 гг. — председатель Комитета парламента Таджикистана по правопорядку, законодательству и правам человека. В марте 1999 г. убит в результате покушения. [247, 248]
- Керзон, Джордж Натаниел** (1859–1925) — британский государственный деятель, вице-король Индии, в 1919–1924 гг. министр иностранных дел Великобритании. [146, 150]
- Клинтон, Уильям Джефферсон (Clinton, William Jefferson)** (1946) — 42-й президент США от Демократической партии (1993–2001). До того дважды избирался губернатором штата Арканзас. [275]
- Козырев Андрей Владимирович** (1951) — министр иностранных дел Российской Федерации (1990–1996). С 1998 г. член совета директоров, вице-президент американской корпорации «ICN Pharmaceuticals». С 2007 г. председатель Совета директоров АКБ «Инвестторгбанк». Член президиума Российского еврейского конгресса. [234, 237, 242]
- Колбин Геннадий Васильевич** (1927–1998) — советский политический деятель. Первый секретарь Ульяновского обкома КПСС (1983–1986), первый секретарь ЦК Компартии Казахстана (1986–1989) (сменил на этом посту Д. Кунаева), председатель Комитета народного контроля СССР (1989–1990). В 1990-х годах — председатель Совета директоров «Мосуралбанка». [209, 210]
- Колчак Александр Васильевич** (1874–1920) — российский военный и политический деятель, адмирал, исследователь-полярник, один из руководителей Белого движения. Выдан белочехами советской власти. Осужден и расстрелян. [139]
- Коростелев Георгий Алексеевич** (1885–1932) — секретарь Киргизского (Казахского) обкома РКП (б) (1921–1924). [148]
- Кулов Феликс Шаршенбаевич** (1948) — киргизский государственный и политический деятель, председатель партии «Ар-Намыс» («Достоинство»). В 1987–1992 гг. — первый заместитель, министр внутренних дел Киргизской ССР (Киргизии). В феврале 1992 г. избран вице-президентом Киргизии. В 1993–1997 гг. — губернатор Чуйской области. В 1997–1998 гг. — министр национальной безопасности Киргизии. В 1998–1999 гг. — мэр Бишкека. В апреле 1999 г. подал в отставку и организовал политическую партию «Ар-Намыс». Был подвергнут репрессиям и в 2001 г. осужден. Освобожден из заключения в 2005 г. в ходе «тюльпанной революции». В 2005–2006 гг. — первый вице-премьер, премьер правительства Киргизии. В 2007 г. вновь перешел в оппозицию. Выдвинул идею проведения референдума о создании конфедерации с Россией. После неудачи партии «Ар-Намыс» на парламентских выборах 2007 г. на время отошел от активной политической деятельности. [250, 256, 330, 332, 334]

Кунаев Динмухамед Ахмедович (1912–1993) — советский и казахстанский государственный деятель. Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана (1960–1962, 1964–1986), член Политбюро ЦК КПСС (1971–1987). В декабре 1986 г. обвинен в коррупции и национализме, отстранен от власти. [31, 193, 194, 200, 202, 209, 211, 217, 218]

Кутейба ибн-Муслим (правил в 704–715) — арабский политический деятель, наместник Хорасана, полководец. Завоевал Согд, совершал походы в Хорезм, в 715 г. был убит в Фергане. [49, 51]

Кучлуг (Кучулук, Кушлук) (ум. 1218) — сын найманского хана Таяна. В 1213 г. стал правителем каракитаев. Разгромлен в 1218 г. полководцем Чингисхана Джебе-нойоном, схвачен и казнен. [59]

Ладен, Усама бен (1957) — саудовский миллионер, глава Всемирного исламского союза, руководитель террористической организации «Аль-Каида». Находится в международном розыске. [284, 290]

Мадали (Мадали-хан, Мухаммед-Али) (правил в 1822–1842) — хан Коканда. Подчинил племена Северной Киргизии и Южного Казахстана. Распространил власть на Каратегин, Куляб, Дарваз, Рошан и Шугнан. В Кашгарии поддерживал ходжей против китайцев. Убит в результате заговора. [87, 88]

Мадамин-бек (1893(?)–1920) — один из руководителей басмаческого движения в Ферганской долине, глава Временного ферганского правительства, в 1920 г. заключил соглашение с Красной Армией, после чего был убит своими соратниками. [122, 123]

Маленков Георгий Максимилианович (1901–1988) — советский государственный деятель, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС, председатель Совета министров СССР. [177]

Маниах — согдийский купец, положивший начало в 567 г. новому маршруту вывоза шелка — «Кавказскому шелковому пути». Был послом тюркского каганата в переговорах с государством Сасанидов и Византией. [47]

Мао Цзэдун (1893–1976) — китайский государственный деятель, теоретик маоизма, председатель ЦК Коммунистической партии Китая. [168, 183, 185, 188, 202, 203]

Масалиев Абсамат Масалиевич (1933–2004) — советский и киргизский государственный деятель. Первый секретарь ЦК Компартии Киргизии и председатель Верховного совета Киргизской ССР (1985–1991). Председатель ЦИК Партии коммунистов Киргизстана. [200, 209, 215]

Масуд, Ахмед-Шах (1953–2001) — афганский полевой командир таджикских этнических формирований в Северном Афганистане. По национальности таджик. Руководил фактически независимым государством («Масудистан») на северо-востоке Афганистана (провинции Парван, Тахар, Баглан, Бадахшан). В январе 1994 г. воевал против альянса Г. Хекматияра и А. Р. Дустума. После захвата талибами власти в Кабуле (1996), возглавил Северный альянс. В 2001 г. погиб от взрыва террориста-смертника. [242, 244, 245]

Махкамов Кахар Махкамович (1932) — советский и таджикский государственный деятель. Председатель Совета министров Таджикистана (1982–1985), первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана (1985–1991). Председатель Верховного совета Таджикистана (1990), президент Таджикистана (1990–1991),

- председатель Кабинета министров Таджикистана (1990–1991). Поддержал действия ГКЧП в 1991 г., в связи с чем был вынужден подать в отставку. Пожизненный член парламента Таджикистана. [199, 209]
- Межлаук Иван Иванович** (1891–1938) — секретарь ЦК КП (б) Туркмении (1924–1925), репрессирован. [148]
- Мирзоян Левон Исаевич** (1897–1939) — в 1993–1937 гг. — первый секретарь Казахстанского крайкома ВКП (б), в 1937–1938 гг. — первый секретарь ЦК КП(б) Казахстана. Выразил несогласие с политикой переселения в Казахстане, репрессирован. [148]
- Мирсаидов Шукрулло (Шукурулла) Рахматович** (1939) — узбекский политический деятель. Председатель Совета министров Узбекской ССР (1990). В 1992 г. возглавил группу из 75 депутатов парламента и предпринял попытку сместить И.Каримова с поста президента. Был отстранен от политической деятельности. В 1996 г. возглавил Координационный центр оппозиционных сил Узбекистана («Бирлик», «Эрк», Союз свободной молодежи). Организовал партию «Хак йул адолат» («Партия верного пути и справедливости»). [238]
- Митридат I** (175–136 до н.э.) — царь Парфии (ок. 170 — 138/137 до н. э.). Воспользовавшись ослаблением государства Селевкидов, захватил его восточные сатрапии — Мидию и большую часть Месопотамии. В результате завоеваний Митридата I Парфия превратилась в сильную державу. [46]
- Митридат II Великий** (правил ок. 123 — ок. 88 до н.э.) — царь Парфии. Вернул потерянные предшественниками территории. В 92 г. до н.э. заключил договор с Римской республикой. Установил торгово-дипломатические отношения с Китайской империей и индийскими государствами. [46]
- Моджалдиди (Моджадиди), Себгатулла** — афганский политический и религиозный деятель, один из лидеров моджахедов (1989–1992), президент Афганистана (1992), пуштун. В декабре 2005 г. избран председателем верхней палаты Национального собрания Афганистана. [242]
- Монстров Константин Иванович** (ум. 1920) — командующий Крестьянской армией Ферганы. Воевал попеременно на стороне Красной Армии, басмачей и снова Красной Армии. В 1920 г. осужден и расстрелян. [123]
- Мукашев Саламат Мукашевич** (1927–2004) — советский и казахстанский государственный деятель, председатель Президиума Верховного совета Казахской ССР (1985–1988). [194]
- Мухаммед Рахим (Мухаммад-Рахим-бий ибн Хаким-бий-аталик)** (ум. 1758) — бухарский эмир (1753–1758), основатель династии Мангытов. Занимал руководящее положение при дворе последнего бухарского хана из династии Аштарханидов. С 1747 г. стал фактическим правителем Бухарского ханства. В 1753 г. вступил на трон, приняв титул эмира. [72]
- Мухаммед Рахим-хан** (правил 1806–1825) — хан Хивы, представитель династии Конгратов (Кунгратов). Завершил объединение Хивинского ханства. [74]
- Мухаммед Реза** (1919–1980) — последний шах Ирана из династии Пехлеви (1941–1979). В 1963 г. начал крупную программу радикальных экономических и социальных реформ («белая революция»). Бежал из страны после исламской революции 1979 г. Умер в Египте. [162]
- Мухаммед Шейбани** (1451–1510), основатель династии узбекских ханов и государства Шейбанидов (с 1500). Потомок Шейбана, внука Чингисхана. Внук

Абулхаира (Узбекского). В 1499–1507 гг. завоевал государство Тимуридов, свергнув одноименную династию. [70]

Мухитдинов Нуритдин Акрамович (1917–2008) — советский и узбекский государственный деятель. Председатель Совета министров Узбекской ССР (1951–1953, 1954–1955), первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана (1955–1957), секретарь ЦК КПСС (1957–1961). В 1968–1977 гг. посол СССР в Сирии. В 1987 г. вышел на пенсию. [196]

Мушарраф, Первез (1943), президент Исламской республики Пакистан (2001–2008). [320]

Набиев Рахмон Набиевич (1930–1993) — советский и таджикский государственный деятель. Председатель Совета министров Таджикской ССР (1973–1982), первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана (1982–1986). В 1991 г. председатель Верховного совета республики. В 1991 г. избран президентом Таджикистана. После начала гражданской войны в сентябре 1992 г. ушел в отставку под давлением оппозиции. [199, 216, 246–249, 251]

Наджибулла (Наджиб), Моххамед (Мухаммед) (1947–1996) — афганский государственный деятель, по национальности пуштун. Генеральный секретарь Народно-демократической партии Афганистана (1986–1992), председатель Революционного совета, президент Демократической Республики Афганистан (1987–1992). После вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. свергнут (1992). Скрывался на территории миссии ООН в Кабуле. В 1996 г. захвачен на территории миссии талибами и убит. [242, 283]

Надир (Надир-шах Афшар, Надир Кули Бек) (1688–1747) — шах Ирана (1736–1747), основатель династии Афшаридов. На службе у правителей Сефевидов предпринял успешные походы против турок и афганцев. В 1736 г. провозгласил себя шахом. Создал обширную империю, в которую, кроме Ирана, были включены земли Армении, Азербайджана, Грузии, Дагестана, Афганистана, Белуджистана, Хивинского и Бухарского ханств. В 1739 г. захватил Дели. Убит в результате заговора. [72, 73]

Надир (Надир-шах), Мухаммад (1883–1933) — король (шах) Афганистана (с 1929) из династии Баракзаев. Взошел на престол после того, как в 1929 г. подавил мятеж Бачаи Сакао. Убит в результате покушения. [152, 153, 163]

Назарбаев Нурсултан Абишевич (1940) — советский и казахстанский государственный деятель. Секретарь ЦК Компартии Казахстана (1979–1984), председатель Совета министров Казахской ССР (1984–1989), первый секретарь ЦК Компартии Казахстана (1989–1991), председатель Верховного совета Казахской ССР (1990). С 1990 г. — президент Казахской ССР, с 1991 г. — президент Республики Казахстан. [193, 194, 210, 214, 215, 218, 229, 230, 234, 262, 267, 275, 276, 279, 303, 309, 338]

Нанейшвили Виктор Иванович (1878–1940) — секретарь Киргизского (Казахского) обкома РКП (б) (1924–1925), репрессирован. [148]

Насриддинова Ядгар Садыковна (1920–2006) — советский и узбекский государственный деятель. Министр промышленности строительных материалов Узбекской ССР (1952), заместитель председателя Совета министров Узбекской ССР (1955–1959), председатель Президиума Верховного совета Узбекской ССР (1959–1970), председатель Совета национальностей Верховного совета СССР

- (1970–1974), заместитель министра промышленности строительных материалов СССР (1974–1978), председатель Советского комитета солидарности со странами Азии и Африки. В 1978 г. вышла на пенсию. Обвинялась во взяточничестве по «хлопковому делу» и была исключена из КПСС. В 1991 г. восстановлена в партии. [196]
- Насрулла** (1875–1920) — брат эмира Афганистана Хабибуллы, лидер «староафганцев», занимал эмирский трон в 1919 г. в течение одной недели, после чего был вынужден уступить его своему племяннику Аманулле. Вскоре убит «младоафганцами». [127, 128]
- Нишанов Рафик Нишанович** (1926) — советский и узбекский государственный деятель. Председатель Президиума Верховного совета Узбекской ССР (с 1986), первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана (с 1988), председатель Совета национальностей Верховного совета СССР (с 1989). В ноябре 1991 г. вышел на пенсию. [198, 216, 237]
- Ниязов Амин Ирматович** (1903–1973) — советский и узбекский государственный деятель. Нарком финансов Узбекской ССР (1940–1946), заместитель председателя Совета министров Узбекской ССР (1946–1947), председатель Президиума Верховного совета Узбекской ССР, заместитель председателя Верховного совета СССР (1947–1950), первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана (1950–1955), министр коммунального хозяйства Узбекской ССР (1955–1957). [196]
- Ниязов Сапармурат Атаевич** (фамилия при рождении Аннаниязов) (1940–2006) — советский и туркменский государственный деятель. Первый секретарь ЦК Компартии Туркмении (1985–1991), председатель Президиума Верховного совета Туркменской ССР (1990), затем — президент и пожизненный президент Туркменистана. Носил титул «Туркменбаши» («глава туркмен»). [31, 209, 217, 252, 262, 263, 354, 355]
- Овезов Балыш Овезович** (1915–1975) — советский и туркменский государственный деятель. Председатель Совета министров Туркменской ССР (1951–1958, 1959–1960), первый секретарь ЦК Компартии Туркмении (1960–1969). [195]
- Омар** (правил в 1809–1822) — хан Коканда. Завоевал Туркестанскую область с городом Азрет (Туркестан). Возвел ряд укреплений (Джон-Курган, Джюлек, Кумыш-Курган, Ак-Мечеть, Кош-Курган, Чим-Курган). [86, 88]
- Омар, Мохаммед** (мулла Омар) (1962, по другим данным 1959) — основатель и руководитель движения «Талибан», пуштун. [243, 291]
- Осмонов Бекмамат** (1946–1997) — киргизский политический деятель. В 1990 г. претендовал на должность президента Киргизии. В 1991 г. возглавил администрацию (акимат) Джалал-Абадской области. Выступал за независимость Южной Киргизии. [256]
- Оспан (Осман) Силамулы (Осман-батыр)** (1889–1950) — руководитель национально-освободительного движения на территории Синьцзяна в Китае, командующий армии самопровозглашенной Восточно-Туркестанской Республики. Умер в заключении. [165, 168]
- Отунбаева Роза Исааковна** (1950), советский и киргизский государственный деятель, одна из ключевых фигур «тюльпанной революции» в Киргизии (2005). После свержения президента А. Акаева исполняла обязанности министра ино-

странных дел, однако затем перешла в оппозицию и к президенту К. Бакиеву. В апреле 2010 г., после свержения последнего, возглавила временной правительство. С мая 2010 г. — «президент переходного периода КР». [330, 332, 333, 337—339]

Перовский Василий Алексеевич (1794—1857) — российский государственный деятель, генерал, граф, генерал-губернатор Оренбургского края (1833—1842 и 1851—1856). [89, 90]

Пероз (Фируз I) (правил 459—484) — шахиншах Парфии из династии Сасанидов. Неудачно воевал с эфталитами, был разбит и погиб в одном из походов. [46]

Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902—1984) — советский государственный деятель. С 1938 г. первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, одновременно с 1942 г. начальник Центрального штаба партизанского движения. С 1944 г. председатель Совета народных комиссаров (Совета министров) Белорусской ССР. Секретарь ЦК ВКП (б) (1948—1953), заместитель председателя Совета министров СССР, член президиума ЦК КПСС (1952—1953), первый секретарь ЦК КП Казахстана (1954). С 1955 г. на дипломатической работе. [200]

Попок Яков Абрамович (1894—1938) — первый секретарь ЦК ВКП (б) Туркменской ССР (1930—1937), репрессирован. [148]

Пржевальский Николай Михайлович (1839—1888) — выдающийся русский географ, путешественник, исследователь Центральной Азии, генерал-майор (1886), почетный член Петербургской АН (1878). [36]

Примаков Виталий Маркович (1897—1937) — советский военачальник, командир «красного казачества». В 1927 г. — военный атташе в Афганистане, в 1929 г. — командир «афганского» отряда Красной Армии, участвовавшего в попытке восстановления власти Амануллы в Кабуле. Репрессирован. [152]

Пулат (Болат-хан) (правил в 1718—1730) — великий хан Казахского ханства. В его правление произошло разделение Казахского ханства на жузы. После смерти Болат-хана единое Казахское ханство распалось. [80]

Пулатов (Пулат) Абдуманноб Каюмович (1951—2010) — узбекский журналист, политический деятель, в 1993 г. эмигрировал, но в 1996 г. вернулся в Узбекистан. В дальнейшем — снова в эмиграции. [238]

Раббани, Бурхануддин (1940) — афганский полевой командир, глава Исламского общества Афганистана. По национальности таджик. В 1991—2001 гг. президент, глава правительства Афганистана. Фактически утратил президентскую власть после взятия Кабула талибами в 1996 г., но до 2001 г. признавался международным сообществом в качестве законного президента Афганистана. [242—244, 283, 284, 287, 291]

Раззаков Исхак (Искак) Раззакович (1910—1979) — советский и киргизский государственный деятель. Первый секретарь ЦК Компартии Киргизии (1950—1961). [200]

Расулов Джабар Расулович (1913—1982) — советский и таджикский политический деятель. Председатель Совета министров Таджикской ССР (1946—1966), первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана (1961—1982). [198]

- Рахмон, Эмомали (до 21.03.2007 — Рахмонов Эмомали Шарипович)** (1952) — таджикский государственный деятель, президент Таджикистана. Председатель Верховного совета Таджикистана (1992—1999). В 1992 г. был одним из руководителей Народного фронта. После поражения Р.Набиева возглавил правительство. С 1994 г. — президент Таджикистана. [199, 251, 285—288, 297—300, 351, 352]
- Рашидов Шараф Рашидович** (1917—1983) — советский и узбекский государственный деятель. Председатель Президиума Верховного совета Узбекской ССР (1950—1959), первый секретарь ЦК КП Узбекистана (1959—1983). По не подтвержденным данным покончил с собой в связи с расследованиями по «хлопковому делу». [31, 192, 196—198, 202, 211, 237]
- Реза Пехлеви (Реза-шах Великий)** (1878—1944) — иранский государственный деятель, шахиншах Ирана (1925—1941), основатель династии Пехлеви. [149, 150, 161, 162]
- Рихтгофен фон, Фердинанд Пауль Вильгельм** (1833—1905) — немецкий геолог, географ, президент Берлинского географического общества (с 1873). Автор термина «Великий шелковый путь» (1877). [36, 45]
- Роман IV Диоген** (1039—1072) — византийский император (1067—1071), после смерти императора Константина X Дуки (1067) организовал неудачный заговор против вдовы Константина X Евдокии. Помилован и женился на Евдокии, стал императором. Успешно воевал с сельджуками, но в 1071 г. потерпел поражение от войск султана Алп-Арслана. В октябре 1071 г. низложен и ослеплен. [57]
- Ротштейн Федор Аронович** (1871—1953) — русский революционер, политэмигрант (1890), деятель левого движения Великобритании, дипломат, ученый. Полномочный представитель РСФСР в Иране (1921—1922), подготовил советско-иранский договор о дружбе 1921 г. В 1924—1925 гг. — директор Института мирового хозяйства и мировой политики, академик АН СССР (1939). [150]
- Рудаки, Абу Абдаллах Джафар** (860—941) — крупнейший таджикско-персидский поэт и музыкант, родоначальник поэзии на языке фарси. [54]
- Саад Абу Ваккас** — один из сподвижников основателя ислама Мухаммада, полководец халифа Умара. Разгромил державу Сасанидов в Иране. [49]
- Саид, Абдулло Нури (Саидов Абдулло Нуриддинович)** (1947—2006) — таджикский политический деятель. В 1988 г. главный редактор газеты «Минбари Ислом» («Трибуна ислама»). В ноябре 1992 г. эмигрировал в Афганистан, где руководил Объединенной таджикской оппозицией до сентября 1997 г., председатель Комиссии по национальному примирению. В 1997 г. подписал мирное соглашение с президентом Э.Рахмоновым, которое положило конец гражданской войне. Лидер Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) (1993—2006). [287, 299, 301]
- Салих, Мухаммад (Солих, Мохамад)** (по советскому паспорту Мадаминов Салай) (1949) — узбекский поэт и политический деятель. В конце 1980-х годов — один из основателей движения «Бирлик» («Единство»). В 1989 г. создал партию «Эрк» («Свобода»). В декабре 1991 г. — единственный соперник президента Узбекистана И. Каримова на президентских выборах. В апреле 1993 г. арестован. После освобождения бежал в Турцию, в дальнейшем эмигрировал в Норвегию. [235, 238]

- Саман Худат** (819–864) — основатель династии Саманидов, крупный владетель из с. Саман близ Балха (Северный Афганистан). [53]
- Санджар (Ахмад Санджар Велик-шах)** (1084/1086–1157) — последний султан (1118–1157) государства Великих сельджуков в Хорасане. В 1141 г. утратил власть в Мавераннахре. В 1153 г. взят в плен восставшими племенами огузов. В 1156 г. бежал из плена в свою столицу Мерв, где вскоре умер. [58, 59]
- Сатук Богра-хан (Абд ал Карим)** (915–955) — вождь племени ягма, основатель Караханидского государства, родоначальник династии Караханидов. [51]
- Сафаров Сангак («Бобо Сангак»)** (1928–1993) — таджикский полевой командир, один из руководителей Народного фронта Таджикистана. В июне 1992 г. возглавил вооруженное выступление в Кулябе. Активный противник Р. Набиева. В марте 1993 г. погиб при переговорах с полевым командиром Ф. Зариповым при невыясненных обстоятельствах. [248, 250, 251]
- Сахат-Муратов (Сахатмуратов) Халмурад** (1898–1938) — секретарь Туркменского обкома РКП(б) (1921–1922), секретарь ЦК КП (б) Туркмении (1925–1927), репрессирован. [148]
- Себюктегин (Себук-Тегин)** (942–997) — эмир Газни (977–997), по происхождению — воин-гулям на службе у Саманидов. Во время правления Себук-Тегина в состав Газневидского государства вошла почти вся территория современных Афганистана и штата Пенджаб в Индии. [58]
- Сеид Али Мухаммад (Баб)** (1819–1850), ширазский торговец, основатель секты баббитов («баб», *араб.* «врата»). Бабиты ожидали скорого пришествия мессии и выступали против шахской власти. Пророк вероучения бахаи. [106]
- Селевк I Никатор** (ок. 358–281 или 280 до н.э.) — полководец Александра Македонского, основатель династии и эллинистического государства Селевкидов. [44]
- Сельджук** (X — начало XI в.), вождь туркменского племени огузов, осевших в низовьях р. Сырдарьи. Основатель династии Сельджуков. [56, 57]
- Скворцов Николай Александрович** (1899–1974) — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана (1938–1945), впоследствии работал министром технических культур, министром совхозов СССР. [148]
- Скобелев Михаил Дмитриевич** (1843–1882) — русский военачальник, генерал от инфантерии (1881). Участник среднеазиатских походов Российской империи и герой русско-турецкой войны за освобождение Болгарии 1877–1878 гг. [109]
- Соломенцев Михаил Сергеевич** (1913–2008) — советский государственный деятель. Председатель Совета министров РСФСР (1971–1983), председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС (1983–1988). Обвинялся по «хлопковому делу» в Узбекистане. Официально обвинения подтверждены не были. [210]
- Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович** (1879–1953) — генеральный секретарь ЦК РКП (б) / ВКП(б) / КПСС (1922–1953), председатель Совета народных комиссаров СССР (1941–1953). Единоличный диктатор Советского Союза, установивший репрессивный режим. Уроженец Грузии. [143, 152, 155, 171, 175, 177, 201]
- Сулейменов Олжас Омарович** (1936) — казахский поэт и литературовед, общественно-политический деятель, после 1991 г. — на дипломатической службе Казахстана. [179, 214, 215]

Султан-Саид (1514–1534) — правитель (хан) Могулистана, будущего Кашгарского ханства, которое включило в себя западную часть Восточного Туркестана. Столицей его государства был сначала Яркенд, а с 1596 г. — Кашгар. [75, 76]

Сулук Великий (правил 715–738) — тюркешский каган. Вел борьбу с Арабским халифатом и Китайской империей. Погиб в междоусобице. [49]

Тараки, Нур Мухаммед (1917–1979) — афганский государственный деятель, пуштун. В 1965 г. организовал Народно-демократическую партию Афганистана (НДПА), генеральный секретарь НДПА (1965–1979) (глава фракции «Хальк»). В апреле 1978 г. сверг М.Дауда. Сам был свергнут в результате переворота, организованного Х. Амином, и задушен в тюрьме. [206, 207]

Текебаев Омурбек Чиркешович (1958), киргизский государственный деятель. После «тюльпанной революции», в 2005–2006 гг., — спикер парламента. Находился в оппозиции к президенту К. Бакиеву. В апреле 2010 г. — заместитель председателя временного правительства. Председатель Социалистической партии «Ата-Мекен» («Отчизна»). [332, 333, 337]

Тенгри-каган (Тенгри Эль-тутмыш, Эльтутмыш-каган, Бёю-каган) (правил 759–779) — уйгурский каган. Объявил в своих владениях государственной религией манихейство. Убит в результате заговора. [50]

Терещенко Сергей Александрович (1951) — советский и казахстанский государственный деятель. Первый заместитель председателя Совета министров Казахской ССР (1989–1990), первый заместитель председателя Верховного совета Казахской ССР (1990), заместитель президента Республики Казахстан (1990), глава правительства РК (1991–1994). С 1999 по 2002 г. — и.о. председателя политической партии «Отан». С ноября 2002 г. — заместитель председателя Ассамблеи народов Казахстана. [230]

Тимур (Тамерлан) (1336–1405) — знаменитый полководец, основатель государства Тимуридов. В 1370 г. принял титул эмира и стал управлять Мавераннахром от имени ханов из числа потомков Чингисхана. К концу правления Тимура его государство включало в себя Мавераннахр, Хорезм, Хорасан, Закавказье, Иран и Пенджаб. [41, 43, 62–67, 72, 114]

Толуй (Тулуй) (ок. 1193–1232) — четвертый, младший сын Чингисхана. Хранитель родовых владений своего отца в Монголии. [60]

Тохтамыш — потомок хана Джучи, хан Золотой Орды. В 1382 г. организовал поход в русские земли. В войне с Тимуром (1389–1395) потерпел поражение. В 1398–1399 гг. разбит ханом Заволжской Орды Темир-Кутлум. [63, 67]

Тугрил (Тогрул, Тогрул-бек) (ок. 993–1063) — основатель государства Сельджуков. Завоевал Хорезм, территории Ирана, Азербайджана, Ирака. В 1055 г. вступил в Багдад. Получил от багдадского халифа Каима титул султана. [57]

Тураджонзода, Ходжи Акбар (Каххоров Акбар Тураевич) (1954) — религиозный и политический деятель, глава Духовного управления мусульман Таджикистана (1988–1993), один из лидеров таджикской оппозиции. На межтаджикских переговорах в 1997 г. возглавлял делегацию оппозиции. Первый заместитель премьер-министра Таджикистана (1998–2005), член парламента Республики Таджикистан (с 2005). [47, 87, 288]

- У Чжунсинь** — губернатор Синьцзяна (1944–1946). [165]
- Угедей (Угэдэй)** (1186–1241) — монгольский великий хан (с 1229), третий сын Чингисхана и его преемник. При Угедее было завершено завоевание монголами Северного Китая, Армении, Грузии и Азербайджана. [60, 61, 63]
- Узбек** (правил в 1313–1342) — потомок хана Джучи, Чингисид, хан Золотой Орды. Ввел ислам в качестве государственной религии. [61, 66]
- Ульджабаев Турсунбай (Турсун) Ульджабаевич** (1916–1988) — советский и таджикский государственный деятель. Председатель Совета министров Таджикской ССР (1955–1956), первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана (1956–1961). В 1961 г. обвинен в «систематической фальсификации отчетных документов» о перевыполнении планов продажи хлопка государству. Снят с постов и исключен из партии. Восстановлен в КПСС в 1986 г. [198, 199]
- Усманходжаев Инамжон Бузрукович** (1930) — советский и узбекский государственный деятель. Председатель Президиума Верховного совета Узбекской ССР (1978–1983), первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана (1983–1988). Был обвинен по «хлопковому делу» и отстранен от власти. Осужден на 12 лет. Освобожден в 1990 г. после провозглашения независимости Узбекистана. [198, 209]
- Усубалиев Турдакун Усубалиевич** (1919) — советский и киргизский государственный деятель. Первый секретарь ЦК Компартии Киргизской ССР (1961–1985). В 1985 г. вышел на пенсию. В 2008 г. был соучредителем политического движения «Единый Кыргызстан». [200]
- Фирдоуси, Абдулкасим** (ок. 940 — 1020 или 1026) — крупнейший персидский поэт, автор эпической поэмы «Шахнаме» («Книга царей»). [54]
- Фонин Михаил Михайлович** (1905–1974) — первый секретарь ЦК КП(б) Туркменистана (1939–1947). [148]
- Фрунзе Михаил Васильевич** (1885–1925) — деятель революционного движения, советский военачальник в годы гражданской войны в России. Командовал в 1919–1920 гг. Восточным фронтом (против белой армии А.В. Колчака), Туркестанским (против басмаческого движения), Южным фронтом (против П.Н. Врангеля). [122–124, 129, 135, 139]
- Хабибулла (Хабибулла-хан)** (1872–1919) — эмир Афганистана из династии Базаркаев, убит в результате заговора. [127, 128, 135]
- Хакимбек Ходжа**, религиозно-политический деятель Восточного Туркестана. Вице-президент Восточно-Туркестанской Республики. Происходил из княжеского уйгурского рода. [167]
- Ханыков Николай Владимирович** (1819–1878) — русский востоковед, историк, этнограф, дипломат, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1852). Автор «Описания Бухарского ханства» (1843), одного из первых научных трудов о Бухарском ханстве. [36]
- Хашеми Рафсанджани, Али Акбар** (1934) — иранский государственный деятель, председатель Исламского консультативного совета Ирана (1980–1989), президент Ирана (1989–1997). [265]
- Хекматиар (Хекматияр), Гульбедин** (по разным источникам — 1944, 1947 или 1948) — афганский полевой командир, лидер Исламской партии Афганистана, пуштун. В 1975 г. возглавил выступление против М. Дауда. Участник афганской войны (1979–1989). В 1995 г. был разбит талибами и эмигрировал в

Иран. В 2002 г. после ввода американских войск в Афганистан заявил о переходе на сторону талибов «до изгнания иностранных интервентов». В 2003 г. объявлен США международным террористом за сотрудничество с «Аль-Каидой». [243]

Химматзода, Мухаммадшариф (1951–2010) — таджикский политический деятель, председатель Партии исламского возрождения Таджикистана. В 1997 г. — член согласительной комиссии Межтаджикских мирных переговоров со стороны Объединенной таджикской оппозиции. [247]

Ходжаев Файзулла Губайдуллаевич (Файзулла Ходжаоглы) (1896–1938) — бухарский, советский и узбекский государственный деятель. С 1913 г. участвовал в антиэмирских выступлениях. Председатель Совета народных назиров (комиссаров) Бухары (1920–1924), председатель СНК Узбекской ССР (1925–1937). В 1925–1937 гг. был одним из председателей ЦИК СССР. В 1937 г. арестован. В марте 1938 г. на Третьем Московском процессе (вместе с Н.И.Бухариным, А.И.Рыковым) обвинен в организации заговора и расстрелян. [136, 143, 196]

Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971) — советский и украинский государственный деятель, уроженец Украины. Первый секретарь ЦК КПСС (1953–1964), председатель Совета министров СССР (1958–1964). В 1956 г. выступил с докладом о злодеяниях культа личности И.В.Сталина на XX съезде КПСС. В октябре 1964 г. отстранен от власти группой своих политических противников в Политбюро и ЦК КПСС. [175, 178, 189, 196, 200, 201, 255]

Худойбердиев (Худойбердыев) Махмуд (1964–2001(?)) — таджикский военный деятель, полевой командир, полковник. Возглавил три антиправительственных мятежа (1996, 1997 и 1998). После национального перемирия 1997 г. вел боевые действия против таджикского правительства в союзе с афганскими моджахедами. Осенью 2001 г. предположительно погиб. [299, 340]

Худоназаров Давлат (Давлатназар) (1944) — оператор, режиссер, политический деятель Таджикистана. В 1990 г. председатель Союза кинематографистов СССР. Активный сторонник прекращения гражданской войны в Таджикистане. После прихода к власти президента Р.Набиева объявлен государственным преступником. В 1993 г. уехал в США. С 1995 г. — в России, сотрудничает с организациями по защите прав беженцев из Таджикистана и Афганистана. В 2002 г. вернулся в политику Таджикистана, став одним из руководителей Союза людей за образование и науку. [246]

Худояр, Сайид Мухаммад Худойар-хан (1829–?) — кокандский хан из династии Минг (правил 1845–1858, 1862–1863, 1865–1875). Сын хана Шир-Али, убитого в 1845 г. Неоднократно свергался с престола мятежными группировками. Наступление русских войск в Средней Азии вынудило Худояра признать Кокандское ханство вассалом России (по договору 1868). Окончательно свергнут в результате Кокандского восстания 1873–1876 гг. Бежал под защиту России. [94, 98, 99]

Цзинь Шужэнь — губернатор Синьцзяна (1928–1933). [153]

Цзо Цзунтан, по прозвищу Цзигао (1812–1885) — китайский военный и политический деятель времен династии Цинь. Отличился при подавлении тайпинского восстания. Участвовал в подавлении мусульманского восстания дунган 1862–1873 гг. В 1875 г. руководил покорением Джунгарии и Йэйтишаара. В 1877 г. занял Кашгарию. Выступал за войну с Россией в целях возвращения

Илийского края. В 1881 г. в Петербурге был подписан договор о возвращении Китаю Илийского края Россией, которому в это время угрожали войска Цзо Цзунтана. [105]

Цэван-Рабдан (1663–1727), джунгарский хан (1697–1727). Вел экспансию в земли Восточного Туркестана, а также в Тибет. [78]

Чагатай (Джагатай) (1185–1242) — монгольский хан, второй сын Чингисхана. Участвовал в большинстве его походов, в том числе в завоевании Китая, Хорезма. Получил Джагатайский (Чагатайский) улус (среднеазиатские области от Алмалыка до Амударьи и Сырдарьи). В монгольском государстве считался лучшим знатоком ясы Чингисхана (свод законов Чингисхана) и монгольского обычного права. [60–63]

Чан Кайши (1887–1975) — военный и политический деятель Китая, лидер партии Гоминьдан. Вел борьбу за объединение Китая. После поражения Гоминьдана в гражданской войне в Китае в 1949 г. возглавил правительство Китайской Республики на Тайване. [153, 154, 156, 157, 161, 164–168]

Черненко Константин Устинович (1911–1985) — советский государственный деятель. Генеральный секретарь ЦК КПСС и председатель Президиума Верховного совета СССР (1984–1985). [193, 208]

Черномырдин Виктор Степанович (1938–2010) — советский и российский государственный деятель, председатель Правительства Российской Федерации (1992–1998), председатель Совета директоров ОАО «Газпром» (1999–2000), посол России на Украине (2001–2009). [136, 137, 232]

Чжан Цзянь (ум. 114/113 до н.э.) — китайский чиновник, полководец, дипломат и путешественник эпохи династии Хань. Его путешествия и посольские миссии привели к установлению регулярных, в том числе дипломатических (до десяти посольств в год), связей с «западным краем» и освоению Великого шелкового пути в Среднюю Азию и Европу. [47]

Чингисхан (Тэмуджин, Темучин) (ок. 1155–1227), полководец и создатель первого объединенного монгольского государства, с 1206 г. — великий хан. В 1218 г. завоевал Восточный Туркестан и Семиречье, в 1219–1221 — Хорезм. [41, 55, 59–65, 69, 71, 73, 77, 192]

Чубин Яков Абрамович (1893–1956) — первый секретарь ЦК КП (б) Туркменистана (1937–1939). [148]

Шариф, Мухаммед Наваз (1949), пакистанский политический деятель, премьер-министр (1990–1993, 1997–1999), лидер одной из фракций Мусульманской лиги Пакистана, в 1999 г. был свергнут военными во главе с генералом Первезом Мушаррафом и годом позже выслан из страны. В 2007 г. вернулся на родину. [265]

Шаханов Мухтар Шаханович (1942) — советский казахский поэт и общественный деятель. В 1992 г. председатель республиканского комитета по проблемам Арала, Балхаша и экологии Казахстана, посол Республики Казахстан в Киргизии (1994–2004). С 2007 г. — председатель не зарегистрированной Демократической партии Казахстана «Халык рухы» («Духовность народа») и республиканского общественного движения «Государственный язык». [214]

Шахиди, Бурхан (1894–1989) — деятель уйгурского движения в Китае, этнический татарин. Заместитель губернатора провинции Синьцзян (1929–1937),

- консул Китая в СССР (1937), член гоминьдановского правительства Республики Китай в Нанкине (1947–1949), член правительства непризнанной Восточно-Туркестанской Республики, с 1949 г. председатель правительства Синьцзяна, член Военно-административного комитета Северо-Запада КНР. Председатель Народного консультативного совета (парламента) СУАР КНР (1951–1954), председатель Исламской ассоциации Китая (1955–1966). Был в заключении в Китае в 1938–1944 и 1966–1976 гг. [182]
- Шахрук** (правил 1710–1721) — вождь (бий) узбекского племени Мингкадар, бек Коканда, основатель независимого Кокандского ханства и правившей в нем династии Минг. [85]
- Шахрух** (1377–1447) — сын и наследник Тимура (Тамерлана), правитель Хорасана (с 1397), государства Тимуридов (с 1409) и Ирака (с 1420). Отец знаменитого правителя-астронома Улутбека. [64]
- Шаяхметов Жумабай Шаяхметович** (1902–1966) — советский и казахский государственный деятель. Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана (1946–1954), председатель Совета национальностей Верховного совета СССР (1950–1954). На февральском (1954) пленуме ЦК Компартии Казахстана снят за несогласие с положениями программы освоения казахстанской целины. [200, 221]
- Шейбан** (1210–1248), внук Чингисхана, сын Джучи, младший брат Батыя. В его улус входили земли от верховьев Урала до низовьев Сырдарьи. Потомок Шейбана — Мухаммед Шейбани — основал узбекскую династию Шейбанидов. [61, 67]
- Шерали (Шир-Али)** (1825–1879) — эмир Афганистана из династии Баракзаев, сын эмира Дост Мухаммеда. Начал войну с Британией, пытаясь распространить свою власть на исторические пуштунские земли, присоединенные к Британской Индии. Потерпел поражение и бежал в 1878 г. в Россию. [88, 103, 104]
- Шерниязов Болотбек Эсентаевич** (1959), киргизский государственный деятель. После «тюльпанной революции» — вице-спикер парламента. С апреля 2010 г. — министр внутренних дел во временном правительстве Киргизии. [336]
- Шохин Александр Николаевич** (1951) — российский государственный деятель. Министр труда и заместитель председателя Правительства РФ (1991–1994), председатель Российского агентства международного сотрудничества и развития (1993–1994), министр экономики РФ (1994), первый заместитель председателя Государственной Думы (1996–1997), председатель фракции «Наш дом — Россия» (сентябрь 1997 — декабрь 1998). С 2004 г. — вице-президент, с 2005 г. — президент Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП). [270]
- Шуджа Уль-Мульк** (ум. 1842) — афганский эмир из династии Садозаев (1803–1809, 1839–1842). Пришел к власти, свергнув с престола своего брата Махмуд-шаха, но в 1809 г. был им низложен сам. Предпринимал неудачные попытки вернуть власть при поддержке британцев, с помощью которых в годы первой британо-афганской войны занимал в 1838–1842 гг. афганский престол. Убит как изменник агентами своих политических противников. [101, 102]
- Шэн Шицай** — китайский генерал, губернатор Синьцзяна (1933–1944). [156–158, 164, 165]

Энвер-паша (1881–1922) — турецкий военный и политический деятель, лидер младотурков, активный участник младотурецкой революции 1908 г. Военный

министр Турции (1914–1918), один из лидеров движения басмачей в Бухаре (1921–1922), убит в бою с частями Красной Армии. [136, 137]

Эрдэнэ, Батур-хунтайджи (Эрдэни-Батур) (правил 1634–1654/1660) — основатель и правитель Джунгарского ханства (ойратское государство в XVII–XVIII вв. на участке территории между озером Балхаш, горами Тянь-Шань и верховьями Иртыша). По инициативе Эрдэни-Батура в 1640 г. был созван всемонгольский съезд, на котором было принято «Степное уложение». В своих владениях сделал государственной религией буддизм. [77]

Юлдашев Абдували (Абдулазиз) Ахмадалиевич (1963–1999(?)) — узбекский полевой командир, действовавший на территориях Таджикистана, Узбекистана и Афганистана. [239]

Юлдашев Тахир Абдухалилович (Тахир Юлдаш, Мухаммад Тахир Фарук) (1968–2009(?)) — лидер экстремистских организаций на территории Узбекистана, Таджикистана и Афганистана, выступающих под исламскими лозунгами. В 1993 г. бежал в Афганистан. В 1999 г. организовал вторжение боевиков через Таджикистан в Баткенскую область Киргизии, после неудачи которого снова бежал в Афганистан. Позднее примкнул к талибам в Пакистане. По информации афганской полиции, убит в результате спецоперации. [239, 291, 298, 301]

Юсупов Усман Юсупович (1901–1966) — советский и узбекский государственный деятель. Секретарь ЦК Компартии Узбекистана (1929–1937), первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана (1937–1950), министр хлопководства СССР (1950–1953), председатель Совета министров Узбекской ССР (1953–1955). [143, 196]

Юсуф (Юсупов), Шодмон (1949) — таджикский политический деятель, основатель (1990–1991) Демократической партии Таджикистана (ДПТ). Один из создателей Объединенной таджикской оппозиции (ОТО). В 1994 г. проиграл выборы на пост председателя ДПТ и эмигрировал в Австрию. [247]

Якуб-бек (Магомет Якуб Бадаулет) (ок. 1820–1877) — кокандский военачальник, основатель и правитель государства Йэttiшаар («Семиградье») в Синьцзяне. Первоначально прибыл из Коканда в Кашгарию для оказания помощи антикитайскому восстанию. Укрепившись там, объявил о создании нового независимого государства, в состав которого входили почти все земли современного Синьцзяна, за исключением Илийского края. В 1877 г. отравлен одной из группировок своих соперников. [91–93, 105]

Ян Цзэсинь — губернатор Синьцзяна (1912–1928). [132]

Ясави, Ходжа Ахмед (Хазрет Султан) (1103–1166) — религиозный деятель, философ, поэт, основатель ордена «ясавия», проповедовал идеи ислама на тюркских языках. [52]

Династии государств Центральной Азии

Правители Бухары

Династия *Мангытов* (эмиры в 1785–1920)

Узбекская династия, основанная выходцами из племенной знати.

Шах Мурад-хан, р. 1749 (правил 1785–1800)

Мир Хайдар-хан, р. 1775, сын предыдущего (1800–1826)

Мир Хусайн-хан, р. 1797, сын предыдущего (1826)

Мир Умар-хан, р. 1810, брат предыдущего (1826–1827)

Мир Насрулла-хан, р. 1806, брат предыдущего (1827–1860)

Мир Музаффар уд-Дин-хан, р. 1824, сын предыдущего (1860–1885)

Сайид Абд ул-Ахад-хан, р. 1859, сын предыдущего (1885–1910)

Сайид Алим-хан, р. 1880, сын предыдущего (1910–1920)

Правители Хорезма и Хивы

Династия *Арабшахидов* (ханы и шахи в 1515–1804)

Ее представители вели родословную от Чингисидов, считая себя потомками Джучи, сына Чингисхана. Этнолингвистически Арабшахиды были тюрко-монголами, говорившими на кыпчакских языках.

Ильбарс-хан, хан Хорезма (1515–1525)

Султан Ходжа-хан (1525–?)

Хусайн Кули-хан

Суфийан-хан

Буджунга-хан

Аванаш-хан

Кахлан-хан

Дост Мухаммад (1546–1558)

Хаджи Мухаммад I (1558–1602)

Араб Мухаммад I (1602–1623)

Исфандийар-хан (1623–1643)

Абулгази Бахадур (1643–1663)

Ануша-хан (1663–1687)

Худайдад-хан (1687–1688)

Шах Нийаз-хан (1688–1702)

Араб Мухаммад II (1702–?)

Хаджи Мухаммад II

Йадгар-хан (1714)

Исим-хан (1714–1715)

Шер Гази-хан (1715–1728)

Ильбарс-хан (1728–1740)

Текир-хан (1740–1742) — наместник Надир-шаха, правителя Ирана, который завоевал Хорезм и казнил Ильбарс-хана.

Абу-л-Гази II Мухаммад-хан (1742–1745)

Гаип-хан (1745–1770)

Абу-л-Гази III (1770–1804)

Династия *Конгратов* (1803–1919)

Поскольку династия Арабшахидов пресеклась в конце XVIII в., в стране развернулась борьба между узбекскими племенами *мангытов* и *конгратов*, каждое из которых стремилось утвердить на ханском престоле своего ставленника. В Хиве с 1770 г. представители конгратов были *инаками* (главами правительства) при ханах из династии Арабшахидов (сходную роль вожди мангытов играли в Бухаре, занимая должность *аталиков*).

Фактически с этого времени Хивой правил один из племенных вождей конгратов Мухаммед Амин и его потомки, хотя на ханский престол официально возводились один за другим еще 11 ханов из разных ветвей потомков Чингисхана. Только в 1804 г. последний представитель *Чингисидов*, хан Абдулгази III, был открыто низложен Ильгузаром — беком из племени конгратов. На троне в Хиве официально утвердилась династия *Конгратов*.

Ильгузар-хан, инак Хорезма (1804), хан Хорезма (1803–1806)

Мухаммад Рахим-хан (1806–1825)

Алла Кули-хан (1825–1842)

Рахим Кули-хан (1842–1845)

Мухаммад Амин-хан (1845–1855)

Абдулла-хан (1855)

Кутлуг Мурад-хан (1855–1856)

Саид Мухаммад-хан (1856–1865)

Саид Мухаммад Рахим (р. в 1845, правил в 1865–1910)

Исфандияр-хан (1910–1918)

Саид Абдалла-хан (1918–02.02.1920) (малолетний сын предыдущего, был формально провозглашен ханом, но фактически власть в Хиве перешла к военачальнику *Джунaid-хану*)

Правители Коканда

Династия *Минг* (бии и ханы в 1710–1876)¹

Шахрух-бий, суверенный бек Коканда (1710–1721)

Рахим-бий, сын предыдущего (1721–1740)

¹ По периоду до 1789 г. информация может быть неточной.

Абдал-Рахим-бий, брат (1740—1760)
Нарбута-бий (1769—1789)
Алим-бий, хан Коканда (1789—1810)
Умар-хан (1810—1822)
Мухаммад Али (Мадали-хан) (1822—1842)
Шир Али-хан (1842—1845)
Мурад-хан (7 дней в 1845 г.)
Худойар-хан (1845—1858, 1862—1863, 1865—1875)
Насир уд-Дин-хан (1875—1876)

Теократические правители (ходжи) в Восточном Туркестане

Династия *Актаглик* (Апакии, «белогорские», «белотюбетейные»)
Мухаммад-Амин (Ишан-Калан, Ходжа Калан или Ходжа-йи Дихбиди) [1597] — сын Махдум-и Азама
Мухаммад Юсуф (ум. 1653)
Хидайат Аллах (Ходжа Апак, или Афак) [ум. 1694] — по нему всех потомков этой династии стали именовать «Афакии» или «Апакии»
Яхья Ходжа (ум. 1696)
Хасан Бугра Хан (ум. 1725)
Ахмад
Килих Бурхан-ад Дин («Великий Ходжа», ум. 1759)
Ходжа Джахан Яхья («Малый Ходжа», ум. 1779)

Династия *Каратаглик* (Исхакии, «черногорские», «чернотюбетейные»)
Ходжа Мухаммед-Исхак Вали (ум. 1605) — основатель черногорской линии ходжей, дал имя династии — Исхаки или Исхакии
Ходжа Шади (ум. 1655)
Абдаллах, известный как Ходжам-Падшах (ум. 1684)
Даниял-ходжа (ум. 1736)
Юсуф-ходжа (ум. 1755)
Якуб-ходжа (ум. 1755)

Сведения об авторах

Богатуров Алексей Демосфенович — 1954 г.р., окончил МГИМО МИД СССР в 1976 г., доктор политических наук («Конфронтация и стабильность в отношениях США с СССР и Россией в Восточной Азии после второй мировой войны. 1945–1995», Институт США и Канады РАН, 1996), профессор (1999).

В 1976–1977 гг. — старший лаборант МГИМО МИД СССР, в 1977–1988 гг. — стажер, младший, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР, в 1988–1996 гг. — старший научный сотрудник, зав. сектором, зав. отделом Института США и Канады РАН, в 1996–1999 гг. — профессор МГИМО МИД России, в 1999–2003 гг. — главный научный сотрудник, зам. директора Института США и Канады РАН, в 2003–2004 гг. — главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, с 2004 г. — зам. директора Института проблем международной безопасности РАН, в 2006–2007 гг. — декан Факультета политологии, с 2007 г. — проректор, первый проректор МГИМО МИД России.

С 2000 г. — директор Научно-образовательного форума по международным отношениям, с 2003 г. — главный редактор журнала «Международные процессы».

Заслуженный деятель науки Российской Федерации (2009), лауреат Премии Российской Академии наук им. академика Е.В. Тарле (2006).

Преподавал и вел научную работу в Принстонском, Колумбийском университетах и Институте Брукингса (США).

Автор 200 работ общим объемом более 250 п.л.

Дундич Алексей Сергеевич — 1981 г.р., окончил бакалавриат и магистратуру (2004)

Барнаульского государственного педагогического университета и магистратуру Академии ОБСЕ в Бишкеке (2005). В 2006 — 2009 гг. — аспирант МГИМО МИД России и стипендиат Международной программы стипендий Фонда Форда, стажер Школы углубленных международных исследований (SAIS) Университета Джонса Хопкинса в Вашингтоне (2007–2008), с 2009 г. — сотрудник МГИМО МИД России.

Автор 15 работ общим объемом ок. 9 п.л.

Коргун Виктор Григорьевич — 1940 г.р., окончил Институт восточных языков при

МГУ им. М.В.Ломоносова в 1969 г., доктор исторических наук («Формирование и эволюция политической системы современного Афганистана. 1919–1999», Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В.Ломоносова, 2000). С 1971 г. — младший, старший, ведущий научный сотрудник, зав. сектором Института востоковедения РАН. В 1990 и 1993 гг. преподавал в Университете Небраска (США).

Автор 70 работ объемом около 80 п.л.

Тимофеев Олег Анатольевич — 1966 г.р., окончил Дальневосточный государственный университет в 1988 г., кандидат исторических наук («Российско-китайские отношения на Амуре в 1958–1916 гг.», Институт истории, археологии

и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2002). В 1991–2005 гг. — ассистент, старший преподаватель, доцент Благовещенского государственного педагогического университета, с 2006 г. — доцент и старший научный сотрудник Центра геополитических исследований Амурского государственного университета.

Автор 45 работ общим объемом около 75 п.л.

Троицкий Евгений Флорентьевич — 1979 г.р., окончил Томский государственный университет в 2000 г., кандидат исторических наук («Политика США в Центральной Азии (1992–2000 гг.)», ТГУ, 2004). В 2000–2002 гг. — преподаватель английского языка, в 2002–2004 гг. — помощник заместителя директора международной неправительственной организации «Проект “Гражданское образование”», с 2003 г. — ассистент, доцент Кафедры мировой политики ТГУ. С 2004 г. — координатор Межрегионального института общественных наук ТГУ. В 2008–2009 гг. — стипендиат Программы Фулбрайта (Институт Центральной Азии и Кавказа Университета Джонса Хопкинса, Вашингтон).

Автор более 20 работ общим объемом около 30 п.л.

Хрусталева Марк Арсеньевич (1930–2010) — окончил Московский Институт востоковедения в 1953 г., доктор политических наук («Системное моделирование международных отношений», МГИМО МИД России, 1992), в 1953–1962 гг. — сотрудник КГБ СССР, в 1962–2010 гг. — доцент, директор Центра международных исследований, профессор МГИМО МИД СССР/России.

Автор 70 работ общим объемом более 130 п.л.

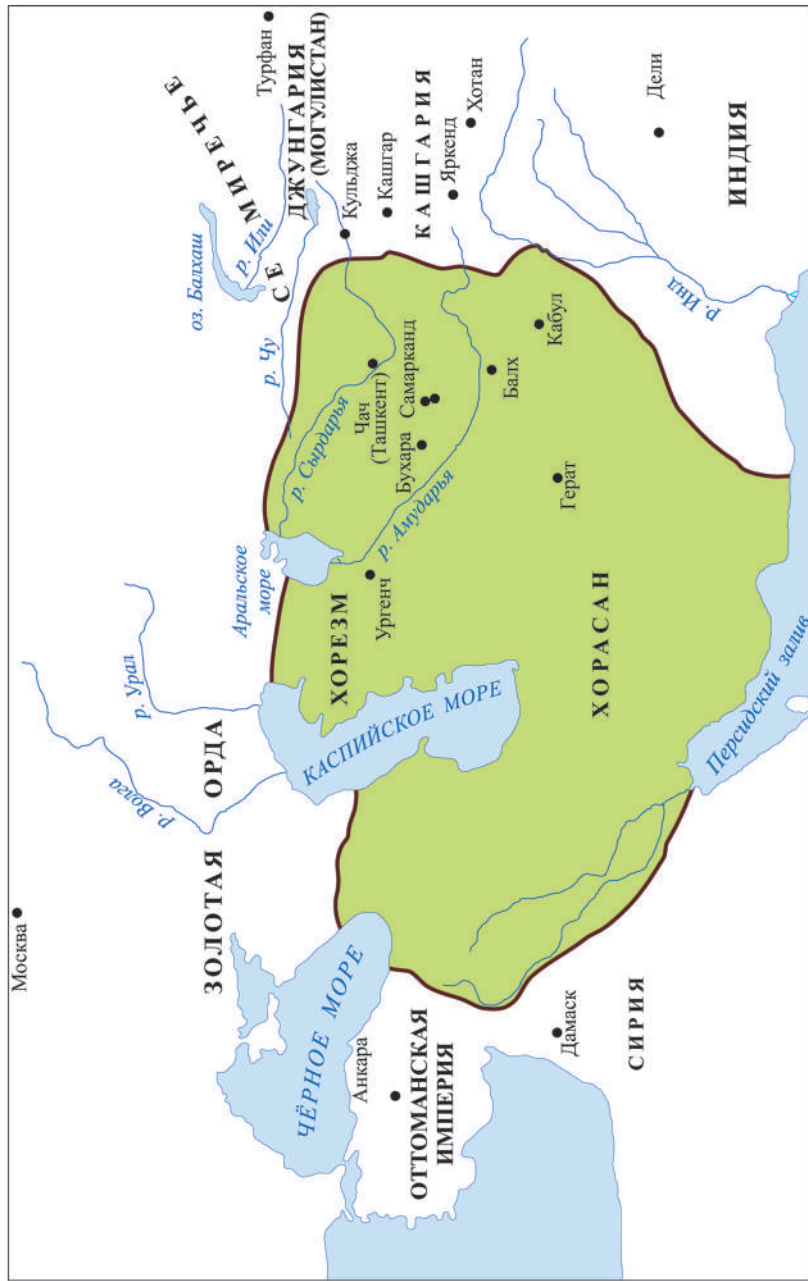
Учебное издание

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
События и документы**

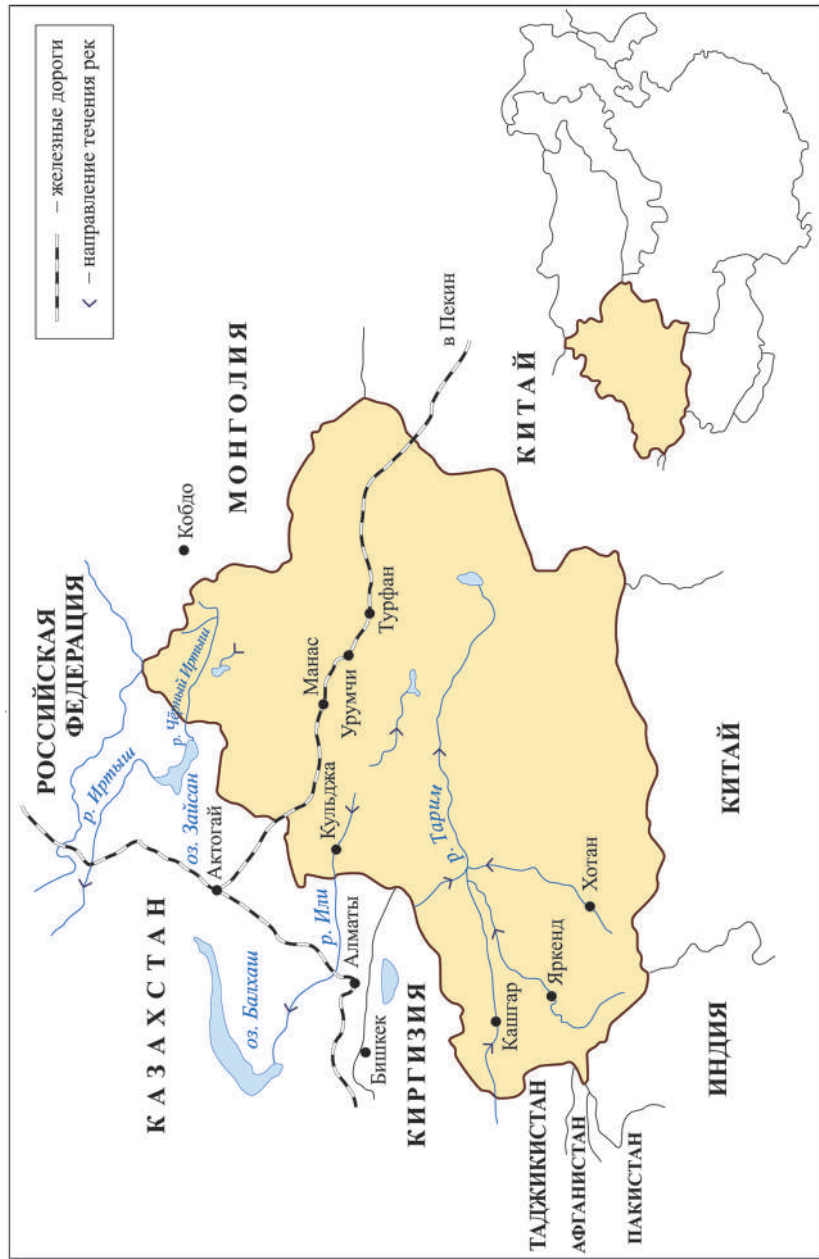
Подписано к печати 14.08.2014. Формат 60×90^{1/16}.
Усл.-печ. л. 35,0+0,5 вкл. Тираж 800 экз. Заказ №

ЗАО Издательство «Аспект Пресс». 111141 Москва, Зеленый проспект, д. 8.
e-mail: info@aspectpress.ru www.aspectpress.ru
Тел. (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru
8(495)988-63-76, т/ф. 8(496)726-54-10

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ЭПОХУ ТИМУРИДОВ

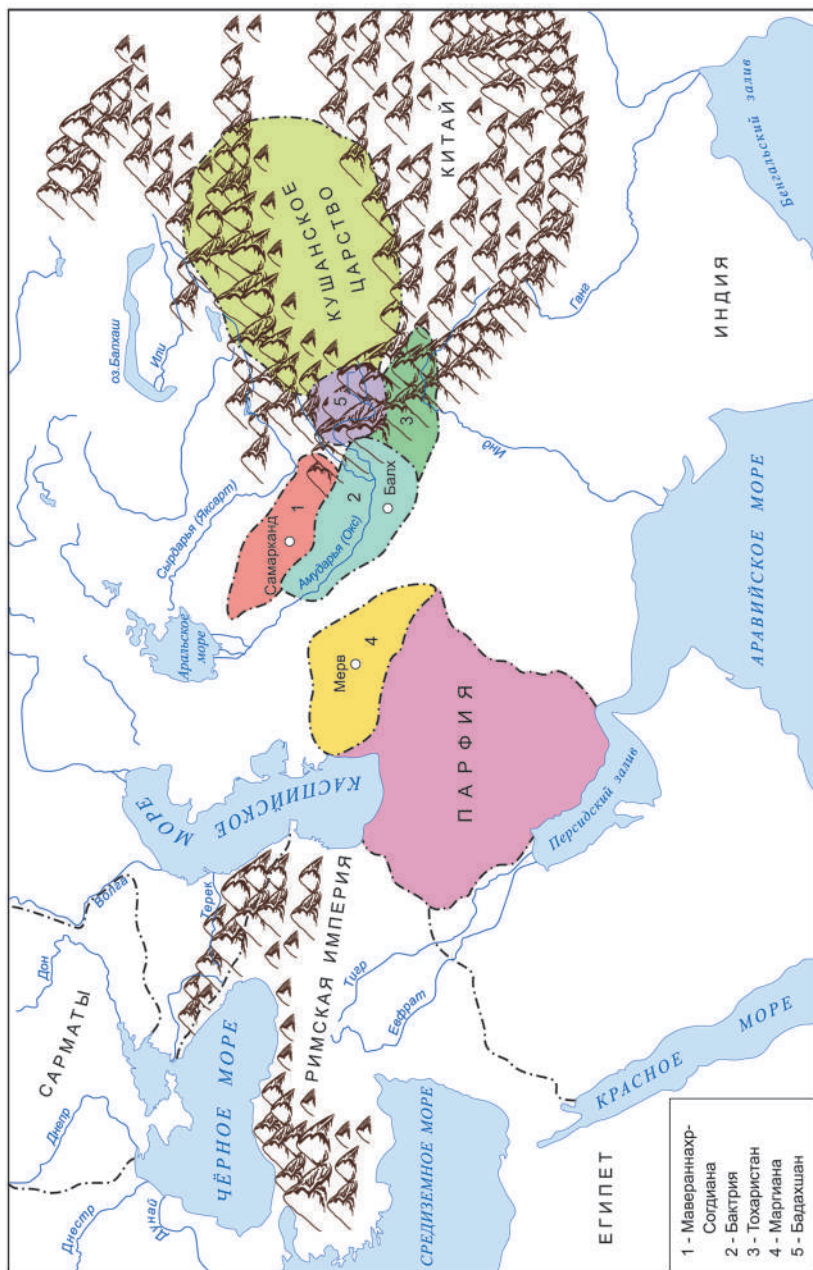
СИЦЬЗЯНСКИЕ ОАЗИСЫ

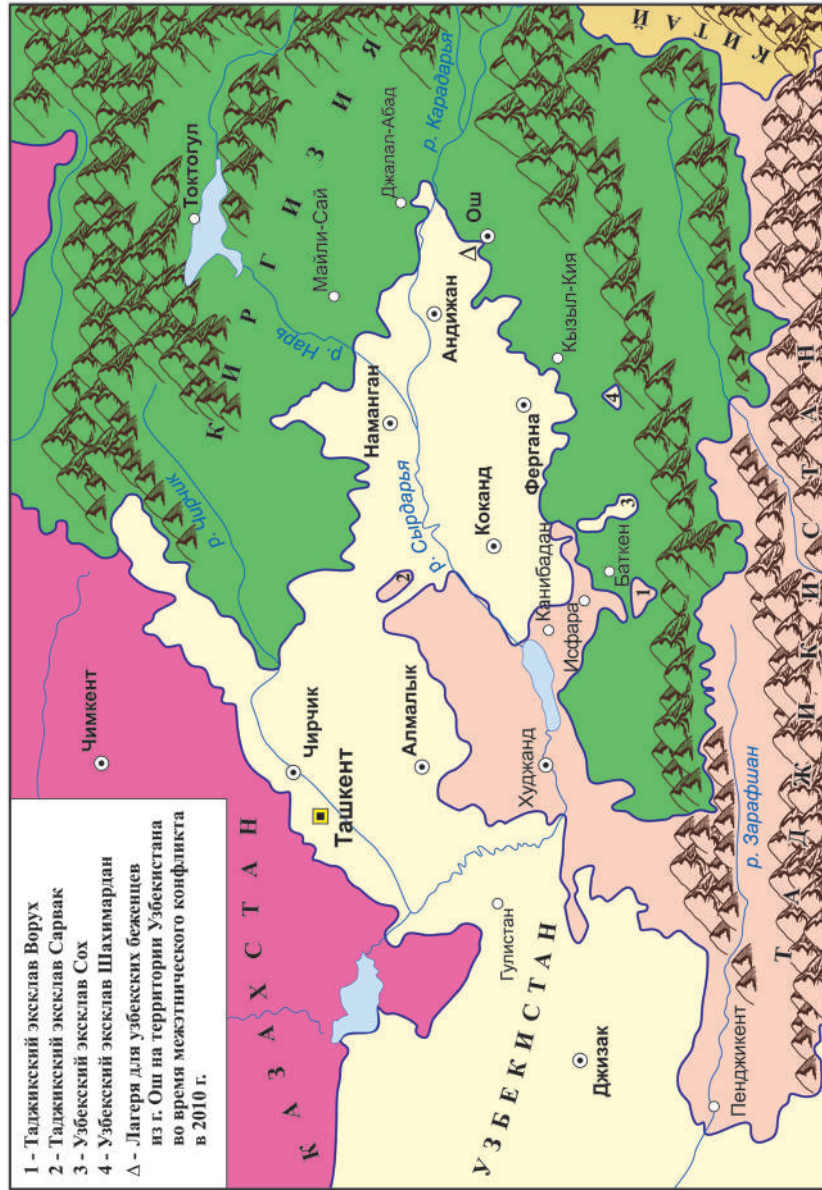
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

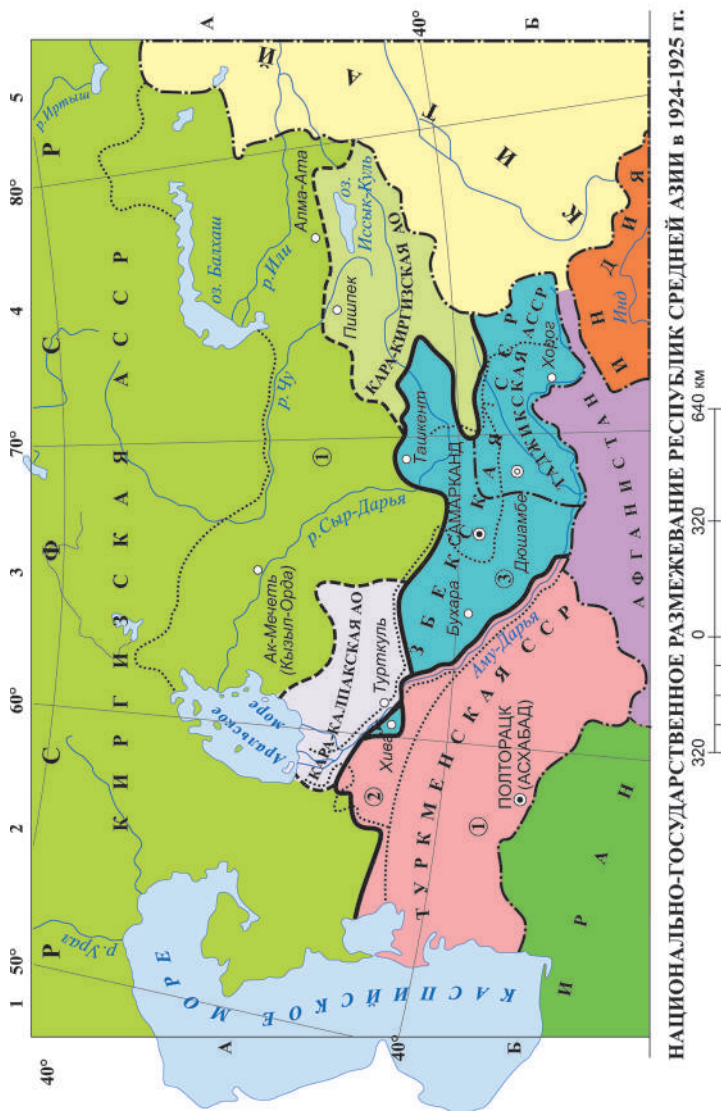

в 1990–2000-е годы

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ДРЕВНОСТИ

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ РЕСПУБЛИК СРЕДНЕЙ АЗИИ в 1924-1925 гг.

- Границы республик до размежевания

① Туркменская АССР

② Хорезмская Советская Социалистическая Республика

③ Бухарская Советская Социалистическая Республика

Границы после размежевания

— союзных республик

- - - автономных республик

--- автономных областей